

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I

И

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

ПРОФЕССОРА

В. К. Надлера.

Томъ II.

Издание книгопродавца Н. Киммеля
въ Ригѣ.

—
1886.

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I.

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I

И

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

ПРОФЕССОРА

В. К. Надлера.

Томъ II.

Издание книгопродавца Н. Киммеля

въ Р и г ѣ.

—
1886.

Дозволено цензурою. Київ, Феврала 23 дня 1886 г.

Харьковъ. Типографія Окружнаго Штаба.

съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ

НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

всеподданнѣйше

ПОСВЯЩАЕТЪ

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I стр. 1—63.

Какъ отразилось паденіе Москвы на народъ рускомъ.—Неправдоподобная сказка.—Сонъ красной дѣвицы.—Пензенскіе ревнители Наполеона.—Масса населенія не падаетъ духомъ.—Московскіе бѣглецы и ихъ рассказы.—Наполеонъ вдыхаетъ въ русскихъ людей новый, несвойственный имъ духъ.—М-ше Сталь и русскіе патріоты.—Религіозно-народное одушевленіе.—Переписка двухъ Харьковскихъ патріотовъ.—Какъ получались московскія вѣсти въ Харьковъ.—Дороговизна и паника.—Учитель гимназій и его патріотическія надежды.—Народъ боится мира.—Партія мира въ Петербургѣ.—Московская катастрофа и императоръ Александръ.—Волконскій ѣдетъ въ Армію съ письмомъ государя къ Кутузову.—Полковникъ Мишо на пути въ С.-Петербургъ съ донесеніемъ Кутузова.—Разговоръ государя съ Мишо.—Чего боялась русская армія? Александръ даетъ обѣтъ не заключать мира.—Кутузовъ объ оставленіи Москвы.—Неудачный доносъ Беннингсена.—Комитетъ министровъ обсуждаетъ дѣйствія Кутузова.—Александръ и вопросъ о мирѣ.—Французская партія и дворъ.—Партія войны.—Шишковъ, Кочубей, Штейнъ.—Штейнъ и паденіе Москвы.—Вліяніе Штейна на государя.—Штейнъ о Россіи.—Не пора-ли возвратиться въ Москву?—Шишковъ о поврежденіи нравовъ нашихъ вслѣдствіе подражанія французамъ.—Александръ признаетъ себя виновнымъ въ французо-маніи.—Поляки принимаютъ свои мѣры на всякій случай.—Петербургское настроеніе.—Успокоительное объявленіе.—Празднованіе коронаціи и ошибка Александра.—Государь сближается съ народомъ.—Манифестъ о занятіи Москвы непріателемъ.—Когда и какъ должна окончиться борьба?—Штейнъ о средѣ, окружающей Александра.—Сомнѣнія и колебанія.

Глава II стр. 64—97.

Русская армія передвигается съ Рязанской на Тульскую дорогу.—Непріятель бездѣйствуетъ.—Кутузовъ рѣшается перейти на старую Калужскую дорогу.—Французы, понукаемые самимъ Наполеономъ, начинаютъ шевелиться.—Военный совѣтъ въ Красной Пахрѣ.—Беннингсенъ тре-

буетъ сраженія; Толь предлагаетъ занять позицію подъ Тарутиномъ.— Армія располагается на Мочѣ.—Бенингсенъ въ роли главнокомандующаго.—„Эти дьяволы, французы имѣютъ всегда на своей сторонѣ преимущества мѣстности“.—Лагерь при Тарутинѣ.—Французы на развалинахъ Москвы.—Наполеонъ въ ловушкѣ.—Русскіе разбрасываютъ сѣти вокругъ Москвы.—Дѣйствія нашихъ партизановъ.—Капитанъ Фигнеръ готовится къ смерти.—Настроение и планы Наполеона.—Политическія фантазіи и стратегическіе проекты.—Наполеонъ бесѣдуетъ съ начальникомъ Московскаго воспитательнаго дома.—Гибельный шаръ и злодѣйства Раstopчина.—Отставной капитанъ русской гвардіи передъ лицомъ Наполеона.—Кто сжегъ Москву?—Наполеону нечего дѣлать въ Россіи.—Миссія Яковлева.—Письмо Наполеона къ императору Александру.—Колликуръ и Лористонъ.

Глава III стр. 98—117.

Русскіе томятся бездѣйствіемъ.—Англійскій генералъ Вильсонъ бьетъ тревогу.—Воображаемая измѣна Кутузова.—Старый фельдмаршалъ даетъ урокъ надменному сыну Альбіона.—Пріѣздъ Лористона.—Свиданіе въ крестьянской избѣ.—„Добраго вечера, генералъ Вильсонъ“.—Таинственный разговоръ.—Кутузовъ не желаетъ навлечь на себя проклятія потомства.—Толь предсказываетъ грядущія событія.—Жизнь въ Тарутинѣ.—Тайная канцелярія генеральнаго штаба.—Сцены и бесѣды на аванпостяхъ.—Бенингсенъ и Муратъ.—Корфъ и Амандъ.—Милорадовичъ и Муратъ.—Новый способъ веденія войны.—Намекъ на Испанію.

Глава IV стр. 118—138.

Александръ возмущенъ бездѣйствіемъ Кутузова.—Онъ пишетъ фельдмаршалу.—Барклай покидаетъ армію.—Глубокій мракъ окутываетъ императора.—Императоръ ищетъ утѣшенія и опоры въ религіи.—Дядьки и воспитатели Александра.—Виѣшняя набожность.—Философскій богъ.—Александръ чувствуетъ потребность молиться.—Князь А. Н. Голицынъ строитъ себѣ новый домъ въ Петербургѣ.—Разговоръ государя съ Голицыннымъ.—90 псаломъ царя Давида.—Новый міръ открывается передъ Александромъ.—Опять 90 псаломъ! Гдѣ достать Библію?—Александръ углубляется въ священную книгу.—Шишковъ и библейскія пророчества: „Вторженіе Наполеона въ Россію; Іерусалимъ—Москва; царь возопіетъ къ престолу Предвѣчнаго; вдохновенный свыше, онъ призываетъ народъ свой къ борьбѣ съ врагомъ“.—Александръ въ борьбѣ съ силами ада.—Небывалое предложеніе и письмо къ Кутузову.

Глава V стр. 139—197.

Исповѣдь Александра.—Пожаръ Москвы и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ.—Смотръ въ Кремлѣ и гулъ палубы подъ Тарутиномъ.—„Ба! Русскіе не атакуютъ насъ!“—Сраженіе при Тарутинѣ.—Неудавшійся планъ и досада нашихъ стратеговъ.—Гибель Кутузова и маскарадная фигура.—Доносы Бенингсена.—Послѣдствія Тарутинскаго боя.—Наполеонъ рѣшается оставить Москву.—„Пойдемъ на Калугу!“—Выступленіе францу-

III

зовъ изъ Москвы.—Безпримѣрная картины.—Наполеонъ не въ силахъ совладать съ безпорядкомъ.—Война возмездія.—Маршалъ Мортъе работаетъ въ Кремль.—25-й бюллетень.—Винцингероде попадаетъ въ ловушку.—Страшный моментъ...—Штейнъ даетъ урокъ русской императрицѣ.—Тяжелыя предчувствія въ рядахъ великой арміи.—Сложныя стратегическія комбинаціи Наполеона.—Онъ надѣется обойти Кутузова.—Россія спасена.—Дельзонъ занимаетъ Малоярославецъ.—Наполеонъ прислушивается къ грому битвы.—Положеніе Малоярославца.—Ошибки французовъ и русскихъ.—Ожесточенный бой въ улицахъ города.—Наполеонъ посѣщаетъ поле сраженія.—Рекогносцировка Бессьера.—Наполеонъ погружается въ раздумье надъ картою Россіи.—Еще разъ военный совѣтъ.—Наполеонъ чуть-чуть не попадаетъ въ руки казаковъ.—Мюратъ и Даву.—Тяжелая борьба и роковое рѣшеніе.—Взглядъ Кутузова на положеніе дѣлъ.—Онъ рѣшается отойти къ Калугѣ.—Объясненіе съ Вильсономъ.

Глава VI стр. 198—242.

Новыя иллюзіи Наполеона.—Морозъ начинаетъ играть свою легендарную роль.—Великая армія вступаетъ въ пустыню.—Начало бѣдствій.—Варварскіе приказы Наполеона и ихъ послѣдствія.—Пожары, пристрѣливаніе плѣнныхъ.—Великая нація всегда права.—Поле смерти.—Ужасы въ Колоцкомъ монастырѣ.—Первая угроза зимы.—Движеніе русской арміи.—Наполеонъ достигаетъ Вязьмы.—Русскіе настигаютъ французовъ.—Сраженіе подъ Вязмою.—Наполеонъ думаетъ устроить засаду преслѣдователямъ.—Планъ русскаго преслѣдованія.—Первый сибѣгъ.—Голодъ и холодъ.—Упадокъ дисциплины.—Къ чему оставаться далѣе въ рядахъ.—Мародеры и народная война.—Заживо погребеніе.—Надежда на Смоленскъ.—Ней принимаетъ начальство надъ аррьергардомъ.—Французы бросаютъ въ озеро часть Московской добычи.—Вѣсти изъ Парижа.—„А Наполеонъ II, о немъ значить и не подумали!“—Участь вице-короля.—Катастрофа на берегахъ Воны.

Глава VII. стр. 243—275.

Смоленскъ и разбитыя надежды.—Нельзя терять ни одного дня.—Неисполнимыя приказы Наполеона.—Разгромъ магазиновъ.—Ужасы голода.—Наполеонъ обманываетъ своихъ генераловъ на счетъ дѣйствительнаго положенія великой арміи.—Перстъ Божій коснулся гордыни великаго завоевателя.—Выступленіе великой арміи изъ Смоленска.—Встрѣча подъ Краснымъ.—Наполеонъ проходитъ мимо русскихъ войскъ.—Первое столкновеніе.—Вице-король соединяется съ Наполеономъ.—Тактика Кутузова.—Прерванное сраженіе.—„О, моя звѣзда“.—Трофей и добыча русскихъ.—Неожиданная встрѣча.—Пораженіе маршала Нея.—Его отчаянное положеніе и переправа черезъ Днѣпръ.—Результаты сраженій подъ Краснымъ.—Наполеонъ и гренадеры старой гвардіи.—Наполеонъ въ Оршѣ.—Трагедія приближается къ развязкѣ.

Глава VIII стр. 276—329.

Кабинетная стратегія и петербургскіе планы.—Задачи, возложенныя на Витгенштейна и Чичагова.—Первыя неудачи.—Кутузовъ даетъ от-

дыхъ своей арміи. — Витгенштейнъ ограничиваетъ предѣлы своей задачи. — Адмиралъ Чичаговъ, его эксцентричности, выходки. — Чѣмъ объяснить его вліяніе на Александра? — Чичаговъ на Дунаѣ. — Онъ мечтаетъ о разрѣшеніи восточнаго вопроса. — Чичаговъ и польскіе планы Александра. — Надменность и самолюбіе адмирала. — Онъ считаетъ себя великимъ полководцемъ. — Первые дѣйствія адмирала. — Взятіе Минска. — Французская гуманность и польское легкомысліе. — Чичаговъ задается мыслью поймать Наполеона. — Примѣты „сего человѣка“. — Взятіе Борисова. — Странныя распоряженія адмирала. — Наполеонъ приближается къ Березинѣ. — Страшная встрѣча. — Пораженіе Палена и прерванный обѣдъ Чичагова. — Рѣка Березина. — Французы готовятся къ переправѣ. — Чичаговъ совершенно обманутъ ложными приготовленіями непріятеля къ переправѣ. — Наполеонъ и его понтонеры. — Сооруженіе мостовъ. — Сцена у Студянки. — Пораженіе Чаплица. — Отчаянный бой на лѣвомъ берегу рѣки. — Дивизія Партуно принуждена положить оружіе. — Страшная участь безоружныхъ. — Истребленіе мостовъ. — Потери великой арміи. — Неудача нашихъ плановъ. — „Не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу“.

Глава IX стр. 330—384.

Дальнѣйшій планъ преслѣдованія. — Французы на Зембинской плотинѣ. — Наступленіе великихъ морозовъ. — Истребленіе французскаго аррьергарда. — Наполеонъ рѣшается оставить армію. — Бюллетени великой арміи и 29-й бюллетень. — Здоровье его Величества находится въ наилучшемъ состояніи. — Рѣчь Наполеона маршаламъ. — Императоръ передаетъ команду Мюрату. — Происшествіе въ Ошмянахъ. — Наполеонъ бесѣдуетъ съ своимъ министромъ и отдаетъ новыя приказанія Мюрату. — Наполеонъ въ Вильнѣ и Варшавѣ. — Его рѣчь польскимъ министрамъ. — Впечатлѣніе, произведенное на армію бѣгствомъ Наполеона. — Разсужденіе польскаго унтеръ-офицера. — Письмо маршала Виктора. — Страшныя послѣдствія холода. — Незабвенный бивуакъ. — Заборъ изъ мертвецовъ. — Смятеніе и давка у воротъ Вильны. — Неожиданный сюрпризъ для Виленцевъ. — Остатки великой арміи гибнутъ среди изобилія. — Паника Мюрата. — Катастрофа на Поварской горѣ. — Послѣдняя часть московской добычи. — Свиданіе Кутузова съ Чичаговымъ. — Бѣгство французовъ отъ Вильны до Ковно. — Совѣщаніе маршаловъ и хлопоты солдатъ. — Героизмъ Нея. — Нѣманскій мостъ. — Послѣдняя встрѣча съ казаками. — „Я аррьергардъ великой арміи!“ — Французы въ Кенигсбергѣ. — Потери великой арміи. — Истинныя причины катастрофы. — Наполеонъ ошибается и въ характерѣ Александра и въ характерѣ народа русскаго. — Провидѣніе спасаетъ Россію вопреки всѣмъ ошибкамъ нашихъ стратеговъ и безумію общественнаго мнѣнія.

ГЛАВА I.

Какъ отразилось паденіе Москвы на народъ рускомъ.—Неправдоподобная сказка.—Сонъ красной дѣвицы.—Пензенскіе ревнители Наполеона.—Масса населенія не падаетъ духомъ.—Московскіе бѣглецы и ихъ разсказы.—Наполеонъ вдыхаетъ въ русскихъ людей новый, несвойственный имъ духъ.—М-те Сталь и русскіе патріоты.—Религіозно-народное одушевленіе.—Переписка двухъ Харьковскихъ патріотовъ.—Какъ получались московскія вѣсти въ Харьковъ.—Дороговизна и паника.—Учитель гимназій и его патріотическія надежды.—Народъ боится мира.—Партія мира въ Петербургѣ.—Московская катастрофа и императоръ Александръ.—Волконскій ѣдетъ въ армію съ письмомъ государя къ Кутузову.—Полковникъ Мишо на пути въ С.-Петербургъ съ донесеніемъ Кутузова.—Разговоръ государя съ Мишо.—Чего боялась русская армія? Александръ даетъ обѣтъ не заключать мира.—Кутузовъ объ оставленіи Москвы.—Неудачный доносъ Беннингсена.—Комитетъ министровъ обсуждаетъ дѣйствія Кутузова.—Александръ и вопросъ о мирѣ.—Французская партія и дворъ.—Партія войны.—Шишковъ, Кочубей, Штейнъ.—Штейнъ и паденіе Москвы.—Вліяніе Штейна на государя.—Штейнъ о Россіи.—Не пора-ли возвратиться въ Москву?—Шишковъ о поврежденіи нравовъ нашихъ вслѣдствіе подражанія французамъ.—Александръ признаетъ себя виновнымъ въ французо-маніи.—Поляки принимаютъ свои жѣры на всякій случай.—Петербургское настроеніе.—Успокоительное объявленіе.—Празднованіе коронаціи и ошибка Александра.—Государь сближается съ народомъ.—Манифестъ о занятіи Москвы непріателемъ.—Когда и какъ должна окончиться борьба?—Штейнъ о средѣ, окружающей Александра.—Сомнѣнія и колебанія.

Прошло до 1812 года ровно 200 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ иновѣрные и иноплеменные полчища занимали самое сердце Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ ляхи хозяйничали въ Москвѣ и ругались надъ православною святынею. И послѣ этого страшнаго времени отечество наше переживало не разъ тяжелые кризисы, но всѣ послѣдующія войны, какъ тяжелы ни были сами по себѣ, происходили на далекихъ окраинахъ государства, и хотя отзывались самымъ тяжелымъ образомъ на эко-

номическомъ благосостояніи народа, но никогда не грозили самому существованію отечества, никогда не затрогивали народной души въ самой сокровенной ея глубинѣ. Теперь, въ 1812 году, случилось нѣчто небывалое и неслыханное, нѣчто такое, отъ чего давно уже отвыкло, о чемъ давно уже позабыло русское общество. Страшныя полчища иноземнаго завоевателя нахлынули на имперію совершенно внезапно, подобно дикимъ ордамъ Батыя и Тохтамыша. Нашествіе не было вызвано внутреннею брамою или частною измѣною, какъ во времена Петра, или въ эпоху Смутную; оно надвинулось на имперію во время высокаго ея процвѣтанія и плотнаго единства; оно встрѣчено было единодушнымъ отпоромъ государства и народа. Наши арміи оспаривали у непріятеля каждый шагъ земли, наше населеніе съ радостью приносило свое послѣднее достояніе на алтарь отечества; жители городовъ и селеній уходили вслѣдъ за арміями, истребляя огнемъ свои жилища, увозя съ собою лишь жалкіе остатки своего имущества. И что-же? Всѣ геройскія усилія, всѣ благородные порывы самопожертвованія оказывались безплодными предъ небывалою бѣдою. Гроза надвигалась все ближе и ближе. Преодолывая всѣ преграды, нашествіе проникало все дальше и дальше въ глубину Россіи. Потерянъ былъ весь западный край, еще такъ недавно возвращенный Россіи такими потоками крови, пала послѣ геройской обороны твердыня Смоленская ¹⁾, совершилась страшная Бородинская бойня и вѣсть о побѣдѣ оживила на одно мгновеніе всѣ русскія сердца. Но то былъ послѣдній обманчивый лучъ надежды! Сила нашествія еще не была истощена, испытанія русскаго народа еще далеко не окончены. Непріятель стремился прямо къ

¹⁾ Смоленску русскіе патриоты приписывали громадное значеніе. „Этотъ оплотъ былъ упованіе наше, говоритъ современникъ: мы въ немъ для Наполеона видѣли столпы Гerkулеса, за которые сила его не прорвется“. Потеря этой твердыни произвела потрясающее впечатлѣніе. „Бѣда! передаетъ Вигелю его знакомый: пришло ужасное извѣстіе, была большая рѣзня, въ самый день Преображенія французы штурмомъ взяли Смоленскъ. Какъ одурѣлый побрелъ я домой и не зашелъ къ матери, чтобы не испугать ее отчаяннымъ видомъ своимъ“. См. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть четвертая, стр. 44.

Москвѣ. Какая-нибудь сотня верстъ отдѣляла его отъ древней столицы Россіи. Но между нимъ и Москвою стояла еще неистребленная и непобѣжденная русская армія, а всѣ жители столицы готовы были встрѣтить, по словамъ своего главнокомандующаго, врага съ оружіемъ въ рукахъ. Что станетъ, однако-же, съ Москвою? Какая участь ждетъ ее—этотъ вопросъ волновалъ умы нашихъ соотечественниковъ ¹⁾. „Мы, говоритъ одинъ изъ современниковъ, хотѣли вѣрить ея спасенію и не могли. Бури шла прямо на нее. Сколько разъ уже потоки литовскихъ, польскихъ и татарскихъ полчищъ истребляли ее! Нашему воображенію представлялась она вѣнчанною мученицею, съ христіанскимъ терпѣніемъ, спокойно ожидающею неизбѣжной казни. О, какъ прекрасна и величественна была тогда она въ глазахъ нашихъ, сія родная Москва, наша древность, наша святыня, колыбель могущества нашего! Нѣтъ, развѣ только дѣти въ послѣднія минуты жизни обожаемой матери могутъ такъ трепетать, видя приближеніе конца ея“ ²⁾.

Настали первые дни сентября мѣсяца и вдругъ прекратились всѣ вѣсти изъ арміи и изъ Москвы. Послѣдніе путешественники, прибывшіе изъ Москвы, рассказывали, что наша армія готовится къ послѣднему отчаянному бою на Поклонной горѣ, что непріятель стоитъ уже почти въ виду ея. Но воспослѣдоваль-ли этотъ послѣдній бой и чѣмъ онъ окончился? Прошло нѣсколько дней въ томительной неизвѣстности; всѣ сердца переполнены были ожиданіемъ чего-то страшнаго, небывало-ужаснаго. Сообщенія съ столицею прекратились, почта не приходила нѣсколько дней сряду, не появлялось ни одной правительственной реляціи; только одни смутные слухи ходили по городамъ и селамъ, сбивая окончатель-

¹⁾ Когда, въ эти незабвенные дни, неподалеку отъ Пензы во время освященія храма заплѣли тропарь Владимірской иконѣ Божіей матери: „Днесь свѣтло красуется славнѣйшій градъ Москва, яко зарю солнечную воспріемши чудотворную твою икону... Молись воплощенному Христу Богу нашему, да избавитъ градъ сей“,—то весь народъ, находившійся при этомъ, зарыдалъ въ одинъ голосъ. См. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть четвертая, стр. 46.

²⁾ См. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть четвертая, стр. 45.

но всѣхъ съ толку, то возбуждая обманчивыя надежды, то наводя еще болѣйшій страхъ и смущеніе. Но вотъ эти слухи начали принимать все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Начали поговаривать о неизбѣжной потерѣ Москвы, шепотомъ передавали другъ другу страшную вѣсть, что наша армія оставила безъ боя древнюю столицу. Еще моментъ, и грозная потрясающая вѣсть поразила, какъ громомъ, населеніе. Не было болѣе мѣста для сомнѣнія, исчезла послѣдняя надежда: матушка Москва была уже въ рукахъ непріятеля, огонь и грабежъ свирѣпствовали уже въ ея стѣнахъ.

Какъ-же отразилось это событіе на нашемъ народѣ? Подавило-ли окончательно его нравственныя силы, или-же подняло оно ихъ выше обычнаго человѣческаго уровня? Многочисленныя свидѣтельства современниковъ, русскихъ и иностранныхъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ этого вопроса. Первое впечатлѣніе было, само собою понятно, впечатлѣніе ужаса и изумленія. „Не помню, что было со мною въ слѣдующіе дни, говоритъ одинъ современникъ, только, кажется, безъ заботъ комитета я-бы сошелъ съ ума“ ¹⁾. „Вѣсть о взятіи и пожарѣ Москвы, говоритъ другой свидѣтель, грянула, какъ громъ. Хорошо было Пушкину, лѣтъ двѣнадцать позднѣе, воскликнуть съ энтузіазмомъ поэта: „пылай, великая Москва!“ но когда она пылала, общее чувство было, сколько я знаю, далеко не восторженное. Всѣми овладѣло какое-то странное изумленіе. Все, что сбывалось, носило характеръ неправдоподобной сказки; дѣйствительный міръ становился фантастическимъ, границы возможности исчезали“ ²⁾.

Таково было первое впечатлѣніе въ высшихъ образованныхъ слояхъ общества, по приблизительно такое-же состоя-

¹⁾ Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть четвертая, стр. 5. Страшную новость въ Ценизъ узнали отъ князя Четвертинскаго, пріѣхавшаго изъ арміи. Онъ сообщилъ ее по секрету губернатору, „а сей скромный человѣкъ, замѣчаетъ Вигель, ска-залъ ее на ухо двумъ или тремъ столь-же скромнымъ людямъ, такъ что къ ве-черу почти весь городъ зналъ, что Москва сдана безъ боя“.

²⁾ См. Воспоминанія К. К. Павловой. „Русскій Архивъ“ 1875 года, кн. III, стр. 224.

ніе изумленнаго, потрясеннаго до самой глубины души, сознанія овладѣло и тѣми народными массами, которыя не читали ни газетъ, ни реляцій, но для которыхъ судьба родной земли была также болѣзненно близка, какъ и для просвѣщенныхъ патріотовъ. Свое чувство изумленной, глубокой скорби народъ русскій выразилъ въ той самой формѣ, въ которой, единственно, привыкъ онъ выражать свое горе и радость, свои надежды и упованія,—въ формѣ пѣсни. Изъ этой пѣсни народъ зналъ о страшныхъ бѣдахъ, постигавшихъ когда-то его отчизну, о татарскихъ и литовскихъ ужасахъ. И вдругъ эта полусказочная, фантастическая, пѣсенная быль предстала предъ нимъ во-очію, превратилась въ страшную дѣйствительность. Безбожная орда иноплеменниковъ вновь нахлынула на святую Русь, широкая полоса огня и крови обозначила ея страшный путь. Запылали вновь города и села, подверглись храмы Божіи неслыханному посрамленію, отданы на поруганіе жены и дѣвы русскія! И вотъ уже совершается послѣднее страшное дѣло! Врагъ вступилъ въ святую Москву, онъ предалъ ее пламени и грабежу. Но, нѣтъ, быть не можетъ! Это не дѣйствительность, это чудовищный сонъ! Спитъ красная дѣвица и видится ей сонъ ужасный, *безчастный*. Подымаются надъ Москвою буйные вихри, срываютъ они крыши съ хоромъ высокихъ, разбиваютъ окна хрустальныя. И еще засыпаетъ дѣвица, и видитъ она во снѣ, какъ французъ разоряетъ Москву. Беретъ врагъ въ полонъ красныхъ дѣвицъ и дѣлитъ ихъ между собою. И досталась одна дѣвица французскому генералу. Горько плачетъ она, слезами обливается. Унимаетъ ее генералъ, шелковымъ платкомъ утираетъ онъ ей очи. „Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица! Я куплю тебѣ три подарка“. — „Не хочу твоихъ трехъ подарковъ, отвѣчаетъ ему красная дѣвица: ты пусти, пусти меня въ Россію, съ родомъ-племенемъ повидаться, съ отцомъ, матерью распроститься“ ¹⁾. Просыпается красная дѣвица и

¹⁾ См. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, изданныя подъ редакцію и съ дополненіями П. А. Безсонова. Выпускъ 10: „нашъ вѣкъ“, стр. 3—4. Приведенная пѣсня напечатана въ двухъ вариантахъ.

съ ужасомъ узнаеть, что не сонъ видитъ она, а страшную дѣйствительность, рассказы о которой ходятъ по всему селу.

Вторженіе непріятеля въ Москву естественно вызвало въ народной массѣ чувство скорбнаго изумленія, подняло въ ея памяти забытыя страшныя картины прошлаго. Но эти чувства, эти воспоминанія были мимолетны и скоропроходящи. Они не замедлили смѣниться настроеніями иного рода. Тамъ, гдѣ другой народъ пришелъ-бы, быть можетъ, въ отчаяніе, утратилъ всякую надежду, впалъ въ уныніе и деморализацію, тамъ народъ русскій, воспитанный въ суровой школѣ своей исторіи, вошелъ въ глубину своего народно-религіознаго сознанія, почерпнулъ въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ новыя гигантскія силы, и предсталъ предъ очами изумленнаго міра во всемъ непобѣдимомъ величій исполина, почувствовавшаго подъ ногами своими родную почву. Только тѣ русскіе предавались отчаянію, только тѣ отказались отъ святаго дѣла своей родины, которые давно уже перестали быть русскими, въ которыхъ чуждое французское воспитаніе давно уже изгладило все родное, давно уже разрушило всѣ связи съ національностью. Такихъ людей мы встрѣтимъ въ скоромъ времени въ Петербургѣ, такіе-же люди появлялись и въ гостинныхъ нашихъ губернскихъ городовъ. Въ Пензѣ, на примѣръ, гдѣ проживалъ въ то время Вигель, обращали на себя общее вниманіе два господина, претендовавшіе на принадлежность къ высшему свѣтскому кругу. Одинъ изъ нихъ, получилъ первый офицерскій чинъ и владѣя только ста душами, оставилъ службу и началъ думать о другихъ средствахъ замѣнить искусствомъ скудость даровъ фортуны. Воспитаніе его было самое модное, онъ владѣлъ въ совершенствѣ французскимъ діалектомъ, не вѣрилъ въ Бога, но за то твердо вѣрилъ въ Вольтера, котораго прочиталъ въ подлинникѣ. Проникнувъ во всѣ тайнства картежной игры, онъ вдругъ началъ поправлять свои дѣла, началъ изумлять все пензенское общество своею роскошью, а еще болѣе своею смѣлою, игривою болтовнею. Съ нимъ вступилъ въ тѣсный союзъ другой пензенскій аристократъ, какой-то Ж., обманщикъ

и фанфаронъ, не уступавшій своему патрону въ шулерской геніальности. Оба эти господина приводили въ прежнее время пензенскихъ дамъ въ восторгъ своимъ французскимъ произношеніемъ; теперь въ эпоху войны, они превратились въ совершенно своеобразныхъ политиковъ. Борьба съ Наполеономъ казалась имъ съ самаго начала безразсуднымъ и смѣшнымъ дѣломъ. „Согласитесь“,—говорили они, пожимая плечами,—„что смѣшно и безразсудно противиться великому человеку, у котораго полмилліона войскъ и двѣ тысячи пятьсотъ пушекъ“. По мѣрѣ того, какъ непріятель подвигался къ Москвѣ, и пензенское общество впадало все въ большее и большее уныніе, настроеніе этихъ космополитическихъ политиковъ становилось отраднѣе и игривѣе! Но чему-же радовались эти питомцы Вольтера? Тому-ли, что великая идея революціи побѣждаетъ въ лицѣ Наполеона варварство и невѣжество русскихъ, или-же мерещилось имъ серьезно, что Наполеонъ, завоевавъ благополучно всю Россію, обратитъ вниманіе на ихъ безупречный французскій говоръ, на ихъ тонкое пониманіе Вольтеровской философіи и назначить ихъ, російскаго прапорщика и титулярнаго совѣтника, своими префектами въ покоренныхъ областяхъ? ¹⁾).

Количество такихъ негодяевъ было, однако-же, крайне невелико. Всѣ честные люди отворачивались отъ нихъ съ негодovanіемъ. Когда прошли первые порывы скорби, изумленія, ужаса, могучій приливъ національно-религіознаго чувства съ быстротою молніи охватилъ всѣ слои нашего общества. „Насталъ тотъ день, говоритъ очевидецъ, въ который, лишившись послѣдней надежды спасти наше сокровище, мы

¹⁾ Къ такимъ политикамъ русскіе люди относились съ омерзеніемъ. „Негодование сковало мнѣ языкъ, говоритъ Вигель, но видно глаза мои выразительно говорили, ибо въ обоихъ скоро замѣтилъ я смущеніе и досаду; не говоря ни слова, всталъ я и вышелъ, и долго молчаніе мое съ ними не прерывалось. И эти люди прямо изъ православной Москвы, подумалъ я; ну, если подобныхъ намъ много тамъ? А впрочемъ, что за важность, и въ самыхъ Божіихъ храмахъ, по небрежности церковнослужителей, часто разводятся крысы и всякая гадина. Однако-же ихъ слова навели на меня неизъяснимую тоску, которая могла нѣсколько быть разсѣяна только трудными занятіями, мнѣ предстоявшими!“ Вигель. Воспоминанія, часть четвертая, стр. 47.

вмѣстѣ съ тѣмъ освободились отъ всякаго страха,—день сильнаго перелома, въ который война превратилась въ отечественную, въ народную, когда для пришельцевъ наступило время гибели“.

Иностранцы, бывшіе тогда въ Россіи и въ рядахъ нашей арміи, также подмѣтили этотъ переломъ, этотъ внезапный переходъ отъ унынія и страха въ непоколебимую и побѣдоносную рѣшимость, но они не въ состояніи были уяснить себѣ правильно причинъ этого перелома. „Извѣстіе о потерѣ древней столицы произвело, замѣчаетъ Бернгарди, потрясающее впечатлѣніе въ Петербургѣ и во всей необъятной имперіи. Впечатлѣніе было настолько колоссально, что всѣ послѣдующія вѣсти о пожарѣ буквально исчезли передъ нимъ; все было какъ-то притуплено. Но впечатлѣніе это во всей странѣ было вовсе подавляющее, отнимающее мужество, и, что покажется еще страннѣе, потеря Москвы не разубѣдила даже русскихъ въ дѣйствительности Бородинской побѣды, не потрясло даже довѣрія, возлагаемаго всѣми на Кутузова. Энтузіазмъ, вызванный побѣднымъ донесеніемъ стараго, хитраго фельдмаршала, помогъ ему и теперь; вліяніе этого донесенія не было еще исчерпано“ ¹⁾.

Итакъ, вотъ въ чемъ, по мнѣнію иностранцевъ, скрывался источникъ того святаго энтузіазма, который охватилъ въ сентябрѣ 1812 года всю массу русскаго населенія, который ниспровергъ въ бездну гибели Наполеона и его несмѣтныя полчища! Все дѣло загорѣлось не отъ оскорбленнаго религіознаго чувства русскаго народа, а отъ фальшиваго побѣднаго бюллетеня стараго фельдмаршала, которому слѣпо продолжали вѣрить русскіе варвары, не смотря ни на что, не смотря на самую потерю Москвы. Не менѣе странны соображенія другаго иностранца, личнаго участника событій,—англійскаго генерала Вильсона. Говоря объ оставленіи Москвы, онъ говоритъ, что русскіе настолько сохранили свои кочевые нравы, что бѣгство изъ Москвы было для нихъ сравнительно легкимъ дѣломъ. И въ самомъ дѣлѣ, что значить

¹⁾ См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 173.

для номада его временная стоянка, какое впечатлѣніе можетъ произвести на него занятіе ея непріятелемъ? ¹⁾

Господа, разсуждавшіе такимъ образомъ, очевидно, не имѣли ни малѣйшаго понятія о дѣйствительныхъ воззрѣніяхъ и симпатіяхъ русскаго человѣка. Русскій человѣкъ въ обычное, будничное время способенъ поразить любого наблюдателя своимъ непримѣрнымъ добродушіемъ, своею терпимостью, даже своимъ пристрастіемъ ко всему чуждому, иноземному, своимъ, если хотите, легкомысленнымъ космополитизмомъ. Но не таковымъ является тотъ-же русскій человѣкъ въ великія години народныхъ бѣдствій, въ тяжелые дни испытаній. Тогда все легкое, напускное, чуждое спадаетъ съ него, какъ паутина, тогда пошлыя мелочи жизни теряютъ для него всякое значеніе, тогда чувства народной гордости и неискоренимой любви къ родинѣ многострадаальной, тогда привязанность къ вѣрѣ отцовъ, къ святынямъ, чтимой его предками, имъ самимъ, пробуждаются въ немъ со всею своею стихійною силою, овладѣваютъ всѣмъ его существомъ, преобразуютъ его въ непобѣдимаго героя ²⁾. Что должны были чувствовать простые и образованные русскіе люди, когда вслѣдъ за извѣстіемъ объ оставленіи столицы, въ города и села, сначала близкіе, а потомъ болѣе отдаленные отъ Москвы, начали прибывать десятки и сотни бѣглецовъ изъ опустошенной и разоренной столицы русскаго царства. Бѣглецы эти, уроженцы разныхъ губерній, по большей части люди низша-

¹⁾ См. General sir Robert Wilson. Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland, стр. 143.

²⁾ „Спрашивали также, замѣчаетъ Вильсонъ, одобрили-ли дворяне и горожане, бѣжавшіе изъ Москвы, истребленіе своихъ домовъ и имущества. Разсѣянное по странѣ, они подавали всѣ великодушнѣйшіе и благороднѣйшіе примѣры безкорыстной любви къ отечеству. Каждый изъ нихъ, безъ различія возраста и пола, пренебрегалъ оплакивать свои личныя потери, или жаловаться на нихъ“. Повсюду, гдѣ только англійскій генералъ имѣлъ случай разсказывать, что императоръ далъ слово продолжать войну до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ вооруженный французъ будетъ оставаться на русской землѣ, многіе, слушая его, плакали, другіе цѣловали его, какъ будто имъ говорили, что ихъ личное горе обрѣтетъ теперь утѣшеніе и что окончится бѣдствіе ихъ скитальческой, безпріютной жизни. См. Wilson. Geheime Geschichte des Feldzugs in Russland., стр. 151.

го класса, уже одною своею внѣшностью, способны были вызвать ужасъ и состраданіе. Покрытые рубищами, изможденные голодомъ, пробирались они на родину, питаясь мірскимъ подаваніемъ ¹⁾. А ихъ рассказы? Отъ нихъ, отъ этихъ несчастныхъ страдальцевъ, узнавали русскіе люди о тѣхъ неистовствахъ и жестокостяхъ, о тѣхъ невѣроятныхъ мерзостяхъ и святотатствахъ, которыя творили въ Москвѣ наши просвѣщенные враги. Отъ нихъ узнавали они, что московскіе соборы и церкви, уцѣлѣвшія отъ пламени, обращены въ конюшни, что въ часовнѣ Иверской Богоматери устроено нужное мѣсто ²⁾. Отъ нихъ выслушивали они невѣроятную повѣсть о тѣхъ лютыхъ истязаніяхъ, которымъ подвергались отъ непріятеля несчастные москвичи, осмѣлившіеся остаться въ городѣ. Отъ нихъ слышали, какъ обращали французы русскихъ въ выючныхъ животныхъ, какъ переплывали они на ихъ спинахъ черезъ Москву-рѣку, какъ замучивали они до смерти частныхъ лицъ и въ особенности монаховъ, желая вывѣдать отъ нихъ, гдѣ сокрыты церковныя имущества. Но ни на кого такъ горько не жаловались эти несчастные, какъ на тѣхъ французовъ, которые, по словамъ ихъ, хорошо понимали по русски, хотя и дурно выговаривали. Люди болѣе свѣдущіе, легко узнавали, кто были эти французы и съ ужасомъ представляли себѣ, какія звѣрства могли производить въ Москвѣ исконные враги русскаго имени ³⁾.

Рассказы горемычныхъ бѣглецовъ, являвшихся изъ Мос-

¹⁾ „Помѣщики многихъ губерній, рассказываетъ Вигель, въ томъ числѣ и Пензенской, посылали мальчиковъ въ Москву и отдавали ихъ тамъ въ ученіе къ мастеровымъ; многіе изъ нихъ подросли и возмужали. Они первые, какъ говорили они, дали тягу. Валъ, на великомъ протяженіи окружающій Москву, такъ низокъ, что вездѣ могли они легко перепрыгнуть или перешагнуть чрезъ него, далѣе лѣсами и болотами также не трудно было имъ прокрасться. Покрытые рубищами, пробирались они на родину, питаясь мірскимъ подаваніемъ. Въ Пензу одинъ за другимъ пришло ихъ нѣсколько, и, между прочимъ, съ нашъ домъ двое: портной и сапожничій ученикъ. Въ нѣкоторые дома призывали ихъ для разспросовъ, отъ нихъ узнали мы много подробностей о неистовствахъ, творимыхъ врагами въ надшей столицѣ“. Вигель. Воспоминанія, часть четвертая, стр. 58.

²⁾ Вигель. Воспоминанія, часть четвертая, стр. 58.

³⁾ „Всякій понималъ, говоритъ Вигель, что это были поляки“. Воспоминанія, часть четвертая, стр. 58.

квы, принимались на вѣру тѣмъ болѣе легко, что они подтверждались свѣдѣніями, шедшими изъ болѣе достовѣрныхъ официальныхъ источниковъ. И эти источники утверждали, что непріятель, войдя въ Москву, почти что оставленную жителями, сданную ему безъ всякаго сопротивленія немедленно, безъ всякаго вызова и повода, принялся грабить и разрушать несчастную столицу. Офицеры и даже генералы являлись зачинщиками и руководителями грабежа. Они ходили по домамъ, забирали все, что можно было только взять, а другія вещи, какъ-то: фарфоръ, зеркала, хрусталь, картины, мебель, посуду подобно бѣшенымъ, старались разбить, разломать, разрубить, раскидать по разнымъ мѣстамъ. Они разливали вино, которое не въ состояніи были выпить, по улицамъ, рвали, раздирали и бросали книги. Официальные источники говорили и о страшныхъ жестокостяхъ, совершаемыхъ французами надъ жителями, они приводили даже на этотъ счетъ нѣсколько возмутительныхъ подробностей. „Къ разрушенію и разоренію, говорили они, присовокупляли еще безчеловѣчіе и лютость. Набравъ груды вещей, возлагали бремя сіе на пойманнаго на улицѣ стараго или увѣчнаго чело-вѣка, принуждая его нести оное въ станъ ихъ; и когда сей подъ тяжестью изнемогалъ, то сзади обнаженными палашами убивали его до смерти. Лютость непріятелей усугублялась еще его святотатствомъ. Никогда и нигдѣ поруганіе святыхъ не доходило (такъ гласили всѣ свѣдѣнія, расходившіяся по лицу необъятной Россіи), до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ на развалинахъ Москвы. Изверги разрывали могилы и раскрывали гробы для похищенія корыстей съ усопшихъ тѣлъ“. Они отбивали двери у храмовъ Божіихъ, обнажали иконы отъ окладовъ, раздирали ризы, ломали иконостасы. Но не довольствуясь всѣмъ этимъ, враги бросили пламень въ ограбленную и оскверненную Москву и превратили ее въ груды пепла ¹⁾.

¹⁾ Всѣ эти подробности мы находимъ въ официальномъ извѣстіи изъ Москвы отъ 17-го октября, писанномъ рукою Шишкова. „Вскорѣ потомъ, говоритъ Шишковъ въ своихъ запискахъ, пріѣхалъ изъ Москвы нѣкто тамошній житель.

Легко себѣ представить, какъ должны были дѣйствовать подобныя рассказы и сообщенія на русскихъ людей. Что-то страшное, давно небывалое начало развиваться во всѣхъ слояхъ русскаго общества, начиная отъ богатаго дворянина и оканчивая убогимъ крестьяниномъ. Жажда мести, жажда неутомимая загорѣлась во всѣхъ сердцахъ. Небывалое посрамленіе святыни, этотъ верхъ безумія и человѣческаго развращенія, страшныя дѣла лютости и разрушенія, громко вопили о возмездіи. Воспламененныя храмы и дымящаяся кровь подвигали на гнѣвъ и войну непримиримую. Москва перестала существовать для русскихъ. Оплакавъ ее, какъ родимую, они съ какою-то радостью смотрѣли, какъ злодѣи терзали ея трупъ, мысленно приготовляя ей кровавыя поминки и какъ будто предчувствуя, что день мщенія уже близокъ. „Дѣло странное, непонятное, восклицаетъ современникъ: едва Наполеонъ успѣлъ войти въ Москву, какъ внутри Россіи всѣ начали видѣть въ ней западню для него и желать, чтобы онъ долѣе въ ней оставался. Надобно было видѣть тогда, что при одномъ имени Наполеона дѣлалось съ большею частью русскихъ: черты лица оставались неподвижны, но чело являло гнѣвъ и уста шептали угрозы. О, вѣчно памятный Наполеонъ, могучій, славный нашъ врагъ! гроза и жертва наша! какихъ чудесъ ты не творишь! Тебѣ одному дано было народу бѣшеному, яростному въ пылу сраженій, но вообще безпечному, незлобивому, равнодушному, забывчивому, вдохнуть на время всю спокойную, неистощимую корсиканскую свою злость“ ¹⁾.

Онъ вырвался изъ ней послѣ начавшихся тамъ пожаровъ и былъ очевидцемъ многихъ происходившихъ внутри ея непріятельскихъ, или, лучше сказать, злодѣйскихъ дѣйствій. Военный губернаторъ, дабы преждевременно не разнеслись о томъ слухи, задержалъ его въ своемъ домѣ. Государь, по докладѣ о немъ, призвалъ меня и приказалъ мнѣ разспросить у него о видѣнныхъ имъ происшествіяхъ. Я, услышавъ отъ него ужасы, поразившіе меня до глубины души, пересказалъ ихъ государю. Онъ велѣлъ мнѣ написать о томъ бумагу, подъ названіемъ: „извѣстіе изъ Москвы“. См. Записки Шишкова. Т. I. стр. 159—160. Самое извѣстіе тамъ-же въ приложеніяхъ. Т. I. стр. 438—442. Полагаютъ, что пріѣзжій былъ Яковлевъ, пріѣхавшій изъ Москвы съ письмомъ отъ Наполеона. О немъ см. ниже.

¹⁾ Вигель. Воспоминанія, часть четвертая, стр. 58.

„Но Наполеону удалось вдохнуть въ русскихъ еще и другой духъ, столь мало свойственный имъ въ обычное время, это духъ любви къ родинѣ и ко всему родному. Высшіе классы нашего общества внезапно переродились; изъ французовъ и космополитовъ они вдругъ превратились въ русскихъ ¹⁾. Дамы и свѣтскіе кавалеры вдругъ отказались отъ французскаго языка. Они начали говорить по-русски и съ удивленіемъ замѣчали, что говорить на родномъ языкѣ для нихъ легче и что русскій языкъ совершенно удобенъ для употребленія въ гостинныхъ“ ²⁾. Французская мода также подверглась всеобщему гоненію. Многія дамы поспѣшили нарядиться въ сарафаны, кокошники и повязки; мужчины начали носить сѣрые ополченскіе кафтаны ³⁾. Въ Петербургѣ никто не хотѣлъ болѣе слышать французскихъ актеровъ; толпа встрѣчала ихъ неистовымъ свистомъ, крикомъ, ругательствами и гнала ихъ со сцены. Правительство поспѣшило закрыть французскій театръ. М-ме Сталь, знаменитая изгнанница, преслѣдуемая повсюду Наполеономъ, не могла примириться съ этимъ проявленіемъ русскаго патріотизма. „О, варвары, кричала она внѣ себя отъ гнѣва, они не хотятъ видѣть Расинову „Федру“! ⁴⁾ Совершенно иначе смотрѣлъ на дѣло другой знамени-

¹⁾ Въ высшихъ кружкахъ никакъ не могли, впрочемъ, отказаться отъ французской рѣчи. Продолжали болтать по французски, хотя и страшно бранили французовъ. К. К. Павлова говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „У графини Строгановой собиралось обыкновенно много пріѣзжихъ изъ Москвы; всякій рассказывалъ, что узналъ новаго, толковали о полученныхъ извѣстіяхъ и о разныхъ слухахъ. Это общество было, разумѣется, составлено изъ людей comme il faut, и большею частью аристократовъ. Странное должно оно было производить впечатлѣніе, когда оно съ французскимъ своимъ образованіемъ, съ французскими пріемами, на французскомъ языкѣ бранило французовъ“. См. Воспоминанія К. К. Павловой. „Русскій Архивъ“ 1875 года, кн. III, стр. 224.

²⁾ Вигель. Воспоминанія, часть четвертая, стр. 59.

³⁾ Вигель. Воспоминанія, часть четвертая, стр. 59.

⁴⁾ „Французскіе актеры въ Петербургѣ давали „Федру“, рассказываетъ Аридтъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Рокка, другъ г-жи Сталь, и ея сынъ пошли въ театръ, мы-же и прочіе, приглашенные къ знаменитой женщинѣ, еще сидѣли за столомъ, вдругъ они оба вернулись нѣсколько взволнованные и рассказали, что съ самаго начала представленія подиались такой шумъ и гамъ, такая брань на французовъ и французскій театръ, что представленіе должно было прекратиться. Оно и прекратилось; это было послѣднее представленіе французской труппы“.

тый изгнанникъ, баронъ Штейнъ. Не колеблясь, становился онъ на точку зрѣнія русскихъ людей и вполне одобрялъ ихъ патріотическіе порывы. Въ иностранщинѣ, въ слѣпомъ пристрастіи и подраженіи всему иноземному усматривалъ онъ, по справедливости, величайшее зло и несчастье для Россіи. „Это движеніе, писалъ онъ своей женѣ, очень похвально. Слѣдовало-бы просто-на-просто выгнать изъ Россіи всю эту шайку французскихъ актеровъ, камердинеровъ, поваровъ, купцовъ и т. д.“¹⁾

На ряду съ жаждою мести и пробужденіемъ страстной привязанности ко всему родному, тяжелая година испытаній вызвала въ средѣ русскаго общества и другое болѣе высокое и чистое чувство. Духъ добраго согласія, духъ христіанской любви, началъ водворяться между всѣми сословіями. Тяжкія бѣдствія, способныя ввергнуть другой народъ въ бездну отчаянія, пробудили и оживили въ народѣ русскомъ твердую, безграничную вѣру въ Божественный промыслъ. Эта вѣра не слабѣла, а напротивъ росла и крѣпла, по мѣрѣ развитія несчастныхъ событій. Подъ вліяніемъ общаго горя и пробудившагося религіознаго чувства прекратились всѣ старые счеты, всѣ ссоры и неудовольствія. Исчезъ духъ розни и вражды, составилось общее братство, молящееся и отважное. Всѣ мысли и всѣ стремленія устремлены были къ благу и спасенію отечества; рука богатыхъ и имущихъ отверзлась для бѣдныхъ и разоренныхъ жертвъ войны. „Время быстро протекавшее!“—восклицаетъ съ восторгомъ современникъ: „время вмѣстѣ ужасное и блаженное! когда, возлюбивъ другъ друга едиными устами и единымъ сердцемъ, не переставали мы призывать великое имя Его, нашего Бога и Спасителя! Кто видѣлъ это время, тотъ по гробъ не забудетъ его“²⁾.

ны въ Петербургѣ въ это лѣто и народная ненависть и гнѣвъ выразились столь рѣзко и жестко, что въ началѣ слѣдующей зимы актеры должны были оставить Петербургъ. А г-жа Сталь? Она забыла о времени и мѣстѣ, она помнила лишь себя и свой народъ. Она вспылила, залилась слезами и воскликнула: варвары! не хотятъ видѣть Расинову „Федру“. См. „Русскій Архивъ“ 1871 года изъ воспоминаній Э. М. Арндта о 1812 годѣ.

¹⁾ Перцъ. Stein's Leben. Т. III, стр. 165.

²⁾ Вигель. Воспоминанія, часть четвертая, стр. 59.

И такое время, такое настроеніе братской любви и несокрушимой вѣры, вливавшей неслыханное мужество въ сердца, распространилось тогда по всѣмъ далекимъ и близкимъ областямъ необъятной Россіи. Не слѣдуетъ думать, чтобы патріотическое одушевленіе ограничивалось тогда одними предѣлами чисто русскихъ губерній. Энтузіазмъ къ отечеству общему, преданность единому святому дѣлу обнаруживались тогда съ одинаковою силою во всѣхъ уголкахъ русской земли. За исключеніемъ поляковъ, всецѣло вступившихъ на путь измѣны, всѣ народности, входившія въ составъ имперіи, соперничали въ заявленіяхъ преданности общему отечеству, въ готовности жертвовать за его спасеніе все свое достоинство и самую жизнь. Колоссальныя пожертвованія стекались со всѣхъ губерній и областей, и не было въ этомъ отношеніи различія между центромъ и окраинами государства. Да оно и не удивительно! Различныя племена, обитавшія тогда въ предѣлахъ имперіи, ставили интересы государства выше своихъ частныхъ національныхъ интересовъ. Духъ подозрительности, недовѣрія и вражды не распространилъ тогда еще своего тлетворнаго вѣянія по лицу земли русской. Польская справа работала, правда, и тогда, работала пока рука объ руку съ Наполеономъ, хотя продолжала, какъ увидимъ это мы вскорѣ, раскидывать свои сѣти и для благороднаго Александра; но за этимъ единственнымъ исключеніемъ, мы всѣ, граждане русскіе, были тогда едино стадо съ единымъ пастыремъ и одинъ и тотъ-же духъ одушевлялъ всѣхъ насъ безъ различія происхожденія. Вѣянія новѣйшаго развитія не коснулись еще въ то время предѣловъ нашего отечества. У насъ не было ни своей внутренней крамолы, ни вражды между сословіями; мы еще не открыли тогда нашего *младшаго брата* и не вопили такъ громко о его интересахъ, хотя, быть можетъ, дѣлали для него на дѣлѣ больше, нежели теперь. Различныя племенные особенности не имѣли тогда въ глазахъ нашихъ особаго значенія; мы хорошо и твердо знали лишь одно, что малороссы и бѣлороссы такіе-же русскіе, какъ и великороссы. Угнетенныхъ народностей въ то время не было еще открыто въ предѣлахъ русской земли; сепаратизмъ,

подобный позднѣйшему украинофильству и хохломанію, былъ тогда немислимъ на русской почвѣ. Чудаки, вопящіе о подавленной южно-русской народности и выступающіе самозванными защитниками народа, который не хочет и слышать о нихъ, встрѣтили-бы тогда единодушное посмѣяніе и осужденіе. Тогдашнее поколѣніе умѣло цѣнить, какъ слѣдуетъ, благодѣянія, доставляемыя единымъ, крѣпкимъ, могучимъ государственнымъ организмомъ. Преданіе о прежней полусамостоятельности тѣсно связывалось еще тогда съ безправіемъ и ужасами прошлаго, съ польскимъ и жидовскимъ хозяйничаньемъ въ коренныхъ русскихъ областяхъ, съ прелестями татарскихъ грабежей, съ самоуправствомъ богатыхъ и сильныхъ, съ дикою расправою развирѣбѣвшихъ, доведенныхъ до отчаянія холоповъ. Никто не питалъ ни малѣйшаго желанія возвратить это страшное прошлое, всѣ готовы были стать грудью за одно общее, русское отечество, за благодѣянія и защиту, исходившія отъ одной общей государственной власти.

Счастливый случай доставилъ намъ въ руки чрезвычайно любопытную рукопись ¹⁾, возникшую въ Харьковѣ, въ досто-

¹⁾ Д. И. Богалѣй нашелъ рукопись въ селеніи Козырщинѣ, бывшемъ имѣніи Андреева, и представилъ ее въ настоящее время въ бібліотеку Харьковскаго университета. Рукопись эта доставлена намъ доцентомъ Императорскаго Харьковскаго университета Д. И. Богалѣемъ, которому мы изъявляемъ при этомъ случаѣ нашу глубокую признательность. Рукопись относится къ Александровской эпохѣ и состоитъ изъ сборника писемъ бывшаго учителя Екатеринославской гимназіи, а затѣмъ воспитателя въ частномъ домѣ, Александра Павловича Лазича къ отцу его питомца, помѣщику Никону Андреевичу Андрееву. Предполагая напечатать въ скоромъ времени болѣе подробную статью объ этой рукописи, мы ограничимся при этомъ случаѣ лишь нѣсколькими замѣчаніями. Въ рукописи, переплетенной въ довольно изящный томъ, находится 85 писемъ А. П. Лазича къ Н. А. Андрееву, одно письмо питомца Лазича, Александра Никоновича Андреева къ отцу, одно письмо старика Андреева, договоръ Андреева съ Лазичемъ, счетъ товарамъ, купленнымъ въ Харьковѣ Лазичемъ для Андреева, въ августѣ мѣсяцѣ 1813 г. и нѣкоторые другія приложения. Изъ писемъ А. П. Лазича два письма относятся къ 1809 г., два къ 1810 г., 6 къ 1811 г., 30 къ 1812 г., 28 къ 1813 г., 14 къ 1814 г. и 3 къ 1815 г. Содержаніе писемъ самое разнообразное: хозяйственное, чисто личное, педагогическое, политическое. Уже въ 1809 г. встрѣчаются политическіе слухи и толки по поводу австро-французской войны. Съ 1812 г. особенно съ осени письма наполнены по-

памятную эпоху Наполеоновских войнъ. Рукопись состоитъ изъ цѣлаго ряда писемъ, писанныхъ въ періодъ времени отъ 1809 до 1815 года; изъ нихъ весьма значительная часть относится къ 1812 году. Всѣ письма писаны однимъ лицомъ, учителемъ Лазичемъ, воспитателемъ сына богатаго южно-русскаго помѣщика. Лазичъ, относившійся чрезвычайно серьезно къ дѣлу воспитанія своего питомца, постоянно писалъ письма отцу, проживавшему въ деревнѣ, сообщалъ подробныя свѣдѣнія о сынѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ передавалъ и цѣлую массу новостей, особенно политическихъ. Какъ человѣкъ истинно образованный и патріотъ, онъ внимательно собиралъ и провѣрялъ всѣ политическія и военныя извѣстія, приходившія тогда въ Харьковъ, слѣдилъ за настроеніемъ населенія, за толками и спорами политиковъ и сообщалъ обо всемъ подробно своему корреспонденту. Само собою понятно, что авторъ никогда и не думалъ, что содержаніе его писемъ тѣмъ или инымъ образомъ проникнетъ въ печать, что оно сдѣлается достояніемъ потомства. Онъ писалъ только для своего корреспондента, писалъ свободно и развязно, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Ясно отсюда, какое значеніе имѣютъ его письма: въ нихъ слышится дѣйствительно изъ прошлаго голосъ свидѣтеля безпристрастнаго, чуждаго всякой мысли скрывать или прикрашивать что-либо, угождать кому-бы то ни было.

литическими извѣстіями, согласно желанію, выраженному Н. А. Андреевымъ. Встрѣчаются кромѣ того и другія въ высшей степени интересныя извѣстія и замѣтки. Авторъ даетъ, между прочимъ, цѣлый рядъ данныхъ о цѣнахъ на жизненные продукты и различные товары, о денежномъ курсѣ, о квартирахъ въ г. Харьковѣ, объ университетѣ, объ экзаменахъ, о гонорарѣ, получаемомъ тогдашними профессорами. (Нужно замѣтить, что въ доброе старое время, зажиточные родители не оставляли своихъ сыновей и въ университетѣ безъ руководителей и воспитателей). Всякій, хотя сколько-нибудь знакомый съ бѣдностью нашей мемуарной литературы, особенно на югѣ Россіи, легко пойметъ, какое важное значеніе имѣетъ этотъ сборникъ писемъ, остававшійся до сихъ поръ въ совершенной неизвѣстности. Читая эти письма, мы узнаемъ изъ ихъ краткихъ и случайныхъ замѣтокъ гораздо болѣе о Харьковѣ и харьковскомъ обществѣ начала нашего столѣтія, нежели изъ сухихъ официальныхъ данныхъ, или воспоминаній такъ называемыхъ старожиловъ. Мы цитируемъ рукопись подъ именемъ Андреевской рукописи.

Харьковская губернія не принадлежала къ числу областей, пораженныхъ непосредственно нашествіемъ, но она испытывала на себѣ въ самой высокой степени всѣ неудобства и тяжести войны. Съ тѣхъ поръ какъ непріятель занялъ центральныя губерніи, сообщенія Харькова съ Петербургомъ и высшимъ правительствомъ были крайне затруднены. Почта, принужденная дѣлать большой кругъ, приходила очень рѣдко, постоянно запаздывала, да и свѣдѣнія, доставляемые ею, отличались крайнею скудостью и неясностью. Правительственныя сообщенія и военныя реляціи появлялись тогда очень рѣдко. Читатели тогдашнихъ газетъ не въ состояніи были составить по нимъ правильное представленіе объ общемъ ходѣ дѣлъ. А между тѣмъ интересъ затронутъ былъ въ сильнѣйшей степени ¹⁾. Чтобы удовлетворить ему, приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ. Харьковскіе купцы старались узнавать новости дня отъ своихъ сотоварищей, проживавшихъ въ Курскѣ, Орлѣ и другихъ болѣе сѣверныхъ городахъ ²⁾. Не довольствуясь получаемыми письмами, многіе изъ нихъ лично отправлялись въ сѣверные города, поближе къ театру войны и привозили оттуда цѣлую кучу новостей. Но всѣ эти новости относились обыкновенно къ категоріи темныхъ, сбивчивыхъ, нерѣдко противорѣчившихъ другъ другу слуховъ. Тщетно разбирали и критиковали эти слухи харьковскіе политики, всякій понималъ ихъ по своему, горячо отстаивалъ свое мнѣніе, и люди болѣе спокойные рѣшительно терялись, не знали, къ кому пристать, чему вѣ-

1) Между прочимъ Лазичъ пишетъ Н. А. Андрееву: „Получивши ваше высокопочтенное письмо, которое я не безъ удовольствія читалъ, желалъ всѣ ваши препорученія охотно исполнить во всей точности, но также какъ и прежде не въ состояніи, ибо здѣшній книгопродавецъ говоритъ, что у него нѣтъ реестра всѣмъ изданнымъ сочиненіямъ на счетъ Наполеона и каррикатуръ на французовъ, а что оный находится въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Книжки, которыя онъ недавно получилъ и которыя я нѣбѣ честь вамъ доставить съ этою почтою, суть слѣдующія: „Французы въ Гиспаніи“, цѣна 1 р. 50 к.; „Мірская сходка“, ц. 1 р. 50 к.; „Пѣснь російскихъ воиновъ“, 50 к.; „Пребываніе французовъ въ Москвѣ“, 50 к.; „Голосъ московскаго жителя“; „На кормленіе Наполеону“. Андреевская рукопись, письмо 17.

2) Андреевская рукопись, письмо отъ 28 сентября 1812 г.

рять. „Новости теперешнія,—пишетъ Лазичъ отъ 21 сентября,—такъ разнообразны и не будучи поддерживаемы официальными извѣстіями, такъ неосновательны, что и при тонкой разборчивости здѣшнихъ политиковъ неизвѣстно, къ какой-бы сторонѣ можно было съ большею вѣроятностью преклониться“ ¹⁾).

А между тѣмъ страшная война давала себя чувствовать съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Дороговизна, распространившаяся по всей Россіи, вслѣдствіе континентальной системы и паденія нашего курса, достигла до чудовищныхъ размѣровъ подъ вліяніемъ нашествія. Если еще въ началѣ войны колоніальные и мануфактурные товары страшно поднялись въ цѣнѣ, если пудъ сахара продавался, напримѣръ, по 86 рублей, то по мѣрѣ развитія войны, по мѣрѣ усиливающихся требованій для продовольствія арміи, возрасли цѣны и на всѣ мѣстныя произведенія. Курсъ упалъ страшно. Серебрянный рубль стоилъ 5 руб. ассигнаціями, червонецъ продавался по 13 рублей ²⁾. Чѣмъ ближе надвигалось нашествіе, тѣмъ больше увеличивалась дороговизна. Масса иногородныхъ, по всей вѣроятности бѣглецовъ съ сѣвера, стекалась въ Харьковъ. Цѣна на квартиры поднялась до небывалыхъ размѣровъ ³⁾. Уныніе и страхъ распространились въ обществѣ. Въ половинѣ сентября въ Харьковѣ пришла грозная вѣсть о потерѣ Москвы. Явилась эта вѣсть въ видѣ смутнаго и неопредѣленнаго слуха. Знали навѣрное лишь одно, что непріятель занялъ Москву 2 сентября, но объ обстоятельствахъ этого дѣла ходили самые разнорѣчивые толки. Одни утверждали, что древняя столица наша была взята непріателемъ послѣ кровопролитнаго боя, другіе рассказывали, что она сдана была непріятелю на основаніи договора. Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели всѣ эти

¹⁾ Андреевская рукопись, письмо отъ 21 сентября 1812 г.

²⁾ См. Андреевская рукопись, письмо отъ 28 сентября.

³⁾ За квартиру въ пять комнатъ платили тогда 300 руб. безъ дровъ, цѣна чрезвычайно высокая для того времени. См. письмо отъ 5 октября. О приливѣ иногородныхъ, см. письмо отъ 28 сентября.

вѣсти на харьковцевъ. Настроеніе было въ первое время самое тяжелое. Лишь одинъ лучъ надежды ярко сверкалъ среди этой страшной тьмы. Получались вполне достовѣрныя извѣстія, что армія наша сохранилась въ цѣлости и въ отличномъ порядкѣ, что она расположилась по рѣкѣ Пахрѣ на Рязанской дорогѣ и заграждаетъ непріятелю путь въ наши южныя губерніи. Это обстоятельство подняло духъ харьковскихъ патріотовъ и внушало имъ твердыя надежды на конечное спасеніе отечества. Какъ вѣрно смотрѣли эти патріоты на общее положеніе дѣлъ, на какихъ неизбѣмыхъ основаніяхъ покоились ихъ надежды, видно изъ слѣдующаго, въ высшей степени интереснаго, почти пророческаго мѣста изъ письма Лазича отъ 21 сентября. Сказавъ объ отступленіи нашей арміи въ совершенномъ порядкѣ на Рязанскую дорогу, свидѣтель нашъ продолжаетъ такимъ образомъ: „сіе безъ измѣненія великую надежду подаетъ всякому доброжелательному гражданину, полагающему упованіе на Бога, храбрость своихъ соотечественниковъ, наступающую зиму и чрезвычайную обширность государства, особливо, если къ сему присовокупить великій во всѣхъ сраженіяхъ уронъ непріятеля и затрудненіе въ продовольствованіи арміи“ ¹⁾).

Не трудно замѣтить, что въ этихъ немногихъ словахъ очерчено, какъ нельзя болѣе вѣрно, общее положеніе дѣлъ и съ поразительною ясностью указаны всѣ тѣ моменты, которые должны привести къ гибели непріятеля. Армія наша не уничтожена, она сохранила свою цѣлость и дисциплину, слѣдовательно отчаяваться въ спасеніи отечества не должно. Всѣ истинно русскіе должны возлагать свои упованія прежде всего на Бога, а затѣмъ на непоколебимую храбрость своихъ соотечественниковъ. Вѣрную надежду на спасеніе подаетъ также приближающаяся зима, этотъ страшный союзникъ русскихъ. Обширные размѣры государства Россійскаго должны также вселять каждому русскому твердую увѣренность въ счастливомъ исходѣ борьбы. Россія можетъ побѣдить непобѣдимаго своимъ пространствомъ; необходимо перенести вой-

¹⁾ Андреевская рукопись, письмо отъ 21 сентября 1812 г.

ну въ пространство, говорили въ самомъ началѣ кампаніи лучшіе стратеги и знатоки военного искусства, — люди, лично изучившіе всѣ свойства генія Наполеона, всѣ его способы веденія войнъ. Но эта мысль была отвергаема съ негодованіемъ въ началѣ борьбы; близорукіе патріоты требовали рѣшительныхъ сраженій и осмѣливались клеймить именемъ измѣнника человѣка, отважившагося, вопреки общему голосу, отступать, идти назадъ, „переносить войну въ пространство“. И вотъ, когда даны были рѣшительныя, но безполезныя битвы, въ глуши провинцій, вдали отъ центра событій, раздается смиренный, но правдивый голосъ патріота, не посвященнаго въ тайны стратегии, но одареннаго здравымъ смысломъ. „Не унывайте,—говоритъ этотъ голосъ своимъ согражданамъ,—воззрите на обширные размѣры вашего отечества, въ нихъ однихъ заключается уже вѣрный залогъ вашего спасенія“. И въ самомъ дѣлѣ, Россія,—не Пруссія и не Австрія. Непріятель можетъ занять всю ея западную половину, онъ можетъ войти въ самую Москву, но затѣмъ остаются еще незанятыми колоссальныя пространства и на востокѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ. Наше отступление можетъ продолжаться до Нижняго, до Казани, до Урала. А хватитъ-ли у непріятеля силы преслѣдовать насъ такъ далеко? Уже теперь понесъ онъ громадный уронъ въ людяхъ и не въ состояніи пополнить его, уже теперь онъ ощущаетъ недостатокъ въ продовольствіи, а что будетъ далѣе?

Безъ сомнѣнія, далеко не всѣ харьковцы, быть можетъ, даже не всѣ тонкіе харьковскіе политики понимали такъ хорошо и ясно положеніе дѣлъ, какъ нашъ свидѣтель; быть можетъ, очень многіе изъ нихъ впали въ уныніе и отчаяніе, но не подлежитъ сомнѣнію, что эти настроенія продолжались очень недолго, что духъ харьковцевъ поднялся также скоро, какъ и другихъ русскихъ. Достаточно было первыхъ нѣсколько отрадныхъ слуховъ, чтобы ободрить общество, чтобы сдѣлать его неузнаваемымъ. „Теперь у насъ,—пишетъ Лазичъ 28 сентября,—слухи хотя разнообразныя, но пріятныя; ибо здѣшніе купцы получили изъ разныхъ городовъ письма почти одинаковаго содержанія, изъ коихъ одно я самъ

читалъ, и въ которомъ было написано, что въ Орлѣ была печатная реляція, въ которой, между прочимъ, упоминается, что непріятель, было, видѣ показавъ, что стремится къ Рязани, но послѣ ударилъ на Тулу и Калугу, откуда, однакожъ, будучи отраженъ, отретировался на Можайскую дорогу. Въ сей сшибкѣ попавшійся французскій генералъ въ плѣнъ привезенъ сюда. Сіе происходило 17-го числа и, какъ говорятъ, безъ важнаго сраженія. Въ томъ-же письмѣ пишутъ, что вся Испанія очищена отъ французовъ, что англійскія войска вступили во Францію, и что даже и короля испанскаго взяли въ плѣнъ. Сіи извѣстія удивительно какъ подействовали на духъ здѣшнихъ жителей, они теперь гораздо живѣе и бодрѣе прежняго, да и, правду сказать, нельзя не радоваться, видя непріятельскіе замыслы уничтоженными¹⁾.

Мы знаемъ, что до 20 сентября не произошло ничего рѣшительнаго на театрѣ войны, что въ окрестностяхъ Москвы наши партизаны и отдѣльные отряды имѣли нѣсколько удачныхъ стычекъ съ непріятелемъ, но и этихъ небольшихъ успѣховъ, преувеличенныхъ по обыкновенію молвою, было уже достаточно, чтобы изгладить послѣднее тяжелое впечатлѣніе, вызванное потерей Москвы, чтобы возбудить во всѣхъ сердцахъ несокрушимую надежду на побѣду русскаго оружія. А что такъ действовало и вліяло въ Харьковѣ, далеко отъ Москвы, то действовало и вліяло съ не меньшею силою во всѣхъ близкихъ и дальнихъ губерніяхъ и областяхъ необъятной Россіи. Повсюду мощь русскаго народа, его несокрушимая вѣра въ Бога и въ свои собственныя силы обнаружилась въ полномъ своемъ блескѣ и величіи въ тяжелую годину испытанія. Вездѣ послѣ первыхъ порывовъ горя настала пора высокаго поднятія нравственныхъ силъ, вездѣ проявилось твердое намѣреніе вести борьбу до конца, не останавливаться ни предъ какими жертвами, ни предъ какими потерями; повсюду, во всѣхъ умахъ водворилось твердое упованіе на конечную и полную побѣду праваго дѣла. Въ теченіи всего сентября, когда дѣла оставались, повиди-

1) Андреевская рукопись, письмо отъ 28 сентября.

тому, еще въ неопредѣленномъ положеніи, когда начали ходить темные слухи о мирныхъ переговорахъ, въ русскомъ обществѣ распространилось лишь одно опасеніе, нападавъ на всѣхъ лишь одинъ страхъ: это страхъ передъ возможностью мира, это опасеніе, что Наполеону открытъ будетъ свободный и почетный выходъ изъ ловушки, въ которую попалъ онъ добровольно. „Всѣ опасались одного, говорить современникъ,—это мира“ ¹⁾. Опасеніе было одинаково и въ обществѣ, и въ рядахъ арміи. Во время переходовъ отъ Москвы къ Тарутинскому лагерю, солдаты наши имѣли передъ собою постоянно въ виду зарево пылающей Москвы. Никто въ рядахъ нашей арміи не сомнѣвался въ эти страшные дни, что огонь, пожирающій столицу Россіи, разложенъ святотатственною рукою непріятеля ²⁾. Легко себѣ представить, что должны были чувствовать при этомъ русскіе люди, покинувшіе столицу съ оружіемъ въ рукахъ. Жажда непримиримой мести съ силою всемогущей необходимости наполняла всѣ сердца, трепетали лишь передъ возможностью мира. Каждый задавалъ себѣ мучительный вопросъ: выдержитъ-ли русскій царь до конца тяжелую годину испытаній, не попадетъ-ли онъ еще разъ въ сѣти, разставленныя коварнымъ корсиканцемъ. Примѣръ Тильзита, еще свѣжій на памяти у всѣхъ, невольно заставлялъ трепетать за будущность отечества. Всѣ знали кроткій, гуманный, но въ тоже время податливый и перѣшительный характеръ Александра. Люди, болѣе посвященные, опасались всего болѣе вліянія среды, окружавшей императора. Они знали, что Александру придется выдержать тяжелую борьбу и съ самимъ собою, и съ людьми близкими къ нему, и дрожали при одной мысли за возможный исходъ такой борьбы. Не было тайною, что самъ наслѣдникъ престола, цесаревичъ Константинъ давно уже высказывается въ

1) „Всѣ опасались одного—мира съ Наполеономъ и продолженіе войны возвеличило въ глазахъ ихъ Александра“. Вигель, Воспоминанія, часть четвертая, стр. 58.

2) Убѣжденіе, что Москва сожжена непріятелемъ, было всеобщее: оно высказывалось правительствомъ въ его манифестахъ и извѣщеніяхъ, оно подтверждалось самимъ государемъ въ его письмахъ, напр. къ кронъ-принцу шведскому.

пользу мира, что такой близкій въ государю человекъ, какъ графъ Аракчеевъ, также убѣжденъ въ невозможности бороться съ великимъ человекомъ, что Румянцевъ и всѣ его сторонники употребятъ всѣ силы для прекращенія безполезной, по ихъ мнѣнію, войны. Не безъизвѣстно было также, что польская партія сохранила въ Петербургѣ свое прежнее значеніе и силу, не смотря ни на что. Всѣ эти обстоятельства и соображенія оставались, разумѣется, недоступными для массы народа. Эта масса также твердо вѣрила въ своего царя, какъ и въ тѣ незабвенныя минуты, когда она тѣснилась вокругъ него въ стѣнахъ священнаго Кремля, когда она силилась прикоснуться къ его одеждѣ, покрыть поцѣлуями его руки и ноги, когда она восторженно кричала ему: „отецъ нашъ, ангелъ нашъ! веди насъ противъ нихъ, веди противъ всего міра!“ Простые и неразумные оказались и на этотъ разъ прозорливѣе ученыхъ и мудрыхъ. Въ величайшій моментъ исторіи русской царь русскій оказался на высотѣ своего призванія, явился истиннымъ вождемъ и вѣрнымъ выразителемъ сокровеннѣйшихъ и глубочайшихъ стремленій своего народа. Тяжела была борьба, предстоявшая Александру, но онъ вышелъ изъ нея полнымъ побѣдителемъ. Благословеніе Всевышняго осѣнило его и неразрывно соединенный съ нимъ народъ русскій ¹⁾).

Извѣстіе объ оставленіи Москвы и о вступленіи въ нее непріятеля проникло въ Петербургъ сначала въ видѣ смутнаго слуха. Распустилъ этотъ слухъ какой-то пріѣзжій помѣщикъ, но никто не хотѣлъ вѣрить роковой вѣсти ²⁾). Однако же, уже на другой день государь получилъ донесеніе отъ графа Растопчина, окончательно разсѣвавшее всякое сомнѣніе. Графъ писалъ императору: „Адъютантъ князя Кутузова при-

¹⁾ Генераль Вильсонъ писалъ въ Лондонъ: „Взятіе Москвы есть только предвѣстіе истребленія завоевателей и побѣды Россіи. Съ средствами такого государства, съ духомъ такого народа, съ примѣромъ и мужествомъ такого государя, наконецъ, съ такою основою, какъ это храброе и вѣрное войско, нельзя сомнѣваться въ конечной побѣдѣ“. Wilson, Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland, стр. 151.

²⁾ Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 287.

везъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ чиновниковъ для сопровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говорилъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміею. Я все вывезу; мнѣ остается плакать объ участи моего отечества“ ¹⁾.

Не трудно себѣ представить, какъ должна была подѣйствовать эта грозная вѣсть на императора. Въ первое время Александръ такъ былъ пораженъ ею, что не доступенъ былъ никакимъ другимъ чувствамъ, кромѣ чувства глубокой, всепроникающей скорби. Мысль, что древняя его столица, центръ и сердце русской земли, находится уже въ рукахъ гордаго непріятеля, не давала ему ни на минуту покоя. Сердце его обливалось кровью, когда онъ вспоминалъ, что народъ, такъ недавно окружавшій его съ такою горячею любовью, съ такимъ восторженнымъ энтузіазмомъ, томится теперь подъ жестокимъ гнетомъ непріятеля. И онъ, вѣнценосный, прирожденный вождь этого народа, не въ состояніи былъ предупредить этой бѣды, не могъ спасти своего народа, не смотритъ на все пламенное желаніе, на всѣ труды и пожертвованія, не смотря на тяжелыя побѣды, одержанныя имъ надъ самимъ собою, надъ своими симпатіями, надъ глубоко вкорененными убѣжденіями. Охваченный такими мыслями, неспособный ни къ какимъ другимъ душевнымъ движеніямъ, императоръ просидѣлъ неподвижно въ теченіи цѣлой ночи у своего письменнаго стола передъ картою Россіи. Ничто, даже входъ постороннихъ лицъ не въ состояніи былъ вывести его изъ, почти-что безчувственнаго ко всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, состоянія. Если онъ и говорилъ въ эти страшные часы, то говорилъ какъ человѣкъ, только что пробудившійся послѣ страшнаго сновидѣнія, охваченный еще ледянымъ вѣяніемъ чудовищной грезы. Онъ избѣгалъ говорить о томъ, что было извѣстно ему одному, какъ будто жѣлалъ

¹⁾ Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 287.

скрыть, похоронить въ самой глубинѣ души своей это ужасное *ничто*. Никогда, быть можетъ, ни одинъ изъ монарховъ не страдалъ внутренно и такъ болѣзненно за свой народъ, за самого себя. Въ эту страшную ночь онъ пережилъ цѣлыя годы; его почти юношеское лицо было неузнаваемо на другой день, его волосы посѣдѣли отъ невыносимаго чувства скорби 1).

Скорбныя мысли начали смѣшиваться, однако-же, постепенно и съ душевными движеніями иного свойства. Государь задавалъ себѣ вопросъ, почему роковая вѣсть поразила его такъ моментально и страшно, и приходилъ къ убѣжденію, что впечатлѣніе ея усилилось до крайнихъ размѣровъ ея неожиданностью. Да, онъ не ожидалъ, не предвидѣлъ подобной катастрофы. Донесеніе Кутузова о Бородинской битвѣ, если и не показалось ему несомнѣнною вѣстью побѣды, но за то во всякомъ случаѣ подняло его надежды, устранило опасенія за Москву. Правда, онъ зналъ изъ послѣдующихъ донесеній главнокомандующаго, что наша армія продолжала свое отступление и послѣ сраженія 26 августа; но онъ не сомнѣвался, что это отступление не пойдетъ до самой Москвы, онъ былъ твердо увѣренъ, что за первымъ побѣдоноснымъ отраженіемъ врага не замедлятъ послѣдовать новыя болѣе рѣшительныя столкновенія съ непріателемъ. Но вотъ съ 29 числа прекратились всякія извѣстія отъ князя Кутузова, прошло нѣсколько томительныхъ дней, и вдругъ завѣса расторглась и истина во всей своей страшной наготѣ явилась предъ очами изумленнаго императора. „Итакъ, Кутузовъ обманулъ меня своими лживыми реляціями; мои антипатіи, мое неискоренимое недовѣріе къ этому человѣку, къ этому холодному, коварному, скрытному старику не обманывали меня“, — вотъ были тѣ слова, которыя могъ повторять себѣ государь не разъ въ теченіи безсонной ночи.

На другой день Александръ потребовалъ къ себѣ князя П. М. Волконскаго. Онъ приказалъ ему немедленно-же ѣхать

1) О состояніи государя въ эту ночь смотри свидѣтельство графа Комаровскаго, приведенное нами въ одной изъ прежнихъ статей.

въ дѣйствующую армію, ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и донести ему немедленно о своихъ наблюденіяхъ. Вслѣдъ затѣмъ государь вручилъ князю письмо на имя Кутузова. „Князь Михаилъ Иларіоновичъ! писалъ императоръ: съ 29 августа не имѣю я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ отъ 1 сентября получилъ я чрезъ Ярославль отъ московскаго главнокомандующаго печальное извѣстіе, что вы рѣшились съ арміею оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ мое удивленіе. Я отправляю съ симъ генераль-адъютанта Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь несчастной рѣшимости“ ¹⁾).

Прошло еще два дня, въ Петербургѣ начали уже ходить смутные слухи о пожарѣ въ Москвѣ, когда прибылъ, наконецъ, изъ арміи посланецъ Кутузова, полковникъ Мишо, съ донесеніемъ объ оставленіи Москвы. Мишо, родомъ иностранецъ, но сердцемъ чисто русскій ²⁾, сознавалъ отлично всю тяжесть возложеннаго на него порученія; непріятно, даже опасно быть вѣстникомъ несчастія и при томъ такого потрясающаго, какъ потеря Москвы ³⁾. „Никогда, говорилъ онъ

-) Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 288.

²⁾ „Russe de coeur et d'ame, quoique etranger“, говоритъ самъ о себѣ Мишо.

³⁾ Мишо самъ изложилъ свой разговоръ съ государемъ въ письмѣ къ бывшему флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому, который и воспользовался имъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о войнѣ 1812 года. Письмо напечатано цѣликомъ и въ приложеніяхъ къ книгѣ Богдановича, т. II, стр. 597—599. Письмо начинается такими словами. „Après l'entretien que nous eumes hier sur les evenemens de la guerre de l'année 1812, je crois vous faire plaisir, très cher colonel, en vous faisant connaitre une petite conversation que j'eus l'honneur d'avoir avec Sa Majesté notre très gracieux Empereur le S. 7-re 1812. Elle devrait faire époque dans l'histoire par la connaissance qu'elle donne de la force d'ame de notre Souverain, qui a été bien mal jugé par ceux qui l'ont cru au moment de conclure la paix après la perte de Moscou“ (т. е. „послѣ нашей вчерашней бесѣды о событіяхъ войны 1812 года, я думаю доставить вамъ удовольствіе, дорогой полковникъ, сообщивъ вамъ небольшой разговоръ, который удостоился я имѣть съ Его Величествомъ, нашимъ, всемилостивѣйшимъ Государемъ 7 сентября 1812 г. Разговоръ этотъ долженъ составить эпоху въ исторіи, такъ какъ онъ дастъ понятіе о силѣ души нашего Государя, судима-

самъ, ни одинъ путешественникъ не ѣхалъ съ такимъ стѣсненнымъ сердцемъ, какъ я“. Его путь пролегалъ по мѣстности, угрожаемой непріятельскимъ нашествіемъ. Ежеминутно встрѣчалъ онъ массы бѣглецовъ, „не уносившихъ съ собою иного достоянія, кромѣ любви къ отечеству, жажды мщенія и безграничной преданности къ своему обожаемому монарху“. Зарево пылающей Москвы озаряло его путь до самаго Муромъ. Онъ прибылъ въ столицу съ двойною страшною вѣстью: Москва не только уже была занята непріателемъ; нѣтъ, она уже пылала на всѣхъ концахъ. Государь немедленно-же принялъ его въ своемъ кабинетѣ. Уже одна глубоко-печальная наружность посланца не предвѣщала ничего добраго ¹⁾. Государь обратился къ нему съ такими словами. „Вы привезли мнѣ печальныя новости, полковникъ?“ — „Да очень печальныя, Государь“, отвѣчалъ Мишо: „вѣсть объ оставленіи Москвы“. — „Скажите, неужели древняя моя столица была отдана безъ боя“, прервалъ его съ живостью Государь. — „Государь, отвѣчалъ Мишо, окрестности Москвы не представляли удобной позиціи для того, чтобы отважиться на бой съ силами незначительными. Фельдмаршалъ думалъ поступить болѣе благоразумно, сохраняя Вашему Величеству армію, потеря которой не спасла-бы Москвы, но могла бы имѣть самыя громадныя послѣдствія. Теперь армія, получивъ подкрѣпленія, которыя спѣшите доставить ей Ваше Величество, которыя я встрѣтилъ на всѣхъ путяхъ, будетъ вскорѣ въ состояніи перейти въ наступленіе и заставить раскаяться непріятеля за его проникновеніе въ сердце Вашей имперіи“.

Тутъ Государь прервалъ Мишо вопросомъ: „И непріятель вступилъ уже въ Москву?“

„Да, Государь, и Москва превращена уже въ пепелъ, я оставилъ ее объятою пламенемъ“.

го такъ неправильно тѣми, которые считали его способнымъ заключить миръ послѣ потери Москвы“).

¹⁾ „Admis à l'instant par Sa Majesté dans Son cabinet, L'Empereur jugea d'abord par mon air, que je n'avais rien de consolant à Lui apprendre“...

При этихъ словахъ, душевное волненіе государя достигло своей высшей степени; слезы полились изъ его глазъ ¹⁾. Но онъ скоро оправился. Прошла еще минута. Въ очахъ императора блисталъ огонь геройской рѣшимости. Его лице выражало глубокую преданность Провидѣнію, покорность его неисповѣдимому рѣшенію.

„Изъ всего нами испытаннаго, обратился онъ къ Мишо, я заключаю, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ жертвъ, особенно отъ меня. Покоряюсь Его волѣ. Но скажите, Мишо, въ какомъ состояніи духа оставили вы армію, оставившую безъ выстрѣла мою древнюю столицу? Не повліяло-ли это на мораль солдата? Не замѣтили-ли вы упадка духа?“

„Государь! Позвольте-ли Вы мнѣ отвѣчать Вамъ свободно, какъ подобаетъ солдату?“

„Полковникъ, я требую всегда искренности, но въ эту минуту я прошу васъ говорить также, какъ говорили вы мнѣ до сихъ поръ; не скрывайте отъ меня ничего, я хочу знать положительно все“.

„Государь, я оставилъ всю армію, начиная отъ командующихъ и оканчивая послѣднимъ солдатомъ, безъ исключенія, въ ужасномъ страхѣ.“

„Что вы говорите? возразилъ императоръ взволнованнымъ голосомъ: что могло породить этотъ страхъ? Мои русскіе, могли-ли они пасть духомъ послѣ нѣсколькихъ несчастій?“

„Нѣтъ, они только боятся, чтобы Вы по добротѣ Вашего сердца не позволили убѣдить себя заключить миръ; они горятъ желаніемъ сразиться и доказать своею храбростью, пожертвованіемъ своей жизни, на сколько они преданы Вамъ“.

„Вы успокоиваете меня, полковникъ“ ²⁾, сказалъ государь, потрепавъ Мишо по плечу. „Возвращайтесь въ армію, скажите моимъ храбрымъ солдатамъ, скажите моимъ вѣрнымъ

¹⁾ „А ces mots les yeux du Souverain me firent si bien connaitre l'état de Son ame que j'en fus ému à ne pouvoir tenir“.

²⁾ Ah! vous me tranquillisez, colonel, сказано въ текстѣ письма. Ср. съ нимъ переводъ у Богдановича, гдѣ изъ этой простой фразы вышла цѣлая напыщенная тирада. Богдановичъ. Т. II, стр. 289.

подданнымъ, повсюду, гдѣ будете проѣзжать, что когда не останется у меня ни одного солдата, то я стану во главѣ моего вѣрнаго дворянства, моихъ добрыхъ крестьянъ и буду бороться, пока не истощатся послѣднія средства моей имперіи. Россія можетъ дать мнѣ болѣе средствъ, нежели предполагають непріятель; но если въ рѣшеніяхъ божественнаго Провидѣнія предначертано, что династія моя не должна царствовать долѣе на тронѣ моихъ предковъ, то истощивъ всѣ средства, находящіяся въ моемъ распоряженіи, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь) и пойду питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ ¹⁾, но никогда не подпишу стыдъ моего отечества и моей дорогой націи, пожертвованіями которой я такъ дорожу!“

Государь не могъ продолжать отъ волненія. Большими шагами ходилъ онъ по кабинету, все лицо его пылало. Наконецъ, онъ подошелъ къ Мишо и, пожимая крѣпко его руку, сказалъ: „Полковникъ, не забывайте того, что говорилъ я вамъ сегодня; быть можетъ, настанетъ время, когда мы вспомнимъ съ удовольствіемъ объ этомъ разговорѣ... Наполеонъ или я, я или онъ, мы не можемъ царствовать вмѣстѣ; я узналъ его хорошо; онъ не обманетъ меня болѣе!“

Сердце Мишо преисполнилось энтузіазмомъ при этихъ словахъ императора. „Государь! сказалъ онъ: Ваше Величество подписываете въ эту минуту славу Вашего народа и спасеніе Европы“.

1) И это мѣсто передано у Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича не точно. Въ подлинникѣ сказано: *mais si jamais il fut écrit dans les decrets de la divine Providence, que ma dinastie dut cesser de regner sur le trone de mes ancetres, alors apres avoir epusé tous les moyens, qui sont en mon pouvoir, je ne laisserai croître la barbe jusqu'ici et j'irai manger des pommes de terre avec le dernier de mes paysans plutôt que de signer la honte de ma patrie et de ma chere nation dont je sais apprecier les sacrifices qu'elle Me fait.* Въ переводѣ читаемъ: „но если судьбою и промысломъ Божиимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ и лучше соизмусь питаться картофелемъ съ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить“.

Разговоръ съ Мишо ободрилъ и подкрѣпилъ Александра въ его тяжелой внутренней борьбѣ, но совершенно иного рода впечатлѣніе произвело на него чтеніе донесенія Кутузова. Кутузовъ дипломатъ, Кутузовъ, способный по словамъ Суворова, обмануть всѣхъ, не исключая и самого Рибаса, казался въ каждой строчкѣ этого оригинальнаго документа.

„Послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны, отъ 26-го августа, сраженія, долженъ я былъ оставить позицію при Бородинѣ, по причинамъ, о которыхъ имѣлъ счастье донести Вашему Императорскому Величеству. Послѣ сраженія того, армія приведена была въ крайнее разстройство; вторая армія весьма уже ослабѣла. Въ такомъ истощеніи силъ приближались мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно дѣло съ авангардомъ непріятельскимъ, и на семъ недалекомъ разстояніи не представилось позиціи, на которой могъ-бы я съ надеждою принять непріятеля. Войска, съ которыми мы надѣялись соединиться, не могли еще прійти; непріятель же пустилъ двѣ новыя колонны, одну по Боровской, другую по Звенигородской дорогамъ, стараясь дѣйствовать па тылъ мой отъ Москвы; а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли-бы послѣдствіемъ не только разрушеніе остатковъ арміи, но и кровопролитнѣйшее разрушеніе и превращеніе въ пепель самой Москвы. Въ такомъ крайне сомнительномъ положеніи, по совѣщаніи съ первенствующими нашими генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ былъ я рѣшиться допустить непріятелю войти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества какъ казенныя, такъ и частныя, вывезены, и не одинъ дворянинъ въ ней не остался ¹⁾. Я осмѣливаюсь всеподданнѣйше изъяснить Вашему Величеству, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ, съ войсками,

¹⁾ У Богдановича напечатана только эта первая часть донесенія. „Исторія отечественной войны“, часть II стр. 290. Все донесеніе напечатано у Бергарда. Т. II, стр. 170—172.

которыя удалось мнѣ спасти, я дѣлаю движеніе по дорогѣ въ Тулу. Это движеніе дастъ мнѣ возможность защищать Тулу съ ея важнѣйшею ружейною фабрикою, Брянскъ съ его не менѣе важнымъ пушечно-литейнымъ заводомъ и прикрывать наши плодороднѣйшія губерніи. Всякое другое движеніе отрѣзало-бы меня отъ нихъ и помѣшало-бы сношеніямъ моимъ съ арміями Тормасова и Чичагова, въ томъ случаѣ, если-бы сіи послѣднія обнаружили большую дѣятельность въ угроженіи правому флангу непріятеля. Хотя я не отрицаю, что потеря столицы есть весьма чувствительная рана, но не колеблюсь между этимъ происшествіемъ и тою пользою, которая вытекала изъ сохраненія нашей арміи, я занимаю теперь, со всѣми силами, такую операціонную линію, которая даетъ возможность моимъ отрядамъ, исходя отъ Тульской и Калужской дорогъ, перерѣзать непріятельскую линію, растянутую отъ Смоленска до Москвы, и такимъ образомъ отрѣзать всякую помощь, которую могла-бы получить непріятельская армія съ тыла. Привлекая на себя все вниманіе непріятеля, я тѣмъ самымъ надѣюсь принудить его оставить Москву и измѣнить всю свою операціонную линію. Генералу Винцингероде предписано отъ меня стать самому на дорогѣ въ Клинъ и Тверь, а на дорогѣ въ Ярославль расположить казачій полкъ, дабы предохранить населеніе отъ нападеній непріятельскихъ отрядовъ. Теперь, когда я собралъ всѣ мои силы въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы, могу я спокойно ожидать нападеній непріятеля. Пока армія Вашего Императорскаго Величества цѣла и подвижна извѣстною храбростію и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше согласится изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерю Смоленска и съ тѣмъ разстроеннымъ совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ. Полковникъ Мишо объяснить Вашему Императорскому Величеству обстоятельнѣе положеніе дѣлъ“.

Нельзя не согласиться, что донесеніе Кутузова отличалось не только темнотою и неопредѣленностью, но и страдало яв-

ными противорѣчіями ¹⁾. Кутузовъ ставитъ оставленіе Москвы въ зависимости отъ потери Смоленска,—другими словами, онъ даетъ видъ, что Смоленскъ принадлежитъ къ числу тѣхъ мистическо-стратегическихъ пунктовъ, таинственное значеніе которыхъ понятно лишь однимъ посвященнымъ adeptамъ стратегии, и отъ обладанія которыми зависитъ господство надъ цѣлою страню. Самъ Кутузовъ всѣми своими дѣйствіями показалъ, однакоже, что онъ вовсе не былъ сторонникомъ этого страннаго ученія ²⁾, что въ данномъ случаѣ онъ прибѣгъ къ нему съ единственною цѣлью оправдать себя и свалить всю вину на своего предшественника. Онъ ввозилъ вслѣдъ затѣмъ еще большее обвиненіе на него: онъ говорилъ о совершенно разстроенномъ состояніи, въ которомъ онъ засталъ армію въ моментъ своего пріѣзда къ ней. Такое показаніе Кутузова находилось въ прямомъ противорѣчій съ истиною. Безсмертная заслуга Барклая и заключалась именно въ томъ, что онъ передалъ Кутузову армію не въ разстроенномъ, а въ превосходномъ состояніи. Это была та самая армія, съ которою отважился Кутузовъ, спустя нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда, вступить въ страшный Бородинскій бой,—та самая армія, которая отъ Смоленска до Царева-Займища не знала другой убыли кромѣ убитыхъ и раненыхъ въ стычкахъ съ непріателемъ,—та самая армія, которая изумляла самихъ враговъ своею строгою дисциплиною, своею выносливостію, своею постоянною готовностію къ бою, къ величайшимъ усиліямъ и безпримѣрному самопожертвованію. Въ донесеніи Кутузова встрѣчались и другія странныя противорѣчія. Такъ Кутузовъ называлъ по прежнему Бородинское сраженіе побѣдою, а вслѣдъ затѣмъ говорилъ объ остаткахъ арміи, уцѣлѣвшихъ послѣ этого сраженія. Самое оставленіе Москвы не было у него мотивировано достаточно; а увѣреніе, что изъ Москвы было вывезено рѣшитель-

¹⁾ Таково, между прочимъ, и мнѣніе Богдановича. Т. II, стр. 291.

²⁾ Это ученіе всецѣло господствовало у австрійскихъ стратеговъ, терпѣвшихъ столько постыдныхъ пораженій отъ Наполеона. У нихъ играло всегда главную роль не пораженіе непріятельскихъ массъ, а обладаніе какими-то господствующими и рѣшающими все дѣло стратегическими пунктами.

но все, взятое впрочемъ со словъ Растопчина, заключало въ себѣ чистѣйшую ложь.

Указывая на всѣ эти обстоятельства, мы вовсе не думаемъ ставить ихъ въ тяжкое преступленіе Кутузову. Не слѣдуетъ забывать, что донесеніе это было писано въ торопяхъ, подъ вліяніемъ самыхъ тяжелыхъ, удручающихъ обстоятельствъ. Не надо также упускать изъ виду, что ни одинъ главнокомандующій не можетъ говорить въ своихъ донесеніяхъ правду и не скрывать ничего. Необходимо, наконецъ, помнить личный характеръ Кутузова, его отношенія къ государю, исторію его назначенія, и тогда многое въ его донесеніи окажется естественнымъ и понятнымъ. Какъ-бы то ни было, но императоръ Александръ не могъ быть доволенъ подобнымъ донесеніемъ. Недовѣріе и подозрительность, столь свойственныя его натурѣ, должны были извлечь изъ него для себя новую пищу. А тутъ еще государь узналъ отъ графа Аракчеева, что и въ самой арміи были весьма и весьма вліятельныя лица, которыя рѣшительно порицали образъ дѣйствій Кутузова и усматривали въ самомъ оставленіи Москвы великую политическую и военную ошибку. Старый интригантъ Бенингсенъ, такъ удачно подкопавшійся въ свое время подъ Барклая, разсчитывалъ, что теперь настала пора совершить ту-же продѣлку и съ Кутузовымъ. Къ старымъ счетамъ прибавились теперь новыя. Бенингсенъ не могъ забыть того нравственнаго пораженія, которое потерпѣлъ онъ на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, онъ не могъ простить Кутузову его ироническаго указанія на Фридландское сраженіе. Зная личные чувства императора къ себѣ, Бенингсенъ не рѣшился, однако-же, обратиться съ своими инсинуаціями къ самому государю, а предпочелъ идти черезъ графа Аракчеева, человѣка съ одной стороны особенно близкаго къ Александру, а съ другой способнаго принять участіе въ любой интригѣ. Бенингсенъ вручилъ Мишо слѣдующее письмо на имя графа Аракчеева. „Я полагаю, что отдача Москвы произвела сильное впечатлѣніе въ С.-Петербургѣ. 1-го сентября, въ семь часовъ вечера, былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено отдать Москву, что немедленно и исполнено. Гене-

ралъ Барклай усерднѣе всѣхъ поддерживалъ это мнѣніе, увѣряя, что самъ государь одобритъ его. Время покажетъ намъ, въ какой степени справедливо такое увѣреніе. Весьма желалъ-бы я довести до монаршаго свѣдѣнія, что я никакъ не соглашался на сіе предложеніе, объясняя причины моего противорѣчія и поставляя на видъ всѣ вредныя послѣдствія, мною предвидѣнныя. По принятіи мнѣнія генерала Барклая, я оставилъ совѣтъ. Кажется, князь Кутузовъ нынѣ убѣдился, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, и совѣтуется со мною на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій; надѣюсь, что наше положеніе вскорѣ поправится“ ¹⁾).

Своимъ посланіемъ Беннингсенъ разсчитывалъ достигнуть сразу нѣсколькихъ цѣлей. Не забывая своей старой ненависти къ Барклаю, онъ хотѣлъ свалить прежде всего на него главную вину за оставленіе Москвы; затѣмъ онъ старался накинута тѣнь на образъ дѣйствій Кутузова и показать, что если дѣла наши и начинаютъ приходить въ нѣсколько сносное положеніе, то единственно благодаря мудрымъ совѣтамъ его, Беннингсена. Тонкіе разсчеты Беннингсена не оправдались, однако-же, вполне. Какъ ни сильно было въ первыя минуты негодованіе императора Александра на стараго фельдмаршала, но уже въ силу своей нерѣшительности и осторожности онъ былъ крайне далекъ отъ мысли о его немедленномъ смѣщеніи. „Извѣстіе о взятіи Москвы, разсказываетъ Шишковъ, подало поводъ къ разнымъ толкамъ, обвинявшимъ князя Кутузова. Примѣтя, что и самъ государь поставяетъ ему въ вину, для чего не далъ онъ вторичнаго подъ Москвою сраженія, я осмѣлился спросить у него: не думаетъ-ли онъ смѣнить Кутузова? и очень обрадовался отвѣту его:—„нѣтъ, я отнюдь сего не думаю“ ²⁾).

Обстоятельства и въ этомъ случаѣ оказались сильнѣе воли самого императора. Невозможно было смѣнить Кутузова уже потому, что не смотря на потерю Москвы, онъ продолжалъ пользоваться наибольшимъ довѣріемъ войска и народа. Да и

1) См. Богдановичъ: „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 291—292.

2) Записки Шишкова. Т. II, стр. 159.

къмъ возможно было замѣнить стараго вождя? Барьлай былъ по прежнему невозможенъ, не смотря на всѣ свои геройскіе подвиги, на все свое самопожертвованіе, а Бенингсенъ былъ крайне антипатиченъ самому императору. Въ виду такого положенія дѣлъ Александръ ограничился лишь тѣмъ, что передалъ на разсмотрѣніе комитета министровъ вопросъ о крайней неточности донесеній Кутузова и затребовалъ его отзыва на этотъ счетъ. Мнѣніе комитета сложилось такимъ образомъ. „Донесенія князя Кутузова о сраженіи подъ Бородино и о неожиданномъ допущеніи непріятеля въ Москву безъ всякаго сопротивленія не представляютъ той опредѣлительности и полного изображенія причинъ, кои въ дѣлахъ столь величайшей важности необходимы и что сіе составляетъ правительство въ невозможность основать свои заключенія. Соображаясь съ прежними примѣрами, что главнокомандующіе не только доносили всегда обстоятельно о всѣхъ движеніяхъ и намѣреніяхъ своихъ, но и доставляли журналы дѣйствій своихъ, протоколы совѣтовъ военныхъ и пр., для чего находились при нихъ, какъ и нынѣ находятся, нужные чиновники, комитетъ полагаетъ предписать главнокомандующему арміями, дабы доставилъ онъ сюда, во-первыхъ, протоколъ совѣта, въ коемъ положено было оставить Москву непріятелю безъ всякой защиты, и, во-вторыхъ, чтобъ на будущее время всегда доставлялъ полныя о всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ своихъ свѣдѣнія. Мнѣніе комитета о семъ въ томъ состоитъ, чтобы предписаніе главнокомандующему сдѣлано было не въ видѣ какого-либо замѣчанія, но единственно по совершенной въ помянутыхъ свѣдѣніяхъ отъ него необходимости“. Императоръ Александръ препроводилъ мнѣніе комитета къ Кутузову и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы доставляемые изъ арміи свѣдѣнія были полнѣе и точнѣе предъидущихъ ¹⁾.

Предъ императоромъ Александромъ поднялся въ первые дни по полученіи грозной вѣсти о сдачѣ Москвы и другой болѣе тяжелый, болѣе страшный вопросъ. Не слѣдовало-ли

¹⁾ Богдановичъ. „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 301.

въ самомъ дѣлѣ положить конецъ безплодному кровопролитію и вступить въ мирные переговоры съ Наполеономъ. Ходъ войны показалъ, повидимому, несомнѣнно, что всѣ надежды побѣдить непобѣдимаго обманывали одна за другою. Какой рядъ самыхъ тяжелыхъ разочарованій, начиная отъ пресловутаго Дрисскаго лагеря и оканчивая страшною Бородинскою бойнею, пережить уже былъ императоромъ! Сколько разъ перемѣнялъ онъ до сихъ поръ свою систему, искалъ спасенія то въ ученой стратегіи Фуля, то въ разумномъ и методическомъ образѣ дѣйствій Барклая, то, наконецъ, въ отчаянныхъ битвахъ подъ предводительствомъ вожда, излюбленнаго всею націею. И все напрасно! Непріятель преодолѣлъ всѣ препятствія, разрушилъ всѣ преграды, поставленныя ему на пути. Онъ занималъ уже Москву, центръ имперіи, и хотя наша армія не была еще истреблена, но кто могъ сказать, что Наполеонъ дастъ ей время оправиться и собраться съ силами? Кто могъ допустить, что геніальнѣйшій полководецъ міра начнетъ совершать съ этого времени цѣлый рядъ крупныхъ политическихъ и военныхъ ошибокъ, что онъ будетъ бездѣйствовать въ Москвѣ въ теченіи цѣлыхъ шести недѣль, что онъ упуститъ изъ виду нашу армію, что онъ самъ будетъ заискивать мира? Не естественнѣе ли было предположить, что Наполеонъ обнаружитъ и въ эту рѣшительную минуту свою обычную энергію и быстроту, что онъ атакуетъ нашу армію и уничтожитъ ее окончательно, что онъ двинетъ часть своихъ полчищъ къ Петербургу, или же расположится на зимовку въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ? Кто могъ сомнѣваться въ геніальной находчивости Наполеона, въ неистощимости его средствъ, кто могъ предвидѣть и разстроить его неожиданныя комбинаціи, всегда столь спасительныя для него и столь губительныя для его враговъ? А съ другой стороны, можно ли было разсчитывать, что Наполеонъ самъ не пожелаетъ доводить дѣло до крайности, что онъ предложитъ Россіи условія мира, если и не почетныя, то, быть можетъ, не особенно тяжелыя. Вѣдь Наполеонъ еще до начала войны изъявилъ многимъ, что онъ вовсе не намѣренъ уничтожать Россіи, что онъ желаетъ лишь

присоединить ее вновь къ своей политической системѣ. Правда, успѣхи, одержанные до сихъ поръ Наполеономъ, могли усилить непомѣрно его требованія; но съ другой стороны, онъ долженъ былъ понимать, что и его положеніе не было вполне безопасно и что не слѣдуетъ доводить Россіи и ея императора до крайности, до отчаянія.

Мы не знаемъ, задавалъ-ли себѣ эти вопросы самъ императоръ, но намъ извѣстно положительно, что другія лица, и притомъ лица самыя близкія къ Александру, выдвигали передъ нимъ эти вопросы, совѣтовали и требовали, чтобы онъ положилъ конецъ ужасной войнѣ и вступилъ въ унижительную сдѣлку съ Наполеономъ. Если гдѣ-либо, то именно въ самыхъ высшихъ сферахъ потеря Москвы произвела самое удручающее впечатлѣніе. Французская партія съ канцлеромъ Румянцевымъ во главѣ нашла себѣ вдругъ сильнѣйшую опору при дворѣ, въ высшей аристократіи, въ самой царской семьѣ. Великій князь Константинъ Павловичъ требовалъ мира съ своею обычною страстностью; императрица Марія Феодоровна, не смотря на всю свою ненависть къ Наполеону, была подавлена окончательно несчастіемъ и совѣтовала сыну преклониться предъ неотразимою судьбою. При всемъ дворѣ господствовало глубокое уныніе. Печальная перспектива новыхъ бѣдствій, бѣгство въ Олонецъ, или въ далекую Казань, наводили на всѣхъ леденящій ужасъ ¹⁾. Ежечасно, ежеминутно видѣлъ императоръ смущенныя, озабоченныя лица своихъ окружающихъ, отовсюду слышалъ онъ одни и тѣ же робкіе и недостойные совѣты и внушенія. Императоръ сознавалъ инстинктивно, что онъ долженъ отвергнуть съ негодованіемъ эти совѣты, что онъ долженъ отстаивать во что бы то ни стало честь и самобытность своего народа; но его

¹⁾ Бернгарди говоритъ: In Petersburg dagegen erbehte mancher, und neben der eigentlichen französischen Partei, an deren Spitze Rumjanzew stand, erhob auch eine weit zahlreichere Friedenspartei ihre Stimme. Selbst die Kaiserin-Mutter, die sonst Napoleon persönlich mehr hasste, als irgend ein Mitglied der kaiserlichen Familie, sprach jetzt erschreckt von Frieden, den der Grossfürst Konstantin mit seiner gewöhnlichen Leidenschaftlichkeit laut für unumgänglich nothwendig erklärte. Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 179.

мягкая, податливая натура изнемогала подъ страшную тяжесть этой борьбы, она искала себѣ невольно опоры и помощи. Только три лица, изъ бывшихъ тогда въ Петербургѣ, Шишковъ, графъ Кочубей и баронъ Штейнъ могли дать ему эту опору, только одни они могли поддержать въ немъ духъ геройской рѣшимости. Но Шишковъ занималъ, очевидно, слишкомъ второстепенное положеніе и не могъ отважиться совѣтовать императору. Иное дѣло были графъ Кочубей и баронъ Штейнъ ¹⁾. Одинъ изъ нихъ былъ другомъ Александра съ юношескихъ лѣтъ, другой пользовался величайшимъ уваженіемъ императора и его безусловнымъ довѣріемъ. И Кочубей и Штейнъ стояли на одной и той же почвѣ, проникнуты были однимъ и тѣмъ же образомъ мыслей. Оба они усматривали въ Наполеонѣ величайшаго врага свободы и будущности европейскихъ націй; оба усматривали въ Россіи и ея императорѣ орудія, избранныя самимъ Провидѣніемъ для избавленія человѣчества отъ неслыханной и постыднѣйшей тиранніи. Оба они понимали отлично, что Россія поставила въ настоящей борьбѣ на ставку все свое національное существованіе и свою народную честь, что дѣло шло для нея на этотъ разъ не о нѣсколькихъ провинціяхъ и не о перемѣнѣ системы союзовъ, а о *быть* или *не быть*. И они не колебались ни на минуту, что Россія выиграетъ эту ставку, что недалекъ уже тотъ моментъ, когда она побѣдоносно станетъ во главѣ освобожденнаго европейскаго человѣчества. И въ то время, когда все вокругъ ихъ повѣсило голову и толковало лишь о постыдныхъ сдѣлкахъ съ непріятелемъ, они одни не падали духомъ, держали себя бодро и весело

¹⁾ Die Welt weiss, говоритъ Бернгарди, dass der Kaiser Alexander, nur an dem edlen Stein und Kotschubei eine Stütze fand, und es gereicht um so mehr zu seiner Ehre, dass er unerschüttert blieb“. (Т. е. свѣтъ знаетъ, что императоръ Александръ нашелъ себѣ опору только въ благородномъ Штейнѣ и Кочубей, тѣмъ болѣе для него чести, что онъ остался непоколебимымъ). Въ этомъ свидѣтельствѣ не говорится ни слова о Шишковѣ, но изъ его записокъ мы знаемъ, какъ часто видѣлся онъ съ государемъ въ эти тяжелые дни, въ какомъ смыслѣ говорилъ онъ ему и какъ смѣло высказывалъ свои чисто русскія и глубоко-религіозныя убѣжденія.

и высказывали твердую надежду на скорую и неизбежную гибель Наполеона ¹⁾).

Въ то самое утро, когда вѣсть о взятіи Москвы и о первыхъ пожарахъ распространила страхъ и уныніе въ высшихъ петербургскихъ кружкахъ, Штейнъ, по свидѣтельству Арндта, спокойно сидѣлъ за своимъ завтракомъ и среди обычныхъ разговоровъ вспомнилъ о грозномъ извѣстіи. „Вы вѣроятно слышали, обратился онъ къ Арндту: Москва горитъ уже на всѣхъ концахъ, сюда наѣхало уже не мало бѣглецовъ. Быть можетъ, намъ придется отправляться въ Олонецъ, а пожалуй и въ Оренбургъ. Что-жъ дѣлать? Уже два, три раза въ жизни приходилось мнѣ терять свой багажъ. Надо-же когда-нибудь умирать. Какой жалкій народъ всѣ эти люди. Сейчасъ былъ здѣсь Ф.; онъ убивается, какъ будто съ Москвою сгорѣлъ цѣлый міръ. Я хотѣлъ его пригласить къ обѣду, но онъ отбилъ у меня навсегда охоту. Мы же будемъ сегодня веселы!“ И онъ былъ дѣйствительно веселъ за обѣдомъ. Онъ пилъ за Россію, за Англію, за Испанію, за всѣхъ враговъ тирана ²⁾). Лицо его блистало въ этотъ день несказанною радостью, полною увѣренностью въ близкомъ, несомнѣнномъ торжествѣ праваго дѣла.

Вліяніе такого желѣзнаго характера на императора Александра, на всю высшую среду, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Было бы смѣшно отрицать это вліяніе, въ силу какого-то ложнаго патріотизма,—восклипать, что мы русскіе, никогда не нуждались въ постороннихъ вліяніяхъ для возбужденія въ насъ преданности къ отчизнѣ ³⁾). Мы уже

¹⁾ Многіе изъ нашихъ патріотовъ и до сихъ поръ не могутъ примириться съ мыслью, что Штейнъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на императора Александра въ 1812 г., но для чего же, какъ не для нравственной опоры самому себѣ, вызвалъ Александръ Штейна въ Россію? Неужели только для сформированія германскаго легіона?

²⁾ См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 157.

³⁾ Такъ говоритъ, между прочимъ, и Богдановичъ въ своей исторіи отечественной войны. При этомъ, подобно другимъ, онъ совершенно опускаетъ изъ виду, что Штейнъ вовсе не возбуждалъ патріотизма въ народѣ русскомъ, а своимъ нравственнымъ вліяніемъ только поддерживалъ императора Александра въ борьбѣ съ обстоятельствами и трусами, окружавшими его. Штейнъ вліялъ

видѣли, что Александръ по всей своей натурѣ нуждался въ нравственной опорѣ и поддержкѣ, а гдѣ могъ онъ найти ихъ, какъ не въ лицахъ, подобныхъ Штейну? Тамъ, гдѣ люди обыкновенные и пошлые поддавались чувству безотчетной паники, дрожали за свои удобства и положеніе,—тамъ, гдѣ интриганы, подобные Аракчееву и Балашеву, теряли разсудокъ отъ прилива трусости,—тамъ, гдѣ люди почтенные, но недалекіе, подобные Румянцеву, не видѣли иного спасенія, какъ въ возвращеніи къ Тильзитской системѣ,—тамъ, гдѣ ближайшіе члены царственной семьи совѣтовали обратиться къ великодушію Наполеона: тамъ одинъ Штейнъ стоялъ твердо, непоколебимо, высказывалъ безграничную увѣренность въ милосердіи Всемогущаго, совѣтовалъ смотрѣть твердо и прямо въ лице надвигающейся грозѣ. Его пламенный энтузіазмъ охватывалъ болѣе слабыя натуры, оживлялъ падающихъ духомъ, соединялъ во-едино твердыхъ и благородныхъ, ободрялъ сомнѣвающихся и изнемогающихъ и поражалъ, какъ громомъ, трусовъ и злыхъ эгоистовъ и измѣнниковъ. Въ тяжелые дни послѣ паденія Москвы, Штейнъ сдѣлался человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова общественнымъ. Ежедневно бесѣдовалъ онъ съ императоромъ, съ обѣими императрицами и съ другими членами царской семьи; ежеднев-

подобнымъ же образомъ и на другихъ лицъ высшаго круга. Многія изъ такихъ лицъ, какъ напр. Орловъ, Уваровъ, относились къ Штейну съ величайшимъ уваженіемъ и любовью. Уваровъ прямо благоговѣлъ передъ нимъ. Какіе уроки давалъ Штейнъ нашимъ аристократамъ—видно изъ слѣдующаго случая. Обширный дворецъ гр. Орлова былъ набитъ всевозможными жильцами. Тутъ были садовники, слесари, шорники, учителя языковъ, танцмейстеры, музыканты. За столомъ обѣдали ежедневно челоѣкъ 50 артистовъ, пѣвцовъ, пѣвицъ, музыкантовъ, живописцевъ. Иногда вмѣстѣ съ ними являлись и ихъ питомцы, мальчики и дѣвочки, собранные со всѣхъ концовъ Россіи изъ всевозможныхъ народностей, не исключая киргизовъ и калмыковъ; они являлись въ своихъ національныхъ костюмахъ. Въ ихъ средѣ вращались и молодые члены графской семьи; они учились вмѣстѣ съ ними болтать и пѣть по-французски и итальянски, рисовать, танцевать. Пестрая толпа молодежи иногда забавляла Штейна, но однажды послѣ обѣда онъ сказалъ Орлову: „Не жалуйтесь мнѣ впередъ, что всѣ ваши мужчины такъ мягки и безхарактерны. Вѣдь, я вижу, какъ вы воспитываете вашихъ родственниковъ среди сброда холоповъ, скупленныхъ отовсюду. Что можетъ выйти изъ нихъ“. См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 169—170.

но появлялся онъ въ кружкахъ у Кочубея, Орлова и Уварова. И вездѣ его появленіе, его рѣчи, его чистый, святой энтузіазмъ вливали пламень мужества во всѣ сердца, порождали твердую вѣру въ возможность, въ несомнѣнность побѣды Россіи, побѣды человѣчества. А какія горькія, но въ то же время здравыя, цѣлительныя истины высказывалъ этотъ германскій патріотъ самому государю и русской знати! Въ чемъ заключалось, по его мнѣнію, все несчастье Россіи? Не въ томъ-ли, что она слишкомъ поддавалась влиянію чужеземныхъ обычаевъ? Россія, доказывалъ Штейнъ, должна была заимствовать у западныхъ европейцевъ общепользныя знанія и учрежденія; но она должна была сохранить въ то же время свои первоначальныя права, образъ жизни, одежду; она не должна была подкапывать и портить свою самобытность, измѣняя все это. Ей не нужно было ни французской кухни, ни французской одежды, ни иностраннаго типа; она могла исключить изъ собственнаго все грубое, не отказываясь отъ всѣхъ его особенностей. Положеніе столицы Россіи (т. е. Петербурга), примѣръ правителей, естественная склонность націи къ подражанію, способствовали усиленію пристрастія къ иностраннымъ обычаямъ. И кого-же избрали себѣ за образецъ русскіе? Самую изнѣженную и испорченную націю изъ всѣхъ европейскихъ—французскую. Языкъ французовъ, ихъ литература, ихъ способъ воспитанія сдѣлались господствующими въ высшихъ классахъ и имѣли самыя гибельныя послѣдствія для нравственности и народнаго образованія. Не пора-ли,—задавалъ Штейнъ вопросъ,—въ виду этого послѣдняго обстоятельства положить предѣлъ дальѣйшему вторженію иностраннаго элемента, не слѣдовало-ли бы возвратиться къ столь цѣлесообразной и удобной національной одеждѣ, не слѣдовало-ли бы императорскому двору перенести свою резиденцію въ Москву? ¹⁾

¹⁾ Эти свои мнѣнія Штейнъ формулировалъ впоследствии письменно. Они помѣщены въ IV томѣ его біографіи, написанной Перцомъ, стр. 468—470. Тамъ же помѣщено чрезвычайно любопытное мнѣніе Штейна о положеніи русскихъ крѣпостныхъ и о средствахъ улучшить ихъ бытъ. „Для развитія умственныхъ

Какъ долженъ былъ относиться императоръ Александръ къ такимъ мнѣніямъ Штейна? Не относились-ли они ближе всего къ нему самому? Не былъ-ли онъ повиненъ болѣе всѣхъ другихъ въ систематическомъ пристрастіи ко всему иностранному, въ полнѣйшемъ отреченіи отъ всего русскаго? Развѣ онъ самъ не говорилъ и не мыслилъ постоянно по-французски? Развѣ всѣ его гуманныя идеи не были заимствованы у тѣхъ-же французовъ? Развѣ въ первые годы своего правленія не силился онъ пересоздать и осчастливить Россію сначала на англійскій, а потомъ на французскій образецъ? Развѣ въ началѣ страшнаго испытанія онъ не полагался не столько на силы своего народа и на его непоколебимую вѣрность, сколько на симпатіи поляковъ, на поддержку іезуитовъ, говорившихъ свои проповѣди на такомъ изящномъ французскомъ діалектѣ, увѣрявшихъ его на такомъ безупречномъ парижскомъ жаргонѣ въ своей безпредѣльной преданности Россіи?

И не одинъ Штейнъ высказывалъ такія горькія истины императору: и въ средѣ русскихъ нашелся человѣкъ, отважившійся говорить ему лично тоже самое. Въ одной изъ своихъ официальныхъ бумагъ, назначенныхъ для обнародованія ¹⁾, Шишковъ, говоря объ ужасныхъ событіяхъ въ Москвѣ, о грабежахъ и неистовствахъ французовъ, не удержался присовокупить нѣсколько своихъ разсужденій „о поврежденіи нравовъ нашихъ отъ привязанности и подражанія тому народу, который въ недавнія времена, отступя отъ Бога и вѣры, впалъ зъ язычество, казнилъ своихъ царей и съ такою-же лютостью поступалъ съ собственными своими соотечественниками, съ какою нынѣ поступаетъ съ нами“. Напи-

силъ и народнаго богатства, говоритъ Штейнъ, было-бы полезно предоставить крестьянину полное обладаніе землею, обложивъ ее возрастающею рентою, взимаемою продуктами, хотя-бы третью или половиною оныхъ, предоставить земледѣльцу личную свободу и подчинить его полицейскому и судебному надзору помѣщика. Черезъ это возникло-бы почтенное крестьянское сословіе, и среднее сословіе разрослось-бы настолько, что могло-бы наполнить весь кругъ свойственной ему дѣятельности“. Послѣ всѣхъ нашихъ реформъ и экспериментовъ, нельзя не удивляться оригинальности и глубинѣ этихъ предложеній.

¹⁾ О поводѣ къ обнародованію этой бумаги мы будемъ говорить ниже.

савъ все это, Шишковъ, однако-же, началъ соображать, что подобная бумага можетъ не понравиться государю, такъ какъ упреки, высказанные въ ней, если и не прямо, то все-таки отчасти падали на него самого. Мысль эта не мало смущала Шишкова; но когда-же, рѣшилъ онъ, наконецъ, если не теперь, дать ему почувствовать все это? Ободренный этимъ размышленіемъ, Шишковъ отправился съ своею бумагою къ государю и передъ докладомъ обратился къ нему съ такими словами: „Государь! Я не умѣю иначе говорить, какъ то, что чувствую. Позвольте мнѣ попросить васъ выслушать бумагу до конца, не прерывая чтенія. Послѣ того, сдѣлайте съ ней, что вамъ будетъ угодно“. Онъ обѣщалъ, и Шишковъ началъ читать. Изобразивъ въ яркихъ чертахъ ужасы, производимые полчищами Наполеона въ нашей древней столицѣ, онъ продолжалъ такъ: „Но меньше-ли (чѣмъ ихъ властители) оказались свирѣпыми исполнители и слуги его, и своихъ собственныхъ страстей? Могъ-ли бы онъ духъ ярости и злочестія своего вдохнуть въ миллионы сердецъ, если-бы сердца сіи не были развращены и не дышали злонаправіемъ? Хотя, конечно, во всякомъ и благочестивомъ народѣ могутъ быть изверги; однако-же, когда сихъ изверговъ, грабителей, зажигателей, убійцъ невинности, оскорбителей челоѣчества, поругателей и осквернителей самой святыни, появится въ цѣломъ воинствѣ почти всякъ и каждый, то невозможно, чтобы въ народѣ такой державы были благіе нравы. Человѣческая душа не дѣлается вдругъ злою и безбожною: она становится таковою мало-по-малу, отъ примѣровъ, отъ соблазна, отъ общаго и долговременно развивающагося яда безвѣрія и развращенія. Сами французскіе писатели изображали нравъ народа своего „сліяніемъ тигра съ обезьяною“; и когда-же не былъ онъ таковъ? Гдѣ, въ какой землѣ весь царскій домъ казненъ на плахѣ? Гдѣ, въ какой землѣ столько поругана была вѣра и Самъ Богъ? Гдѣ, въ какой землѣ самыя гнусныя преступленія позволялись обычаями и законами? Взглянемъ на адскія, изрыгнутыя въ книгахъ ихъ лжемудрованія, на распутство жизни, на ужасы революціи, на кровь, пролитую ими въ своихъ и чужихъ земляхъ: слыха-

но-ли когда, чтобъ столѣтніе старцы и нерожденные еще младенцы осуждались на казнь и мученіе? Гдѣ челоуѣчество? Гдѣ признаки добрыхъ нравовъ? Вотъ съ какимъ народомъ имѣемъ мы дѣло! И посему должны разсуждать, можетъ-ли прекращена быть вражда между безбожіемъ и благочестіемъ, между порокомъ и добродѣтелью? Долго мы заблуждались, почитая народъ сей достойнымъ нашей пріязни, содружества и даже подражанія. Мы любовались и прижимали къ груди нашей змѣю, которая, терзая собственную утробу свою, проливала къ намъ ядъ свой, и, наконецъ, настѣже, за нашу привязанность и любовь, всезлымъ жаломъ своимъ уязвляетъ. Не постыдимся признаться въ нашей слабости. Похвальнѣе и спасительнѣе упасть и возстать, нежели видѣть свою ошибку и лежать подъ вреднымъ игомъ ея. Опаснѣе для насъ дружба и соблазны развратнаго народа, чѣмъ вражда ихъ и оружіе. Возблагодаримъ Бога! Онъ и во гнѣвѣ Своемъ намъ отецъ, пекущійся о нашемъ благѣ. Провидѣніе въ ниспосланіи на насъ бѣдствій являетъ намъ свою милость. Лишеніе богатствъ поправится умѣренностію роскоши, вознаградится трудолюбіемъ и сторицею со временемъ умножится; но поврежденіе нравовъ, зараза невѣрія и злочестія погубили бы насъ невозвратно. Очевидный, исполненный мерзостей, пожарами Москвы осіянный, кровію и ранами нашими запечатлѣнный примѣръ напоследокъ долженъ открыть намъ глаза и увѣрить насъ, что мы одно изъ двухъ непремѣнно избрать должныствуемъ: или, продолжая питать склонность нашу къ злочестивому народу, быть злочестивыми рабами его; или прервавъ съ нимъ всѣ нравственныя связи, возвратиться къ чистотѣ и непорочности нашихъ нравовъ и быть именемъ и душою храбрыми и православными россиянами. Должно единожды рѣшиться между зломъ и добромъ поставить стѣну, дабы зло не прикоснулось къ намъ: тогда, искусясь кровію и бѣдами нашими, возстанемъ мы, купимъ неложную себѣ славу, доставимъ спокойствіе потомкамъ нашимъ, и благодать Божія пребудетъ съ нами“¹⁾.

¹⁾ См. записки Шишкова, т. I, стр. 160—161; самая бумага тамъ-же въ при-

Чтеніе Шишкова произвело на государя сильное, неизвѣданное еще имъ доселѣ, впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ, что укоризны, бросаемыя смѣлымъ патріотомъ въ лицо всему народу русскому, относятся въ дѣйствительности лишь къ нему лично, да къ той знатной, высоко и тонко воспитанной средѣ, въ которой вращался онъ до сихъ поръ по преимуществу, которая вѣчно стояла доселѣ между нимъ и его, правда, грубымъ и невѣжественнымъ, но неиспорченнымъ и самобытнымъ народомъ. Александръ чувствовалъ всю справедливость укоризнъ, онъ чувствовалъ, какъ краска стыда приливала къ его лицу. Чтеніе окончилось. Настала минута тягостнаго молчанія. Александръ первый прервалъ его:— „такъ, правда! я заслуживаю сіи укоризны“, и его голосъ дрожалъ отъ внутренняго волненія. Шишковъ испугался самъ произведеннаго имъ впечатлѣнія. Желая смягчить его по возможности, онъ обратился къ государю съ такими словами: „Государь! не Вы тому причиною, и едва-ли въ царствованіе Ваше могли отвратить сіе слишкомъ усилившееся зло, котораго начало идетъ отъ великаго впрочемъ, но въ семъ случаѣ не предусмотрѣннаго послѣдствій, прародителя Вашего, Петра I. Онъ, вмѣстѣ съ полезными науками и искусствами, допустилъ войти мелочнымъ подражаніямъ, поколебавшимъ

ложеніи, стр. 438—442. Наши современные либералы, усматривающіе въ французской революціи величайшее откровеніе человѣческаго разума, отвернутся, безъ сомнѣнія, съ негодованіемъ отъ рѣзкихъ приговоровъ стараго русскаго патріота. Такимъ господамъ мы советуемъ прочесть предисловіе къ послѣднему тому исторіи французской революціи, величайшаго изъ современныхъ французскихъ изслѣдователей—Тэна. Тэнъ смотритъ на французскихъ революціонеровъ, какъ на свирѣпыхъ крокодиловъ, пожиравшихъ человѣческія жертвы и отрицаетъ всѣ тѣ блага, которыя принесла съ собою будто-бы революція. Онъ говоритъ въ заключеніе: „Я пишу для любителей нравственной зоологій, для натуралистовъ духа, для изслѣдователей истины, текстовъ, доказательствъ, только для нихъ однихъ, а не для публики, которая давно уже составила себѣ мнѣніе о революціи. Это мнѣніе начало возникать между 1825 и 1830 г., послѣ удаленія или смерти свидѣтелей-очевидцевъ. Тогда-то успѣли убѣдить добрую публику, что крокодилы были филантропы, что нѣкоторые изъ нихъ были геніи, что они пожирали только виновныхъ, и что если они и ѣли иногда слишкомъ много, то единственно изъ преданности общему благу и отъ самопожертвованія“. Taine, *Origines de la France contemporaine. La Revolution*. T. III. стр. I—IV.

коренные обычаи и нравы. Прочіе цари не останавливали сего рождавшагося въ насъ пристрастія ко всему чужеземному, а особливо французскому. Великая Екатерина, бабка Ваша, напослѣдокъ почувствовала сіе и старалась обращать насъ къ отечественнымъ доблестямъ; но то было уже поздно, и потребовало не малыхъ и долговременныхъ усилій“. Государь слушалъ молча эти оправданія и смягченія. Онъ чувствовалъ, что старый адмиралъ говоритъ на этотъ разъ не вполне искренно, что вина и ошибки предшественниковъ не могутъ освободить его отъ глубоко сознаваемой имъ вины, что слѣпое подражаніе всему иностранному, что французomanія во всѣхъ ея видахъ и формахъ особенно широко разлилась по всему лицу земли русской именно въ его царствованіе, и что не кто другой, а онъ самъ стоялъ во главѣ этого движенія, думалъ именно этимъ путемъ осчастливить и преобразовать свой народъ. Подавленный тяжестью сознаваемой отвѣтственности и погруженный въ свои тяжелыя мысли, государь не сказалъ болѣе ни слова Шишкову, но прощаясь съ нимъ, онъ оставилъ у себя его бумагу ¹⁾).

Смѣлые совѣты Штейна, внушенія Шишкова пали на хорошо подготовленную почву. Предшествующія грозныя событія давно уже должны были убѣдить Александра, что онъ долженъ искать спасенія въ твердой и неразрывной связи съ своимъ народомъ. Теперь, когда судьба произнесла свое послѣднее грозное слово, когда пламя горячей Москвы освѣтило своимъ зловѣщимъ заревомъ всю Россію, твердое единеніе царя и народа явилось единственнымъ залогомъ спасенія. Но какъ установить это единеніе, какъ раскрыть передъ царемъ всю глубину и силу энтузіазма, охватившаго народъ русскій, и какъ показать народу, что его царственный вожьдъ остается твердъ и непоколебимъ передъ всѣми ударами судьбы, что возлагая надежды на Бога и народъ свой, онъ смотритъ спокойно и съ вѣрою въ будущее? Безъ сомнѣнія, надлежало для достиженія этой цѣли приблизить-

¹⁾ См. Записки Шишкова. Т. I, стр. 160—161.

ся царю какъ можно болѣе къ народу, не ограничиваться одними манифестами и воззваніями, а стараться становиться, какъ можно чаще, лицомъ къ лицу съ народомъ, не скрываться въ глубинѣ дворца отъ глазъ народа, а показываться публично, сдѣлать особу свою доступною для всѣхъ и каждаго, вливать своимъ яснымъ взглядомъ, своимъ словомъ и примѣромъ мужество, надежду и упованіе на помощь Всевышняго въ сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ. Александръ хорошо понималъ всю цѣлесообразность такого образа дѣйствій, въ томъ-же смыслѣ совѣтовали ему и всѣ истинно-преданные ему люди,—люди, подобные Штейну, Кочубею, Шишкову; но къ сожалѣнію у государя были и другіе совѣтники, старавшіеся увлечь его на иной путь. Число придворныхъ и знатныхъ лицъ, систематически внушавшихъ государю недоверіе къ народу, было чрезвычайно велико, хотя лица эти принадлежали къ совершенно различнымъ лагерямъ и дѣйствовали изъ совершенно неодинаковыхъ побужденій. Польская справа, опутавшая своими сѣтями Александра чуть не съ первыхъ дней царствованія, продолжала играть свою двусмысленную роль осенью 1812 г. въ Петербургѣ съ такимъ-же совершенствомъ, какъ играла она ее въ Вильнѣ въ началѣ похода. Какими мотивами руководились при этомъ всѣ эти ясновельможные Любомирскіе, Огинскіе, Влодеки, Браницкіе и имъ подобные, угадать не трудно. Побѣда великаго патрона Польши, Наполеона, казалась петербургскимъ представителямъ Рѣчи Посполитой дѣломъ рѣшеннымъ; но осторожность, столь свойственная польскимъ политикамъ, по крайней мѣрѣ, со временъ паденія отчизны, заставляла ихъ имѣть въ виду и другую случайность, сколь ни невѣроятна казалась она на первый взглядъ. Побѣда Россіи могла быть допущаема какъ возможность, хотя и невѣроятная, и въ такомъ случаѣ императоръ Александръ пріобрѣталъ вновь громадное значеніе для поляковъ. Во всякомъ случаѣ, не слѣдовало опускать изъ рукъ столь легко руководимаго и столь расположеннаго къ Польшѣ монарха. Необходимо было тщательно слѣдить за развитіемъ борьбы и заботиться изо всѣхъ силъ, чтобы, чисто русскія настроенія и симпатіи не овла-

дѣли окончательно душою императора ¹⁾. А для этого надо было прежде всего удалять Александра какъ можно далѣе отъ народа русскаго, представлять ему этотъ самый народъ въ превратномъ свѣтѣ и поддерживать въ императорѣ старый космополитическій духъ и либеральныя тенденціи юношескихъ лѣтъ.

Если польская партія должна была, такимъ образомъ, въ виду собственнаго интереса противодѣйствовать всѣми силами вліянію такихъ лицъ, какъ Штейнъ и всѣхъ истинно русскихъ патріотовъ, то съ другой стороны и между самими русскими нашлись такіе люди, которые силились развить въ императорѣ, въ эти тяжелые дни, не чувства довѣрія къ народу, а, напротивъ, подозрѣнія и опасенія. Одни изъ этихъ людей дѣйствовали подъ могучимъ давленіемъ паники, охватившей ихъ съ головы до ногъ. Паденіе Москвы казалось имъ чуть не концемъ Россіи и всего міра. Страхъ застилалъ имъ глаза; все представлялось имъ въ превратномъ и въ тоже время ужасномъ видѣ. Непріятельскія колонны мерещились имъ въ самыхъ окрестностяхъ Петербурга; настроеніе народа, т. е. населенія столицы, казалось имъ самымъ безнадежнымъ, подавленнымъ, и что еще хуже, недовольнымъ, озлобленнымъ. И дѣйствительно, невозможно было отрицать, что настроеніе петербургской массы было далеко не радужнаго свойства. Эта масса, состоявшая почти исключительно изъ пришлаго, темнаго люда, потрясена была до глубины души страшными слухами, ходившими въ ея средѣ и необычайными дѣлами, творившимися на ея глазахъ. Москва горѣла, жители ея гибли отъ ярости непріятеля,—чего-же можно было ожидать Петербургу? Безъ сомнѣнія, того-же самаго, быть можетъ, еще болѣе ужаснаго! Само правитель-

¹⁾ Штейнъ замѣчаетъ объ интригахъ поляковъ: „наибольшимъ вліяніемъ изъ поляковъ пользуются здѣсь: Огинскій, Сапѣга, Любомирскій, зять гофмаршала Толстаго. Этотъ послѣдній также поддерживаетъ польскія идеи. Во всемъ этомъ принимаетъ участіе, съ своею обычною суетливостью, хитростью и поверхностностью Армфельдтъ: онъ варитъ и кипятитъ въ своихъ 77 горшкахъ политическіе, военныя, финансовыя, европейскія, финскія и лапландскія вопросы“. См. Перлъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 206.

ство, видимо, ожидало катастрофы и принимало въ виду ея чрезвычайныя мѣры. Ходили слухи, что царская семья собирается бѣжать въ Казань или Оренбургъ. Всѣ видѣли, что собираются вывозить въ Петрозаводскъ кадетскіе корпуса и дѣвицъ Смольнаго монастыря, что дѣлаются приготовленія къ вывозу государственныхъ архивовъ и драгоценностей. Утверждали, и не безъ основанія, что намѣреваются снять статую съ памятника Петра Великаго и увезти ее въ Архангельскъ ¹⁾. Ближайшимъ и, можно сказать, единственнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій были всеобщій страхъ и уныніе. Люди спокойные и разсудительные, подобные Шишкову, пытались представить государю, что всѣ эти мѣры, въ которыхъ не предвидѣлось еще необходимости, могутъ приводить народъ только въ уныніе ²⁾. Государь не рѣшился, однакоже, отмѣнить принятыхъ мѣръ предосторожности, но онъ пытался объяснить народу, что эти мѣры вовсе не показываютъ, что правительство опасается за безопасность самаго Петербурга. Эта не совсѣмъ легкая задача возложена была на Шишкова. Онъ исполнилъ ее съ обычнымъ искусствомъ и умѣлъ придать бумагѣ, написанной отъ Высочайшаго имени, вполне достойный, высоко патріотическій тонъ. Объяснивъ въ самомъ началѣ, что общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны не таково, чтобы непріятель могъ двинуть на Петербургъ значительную часть своихъ силъ, что Петербургу не грозитъ пока опасность, и что вывозъ драгоценныхъ вещей дѣлается единственно для заблаговременной предосторожности, предупреждая замерзаніе рѣкъ, Шишковъ продолжалъ затѣмъ такимъ образомъ: „Настоящее время не представляетъ никакой опасности, но мы бы погрѣшили противъ Бога, еслибъ съ несомнѣнною увѣренностью стали утверждать будущее, о которомъ Онъ одинъ знаетъ. Вся надежда на иско-

¹⁾ „Первыя извѣстія о взятіи и пожарѣ Москвы навели не малый страхъ, такъ что, опасаясь пришествія непріятеля въ Петербургъ, готовились вывозить въ отдаленнѣйшія сѣверныя страны кадетскіе корпуса, дѣвицъ Смольнаго института и проч. Самый памятникъ Петра В. намѣревались снять съ подожнаго камня и увезти въ Архангельскъ“. Шишковъ, записки, томъ I, стр. 161.

²⁾ Шишковъ, записки, томъ I, стр. 161.

реніе враговъ, не взирая на успѣхъ ихъ движенія внутрь Россіи, на нашей сторонѣ; однакоже, и въ самыхъ надежныхъ обстоятельствахъ помышленія о предосторожности не должны навредить ни страха, ни унынія. Мѣры эти берутся въ безопасное время и на тотъ одинъ конецъ, что ежели бы опасность (отъ чего да сохранить насъ Богъ!) стала угрожать сему городу, тогда правительство, извѣстя о томъ заблаговременно, и имѣя уже всѣ тяжелыя вещи вывезенными, облегчило бы жителямъ способъ къ лучшимъ порядкамъ и безъ смятенія выѣзжать отселѣ внутрь страны. Ибо положено единожды и твердо (съ чѣмъ, безъ сомнѣнія, каждый россіянинъ согласенъ), что какой бы ни былъ успѣхъ непріятельскаго оружія, не бросать дѣла, но прежде испить всю чашу бѣдствія, нежели поноснымъ миромъ предать Россію поработченію“ ¹⁾

Смущеніе и озлобленіе, овладѣвшіе массою народа, выражались, разумѣется, прежде всего, въ подозрѣніи и ненависти ко всему иностранному и особенно французскому. Достаточно было какому-нибудь модному франту забраться въ церковь и разсматривать въ лорнетъ образа, чтобы народъ принялъ его за француза. Съ такими молодцами народъ расправлялся по своему, хваталъ ихъ и тащилъ на съѣзжую ²⁾. Болтать на улицѣ по-французски сдѣлалось, разумѣется, не вполне безопасно. Всѣ эти симптомы народнаго гнѣва, мрачное и сосредоточенное настроеніе массы наводили ужасъ на все высшее и элегантное населеніе столицы. Господамъ этимъ казалось, что народъ вотъ-вотъ набросится на нихъ и выбьетъ изъ нихъ разъ навсегда все французское. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о настоящемъ настроеніи народа, не зная его истинныхъ отношеній къ царю, знатные и высокообразованные, но въ то же время близорукіе и трусливые люди усматривали въ настроеніи массы нѣчто опасное для самого

¹⁾ См. приложенія къ запискамъ Шишкова. Т. I, стр. 435—436.

²⁾ „Тогда же произошло приключеніе, что нѣкто, чиновный человекъ, войдя въ церковь, посматривалъ то на тотъ, то на другой образъ въ лорнетъ. Простой народъ, увидя сіе и подумавъ, что это какой-нибудь французъ, схватилъ его и потащилъ на съѣзжую“. Записки Шишкова. Т. I, стр. 161.

государя. Они отважились предостеречь государя отъ народа, совѣтовали ему не показываться публично и въ извѣстныхъ случаяхъ принимать мѣры предосторожности. Александръ имѣлъ однажды слабость поддаваться этимъ внушеніямъ и совѣтамъ. Это было въ половинѣ сентября. Вѣсть о взятіи и пожарѣ Москвы уже распространилась по Петербургу; полная неизвѣстность, наступившая вслѣдъ затѣмъ, усиливала еще болѣе тоску и уныніе въ народѣ. Предстоялъ праздникъ коронованія ¹⁾ и государь, не смотря на тяжелыя и печальныя обстоятельства, порѣшилъ праздновать его съ обычною торжественностію. Ни что казалось не должно было такъ ободрить народъ, какъ появленіе вѣнценоснаго вождя въ его средѣ. Этого требовалъ и обычай. Въ воспоминаніе св. коронованія государь верхомъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, отправлялся въ этотъ день въ соборъ. Такъ думалъ поступить государь и на этотъ разъ, но нашлись вліятельные люди, которые сумѣли отклонить его отъ этого намѣренія. Они уговаривали императора отправиться въ соборъ въ закрытой каретѣ и придали тѣмъ всему празднеству небывало мрачный и странный оттѣнокъ ²⁾. Среди гробоваго молчанія двигался императорскій поѣздъ. Народъ, толпами тѣснившійся на улицахъ, молча смотрѣлъ на процессію. Многіе вовсе не знали, что въ закрытой каретѣ сидитъ самъ государь; другіе были поражены и опечалены этимъ знакомъ монаршаго недовѣрія къ народу. Сумрачныя, озабоченныя лица, тишина, нарушаемая только шумомъ ѣзды и народнаго движенія, представляли самый рѣзкій контрастъ великолѣпію праздника и энтузіазму, проявлявшемуся въ этотъ день въ былые годы. Достигнувъ собора, императоръ и императрица

¹⁾ 15-го сентября. Подробности объ этомъ эпизодѣ мы находимъ въ книгѣ Эйнара. Онъ получилъ ихъ отъ M-me Кріденеръ, пользовавшейся, какъ извѣстно, большимъ расположеніемъ и довѣріемъ императора Александра. См. Eynard vie de M-me Krüdener. T. I, стр. 328—329.

²⁾ „La multitude désespérée de la prise de Moscou avait besoin d'être encouragée par la présence de celui qu'elle aimait encore, dans son adversité; mais on obtint de L'Empereur qu'il ne traversât par la ville à cheval, pour se rendre à la cathédrale. Ce fut la dernière fois qu'il céda aux conseils de la prudence humaine“. Eynard, Vie de M-me Krüdener. T. I, стр. 329.

вступили во храмъ среди того же молчанія, не привѣтствуемые даже обычнымъ русскимъ *ура*. Это неслыханное происшествіе, прямое послѣдствіе мудрыхъ мѣропріятій придворныхъ трусовъ, произвело потрясающее впечатлѣніе на императора. Трудно допустить, чтобы онъ трепеталъ, подобно нѣкоторымъ своимъ совѣтникамъ, въ эту минуту, передъ возможнымъ взрывомъ народнаго негодованія; трудно повѣрить, чтобы онъ былъ убѣжденъ самъ, что онъ переживаетъ въ эту минуту страшную опасность, чтобы онъ приписывалъ впослѣдствіи свое спасеніе одному божественному Провидѣнію ¹⁾; но несомнѣнно, что въ этотъ часъ Александръ созналъ всю великость сдѣланной имъ ошибки и далъ себѣ твердое обѣщаніе не слѣдовать впредь недостойнымъ внушеніямъ нѣкоторыхъ изъ своихъ совѣтниковъ.

И дѣйствительно, съ этого дня Александръ сдѣлался инымъ человѣкомъ. Онъ началъ искать сближенія съ своимъ народомъ, а не чуждаться, не скрываться отъ него. Салонные толки о мрачномъ настроеніи народа, о недовольствѣ и озлобленіи толпы, о способности русской черни къ самымъ дикимъ и безобразнымъ поступкамъ, продолжались съ удвоенною силою. Навязчивые совѣтники, въ томъ числѣ, быть можетъ, и люди, дѣйствительно преданные особѣ императора, продолжали неутомимо внушать, совѣтовать, предостерегать. Но Александръ стоялъ уже выше всей болтовни салона и тревоги свѣтской черни. Суевливая заботливость окружающихъ, ихъ боязливые совѣты потеряли для него всякое значеніе. Воспоминаніе о святыхъ, незабвенныхъ дняхъ, проведенныхъ имъ такъ недавно въ Москвѣ, пробудилось въ немъ съ новою силою. Онъ понялъ, что народъ, которымъ пытались пугать его до сихъ поръ, есть именно та сила, на которую онъ можетъ разсчитывать безусловно. Онъ позналъ, что темная масса, которая казалась ему прежде лишь объектомъ для административныхъ экспериментовъ и проведенія

¹⁾ „Une étincelle aurait suffi pour causer un embrasement. La vie de Alexandre était dans les mains de cette foule et il le sentait, mais la Providence veillait sur lui“. Eynard, Vie de M-me Krüdener. T. I, стр. 329.

различныхъ гуманныхъ идей вѣка, есть именно тотъ элементъ, отъ психическаго настроенія котораго зависитъ въ минуты тяжелаго кризиса судьба правительства и государства. Александръ зналъ, по московскому опыту, что весь народъ русскій, безъ различія званій и состояній, проникнутъ однимъ великимъ чувствомъ безпредѣльной любви къ родинѣ и пламенной ненависти къ завоевателю, внесшему разрушеніе и смерть въ самыя нѣдра Россіи, наругавшемуся надъ всѣмъ, что было дорого и близко русскому сердцу. Народъ требовалъ лишь одного, чтобы его царственный вождь стоялъ во главѣ его, чтобы онъ направилъ всѣ силы къ достиженію одной великой цѣли—спасенію родины. Народъ желалъ видѣть своего царя, изъ его устъ желалъ онъ слышать, что миръ съ врагомъ невозможенъ и немыслимъ, что оружіе россіянъ не должно быть положено до тѣхъ поръ, пока невинно пролитая кровь, пока сожженные и оскверненные храмы не найдутъ себѣ достойнаго возмездія, пока святотатственная тиранія не будетъ низринута въ бездну, и гордыня все-свѣтскаго завоевателя не получитъ давно уже заслуженной кары. Александръ спѣшилъ удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ народа. Доступный для всѣхъ и cadaго, онъ прогуливался каждый день совершенно одинокій въ садахъ и рощахъ Каменно-островскаго дворца. Онъ приказалъ снять караулы отъ воротъ и дверей своего дворца ¹⁾; онъ старался показать всему свѣту, что онъ довѣряетъ своему народу, что онъ не допускаетъ даже возможности недовольства, крамолы, смуты. И его образъ дѣйствій не замедлил произнести желанное дѣйствіе. Духъ довѣрія, спокойствія, твердой и непоколебимой рѣшимости быстро охватилъ всѣ слои столичнаго населенія. Всѣ вѣрили своему царю, всѣ смотрѣли на него съ упованіемъ и надеждою, всѣ ждали его царска-

¹⁾ Dans un moment où l'effervescence du peuple russe froissé dans tous ses intérêts et dans toutes ses affections, l'environnait des plus grands perils, il se promenait seul dans les bois de Cammenoi Ostrof; son palais sans gardes était ouvert à tous. Е у н а р д, Vie de M-me Krüdener. T. I, стр. 328. Само собою понятно, что опасность, грозившая по словамъ этого свидѣтельства, была недѣйствительная, а воображаемая.

го слова, долженствовавшего положить конецъ всѣмъ недоумѣніямъ, сомнѣніямъ и колебаніямъ. И это слово не замедлило прозвучать торжественнымъ, побѣднымъ кликомъ по всему лицу земли русской.

„Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалью,—гласилъ Высочайшій манифестъ, подписанный 8-го сентября,—симъ возвѣщается, что непріятель, сентября 3-го числа, вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ російскій! Напротивъ, да покланется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главы ихъ! Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобы преодолѣть силы наши или ослабилъ ихъ. Главнокомандующій, по совѣту съ присутствующими генералами, нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему гибель. Сколь ни болѣзненно всякому русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего Російскаго царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ни же способовъ существовать. Собранныя и отъ часу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что по неволѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія. Положеніе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ тремястами тысячь человѣкъ ¹⁾, изъ которыхъ главная часть

¹⁾ Итакъ, даже въ это время правительство наше не имѣло точнаго понятія

состоить изъ разныхъ націй, людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости. Половина сей разнородной арміи его истреблена частію храбрыми нашими войсками, частію побѣгами, болѣзнями и голодною смертію. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ сомнѣнія, смѣлое, или лучше сказать, дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи и даже въ самую древнѣйшую столицу, удовлетворяетъ его честолюбіе и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло! Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войска и народъ! Россія не привыкла покорствоваться, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она, съ послѣднею въ груди каплею крови, станетъ защищать ихъ. Всеобщее, повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуется ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ сыновъ его. Итакъ, да не унываетъ никто! И въ такое ли время унывать можно, когда всѣ состоянія государственныя дышутъ мужествомъ и твердостью? когда непріятель, съ остаткомъ отъ часу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другія три стараются пресѣкать ему возвратный путь и не допускать къ нему никакихъ новыхъ силъ, когда Гишпанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впаденіемъ въ его землю? когда большая часть расхищенной и изнуренной отъ него Европы, служа по неволѣ ему, смотритъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую-бы могла вырваться изъ-подъ власти его тяжелой и нестерпи-

о колоссальности силъ Наполеона, уменьшало ихъ на половину противъ дѣйствительности. „Извѣстно, замѣчаетъ самъ Шишковъ въ примѣчанія къ своимъ запискамъ,—что сіе число, въ послѣдствіи времени, оказалось гораздо превосходящимъ, а именно почти вдвое“. Записки Шипкова. Т. I, стр. 158.

мой? когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія его своей и чужой крови.

„При столь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго, не прославится-ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ, терпѣливостью и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не тольо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и непорушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюють? Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ! Боже всемогущій! обрати милосердныя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую Церковь! Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе! Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его и, спасая себя, спасетъ свободу и независимость царей и царствъ!“

Трудно подыскать во всей нашей исторіи документъ, который могъ-бы быть поставленъ на ряду съ этимъ. Въ немъ не были скрыты тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ находилось тогда наше отечество, а напротивъ выдвинуты на первый планъ, объявлены во всенародное свѣдѣніе. Москва, первопрестольная столица занята непріателемъ, его громадныя полчища проникли въ самую грудь Россіи, великій завоеватель имѣетъ право кичиться своимъ небывалымъ успѣхомъ; сердце каждаго русскаго, каждаго истиннаго сына отечества, должно облиться кровью, внимая такой грозной, печальной вѣсти. Всякій другой народъ счелъ-бы себя побѣжденнымъ при такихъ условіяхъ, поспѣшилъ-бы пасть во прахъ предъ гордымъ завоевателемъ. Но не таковъ народъ русскій! объявляетъ во всеуслышаніе всему свѣту царственный вождь его. Онъ будетъ бороться до послѣдней капли крови, онъ будетъ отстаивать до конца свою свободу, вѣру и имущество. Духъ унынія и робости не долженъ имѣть мѣста въ нѣдрахъ его! Да и возможно-ли уныніе, умѣстна-ли, мыслима-ли робость тамъ, гдѣ все населеніе подымается какъ одинъ человѣкъ противъ врага, гдѣ всѣ сословія дышатъ единымъ духомъ непреодолимаго мужества, гдѣ пожертвованія имуществомъ и

жизнью растутъ по мѣрѣ усиленія опасности, гдѣ одна мысль о мирѣ и покорности наполняетъ гнѣвомъ сердца? Указавъ на всѣ невыгоды положенія непріятеля, перечисливъ всѣ моменты, предвѣщающіе конечный успѣхъ нашему оружію, манифестъ возвышается до истинно пророческаго тона и предсказываетъ скорую и несомнѣнную гибель врагу ¹⁾. Но манифестъ заключаетъ въ себѣ въ тоже время и всю программу будущихъ дѣйствій Россіи и ея императора. Россія борется не за одно свое дѣло, не за одну свою независимость, а также и за дѣло всей Европы, за независимость царей и царствъ, за освобожденіе всего рода человѣческаго отъ позорнѣйшей и неслыханной тираніи. Такая борьба не можетъ и не должна окончиться изгнаніемъ непріятеля изъ предѣловъ Россіи. За освобожденіемъ Россіи должно послѣдовать освобожденіе Европы и низверженіе Наполеона. Цѣль великая, перспектива необъятная! Но нѣтъ ничего невозможнаго для народа, поборающаго за правду, и благословеніе Божіе почіетъ на дѣлахъ его!

Манифестъ былъ написанъ Шишковымъ. Если вѣрить его словамъ, то онъ вылился у него изъ-подъ пера, такъ сказать, самъ собою, въ минуту великой скорби и въ тоже время великой надежды. „Услышавъ отъ самого государя грозную вѣсть, я пошелъ домой съ сокрушеннымъ сердцемъ. Чувства мои, сначала пораженные жестокою горестью, вдругъ воспламенились гнѣвомъ, родившимъ во мнѣ, вмѣсто унынія

¹⁾ Первоначально въ манифестѣ послѣ словъ: „ни же способъ существованія“ было сказано: „онъ затворился въ гробѣ, изъ котораго не выйдетъ живъ“. „Написавъ сію бумагу“, рассказываетъ Шишковъ, „я прочиталъ ее нѣсколько разъ, самъ сомнѣвался въ предвѣщаніяхъ моихъ, толь мало тогдашнему положенію нашему соответствовавшихъ. Однако-жъ ободрился, не переѣхивалъ ни слова и понесъ ее къ государю: онъ выслушалъ и приказалъ прочитать въ комитетѣ господъ министровъ, давъ повелѣніе засѣдать мнѣ въ ономъ. Въ комитетѣ выслушали меня съ молчаніемъ, выключая, что нѣкоторые члены находили сказанное въ ней о Наполеонѣ выраженіе: онъ затворился и т. д. слишкомъ надежнымъ и гадательно предвѣщаемымъ. Я донесъ государю о семъ ихъ замѣчаніи. Онъ отдалъ мнѣ на волю—выпустить или не выпустить сія слова. Я хотя и не охотно, однако-жъ, чтобъ не показать себя упрямымъ, исключилъ ихъ“. Шишковъ, записки. Т. I, стр. 159.

и отчаянія, гордость и надежду. Я сѣлъ и написалъ манифестъ“ ¹⁾). Но не подлежитъ сомнѣнію, что содержаніе манифеста указано было Шишкову самимъ императоромъ, что мысли, выраженные въ немъ, всецѣло принадлежали самому Александру. Шишковъ, не смотря на всю силу и глубину своего патріотизма, самъ по себѣ не въ состояніи былъ-бы возвыситься до того истинно пророческаго паѳоса, которымъ проникнуть весь манифестъ. Онъ не въ состояніи былъ-бы поставить Россіи такую великую, повидимому, недостижимую цѣль борьбы. Его патріотизмъ отличался довольно узкимъ и исключительно русскимъ характеромъ. Ни въ началѣ, ни въ концѣ войны 1812 г. его желанія не шли далѣе освобожденія Россіи отъ иноземнаго нашествія ²⁾). Въ манифестѣ выразилось болѣе широкое воззрѣніе самого императора. Онъ одинъ въ минуту величайшаго испытанія возвѣстилъ всему міру, что Россія борется не только за самое себя, но и за всю Европу, за все человѣчество.

Что мысли, высказанныя въ манифестѣ 8-го сентября, принадлежали всецѣло императору Александру, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что онѣ повторяются и въ другихъ болѣе интимныхъ документахъ, исходившихъ непосредственно отъ самого государя. Тотчасъ-же по полученіи извѣстія о потерѣ Москвы, императоръ писалъ слѣдующее письмо шведскому зронъ-принцу: „Потеря Москвы тяжела, но она чувствительна болѣе въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, нежели въ военномъ. Она дастъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости въ борьбѣ противъ угнетателя царствъ. Послѣ этой раны всѣ прочія ничтожны. Повторяю вашему королевскому высочеству торжественное увѣреніе, что нынѣ болѣе нежели когда-либо, я и народъ, въ челѣ котораго нахожусь, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, нежели примириться съ Аттилою нашего времени. Раздра-

¹⁾ Шишковъ, записки. Т. I, стр. 157.

²⁾ Шишковъ свидѣтельствуетъ объ этомъ самъ въ своихъ запискахъ См. т. I, стр. 167—168.

женный тѣмъ, что не нашелъ въ Москвѣ ни сокровищъ, къ обладанію коими стремился, ни мира, котораго достигнуть надѣялся, онъ сжегъ прекрасную столицу, обращенную теперь въ груды пепла и развалинъ“ ¹⁾).

Мысли, одушевлявшія его лично, императоръ старался передать и своимъ министрамъ. И они должны были одушевиться такою-же твердою вѣрою въ конечную и полную побѣду Россіи, и они должны были расширить программу русской политики и поставить цѣлью Россіи не только изгнаніе Наполеона изъ собственныхъ предѣловъ, но и окончательное паденіе завоевателя, освобожденіе всей Европы изъ подъ его тяжкаго ига. „Настанетъ время для Пруссіи“, писалъ, по приказу государя, генераль-адъютантъ князь Ливень прусскому государственному канцлеру, барону Гарденбергу,—„вооружиться противъ общаго врага и склонить къ тому-же Австрію. Императоръ Александръ ведетъ войну собственно для того, чтобы, отстоявъ Россію, возстановить независимость германскихъ державъ. Для достиженія такой цѣли, необходимо, чтобы генераль Йоркъ былъ снабженъ на всякій случай надлежащими инструкціями“ ²⁾).

Непоколебимая рѣшимость, высказываемая императоромъ Александромъ, находилась въ такомъ полномъ противорѣчій со всѣмъ его прежнимъ образомъ дѣйствій и со всею его натурою, что даже люди, хорошо знавшіе русскаго государя и искренно ему преданные, сомнѣвались по временамъ, чтобы это настроеніе удержалось до конца, опасаясь, чтобы и оно не оказалось въ послѣдствіи однимъ изъ тѣхъ скоропреходящихъ порывовъ, которыми было такъ богато прошлое Александра. Опасались, чтобы вліяніе окружающихъ лицъ не склонило императора къ внезапной переменѣ системы; трепетали, чтобы самый ходъ военныхъ дѣйствій, не предвѣщавшій и послѣ паденія Москвы ничего добраго для русскаго оружія, по крайней мѣрѣ для поверхностнаго наблюдателя, не сломилъ его мужества; боялись, наконецъ, чтобы

¹⁾ См. Богдановичъ. „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 293.

²⁾ Богдановичъ. „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 293.

Наполеону не удалось во второй разъ обмануть Александра и повторить комедію, разыгранную уже съ такимъ успѣхомъ въ Тильзитѣ. И дѣйствительно, вліяніе всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ на императора было чрезвычайно тяжело, и вопросъ, выдержать-ли Александръ неравную борьбу съ своими любимыми и преданнѣйшими совѣтниками, перенесетъ-ли онъ внутреннее томленіе, вызываемое крайне явнымъ и нерѣшительнымъ развитіемъ военныхъ операцій, не поддастся-ли онъ вновь обольщеніямъ Наполеона,—подымался не разъ, вселяя страшную тревогу въ людей, стоявшихъ особенно близко къ дѣлу и заинтересованныхъ всѣмъ своимъ существомъ тѣмъ или инымъ исходомъ борьбы.

Вліяніе окружающей среды казалось особенно опаснымъ и близкимъ и далекимъ наблюдателямъ тяжелой борьбы, выдержанной тогда императоромъ Александромъ. „Здѣсь полагають,—писалъ изъ Лондона извѣстный прусскій патріотъ Ф. Гнейзенау,—что графъ Румянцевъ совершенно преданъ французскимъ интересамъ и что его вліяніе весьма значительно. Опасаются, чтобы это вліяніе не возросло еще болѣе въ случаѣ большихъ несчастій. Если-бы здѣсь могли убѣдиться, что императоръ Александръ останется твердъ и въ несчастіи и будетъ искать спасенія въ продолженіи войны и въ возможно большемъ развитіи нравственныхъ и физическихъ силъ, тогда я думаю, что здѣсь сдѣлали-бы для воспомоществованія даже невозможное, и что здѣшняя помощь росла-бы по мѣрѣ усилій Россіи. Но теперь британскіе министры, боясь неудачъ и опасаясь, что несчастія и ошибочная политика могутъ привести опять къ событіямъ 1807 года, не рѣшаются вступить въ соглашенія, которыя могутъ подвергнуть ихъ серьезной отвѣтственности передъ парламентомъ за напрасно пролитую кровь и брошенные деньги“ ¹⁾.

¹⁾ Письмо Гнейзенау къ барону Штейну отъ 1-го сентября 1812-го года. См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 178. Любопытно, что въ этомъ же письмѣ, свидѣтельствующемъ о недоуверіи англійскихъ министровъ къ твердости императора Александра, выражаются полное довѣріе и симпатія къ русскому народу. „Считаю долгомъ присовокупить, что способъ войны, принятый у васъ, здѣсь очень популяренъ. Тутъ полагають, что при теперешнихъ обстоятель-

Самъ Штейнъ, наблюдая за борьбою, кипѣвшею вокругъ императора и внутри его самого, нерѣдко впадалъ въ отчаяніе и высказывалъ сомнѣнія въ счастливомъ исходѣ кризиса. Народъ русскій сдѣлалъ, по мнѣнію германскаго патріота, въ это ужасное время все, что было въ силахъ человѣческихъ: храбрость арміи стояла выше всякой похвалы; но среда, вліявшая на государя, внушала самыя тревожныя опасенія, а извѣстная податливость и перемѣнчивость Александра заставляла по временамъ ожидать самаго худшаго. „Мы не вправѣ ожидать“—писалъ онъ графу Мюнстеру въ началѣ сентября,—„отъ господствующихъ и руководящихъ здѣсь лицъ мудрыхъ, великихъ и безкорыстныхъ намѣреній въ счастіи, непоколебимой твердости и величія въ несчастіи. Довѣріемъ императора пользуются въ особенности три лица: канцлеръ, графъ Аракчеевъ и министръ полиціи Балашевъ; первый достаточно извѣстенъ, второй—человѣкъ крайне ограниченный, третій—хитрый, близорукій, несвѣдущій въ великихъ міровыхъ вопросахъ; всѣ три одинаково склонны къ миру. Нигдѣ, во всей средѣ, окружающей императора, нѣтъ ни одного сильнаго и умнаго человѣка. Если дѣла пойдутъ сносно, то будутъ показывать твердость; если дурно, тогда преклонятся, не смотря на всѣ фразы, также какъ въ 1805 и 1806 гг. Причина такого образа дѣйствій заключается въ недостаткѣ глубины ума и сердца, въ поверхностности. Справедливо можно полагаться на храбрость войска, на мужество націи; силы есть достаточно, но нѣтъ надлежащаго руководства. Очищеніе Москвы непростительно, вопреки мнѣнію Беннингсена и Дохтурова, вопреки громко выраженному требованію арміи; потеряны, правда, только одинъ городъ, но за то городъ большой, многолюдный. Гибельно впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ и внутри Россіи, и за границею, въ особенности на подлый вѣнскій и берлинскій кабинеты“¹⁾.

ствахъ этотъ способъ есть лучшій въ примѣненіи къ Наполеону. Вообще, здѣсь господствуетъ русскій образъ мыслей, и всѣ возлагаютъ на русскую націю самыя великія ожиданія“. Тамъ-же, стр. 179.

—) См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 174.

И въ слѣдующихъ своихъ письмахъ, Штейнъ возлагаетъ всѣ надежды на русскій народъ, но порицаетъ самымъ рѣзкимъ образомъ совѣтниковъ и окружающихъ императора. „Озлобленіе націи, пишетъ онъ отъ 17-го сентября, достигло до крайнихъ предѣловъ. Императоръ сознается самъ, что онъ не можетъ заключить мира, не рискуя своею собственною безопасностью. Опустошеніе Москвы усиливаетъ еще болѣе это настроеніе. Народныя вооруженія развиваются съ неудержимою силою. Вліяніе Румянцева во всякомъ случаѣ крайне вредно; онъ ничего не подготовилъ, онъ только задерживалъ и задерживаетъ многое. Ни одинъ изъ союзниковъ не имѣетъ ни малѣйшаго довѣрія къ нему, вся нація ненавидитъ его, онъ держится только благодаря своей ловкости, вліянію небольшой фракціи и какому-то упрямству государя. Отъ Ольденбургской фамиліи ожидаю только однихъ затрудненій. Возврѣнія герцога холодны, ограничены, ничтожны; принцъ Августъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія, принцъ Георгъ пользуется имъ, благодаря своей супруги, но оба они далеко отсюда; эти люди хотятъ только возстановленія Ольденбургскихъ владѣній побѣдоносною русскою арміею“ ¹⁾).

И во второй половинѣ сентября борьба продолжала казаться Штейну трудною, а исходъ ея сомнительнымъ. „Повторяю, пишетъ онъ, нельзя ожидать ничего путнаго отъ близорукости и безхарактерности здѣшняго министерства. Они не понимаютъ европейскихъ интересовъ, они не въ состояніи преслѣдовать ихъ неутомимо и послѣдовательно. Развѣ могутъ появляться въ ихъ темныхъ головахъ какія-нибудь возвышенныя мысли, развѣ могутъ волновать благородныя чувства ихъ низкія сердца? Одинъ императоръ преисполненъ чело-вѣколюбивыхъ намѣреній. Но мы вправѣ возлагать величайшія надежды на великую энергію русской націи, на неустрашимость армій; отъ нихъ можно ожидать всего; они приведутъ, по всей вѣроятности, къ гибели кровожадное чудовище! ²⁾).

¹⁾ См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 181.

²⁾ См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 183.

ГЛАВА II.

Русская армія передвигается съ Рязанской на Тульскую дорогу. — Непріятель бездѣйствуетъ. — Кутузовъ рѣшается перейти на старую Калужскую дорогу. — Французы, понукаемые самимъ Наполеономъ, начинаютъ шевелиться. — Военный совѣтъ въ Красной Пахрѣ. — Беннигсенъ требуетъ сраженія; Толь предлагаетъ занять позицію подъ Тарутиномъ. — Армія располагается на Мочѣ. — Беннигсенъ въ роли главнокомандующаго. — „Эти дьяволы французы имѣютъ всегда на своей сторонѣ преимущества жѣстности“. — Лагерь при Тарутинѣ. — Французы на развалинахъ Москвы. — Наполеонъ въ ловушкѣ. — Русскіе разбрасываютъ сѣти вокругъ Москвы. — Дѣйствія нашихъ партизановъ. — Капитанъ Фигнеръ готовится къ смерти. — Настроеніе и планы Наполеона. — Политическія фантазіи и стратегическіе проекты. — Наполеонъ бесѣдуетъ съ начальникомъ Московскаго воспитательнаго дома. — Гибельный шаръ и злодѣйства Растопчина. — Отставной капитанъ русской гвардіи передъ лицомъ Наполеона. — Кто сжегъ Москву? — Наполеону нечего дѣлать въ Россіи. — Миссія Яковлева. — Письмо Наполеона къ императору Александру. — Колинкуръ и Лористонъ.

Сторонники мира, окружавшіе императора со всѣхъ сторонъ, — лица, пользовавшіяся на него такимъ личнымъ вліяніемъ, передъ которымъ отступало по временамъ на второй планъ даже вліяніе такого желѣзнаго характера, какъ Штейнъ, пользовались для проведенія своихъ цѣлей не только указаціями на печальныя опыты прошлаго, доказавшіе неопровержимо непобѣдимость Наполеона, но и на текуція событія дня, на далеко неутѣшительныя, по ихъ мнѣнію, вѣсти, приходившія съ театра войны. И въ самомъ дѣлѣ, могли-ли внушить эти вѣсти какую-нибудь надежду на поворотъ счастья, на близкую побѣду русскаго оружія, могли-ли онѣ поддержать императора Александра въ его колебаніяхъ, въ его тяжелой внутренней борьбѣ? Мы думаемъ, что на такіе во-

просы можно отвѣчать только отрицательно. Правда, на театрѣ войны подготовлялся великій поворотъ, но подготовленіе это совершалось чрезвычайно медленно, оно было незамѣтно для непосвященнаго глаза; возможность поворота счастья казалась сомнительною даже лицамъ, стоявшимъ во главѣ арміи. Два момента приобрѣтаютъ въ это время рѣшающее вліяніе на исходъ борьбы: это фланговое положеніе, занятое русскою арміею по отношенію къ Москвѣ и непріятелю, и непонятная, на первый взглядъ, хотя и достаточно мотивированная бездѣтельность, въ которую впадаетъ Наполеонъ послѣ взятія и пожара Москвы. Остановимся нѣсколько на развитіи этихъ обоихъ моментовъ; отъ него зависить дальнѣйшій ходъ внутренней борьбы въ душѣ самого русскаго императора.

Въ Панжахъ, въ 15 верстахъ отъ Москвы, состоялось рѣшеніе перевести всю русскую армію, посредствомъ такъ называемаго фланговаго движенія, съ Рязанской на Тульскую дорогу. Это былъ первый шагъ къ тому спасительному маневру, который передвинулъ наши вооруженныя силы на старую Калужскую дорогу и поставилъ ихъ въ то грозное, фланкирующее положеніе, по отношенію къ непріятелю, которое имѣло такое важное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ войны. Не будемъ разбирать подробно вопроса, кому принадлежитъ счастливая мысль этого движенія: самому-ли Кутузову, какъ утверждаетъ это большинство нашихъ историковъ,—Бенингсену-ли, какъ доказываетъ это онъ самъ въ письмѣ къ императору Александру,—полковнику-ли Кроссару, какъ говоритъ онъ это въ своихъ мемуарахъ,—полковнику-ли Толю, наконецъ, какъ думаетъ Бернгарди ¹⁾. Кому-бы ни принадлежала свѣтлая и

¹⁾ Мнѣніе, что мысль фланговаго движенія принадлежала самому Кутузову, подтверждено было Михайловскимъ-Данилевскимъ въ его исторіи войны 1812 г.; но тотъ-же авторъ говоритъ совершенно иначе объ этомъ вопросѣ въ своей рукописной біографіи гр. Толя. Тутъ онъ приписываетъ всю заслугу одному Толю. Вотъ его подлинныя слова: „Mettant à part les services qu'il a rendu, et ne considerant que deux de ses idées: celle de mouvement laterale de la route de Riazane sur celle Kalouga l'anne 1812 et... il resulte qu'il peut être placé à côté des premiers generaux de son siecle“. Особенно настоятельно доказы-

здравая мысль флангового движенія, но во всякомъ случаѣ ея осуществленіе повело, на первый разъ, къ дальнѣйшему отступленію нашей арміи. Невозможно было совершать флангового движенія въ виду непріятеля; необходимо было отойти назадъ еще на одинъ переходъ, поставить между собою и непріятелемъ охранительную преграду рѣки Пахры. Переходъ этотъ былъ совершенъ безъ всякаго затрудненія. Уже 4-го сентября, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ принужденъ былъ бѣжать отъ пожара изъ Кремля, армія наша переправилась благополучно чрезъ Москву-рѣку у Боровскаго моста и расположилась между Кулаковымъ и Егоровымъ, подъ прикрытіемъ рѣки Москвы и впадающей въ нее Пахры. Дальнѣйшее передвиженіе арміи отъ Боровска къ Подольску на Тульской дорогѣ сопряжено было, повидимому, съ большими опасностями. Трудно было допустить, чтобы непріятель остался въ полномъ невѣдѣніи на счетъ нашихъ намѣреній, чтобы, имѣя въ непосредственной близи къ намъ весь-

валъ эту заслугу Толя Беригарди (см. Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 166, 167), за что сильно ополчились противъ него наши quasi-патріоты. Господа эти дошли, наконецъ, до того, что призвали къ себѣ на помощь свидѣтельство самого Толя. Уловка крайне безтактная и совершенно неудачная! (См. „Русскій Архивъ“ за 1873 годъ, стр. 411). Ермоловъ приписываетъ идею флангового движенія Бенингсену, ничѣмъ, однако-же, не доказывая своего мнѣнія. Вотъ его слова: „Мысль сія принадлежитъ генералу Бенингсену и онъ настаивалъ, чтобы скорѣе перейти на Калужскую дорогу“. (См. записки Ермолова, стр. 216). Кроссаръ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ первый развилъ мысль флангового движенія въ кружкѣ штабныхъ офицеровъ. что, по ихъ настоянію, онъ предлагалъ свой планъ на благоусмотрѣніе генераловъ Бенингсена и Барклая де-Толли. См. Memoires de Baron Crossard. Т. I. стр. 370—373. Богдановичъ замѣчаетъ по этому поводу въ своей исторіи отечественной войны (см. т. II, стр. 334): „Иностранные писатели, стараясь лишить Кутузова заслуженной славы, сilyтся доказать, что первоначальная мысль объ этомъ фланговомъ движеніи не принадлежитъ нашему полководцу, и что самое движеніе сіе было ошибочно (тутъ указаніе на Беригарди и Вольцогена, изъ которыхъ первый вовсе не доказываетъ, что фланговое движеніе было ошибочно)... Легко можетъ стать, что это фланговое движеніе было предложено Кутузову Толемъ, или кѣмъ-либо другимъ... во всякомъ случаѣ, для славы Кутузова достаточно и того, что онъ, умѣвъ оцѣнить достоинства сего соображенія, искусно пріуготовилъ средства къ его исполненію и заблаговременно направилъ продовольственные запасы къ такимъ пунктамъ, откуда они могли прибыть во-время къ арміи на Калужскую дорогу“.

ма значительныя силы, въ томъ числѣ цѣлыя массы конницы, онъ не помѣшалъ нашему движенію и не атаковалъ наши колонны во время самаго марша. Въ виду такихъ возможностей армія наша производила свои движенія съ величайшею осторожностью. Нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба, посланные впередъ для розысканія позиціи для арміи подъ Подольскомъ, не хотѣли вѣрить, чтобы непріятель не выслалъ свои разъѣзды за Пахру. Въ каждой деревнѣ, лежащей на пути, они ожидали наткнуться на французовъ, но къ удивленію все шло благополучно и нигдѣ не видно было ни малѣйшихъ слѣдовъ непріятеля ¹⁾. Столь-же безпрепятственно совершился въ теченіи слѣдующаго дня (5-го сентября) переходъ всей нашей арміи къ Подольску ²⁾. На Рязанской дорогѣ оставлены были только два казачьихъ полка подъ начальствомъ полковника Ефремова. Они должны были поддерживать въ непріятелѣ убѣжденіе, что армія наша продолжаетъ свое отступленіе въ юго-восточномъ направленіи къ Рязани. Трудно было разсчитывать на успѣхъ этого обмана, но невѣроятное, почти невозможное предположеніе оправдалось и на этотъ разъ. Начальникъ непріятельскаго авангарда, Мюратъ, оставался въ полнѣйшемъ бездѣйствіи до самаго 10-го сентября. Онъ былъ твердо увѣренъ, что русскія массы отошли за Оку къ Рязани и не предпринялъ ровно ничего для уясненія дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Причина такого страннаго поведенія столь дѣятельнаго военачальника, какъ Мюратъ, ясна: подобно всѣмъ французскимъ генераламъ, подобно самому Наполеону, Мюратъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что война окончена, что потеря Москвы заставитъ Россію заключить миръ ³⁾. Въ виду этой пріятной

¹⁾ Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ и подполковникъ Гартингъ, голландскій эмигрантъ. Его положеніе было особенно непріятно, такъ какъ онъ зналъ отлично, что въ случаѣ плѣна ему грозитъ смертная казнь. См. Беригарди. Т. II, стр. 174.

²⁾ „Скрытые, говоритъ Кроссаръ, мракомъ ночи и цѣпью холмовъ, тянувшихся вдоль рѣки, мы совершили быстрый и смѣлый переходъ“. *Memoires de Crossard*. Т. IV, стр. 374.

³⁾ См. объ этомъ въ особенности у Беригарди. Т. II, стр. 168.

перспективы, король неаполитанскій считалъ бесполезнымъ всякое дальнѣйшее кровопролитіе и вовсе не спѣшилъ мѣнять удобства московской жизни на невзгоды и лишенія бивуака.

Въ Подольскѣ наша армія оставалась не долго ¹⁾. Убѣдившись, что непріятель ни мало не мѣшаетъ нашему фланговому движенію, осторожный Кутузовъ рѣшился подвинуться еще далѣе на западъ, перевести армію на старую Калужскую дорогу и пріобрѣсти тѣмъ возможность дѣйствовать во флангъ и въ тылъ непріятеля и угрожать его сообщеніямъ съ Смоленскомъ ²⁾. Изъ всѣхъ генераловъ, окружавшихъ Кутузова, противорѣчилъ, по обыкновенію, только одинъ Беннингсенъ. Онъ, доказавшій впоследствии, что мысль о переходѣ на старую Калужскую дорогу принадлежала ему лично, настаивалъ въ дѣйствительности, чтобы армія оставалась подъ Подольскомъ на Тульской дорогѣ и ожидала здѣсь наступленія непріятеля ³⁾. Кутузовъ, поддерживаемый Толемъ, отвергъ, однако-же, эту полумѣру и уже утромъ 6-го сентября наша армія снялась съ своей стоянки подъ Подольскомъ и, пройдя 18 верстъ по лѣвому берегу Пахры, остановилась у Красной Пахры. На другой день 8 сентября Милорадовичъ и Раевскій, остававшіеся въ теченіи всего 6-го числа у Подольска съ нашимъ арьергардомъ, двинулись въ свою очередь впередъ. Милорадовичъ съ восьмымъ пѣхотнымъ и первымъ кавалерійскимъ корпусомъ занялъ позицію у деревни Десны, на рѣчкѣ того-же имени, впереди нашихъ главныхъ силъ. Раевскій съ 7 пѣхотнымъ и 4 кавалерійскимъ корпусомъ остановился у Луковни, чтобы прикрывать армію со стороны Рязанской дороги. Изъ Красной Пахры Куту-

¹⁾ „Подъ Подольскомъ, говоритъ Ермоловъ, князь Кутузовъ пробылъ безъ всякой надобности двое сутокъ. За одну сію ошибку непріятель сдѣлалъ двѣ грубѣйшія“, т. е. не предупредилъ насъ при переправѣ черезъ Москву-рѣку и принялъ казаковъ на Рязанской дорогѣ за арьергардъ нашей арміи. Ермоловъ. Записки, стр. 216.

²⁾ Клаузевицъ полагаетъ, что Кутузовъ первоначально не думалъ идти далѣе Подольска. *Der Feldzug von 1812 in Russland*.

³⁾ См. Бернгарди: „Толь убѣдилъ фельдмаршала сдѣлать еще одинъ переходъ, хотя Беннингсенъ противорѣчилъ рѣшительно и полагалъ, что надо остаться подъ Подольскомъ“. Т. II, стр. 177.

зовъ доносилъ государю: „До сихъ поръ я получаю извѣстія, что непріятель, обманутый моимъ кажущимся движеніемъ, слѣдуетъ за казаками по Рязанской дорогѣ. Это доставляетъ мнѣ ту выгоду, что армія, совершивъ вчера новый фланговый маршъ и отрядивъ сильныя партіи къ Можайску, должна сильно беспокоить тылъ непріятеля. Этимъ средствомъ я надѣюсь довести непріятеля до того, что онъ будетъ искать сраженія со мною, отъ котораго я, располагая удобною позиціею, могу ожидать такого-же успѣха, какъ и при Бородинѣ“.

9-го сентября наши главныя силы отступили за Пахру и расположились въ позиціи, заранѣе избранной Бенингсеномъ. Передъ фронтомъ позиціи текла въ глубокомъ оврагѣ рѣка, доставляя достаточное прикрытіе. Рѣшившись расположиться здѣсь на болѣе продолжительное время, Кутузовъ рѣшилъ въ тоже время открыть мелкую войну на флангѣ и въ тылу непріятеля и выдвинулъ съ этою цѣлью, по направленію къ Можайску, нѣсколько полковъ кавалеріи и казаковъ подъ начальствомъ генераль-маіора Дорохова. Дороховъ расположился съ главною частью своихъ силъ у Шарапова на новой Калужской дорогѣ и послалъ партіи на пути сообщенія непріятеля съ Смоленскомъ.

Въ то время когда наши войска совершали эти чрезвычайно важныя фланговые марши, французы опустили совершенно изъ виду русскую армію. Твердое убѣжденіе, что походъ оконченъ, что желанный миръ близокъ, страшное утомленіе и безпорядокъ, послѣдовавшій за пожаромъ Москвы, подорвали прежнюю энергію непріятельскихъ военачальниковъ. Самые предпріимчивые изъ нихъ впали въ полнѣйшую апатію и стали окончательно неузнаваемы. Мюратъ оставилъ даже авангардъ подъ Боровскимъ мостомъ и уѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву. Самъ Наполеонъ, встревоженный и озабоченный московскимъ пожаромъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней не вспоминалъ о русскихъ. Только 7 сентября шпіоны внезапно напомнили ему о существованіи непріятеля. Они донесли, что непріятель повернулъ на Тульскую дорогу. Это извѣстіе крайне встревожило Наполеона. Начальники авангарда получили строгій приказъ немедленно-же двинуться впе-

редъ и открыть во что бы то ни стало расположеніе русскихъ силъ. Мюрату было предписано наступать по Рязанской дорогѣ; Понятовскій долженъ былъ перейти съ Рязанской дороги на Тульскую и двинуться къ Подольску; наконецъ маршалъ Бессьеръ съ 4 кавалерійскимъ корпусомъ и съ пѣхотною дивизіею Фредерикса долженъ былъ изслѣдовать мѣстность между Десною и Подольскомъ. Всѣ названные генералы не торопились, однако-же, особенно исполнить приказы императора. Отъ Десны, гдѣ стоялъ еще 7-го числа Милорадовичъ, до Москвы всего съ небольшимъ 20 верстъ, и, однакоже, прошло цѣлыхъ два дня, пока войска Бессьера достигли, наконецъ, этого пункта. Между тѣмъ Наполеонъ получилъ извѣстіе, что между Можайскомъ и Москвою появились уже казацкіе разъѣзды. Тревога императора усилилась. Ему доносили, что казаки захватили муниціонный паркъ и взорвали его на воздухъ, и что на другой день они захватили въ плѣнъ два эскадрона драгунъ. Въ тоже время сдѣлалось извѣстно, что казаки явились въ самыхъ окрестностяхъ Москвы и прервали сообщенія между отрядами Мюрата, Понятовскаго и Бессьера. Наполеонъ рѣшился положить предѣлъ этимъ дерзкимъ покушеніямъ непріятеля. Старая энергія, казалось, пробудилась въ немъ съ новою силою. На Можайскую дорогу былъ выдвинутъ изъ Москвы сильный отрядъ конницы; всѣмъ транспортамъ предписано было идти съ величайшими предосторожностями и не иначе, какъ подъ прикрытіемъ. Самъ Наполеонъ намѣревался выступить изъ Москвы со всѣми силами, атаковать русскихъ и отбросить ихъ за Оку. Но для этого необходимо ему было получить точныя извѣстія: по какой, именно,—Тульской или Рязанской дорогѣ расположился непріятель ¹⁾. Во всѣхъ приказахъ, отданныхъ въ эти дни Наполеономъ, выражается крайняя степень нетерпѣливаго ожиданія. „Императоръ, пишетъ маршалъ Бертъ Мюрату, ожидаетъ съ нетерпѣніемъ новыхъ положительныхъ

¹⁾ Toute l'armée est prêt à se mettre en mouvement et l'empereur est décidé à rejeter l'ennemi derriere l'Oka и. т. д. Chamrbay, Pieces justificatives, № 37.

данныхъ“. И нѣсколько строкъ ниже: „повторяю, императоръ съ крайнимъ нетерпѣніемъ желаетъ имѣть точныя свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля“ ¹⁾).

Понукаемые самимъ императоромъ, французскіе генералы двинулись, наконецъ, впередъ. Мюратъ переправился черезъ Москву-рѣку 10-го сентября, отѣснилъ казаковъ Ефремова по Рязанской дорогѣ до Броницъ и вскорѣ убѣдился, что въ этомъ направленіи кромѣ казаковъ нѣтъ другихъ русскихъ войскъ. Въ тотъ же самый день выступили Понятовскій и Бессьеръ. Первый долженъ былъ дойти въ тотъ-же день до Подольска, но прошелъ только половину пути; Бессьеръ подвигался также крайне медленно, тѣмъ не менѣе ему удалось собрать кое-какія свѣдѣнія о непріятелѣ ²⁾). Оказалось, что русская армія оставила уже окрестности Подольска, а что въ Деснѣ стоитъ только небольшой отрядъ. Несмотря на новыя крайне настоятельные приказы Наполеона, начальники авангарда продолжали двигаться впередъ какъ-бы оцупью, или просто по цѣлымъ днямъ не трогались съ мѣста. Только 12 сентября войска Бессьера показали, наконецъ, подъ Десною, но, встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны русскаго авангарда, не успѣли даже занять этой деревушки. Въ тотъ-же день вечеромъ Понятовскій занялъ, наконецъ, Подольскъ; что-же касается до Мюрата, то, потерявъ напрасно цѣлыхъ два дня подъ Бронницами, онъ соединился 13 числа съ Понятовскимъ у Подольска.

Приближеніе непріятеля со стороны нашего праваго фланга подняло въ русской главной квартирѣ сильную тревогу. Предстояло рѣшить вопросъ: слѣдуетъ-ли ожидать непріятеля въ позиціи у Красной Пахры, или-же уклониться отъ всякой встрѣчи съ нимъ. На военномъ совѣтѣ высказывались, какъ и всегда, самыя противоположныя мнѣнія. Барклай совѣтовалъ остаться на мѣстѣ и ожидать спокойно дальнѣйша-

¹⁾ „L'empereur attend avec impatience des nouvelles positives“.—Je vous réciterai que l'empereur est très-impatient de savoir à quoi s'en tenir sur les mouvements d' l'ennemi“. Chambray.

²⁾ О медленности французскихъ генераловъ см., между прочимъ, Бернгарди, т. II, стр. 184.

го развитія непріятельскихъ намѣреній ¹⁾). Бенингсенъ, справедливо полагавшій, что подъ Подольскомъ сосредоточена только небольшая часть непріятельскихъ силъ, предлагалъ, поручивъ оборону Пахры и старой Калужской дороги отряду генерала Милорадовича, двинуть всю армію вправо и энергичѣски атаковать непріятеля подъ Подольскомъ. Ему возражали, что такое движеніе крайне опасно, такъ какъ весьма вѣроятно, что по Тульской дорогѣ наступаетъ самъ Наполеонъ съ главною массою своихъ силъ, что въ такомъ случаѣ можно запутаться въ сраженіе при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, и въ случаѣ неудачи быть не только отрѣзаннымъ отъ Калуги, но и отброшеннымъ на Верею и Можайскъ, что можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Бенингсенъ отвѣчалъ, что Наполеонъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ наступать съ своими главными силами черезъ Подольскъ, такъ какъ въ этомъ направленіи онъ рискуетъ потерять свои сообщенія съ Москвою и Смоленскомъ ²⁾). И Барклай и Бенингсенъ съ жаромъ отстаивали свои мнѣнія, но старый фельдмаршалъ отдалъ предпочтеніе третьему плану, предложенному Толемъ. По мнѣнію Толя не слѣдовало отваживаться теперь-же на рѣшительный бой съ непріателемъ,—бой, который ни въ какомъ случаѣ не могъ дать удовлетворительнаго результата. Несравненно лучше подождать прибытія сильныхъ подкрѣплений, а пока расположить армію въ такой позиціи, которая бы не могла быть обойдена непріателемъ, которая прикрывала-бы наши собственные источники и угрожала въ то-же время сообщеніямъ непріятеля. Въ такой позиціи можно спокойно возстановить порядокъ въ арміи и пополнить убыль, а затѣмъ, при наступленіи выгоднаго момента, атаковать непріятеля рѣшительно со всѣми силами. Калуга, Тула и Брянскъ, доказывалъ далѣе Толя,—вотъ тѣ пункты, которые особенно нуждаются въ

¹⁾ „Но не совѣтовалъ съ непріателемъ вступать въ бой подъ Красною Пахрою“, какъ говоритъ Михайловскій-Данилевскій. См. Беригарди. Т. II, стр. 185.

²⁾ Объ этомъ военномъ совѣтѣ см. между прочимъ: записки о войнѣ 1812 г. князя А. Б. Голицина, состоявшаго въ безсмѣнныхъ ординарцахъ при князѣ Кутузовѣ; въ особенности-же Беригарди. Т. II, стр. 185—186.

прикрытіи. Въ Калугѣ собираются всѣ подкрѣпленія для арміи, сюда-же направляются всѣ транспорты; въ Тулѣ же и Брянскѣ находятся наши важнѣйшія оружейныя фабрики, арсеналы и литейные заводы. Какую-же мѣстность слѣдуетъ избрать для прикрытія всѣхъ этихъ трехъ важнѣйшихъ пунктовъ? Три дороги ведутъ изъ Москвы въ Калугу: такъ называемая старая Калужская дорога направляется черезъ Красную Пахру и Тарутино, она самая прямая и короткая; къ западу отъ нея ведетъ такъ называемая Новая дорога черезъ Боровскъ и Малоярославецъ; наконецъ, третій путь направляется сначала по Тульской дорогѣ до Серпухова на Ока, и затѣмъ поворачиваетъ на западъ къ Калугѣ. Толь доказывалъ, что для защиты всѣхъ трехъ дорогъ всего выгоднѣе расположить армію подъ Тарутиномъ, такъ какъ этотъ пунктъ запираетъ съ одной стороны старую Калужскую дорогу, а съ другой стороны даетъ возможность предупредить непріятеля какъ подъ Серпуховымъ, такъ и подъ Малоярославцемъ. Толь присовокупилъ, что подъ Тарутиномъ ему извѣстна позиція, правда, не безупречная, но все-же настолько выгодная, насколько можно ожидать этого въ ровной лѣсной мѣстности ¹⁾.

Такъ какъ Кутузовъ рѣшительно одобрилъ мнѣніе Толя, то пренія въ военномъ совѣтѣ прекратились сами собою. Уже 14 сентября наша армія отступила къ Бабенкову на Мочѣ. Арьергардъ сосредоточился у Горокъ подъ начальствомъ Милорадовича и Раевского. Въ позиціи при Мочѣ наша армія оставалась въ теченіи нѣсколькихъ дней. Бенингсенъ вновь началъ возставать противъ дальнѣйшаго отступления къ Тарутину. Позиція при Мочѣ казалась ему настолько выгодна, что въ головѣ его поднялись опять смѣлые наступательные планы. Здѣсь, доказывалъ онъ ежечасно Кутузову, необходимо ожидать непріятеля и дать ему рѣшительный отпоръ. Кутузовъ, отлично понимавшій интриги Бенингсена, попалъ въ самое затруднительное положеніе. Не желая брать на себя отвѣтственности за дальнѣйшее отступле-

¹⁾ Доводы Толя подробно изложены у Беригарди, который пользовался при этомъ подлинными документами.

ніе арміи, онъ совершенно неожиданно, къ удивленію всѣхъ окружающихъ, предложилъ дѣйствовать Бенингсену по собственному соображенію. „Вы командуете арміею! я здѣсь не болѣе, какъ волонтеръ! Гг. адъютанты и офицеры генеральнаго штаба, отнынѣ вы должны принимать приказанія отъ генерала Бенингсена!“ ¹⁾—объявилъ онъ во всеуслышаніе. Бенингсенъ былъ, повидимому, у цѣли. Ничто не мѣшало ему теперь осуществить свои геройскіе планы, показать передъ глазами всей арміи свои блестящіе стратегическіе таланты. Сопровождаемый многочисленною и блестящею свитою, отправился онъ немедленно-же на рекогносцировку. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ разѣзжалъ онъ по берегамъ Мочи, погруженный въ глубокомысленныя соображенія, но съ каждою минутою лицо его становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. Офицеры генеральнаго штаба замѣчали, какъ онъ облизывалъ языкомъ губы, что всегда обозначало у него большое затрудненіе ²⁾ Наконецъ, Бенингсенъ возвратился къ старому фельдмаршалу, и, къ общему удивленію, объявилъ, что въ этой мѣстности нельзя дать сраженія. *Ces diables des français ont toujours l'avantage du terrain de leur cote!* ³⁾—добавилъ онъ съ видимымъ замѣшательствомъ по-французски. Кутузовъ востепенулся при этихъ словахъ.—„*En ce cas je reprend le commandement!*“ ⁴⁾—воскликнулъ онъ съ необычной для него живостью, „Господа! опять ко мнѣ!“—обратился онъ вслѣдъ затѣмъ по-русски къ адъютантамъ и штабнымъ. „Петръ Петровичъ (Коновницинъ), напишите диспозицію къ отступленію“ ⁵⁾.

Эти странныя сцены, характеризующія какъ нельзя лучше

¹⁾ Объ всемъ этомъ крайне странномъ эпизодѣ рассказываетъ подробно Беригарди; онъ беретъ свои свѣдѣнія и тутъ изъ первоначальныхъ документовъ. См. Т. II стр. 192—193.

²⁾ „Drei Stunden brachte er in Betrachtungen zu, das Gefolge bemerkte aber bald, dass er anfangs die Zungenspitze über die Lippen hin und her zu ziehen, was bei ihm immer das Zeichen grosser Verlegenheit war“. Bernhardi. Т. II, стр. 193.

³⁾ „Эти дьяволы французы имѣютъ всегда на своей сторонѣ преимущества мѣстности“.

⁴⁾ „Въ такомъ случаѣ, я принимаю опять команду“.

⁵⁾ Беригарди. Т. II, стр. 193.

главныхъ дѣйствующихъ лицъ, происходили въ русскомъ лагерѣ 18 сентября. 19 сентября армія отступила къ Спасъ-Куплѣ, а 20 расположилась въ укрѣпленномъ Тарутинскомъ лагерѣ за рѣкою Нарою. Непріятель, подъ начальствомъ Мюратъ, тѣснилъ во время отступленія нашъ арьергардъ, а затѣмъ расположился бѣгунами на рѣчкѣ Чернишнѣ, на разстояніи семи верстъ отъ нашихъ позицій.

Позиція при Тарутинѣ отличалась значительными преимуществами. Вдоль всего фронта протекала рѣка Нара; ширина ея равнялась 50 шагамъ, глубина доходила до трехъ футовъ. Долина рѣки покрыта была по мѣстамъ болотами, ея склоны не были особенно высоки, но мѣстами чрезвычайно круты; вся мѣстность подымалась по направленію къ лагерю и могла быть удобно обстрѣливаема нашею артиллеріею. На правомъ флангѣ лагеря простирались обширные лѣса; они охватывали нашу позицію съ тылу и были настолько велики, что не могли быть заняты нашими войсками. Это обстоятельство составляло важнѣйшую невыгодную сторону позиціи. Чтобы помочь хотя сколько-нибудь бѣдѣ, въ лѣсу устроенны были засѣки, вдоль всего фронта воздвигнуты были земляныя укрѣпленія и вооружены сильною артиллеріею ¹⁾. Но всѣ эти мѣры предосторожности оказались совершенно излишними. Непріятель давно уже отказался отъ своихъ смѣлыхъ наступательныхъ плановъ. Спокойно, почти неподвижно стояли войска обѣихъ сторонъ другъ противъ друга въ теченіи цѣлыхъ двухъ недѣль. Война, повидимому, замерла окончательно сама собою, безъ всякихъ соглашеній.

¹⁾ Описанія Тарутинской позиціи см. у Бернгарди, т. II, стр. 196; у Богдановича, т. II, стр. 379. Кроссаръ замѣчаетъ объ укрѣпленіяхъ Тарутинскаго лагеря: „Укрѣпленія, воздвигнутыя Кутузовымъ на Бородинскомъ полѣ, обошлись такъ дорого арміи Бонапарте, что русскій генералиссимусъ не отказывался и теперь отъ этой драгоцѣнной системы. Бонапарте потерялъ цвѣтъ своей арміи при взятіи Бородинскихъ редутовъ, Кутузовъ хотѣлъ выкопать теперь новыя могилы для цвѣта тѣхъ войскъ, которыя будутъ оспаривать у него вновь нѣсколько миль пространства. Онъ спѣшилъ постройкою укрѣпленій по всѣмъ пунктамъ линіи. Искуснѣйшіе изъ его инженеровъ, уже испытанные въ подобныхъ сооруженіяхъ, соперничали при этомъ другъ съ другомъ въ дѣятельности и искусствѣ“. *Memoires de Crossard*, стр. 376.

Причина такого продолжительнаго бездѣйствія заключалась въ томъ мирномъ настроеніи, которое рѣшительно овладѣло въ это время императоромъ Наполеономъ. Чѣмъ далѣе оставалась французская армія въ разрушенной и опустошенной Москвѣ, тѣмъ хуже и безнадежнѣе становилось ея положеніе. Дисциплина упала окончательно, и всѣ попытки возстановить ее рѣшительно не удавались. Солдаты, разъ привыкшіе къ своеволію и безчинству, не могли быть возвращены къ порядку и повиновенію ни грозными приказами, ни суровыми наказаніями. Громадые запасы муки и съѣстныхъ припасовъ всякаго рода выдѣланныхъ кожъ, сукна, полотень, уцѣлѣвшіе отъ пожара, были разграблены и уничтожены самымъ легкомысленнымъ образомъ. За прежнюю роскошь и избыткомъ не замедлила наступить страшная нужда. Солдаты продолжали грабить уже по причинѣ голода, и не было возможности удержать ихъ отъ грабежа. Даже самыя отборныя войска, и тѣ начали подавать ежедневно примѣръ самаго грубаго нарушенія дисциплины. „Безпорядки и грабежи усиливаются болѣе, нежели когда-либо въ рядахъ старой гвардіи, говорится въ приказѣ отъ 27 сентября. Императоръ усматриваетъ съ сожалѣніемъ, что отборный отрядъ, назначенный охранять его особу и подавать всѣмъ остальнымъ примѣръ воинскаго порядка, забывается до того, что грабить магазины и погреба, назначенные для продовольствія арміи. Нѣкоторые обезчестили себя до того, что оскорбляли часовыхъ и даже своихъ собственныхъ начальниковъ“ ¹⁾.

Если французскіе солдаты, обремененные добычею и терзаемые въ то-же время голодомъ, думали только о грабежѣ, то легко себѣ представить, въ какомъ печальномъ положеніи находилась вся продовольственная часть армейскаго управленія. На содержаніе многочисленныхъ лошадей, отъ которыхъ

¹⁾ Ordre du jour du 29 Sept. 1812. Въ приказѣ отъ 6-го октября говорилось: „Всѣ офицеры, всякихъ чиновъ, проходя съ войсками мимо императора, должны салютовать шпагою его величеству. Сегодня, на разводѣ, это не исполнялось. Герцогъ Данцигскій, поставляя на видъ офицерамъ такое неисполненіе обязанностей, предписываетъ начальникамъ всѣхъ частей войскъ, чтобы они наблюдали за порядкомъ службы“.

зависѣло спасеніе арміи, не обращено было съ самаго занятія Москвы должнаго вниманія. Запасы сѣна и овса частью погибли во время пожара, частью были растасканы и уничтожены в послѣдствіи. Фуражировки въ опустошенныхъ окрестностяхъ столицы были не только бесполезны, но и опасны. На близкомъ разстояніи все было давно уже разграблено и выжжено; на болѣе далекомъ могли фуражировать только значительные отряды, да и тѣ подвергались нерѣдко нападеніямъ со стороны нашихъ легкихъ войскъ и вооруженныхъ крестьянъ. Оставленные безъ корма, артиллерійскія, обозныя и даже кавалерійскія лошади скитались по огородамъ и бульварамъ, грызли кору на деревьяхъ и падали тысячами каждый день. Многіе кавалерійскіе полки превратились уже въ это время въ пѣшіе, въ другихъ осталось по нѣсколько десятковъ лошадей.

Съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что Наполеонъ, зайдя въ Москву, попалъ въ ловушку, выйти изъ которой будетъ для него тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ долѣе будетъ онъ оставаться въ ней. Въ то время, когда его собственная армія неудержимо таяла съ каждымъ днемъ и теряла послѣдніе остатки дисциплины и прочной организаціи, вокругъ Москвы раскидывалась цѣлая цѣпь русскихъ легкихъ войскъ и партизанскихъ отрядовъ, отрѣзывавшихъ непріятеля отъ окрестной страны и всякихъ источниковъ жизни и наносившихъ ему каждый день громадный уронъ.

Всѣ пути, ведущіе изъ Москвы въ различныя стороны, были заняты массами только что сформировавшагося ополченія; эти массы служили опорными точками и прикрытіями для тѣхъ многочисленныхъ партизанскихъ отрядовъ, которые появлялись, то и дѣло, подъ самыми стѣнами Москвы и особенно беспокоили Можайскую дорогу. Тверское ополченіе стояло въ Твери; впереди его выдвинутъ былъ конный отрядъ Винцингероде. Ярославское ополченіе прикрывало у Переславля Залѣскаго Ярославскую дорогу; Владимірское защищало у Покрова дорогу во Владиміръ. Рязанское ополченіе, сосредоточенное у Дѣднева, охраняло дороги въ Рязань и Касимовъ; Тульское занимало правый берегъ Оки отъ

Алексина до Каширы; Калужская милиція собралась въ Калугѣ и отрядила сильный отрядъ для прикрытія Брянска.

Съ тѣхъ поръ какъ наша главная армія укрѣпилась въ Тарутинскомъ лагерѣ, князь Кутузовъ, отлично понимавшій все значеніе партизанской войны, немедленно отрядилъ нѣсколько легкихъ отрядовъ на пути сообщенія непріятеля и всѣми мѣрами поощрялъ предприимчивость партизанскихъ начальниковъ, давалъ имъ казаковъ, снабжалъ оружіемъ. 26 новыхъ казачьихъ полковъ, прибывшихъ въ это самое время съ Дона въ Тарутинскій лагерь, давали русскому главнокомандующему полную возможность организовать партизанскую войну въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ то время, какъ Дороховъ дѣлалъ постоянные набѣды на Можайскую дорогу, захватилъ приступомъ городъ Верею, при чемъ ему удалось взять въ плѣнъ цѣлый баталіонъ Вестфальцевъ, подполковникъ Давыдовъ ¹⁾ дѣйствовалъ на пространствѣ между Можайскомъ и Вязмою, а другой партизанъ, князь Вадбольскій дѣйствовалъ въ самыхъ окрестностяхъ Можайска. Поручикъ Фонъ-Визинъ свирѣпствовалъ съ казачьею партіею на Боровской дорогѣ; капитанъ Сеславинъ дѣйствовалъ между Боровскомъ и Москвою; капитанъ артиллеріи Фигнеръ истреблялъ непріятелей въ самыхъ окрестностяхъ Москвы; полковникъ князь Кудашевъ дѣйствовалъ на Серпуховской дорогѣ; полковникъ Ефремовъ на Рязанской. Такимъ образомъ летучіе отряды, посланные отъ нашихъ главныхъ силъ, занимали все пространство къ югу отъ Москвы, отъ Вязмы до Бронницъ. Генералъ Виндингероде, стоявшій на сѣверѣ у Клина по большой Тверской дорогѣ, въ свою очередь высылалъ партизановъ къ Москвѣ и Можайску. Съ этой стороны дѣйствовали полковникъ Бенкендорфъ, майоръ Прендель, подполковникъ Чернозубовъ и многіе другіе.

„Предоставленные самостоятельному дѣйствованію, замѣчаетъ Богдановичъ ²⁾, русскіе партизаны должны были при-

¹⁾ Первый по времени изъ русскихъ партизановъ былъ подполковникъ Ахтырского гусарскаго полка, Давыдовъ. См. сочиненія Давыдова, стр. 447.

²⁾ См. Богдановичъ. „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 379—380.

бѣгать къ особеннымъ мѣрамъ предосторожности: двигаться, большею частью, по проселочнымъ дорогамъ, либо даже по тропинкамъ, безъ шума, переходить быстро съ одного мѣста на другое, располагаться на отдыхъ въ лѣсахъ и оврагахъ, безъ передовыхъ постовъ. Никто, кромѣ начальника отряда, не зналъ, куда идетъ онъ и съ какою цѣлью дѣйствуетъ. Получивъ свѣдѣніе отъ крестьянъ или отъ разъѣздовъ о близости непріятеля, партизанскій начальникъ отправлялся съ нѣсколькими офицерами и казаками на рекогносцировку, старался высмотрѣть окрестную мѣстность и силу противника, и, возвратясь къ своимъ, принималъ мѣры для нападенія, либо, если непріятель былъ не по силамъ, давалъ знать о томъ ближайшимъ изъ нашихъ отрядовъ, а иногда и въ главную квартиру. Извѣстія доставлялись чрезъ офицеровъ, либо крестьянами, которые являлись изъ лѣсовъ и другихъ убожищъ къ партизанамъ, служили имъ проводниками, передавали свѣдѣнія отъ нихъ въ армію и вооружались для содѣйствія имъ, получивъ отбитое у непріятеля оружіе. Нападеніе на непріятеля производилось обыкновенно неожиданно, быстро, съ различныхъ сторонъ. Если партизаны имѣли возможность доставить захваченныхъ ими плѣнныхъ въ главную квартиру, то отсылали ихъ подъ конвоемъ изъ казаковъ и поселянъ; если-же, по значительному отдаленію, или по малочисленности отряда, препровожденіе плѣнныхъ въ армію оказывалось невозможнымъ, то иногда ихъ истребляли“.

Типомъ настоящаго партизана былъ капитанъ Фигнеръ ¹⁾. Это былъ человѣкъ, ненавидѣвшій Наполеона, какъ личнаго врага. Онъ готовился къ смерти съ самаго начала отечественной войны, ходилъ ежедневно по церквамъ и молился, обливаясь слезами. По занятіи непріятелемъ Москвы, Фигнеръ въ теченіи нѣсколькихъ дней, съ разрѣшенія главнокомандующаго, оставался въ городѣ. Смѣлый, ловкій, способный на всевозможныя роли, отлично говорившій по-французски,

¹⁾ Подробности о дѣйствіяхъ Фигнера у Богдановича: „Исторія отечественной войны“, т. II, стр. 382—385.

онъ по цѣлымъ днямъ прогуливался по Москвѣ, одѣтый то свѣтскимъ франтомъ, то простымъ крестьяниномъ. Отважно пробирался онъ въ дома, занимаемые французскими начальниками, высматривалъ и вывѣдывалъ все. Собравъ вокругъ себя нѣсколько рѣшительныхъ человѣкъ изъ жителей и снабдивъ ихъ оружіемъ, онъ ночью истреблялъ одиночныхъ непріятельскихъ солдатъ и искалъ случая убить самого Наполеона. Но вскорѣ Фигнеръ оставилъ Москву и выступилъ въ качествѣ начальника партизанскаго отряда. Его отчаянная храбрость равнялась его необычайной хитрости и безпощадной жестокости. Нерѣдко онъ пробирался въ непріятельскіе лагеря, ловко разыгрывая роль французскаго офицера. Всѣхъ плѣнныхъ, попадавшихъ въ его руки, онъ убивалъ безъ пощады, или же отдавалъ на жертву разъяреннымъ крестьянамъ. Его дѣйствія и страшный вредъ, наносимый имъ непріятелю, характеризуются лучше всего его собственными донесеніями.

„О причиненномъ непріятелю вредѣ, говоритъ онъ уже въ своемъ первомъ донесеніи, имѣю честь донести слѣдующее: 1) въ окрестностяхъ Москвы истреблено все продовольствіе; 2) въ селахъ, лежащихъ между Тульской и Звенигородскою дорогами, побито до 400 человѣкъ; 3) на Можайской дорогѣ взорванъ паркъ: шесть батарейныхъ орудій приведены въ совершенную негодность, а восемнадцать ящиковъ, симъ орудіямъ принадлежащіе, взорваны. При орудіяхъ взяты: полковникъ, 4 офицера и 58 рядовыхъ. Не взирая на чрезвычайную трудность путей, офицеры наблюдали въ своихъ командахъ совершенный порядокъ, отчего въ самыя мрачныя ночи, въ лѣсахъ, едва днемъ сквозящихъ, марши были быстры, а слѣдствія оныхъ непріятелю губительны. Переноса равнодушно голодъ и стужу, презирая опасность среди многочисленнаго непріятеля, они поселяли твердость и надежду въ солдатахъ“.—„Нынѣ, въ полдень, писалъ Фигнеръ въ слѣдующемъ своемъ донесеніи, между большою арміею и авангардомъ побью и возьму нѣсколько плѣнныхъ. Не малая часть кавалеріи непріятельской направлена будетъ противъ меня. Увѣдомляю для того, что можетъ быть наша ар-

мія симъ воспользуется“. Въ третьемъ донесеніи читаемъ: „Вчера я узналъ, что вы беспокоитесь узнать о силахъ и движеніяхъ непріятеля. Чего ради вчера же былъ у французовъ одинъ, а сегодня посѣщаль ихъ вооруженною рукою, послѣ чего опять имѣлъ съ ними переговоры. О всемъ случившемся посланный мною къ вамъ ротмистръ Алексѣевъ лучше расскажетъ, ибо я боюсь расхвастаться“.

Фигнеръ превосходилъ всѣхъ остальныхъ партизановъ хитростью и жестокостью, но многіе другіе не уступали ему въ бѣшеной отвагѣ и необычайной предприимчивости. Полковникъ князь Кудашевъ атаковалъ съ нѣсколькими сотнями казаковъ четыре баталіона французовъ, разбилъ ихъ совершенно и захватилъ въ плѣнъ около 200 человекъ ¹⁾. Давыдовъ съ 360 всадниками разбилъ подъ Вязмою сильный непріятельскій отрядъ, сопровождавшій транспортъ, захватилъ громадную добычу и 150 плѣнныхъ. Черезъ два дня Давыдовъ совершенно уничтожилъ другой непріятельскій отрядъ въ окрестностяхъ Вязмы. На слѣдующій затѣмъ день онъ атаковалъ, въ селѣ Юрьевѣ, три баталіона непріятелей, взялъ въ плѣнъ сто сорокъ человекъ, а нѣсколько сотъ положилъ на мѣстѣ. Болѣе ста солдатъ, засѣвшихъ въ деревнѣ и не хотѣвшихъ сдаться, были сожжены живьемъ, вмѣстѣ съ сараями, гдѣ искали они себѣ убѣжища ²⁾.

Дѣйствія партизановъ причиняли непріятелю прежде всего громаднѣйшій матеріальный уронъ. До конца сентября они взяли въ плѣнъ около 15000 человекъ, истребили вѣроятно столько же и уничтожили массы непріятельскаго фуража и артиллерійскихъ снарядовъ ³⁾. Еще важнѣе было другое послѣдствіе партизанскихъ дѣйствій: фуражировки для малыхъ непріятельскихъ отрядовъ сдѣлались невозможными. Для сбора припасовъ, для сопровожденія транспортовъ приходилось отправлять цѣлыя отряды пѣхоты и конницы съ артиллерією. На Можайской дорогѣ пришлось размѣстить

¹⁾ Богдановичъ. „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 385.

²⁾ Богдановичъ. „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 381—82.

³⁾ Сж. Бернгарди. Т. II, стр. 206.

цѣлыя массы войска. Французская армія, стоявшая въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, была совершенно изнурена этими необычными и тяжелыми командировками. И что всего хуже, эти чрезвычайныя усилія оставались въ концѣ концовъ безъ надлежащихъ результатовъ. Фуражиры не могли найти припасовъ въ опустошенныхъ окрестностяхъ столицы. Проскитавшись безъ пользы нѣсколько дней, выдержавъ нерѣдко нѣсколько нападеній партизановъ, они возвращались въ большей части случаевъ въ Москву съ пустыми руками. Вскорѣ не только лошади, но и люди начали изнемогать отъ голода. Непріятельскіе солдаты принуждены были довольствоваться самою скудною или испорченною и нездоровою пищею. Прежде французы брезгали хорошимъ ржанымъ хлѣбомъ, теперь они пекли хлѣбъ изъ подмокшей, полугнилой муки. Конина, галки и вороны считались уже лакомствомъ. Соли не было вовсе, пришлось замѣнять ее порохоми; вмѣсто сала стали употреблять сальныя свѣчи. Въ холодныя и сырыя ночи, за недостаткомъ дровъ, часто не разводили вовсе огня, дрогли отъ стужи, валяясь на сырой землѣ ¹⁾. Болѣзни страшно распространились въ войскахъ. Свирѣпствовали, по преимуществу, желудочныя и простудныя лихорадки, тифозныя горячки и т. п. Госпитали были переполнены, въ медикаментахъ ощущался страшный недостатокъ ²⁾. Къ физическимъ страданіямъ присоединялись нравственныя. Уныніе, упадокъ духа распространились во всей арміи. Солдатами, въ особенности новобранцами, овладѣвала тоска по родинѣ, неодолимое желаніе вырваться во что бы то ни стало, и какъ можно скорѣе, изъ этой ужасной страны, изъ этого пустыннаго пожарища, зараженнаго тлетворнымъ гніеніемъ тысячъ непогребенныхъ труповъ.

Виновникъ столькихъ ужасающихъ страданій своей собственной арміи, императоръ Наполеонъ вступилъ въ Москву съ твердымъ упованіемъ, что Александръ, потрясенный потерей своей древней столицы, поспѣшитъ заключить миръ. Московскій

¹⁾ См. *Ein Jahr aus meinem Leben*. Стр. 146—148.

²⁾ См. *Lamasurier. Medicinische Geschichte des russischen Feldzugs von 1812*.

пожаръ поколебалъ. однако-же, въ немъ эти надежды. „Развѣ люди, рѣшившіеся сжечь Москву, могутъ заключить миръ черезъ нѣсколько дней послѣ этого“ ¹⁾,—вотъ мысль, которая не давала ему покоя съ того момента, когда онъ принужденъ былъ бѣжать отъ пожара изъ Кремля въ Петровскій дворецъ. Но если нельзя заключить миръ, то необходимо идти впередъ, нанести новые удары непріятелю, сломить во что бы то ни стало его послѣднее сопротивление. Только такой образъ дѣйствій былъ возможенъ для Наполеона, только онъ одинъ могъ предохранить его отъ страшнаго паденія. И Наполеонъ дѣйствительно мечтаетъ о новомъ наступленіи, онъ составляетъ планъ похода на Петербургъ ²⁾, онъ хочетъ окончательно разгромить Россію, уничтожить ея значеніе, какъ великой державы. За взятіемъ Петербурга должно послѣдовать раздробленіе и уничтоженіе Россіи. Великая Московская имперія должна исчезнуть съ лица земли. Наполеонъ образуетъ обширное Польское королевство и возложить на себя корону Ягелоновъ. Онъ создастъ для князя Понятовскаго особое герцогство Смоленское, онъ окружитъ Польшу цѣлымъ рядомъ мелкихъ государствъ, образованныхъ изъ русскихъ губерній и учредитъ Вислянскую конфедерацію, точно также какъ учредилъ онъ Рейнскій союзъ въ Германіи ³⁾. Не одна сила оружія, но и другія средства помогутъ ему осуществить этотъ гигантскій планъ. Онъ освободитъ русскихъ крѣпостныхъ и привлечетъ ихъ на свою сторону ⁴⁾, онъ разщепитъ потомковъ удѣльныхъ князей и размѣститъ ихъ на

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1876 г. кн. III, стр. 57.

²⁾ Объ этомъ планѣ см. Fain, Manuscrit de 1811. Т. II, стр. 93—97; C-te de Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 60—63; Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, кн. 26.

³⁾ Всѣ эти свои намѣренія Наполеонъ сообщалъ графу Дарю, а отъ этого послѣдняго слышалъ ихъ одинъ изъ французовъ, жившихъ тогда въ Москвѣ. См. „Русскій Архивъ“ 1876, стр. 296.

⁴⁾ Мысли объ освобожденіи русскихъ крѣпостныхъ сильно занимала Наполеона. См. между прочимъ его разговоръ съ m-me Оберъ-Шальме въ Петровскомъ дворцѣ. Chev. d'Ysarn, Relation стр. 14--15, Arm. Domergues. La Russie pendant les guerres de l'empire. Т. II. стр. 73—75 и „Русскій Архивъ“ 1876 г., стр. 55.

тронахъ вассальныхъ государствъ. Особенно разсчитываетъ онъ на князей Долгорукихъ, пострадавшихъ такъ много въ прежнія царствованія. Онъ приказываетъ розыскать въ московскихъ архивахъ и библіотекахъ всѣ документы, относящіеся до Пугачева; онъ думаетъ пустить въ ходъ для ободренія народа русскаго тѣже средства, которыя употреблялъ знаменитый самозванецъ ¹⁾. Онъ разсчитываетъ поднять противъ русскаго владычества татаръ и собирается послать въ Казань своихъ эmissаровъ ²⁾. Но прежде всего необходимо закончить побѣдоносно войну взятіемъ Петербурга. День и ночь работаетъ геніальный умъ великаго завоевателя надъ планомъ этого новаго похода. Столы его кабинета заложены картами Россіи, со всею подробностью размѣчаетъ онъ на нихъ разноцвѣтными булавками движеніе своей арміи на сѣверную Пальмиру. Онъ продиктовываетъ своимъ секретарямъ первоначальныя диспозиціи, онъ сообщаетъ о своихъ намѣреніяхъ маршаламъ ³⁾. Но уже тутъ онъ встрѣчаетъ первое препятствіе. Только одинъ его пасынокъ, вице-король итальянскій, хватается съ энтузіазмомъ за его новую геніальную мысль; всѣ остальные маршалы относятся къ ней съ критикою, съ недовѣріемъ. Впервые Наполеонъ встрѣчаетъ противорѣчіе со стороны своихъ неустрашимыхъ сподвижниковъ. Всѣхъ маршаловъ страшитъ этотъ новый походъ на далекій сѣверъ на встрѣчу зимѣ, которая уже близъ

¹⁾ Chevalier d'Ysarn, стр. 34—35.

²⁾ Chambray, Histoire de l'expédition en Russie, T. II, стр. 214; Fain, Manuscrit de 1812. T. II, стр. 140. Получивъ извѣстіе отъ своего губернатора изъ Вильны, генерала Гогендорна, что нѣкоторые изъ плѣнныхъ татаръ изъявляютъ готовность служить въ его войскахъ, Наполеонъ немедленно отвѣчалъ ему, что „всѣ способны умножить конницу дороги, ничего не должно оставлять безъ вниманія. Вы пишите, что плѣнные татары пламенно желаютъ стать подъ мои знамена. Смѣло можно составить изъ нихъ полкъ, если найдется тысяча человѣкъ съ лошадьми. Надо содѣйствовать этому“.

³⁾ Планъ похода на сѣверъ составленъ былъ не въ Петровскомъ дворцѣ, въ началѣ сентября, какъ утверждаетъ это Fain, а въ концѣ сентября въ Московскомъ Кремлѣ. Въ началѣ сентября, не смотря на пожары, Наполеонъ не чувствовалъ еще ни малѣйшей надобности идти на Петербургъ и считалъ все дѣло оконченнымъ взятіемъ Москвы. См. Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire. T. XVI, к. XXVI.

ка, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшается высказать прямо этой мысли. Они говорятъ Наполеону о другихъ, впрочемъ, тяжеловѣсныхъ обстоятельствахъ. Они напоминаютъ ему, что для войскъ необходимъ покой, что необходимо время для излеченія раненыхъ или отправленія ихъ въ Смоленскъ, что армія истратила большую часть своихъ припасовъ, что ощущается полный недостатокъ въ продовольствіи, фуражѣ, одеждѣ. Нужно не мало времени, говорятъ они, для приведенія арміи въ такое положеніе, чтобы она могла спокойно рѣшиться на новый далекій походъ. Возможно-ли также, спрашиваютъ они, очистить Москву и двинуться на сѣверъ, оставляя въ тылу своемъ русскую армію? Правда, эта армія разбита подъ Бородиномъ, но она не уничтожена, она скрылась изъ вида нашего, мы не имѣемъ даже точнаго понятія о ея настоящемъ расположеніи и численности. Не лучше-ли въ виду всего этого остаться пока въ Москвѣ, все еще богатой припасами, и если идти уже куда-нибудь, то идти на югъ, истребить боевые и продовольственные запасы русскихъ въ Тулѣ и Калугѣ и нанести имъ тѣмъ новый, быть можетъ, рѣшительный ударъ. Не слѣдуетъ-ли также попытаться заключить миръ съ непріателемъ; вѣдь этотъ послѣдній исходъ будетъ, быть можетъ, едва-ли не самый лучший.

Наполеонъ, вопреки своему нраву, не терпѣвшему ни малѣйшаго противорѣчія, выслушивалъ на этотъ разъ терпѣливо и снисходительно возраженія своихъ маршаловъ. Онъ не настаивалъ особенно на своемъ планѣ, въ первый разъ въ жизни онъ уступалъ совѣтамъ своихъ боевыхъ товарищей. Въ дѣйствительности, онъ уступалъ вовсе не имъ, а силѣ обстоятельствъ. Лучше кого-либо изъ маршаловъ зналъ онъ дѣйствительное положеніе своей арміи и понималъ, что походъ на сѣверъ немыслимъ, до тѣхъ поръ пока не рѣшится судьба русской арміи, до тѣхъ поръ пока его собственное войско не прійдетъ въ надлежащій порядокъ. И онъ не меньше своихъ сподвижниковъ желалъ мира, и онъ считалъ его лучшимъ исходомъ изъ всѣхъ затрудненій, но онъ уже сомнѣвался въ его возможности. „Если тѣ, объявилъ онъ маршаламъ, на которыхъ упадетъ обвиненіе за под-

жогъ Москвы, имѣють силу въ кабинетѣ Александра, то всѣ надежды на миръ тщетны. Впрочемъ надо, чтобы выяснились обстоятельства“.

И Наполеонъ ждетъ этого выясненія. Проходитъ нѣсколько томительныхъ дней и обстоятельства начинаютъ дѣйствительно выясняться, но они выясняются въ смыслѣ, очевидно, неблагопріятномъ для французскаго императора. Пожаръ Москвы прекратился, затихъ нѣсколько и грабежъ, но дисциплина великой арміи поколеблена въ самыхъ основахъ, а громадныя запасы, которыхъ хватило-бы на цѣлую зиму, по большей части истреблены. Передовыя французскія войска открыли, наконецъ, непріятеля, но они открыли вмѣстѣ съ тѣмъ, что русскіе вовсе не думаютъ бѣжать за Оку, что они совершили удачное фланговое движеніе, что они стоятъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, усиливаются съ каждымъ днемъ и угрожаютъ путямъ сообщенія великой арміи. Выяснились также обстоятельства и на счетъ возможности мира. О какихъ-бы то ни было мирныхъ предложеніяхъ со стороны русскаго правительства не было и рѣчи,—напротивъ, все указывало на твердую рѣшимость императора Александра продолжать войну.

Наполеонъ не сомнѣвался и теперь въ своемъ громадномъ личномъ вліяніи на Александра и рѣшился, наконецъ, вступить съ нимъ въ прямыя, хотя-бы письменныя сношенія. Долго искалъ онъ удобнаго предлога и хватался за всякій случай, чтобы напomenить императору Александру о прежней личной дружбѣ и показать, что съ своей стороны онъ не прочь возвратиться къ временамъ Тильзита.

Когда начальникъ Московскаго воспитательнаго дома, генераль-маіоръ Тутолминъ ¹⁾ явился къ Наполеону въ Кремль

¹⁾ Тутолминъ доносилъ подробно обо всемъ случившемся въ воспитательномъ домѣ, во время пребыванія въ Москвѣ французовъ, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Донесеніе напечатано въ „Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ“, за 1860 г. кн. II, смѣсь, стр. 161—192. Воспитательный домъ былъ спасенъ благодаря энергіи и распорядительности Тутолмина. „Наполеонъ, проѣзжая 5-го сентября по набережной, мимо воспитательнаго дома, спросилъ, что это за зданіе, которое сохранено отъ пожара? Ему отвѣ

тотчасъ-же послѣ пожара и выразилъ, между прочимъ, императору французовъ признательность за покровительство, оказанное этому благотворительному учрежденію, Наполеонъ сказалъ ему: „Я хотѣлъ сдѣлать для всего города то, что сдѣлалъ для вашего заведенія. Я поступилъ бы съ Москвою, какъ съ Вѣною и Берлиномъ, но русскіе бросили городъ почти совершенно пустымъ, сами сожгли его и, желая сдѣлать мнѣ вредъ, разрушили въ нѣсколько дней созданіе цѣлыхъ вѣковъ. Если даже я и оставлю Москву, то потери, которыя вы сами себѣ нанесли, будутъ невознаградимы. Доведите о томъ до свѣдѣнія вашего государя; онъ вѣрно не знаетъ, что здѣсь дѣлается“ ¹⁾).

Перемѣнивъ затѣмъ предметъ разговора, Наполеонъ началъ спрашивать Тутолмина о количествѣ дѣтей, призрѣваемыхъ въ домѣ, на какое время запасено продовольствіе, откуда думаютъ заготовить припасы на зиму? Тутолминъ подалъ Наполеону вѣдомость о количествѣ дѣтей въ воспитательномъ домѣ. Пробѣжавъ ее, онъ съ улыбкою замѣтилъ: „вы увезли въ Казань всѣхъ взрослыхъ дѣвицъ“. Наполеонъ интересовался также узнать, откуда получаетъ съѣстные припасы Москва? Тутолминъ отвѣчалъ, что хлѣбъ идетъ изъ украинскихъ, скотъ изъ малороссійскихъ, мелкая живность изъ сосѣднихъ областей, и что хлѣбъ доставляется по большей части весною на баркахъ. Затѣмъ Наполеонъ вновь приблизился къ вопросу, особенно занимавшему его. „Какой

чали, что это воспитательный домъ, спасенный отъ гибели начальникомъ онаго съ своими подчиненными. Императоръ тотчасъ приказалъ генералъ-интенданту Дюмасу ѣхать въ домъ, найти меня и объявить мнѣ свое привѣтствіе. Генералъ Дюмасъ, прискакавъ въ домъ, спросилъ: „гдѣ вашъ генералъ?“ Какъ я всегда былъ безсмѣннымъ стражемъ, то тотчасъ, подходя къ нему, спросилъ: „что вамъ угодно?“ — „Я присланъ къ вашему превосходительству отъ императора, который приказалъ благодарить васъ за трудъ и за спасеніе отъ огня вашего дома. Его величеству угодно съ вами лично познакомиться“. Я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго страха, и равнодушно пріянялъ оное, но утѣшился тѣмъ, что весь домъ отъ онаго приведенъ былъ въ окураживаніе“. Донесеніе Тутолмина императрицѣ, стр. 168.

¹⁾ О своемъ разговорѣ съ Наполеономъ Тутолминъ доносилъ императору Александру. Всѣ приведенныя слова Наполеона взяты изъ этого донесенія.

шаръ дѣлалъ англичанинъ Шмитъ на пагубу меня и моей арміи?“ спросилъ онъ внезапно Тутолмина. „Вѣдь такое коварство непростительно просвѣщенному народу“.—„Я о томъ ничего не знаю“,—отвѣчалъ Тутолминъ.—„Мнѣ извѣстно, продолжалъ Наполеонъ, что шаръ дѣлался въ семи верстахъ отъ Москвы, но за неприведеніемъ въ дѣйствіе сожженъ; оставшіеся-же горючіе матеріалы употреблены для сожженія Москвы“ ¹⁾). Говоря это, Наполеонъ случайно взглянулъ въ окно и увидѣлъ дымъ, все еще курившійся надъ пожарищами. При этомъ зрѣлищѣ имъ овладѣлъ одинъ изъ тѣхъ страшныхъ припадковъ гнѣва, передъ которыми дрожали всѣ его окружающіе. Онъ осыпалъ проклятіями Растопчина, котораго онъ считалъ главнымъ виновникомъ пожара. „Несчастный! кричалъ онъ въ себя,—онъ дерзнулъ присоединить ко всѣмъ бѣдствіямъ войны поджигательство! Не безчеловѣчно-ли бросить нѣсколько тысячъ раненыхъ, столько женщинъ, стариковъ, дѣтей на вѣрную гибель!“ Прійдя въ себя, Наполеонъ спросилъ Тутолмина: „не имѣетъ-ли онъ просить его о чемъ-нибудь?“ Тутолминъ отвѣчалъ, что онъ желалъ-бы донести августѣйшей покровительницѣ вѣреннаго ему заведенія, какимъ чудеснымъ образомъ сохранилось оно среди всеобщаго разрушенія. Наполеонъ спѣшилъ воспользоваться этою просьбою русскаго генерала для осуществленія своей затаенной мысли. „Вы можете послать донесеніе, сказалъ онъ милостиво Тутолмину, и я прошу васъ написать при этомъ императору Александру, котораго я уважаю по прежнему, что я желаю мира. Отправьте съ донесеніемъ своего чиновника, чрезъ котораго можете получить и отвѣтъ. Я прикажу привести его черезъ наши форпосты“ ²⁾).

¹⁾ Изъ донесенія императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

²⁾ Такъ сказано въ донесеніи императору. Въ донесеніи императрицѣ Тутолминъ говоритъ: „Наконецъ Наполеонъ сказалъ: „какъ безчеловѣчно поступали русскіе, оставивъ 10,000 раненныхъ солдатъ безъ пищи и прикрѣпленія. Повторяю вамъ еще: напишите о всѣхъ происшествіяхъ въ Москвѣ къ своему императору Александру и отправьте съ донесеніемъ своего чиновника; я дамъ ему пропускъ черезъ свои форпосты“. О разговорѣ Наполеона съ Тутолминымъ см. также Faiv, Т. II, стр. 84—87.

Этотъ первый шагъ къ миру, столь несогласный съ обыкновенною гордостью Наполеона и столь ошибочный въ его тогдашнемъ положеніи, вскорѣ показался ему, однакоже, недостаточнымъ. Глубоко убѣжденный, что стоитъ ему лишь войти въ непосредственныя сношенія съ русскимъ императоромъ и путь къ миру будетъ проложенъ, онъ хватался за всякій удобный случай, чтобы завести эти сношенія. Нѣкто П. А. Яковлевъ ¹⁾, отставной капитанъ гвардіи, замедлилъ своимъ выѣздомъ изъ Москвы и былъ схваченъ и ограбленъ французскими солдатами. Обобранный до-чиста, Яковлевъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, прислугою и сотнею крестьянъ, скитался въ теченіи нѣсколькихъ дней по московскимъ пожарищамъ, едва не умирая съ голоду. Случай столкнулъ его съ полковникомъ Менадье, принадлежавшимъ къ штабу маршала Бертье. Яковлевъ спрашивалъ полковника, какими способами могъ-бы онъ выбраться изъ Москвы. Менадье посоветовалъ ему обратиться къ коменданту Москвы, маршалу Мортье и даже представилъ его послѣднему. Мортье на всѣ просьбы Яковлева отвѣчалъ, что самъ онъ не можетъ выпустить его изъ города, но что онъ доложитъ объ этомъ дѣлу императору. Наполеонъ пожелалъ видѣть самого Яковлева, и уже 9-го сентября отставной капитанъ гвардіи, говорившій впрочемъ превосходно по-французски, предсталъ предъ очами грознаго завоевателя. При входѣ во дворецъ Яковлевъ былъ встрѣченъ секретаремъ императора—Делорнемъ и введенъ въ тронную залу, гдѣ ожидалъ его уже Наполеонъ. Онъ далъ знать Делорню не уходить изъ залы и тотчасъ же обратился къ Яковлеву. Сказавъ нѣсколько предварительныхъ фразъ, онъ началъ жаловаться на московскіе пожары ²⁾. „Конечно не мы, сказалъ онъ съ жаромъ, зажигаемъ го-

¹⁾ Яковлевъ самъ описалъ подробно свое свиданіе съ Наполеономъ въ особой запискѣ на французскомъ языкѣ. Онъ составилъ эту записку въ опроверженіе неточнаго разсказа Fain'a въ его *Manuscrit de 1812*. Записка напечатана въ статьѣ Голохвастова, озаглавленной *Wahrheit und Dichtung*. См. „Русскій Архивъ“ за 1874 г., стр. 1062—1067.

²⁾ *Après un preambule de forme il commença par se recrier sur les incendies de Moscou...* Записка Яковлева.

родъ. Я занималъ почти всѣ европейскія столицы, но я не сжегъ ни одной изъ нихъ. Во всю мою жизнь я сжегъ только одинъ городъ въ Италіи, и то въ пылу сраженія на улицахъ ¹⁾. Какъ? И вы сами хотите уничтожить Москву, Москову священную, въ которой покоятся всѣ предки вашихъ государей?“ Яковлевъ, совершенно смущенный такимъ неожиданнымъ приступомъ, отвѣчалъ, что ему совершенно неизвѣстны виновники этого бѣдствія, но что онъ испытываетъ на себѣ лично всю его тягость, что онъ лишился всего своего состоянія, что у него остались лишь одни лохмотья для прикрытія наготы ²⁾. „А кто у васъ въ Москвѣ губернаторомъ?“ спросилъ неожиданно Наполеонъ. Делорнъ, предупреждая Яковлева, назвалъ графа Растопчина. „Что это за человѣкъ?“ спросилъ императоръ, обращаясь къ Яковлеву. Яковлевъ отвѣчалъ, что Растопчинъ человѣкъ очень извѣстный по своему уму. „По уму, можетъ быть, возразилъ нетерпѣливо Наполеонъ, но онъ сумасшедшій. Я и прежде имѣлъ понятіе о вашей странѣ, но теперь, ознакомившись съ нею наглядно отъ границы до Москвы, я вижу, что это страна великолѣпная, повсюду воздѣланныя поля, повсюду поселенія, но я нашелъ первыя опустошенными, а вторыя обращенными въ пепелъ. И вы сами опустошаете эту прекрасную страну! И для чего? Вѣдь все это не помѣшало мнѣ идти впередъ. Совсѣмъ иное дѣло, если вы поступали такимъ-же точно образомъ въ Польшѣ. Поляки вполне заслужили этого: они передавались на нашу сторону, они кинулись къ намъ въ объятія. Наконецъ, пора положить предѣлъ этому кровопролитію. Надо намъ придти къ соглашенію. Это война чисто политическая, мнѣ нечего дѣлать въ Россіи, я не требую отъ нея ничего, пусть только возвратится она къ Тильзитскому договору, и я тотчасъ-же поверну назадъ, потому что всѣ мои дѣла съ Англіею. О! если-бы я взялъ Лондонъ, то я не вышелъ-бы

¹⁾ Et cela parcequ'on se deffendoit dans les rues... Записка Яковлева.

²⁾ Puisqu'il me voyoit toute ma fortune et toute ma garde-robe sur la corps (ce qui était pour le moment à la lettre vrai, car jetois deguenillé et j'avois tout perdu). Записка Яковлева.

изъ него! Да, я хочу возвратиться. Если императоръ Александръ желаетъ мира, то пусть онъ только увѣдомить меня: я пошлю къ нему одного изъ моихъ адъютантовъ, Нарбона или Лористона, и миръ будетъ подписанъ. Но если онъ хочетъ продолжать войну,—хорошо, мы будемъ продолжать ее! Солдаты мои громко требуютъ, чтобы я шелъ на Петербургъ. Хорошо, мы пойдемъ и туда, и Петербургъ постигнетъ участь Москвы!“

Тутъ Наполеонъ прервалъ на минуту свою рѣчь и началъ пыхать табакъ. Яковлевъ воспользовался этою паузою. „Гдѣ наша главная армія?“ отважился спросить онъ.—„А! ваша главная армія? она отступила на Рязанскую дорогу“.—„А генералъ Витгенштейнъ?“ продолжалъ спрашивать Яковлевъ. „А! Витгенштейнъ отступилъ къ Петербургу; онъ совершенно разбитъ Сенъ-Сиромъ“.—„Ваши солдаты превосходны, продолжалъ Наполеонъ, ваши офицеры хороши, но вашъ офицеръ не перенесетъ того, что переноситъ нашъ; ибо нашъ переноситъ легко и зной, и холодъ, и всѣ виды лишеній“. Наполеонъ видимо разговорился. Яковлеву казалось, что онъ желаетъ импонировать ему, что онъ иногда вдается въ хвастовство, старается, какъ говорится, пустить пыль въ глаза ¹⁾. Онъ говорилъ, что русскія бумажныя деньги падаютъ съ каждымъ днемъ, и что Россія стоитъ наканунѣ банкротства. Онъ утверждалъ, что солдаты его устроили въ городѣ рынки, что они нашли въ московскихъ погребахъ большой запасъ лучшихъ винъ. „Знаете-ли, что если они“,—прибавилъ какъ бы шути Наполеонъ,—„напишутъ объ этомъ своимъ роднымъ, то вся Европа пожалуетъ къ вамъ, ибо народъ вездѣ охотно идетъ на даровую приманку“. Наконецъ, Наполеонъ обратился къ настоящей цѣли своей продолжительной бесѣды. Онъ объявилъ, что если Яковлевъ желаетъ выѣхать изъ Москвы, то онъ не имѣетъ ничего противъ этого, прикажетъ даже

¹⁾ Dans le courant de cette longue conversation où il cherchoit évidemment à m'en imposer, et dont une partie a échappé à ma mémoire et l'autre ne me paroit pas digne d'être rapportée comme étant par fois de la jactance et d'autres fois même de la fanfaronade. Записка Яковлева.

проводить его за линію форпостовъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ, проводивъ куда слѣдуетъ своихъ людей, отправился въ Петербургъ, постарался представиться императору Александру и разсказалъ ему все то, очевидцемъ чему онъ былъ въ Москвѣ. Яковлевъ возразилъ, что положеніе его не таково, чтобы онъ отважился представиться императору. Наполеонъ упорно настаивалъ, однакоже, на своемъ требованіи. „Вы можете обратиться къ гофмаршалу графу Толстому, замѣтилъ онъ, я его знаю, онъ хорошій человѣкъ. Вы можете приказать доложить о себѣ государю, черезъ камеръ-лакея; вы можете, наконецъ, встрѣтиться съ государемъ въ одной изъ его частныхъ прогулокъ“. Яковлевъ возражалъ, что всѣ эти пути кажутся ему неудобными, но Наполеонъ продолжалъ указывать ему на все новыя и новыя средства. Яковлевъ, доведенный до крайности, сказалъ наконецъ: „Государь! теперь я въ вашей власти, но я не переставалъ быть вѣрнымъ подданнымъ императора Александра, и не перестану имъ быть, пока въ жилахъ моихъ будетъ хотя капля крови. Не требуйте, чтобы я сдѣлалъ то, чего я не долженъ смѣть дѣлать, и чего поэтому я не могу вамъ обѣщать“.—„Хорошо, возразилъ Наполеонъ, я напишу письмо къ императору; я ему скажу, что призывалъ васъ, что говорилъ съ вами“. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ, объяснивъ Яковлеву содержаніе своего письма, повторилъ еще разъ, что Яковлевъ непремѣнно долженъ передать его государю, и, пожелавъ счастливаго пути, отпустилъ его ¹⁾.

На другой день Делорнъ доставилъ Яковлеву письмо, и посланецъ противъ воли былъ выпущенъ изъ Москвы и проведенъ за линію французскихъ форпостовъ.

Наполеонъ писалъ императору Александру: „Государь! братъ мой! Узнавъ, что братъ министра Вашего Величества при Кассельскомъ дворѣ находится здѣсь, я призывалъ его

¹⁾ Il finit par me dire, que je devois porter cette lettre a Petersb., sur quoi je n'ai rien repondu, car à vrai dire je ne savois pas mieux alors, que je ne sais aujourd'hui, si j'étois en droit de refuser de me charger de cette lettre....
Записка Яковлева.

къ себѣ и говорилъ съ нимъ. Я поручилъ ему отправиться къ Вашему Величеству и выразить вамъ мои чувства. Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ! Растопчинъ ее сжегъ, 400 зажигателей были пойманы на мѣстѣ преступленія. Всѣ они показали, что поджигаютъ по приказаніямъ губернатора и начальника полиціи. Они были разстрѣляны. Наконецъ, пожары, кажется, прекратились. Три четверти домовъ сдѣлались добычею пламени, уцѣлѣла одна четвертая часть. Поступокъ ужасный и не имѣющій цѣли. Того-ли хотѣли, чтобы лишить насъ нѣкоторыхъ способовъ продовольствія? Но запасы находились въ погребахъ, до которыхъ не коснулся огонь. Впрочемъ, какъ можно было предавать огню одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, созданный вѣками, для достиженія такой незначительной цѣли? Точно также поступаютъ начиная отъ самаго Смоленска, и отъ этого доведено до нищеты 600,000 семействъ. Городскія пожарныя трубы были изломаны или увезены; часть оружія изъ арсенала была роздана преступникамъ, и намъ пришлось выстрѣлами прогнать ихъ изъ Кремля. Человѣчество, выгоды Вашего Величества и этого обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную русскими войсками. Надо было оставить въ ней власти, городское управленіе и гражданскую стражу. Такъ поступали два раза въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Мадритѣ; такъ поступили и вы въ Миланѣ, когда входилъ въ него Суворовъ. Пожаръ далъ право солдатамъ грабить: они оспаривали добычу у пламени. Если-бы я могъ предполагать, что такъ поступаютъ на основаніи повелѣній Вашего Величества, то я не писалъ-бы къ вамъ этого письма. Но я считаю несогласнымъ съ вашими правилами, съ вашимъ сердцемъ, съ вашимъ свѣтлымъ образомъ мыслей, чтобы вы допустили такія неистовства, недостойныя ни великаго монарха, ни великаго народа. Въ то время, когда вывозили изъ Москвы пожарныя трубы, въ ней оставили 150 полевыхъ орудій, 70,000 новыхъ ружей, 1.600,000 патроновъ и много пороху, селитры, сѣры и проч. Я веду войну съ Вашимъ Величествомъ безъ всякаго озлобленія. Простая записочка отъ васъ прежде или послѣ послѣдняго сра-

женія остановила-бы мое движеніе и, чтобы угодить вамъ, я пожертвовалъ-бы выгодною вступить въ Москву. Если, Ваше Величество, хотя отчасти сохранили прежнія ко мнѣ чувства, то вы благосклонно прочтете это письмо. Во всякомъ случаѣ вы будете мнѣ благодарны за то, что я отдаю отчетъ Вашему Величеству о происходящемъ въ Москвѣ“ ¹⁾).

Наполеонъ придавалъ громадное значеніе своему письму. Ошибаясь рѣшительно въ характерѣ Александра, или лучше сказать, не имѣя никакого понятія о томъ внутреннемъ переворотѣ, который вырылъ разъ навсегда непроходимую бездну между нимъ и русскимъ императоромъ, онъ былъ убѣжденъ, что Александръ откликнется на его призывъ, что онъ поспѣшитъ ухватиться обѣими руками за ту заманчивую перспективу мира, которую онъ предлагаетъ ему такъ великодушно на высотѣ своихъ побѣдъ и небывалыхъ успѣховъ. Время, однако же, проходило, а отвѣта на письмо не было. Наполеонъ начиналъ терять терпѣніе. Онъ и не подозревалъ настоящей причины молчанія Александра. Припоминая упорныя отговариванія Яковлева, онъ убѣждался, что его невольный посланецъ не исполнилъ его порученія, что онъ не съумѣлъ или не захотѣлъ пробраться къ государю ²⁾). И вотъ Наполеонъ, въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи, рѣшается на новый, еще болѣе ошибочный шагъ въ томъ-же направленіи. Онъ рѣшается отправить своего уполномоченнаго къ императору Александру съ мирными предложеніями. Къ сожалѣнію онъ не можетъ сноситься непосредственно съ Петербургомъ; онъ знаетъ, что ему надо войти прежде въ соглашеніе съ русскимъ главнокомандующимъ, получить отъ него пропускъ и проводниковъ для своего посла. Но Наполеонъ въ своемъ высокомеріи не сомнѣвается, что Кутузовъ дастъ

¹⁾ См. Богдановичъ. „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 324. „Русскій Архивъ“ за 1876 г., кн. 7, стр. 289.

²⁾ „Наполеонъ“, говоритъ Поповъ въ своей превосходной статьѣ: „Французы въ Москвѣ“, — „не получая отвѣта, могъ предполагать, что Яковлевъ рѣшился взять это письмо только для того, чтобы выбраться изъ Москвы и, не исполнивъ порученія, не доставилъ его письма“. „Русскій Архивъ“ за 1876, кн. 7, стр. 290.

свое согласіе, что онъ поспѣшитъ исполнить желаніе побѣдителя.

Маршалъ Бертъе пишетъ 22 сентября, по приказанію Наполеона, неаполитанскому королю:

„Его величество, рѣшившись отправить къ русскому главнокомандующему одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ, желаетъ, чтобы вы поручили начальнику вашего штаба написать къ начальнику непріятельскаго авангарда письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „императоръ, намѣреваясь отправить одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ къ князю Кутузову, желаетъ знать день, часъ и мѣсто, гдѣ онъ можетъ его принять. Это письмо должно быть передано подъ росписку начальника авангарда. Само собою понятно, что императоръ предоставляетъ избрать удобное время для этого дѣла, чтобы оно не показалось вынужденнымъ обстоятельствами. Генераль-адъютантъ, котораго пошлетъ его императорское величество, вѣроятно пріѣдетъ сегодня-же въ вашу главную квартиру“ ¹⁾.

На кого-же думалъ возложить императоръ французовъ эту, во всякомъ случаѣ, не совсѣмъ легкую миссію? Его выборъ могъ колебаться только между двумя лицами: графами Колинкуръ и Лористонъ. Оба они были генералы-дипломаты, оба привыкли исполнять самыя серьезныя и секретныя порученія императора; оба были, наконецъ, послами при русскомъ дворѣ и хорошо знали Россію и русскаго императора. Наполеонъ остановился сначала на Колинкурѣ. Онъ считалъ его болѣе искуснымъ дипломатомъ, нежели Лористона; онъ полагалъ, что онъ можетъ имѣть болѣе вліянія и успѣшнѣе дѣйствовать на русскаго императора, нежели Лористонъ; что уже, наконецъ, въ силу болѣе продолжительнаго пребыванія своего въ Петербургѣ, онъ болѣе знакомъ, если и не съ Россією, то съ высшимъ петербургскимъ обществомъ. Правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Колинкуръ

¹⁾ Письмо маршала Бертъе къ Мюрату 4 сентября н. с.—Fain, Manuscrit de 1812. Т. II, стр. 192. Русскій переводъ въ статьѣ Попова: „Французы въ Москвѣ“—„Русскій Архивъ“ за 1876 г., кн. 7, стр. 191.

казался неудобенъ Наполеону. Онъ постоянно, съ самаго начала разрыва, выражалъ несочувствіе къ предпріятіямъ своего повелителя противъ Россіи, постоянно защищалъ русскаго императора и заявлялъ о его миролюбивыхъ свойствахъ. Во все время похода Наполеонъ не вступалъ въ разсужденія съ Колинкуромъ; теперь вынужденный силою обстоятельствъ, онъ призвалъ его къ себѣ. Его гордость страдала при этомъ страшно. Долгое время онъ не рѣшался заговорить съ Колинкуромъ, и молча большими и скорыми шагами ходилъ по комнатѣ. Тяжело было ему, непогрѣпимому, сознаться, что онъ ошибся на этотъ разъ, что обстоятельства заставляютъ его просить мира, что онъ думаетъ послать его, Колинкура, съ мирными предложеніями въ непріятельскій лагерь. Наконецъ, Наполеонъ заговорилъ, но заговорилъ совсѣмъ не то, что онъ думалъ. Онъ объявилъ Колинкуру, что онъ намѣренъ идти на Петербургъ, что разрушеніе этого города конечно огорчитъ Колинкура, столь преданнаго императору Александру, что событіе это навѣрно произведетъ возмущеніе въ Россіи, что оно можетъ стоить жизни самому русскому государю. „Но, продолжалъ Наполеонъ, изъ личнаго расположенія къ нему, а равно изъ убѣжденія, что онъ болѣе склоненъ къ выгодамъ Франціи, нежели кто-либо другой, я желаю предупредить такой переворотъ и посылаю васъ съ этою цѣлью въ Петербургъ для заключенія мира“. Безъ сомнѣнія, Колинкуръ былъ не мало удивленъ такимъ внезапнымъ оборотомъ рѣчи императора, но хорошо понимая общее положеніе дѣлъ, онъ тотчасъ же возразилъ Наполеону, что онъ считаетъ подобное посольство не только бесполезнымъ, но и вреднымъ. Бесполезно оно потому, что императоръ Александръ не согласится на миръ, а вредно потому, что обнаружить передъ глазами русскаго правительства и народа всю затруднительность положенія французской арміи. Наполеонъ не любилъ слушать правды. „Хорошо“,—отвѣтилъ онъ рѣзко Колинкуру,—„въ такомъ случаѣ, я пошлю Лористона“. Лористонъ явился, но и онъ пустился на всевозможныя отговорки. До такой степени ясно было для всѣхъ, кромѣ самого Наполеона, какую вели-

кую ошибку собирается совершить непогрѣшимѣйшій изъ смертныхъ. Раздраженный возраженіями тамъ, гдѣ онъ ихъ не ожидалъ, Наполеонъ вдругъ сбросилъ съ себя маску. „Я желаю мира, объявилъ онъ, мнѣ нуженъ миръ; я непремѣнно хочу его заключить, только бы честь была спасена. Отправляйтесь немедленно же въ русскій лагерь“. Лористону оставалось только повиноваться. Снабженный необходимыми инструкціями и наставленіями, онъ въ тотъ же день выѣхалъ изъ Москвы ¹⁾.

¹⁾ Всѣ подробности бесѣды Наполеона со Колинкуромъ сообщаетъ Шарлотта Соръ въ своей книгѣ: *Souvenirs du duc Vicence*. Т. I, стр. 88—89. Г-жа Соръ увѣряетъ, что она слышала ихъ отъ самого Колинкура въ Пломбьерѣ въ 1820 г. Сегюръ отрицаетъ весь рассказъ о намѣреніи Наполеона послать Колинкура въ русскій лагерь, но Тьеръ, въ своей исторіи консульства и имперіи, кн. XXVI, подтверждаетъ, что прежде Лористона Наполеонъ предлагалъ Колинкуру ѣхать въ русскій лагерь, но тотъ отказался. См. „Русскій Архивъ“ за 1876 г. кн. 7, стр. 292.

ГЛАВА III.

Русскіе томятся бездѣйствіемъ.—Англійскій генераль Вильсонъ бьетъ тревогу.—Воображаемая измѣна Кутузова.—Старый фельдмаршалъ даетъ урокъ надменному сыну Альбіона.—Пріѣздъ Лористона.—Свиданіе въ крестьянской избѣ.—„Добраго вечера, генераль Вильсонъ“.—Таинственный разговоръ.—Кутузовъ не желаетъ навлечь на себя проклятія потомства.—Толь предсказываетъ грядущія событія.—Жизнь въ Тарутинѣ.—Тайная канцелярія генеральнаго штаба.—Спѣны и бесѣды на аванпостахъ.—Бенингсенъ и Мюратъ.—Корфъ и Амандъ.—Милорадовичъ и Мюратъ.—Новый способъ веденія войны.—Намекъ на Испанію.

Въ тотъ моментъ, когда уполномоченный Наполеона приближался къ Тарутину, настроеніе умовъ въ нашемъ лагерѣ было далеко немиролюбиваго свойства. Ничто, правда, не измѣнилось особенно за послѣдніе дни, никто на нашей сторонѣ не имѣлъ вполнѣ точнаго понятія о печальномъ положеніи непріятельской арміи, но мысль о мирѣ была тѣмъ не менѣе крайне антипатична для всѣхъ. Слишкомъ свѣжи были еще послѣднія раны. Возможно-ли было какое-нибудь соглашеніе въ виду дымящихся развалинъ Москвы, въ виду тѣхъ несчастныхъ жертвъ непріятельскихъ неистовствъ, которыя являлись чуть не каждый день въ Тарутино, въ виду страшныхъ разсказовъ московскихъ бѣглецовъ о возмутительныхъ жестокостяхъ французовъ, о ихъ невѣроятныхъ святотатствахъ? И вдругъ, по всему лагерю разнесся слухъ, что къ намъ ѣдетъ уполномоченный императора французовъ, что главнокомандующій согласился принять его въ тайной аудіенціи, что перемиріе, а, быть можетъ, и самый миръ весьма вѣроятны и близки. Всеобщее уныніе, сдержанное негодова-

ніе распространилось по всему лагерю. Съ негодованіемъ отвергали напередъ всѣ чисто русскія сердца всевозможныя предложенія побѣдителя. Ропотъ противъ Кутузова, недовѣріе къ его намѣреніямъ высказывались громко въ средѣ генераловъ и высшихъ офицеровъ. Кутузовъ замѣчалъ эти грозныя симптомы, но онъ относился къ нимъ съ непобѣдимымъ хладнокровіемъ. „Успокойтесь, господа“, говорилъ онъ только своимъ штабнымъ: „Бонапартъ можетъ разбить меня, но онъ никогда не обманетъ меня“ ¹⁾.

Тѣ, которые хорошо знали стараго фельдмаршала, успокоились дѣйствительно; не успокоились только люди, вовсе не знакомые съ натурою Кутузова и интриганы по ремеслу. Больше всѣхъ суетился и билъ тревогу, какъ и всегда, Бенингсенъ. На этотъ разъ онъ нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ англійскаго уполномоченнаго, генерала Вильсона. Господинъ этотъ, издавшій впослѣдствіи въ свѣтъ, такъ называемую, тайную исторію войны 1812 года, считалъ себя чуть не главнымъ дѣятелемъ и рычагомъ во всѣхъ тогдашнихъ событіяхъ. Какъ представитель Великобританіи, онъ считалъ себя вправѣ блюсти за интересами союзниковъ Россіи, препятствовать всякому сепаратскому соглашенію съ Наполеономъ и стремиться, чтобы была достигнута главная цѣль войны—истребленіе Наполеона и его полчищъ. Вильсонъ былъ въ Петербургѣ еще до Бородинскаго сраженія, онъ бесѣдовалъ тогда неоднократно съ самимъ императоромъ, изъ его устъ слышалъ онъ твердое намѣреніе продолжать борьбу во что бы то ни стало, при какихъ-бы то ни было условіяхъ. Вильсонъ рассказывалъ даже, что императоръ, от-

¹⁾ См. *Memoires de Crossard*. Т. V, стр. 2. Тутъ-же мы находимъ слѣдующія любопытныя строки: „Кутузовъ былъ слишкомъ хитеръ для того, чтобы отклонить это предложеніе, столь побѣдоносно поддерживавшее его сокровенные замыслы: онъ принялъ его. По всему лагерю разнеслась вѣсть, что пріѣдетъ посланецъ Бонапарта. Оскорбленная гордость русскихъ съ негодованіемъ отвергла напередъ всѣ предложенія побѣдителя. Невозмутимый среди этого ропота, Кутузовъ не старается утишить его; онъ довольствуется отвѣчать лишь словами, обнаруживающими, какое довѣріе питаетъ онъ къ самому себѣ: „успокойтесь, господа“ и т. д.

пуская его въ армію, объявилъ ему торжественно, что онъ не позволитъ вступить главнокомандующему въ какіе-бы то ни было переговоры съ непріятелемъ. Этого мало. Вильсонъ увѣряетъ, что императоръ поручилъ ему даже отстанвать всѣмъ своимъ вліяніемъ и всѣми средствами интересы русской короны и вмѣшиваться каждый разъ, когда онъ замѣтитъ склонность или намѣреніе дѣйствовать вопреки или во вредъ имъ ¹⁾. Къ этому-то всемогущему агенту обратился вечеромъ 22-го числа Беннингсенъ. Вильсонъ находился въ авангардѣ, когда казакъ привезъ ему отъ Беннингсена записку, извѣщавшую, что Кутузовъ далъ Лористону слово видѣться съ нимъ послѣ полуночи впереди нашихъ форпостовъ ²⁾.

Сообщивъ эту неожиданную новость Милорадовичу, Вильсонъ немедленно-же поспѣшилъ въ лагерь къ генералу Беннингсену. Онъ нашелъ тамъ большое общество, цѣлую дюжину генераловъ, ожидавшихъ, какъ говоритъ онъ самъ, съ нетерпѣніемъ его прибытія ³⁾. Они сообщили ему тотчасъ-же, что свиданіе нашего главнокомандующаго съ Лористономъ будетъ происходить далеко за нашими форпостами, по дорогѣ къ Москвѣ ⁴⁾, что тамъ будетъ идти рѣчь о конвенціи, въ силу которой непріятельская армія немедленно-же очиститъ русскую территорію, что конвенція будетъ заключать въ себѣ даже предварительныя условія мира. Они присовокупили: быть можетъ самъ Наполеонъ будетъ присутствовать при свиданіи, такъ какъ Лористонъ заявилъ, что онъ пріѣдетъ въ сопровожденіи одного изъ своихъ друзей ⁵⁾. Генералы, увѣряетъ Вильсонъ, не довольствовались этими сообщеніями. Они заявили даже, что если Кутузовъ отправится въ непріятельскій лагерь и тѣмъ фактически сложить съ себя команду, то

¹⁾ См. Wilson. Geheime Geschichte des Feldzugs in Russland von 1812, стр. 104.

²⁾ См. Wilson, стр. 158.

³⁾ Къ сожалѣнію, Вильсонъ не называетъ именъ этихъ генераловъ.

⁴⁾ „Mehrere Stunden vor seinen am weitesten vorgeschobenen Vorposten auf der Strasse nach Moscau“. Wilson, стр. 158.

⁵⁾ Уже одно это обстоятельство доказываетъ, какія басни передавали Вильсону генералы.

они не позволяютъ возвратиться ему обратно и стать вновь во главѣ арміи. „Армія будетъ въ этомъ случаѣ на нашей сторонѣ; но желая избѣжать крайнихъ мѣръ, мы просимъ васъ, какъ уполномоченнаго нашего императора и представителя интересовъ нашихъ союзниковъ, отправиться немедленно къ фельдмаршалу и уговорить его отказаться отъ своего намѣренія. Если-же и послѣ этого онъ будетъ стоять на своемъ, тогда мы твердо рѣшили не признавать его болѣе главнокомандующимъ“.

Наслушавшись всѣхъ этихъ толковъ, вытекавшихъ или изъ полного незнанія характера и настоящихъ намѣреній князя Кутузова, или изъ злонамѣренности, изъ желанія подкопаться подъ стараго вождя, тщеславный Вильсонъ вообразилъ, что настала, наконецъ, минута, когда онъ можетъ выступить въ роли высшаго посредника, предупредителя чуть не государственной измѣны. Немедленно-же поспѣшилъ онъ къ главнокомандующему. Онъ засталъ Кутузова въ обществѣ двухъ офицеровъ, спокойнаго и флегматическаго, какъ всегда. „Что поваго въ авангардѣ“, спросилъ онъ входящаго англійскаго генерала. „Новаго нѣтъ ничего“, отвѣчалъ Вильсонъ, „но я имѣю сообщить вашей свѣтлости нѣчто весьма важное, наединѣ“. Кутузовъ далъ знакъ, и офицеры удалились изъ комнаты. „Я возвратился“, началъ Вильсонъ, „въ главную квартиру вслѣдствіи тѣхъ неблагопріятныхъ, хотя, какъ я надѣюсь, неосновательныхъ слуховъ, которые дошли до меня сегодня утромъ. Слухи эти настолько тревожны, что они возбуждаютъ всеобщее недоумѣніе и безпокойство; было-бы крайне желательно, чтобы самъ фельдмаршалъ положилъ предѣлъ ихъ дальнѣйшему распространенію“ ¹⁾.

Вильсону казалось, что лицо фельдмаршала сильно измѣнилось во время его рѣчи ²⁾. Значить, его подозрѣнія оправ-

¹⁾ Wilson, стр. 159. Трудно сказать, давали-ли дѣйствительно подобную миссію Вильсону. Кроссаръ рассказываетъ, что болѣе всѣхъ кричалъ объ измѣнѣ Кутузова самъ Вильсонъ, что онъ считалъ Кутузова способнымъ сдѣлать уступки оскорбительныя для императора Александра, постыдныя для арміи, гибельныя для всей Европы. Crossard, Memoires, T. V, стр. 2.

²⁾ „Das Gesicht des Marschalls bestätigte alle Vermuthungen“. Wilson, стр. 159.

дывались. Въ возможно вѣжливой формѣ передалъ онъ главнокомандующему слухъ, распространившійся по арміи и просилъ или опровергнуть его категорически, или отказаться отъ свиданія съ Лористономъ, если оно было дѣйствительно условлено.

Кутузовъ возразилъ въ нѣсколько рѣзкомъ, необычномъ для него тонѣ: „Какъ главнокомандующій, я знаю лучше кого-либо, чего требуютъ вѣренныя мнѣ интересы. Справедливо, что я далъ согласіе на свиданіе съ генераломъ Лористономъ и при условіяхъ, о которыхъ вы говорите, но я сдѣлалъ это единственно изъ желанія избѣгнуть лишнихъ разговоровъ, преувеличеній и сенсаціонныхъ слуховъ. Я намѣренъ сдержать мое слово, выслушать предложенія генерала Лористона и, соображаясь съ ихъ содержаніемъ, принять свои мѣры въ будущемъ“.

Помолчавъ немного, Кутузовъ добавилъ: „я знаю, что предложенія будутъ мирнаго свойства и поведутъ, быть можетъ, къ удовлетворительному и почетному для Россіи соглашенію“.

Выслушавъ объясненія фельдмаршала, Вильсонъ спросилъ его: „И это ваше окончательное рѣшеніе?“— „Окончательное и безповоротное, замѣтилъ Кутузовъ“. „Я надѣюсь“, добавилъ онъ уже въ явно насмѣшливомъ, саркастическомъ тонѣ, „что англійскій генераль, по здоровомъ обсужденіи, убѣдится во всей цѣлесообразности моего рѣшенія. Онъ долженъ припять во вниманіе общее положеніе имперіи, не упускать изъ виду того обстоятельства, что хотя русская армія возрастаетъ въ числѣ, но что ея внутреннее состояніе еще далеко не вполне удовлетворительно. Въ виду всего этого, генералу Вильсону не мѣшало-бы дать навремя перевѣсъ своей любви къ императору и Россіи надъ своими хорошо извѣстными, враждебными чувствами къ императору французовъ“.

Старшій фельдмаршалъ, произнося эти слова, видимо хотѣлъ дать разъ навсегда хорошій урокъ падменному и навязчивому сыну Альбіона; онъ хотѣлъ дать понять ему, что онъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла, въ сущности ему чуждыя, брать на себя защиту русскихъ интересовъ противъ главнокомандующаго, облеченнаго высочайшимъ довѣріемъ монарха.

Но Вильсонъ сдѣлалъ совершенно иной выводъ изъ отвѣта Кутузова. Ему вообразилось, что онъ имѣетъ дѣло съ настоящею измѣною, и онъ объявилъ торжественнымъ тономъ, что ему предстоитъ теперь исполнить тяжелый долгъ, предписываемый необходимостью. Онъ напомнилъ вслѣдъ затѣмъ Кутузову послѣднія слова, сказанныя ему, фельдмаршалу, передъ отъѣздомъ въ армію императоромъ Александромъ,—слова, повелѣвавшія ему не вступать въ какіе-бы то ни было переговоры съ непріятелемъ до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ вооруженный французъ будетъ оставаться въ предѣлахъ Россіи. „Мнѣ же, добавилъ Вильсонъ, императоръ повторилъ это торжественное обѣщаніе, онъ уполномочилъ меня противиться нарушенію его воли, когда и отъ кого-бы ни исходило оно“. Вильсонъ заявилъ, что теперь настала минута, когда онъ долженъ выполнить долгъ, возложенный на него императоромъ. Намѣреніе главнокомандующаго неслыханно во всей военной исторіи; армія будетъ имѣть право думать, что фельдмаршалъ, отправляясь на тайное свиданіе съ непріятельскимъ генераломъ за линію нашихъ форпостовъ, совершаетъ nepозволительный поступокъ, что вопреки обѣщаніямъ и повелѣніямъ императора онъ думаетъ заключить договоръ съ непріятелемъ,—договоръ, который можетъ запятнать только честь императора и повредить интересамъ Россіи, которые требуютъ истребленія или плѣненія непріятеля.

„Подъ вашимъ начальствомъ“, продолжалъ Вильсонъ съ возрастающимъ жаромъ, „находится 100000 человѣкъ, еще большее количество стоить на путяхъ сообщенія непріятеля, у васъ 30000 конницы и 700 вполне снаряженныхъ орудій. Непріятельская армія едва-ли равняется численностью вашей, ея кавалерія почти погибла, у артиллеріи нѣтъ достаточнаго количества упряжныхъ лошадей. Со страхомъ и трепетомъ смотреть она на предстоящее ей отступленіе черезъ страну, опустошенную, населенную раздраженнымъ народомъ, съ неменьшимъ ужасомъ смотреть она на приближающуюся зиму. Если при всѣхъ этихъ условіяхъ вы рѣшитесь на указанный вами шагъ, тогда русскіе генералы и русская армія (а ея образъ мыслей на этотъ счетъ сообщенъ мнѣ) поставлены

будутъ въ страшную необходимость не признавать вашей власти, до тѣхъ поръ пока не станетъ извѣстна воля императора. Я же съ своей стороны вынужденъ буду послать курьеровъ съ извѣстіями объ этихъ происшествіяхъ не только въ Петербургъ, но и въ Константинополь, Вѣну и Лондонъ и вы легко поймете, какое вредное вліяніе произведутъ они повсемѣстно, остановивъ предпринимаемыя мѣры воспомоществованія, прервавъ начатыя уже повсемѣстно переговоры. Россія можетъ приобрести себѣ славу и выгоду, освободивъ Европу плѣненіемъ Наполеона, или истребленіемъ его арміи; но если она пропуститъ этотъ удобный случай, то въ короткое время попадетъ вновь въ прежнее опасное положеніе и, справедливо оставленная всѣми союзниками, не въ состояніи будетъ спасти себя отъ позора“ ¹⁾.

Какъ ни горячился Вильсонъ, но старый Кутузовъ упорно стоялъ на своемъ рѣшеніи; онъ смѣлся, разумѣлся, въ душѣ надъ выходками британскаго генерала. Интересы и честь Россіи стояли для него, безъ сомнѣнія, выше всего на свѣтѣ. Понятно, что онъ былъ крайне далекъ отъ мысли войти въ какую-бы то ни было сдѣлку съ непріателемъ. Соглашаясь на свиданіе съ уполномоченнымъ Наполеона, Кутузовъ хотѣлъ, во-первыхъ, узнать поближе настроеніе и намѣрѣнія Наполеона; во-вторыхъ, дѣлая видъ, что онъ вступаетъ въ переговоры, онъ хотѣлъ поднять надежды императора Наполеона на миръ, и тѣмъ самымъ удержать его какъ можно долѣе въ Москвѣ, усыпить его бдительность и дѣятельность до того момента, когда наши силы уравниваются окончательно съ силами непріятельскими и прійдетъ къ намъ на помощь вѣрный союзникъ нашъ—зима. Кутузовъ предвидѣлъ въ то-же время, что его свиданіе съ французскимъ генераломъ можетъ вызвать неблагопріятные толки въ арміи,—и потому предполагалъ обставить это свиданіе всевозможною тайною. Но въ русской главной квартирѣ, какъ во времена Барклая, такъ и теперь, не могла сохраниться никакая тайна. Беннингсенъ узналъ все и спустилъ на Кутузова этого

¹⁾ „Отъ стыда и упреконъ самой себѣ“—въ буквальномъ переводѣ.

нахальнаго британца. Тщетно пытался отдѣлаться отъ него фельдмаршалъ, тщетно напоминалъ онъ ему, что интересы Россіи и честь русскаго государя лежатъ гораздо ближе къ его сердцу, нежели къ сердцу агента великобританскаго величества. Вильсонъ не унимался. Онъ оставилъ, правда, Кутузова на нѣсколько минутъ, но явился вслѣдъ затѣмъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, стоявшихъ, какъ онъ говорилъ, въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ императору Александру и знакомыхъ съ его внутреннѣйшими побужденіями ¹⁾. Эти лица были: герцога Александръ Виртембергскій—дядя императора, его зять—герцога Ольденбургскій и князь Волконскій, генералъ-адъютантъ государя, прибывшій не задолго передъ тѣмъ въ армію съ важными депешами. Въ присутствіи этихъ лицъ Вильсонъ повторилъ весь свой разговоръ съ главнокомандующимъ и просилъ ихъ высказать свое мнѣніе. „Герцога Виртембергскій, рассказываетъ Вильсонъ, съ вѣжливостью и тактомъ высказалъ прежде всего свое полное довѣріе къ вѣрности, любви къ отечеству и высокому уму фельдмаршала; но онъ совѣтовалъ ему въ то-же время, принимая во вниманіе приведенныя основанія и подозрительное настроеніе арміи, которое онъ можетъ засвидѣтельствовать, отказаться отъ предположеннаго свиданія въ русскаго лагеря и пригласить Лористона въ 1 часть дня въ свою главную квартиру, что будетъ несравненно приличнѣе и успокоительнѣе для арміи. Почти тоже самое повторилъ и герцога Ольденбургскій. Князь Волконскій замѣтилъ, что, и по его мнѣнію, будетъ несравненно удобнѣе пригласить Лористона въ главную квартиру, въ особенности въ виду хорошо извѣстной ему рѣшимости императора Александра, никогда и ни въ какомъ случаѣ не заключать мира съ непріателемъ“.

Кутузовъ выслушалъ съ огорченіемъ совѣты людей, не понимавшихъ его плановъ, приписывавшихъ ему, по невѣдѣнію

¹⁾ Er habe daher diese Herren, die in so unmittelbarer Verbindung mit dem Kaiser standen und seine innersten Gesinnungen kannten, gebeten, ihn in dem geltend machen seiner Ansichten und Wünsche zu unterstützen, und er hoffe, dass sie dies thun würden“. Wilson, стр. 163.

или по зложелательству, небывалыя преступныя намѣренія. Онъ видѣлъ, что противиться долѣе невозможно и объявилъ, что онъ пріиметъ генерала Лористона, согласно съ только что высказанными мнѣніями, въ своей главной квартирѣ ¹⁾).

Было уже темно, когда уполномоченный Наполеонъ прибылъ въ Тарутинскій лагерь. Не безъ намѣренія назначилъ Кутузовъ этотъ моментъ. Одѣтое сумракомъ вечера, русское войско должно было показаться Лористону еще болѣе грознымъ и многочисленнымъ, нежели оно было въ дѣйствительности. Радостное, воинственное настроеніе господствовало всюду. Безконечныя ряды ярко пылающихъ костровъ тянулись по всему лагерю. Они освѣщали яркимъ заревомъ весь горизонтъ, бросая свой кровавый зловѣщій отблескъ на темныя массы лѣса, подымавшіеся стѣнами въ тылу и на правомъ флангѣ нашей арміи. Шумная жизнь кипѣла въ лагерь. Солдаты всѣхъ видовъ оружія толпились вокругъ костровъ, повсюду гремѣла музыка, раздавались удалыя солдатскія пѣсни. Самъ старый фельдмаршалъ явился впервые при этомъ случаѣ въ полной парадной формѣ, въ мундирѣ, въ шляпѣ съ султаномъ. Эполеты пришлось ему занять у генерала Коновницына, такъ какъ его собственные почернѣли и износились отъ времени ²⁾).

Кутузовъ принялъ уполномоченнаго императора французовъ въ той самой бѣдной крестьянской избѣ, которая служила для него квартирою, но онъ былъ окруженъ блестящею свитою. Послѣ обычныхъ привѣтствій и представленій, главнокомандующій подалъ знакъ, и вся свита удалилась изъ горницы. Остался только одинъ генералъ Вильсонъ. Во что-бы то ни стало желалъ онъ продолжать роль, столь успѣшно начатую имъ. Но терпѣніе князя Кутузова лопнуло. „Гене-

¹⁾ Обо всѣхъ этихъ разговорахъ и сценахъ мы узнаемъ только изъ книги Вильсона. Не слѣдуетъ опускать изъ виду, что Вильсонъ выпустилъ ее въ свѣтъ въ то время, когда всѣ лица, принимавшія участіе въ описываемыхъ имъ событіяхъ, сошли уже въ могилу, и когда никто не могъ уличить его въ преувеличеніи или искаженіи истины.

²⁾ Всѣ эти въ высшей степени характерныя подробности мы находимъ у Бергарди: *Toll's Denkwürdigkeiten*. Т. II, стр. 198.

раль Вильсонъ, желаю вамъ добраго вечера“,—обратился онъ къ представителю Англій, и этими словами заставилъ его удалиться изъ избы ¹⁾. Съ негодованіемъ выбѣжалъ изъ избы Вильсонъ; не стѣсняясь, передавалъ онъ всѣмъ втрѣчнымъ генераламъ и своимъ знакомымъ, что Кутузовъ все-таки настоялъ на своемъ предательскомъ планѣ, что онъ устранилъ всѣхъ свидѣтелей своихъ тайнственныхъ совѣщаній съ неприятельскимъ генераломъ. Одинъ изъ первыхъ попался ему подъ руку полковникъ Кроссаръ ²⁾. По собственному своему сознанию, Кроссаръ выслушивалъ съ довѣріемъ жалобы и обвиненія Вильсона. „Въ моемъ положеніи, говоритъ онъ, я не могъ позволить себѣ громогласныхъ порицаній, но, подобно англійскому генералу, я позволялъ себѣ несправедливость по отношенію къ князю Кутузову. Я не считалъ его измѣнникомъ своему государю, но считалъ его слабымъ, напуганнымъ, готовымъ передать интересы Россіи и Европы. Я полагалъ, что онъ стоитъ ниже окружающихъ его обстоятельствъ. Какая несправедливость! Какое заблужденіе! Какъ преступно было наше подозрѣніе! Геній Кутузова превышалъ трудности, громоздившіяся вокругъ него!“ ³⁾.

Что-же происходило на знаменитомъ свиданіи? Князь Кутузовъ въ своемъ донесеніи государю говорилъ, безъ сомнѣнія, одну правду, но онъ могъ опустить случайно или намеренно многія частности ⁴⁾. Томимые любопытствомъ, молодые

¹⁾ Само собою понятно что, Вильсонъ совершенно умалчиваетъ объ этомъ не совсѣмъ лестномъ для него эпизодѣ, но мы узнаемъ объ немъ отъ свидѣтеля, очевидно вполнѣ безпристрастнаго,—Кроссара. „Лористонъ“, говоритъ онъ, „былъ введенъ въ бѣдную избу, занимаемую Кутузовымъ. Вильсонъ былъ тутъ, но едва только окончилъ взаимныя привѣтствія, какъ генералисимусъ обратился къ англичанину со словами: General Wilson, je vous souhaite le bon soir. Crossard, Memoires. T. V, стр. 4.

²⁾ Le plus proche de lui quand il fut descendu, je fus le premier à qui il rapporta la maniere dont il avait été congédié. Je reçus donc l'expression de son mécontentement, des ses accusations contre Koutousoff et des appréhensions qui l'agitaient. Crossard, Memoires. T. V, стр. 5.

³⁾ Crossard. Memoires. T. V, стр. 5.

⁴⁾ Бернгарди прямо говоритъ, что въ этомъ случаѣ донесеніе Кутузова было совершенно справедливо. Т. II, стр. 200. Вильсонъ говоритъ, что фельдмаршалъ доносилъ лишь о той части разговора, которую онъ находилъ удобною

штабные офицеры, то и дѣло, заглядывали въ маленькое окошечко избы, но они могли видѣть только одну внѣшнюю обстановку всемірно-исторической сцены, могли наблюдать только жесты и фізіономіи двухъ собесѣдниковъ, рѣшавшихъ, быть можетъ, участь міра ¹⁾. Обстановка была бѣдна и неза-тѣйлива до послѣдней степени. Свѣтъ въ избу проникалъ сквозь одно маленькое окошечко; подъ этимъ окошечкомъ стоялъ длинный, узкій столъ, на столѣ горѣли тускло двѣ свѣчи, а по обоимъ концамъ его сидѣли переговаривающіеся ²⁾. Наблюдателямъ казалось, что Кутузовъ говоритъ спокойно, но твердо ³⁾, что Лористонъ старается въ чемъ-то убѣдить его. По временамъ старшій фельдмаршалъ начиналъ говорить съ большимъ оживленіемъ и жестикულიровалъ руками ⁴⁾. Иногда онъ какъ будто упрекалъ Лористона, а французскій уполномоченный пытался представить оправданія ⁵⁾. Но говоря вообще, наблюдатели вынесли убѣжденіе, что Лористонъ не достигъ своей цѣли, что онъ получилъ отказъ на всѣ свои требованія и предложенія. Тѣмъ не менѣе въ тотъ же день распространился слухъ по лагерю, что Кутузовъ обманулъ наполеоновскаго посла, что онъ подалъ ему надежду на миръ ⁶⁾.

Изъ подлинныхъ документовъ ⁷⁾ оказывается, что Лористонъ началъ бесѣду предложеніемъ размѣна плѣнныхъ. Кутузовъ отклонилъ это предложеніе. Тогда Лористонъ началъ жаловаться на неслыханныя жестокости, совершаемыя воору-

для публикаціи. Какъ далеко заходитъ клевета и недобросовѣстность Вильсона, видно изъ того, что онъ, рассказывая при этомъ случаѣ о письмѣ Наполеона къ императору Александру, утверждаетъ, что Кутузовъ старался скрыть этотъ фактъ, но сознался потомъ, что письмо было дѣйствительно передано, убѣдившись, что многія лица видѣли эту передачу. Письмо было дѣйствительно передано, но оно было адресовано къ самому Кутузову, а не къ императору.

¹⁾ Беригарди. Т. II, стр. 199. Кроссаръ. Т. V, стр. 5.

²⁾ Подробное описаніе избы см. у Кроссара. Т. V, стр. 6.

³⁾ Беригарди. Т. II, стр. 199.

⁴⁾ Беригарди. Т. II, стр. 200.

⁵⁾ Кроссаръ. Т. V, стр. 6.

⁶⁾ Беригарди. Т. II, стр. 200. Беригарди не говоритъ, кто распространилъ этотъ слухъ, хотя и называетъ его совершенно неосновательнымъ.

⁷⁾ Т. е. изъ донесеній Кутузова.

женными поселянами надъ французскими солдатами. Онъ просилъ князя Кутузова положить предѣлъ этимъ звѣрствамъ и вести войну по обычаю просвѣщенныхъ націй. Кутузовъ отвѣчалъ, что ежели бы онъ даже и желалъ измѣнить образъ мыслей въ народѣ, то не могъ бы успѣть въ томъ, потому что русскіе считаютъ эту войну вторымъ нашествіемъ татаръ, и что онъ не въ состояніи перемѣнить понятія цѣлаго народа.

Наконецъ Лористонъ перешелъ къ настоящему предмету возложеннаго на него порученія. „Дружба, сказалъ онъ, существовавшая между вашимъ государемъ и императоромъ Наполеономъ, расторглась несчастнымъ образомъ, по обстоятельствамъ постороннимъ, и теперь насталъ удобный случай возстановить ее. Эта война необычайная, война жестокая, должна-ли продолжаться вѣчно? Императоръ, государь мой, искренно желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими народами и положить его навсегда“ ¹⁾.

Кутузовъ отвѣчалъ: „Не имѣю на это никакого наставленія; при отправленіи моемъ въ армію и названія мира ни разу не упомянуто. Впрочемъ, всѣ сіи слова, отъ васъ мною слышанныя, происходятъ-ли они изъ собственнаго сужденія, либо имѣютъ источникъ свыше, я ни въ какомъ случаѣ передать своему государю не желаю. Я подвергъ бы себя проклятію потомства, если бы сочли, что я подалъ поводъ къ какому бы то ни было примиренію; таковъ въ настоящее время образъ мыслей нашего народа“ ²⁾.

Эти рѣшительныя слова фельдмаршала открыли глаза Лористону; онъ понялъ всю бесполезность дальнѣйшаго краснорѣчія, и вмѣсто всякаго отвѣта вручилъ Кутузову письмо Наполеона.

Императоръ французовъ писалъ: „Посылаю къ вамъ одного изъ моихъ генералъ-адъютантовъ, для переговоровъ съ вами о многихъ важныхъ предметахъ. Прошу Вашу Свѣтлость вѣ-

¹⁾ Cette guerre singuliere, cette guerre inouïe doit-elle donc durer eternellement?—L'empereur mon maître a un desir sincère déterminer ce différent entre deux nations grandes et genereuses, et de le terminer pour jamais.

²⁾ Je serais maudit par la posterite, si on me regardait comme le premier moteur d'un accommodement quelconque, car tel est l'esprit actuel de ma nation“.

рить словамъ его, особенно, когда онъ станетъ выражать вамъ чувства уваженія, издавна мною къ вамъ питаемыя. Засимъ молю Бога о сохраненіи васъ подъ Его священнымъ кровомъ“ ¹⁾). Подавъ письмо, Лористонъ заявилъ о намѣреніи Наполеона послать его для переговоровъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ Кутузова исходатайствовать согласіе нашего государя на эту миссію и въ ожиданіи отвѣта заключить перемиріе. Кутузовъ отказалъ въ перемиріи, но обѣщалъ довести до свѣдѣнія государя о желаніи Наполеона. Лористонъ тутъ-же принялся разсчитывать время, когда можетъ придти отвѣтъ изъ Петербурга. Онъ обнаруживалъ нетерпѣніе получить его какъ можно скорѣе, вызываясь даже ѣхать туда самъ, не дожидаясь отвѣта. Фельдмаршалъ отклонилъ это предложеніе, но объявилъ, что передастъ о всемъ слышанномъ имъ государю черезъ князя Волконскаго. Въ присутствіи Волконскаго Кутузовъ повторилъ еще разъ слова, сказанныя имъ передъ тѣмъ о народной войнѣ. „Государь, добавилъ онъ, запретилъ мнѣ даже произносить слова: миръ и перемиріе. Спросите князя Волконскаго: онъ присланъ сюда подтвердить мнѣ сію монаршую волю“. Лористонъ считалъ излишнимъ спрашивать Волконскаго; онъ хорошо понималъ, что Кутузовъ говоритъ ему сущую правду. Занятый всецѣло вопросомъ объ отвѣтѣ изъ Петербурга, онъ замѣтилъ, что Волконскому было бы короче ѣхать черезъ Москву. „Не лучше-ли послать фельдгегеря, онъ доѣдетъ скорѣе!“ замѣтилъ онъ. Кутузовъ отклонилъ, однако-же, и это предложеніе. Лористонъ понялъ, что русскому главнокомандующему вовсе нѣтъ надобности спѣшить подобно ему и Наполеону. Свиданіе окончилось. Разговоръ не вышелъ ни разу изъ предѣловъ холодной, сдержанной вѣжливости. Лористонъ раскланялся.

Посольство Лористона уяснило Кутузову, какъ нельзя лучше, затруднительное положеніе непріятельской арміи. Съ этихъ поръ ни старый фельдмаршалъ, ни лица, пользовав-

¹⁾ Переводъ Богдановича—„Исторіи отечественной войны“. Т. II, стр. 392. Подлинникъ тамъ-же въ приложеніи, стр. 623.

шіяся его особымъ довѣріемъ, не сомнѣвались, что великая борьба должна окончиться полною побѣдою Россіи. Полковникъ Толь, ближайшій совѣтникъ Кутузова, высказывалъ въ тѣсномъ кружку штабныхъ офицеровъ твердое убѣжденіе, что непріятельская армія должна въ скоромъ времени начать свое отступленіе изъ Россіи. Его надежды росли съ каждымъ днемъ, и онъ предсказывалъ съ увѣренностью великіе успѣхи русскаго оружія ¹⁾. Однажды, это было въ избѣ, занимаемой Коновницынымъ, Толь началъ объяснять присутствующимъ штабнымъ офицерамъ свой взглядъ на общее положеніе дѣлъ и свои виды на будущее. Наполеонъ, доказывалъ онъ, принужденъ будетъ въ скоромъ времени очистить Москву; въ такомъ случаѣ необходимо будетъ отбросить его на опустошенную Можайскую дорогу и принудить его отступать по ней. Одинъ отрядъ долженъ будетъ преслѣдовать его непосредственно, тогда какъ главная армія пойдетъ по линіи, параллельной его отступленію. У Вязьмы необходимо будетъ предупредить непріятеля и преградить ему путь. Затѣмъ Толь указалъ на другіе пункты, гдѣ прійдется повторить этотъ маневръ, въ томъ случаѣ, если непріятелю удасться пробиться подъ Вязьмою. Толь говорилъ съ большимъ увлеченіемъ; онъ взялъ кусокъ мѣлу, обозначилъ имъ на столѣ называемые пункты и чертилъ маршевыя линіи нашихъ и непріятельскихъ войскъ. Молодые офицеры съ изумленіемъ выслушивали его рѣчь; его предначертанія казались имъ, по выраженію Бернгарди, ужъ слишкомъ сангвиническими, почти визионерными. Каково-же было ихъ удивленіе впоследствии, когда событія пошли дѣйствительно тѣмъ путемъ, на который указывалъ Толь! ²⁾.

¹⁾ Toll war überzeugt, dass Napoleon bald den Rückzug antreten müsse, sah der Zukunft mit grosser Zuversicht entgegen, und hoffte grosse Erfolge. Bernhardi, Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 208.

²⁾ Den jüngeren Offizieren schien das Alles etwas zu sanguinisch, fast visionär; um so höher stieg später Toll's Ansehen bei ihnen, als die Dinge sich wirklich grossen Theils so gestalteten. Бернгарди замѣчаетъ при этомъ, что эти подробности переданы были ему нѣсколькими очевидцами, офицерами генеральнаго штаба. Бернгарди. T. II, стр. 208---209.

Соображенія Толя, его надежды и предназначенія не могли оставаться неизвѣстными главнокомандующему. Скажемъ болѣе, планы и воззрѣнія Кутузова были вполнѣ тождественны съ воззрѣніями его генераль-квартирмейстера. Сущность этихъ воззрѣній заключалась въ томъ, чтобы воспользоваться тѣмъ моментомъ, когда Наполеонъ принужденъ будетъ, наконецъ, выйти изъ Москвы. Необходимо было терпѣливо ожидать наступленія этого момента и не пытаться съ своей стороны ускорить его ¹⁾. Каждый день отсрочки былъ днемъ чистаго выигрыша для русскихъ, такъ какъ силы наши возрастали непрерывно, тогда какъ силы непріятеля уменьшались въ обратной пропорціи. Въ Тарутинскомъ лагерѣ пополнены были, наконецъ, тѣ громадныя убыли, которыя понесла русская армія со дня Бородинскаго боя. Въ концѣ сентября въ Тарутинскомъ лагерѣ сосредоточено было 70,000 пѣхоты, 9500 регулярной конницы, 9000 артиллеріи съ 700 орудіями, 10000 ополченцевъ и около 20000 казаковъ. Вмѣстѣ съ числомъ подымался замѣтно и нравственный духъ войска. Дни мрачнаго отчаянія уступили мѣсто днямъ твердыхъ надеждъ на будущее. Всѣ, не исключая и самихъ солдатъ, замѣчали, что обстоятельства становятся съ каждымъ днемъ благопріятнѣе для насъ. Недостатка въ провіантѣ всякаго рода также не было, замѣчался скорѣе избытокъ. Войска снабжены были одеждою, необходимою для зимняго похода.

Солдаты чувствовали себя какъ нельзя лучше въ Тарутинскомъ лагерѣ; только одни знатные генералы и штабные офицеры жаловались на полнѣйшее отсутствіе всякихъ удобствъ. Квартиры были крайне бѣдны, тѣсны и неудобны. Деревушка Лешаевка, гдѣ находились помѣщенія главнаго штаба, была одна изъ самыхъ бѣдныхъ во всей окрестности. Тутъ не было ни помѣщицкой усадьбы, ни церкви, ни одного сколько-нибудь удобнаго помѣщенія. Самъ главнокомандующій

¹⁾ Беригарди утверждаетъ, что Кутузовъ изъ личныхъ расчетовъ ничего такъ не желалъ, какъ скорѣйшаго очищенія Москвы отъ непріятеля. Кутузовъ могъ желать этого и помимо личныхъ расчетовъ, но это желаніе нисколько не мѣшало ему терпѣливо ожидать момента и не ускорять съ своей стороны его наступленія.

квартировалъ въ тѣсной крестьянской избѣ. Одна и таже горница служила для него пріемною, столовою и кабинетомъ; за деревянною перегородкою стояла его походная кровать. Еще въ меньшей избѣ помѣщался Толь съ однимъ изъ адъютантовъ. Совершенно иначе устроился Бенингсенъ. Онъ занималъ самую большую избу во всей деревнѣ, у него былъ превосходный поваръ, его столъ былъ всегда изысканный. Бенингсенъ былъ гостепріименъ: ежедневно обѣдала у него масса генераловъ и офицеровъ. На гостепріимство старый интригант смотрѣлъ, какъ на одно изъ средствъ для образованія себѣ партіи. За его барскимъ столомъ разбирались и критиковались обыкновенно всѣ дѣйствія Кутузова и его совѣтниковъ ¹⁾.

Совершенно иной кружокъ собирался въ курной избѣ, занимаемой генераломъ Коновницынымъ. Тутъ въ тѣсномъ и темномъ помѣщеніи работала день и ночь канцелярія главной квартиры. Собственно говоря, канцелярія должна была помѣщаться въ сосѣдней овчарнѣ, на которой и красовалась доска съ надписью: „Тайная канцелярія генеральнаго штаба“, но въ этомъ совершенно темномъ, безоконномъ хлѣву не было ни стола, ни стула, а лежала только большая куча соломы. На этой соломѣ спали по ночамъ два офицера генеральнаго штаба; тутъ-же въ хлѣву собирались по вечерамъ младшіе офицеры изъ свиты Кутузова и пили чай при одной сальной свѣчкѣ. Въ этой-же неприглядной обстановкѣ держалъ свои вдохновенныя рѣчи полковникъ Толь ²⁾.

Хотя Кутузовъ на-отрѣзъ отказалъ Лористону въ перемиріи, но на дѣлѣ между обѣими сторонами водворилось вскорѣ фактическое перемиріе. Мелкія стычки и перестрѣлки между форпостами прекратились совершенно. Офицеры обѣихъ сторонъ, повѣряя ежедневно форпосты, вѣжливо привѣтствовали другъ друга. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что полоса между обоими лагерями сдѣлалась нейтральною поч-

¹⁾ При всемъ этомъ Бенингсенъ не имѣлъ въ сущности никакого опредѣленнаго занятія. „Dass er, замѣчаетъ Бернгарди, zwar ein grosses Gefolge hatte, aber eigentlich keine Geschäfte, versteht sich von selbst. Bernhardi. Т. II, стр. 208.

²⁾ Всѣ подробности изъ записокъ Толя у Бернгарди. Т. II, стр. 208—209.

вою, на которой происходили чуть не ежедневно свиданія и разговоры между нашими и непріятельскими генералами. Французскіе начальники, и особенно Мюратъ, добивались этихъ свиданій. Однажды король неаполитанскій высказалъ желаніе повидаться съ Бенингсеномъ, и элегантный начальникъ штаба спѣшилъ удовлетворить этому желанію. Разговоръ начался обычными вѣжливыми фразами и комплиментами; но вскорѣ Мюратъ заговорилъ о дѣлѣ, особенно лежавшемъ у него на сердцѣ. „Миръ необходимъ, замѣтилъ онъ: я желаю его, какъ король Неаполя, обязанный править своимъ государствомъ“. — „Насколько вы желаете мира“, возразилъ Бенингсенъ, „настолько мы предпочитаемъ войну. Кроме того русскіе не хотятъ мира, еслибы даже хотѣлъ его императоръ и признаюсъ вамъ откровенно, я принадлежу къ числу такихъ русскихъ“... Мюратъ прервалъ его: „Національныя предубѣжденія могутъ быть однако-же преодолены“. — „Ахъ нѣтъ! возразилъ Бенингсенъ, только не въ Россіи. Русскій страшный народъ: они убьютъ всякаго на мѣстѣ, кто осмѣлится говорить о переговорахъ“ ¹⁾.

Въ тотъ-же самый день произошло другое подобное-же объясненіе между нашимъ генераломъ Корфомъ и непріятельскимъ генераломъ Амандомъ. Разговоръ вращался также вкругъ мира. Амандъ замѣтилъ: „война эта надоѣла намъ до глубины души. Дайте намъ паспорта и мы уѣдемъ“. Корфъ отвѣчалъ: „генераль, вы пріѣхали къ намъ, не получивъ приглашенія; если теперь хотите уѣхать, то надо сначала попроситься по французскому обычаю“ ²⁾. Амандъ улыбнулся, но продолжалъ затѣмъ въ серьезномъ тонѣ: „какъ жаль, что двѣ націи, уважающія другъ друга, ведутъ между собою истребительную войну. Мы готовы передъ вами извиниться, готовы просить прощенія за нашъ непрошенный визитъ и дружески пожать другъ другу руки на нашихъ обоюдныхъ границахъ“. — „Да, возразилъ Корфъ, кажется за это послѣднее

¹⁾ Объ этомъ разговорѣ смотри Вильсонъ, стр. 174.

²⁾ „General, Sie sind gekommen, ohne eingeladen zu sein; wenn Sie gehen wollen, müssen Sie französischen Abschied nehmen“. Wilson, стр. 174,

время вы начали считать насъ болѣе достойными вашего уваженія, нежели прежде. Но скажите, генералъ, неужели вы будете уважать насъ и въ томъ случаѣ, если мы позволимъ вамъ удалиться отъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ?¹⁾

Легкомысленный Мюратъ былъ крайне доволенъ тѣми вѣжливостями, которыми осыпали его наши благовоспитанные генералы и штабные офицеры. Онъ вообразилъ, что эти вѣшности имѣютъ серьезное основаніе, что русскіе также страстно желаютъ мира, какъ онъ самъ и его французы. Фактическое перемиріе, водворившееся между обѣими арміями, поддерживало его еще болѣе въ этомъ убѣжденіи. Только одно обстоятельство тревожило его не на шутку: это продѣлки нашихъ казаковъ и вооруженныхъ поселянъ, нападавшихъ, то и дѣло, на французскихъ фуражировъ. Мюратъ полагалъ, однакоже, что и эти непріязненные дѣйствія прекратятся, стоитъ ему сказать лишь слово начальнику русскаго авангарда. 29-го сентября король неаполитанскій, объѣзжая свои форпосты, встрѣтился съ генераломъ Милорадовичемъ. „Вотъ, думалъ онъ, удобный случай положить предѣлъ казацкимъ шалостямъ и обезпечить нашихъ фуражировъ“.

Король началъ бесѣду съ Милорадовичемъ, выразивъ ему желаніе, чтобы французскіе фуражиры могли свободно разѣзжать въ окрестностяхъ лагеря, не подвергаясь нападеніямъ съ нашей стороны. „О нѣтъ! возразилъ Милорадовичъ. Неужели, ваше величество, хотите лишить насъ удовольствія захватывать какъ цыплятъ прелестнѣйшихъ французскихъ кавалеристовъ?“

— Но ваши казаки и вооруженные поселяне совершаютъ возмутительныя жестокости; они убиваютъ всѣхъ нашихъ людей, попадающихъ въ ихъ руки. Вѣдь это противно всѣмъ правиламъ войны!

— Я очень радъ, что казаки исполняютъ данные имъ приказы, и что наши поселяне показываютъ на дѣлѣ, что они достойны носить имя русскихъ.

— Но въ такомъ случаѣ я буду принимать мѣры предо-

¹⁾ Wilson, стр. 174.

сторожности: я буду посылать цѣлыя колонны для прикрытія фуражировъ.

— Тѣмъ лучше, государь! мои офицеры жалуются на трехнедѣльное бездѣйствіе; они горятъ нетерпѣніемъ брать ваши пушки и знамена.

— Но къ чему искать случаевъ раздражать одинъ народъ противъ другаго? Народы созданы для взаимнаго уваженія.

— Государь! я и мои офицеры всегда готовы оказывать вамъ всевозможные знаки уваженія, но ваши фуражиры и ваши колонны всегда будутъ побиваемы нами.

— Генераль, возразилъ съ сердцемъ Мюратъ, непріятеля не бьютъ словами. Взгляните на карту, сколько областей отнято нами у васъ и какъ далеко проникли мы.

— Карлъ XII проникъ еще далѣе: онъ былъ подъ Полтавою.

— Французская армія всегда была побѣдоносна.

— А мы дрались только подъ Бородиномъ.

— Эта побѣда открыла намъ дорогу въ Москву.

— Извините, государь! Москва была оставлена вамъ.

— Но все-же мы владѣемъ вашею древнею, обширною столицею.

— Такъ, государь! и одна мысль объ этомъ убійственна для каждаго русскаго, для меня-же въ особенности. Я употреблялъ всѣ усилія спасти Москву. Это чрезвычайнѣйшее пожертвованіе, сдѣланное Россіею, но она начинаетъ уже пожинать его благодѣтельные послѣдствія.

— Что вы хотите сказать?

— Я знаю, что Наполеонъ посылалъ къ нашему главнокомандующему генерала Лористона для переговоровъ о мирѣ; я знаю, что ваша армія доведена до такого положенія, при которомъ солдатъ долженъ довольствоваться въ теченіи 60 часовъ тѣмъ, чего едва хватаетъ на сутки.

— Извѣстія, вамъ доставленные, ложны.

— Я знаю, что король неаполитанскій пріѣхалъ къ Милорадовичу просить пощады своимъ фуражирамъ и вступить въ нѣкоторый родъ договора, чтобы успокоить своихъ солдатъ.

— Мое свиданіе съ вами совершенно случайно. Я хотѣлъ только увѣдомить васъ о злоупотребленіяхъ, происходящихъ

на вашей сторонѣ. Отсутствие дисциплины есть величайшее зло; оно подкапываетъ и разрушаетъ армию.

— Но въ такомъ случаѣ, государь, вы должны одобрить это зло. Отсутствие дисциплины въ русскихъ войскахъ истребляетъ французскихъ фуражировъ.

— Вы слишкомъ обманываетесь на счетъ нашего положенія. Москва обильно снабжена всѣмъ. Мы ожидаемъ большихъ подкрѣпленій; они уже въ дорогѣ.

— Но, государь, неужели вы полагаете, что наши подкрѣпленія далѣе отъ насъ, нежели ваши отъ васъ?

— Я долженъ заявить вамъ жалобу еще по одному важному дѣлу. Генералъ! я взываю къ вашей справедливости и вашему прямодушію. Вы два раза стрѣляли по нашимъ парламентарамъ.

— Государь, мы не хотимъ слышать о переговорахъ. Мы хотимъ драться, а не переговариваться. Будьте напередъ осторожныѣ!

— Какъ, поэтому и я здѣсь не въ безопасности?

— Приѣздъ вашъ въ другой разъ можетъ дорого обойтись вамъ. Но теперь я считаю себѣ за честь сопутствовать вамъ до вашихъ форпостовъ.

— Я никогда не слышалъ о подобномъ способѣ веденія войны.

— Я думаю, что слышали.

— Но гдѣ-же?

— Въ Испаніи.

Мюратъ поспѣшилъ прекратить разговоръ, принявшій такой непріятный оборотъ ¹⁾. Молча, глубоко пораженный всѣмъ, что онъ слышалъ, направился онъ къ своимъ форпостамъ. Предостереженіе было дано. Французы были уже наканунѣ внезапнаго нападенія при Тарутинѣ.

¹⁾ Разговоръ этотъ надѣлалъ въ свое время большого шума. Онъ былъ тогда-же записанъ и ходилъ по рукамъ по всей Россіи. Лазичъ, извѣстный намъ воспитатель молодого Андреева, прислалъ одинъ изъ списковъ въ деревню къ Андрееву отцу. „Если вы, говоритъ онъ при этомъ, не изволили читать разговора Милорадовича съ королемъ неаполитанскимъ, то, можетъ быть, покажется онъ вамъ довольно любопытнымъ“. Въ концѣ списка помѣтка рукою Лазича: „переведено съ французскаго, получено изъ С.-Петербурга 19-го ноября“. См. рукопись Андреевская, письмо отъ 7-го декабря и приложение къ нему.

ГЛАВА IV.

Александръ возмущенъ бездѣйствіемъ Кутузова.—Онъ пишетъ фельдмаршалу.—Барклай покидаетъ армію.—Глубокій мракъ окутываетъ императора.—Императоръ ищетъ утѣшенія и опоры въ религіи.—Дядьки и воспитатели Александра.—Внѣшняя набожность.—Философскій богъ.—Александръ чувствуетъ потребность молиться.—Князь А. Н. Голицынъ строитъ себѣ новый домъ въ Петербургѣ.—Разговоръ государя съ Голицыннымъ.—90 псаломъ царя Давида.—Новый міръ открывается передъ Александромъ.—Опять 90 псаломъ! Гдѣ достать Библію?—Александръ углубляется въ священную книгу.—Шишковъ и библейскія пророчества: „Вторженіе Наполеона въ Россію; Іерусалимъ—Москва; царь возопіетъ къ престолу Предвѣчнаго; вдохновенный свыше, онъ призываетъ народъ свой къ борьбѣ съ врагомъ“.—Александръ въ борьбѣ съ силами ада.—Небывалое предложеніе и письмо къ Кутузову.

Переворотъ, подготовлявшійся на театрѣ войны, замѣтенъ былъ на первыхъ порахъ только для непосредственныхъ участниковъ и наблюдателей событій. Совсѣмъ иное дѣло въ Петербургѣ, даже при самомъ дворѣ. Тамъ положеніе дѣлъ продолжало представляться въ неопредѣленномъ и мрачномъ видѣ. Наполеонъ занималъ столицу и его передовыя войска были выдвинуты по направленію къ Петербургу. А наша главная армія? Объ ней не было слышно ничего утѣшительнаго. Она совершала какія-то фланговыя движенія, но результатомъ этихъ движеній было дальнѣйшее отступленіе, а затѣмъ полное бездѣйствіе. Императоръ Александръ былъ возмущенъ этимъ бездѣйствіемъ. Его недовѣріе къ Кутузову, его опасенія за Петербургъ, раздуваемые къ тому-же его трусливыми совѣтниками, возрастали съ каждымъ днемъ. Они вылились, наконецъ, въ слѣдующемъ весьма характерномъ письмѣ государя къ главнокомандующему.

„Князь Михаилъ Илларионовичъ! Со 2-го сентября Москва находится въ рукахъ непріятеля. Ваши послѣднія донесенія идутъ отъ 20 сентября и за все это время не только не было предпринято ничего противъ непріятеля и для освобожденія первопрестольной столицы имперіи, но вы отступили даже, какъ видно это изъ вашихъ донесеній, еще далѣе назадъ. Серпуховъ уже занятъ непріятельскимъ отрядомъ; Тула съ ея знаменитыми и необходимыми для арміи оружейными заводами находится въ опасности. Изъ донесеній генерала Винцингероде я усматриваю, что десяти тысячный непріятельскій отрядъ подвигается по Петербургской дорогѣ. Другой отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ приближается къ Дмитрову. Третій отрядъ идетъ впередъ по Владимірской дорогѣ. Четвертый, довольно значительный, стоитъ между Рузою и Можайскомъ. Самъ Наполеонъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, находится въ Москвѣ. По всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что непріятель раздробилъ свои силы, и возможно-ли послѣ того, чтобы непріятельскія войска, стояція противъ васъ, были настолько значительны, чтобы вы не могли дѣйствовать противъ нихъ наступательно? Напротивъ, возможно допустить съ вѣроятностью, что вы имѣете дѣло лишь съ небольшими отрядами, или по крайней мѣрѣ съ войскомъ, значительно слабѣйшимъ, нежели ввѣренная вамъ армія. Казалось-бы, что, пользуясь этими обстоятельствами, вы могли-бы съ выгодною атаковать слабѣйшаго непріятеля и истребить его, или-же по крайней мѣрѣ принудить его къ отступленію, и тѣмъ самымъ сохранить значительную часть области, занятой теперь непріятелемъ, въ нашихъ рукахъ и отвратить опасность отъ Тулы и другихъ внутреннихъ городовъ. На васъ падетъ отвѣтственность, если непріятель будетъ въ состояніи послать значительную часть своего войска противъ Петербурга и угрожать сей столицѣ, въ которой остаются лишь немногія войска, ибо съ ввѣренною вамъ арміею, если будете только дѣйствовать рѣшительно и дѣятельно, имѣете всѣ необходимыя средства предотвратить это новое несчастіе. Вспомните, что вы еще должны дать отчетъ оскорбленному отечеству за потерю Москвы.

Вы убѣдились въ моей готовности награждать васъ. Эта готовность не ослабѣла во мнѣ, но я и Россія, мы имѣемъ право ожидать съ вашей стороны того рвенія, твердости и успѣховъ, которыя предвѣщаютъ вашъ умъ, ваши воинскія дарованія и храбрость вѣранныхъ вамъ войскъ“.

Но не одно бездѣйствіе, а и другія непріятныя вѣсти, приходившія различными путями къ государю изъ арміи, мучили душу Александра и подвергали все новымъ и новымъ испытаніямъ его твердость. Для него не осталось тайною продолжающееся разногласіе между нашими генералами. Онъ не могъ ожидать ничего хорошаго отъ постоянно усиливающейся оппозиціи Бенингсена князю Кутузову, но, по извѣстнымъ уже намъ причинамъ, онъ не рѣшился положить предѣлъ этой оппозиціи. Человѣкъ его выбора, полководецъ, пользовавшійся его наибольшимъ довѣріемъ, вынужденъ былъ въ это самое время покинуть армію. Государь былъ глубоко огорченъ отъѣздомъ Барклая де-Толли, но онъ понималъ всю невозможность удерживать его долѣе въ рядахъ дѣйствующей арміи. Положеніе главнокомандующаго первю арміею сдѣлалось окончательно невыносимымъ съ того момента, когда войска наши заняли Тарутинскій лагерь. Барклай носилъ только по имени званіе главнокомандующаго, между тѣмъ какъ приказанія по вѣреннымъ ему войскамъ отдавались помимо его. Безпорядокъ, царствовавшій тогда въ нашей главной квартирѣ, естественное слѣдствіе характера и привычекъ Кутузова, ненормальныхъ отношеній къ нему начальника штаба, генерала Бенингсена, возмущали и тревожили добросовѣстнаго и методичнаго Барклая. По его словамъ, приказанія, отдаваемые различными лицами, постоянно противорѣчили другъ другу. Никто не могъ дать вѣрнаго отчета о распредѣленіи войскъ; доставка къ нимъ продовольствія не была обезпечена; большая часть войска находилась въ арьергардахъ, да и вся прочая армія подвергалась постояннымъ тревогамъ ¹⁾.

¹⁾ На всѣ эти обстоятельства Барклай де-Толли указываетъ въ письмѣ своемъ изъ Калуги отъ 24-го сентября. См. Богдановичъ. Т. II. „Исторія отечест-

Отношенія Барклая къ Кутузову стали самыя натянутыя. По прибытіи арміи въ Тарутинскій лагерь, Барклаю, быть можетъ случайно, отведена была квартира не только внѣ лагерь, но даже за линією нашихъ форпостовъ. Глубоко оскорбленный этимъ явнымъ знакомъ невниманія ¹⁾, больной не столько тѣломъ, сколько душою, Барклай рѣшился покинуть армію ²⁾. „Желалъ бы, писалъ онъ государю, выразить глубокую скорбь, съ которою удаляюсь отъ арміи. Я желаю жить и умереть вмѣстѣ съ войсками, состоявшими подъ моимъ начальствомъ; но еслибы даже тому не препятствовала моя болѣзнь, то утомленія и душевныя безпокойства не позволили бы мнѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ оставаться въ арміи“ ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ бывший главнокомандующій представилъ государю подробную записку о дѣйствіяхъ первой арміи подъ его начальствомъ и просилъ разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ. Государь благосклонно принялъ рѣшеніе, Барклай оставилъ армію; но все это не могло не производить на него удручающаго впечатлѣнія.

Такимъ образомъ испытанія для Александра продолжались съ удвоенною силою. Глубокій, непроглядный мракъ окутывалъ со всѣхъ сторонъ императора. Отовсюду грозили ему опасности и бѣдствія, и ничто, казалось, не могло спасти его и любимую имъ Россію отъ конечнаго паденія и позора. Съ театра войны приходили безотрадныя и неутѣшительныя извѣстія. Непріятель по прежнему продолжалъ подвигаться побѣдоносно впередъ, наша армія отошла сначала за Пахру, а потомъ за Мочу и Нару. Кто могъ ожидать, что она удержится въ своей позиціи при Тарутинѣ? Не естествен-

венной войны“, стр. 354. Что всѣ безпорядки, указанные Барклаемъ де-Толли, существовали въ дѣйствительности, это видно, какъ замѣчаетъ Богдановичъ, изъ подлинной переписки главной квартиры.

¹⁾ См. Бернгарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*. Т. II, стр. 196.

²⁾ Рѣшившись удалиться изъ арміи, Барклай потребовалъ отпуска, по Кутузовъ объявилъ, что онъ не имѣетъ права дать ему такового, такъ какъ онъ, Барклай, поставленъ во главѣ первой арміи самимъ государемъ; тогда Барклай долженъ былъ сослаться на свое званіе военнаго министра и дать самому себѣ увольненіе. Такъ рассказываетъ Бернгарди. См. Т. II, стр. 196.

³⁾ Письмо Барклая де-Толли изъ Калуги.

нѣ-ли было предположить, что съ Тарутинскимъ лагеремъ случится тоже, что и съ прославленнымъ Дрисскимъ, что участь, постигшая Смоленскъ и Москву, не замедлитъ обрушиться на Тулу, Калугу и Брянскъ, что послѣдніе арсеналы и мастерскія оружія достанутся въ руки непріятеля, точно также, какъ достались ему богатые московскіе запасы. Александръ, по извѣстнымъ уже намъ причинамъ, не могъ возлагать особенныхъ надеждъ на главнокомандующаго, антипатичнаго ему лично и потерявшаго у него всякій кредитъ, послѣ побѣднаго донесенія о Бородинской битвѣ. Столь же мало могъ довѣрять Александръ и главному начальнику штаба, генералу Бенингсену, хорошо извѣстному ему со временъ несчастной кампаніи 1807 года. Единственный человѣкъ, который пользовался его довѣріемъ, принужденъ былъ оставить армію, и положеніе Александра было таково, что онъ не могъ предпринять даже попытки удержать Барклая при войскахъ. Скудные извѣстія, получаемыя съ театра войны, еще болѣе затемняли положеніе дѣлъ. Основываясь на нихъ, невозможно было составить правильнаго понятія ни о положеніи непріятеля, ни о результатахъ партизанской войны, ни о грозномъ движеніи, начинавшемся въ средѣ русскаго народа. Внѣшнее положеніе дѣлъ казалось, такимъ образомъ, крайне опаснымъ и сомнительнымъ; приходилось черпать силы въ собственномъ своемъ духѣ, а между тѣмъ у Александра не было, повидимому, такихъ силъ.

Императоръ видѣлъ, откуда черпаетъ свои гигантскія внутреннія силы его вѣрный народъ; онъ зналъ, что эта сѣра, забываемая въ спокойныя времена, масса подымается на защиту отечества, главнымъ образомъ движимая и воодушевляемая религіознымъ началомъ, этимъ единственнымъ идеальнымъ основаніемъ всей ея жизни. Императоръ зналъ, что и въ болѣе высокой общественной средѣ есть люди, открывшіе источникъ силы и успокоенія въ вѣрѣ. Шишковыхъ и князь А. Н. Голицынъ служили для него въ этомъ случаѣ знаменательными примѣрами. И онъ готовъ былъ слѣдовать этимъ примѣрамъ; подобно имъ, подобно всему своему народу, онъ силился открыть и въ себѣ живой источникъ вѣры. Такіе

порывы бывали у него и въ прежнія эпохи жизни, но они проходили также быстро, какъ и наступали.

„Приставленные ко мнѣ дядьки, говорилъ впоследствии Александръ ¹⁾, имѣли нѣкоторые добрыя качества, но не были вѣрующими христіанами и потому первоначальное воспитаніе мое не было соединено съ какими-либо глубокими нравственными впечатлѣніями. Сообразно съ обычаями нашей греческой Церкви, меня приучили повторять утромъ и вечеромъ извѣстныя заученныя молитвы; но этотъ обычай, нисколько не удовлетворявшій внутреннимъ потребностямъ моего религіознаго чувства, скоро надоѣлъ мнѣ. Случалось между тѣмъ не разъ, что я, ложась спать, живо чувствовалъ въ душѣ своей грѣхи и разные нравственные недостатки своего образа жизни. Возникавшее при этомъ сердечное раскаяніе пробуждало во мнѣ потребность вставать съ постели и среди ночной тишины броситься на колѣна, чтобы со слезами просить у Бога прощенія и силы для большей бдительности надъ собою на будущее время. Это сердечное сокрушеніе продолжалось нѣсколько времени, но мало-по-малу, при отсутствіи поддержки со стороны окружающихъ лицъ, я сталъ рѣже и слабѣе чувствовать въ себѣ эти спасительныя движенія благодати. вмѣстѣ съ свѣтскою разсѣянностью грѣхъ сталъ болѣе и болѣе владычествовать въ моей душѣ“.

Среди тяжелыхъ заботъ правленія, среди тщетной гоньбы за неосуществимыми идеалами молодости, Александръ если не сдѣлался вполнѣ невѣрующимъ, то окончательно оторвался не только отъ религіи своего народа, но и отъ христіанства вообще ²⁾. Онъ превратился въ деиста, которымъ, впрочемъ, хотѣли сдѣлать его съ самаго начала Лагарпъ и

¹⁾ Такъ говорилъ Александръ англійскимъ квакерамъ Мобилье и Аллену, посѣтившимъ его въ Петербургѣ въ 1819 г. См. дневникъ Мобилье—„Русская Старина“ 1874 г., январь.

²⁾ „Alexandre avait été deiste eleve d'un gouverneur qui, par un sentiment de conscience, n'avait jamais cherché a lui imposer des convictions, et s'était borné a lui inspirer un profond respect pour L'Etre Supreme. Alexandre s'était contenté de se sentiment vague et sans portée“. Ch. Eynard. Vie de Madame Krüdener. T. I, стр. 327.

другіє модные воспитатели. Для него Богъ былъ существомъ чисто абстрактнымъ, стоящимъ внѣ міра, чуждымъ всякаго вліянія на него. Онъ думалъ съ глубокимъ уваженіемъ объ этомъ существѣ, онъ считалъ его краеугольнымъ камнемъ своего философскаго міросозерцанія, но онъ не въ состояніи былъ привести его въ какую-бы то ни было внутреннюю непосредственную связь съ своимъ собственнымъ существомъ. Этотъ философскій богъ казался ему почему-то необходимымъ, но онъ думалъ о немъ совершенно холодно и спокойно. Онъ зналъ, что этотъ богъ не надзираетъ ни за его внутреннею жизнью, ни за его нравственными качествами. Онъ засмѣялся бы въ глубинѣ души, еслибы кто-нибудь посовѣтовалъ ему искать утѣшенія и поддержки у этого философскаго бога. Развѣ можно требовать отъ абстрактнаго понятія, отъ философскаго призрака того, что свойственно лишь существу живому? Александръ зналъ, что люди простые молятся Богу, Богу живому,—Богу, входящему въ общеніе съ ними самими, но онъ давно уже утратилъ вѣру въ этого Бога ¹⁾).

Но вотъ насталъ великій моментъ испытанія, наступилъ роковой сентябрь мѣсяцъ 1812 года и прежнія чувства и впечатлѣнія дѣтства вдругъ пробудились съ небывалою силою въ душѣ императора. „Господь снова, говорилъ самъ онъ впоследствии, призвалъ меня по любви и милосердію Своему, и прежнія движенія благодати пробудились во мнѣ съ новою силою“ ²⁾). Александръ вдругъ почувствовалъ потребность молиться, молиться искренно со слезами; у него явилось желаніе искать помощи тамъ, гдѣ обрѣталъ ее весь его народъ, у Отца небеснаго. Абстрактный богъ французскихъ философовъ вдругъ представился ему во всей своей призрачности. Невозможно молиться такому богу, странно проливать передъ нимъ слезы, излишне раскрывать передъ нимъ свое

¹⁾ Самъ Александръ выражался такимъ образомъ о своей внутренней религиозной пустотѣ. „Мы были философы и божественная сущность христіанства скрывалась отъ нашихъ взоровъ. Я чувствовалъ пустоту въ моей душѣ и какое то смутное предчувствіе преслѣдовало меня повсюду“. Eynard. Vie de M-me Krüdener. T. I, стр. 324.

²⁾ Дневникъ Мобилье—„Русская Старина“ 1874 г. —январь, стр. 18.

сердце, напрасно стремиться къ соединенію съ холодною и бездушною философскою абстракціею.

Но какъ обрѣсти истиннаго Бога? кто можетъ указать путь къ Нему? Служители алтаря, и прежде всего представители высшей церковной іерархіи? Но эти лица не внушали Александру должнаго довѣрія: они казались ему погрязшими въ чисто житейскихъ интересахъ и во внѣшней обрядовой сторонѣ христіанскаго богочитанія. Александръ былъ совершенно незнакомъ съ лучшими и живыми силами русской Церкви; онъ и не подозрѣвалъ, что вблизи отъ него въ самомъ Петербургѣ сіяетъ одно изъ величайшихъ свѣтилъ православной Церкви, столь знаменитый впослѣдствіи Филаретъ. Отъ этого великаго проповѣдника Александръ могъ бы узнать, какой смыслъ и значеніе имѣютъ въ Церкви Христовой всѣ внѣшнія принадлежности богочитанія; отъ него онъ позналъ бы, что жизнь во Христѣ и единеніе съ Его духомъ составляютъ всю сущность православнаго ученія, что они суть тотъ жизненный хлѣбъ для души нашей, который воспитываетъ ее для вѣчной жизни. Отъ этого наставника императоръ могъ бы узнать это ученіе о живой вѣрѣ въ живаго Бога.

Александръ не имѣлъ случая начать свое духовное возрожденіе подъ руководствомъ великаго учителя Церкви. Господу угодно было призвать для его внутренняго просвѣщенія другаго болѣе слабаго и темнаго въ дѣлахъ вѣры человѣка, князя А. Н. Голицына. Государь давно уже слышалъ, что другъ его юности, этотъ когда-то легкомысленный и блестящій свѣтскій человѣкъ, совершенно переродился, что онъ проводитъ цѣлые дни въ чтеніи Библіи, что онъ смотритъ на священную книгу, какъ на единственную норму всѣхъ своихъ помысловъ и дѣйствій. И какъ странно, какъ необычно велъ теперь себя этотъ человѣкъ, сравнительно съ другими лицами его сословія! Если на кого-либо, то именно на знатныхъ и богатыхъ напалъ паническій страхъ при вѣсти о паденіи и пожарѣ Москвы. Всѣ думали лишь о томъ, какъ-бы убраться поскорѣе въ какое-нибудь далекое и безопасное отъ непріятельскаго нашествія мѣсто; всѣ заняты были укладкою

и отправкою своихъ драгоценностей. Одинъ князь А. Н. Голицынъ не принималъ ни малѣйшаго участія во всей этой суматохѣ. Онъ не только не собирался бѣжать, не только не укладывалъ своихъ вещей, но даже занялся въ это самое время перестройкою своего дома. Всѣ толковали объ этомъ явленіи, какъ о чемъ-то необычномъ. Нашлись услужливые люди, которые сочли за нужное обратить на это обстоятельство вниманіе государя! Имъ казалось, что поступокъ Голицына есть чуть не прямое доказательство его тайной измѣны ¹⁾. Государь не придалъ, разумѣется, никакого значенія этимъ внушеніямъ, но заинтересованный этимъ оригинальнымъ дѣломъ, онъ самъ заѣхалъ къ князю Голицыну и обратился къ нему съ такими словами:

— Голицынъ, что ты дѣлаешь? Что это значитъ? Всѣ собираются бѣжать, а ты строишься?

— Да, отвѣчалъ князь, мѣсто, гдѣ я теперь, также безопасно, какъ и всякое другое, куда-бы я могъ бѣжать. Господь защита моя, на Него я уповаю.

— Съ какого времени, возразилъ государь, у тебя такъ много надежды на помощь Божію, и на чемъ-же основано твое упованіе?

— Сердце мое о томъ свидѣтельствуетъ, сказалъ князь, и вотъ та боговдохновенная книга, которая подтверждаетъ непреложность моего упованія.

Съ этими словами, Голицынъ хотѣлъ подать государю Библию, но книга выскользнула у него изъ руки и упала, раскрывшись, на полъ.

— Позвольте-же мнѣ, сказалъ князь, прочитатъ вамъ именно то мѣсто, на которомъ раскрылась Библия.

И князь началъ читать. То былъ 90 псаломъ царя Давида:

„Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится. Речетъ Господеви: заступникъ мой еси и прибѣжище мое, Богъ мой, и уповаю на Него. Яко той избавитъ тя отъ сѣти ловчи, и отъ словесе мятежна. Плещма

¹⁾ „Нѣкоторые завистливые люди обратили на это вниманіе государя, стараясь заподозрить его въ тайной измѣнѣ отечеству“. Дневникъ Мобилье, стр. 22.

своима осѣнитъ тя, и подѣ крилѣ Его надѣнешися: оружіемъ обыдетъ тя истина Его. Не убоишися отъ страха ночнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ вещи во тмѣ преходящія, отъ сряща и бѣса полуденнаго. Падетъ отъ страны твоея тысяща, и тма одесную тебе, къ тебѣ-же не приблизится. Обаче очима твоима смотриши, и воздаяніе грѣшниковъ узриши. Яко ты Господи упованіе мое, Вышняго положилъ еси прибежище твое. Не приидетъ къ тебѣ зло, и рана не приблизится тѣлеси твоему: яко Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранить тя во всѣхъ путехъ твоихъ. На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнешися о камень ногу твою: на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змія. Яко на мя упова, и избавлю и, покрюю и, яко позна имя мое. Воззоветъ ко мнѣ, и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби, изму его и прославлю его. Долготою дней исполню его, и явлю ему спасеніе мое“ ¹⁾).

Князь окончилъ чтеніе. Государь безмолствовалъ. Вся его неподвижная, какъ-бы окаменѣвшая особа выражала высшую степень изумленія. Никогда не слышалъ онъ ничего подобнаго. Его воспитатели не давали ему въ руки Библию, онъ не имѣлъ понятія о божественной книгѣ. Псаломъ, только что выслушанный имъ, былъ для него голосомъ изъ другаго,

¹⁾ Для читателей мало знакомыхъ съ славянскимъ текстомъ Псалтѣри приводимъ русскій переводъ этого псалма:

„Живущій подѣ кровомъ Всевышняго подѣ сѣнію Всемогущаго покоемъ. Говоритъ Господу: прибежище мое и защита моя—Богъ мой, на котораго я уповаю! Онъ избавитъ тебя отъ сѣти ловца, отъ гибельной язвы. Перьями своими осѣнитъ тебя, и подѣ крыльями Его будешь безопасенъ; щитъ и огражденіе—истина Его. Не убоишься ужасовъ въ ночи, стрѣлы, летящей днемъ, язвы, ходящей въ мракѣ, заразы, опустошающей въ полдень. Падутъ подлѣ тебя тысяща и десять тысячъ одесную тебя; но къ тебѣ не приблизится. Только смотрѣвъ будешь очами твоими и видѣвъ возмездіе нечестивымъ: ибо ты сказалъ: Господь упованіе мое, Всевышняго избралъ ты прибежищемъ своимъ; не приключится тебѣ зло, и язва не приблизится къ жилищу твоему. Ибо Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о тебѣ—охранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ. На рукахъ понесутъ тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею. На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона. „За то, что онъ возлюблялъ Меня, избавлю его; защищу его, потому что онъ позналъ имя Моё. Воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его: съ нимъ Я въ скорби; избавлю его, и прославлю его; долготою дней насыщу его, и явлю ему спасеніе Моё“.

совершенно чуждаго ему міра. Какое недоступное до сихъ поръ міросозерцаніе раскрылось для него вдругъ въ этихъ немногихъ боговдохновенныхъ стихахъ! До сихъ поръ онъ привыкъ искать утѣшенія и спасенія въ средствахъ человѣческихъ, тутъ онъ услышалъ о спасеніи и утѣшеніи свыше. И какъ странно, что книга раскрылась именно на этомъ мѣстѣ, и какъ всецѣло относилось каждое прочитанное слово къ нему самому, къ его теперешнему положенію! О если-бы онъ могъ проникнуться подобною-же беззавѣтною вѣрою, о еслибы онъ могъ убѣдиться, что помощь Всевышняго осѣнитъ его своими крылами, что сомнѣніе и страхъ, закрадывающіеся, то и дѣло, въ его душу, исчезнутъ подобно призракамъ ночи, что все будетъ рушиться вокругъ него, но онъ останется непоколебимымъ и невредимымъ, что онъ избѣгнетъ сѣти, разставленной ему великимъ ловчимъ, что силы небесныя будутъ охранять его во всѣхъ путяхъ его, и что нога его наступитъ побѣдоносно на главу ядовитаго змія, что онъ восторжествуетъ надъ всеокрушающею силою преслѣдующаго его льва!

Потрясенный, но не убѣжденный окончательно, государь уѣхалъ отъ князя Голицына. Голова его была полна новыхъ думъ, сердце преисполнено новыми, неизвѣданными чувствами. Черезъ нѣсколько дней государь присутствовалъ на торжественномъ молебствіи, происходившемъ по случаю выстуπленія въ походъ одной изъ частей войскъ, находившихся въ Петербургѣ. Государь внимательно слѣдилъ за священнослуженіемъ, онъ прислушивался къ каждой молитвѣ, къ каждому слову священника. Вдругъ онъ услышалъ, что читается тотъ самый псаломъ, который произвелъ на него такое потрясающее впечатлѣніе у князя Голицына. Пораженный такою случайностью, онъ приказалъ позвать къ себѣ, по окончаніи молебствія, священника, и спросилъ его, кто подалъ ему мысль прочитать именно это мѣсто изъ Писанія.

— Никто, отвѣчалъ священникъ, но я молился Господу и просилъ Его внушить мнѣ, что именно избрать мнѣ и прочесть изъ Его Божественнаго слова для ободренія и утѣшенія государя моего, и мнѣ казалось потомъ, что именно

этотъ псаломъ былъ гласомъ Божиимъ къ Вашему Величеству ¹⁾).

Государь возвратился во дворецъ еще болѣе потрясенный, нежели отъ князя Голицына. Уже онъ начиналъ вѣрить, что гласъ свыше призываетъ его на путь вѣры и спасенія. Все случившееся съ нимъ казалось ему до такой степени чудесно и необычайно, что онъ не хотѣлъ допустить тутъ какой-нибудь простой случайности. Знаменательныя слова псалма указывали ему на путь, которымъ долженъ идти онъ отнынѣ. Необходимо ознакомиться прежде съ этимъ путемъ; надо напиться полными устами изъ только-что открывшагося источника, надо озариться всецѣло тѣмъ свѣтомъ, первый божественный лучъ котораго такъ неожиданно проникъ въ его сердце; надо, однимъ словомъ, приняться за чтеніе книги книгъ, остававшейся доселѣ для него неизвѣстною.

Но гдѣ достать Библію? Ни въ кабинетѣ государя, ни въ другихъ покояхъ дворца не было этой книги. Но быть можетъ она есть у императрицы, его супруги? Александръ зналъ, что императрица Елизавета Алексѣевна проникнута духомъ христіанскаго благочестія, хотя ему и не приходилось бесѣдовать съ нею о религіозныхъ вопросахъ. И вотъ государь неожиданно удивляетъ супругу свою вопросомъ: „нѣтъ-ли у нея Библіи“ ²⁾). Императрица выноситъ ему богато пере-

¹⁾ Весь этотъ эпизодъ рассказывалъ князь А. Н. Голицынъ посѣтившимъ его англійскимъ квакерамъ. См. дневникъ Мобиле, стр. 22—23. Свидѣтельство это подтверждается словами самого Александра. „Въ это время одно благочестивое лицо посовѣтовало мнѣ приняться за чтеніе Св. Писанія и дало мнѣ въ руки Библію, которую я до тѣхъ поръ никогда не видалъ“. Дневникъ Мобиле, стр. 18. Тоже самое свидѣлствуетъ со словъ M-me Кріденеръ Эйнаръ. „Il n'y avait pas longtemps que le prince Galitzin, jusqu'alors le plus léger, le plus gai et le plus brillant des courtisans, avait lui même reçu de serieuses impressions de la grace de Dieu. La lecture de L'Ecriture Sainte, dont il faisait ses delices, lui parut le seul baume qui put adoucir les amertumes du coeur d'Alexandre, et il ne hesita pas à lui en conseiller l'essai“. Vie de M-me Krüdener. T. I. стр. 326—327.

²⁾ Императрица была не мало удивлена неожиданнымъ вопросомъ государя. „Peu des jours apres, il entra chez l'imperatrice Elizabeth, et la surprit beaucoup en lui demandant si elle avait une bible a lui preter“. Eynard. Vie de M-me Krüdener. T. I, стр. 327.

плетенный томъ; но само собою понятно, что то не была славянская Библия, а французскій переводъ католической вульгаты. И Александръ погружается въ чтеніе этой книги, онъ проводитъ за нею всѣ свободныя отъ занятій часы, особенно ночью; онъ читаетъ и перечитываетъ ее вновь, но съ особенною любовью и вниманіемъ останавливается онъ на псалмахъ, пророкахъ и Евангеліи. И чѣмъ больше читаетъ онъ, тѣмъ сильнѣе и внутреннѣе влечетъ его къ себѣ божественное слово. Онъ чувствуетъ, что эта книга отрываетъ его отъ всѣхъ приковывающихъ къ ней интересовъ, что она уноситъ его въ какой-то новый, совершенно чуждый, невѣдомый ему доселѣ міръ ¹⁾. И какъ чистъ и возвышенъ этотъ міръ! Онъ чувствуетъ, что, погружаясь въ этотъ міръ, онъ превращается въ иного, болѣе чистаго, крѣпкаго, могучаго человѣка. Какія гигантскія силы развиваются въ немъ, какъ далеко бѣгутъ отъ него сомнѣнія и страхи, терзавшіе его до сихъ поръ! Чуть не на каждой страницѣ поражаютъ его слова, подходящія, какъ нельзя болѣе, къ его настоящему положенію, написанныя какъ-будто для него. Онъ читаетъ съ карандашомъ въ рукахъ, онъ отмѣчаетъ всѣ такія мѣста. Онъ перечитываетъ ихъ вновь, онъ заучиваетъ ихъ наизусть и ему кажется, что какой-то дружескій голосъ ободряетъ его, вливаетъ въ сердце его небывалое геройское мужество ²⁾. Слова божественной книги проникаютъ, подобно обоюдоострому мечу, въ сокровеннѣйшіе тайники его сердца. Тщетно поднимаются изъ глубины души прежнія сомнѣнія и софизмы, тщетно силится затмить они возсіявшій для него свѣтъ божественной

¹⁾ „Il se met à le lire, et bientôt il se sent transporté, ravi dans une autre sphere“. Eynard, Vie de M-me Krüdener, стр. 327. „Я пожиралъ Библию,—говорилъ самъ Александръ квакерамъ,—находя, что ея слова вливаютъ новый, прежде никогда не испытанный міръ въ мое сердце и удовлетворяютъ жаждѣ души моей. Господь, по благодати Своей, даровалъ мнѣ духомъ Своимъ разумѣть то, что я читалъ; этому-то внутреннему назиданію и озаренію обязанъ я всѣми духовными благами, пріобрѣтенными мною при чтеніи божественнаго слова“. Дневникъ Мобилье, стр. 19.

²⁾ Un crayon à la main, il soulignait tous les passages qui lui paraissaient convenir à sa situation, et les relisant ensuite, il croyait entendre une voix amie qui relevait son courage. Eynard. Vie de M-me Krüdener. T. I, стр. 327.

правды; одинъ за другимъ исчезаютъ они передъ побѣдоноснымъ движеніемъ истины ¹⁾).

Спокойное мужество, небесная радость наполняютъ душу Александра. Онъ спѣшитъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ людьми религіозными, и съ удивленіемъ узнаетъ онъ, что они черпаютъ въ эти тяжелые дни утѣшеніе и надежду изъ того-же божественнаго источника. Шишковъ погружается, подобно ему, въ чтеніе Библіи и онъ находитъ въ ней тексты, имѣющіе, повидимому, прямое отношеніе къ событіямъ настоящей борьбы. Онъ обращаетъ вниманіе государя на эти тексты, они читаютъ ихъ вмѣстѣ и обливаются слезами ²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, какое поразительное совпаденіе! Пророки и псалмопѣвцы говорятъ о событіяхъ, совершавшихся на ихъ глазахъ ³⁾.

Вотъ они описываютъ вторженіе Наполеона въ Россію:

„Кто есть той, иже яко рѣка восходитъ, и яко рѣки возмужатъ волны его? ⁴⁾ Сердце его аки камень; окрестъ зубовъ его страхъ, очи горятъ яко угліе ⁵⁾. Сей речетъ во умѣ своемъ: на небо възду; выше звѣздъ небесныхъ поставлю престоль мой, сяду на горахъ высокихъ, яже къ сѣверу, възду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему ⁶⁾. Азъ есмь царь ца-

¹⁾ „Elle pénétrait comme une épée à deux tranchans dans les plus profonds replis de son cœur. Tous les sophismes qui avaient obscurci sa belle intelligence cittaient en vain contre la verité qui s'y faisait jour et succombaient l'un après l'autre, dans ce combat desespéré“. Eynard. Vie de M-me Krüdener. T. I, стр. 327.

²⁾ „Я просилъ у государя позволенія прочитать ему сдѣланные выписки. Онъ согласился, и я прочиталъ ихъ съ жаромъ и со слезами. Онъ также прослезился, и мы оба довольно съ нимъ поплакали“. Записки Шишкова. Т. I, стр. 257.

³⁾ Шишковъ не опредѣляетъ съ хронологическою точностію, когда онъ сопоставлялъ тексты. Онъ говоритъ объ этомъ фактѣ въ своихъ запискахъ подъ 1813 годъ, но самъ относитъ его къ болѣе раннему времени. „Около того-же времени“, замѣчаетъ онъ, „т. е. нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я, занимаясь чтеніемъ священныхъ книгъ, находилъ въ нихъ разныя описанія и выраженія весьма сходныя съ нынѣшнею нашею войною. Я, не перемѣняя и не прибавляя къ нимъ ни слова, выписалъ и только сблизилъ ихъ одно съ другимъ, изъ чего вышло полное описаніе нашихъ военныхъ дѣйствій“. Записки Шишкова. Томъ I, стр. 252.

⁴⁾ Іеремія, глава 46.

⁵⁾ Іовъ, глава 41.

⁶⁾ Ісаія, гл. 14.

рей! и се азъ на тя Росъ ¹⁾ и приведу на тя языки многи, яко же восходитъ море волнами своими и обваляють стѣны градовъ твоихъ и разоряють столпы твои, и развѣю прахъ ихъ, и дамъ ихъ въ гладокъ камень.—Вниду съ конми и колесницами и собраніемъ многихъ языковъ зѣло.—Сыны и дщери твои на поли мечемъ избію, и приставлю на тя стражбу, и огражду тя и окопаю тя рвомъ, и сотворю окрестъ тебя острогъ, и обставлю оружіемъ, и копія своя прямо тебѣ поставлю.—Отъ множества всадниковъ моихъ покрыветъ тя прахъ ихъ, и отъ ржанія коней моихъ, и отъ колесъ колесницъ моихъ потрясутся стѣны твоя. Копытами коней моихъ поперу вся стогны твоя, люди твоя мечемъ изсѣку, и составъ крѣпости твоея на землю повергну, и плѣню силу твою, и возьму имѣнія твоя, и разсыплю стѣны твоя и дома твоя вожделѣнныя разорю, и древа твоя и каменіе твое, и персть твою среди моря ввержу, и упраздню множество мусикій твоихъ, и гласъ пѣвницъ твоихъ не услышится въ тебѣ. Отъ гласа паденія твоего, егда возстануть язвленія твои, потрясутся всѣ прочія земли и острова, и снидутъ со престоловъ своихъ вся князи, и языкъ морскій, и свергнутъ вѣнцы съ главъ своихъ, и ризы своя испещренныя совлекутъ съ себе, ужасомъ ужаснутся. На земли сядутъ и убоятся погибели своея, и возстанутъ о тебѣ, и пріимутъ о тебѣ плачь, глаголюще: како погиблъ и разсыпался еси граде хвалимый, иже былъ крѣпокъ на земли и на мори, ты и живущіе въ тебѣ, иже даялъ еси страхъ твой всѣмъ обитающимъ на земли? и убоятся вси отъ дне паденія твоего и грады возстенають на сунни и смятутся острова въ мори ²⁾. Тако глаголющъ, яко потокъ наводняющій потопляетъ землю и исполненіе ея, грады и живущіе въ нихъ: отъ шума устремленія его, отъ оружія ногъ его, отъ гремѣнія колесницъ и отъ колесъ его вострепета земля“ ³⁾.

¹⁾ Иезекіиль, гл. 26. Въ подлинникѣ Соръ; переставку буквъ позволилъ себѣ Шишковъ.

²⁾ Иезекіиль, глава 26.

³⁾ Иеремія, глава 47.

А вотъ и страшная участь, обрушившаяся на Москву:

„Горе тебѣ Іерусалиме! како единъ сѣдиши, градъ умноженный людьми? бысть яко вдовица во языцѣхъ; владѣй странами бысть подъ властью?—Путіе твои рыдаютъ, яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ. Вся врата твоя разорена, жрецы твоя воздыхаютъ, дѣвицы ведами, и самъ огорчаемъ въ себѣ. Отъяся отъ тебе вся лѣпота твоя. Простре врагъ руку свою, ступай на вся вождѣнная твоя.—Вся красная твоя разори яростію своею; твердыни сверже на землю и оскверни храмы; возже огонь и пояде основанія твоя.—Видѣхъ бо языки, вшедшіе во святыню твою, имъ же не подобало бы входить въ церковь твою. Глазъ даша въ дому Господни, яко въ день праздника.—Матеремъ рекоша: гдѣ пшеница и вино! Внегда разслабленнымъ быти имъ, яко язвеннымъ на стогнахъ градскихъ! егда изливахуся въ лоно ихъ души младенцевъ ихъ! Кто тя спасетъ, Іерусалиме? кто тя утѣшитъ? яко возвеличися чаша сокрушенія твоего, кто тя изцѣлитъ? восплеснуша руками о тебѣ, вси минующіе путемъ, позвидаша и покиваша главою своею, рекуще: сей-ли градъ вѣнецъ славы, веселіе всей земли? не вѣроваша царіе земстїи и вси живущіе во вселенной, яко внидетъ врагъ сквозѣ врата твоя“ ¹⁾).

И сокрушенный силою бѣдствій, царь народа вѣрнаго не падаетъ духомъ, всѣ надежды свои возлагаетъ онъ на помощь Всевышняго, и изъ глубины бѣдъ своихъ возопіетъ онъ къ престолу Предвѣчнаго.

„Виждь Господи, яко скорблю! утроба моя смятеся во мнѣ, и превратися сердце мое, яко горести исполнися: отъвѣ обезчadi мене мечъ, яко смерть въ дому ²⁾).—Прииде врагъ издалече, прииде во тьмахъ силы своея, ихъ же множество, загради источники, и конница ихъ покры холмы, рече пожещи предѣлы моя, и юноши моя убити мечемъ и ссущія моя положить въ помость, и младенца моя дати въ расхищеніе, и дѣвы мои плѣнити. Господи Вседержителю,

¹⁾ Плачъ Іеремїи.

²⁾ Плачъ Іеремїи.

пошли еси духа твоего, и нѣсть, иже противостанетъ гласу твоему: горы бо отъ основаній съ водами подвигнутся, каменіе же отъ лица твоего яко воскъ растаетъ ¹⁾.—Святъ храмъ твой. Дивенъ въ правдѣ, услыши мя Боже, Спаситель нашъ! препоясанъ силою, смущая глубину морскую, шуму волнъ твоихъ кто постоитъ? Смятутся языцы и убоятся живущіе въ концахъ земли отъ знаменій твоихъ ²⁾.—Надъ боящимися тебе ты умилостивишися.—Да почіетъ на мнѣ и на воинствѣ и на всемъ народѣ моемъ духъ твой, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія ³⁾.—Живъ Господь и благословенъ Богъ, покориый люди подъ мя, той избавитъ мя отъ врагъ моихъ гнѣвливыхъ, отъ мужа неправедна, спасетъ и вознесетъ мя.—Богъ мой—помощникъ мой и уповаю на него“ ⁴⁾.

И всемогущій услышалъ царя вѣрныхъ своихъ и гласъ свыше общаетъ ему защиту и спасеніе: „Гряди во имя мое, говоритъ Всевышній. Азъ избавлю тя отъ сѣти ловчи и отъ словеси мятежна“. И торжественныя слова псалма 90 вливаютъ силу и мужество въ душу царя.

Вдохновенный свыше, онъ призываетъ къ оружію весь народъ свой: „Возьмите, чада моя, оружіе и щиты, возсядите на кони и устройте колесницы, и наляцающе лукъ, изыдите на брань. Соберитесь, возглаголите, возгласите трубою: да услышится гласъ вашъ. Да воздвигнется левъ отъ ложа своего, *и да изыдетъ съ сѣвера страхъ и трепетъ и сотрѣніе велико*. Возстанемъ за истребленіе людей нашихъ, и ополчимся за чадъ нашихъ и за святыню.—Пожену враги моя, и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются. Да не грядутъ отсель во множество укорины и беззаконія своего. Сей есть иже воцарися и состави брани многи, и одержи твердыни многи, и сверже цари земстїи, и пройде даже до краевъ земли и взя корысти многихъ языковъ, и умолче земля

¹⁾ Іудеевъ, гл. 16.

²⁾ Псаломъ 64.

³⁾ Исаїа, глава 11.

⁴⁾ Исаїа, глава 17.

передъ нимъ, и возвысися и вознесся сердце его. И собралъ силу крѣпку зѣло, и возначальствова надъ странами, и покорилася ему вси князи и владыки. Но да не убоится сердце ваше того: не во множествѣ воевъ одолѣніе есть, токмо отъ небесе крѣпость. Сіи грядутъ во злобѣ и нечестіи; мы же ополчаемся за души наша и законы наша. День сей Господа Бога Вседержителя, день отмщенія врагамъ, и пожретъ я мечъ Господень и насытится и упоится кровію ихъ, яко жертва Господу Вседержителю въ земли полунощной ¹⁾. Крѣпокъ и силенъ поборай по васъ: земля потрясется отъ основаній своихъ въ день, въ онъ же придетъ ярость его. И будутъ оставшія яко серна бѣжащая, и яко овца заблудшая, и не будетъ собирай. Вы же паче орловъ легче явитесь, и паче львовъ крѣпцы: зане ярость Господня на вся языки, и гнѣвъ на число ихъ, еже погубити ихъ и предати на закланіе, да въздетъ отъ нихъ смрадъ и намокнутъ горы кровію ихъ. Приступите языци и услышите князи: да слышитъ земля и живущіе на ней: всяка плоть сѣно, и всяка слава челоуѣка яко цвѣтъ травный; изше трава и цвѣтъ отпаде, глаголь же Бога нашего пребываетъ во вѣки“ ²⁾.

О какъ дивно сбылись до сихъ поръ всѣ эти слова божественнаго писанія! И тверда вѣра царя, что сбудутся и другія слова божественнаго писанія. Падетъ гордыня всесвѣтнаго завоевателя, рушится онъ подобно кипарису, подобно гордому кедру ливанскому, пораженному молніею небесною. И возликуетъ народъ вѣрныхъ, и возстанетъ изъ пепла въ новой красѣ поруганная святыня Іерусалима.

Сила вѣры преобразила Александра. Вмѣстѣ съ пробужденіемъ вѣры въ душѣ его окончилась самая тяжкая для него борьба,—борьба съ сомнѣніями, со страхомъ челоуѣческимъ, съ неувѣренностью въ собственной силѣ и въ силѣ своего народа. Отнынѣ это герой, и герой, движимый не корыстными, не мірскими побужденіями, а призваніемъ, вдохнов-

¹⁾ Всѣ эти мѣста, по истинѣ пророческія и волюнѣ приложимыя къ событіямъ 1812 г., взяты изъ книгъ Маккавейскихъ.

²⁾ Исаія, глава 40.

ляющимъ его выше. Онъ поборникъ божественной воли Провидѣнія, онъ земной представитель свѣтлыхъ небесныхъ силъ въ ихъ борьбѣ съ силами ада, съ демонами невѣрія, зла, разрушенія, растлѣнія, рабства. Онъ долженъ побороть эти темныя, адскія силы, онъ долженъ возвратить миръ и свободу погрязшему человѣчеству, онъ долженъ возстановить чистоту святыни, онъ долженъ показать всему міру, что живъ и всесилень Господь въ вѣрующихъ въ него и уповающихъ на его заступничество ¹⁾).

Союзники относятся къ нему съ недовѣріемъ. Они считаютъ его прежнимъ слабымъ, колеблющимся человѣкомъ. Великобританскіе министры боятся вступить съ нимъ въ полное, окончательное соглашеніе. Они полагаютъ, что онъ способенъ вернуться къ Тильзитской системѣ и не рѣшаются поддержать Россію своими субсидіями, своими запасами оружія. Онъ докажетъ имъ противное! Они должны убѣдиться, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ твердымъ, не отступающимъ ни передъ какими, даже самыми отчаянными средствами. Онъ приглашаетъ къ себѣ великобританскаго посла, лорда Каткарта, и въ тайнѣ сообщаетъ ему слѣдующее: онъ намѣренъ предпринять шагъ, крайне тяжелый для него, но онъ считаетъ его неизбѣжнымъ. Онъ не можетъ считать Кронштадтъ удобною зимнею стоянкою для своего флота, такъ какъ непріятель можетъ завладѣть Петербургомъ. Шагъ, на который рѣшается онъ, въ виду этой возможности, долженъ служить новымъ доказательствомъ его твердаго намѣренія продолжать борьбу въ полной увѣренности конечной побѣды, даже въ томъ случаѣ, если-бы непріятель завладѣлъ обѣими его столицами. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ шагъ долженъ показать его полное довѣріе къ британскому правительству. Онъ рѣшилъ съ этого момента передать весь свой флотъ въ распоряженіе британскаго посла; его морской ми-

¹⁾ Эйнаръ говоритъ: „Le Dieu abstrait disparut pour faire place au Dieu de la revelation, et sa presence, s'étant manifestée, Alexandre revêtit cette dignité, cette attitude sérieuse, cette résignation accompagnée de fermeté, dont tous ses actes portèrent désormais l'empreinte“. Т. II, стр. 328.

нистръ получилъ приказаніе приготовить все, согласно указаніямъ лорда Каткарта, къ немедленному-же отплытію флота въ Англію. Флотъ долженъ быть отправленъ туда вполне снаряженный и снабженный экипажами, и, въ случаѣ необходимости дѣйствія противъ общаго врага, предоставленъ въ полное распоряженіе принца-регента. Относительно всѣхъ подробностей при выполненіи этого дѣла, императоръ полагается безусловно на честность британскаго правительства ¹⁾.

Одновременно съ этимъ заявленіемъ, небывалымъ въ исторіи, императоръ отправилъ въ Лондонъ князя Ливена. Онъ приказалъ ему объявить отъ его имени принцу-регенту, что онъ твердо намѣренъ не заключать мира до тѣхъ поръ, пока непріятель не будетъ изгнанъ изъ предѣловъ Россіи, что онъ не поколеблется въ этой своей рѣшимости, даже въ томъ случаѣ, если-бы ему пришлось отступить за Казань ²⁾.

Не трудно понять, какой успѣхъ должны были имѣть при такомъ настроеніи императора Александра всѣ попытки Наполеона вступить съ нимъ въ мирные переговоры. Эти попытки должны были указать лишь на одно: на печальное положеніе непріятельской арміи, не смотря на всѣ ея побѣды. Александръ вѣрно оцѣнилъ это ихъ единственное значеніе. Онъ не отвѣтилъ ни однимъ словомъ ни на письмо Тутотмина, ни на собственноручное посланіе Наполеона, доставленное Яковлевымъ. Императоръ не хотѣлъ даже видѣть Яковлева, чтобы не подать повода къ слухамъ о какихъ-бы то ни было сношеніяхъ съ Наполеономъ. Государь приказалъ только показать письмо Наполеона шведскому послу, графу Левенгелъму, замѣтивъ при этомъ, что въ письмѣ не было ничего, кромѣ самохвальства ³⁾.

Извѣстія о поѣздкѣ Лористона въ нашъ лагерь, о его свиданіи съ княземъ Кутузовымъ, о фактическомъ перемиріи, установившемся подъ Тарутинскимъ лагеремъ и о свиданіи

¹⁾ Перцъ. Stein's Leben. Т. III, стр. 159. 160.

²⁾ Перцъ. Stein's Leben. Т. III, стр. 160.

³⁾ Это выраженіе употреблено было государемъ и въ письмѣ его къ Бернадоту.

генерала Бенингсена съ королемъ неаполитанскимъ, крайне раздражили императора Александра. Въ данномъ случаѣ онъ вовсе не нуждался въ комментаріяхъ и заподозриваніяхъ генерала Вильсона. Уже одна мысль о переговорахъ съ непріятелемъ приводила его въ негодованіе. Подъ вліяніемъ этого чувства императоръ писалъ князю Кутузову:

„Князь Михаилъ Илларионовичъ! Изъ донесенія вашего, съ княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстился я о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генераломъ Лористономъ. При самомъ отправленіи вашимъ къ вѣрннымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ объясненій моихъ съ вами, извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ.

Нынѣ-же, послѣ сего происшествія, долженъ съ тою-же рѣшимостью повторить вамъ, дабы сіе принятое мною правило было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами соблюдаемо. Равнымъ образомъ, съ крайнимъ неудовольствіемъ узнавъ, что генералъ Бенингсенъ имѣлъ свиданіе съ королемъ неаполитанскимъ, и еще безъ всякой побудительной къ тому причины. Поставляя ему на видъ сей несовмѣстный поступокъ, требую отъ васъ дѣятельнаго и строгаго надзора, дабы и прочіе генералы не имѣли никакихъ свиданій, а кольми паче подобныхъ переговоровъ съ непріятелемъ, стараясь всемѣрно оныхъ избѣгать. Всѣ свѣдѣнія, отъ меня къ вамъ доходящія, и всѣ предначертанія мои, въ указахъ на ваше имя изъясняемыя и, однимъ словомъ, все убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество“ ¹⁾.

Послѣднее слово въ великой борьбѣ было произнесено. Начало конца было уже близко. Уже гонецъ съ извѣстіемъ о пораженіи Мюрата при Тарутипѣ былъ на пути въ Петербургъ.

¹⁾ См. Богдановичъ. „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 394 - 395.

ГЛАВА V.

Исповѣдь Александра.—Пожаръ Москвы и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ.— Смотръ въ Кремль и гулъ палбы подъ Тарутинѣмъ.—„Ва! Русскіе не атакуютъ насъ!“ — Сраженіе при Тарутинѣ. — Неудавшійся планъ и досада нашихъ стратеговъ.—Гнѣвъ Кутузова и маскарадная фигура.—Доносы Бенningсена.—Послѣдствія Тарутинскаго боя.—Наполеонъ рѣшается оставить Москву.—„Пойдемъ на Калугу!“—Выступленіе французовъ изъ Москвы.—Безпримѣрныя картины.—Наполеонъ не въ силахъ совладать съ безпорядкомъ.—Война возмездія.—Маршалъ Мортъе работаетъ въ Кремль.—25-й бюлетень.—Винцингероде попадаетъ въ ловушку.—Страшный моментъ... — Штейнъ даетъ урокъ русской императрицѣ.—Тяжелыя предчувствія въ рядахъ великой арміи.—Сложныя стратегическія комбинаціи Наполеона.—Онъ надѣется обойти Кутузова.—Россія спасена.—Дельзонъ занимаетъ Малоярославецъ.—Наполеонъ прислушивается къ грому битвы.—Положеніе Малоярославца.—Ошибки французовъ и русскихъ.—Ожесточенный бой въ улицахъ города.—Наполеонъ постигаетъ поле сраженія.—Рекогносцировка Бессьера.—Наполеонъ погружается въ раздумье надъ картою Россіи.—Еще разъ военный совѣтъ.—Наполеонъ чуть-чуть не попадаетъ въ руки казаковъ—Мюратъ и Даву.—Тяжелая борьба и роковое рѣшеніе.—Взглядъ Кутузова на положеніе дѣлъ.—Онъ рѣшается отойти къ Калугѣ.—Объясненіе съ Вильсономъ.

„Какое прекрасное и великое дѣло быть истинно религіознымъ человѣкомъ, а не казаться только имъ, и какъ рѣдко встрѣтишь такого человѣка!“ говорилъ императоръ Александръ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ потрясающихъ событій отечественной войны, одному изъ лучшихъ представителей христіанства на Западѣ ¹⁾. „Всякій человѣкъ, безъ исключенія, есть

¹⁾ Это было 20 сентября 1818 года. За день передъ тѣмъ императоръ Александръ присутствовалъ на освященіи національнаго памятника (въ память событій 1813, 14 и 15 гг.) на Тепловской горѣ близъ Берлина. Епископъ Эйлертъ произнесъ рѣчь, произведшую очень сильное впечатлѣніе на императора. Государь пожелалъ имѣть рѣчь для перевода ся на русскій языкъ и раздачи солдатамъ, и выразилъ желаніе, чтобы епископъ лично принесъ ему ея списокъ.

вервонаначально эгонистъ; онъ ищетъ лишь самого себя, онъ преслѣдуетъ лишь свои сокрытыя цѣли до тѣхъ поръ, пока не пересоздастъ, не возродитъ его христіанство. Хуже-же всего то, что онъ старается скрыть это отъ другихъ и отъ самого себя, что онъ старается убѣдить самого себя, что онъ служить общему благу; тогда какъ дѣйствительными двигателями его дѣйствій являются или тщеславіе, или честолюбіе, или жадность, или иныя, глубоко сокрытыя въ сердцѣ, побужденія. Никакая человѣческая мудрость не въ состояніи искоренить этого эгоизма. Напротивъ, она усиливаетъ его еще болѣе, дѣлая человѣка гордымъ и оставляя сердце въ той-же степени пустымъ и неисправимымъ, въ какой обогощаетъ она его разумъ знаніями и ошибочными заключеніями. Человѣкъ обманываетъ себя и другихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не подвергнетъ себя тяжелой операціи внутренняго очищенія. Только въ самомъ себѣ можно узнать навѣрное другихъ". — „Лишь съ того времени, какъ христіанство сдѣлалось для меня выше всего и вѣра въ Спасителя обнаружилась во мнѣ во всей своей силѣ,—лишь съ того времени,—о какъ благодаренъ я Богу,—душа моя обрѣла миръ". „Императоръ, говоритъ нашъ свидѣтель, произнесъ эти слова, положи свою руку на сердце, съ глубокимъ и теплымъ чувствомъ. Я видѣлъ и слышалъ, что въ государѣ говорило истинное и глубокое чувство вѣры.—Богъ высоко поставилъ, сказалъ я, Ваше Императорское Величество, но эта исповѣдь вашихъ устъ, это убѣжденіе вашей души, дарованныя вамъ свыше, выше всякаго земнаго могущества, величія и славы. Ваше земное величіе покоится на основаніи небесномъ". Императоръ молчалъ и опустилъ глаза; затѣмъ онъ взглянулъ на меня серьезно, но кротко, положилъ руку на мое плечо и, глубоко вздохнувъ, продолжалъ: „О, и я не сразу достигъ до великой цѣли! Мой путь

Ейлертъ снѣшилъ исполнить желаніе русскаго императора. Александръ принялъ его милостиво и долго разговаривалъ съ нимъ. Само собою понятно, что весь разговоръ носилъ на себѣ религіозный характеръ. Мы будемъ впоследствии имѣть случай возвратиться къ этой чрезвычайно важной для нашего вопроса бесѣдѣ. См. Eylert, Charakterzüge aus dem Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III. Т. II, стр. 272—282.

къ возрожденію, вѣрьте мнѣ, шелъ черезъ многія сомнѣнія и тяжелую борьбу. Императрица Екатерина была умная, великая женщина; ея память будетъ жить въ русской исторіи; но дѣло религіознаго воспитанія поставлено было при Петербургскомъ дворѣ такъ-же плохо, какъ и вездѣ: много словъ, но мало духа, много внѣшнихъ формъ, но святая сущность христіанства оставалась для насъ сокрытою. Я чувствовалъ пустоту души, и какое-то неопредѣленное предчувствіе носилось предо мною. Я жилъ и развлекался“. „Но, продолжалъ императоръ возвышеннымъ голосомъ и съ истинно восточнымъ одушевленіемъ ¹⁾, пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, а судъ Господень на ледяныхъ поляхъ исполнилъ мое сердце теплою, невѣданною до сихъ поръ вѣрою. Я позналъ тогда Бога, открытаго намъ въ Священномъ Писаніи, я сталъ понимать Его волю и Его законъ. Во мнѣ родилось твердое и сознательное рѣшеніе посвятить самого себя и свое правленіе прославленію Его имени. Съ той поры я сдѣлался инымъ человѣкомъ. Спасеніе Европы отъ гибели было вмѣстѣ съ тѣмъ и моимъ спасеніемъ, и моимъ освобожденіемъ“ ²⁾.

Въ этихъ словахъ императора Александра заключается указаніе на два основные момента его религіозно-правственного возрожденія. Александръ былъ во всю первую половину правленія, по его собственнымъ словамъ, такой-же эгоистъ, какъ и большинство его высокообразованныхъ современниковъ. Честолюбіе и славолубіе были главнѣйшими пружинами его дѣйствій; стремясь къ осуществленію несбыточныхъ идеаловъ современныхъ философовъ, онъ гонялся прежде всего за славой, заботился болѣе всего объ увѣковѣченіи своего имени.

¹⁾ Aber, sprach er mit wahrhaft orientalischen Begeisterung und mit erhobener Stimme etc. Eylert. Т. II, стр. 278.

²⁾ Въ этой-же бесѣдѣ Александръ такъ выразился о событіяхъ войны за свободу Европы: „Все это совершилъ Богъ! Но таковы уже люди! они начинаютъ уже забывать это, начинаютъ спорить, какая армія сдѣлала болѣе другихъ. Все это дѣло злого эгоизма, забывающаго, что всѣмъ добрымъ мы обязаны одному Богу. При всякомъ случаѣ, въ частной бесѣдѣ и публично я громко заявлю, что все это великое мировое событіе есть дѣло милосердія и помощи Божіей. Это-же убѣжденіе, говоря вообще, присуще и всему моему народу“. См. Eylert, Charaktererzürge. Т. II, стр. 276.

Пожаръ Москвы впервые показалъ ему тщету всѣхъ чело-
вѣческихъ стремленій и силъ. Онъ не могъ найти опоры и
утѣшенія въ своихъ убѣжденіяхъ, и свѣтъ божественнаго от-
кровенія впервые освѣтилъ его душу. Но возрожденіе его
подъ впечатлѣніемъ такого потрясающаго событія, какимъ
былъ пожаръ Москвы, не было еще полное. Испытанія под-
готовили только почву для принятія истины; у Александра
были пока одни надежды и упованія; онъ пересталъ ждать
помощи человѣческой и ждалъ помощи свыше. И вотъ на-
ступилъ второй великій моментъ. Богъ силъ явился передъ
нимъ въ своемъ страшномъ величіи. Онъ произнесъ свой судъ
надъ непобѣдимымъ завоевателемъ и его несмѣтными пол-
чицами. Онъ дунулъ и они исчезли съ лица земли. Небыва-
лая, страшная катастрофа была въ полномъ смыслѣ слова
дѣломъ Божиимъ, а не дѣломъ рукъ человѣческихъ. Чтобы
убѣдиться въ этомъ, чтобы понять, почему гибель великой
арміи представилась Александру именно судомъ Божиимъ,
необходимо обратиться еще разъ къ военнымъ событіямъ 1812
года. Мы увидимъ, что и въ этихъ событіяхъ, какъ было до-
селѣ, соображенія и планы человѣческіе имѣли наименьшее,
а обстоятельства непредвидѣнныя, возникшія сами собою,—
наибольшее значеніе. Последнія сомнѣнія должны были ис-
чезнуть съ той минуты, когда невидимый Владыка міра такъ
ясно открылся въ событіяхъ предъ потрясенною душою им-
ператора и такъ неожиданно и такъ быстро исполнилъ упо-
ванія, возложенныя на Него въ минуты великой скорби и
несчастія, подавившаго силы слабого смертнаго.

Бываютъ моменты въ жизни человѣка, когда мечты и пла-
ны, которыми онъ успокаиваетъ себя въ опасностяхъ, вдругъ
исчезаютъ,—когда истина является предъ нимъ внезапно во
всей своей наготѣ и когда онъ, волею или неволею, убѣж-
дается въ крайней безвыходности своего положенія. Такая
минута наступила впервые и въ жизни великаго завоевателя,
вечеромъ 6-го октября 1812 г. Въ этотъ день императоръ дѣ-
лалъ по обыкновенію смотръ своей гвардіи въ Кремль ¹⁾.

¹⁾ „Смотръ“, говоритъ очевидецъ, „былъ настолько удаченъ, насколько поз-“

Уже съ ранняго утра со стороны Калуги слышался гулъ пушечныхъ выстрѣловъ. По городу начали ходить самые тревожные слухи ¹⁾. Рассказывали, что Кутузовъ внезапно атаковалъ всѣми своими силами Мюрата, что французы, захваченные врасплохъ, были вытѣснены изъ своихъ позицій, что они потеряли почти весь свой багажъ и даже часть артиллеріи. Вскорѣ прискакалъ курьеръ отъ Мюрата, и хотя изъ его донесенія оказывалось, что въ концѣ концовъ нападеніе русскихъ было отражено побѣдоносно, но эта новая побѣда французовъ какъ-то странно не гармонировала съ потерей значительнаго количества плѣнныхъ и 38 орудій ²⁾.

Тотчасъ-же по полученіи роковой вѣсти, императоръ прекратилъ смотръ ³⁾ и отдалъ приказъ всей арміи немедленно выступать изъ Москвы. Тарутинскій бой или, какъ называли его французы, нападеніе при Винковѣ, крайне встревожилъ Наполеона. Подобное происшествіе казалось ему невозможнымъ, немыслимымъ до самой послѣдней минуты. Правда, Наполеонъ лучше кого-либо другого сознавалъ всю опасность своего положенія, но упорная надежда на скорый миръ, — надежда, основанная на глубокомъ знаніи характера императора Александра, и неискоренимое убѣжденіе въ неизмѣримомъ превосходствѣ своей арміи надъ непріятельскими вой-

воляли обстоятельства. Полковники соперничали въ стремленіи представить каждый свой полкъ въ наилучшемъ видѣ. (Смотря на полки, трудно было повѣрить, что солдаты перенесли и переносятъ еще такъ много". Le duc Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 271.

¹⁾ Сегюръ утверждаетъ, что приближенные долго не рѣшались докладывать Наполеону объ этомъ происшествіи. Любопытны мотивы; они характерны для тогдашняго настроенія великой арміи: „les uns, par incredulite ou incertitude, et redoutant un premier mouvement d'un patience; quelques autres, par mollesse, pesitant à provoquer un signal terrible, ou par crainte d'etre envoyes pour verifier cette assertion et de s'exposer à une course fatigant". Итакъ духъ рабобѣинства и страха господствовалъ въ это время окончательно въ великой арміи. См. Сегюръ, Histoire de Napoleon et de la grand armée. Т. II, стр. 106.

²⁾ Курьеръ Мюрата доносилъ, впрочемъ, лишь о потерѣ 12 орудій. См. Сегюръ. Т. II, стр. 107.

³⁾ Сегюръ говоритъ, что императоръ пзмѣнился въ лицѣ, но тотчасъ-же овладѣлъ собою и продолжалъ смотръ; но Шамбре, свидѣтель болѣе правдивый, говоритъ прямо: „въ тотъ-же моментъ смотръ прекратился и императоръ отдалъ приказъ выступать". См. Шамбре, Expedition de Russie. Т. II, стр. 212.

сками ¹⁾, удерживали его въ Москвѣ и заставляли пренебрегать всѣми просьбами и предостереженіями своихъ генераловъ.

Мюратъ уже за нѣсколько дней до Тарутинскаго сраженія предупреждалъ императора объ опасности своего положенія. И въ самомъ дѣлѣ, неаполитанскій король былъ удаленъ на цѣлыхъ три перехода отъ главныхъ французскихъ силъ; онъ занималъ крайне неудобную и подвергавшуюся опасности обхода позицію въ виду сильнаго непріятели, расположеннаго въ превосходно укрѣпленной позиціи; во всемъ его отрядѣ насчитывалось не болѣе 20,000 человекъ; его кавалерія потеряла большую часть лошадей и сдѣлалась совершенно негодною даже для фуражировокъ. Какъ-же отнесся Наполеонъ къ жалобамъ и представленіямъ своего зятя?

„Итакъ, Мюратъ въ самомъ дѣлѣ жалуется?“ спросилъ онъ въ полушутливомъ, въ полудосадливомъ тонѣ генерала Розетти, прибывшаго отъ Мюрата съ депешами въ Москву ²⁾.

„Да, Ваше Величество, отвѣчалъ Розетти, король находится въ очень критическомъ положеніи“.

„Ба! перебилъ его Наполеонъ, съ легкою кавалеріею можно жить вездѣ; вся страна вокругъ короля не опустошена“.

Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ началъ разсматривать на картѣ позицію, занимаемую Мюратомъ.

„Что за идея“, воскликнулъ онъ вдругъ съ досадою, „прятаться во рву! на—Нарѣ, вотъ гдѣ долженъ-бы былъ стать Мюратъ!“

„Онъ и хотѣлъ такъ сдѣлать, возразилъ Розетти, но непріятель, численное превосходство котораго извѣстно Вашему Величеству, помѣшалъ ему въ этомъ“.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи очень важно свидѣтельство Фезензака: „Je suis persuadé que la belle tenue de notre armée au milieu des plus grandes misères a contribué à l'obstination de l'empereur, en lui persuadant qu'avec de pareils hommes rien n'était impossible“. Fezensac, Souvenirs militaire, p. 272. Итакъ, самая выносливость его солдатъ усиливала упорство Наполеона, задерживала его въ Москвѣ и тѣмъ самымъ способствовала гибели великой арміи.

²⁾ Розетти прибылъ въ Кремль 1 октября въ восемь часовъ утра, а въ 10 ч. былъ введенъ въ кабинетъ императора. Памбре, Histoire de expedition de Russie. T. II, стр. 205. Тамъ-же весь разговоръ императора съ Розетти, стр. 205—206.

Вслѣдъ затѣмъ Розетти началъ подробно описывать императору печальное положеніе войскъ Мюрата. Наполеонъ слушалъ его, повидимому, внимательно, но, то и дѣло, перебывалъ такими словами: „Ба! Русскіе не атакуютъ насъ, они нуждаются въ покоѣ болѣе васъ; моя армія въ лучшемъ состояніи, нежели когда-либо, нѣсколько дней отдыха поправили ее какъ нельзя лучше“ ¹⁾.

„Скажите королю“ объявилъ въ заключеніе Наполеонъ, „что завтра я посылаю ему конвой съ припасами; скажите ему, чтобы онъ во что бы то ни стало удерживалъ свою позицію, что непріятель не атакуетъ его, но что, въ случаѣ нападенія, онъ долженъ укрѣпиться въ дефиляхъ близъ Воронова“.

Прошло шесть дней послѣ этого страннаго разговора, и то, что казалось Наполеону невозможнымъ, случилось въ дѣйствительности. Русскіе атаквали Мюрата. Правда, эта атака далеко не соотвѣтствовала ожиданіямъ. Диспозиція, составленная полковникомъ Толемъ, не была исполнена ни въ одной своей части. Войска выступили съ позицій слишкомъ поздно; и намѣреніе захватить непріятеля врасплохъ рѣшительно не удалось. Беннингсенъ, руководившій сраженіемъ, такъ потерялся въ рѣшительную минуту, что, ожидая воображаемаго наступленія непріятеля, собралъ на совершенно открытой мѣстности около пятидесяти баталіоновъ и удерживалъ ихъ тутъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ противника ²⁾. Все наше лѣвое крыло, находившееся подъ начальствомъ самого Кутузова, вовсе не принимало участія въ сраженіи. Только одно нападеніе нашихъ казаковъ подъ начальствомъ Орлова-Денисова на крайнее лѣвое крыло и въ тылъ непріятеля увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Кавалерія генерала Себастіани, захваченная здѣсь врасплохъ, бѣжала въ страшномъ безпорядкѣ. Громадное

¹⁾ „Bah! ils ne vous attaqueront pas; ils ont plus besoin de repos que vous: mou armée est plus belle que jamais; quelques jours de repos lui ont fait le plu grand bien“. Шанбре, стр. 206.

²⁾ См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 232.

количество багажа, 38 орудій и около 1500 плѣнныхъ достались въ руки нашимъ войскамъ. Но этотъ частный успѣхъ далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, онъ даже помѣшалъ успѣху главной атаки. Нападеніе Орлова-Денисова воспослѣдовало слишкомъ рано, въ то время когда остальные наши войска не успѣли еще достигнуть мѣстъ, назначенныхъ имъ по диспозиціи. Непріятель, во-время предувѣдомленный о грозившей ему опасности, успѣлъ собраться съ силами, отбилъ наши безпорядочныя и безсвязныя атаки и отошелъ въ порядкѣ къ позиціи близъ Воронова. Потери французовъ убитыми и ранеными не были велики и во всякомъ случаѣ не превосходили потери русскихъ. Въ числѣ убитыхъ съ нашей стороны былъ генераль Багговутъ, одинъ изъ неустрашимѣйшихъ и популярнѣйшихъ вождей нашей арміи ¹⁾.

Досада и негодованіе кипѣли въ средѣ нашихъ генераловъ и штабныхъ офицеровъ. Толь, человѣкъ сдержанный и хладнокровный, горько жаловался на печальные результаты дѣла, задуманнаго столь искусно и начатаго при столь удобныхъ обстоятельствахъ. Пылкій Коновницынъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Онъ называлъ Тарутинское сраженіе настоящимъ позоромъ для русскаго оружія ²⁾. „Какъ, говорилъ онъ, мы должны были уничтожить весь корпусъ Мюрата! И что же? Непріятель ускользнулъ отъ насъ съ ничтожными потерями“. Какъ водится въ такихъ случаяхъ, всѣ старались взвалить вину другъ на друга, всѣ ревностно разыскивали виновника неудачи и щедро разбрасывали вокругъ себя обвиненія. Всеобщее негодованіе обратилось на Ермолова. Разсказывали, что „наканунѣ назначеннаго нападенія онъ отправился на роскошный обѣдъ, устроенный генераломъ Кикинымъ въ какой-то помѣщичьей усадьбѣ, находившейся въ трехъ съ половиною верстахъ отъ крайняго лѣваго фланга нашей

¹⁾ См. отзывъ о немъ у Бернгарди: Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II: das war ein Mann von seltenem Werth и т. д.

²⁾ Konownizyn, auf das äusserste entrüstet, erklärte ganz laut und unverholen, dies Gefecht sei schmachvoll für die russischen Waffen. Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 228.

арміи. Тщетно разыскивали по всему лагерю адъютанты Коновницына нашего начальника штаба. Только поздно вечеромъ открыто было, наконецъ, мѣсто пребыванія Ермолова и Кикина¹⁾. Диспозиція была вручена по принадлежности, но было уже такъ поздно, что она могла быть роздана по войскамъ только на другой день. Обвиненіе противъ Ермолова не лишено было основанія. Самъ Кутузовъ имѣлъ на другой день случай убѣдиться во-очію въ небрежности начальника штаба первой арміи. Вполнѣ увѣренный, что все готово къ началу атаки, престарѣлый главнокомандующій отправился утромъ изъ Леташевки въ лагерь, ожидая застать войска въ полной готовности и подъ ружьемъ въ заранѣе назначенныхъ пунктахъ. Каково-же было его удивленіе, его негодованіе, когда онъ увидѣлъ, что въ лагерѣ царятъ полнѣйшая тишина и спокойствіе, что ни одна лошадь не осѣдлана, ни одно орудіе не запряжено, что люди заняты обычными лагерными работами, и что нигдѣ не видно ни одного изъ генераловъ, предназначенныхъ вести въ бой войска. Гнѣвъ старого фельдмаршала обрушился на перваго офицера генеральнаго штаба, попавшагося ему подъ руку, подполковника фонъ-Ейхена²⁾. Хотя фонъ-Ейхенъ былъ рѣшительно неповиненъ въ случившемся, но Кутузовъ, не слушая оправданій растерявшагося офицера, осыпалъ его самыми рѣзкими укоризнами. Во время этой сцены къ фельдмаршалу приблизилась странная фигура: какой-то человѣкъ, закутанный въ солдатскую шинель, въ солдатской фуражкѣ, верхомъ на толстой маленькой лошадакѣ. При видѣ этой маскарадной фигуры, фельдмаршалъ вышелъ

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ свидѣлствуютъ Беригарди (т. II, стр. 216), Щербининъ въ своихъ запискахъ и кн. А. Б. Голицынъ. Кикинъ былъ эlegantный балетристъ и умѣлъ устраивать изысканные обѣды. Голицынъ утверждаетъ, что Ермоловъ былъ найденъ въ селѣ Спасскомъ у генерала Шепелева. См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“, т. II, стр. 649. Ермоловъ въ своихъ запискахъ совершенно умалчиваетъ объ этомъ обстоятельстве, но говоритъ подробно объ интригахъ Коновницына и Толя и утверждаетъ, что они съ намѣреніемъ сѣяли вражду между Беннигсеномъ и Кутузовымъ съ цѣлью пріобрѣсти безграничное вліяніе на этого послѣдняго. См. записки Ермолова. Т. I, стр. 222—223.

²⁾ Записки Щербинина; Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 217.

изъ себя. „Это что за каналья?“ воскликнулъ онъ съ досадою. — „Капитанъ генеральнаго штаба, Брозинъ, оберъ-квартирмейстеръ перваго кавалерійскаго корпуса“, отвѣчала фигура, видимо сконфуженная. Кутузовъ не могъ удержаться отъ смѣха при этомъ неожиданномъ отвѣтѣ. Его гнѣвъ тотчасъ же уступилъ мѣсто обычному добродушію. Фельдмаршалъ понималъ, что несправедливо сердиться на низшихъ, когда вся вина лежала очевидно выше. Дѣлать было нечего; пришлось отложить атаку до слѣдующаго дня ¹⁾).

Когда на слѣдующій день нападеніе состоялось и не привело къ ожидаемымъ результатамъ, недовольство фельдмаршала на Ермолова не знало предѣловъ. Онъ приказалъ Коновницину передать начальнику штаба первой арміи, чтобы онъ немедленно-же удалился изъ арміи. Коновницинъ всячески пытался успокоить и смягчить фельдмаршала. Ему удалось, наконецъ, уговорить Кутузова не удалять Ермолова изъ арміи, а назначить его начальникомъ артиллеріи ²⁾).

Въ то время, когда добродушный фельдмаршалъ давалъ волю своему гнѣву, но не думалъ преслѣдовать никакихъ личныхъ цѣлей, Бенингсенъ дѣятельно подкапывался подъ него, рассчитывая, что настало, наконецъ, время, когда можно будетъ также успѣшно отдѣлаться отъ Кутузова, какъ въ свое время отъ Барклая. Едва только окончилось сраженіе, какъ между главнокомандующимъ и его начальникомъ штаба произошло крайне рѣзкое объясненіе. Кутузовъ замѣтилъ, что на правомъ крылѣ слѣдовало-бы сдѣлать гораздо больше; Бенингсенъ возражалъ, что Кутузовъ не только задержалъ въ бездѣйствіи все лѣвое крыло, но и парализовалъ весь корпусъ Остермана. Само собою понятно, что Бенингсенъ не ограничился одними личными объясненіями съ фельдмаршаломъ. Дѣятельно распространялъ онъ свои обвиненія между офицерами арміи, и нашлись весьма многіе и многіе лю-

¹⁾ Богдановичъ замѣчаетъ, на основаніи записокъ А. Б. Голицина: „начальники войскъ предлагали выступить изъ лагеря нѣсколько позже, но Кутузовъ, неохотно рѣшавшійся на предложенное наступленіе, оглозилъ его на цѣлыя сутки“. „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 476.

²⁾ См. записки Щербинина; Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 218.

ди ¹⁾, которые не задумывались повторять вслѣдъ за Бенингсеномъ, что Кутузовъ съ намѣреніемъ задержалъ войска лѣваго фланга, чтобы лишить Бенингсена вполне заслуженной имъ славы.

Старый интриганъ не удовольствовался, однакоже, сплетнями въ арміи. Онъ обратился съ подробнымъ письмомъ къ императору Александру. Онъ обвинялъ Кутузова не только въ намѣренно дурномъ образѣ дѣйствій при Тарутинѣ, но и въ систематическомъ стараніи удерживать армію въ бездѣйствіи. По словамъ Бенингсена, Кутузовъ бездѣйствовалъ лишь для того, чтобы предаваться свободно своей изнѣженной и развратной жизни. Вся армія, утверждалъ онъ съ наглостью, хорошо это знаетъ; всѣмъ извѣстно, что Кутузовъ держитъ при себѣ молодую дѣвушку, переодѣтую казакомъ. Толь утверждаетъ, что въ письмѣ Бенингсена заключались и другія пикантныя подробности на счетъ частной жизни стараго фельдмаршала ²⁾. Бенингсенъ не брезгалъ, какъ видно, никакими средствами, чтобы только свергнуть ненавистнаго ему Кутузова, но на этотъ разъ онъ плохо разсчиталъ свои шансы на успѣхъ. Положеніе стараго фельдмаршала было далеко не такое, какъ въ свое время положеніе Барклая! Довѣріе, которымъ пользовался онъ въ глазахъ всей Россіи, ни сколько не уменьшилось, а скорѣе возросло вслѣдствіе послѣднихъ событій. Самъ императоръ Александръ, не смотря на свое недавнее недовольство дѣйствіями Кутузова, менѣе нежели когда-либо расположенъ былъ слушать внушенія и наветы Бенингсена. Онъ не удостоилъ даже отвѣтомъ доносчика, и препроводилъ его письмо въ подлинникѣ фельдмаршалу. Кутузовъ, давно уже искавшій случай отдѣлаться отъ Бенингсена, приказалъ ему оставить армію. Бенингсенъ понялъ, что время его еще не настало; немедленно-же уѣхалъ онъ изъ лагеря подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья ³⁾.

¹⁾ Въ числѣ ихъ былъ и Ермоловъ, см. его записки. Т. I, стр. 227.

²⁾ Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 230.

³⁾ Бенингсенъ оставилъ армію уже во время бѣгства Наполеона изъ Рос-

Такимъ образомъ, Тарутинское сраженіе, столь неудачное въ военномъ отношеніи, имѣло, между прочимъ, и то хорошее послѣдствіе, что избавило армію отъ присутствія опаснѣйшаго изъ интригановъ и положило конецъ той двойственности, тѣмъ вѣчнымъ противорѣчіямъ, которыя проистекали изъ постояннаго разлада между главнокомандующимъ и начальникомъ штаба. Но Тарутинскій бой имѣлъ и другія благодѣтельные послѣдствія, совершенно опущенныя изъ виду нашими стратегами въ пылу взаимныхъ пререканій и общаго недовольства. Въ этотъ день случилось что-то новое, небывалое до сихъ поръ не только въ эту кампанію, но и во всѣ наши войны съ Наполеономъ. Во всѣхъ прежде бывшихъ столкновеніяхъ съ французами наши войска, не смотря на свою отчаянную храбрость и безпримѣрную стойкость, въ концѣ концовъ всегда принуждены были уступать поле битвы противникамъ. Эти вѣчныя отступленія не могли не отозваться самымъ невыгоднымъ, удручающимъ образомъ на настроеніи нашихъ солдатъ. Они должны были породить въ нихъ съ одной стороны подавляющее убѣжденіе въ превосходствѣ и непобѣдимости непріятеля, а съ другой поселить въ нихъ недовѣріе къ своимъ вождямъ, столь пагубное для каждой арміи. Теперь, въ достопамятный день Тарутинскаго боя, непріятель впервые принужденъ былъ отступить передъ нашими войсками, бросить всѣ свои позиціи и оставить въ рукахъ нашихъ значительную часть своей артиллеріи и обоза. И весь этотъ результатъ достигнутъ былъ лишь небольшою частью нашей арміи ¹⁾, безъ особаго на-

сін. Какъ смотрѣлъ на него Кутузовъ, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ его писемъ къ женѣ: „О Беннигсенѣ говорить не хочется: онъ глупый и злой чловѣкъ; увѣрили его такіе-же простаки, которые при немъ, что онъ можетъ испортить меня у государя и будетъ командовать всѣмъ. Онъ, я думаю, скоро поѣдетъ“. Изъ письма отъ 25 октября: „Беннигсена почти къ себѣ не допускаю и скоро отправлю“. Изъ письма отъ 30 октября. См. письма Кутузова къ женѣ. „Русская Старина“ 1872 г., стр. 651 и 652.

¹⁾ Съ нашей стороны въ дѣлѣ при Тарутинѣ принимали участіе только восемь баталіоновъ пѣхоты, десять казачьихъ полковъ и 4-й кавалерійскій корпусъ князя Васильчикова—всего пять тысячъ пѣхоты и семь тысячъ конницы. Богдановичъ. „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 650.

пряженія силъ, безъ особыхъ потерь съ нашей стороны. Не ясно ли, что все это должно было имѣть громадное вліяніе на поднятіе духа нашихъ солдатъ. Ореоль непобѣдимости, окружавшій до сихъ поръ полчища Наполеона, исчезъ безвозвратно въ ихъ глазахъ, довѣріе къ вождямъ возвратилось, надежда на конечное и полное торжество нашего оружія вкоренилась глубоко въ сердцахъ. Провидѣніе вновь обратило ко благу и спасенію Россіи и человѣчества наши ошибки и заблужденія.

Было бы несправедливо утверждать, что вѣсть о Тарутинскомъ сраженіи побудила Наполеона оставить Москву; она лишь ускорила исполненіе того рѣшенія, которое давно уже было принято Наполеономъ. Въ концѣ сентября исчезли уже надежды завоевателя на миръ и уже тогда порѣшенъ былъ имъ окончательно вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія. Мысль о движеніи на Петербургъ была скоро оставлена Наполеономъ, точно также онъ не думалъ серьезно оставаться на зимовку въ Москвѣ, хотя и старался увѣрить всѣхъ въ противномъ. Отступленіе великой арміи на линію Днѣпра, въ Литву и Бѣлоруссію, оказалось подъ конецъ для него единственно возможнымъ и спасительнымъ маневромъ. Но какимъ путемъ должно было совершиться это отступленіе? Разумѣется, не по опустошенной Смоленской дорогѣ, гдѣ войскамъ пришлось-бы проходить по совершенной пустынѣ, а по какой-нибудь другой, еще не тронутой нашествіемъ, дорогѣ. Различныя возможности представлялись тутъ Наполеону. Повидимому, проще всего было направить армію на Зубцовъ и Бѣлое, къ Витебску. Это былъ самый короткій и безопасный путь; Наполеону навѣрное удалось бы спасти на немъ если и не всю, то по крайней мѣрѣ большую часть своей арміи. Мысль объ этомъ пути блеснула на одинъ моментъ въ головѣ императора, но онъ тотчасъ-же съ негодованіемъ отвернулся отъ нея, какъ недостойной его—великаго завоевателя. Дѣло въ томъ, что отступленіе по этой дорогѣ слишкомъ-бы походило на бѣгство, а Наполеонъ сознавалъ лучше кого-либо, что даже одно подобіе бѣгства можетъ уничтожить все его обаяніе надъ умами, разсѣять приз-

какъ его непобѣдимости и призвать къ оружію поработенные народы Европы. Въ виду этого опасенія императоръ избираетъ средній путь: онъ рѣшается двинуть свою армію на Калугу, Юхновъ и Ельню, къ Смоленску. Правда, на этомъ пути Наполеонъ можетъ встрѣтить всю непріятельскую армію; но онъ разсчитываетъ предупредить медленнаго и осторожнаго Кутузова, достигнуть раньше его Калуги, возстановить силы своей арміи въ мѣстности, совершенно не тронутой войною и уничтожить вдобавокъ громадныя склады всякихъ припасовъ, заготовленные для русской арміи. Независимо отъ всѣхъ этихъ очевидныхъ выгодъ, путь на Калугу сулитъ Наполеону и колоссальныя нравственныя преимущества. Направляясь на Калугу, онъ получитъ возможность утверждать, что онъ не отступаетъ, а идетъ на встрѣчу противнику, а старый Кутузовъ навѣрное дастъ ему и другую еще болѣе важную возможность—увѣрить свою армію и Европу, что русскіе вновь бѣжали передъ нимъ, не рѣшаясь противиться ему въ открытомъ полѣ ¹⁾).

До послѣдней минуты Наполеонъ старался держать въ невѣдѣніи всѣхъ и cadaго и прежде всего несчастныхъ жителей Москвы на счетъ дѣйствительныхъ своихъ намѣреній. Онъ оставляетъ въ Кремлѣ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ маршала Мортье и повелѣваетъ ему успокоить жителей на счетъ удаленія императора и большей части арміи. Маршалъ долженъ объявить жителямъ въ особой прокламаціи, что всѣ слухи объ окончательномъ очищеніи Москвы не имѣютъ ни малѣйшаго основанія, что французская армія направляется на Калугу, Тулу и Брянскъ, чтобы овладѣть этими важными пунктами и что императоръ въ ско-

¹⁾ Бергарди замѣчаетъ: „Und so möchte Napoleon's Wahl nicht unbedingt zu tadeln sein,—vorausgesetzt, dass er alle Wechselfälle dieses Unternehmens wirklich mit Ernst und Klarheit überdacht hatte, wirklich fest entschlossen war sie zu bestehen, und wirklich sein Heer wie sich selbst der Aufgabe gewachsen fühlte,—kurz dass er durch eine besonnene und begründete Berechnung bestimmt wurde, nicht bloß durch eine Stimmung“. Toll's Denkwürdigkeiten. Нечего и говорить, что въ рѣшеніи Наполеона Stimmung играло едва-ли не большую роль, чѣмъ расчетъ.

ромъ времени намѣревается возвратиться въ Москву ¹⁾. Наполеонъ хотѣлъ даже обмануть и самого маршала,—по крайней мѣрѣ онъ поручилъ ему укрѣпить, какъ можно скорѣе и сильнѣе, Кремль и запастись на мѣсяць съѣстными припасами ²⁾.

Оставляя Москву, Наполеонъ старался показать, что старая самоувѣренность и старое счастье ни на минуту не покидаютъ его. Напрасно предупреждали его нѣкоторые изъ его сподвижниковъ, что путь, избранный имъ, сопряженъ съ большими опасностями, что обходное движеніе на Калугу потребуетъ много времени, что время года уже позднее и что зима со всѣми своими ужасами легко можетъ захватить великую армію на самой серединѣ дороги. Наполеонъ отвѣчалъ на всѣ эти предостереженія съ презрѣніемъ генія, видящаго лучше и далѣе обыкновенныхъ смертныхъ. Долговременное пребываніе въ Москвѣ, успокаивалъ онъ своихъ офицеровъ, принесло намъ не малую пользу; оно дало возможность отдохнуть нашимъ солдатамъ, оно дало намъ возможность отодвинуть къ Смоленску нашихъ раненыхъ, собранныхъ въ Москвѣ, Можайскѣ и Колоцкомъ. „Взгляните на это блестящее солнце“, говорилъ онъ имъ, указывая на безоблачное небо: „развѣ вы не узнаете въ немъ моей вѣрной звѣзды?“ „Пойдемъ на Калугу“, восклицалъ онъ съ притворнымъ энтузіазмомъ, „и горе тѣмъ, кто осмѣлится заградить намъ дорогу!“ ³⁾.

¹⁾ „Demain, écrivait Napoleon à Berthier, quand l'armée sera partie, Mortier fera faire par la municipalité, une proclamation pour prévenir les habitans que les bruits d'évacuation sont faux; que l'armée se porte sur Kaluga, Tula et Bransk, pour s'emparer de ces points importants et des manufactures d'armes qui s'y trouvent; engager les habitans à maintenir la police, et empêcher qu'on ne vienne achever la ruine de la ville“. Chambray, Expedition de Russie. T. II, стр. 213.

²⁾ Мортье долженъ былъ кромѣ того собрать всѣхъ больныхъ въ госпиталѣ воспитательнаго дома и охранять его, равно какъ и магазины, сильными отрядами. Для всѣхъ этихъ цѣлей Мортье получилъ, однако-же, очень мало войска; ему были оставлены: дивизія Лаборда, снѣженные кавалеристы и пятьсотъ лошадей. См. Шамбре. Т. II, стр. 212.

³⁾ См. Barr. Memoires, стр. 221—222; Segur. Histoire de la grande armée de Napoleon. T. II, стр. 108.

Уже одинъ взглядъ на армію, выступившую изъ Москвы на старую Калужскую дорогу, долженъ бы былъ разрушить это самообольщеніе, еслибы оно только существовало дѣйствительно въ душѣ завоевателя. Наполеонъ выступалъ, правда, изъ Москвы съ бѣльшими силами, нежели онъ вошелъ въ нее. У него было подъ ружьемъ 107,000 человѣкъ ¹⁾. Онъ везъ съ собою страшную артиллерію, состоявшую изъ 569 орудій; его пѣхота была въ отличномъ порядкѣ, полная самоуверенности, далекая, не смотря на всѣ перенесенныя лишенія и страданія, отъ упадка духа и деморализаціи, но за то его кавалерія, за исключеніемъ одной гвардейской, потеряла почти всѣхъ своихъ лошадей и была совершенно негодна къ серьезному употребленію. Артиллерійскія лошади находились также въ самомъ плачевномъ состояніи: изнуренныя продолжительною голодухою, онѣ едва тащили тяжелыя орудія и ежеминутно падали по дорогѣ ²⁾. Было еще одно обстоятельство, способное навести тяжелое раздумье на опытнаго полководца. Французская армія покидала Москву, нагруженная добычею всякаго рода, за нею тянулись безконечныя обозы и плелись тысячи бѣглецовъ и безоружныхъ людей всякаго рода, начиная отъ отсталыхъ и раненныхъ солдатъ и оканчивая женщинами и малолѣтними дѣтьми. Тщетно старался обмануть Наполеонъ своихъ солдатъ на счетъ настоящихъ своихъ намѣреній. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы императоръ думалъ дѣйствительно возвратиться въ Москву; всѣ были увѣрены, что армія навсегда покидаетъ разрушенную столицу ³⁾; всѣ, начиная отъ маршала и оканчивая послѣднимъ солдатомъ, спѣшили захватить съ собою награбленную добычу. Самъ Наполеонъ вмѣсто того, чтобы облег-

¹⁾ У Шамбре показано ошибочно 104,000 человѣкъ, см. Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 233.

²⁾ О состояніи французской арміи при выходѣ изъ Москвы самыя точныя свѣдѣнія находятся у Шамбре. Т. II, стр. 313 и слѣд. См. также Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 233.

³⁾ „Хотя Наполеонъ объявлялъ, что онъ оставляетъ Москву лишь на короткое время и возвратится въ нее, разбивъ русскихъ, но положеніе дѣлъ было такъ хорошо всѣмъ извѣстно, что ему не удалось обмануть никого“. Шамбре. Т. II, стр. 317.

чить по возможности свою армію, прибавилъ къ прежнимъ громаднымъ транспортамъ еще два новыхъ. Одинъ большой обозъ тащилъ всевозможные трофеи, захваченные въ Москвѣ, въ томъ числѣ громадный крестъ, снятый съ колокольни Ивана великаго; другой, еще болѣе громадный, везъ казну арміи и массу сокровищъ и драгоцѣнностей, преимущественно церковныхъ, награбленныхъ въ Москвѣ ¹⁾. Если такъ дѣйствовалъ самъ императоръ, то чего-же можно было ожидать отъ подчиненныхъ. Каждый изъ маршаловъ и генераловъ старался вывезти изъ Москвы какъ можно больше цѣнностей всякаго рода, въ особенности предметовъ роскоши. Множество дорогихъ и щегольскихъ экипажей виднѣлось въ обозѣ. Генералы, довольствовавшіеся до тѣхъ поръ простымъ фургономъ, везли теперь по нѣсколько каретъ и колясокъ и десятки возовъ, навьюченныхъ всевозможнымъ добромъ. Офицеры, не осмѣлившіеся до тѣхъ поръ и мечтать о собственномъ экипажѣ, запаслись теперь также роскошными каретами. Маркитанты нагрузили свои фуры, вмѣсто стѣстныхъ припасовъ, всевозможною добычею и хламомъ. Добыча всякаго рода виднѣлась даже на артиллерійскихъ повозкахъ, ею набиты были съ верху до низу фугоны, предназначенные для перевозки раненыхъ и больныхъ. Жадность этихъ людей, обреченныхъ на гибель, шедшихъ на страшный судъ Божій, не знала предѣловъ. Всѣ думали только объ одной добычѣ и забывали о самомъ необходимомъ—о кускѣ хлѣба. Всадники обременяли до послѣдней возможности своего изнуреннаго коня; пѣхотинецъ прибавлялъ къ тяжести оружія и амуниціи непомѣрную и бесполезную тяжесть добычи ²⁾.

¹⁾ См. Сегюръ. Т. II, стр. 113.

²⁾ Шамбре, т. II, стр. 316. Фезензакъ, стр. 276 и 277, замѣчаетъ, между прочимъ: „Выступление началось еще ночью. Этотъ походъ носилъ на себѣ какой-то мрачный характеръ. Сумракъ ночи, молчаніе среди солдатъ, еще дымящіяся развалины Москвы, попираемая нашими ногами,—все соединялось, чтобы поразить печалью воображеніе. Всякій изъ насъ смотрѣлъ съ безпокойствомъ на начало этого отступленія; солдаты,—и тѣ живо сознавали всю затруднительность положенія“.—„Трудно представить себѣ что-либо страннѣе движенія этой арміи: обширная равнина, растилающаяся подъ Москвою, давала возможность

Не менѣе колоссальной добычи должны были стѣснять и тормозить армію, во всѣхъ ея движеніяхъ, разношерстыя и беспорядочныя толпы безоружныхъ, влачившихся вслѣдъ за нею. Если Наполеонъ не успѣлъ увѣрить своихъ офицеровъ и солдатъ, что онъ въ скоромъ времени возвратится въ Москву, то еще менѣе успѣлъ онъ обмануть беззащитныхъ людей всякаго рода, существованіе которыхъ зависѣло во всѣхъ отношеніяхъ отъ арміи. Услыхавъ, что великая армія покидаетъ Москву, больные и раненные, собравъ свои послѣднія силы, оставляли госпитали, не смотря на всѣ убѣжденія и приказанія начальства, и тащились вслѣдъ за уходящими колоннами ¹⁾. Иностранцы, оставшіеся въ Москвѣ и проживавшіе въ ней подъ покровительствомъ французовъ, спѣшили послѣдовать ихъ примѣру, опасаясь возмездія со стороны приближающихся русскихъ. Понятно, что они забирали съ собою свои семейства и остатки своихъ пожитковъ и что ихъ обозы увеличивали до безобразныхъ размѣровъ и безъ того уже колоссальный подвижной матерьялъ арміи ²⁾.

Трудно представить себѣ странную картину выхода этой арміи изъ Москвы,—картину, описанную столько разъ очевидцами. Впереди шли баталіоны, вполнѣ сохранившіе и свою воинственную осанку, и приличный, даже грозный, вѣншній видъ ³⁾. Безконечными рядами тянулись они по дорогамъ,

наблюдать его во всей полногѣ. Мы тащили съ собою все, что спасено было отъ пожара“.

¹⁾ „Aussi beaucoup de blessés et de malades, au lieu de rester dans les hôpitaux, les avaient quittes pour suivre leurs regiments“. Chambray. T. II, стр. 317.

²⁾ Chambray, Expedition de Russie. T. II, 317.

³⁾ „Пѣхота и преимущественно гвардейская, — говоритъ Поповъ въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи: „Французы въ Москвѣ въ 1812 г.“,—еще походила на стройное войско, но и то—въ незначительномъ количествѣ, которое сопровождалось беспорядочными толпами солдатъ“. Эти слова противорѣчатъ всѣмъ источникамъ. Они единодушно говорятъ, что пѣхота находилась въ отличномъ состояніи и что число ея было весьма значительно, доходило до 90,000 ч. (въ таблицахъ Шамбре показано 89,640 человекъ пѣхоты и артиллеріи). О толпахъ безоружныхъ солдатъ, окружавшихъ баталіоны, не было въ то время еще рѣчи. Еслибы французская пѣхота была незначительна и разстроена уже при выступленіи изъ Москвы, то развѣ она могла-бы драться такъ превосходно подъ Малоярославцемъ, не говоря уже о Вязьмѣ, Красномъ и Березинѣ.

сопутствуемые многочисленною артиллеріею, едва поспѣвавшей вслѣдъ за ними на своихъ измученныхъ клячахъ. Еще болѣе жалкій видъ чѣмъ артиллерія представляла, когда-то столь многочисленная и грозная, кавалерія этихъ страшныхъ полчищъ. Въ рядахъ ея насчитывалось офиціально еще 14,500 лошадей ¹⁾, но изъ нихъ только 4500, входившихъ въ составъ гвардейской кавалеріи, въ состояніи были еще нести службу; всѣ остальные едва волочили ноги, а 5000 всадниковъ остались уже вовсе безъ лошадей, и изъ нихъ была сформирована пѣшая бригада. За великолѣпною пѣхотою, за жалкою артиллеріею и за еще болѣе жалкою кавалеріею тянулась въ хаотическомъ безпорядкѣ какая-то странная масса, напоминавшая собою давно забытыя картины далекаго прошлаго. Образованные офицеры, участники этого безпримѣрнаго похода, невольно вспоминали при этомъ зрѣлищѣ тѣ страшныя орды татаръ, которыя двигались когда-то по этой-же самой мѣстности ²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, какое поразительное сходство! И тутъ, на ихъ глазахъ, двигалась не регулярная армія, назначенная исключительно для боевыхъ цѣлей, а цѣлая орда, тащившая за собою и свои семейства, и домашній скарбъ, и награбленную добычу, и тысячи плѣнныхъ. Тутъ двигалась пестрая смѣсь каретъ, колясокъ, богатыхъ экипажей, повозокъ; тамъ тянулись длинные обозы, нагруженные такъ называемыми трофеями; тутъ бородатые русскіе мужики шли, задыхаясь подъ тяжестью навьюченной на нихъ добычи; тамъ другіе плѣнники гнали вмѣстѣ съ солдатами цѣлыя стада тощихъ быковъ и овецъ; тутъ ѣхали на возахъ, нагруженныхъ всевозможнымъ скарбомъ, тысячи жепщинъ, дѣтей, раненныхъ солдатъ, денщиковъ, слугъ и всевозможнаго сброду ³⁾. Вся эта хаотическая, недисциплинированная масса, сбитая въ одно цѣлое стран-

¹⁾ У Шамбре показано 14,344 лошадей.

²⁾ „Взобравшись на вершину холма, я долго смотрѣлъ на это зрѣлище, напоминавшее походы азіатскихъ завоевателей“. Фезензакъ, стр. 278. „Но остальное (кроме пѣхоты и артиллеріи) напоминало въ ужасѣ очихъ размѣрахъ татарскую орду на обратномъ пути изъ счастливаго набѣга“. Сегюръ. Т. II, стр. 112.

³⁾ См. между прочимъ Сегюръ. Т. II, стр. 112, 113.

ною игрою случая,—масса, говорившая на всевозможныхъ языкахъ Европы, двигалась впередъ, руководимая лишь однимъ смутнымъ инстинктомъ самосохраненія. „Странное“, восклицаетъ очевидецъ, „внушительное, но въ тоже время дикое зрѣлище!“ ¹⁾ Легко себѣ представить, въ какомъ порядкѣ двигалась эта масса. У каждаго моста, въ каждомъ узкомъ мѣстѣ происходили остановки и невѣроятная сумятица. Все тѣснилось и давило другъ друга въ такихъ мѣстахъ. Экипажи, повозки, аммуниціонныя и лазаретныя фуры сбивались и перепутывались до такой степени другъ съ другомъ, что не въ состояніи были двинуться съ мѣста въ теченіи цѣлыхъ часовъ ²⁾.

Безпорядокъ этотъ не могъ укрыться отъ глазъ Наполеона, но онъ уже не былъ въ состояніи положить ему предѣлъ. Когда императоръ выѣхалъ изъ Москвы и попалъ въ хвостъ выступающей арміи, то его конвойные съ трудомъ пролагали ему дорогу сквозь эти хаотическія массы. Съ досадою и озлобленіемъ смотрѣлъ императоръ на дикій безпорядокъ, окружавшій, тѣснившій его со всѣхъ сторонъ. Необходимо было положить сразу конецъ всему этому безобразію, надо было отдать приказъ бросить и сжечь на мѣстѣ всѣ эти экипажи, повозки, обозы, всю эту бесполезную добычу,—добычу, которая должна была достаться въ руки непріятелю при первомъ появленіи казаковъ. Но Наполеонъ, распорядившійся когда-то столь безусловно своими полчищами, не могъ уже отважиться на подобное распоряженіе. Онъ не рѣшался посягнуть на ту самую добычу, которою манилъ онъ самъ до сихъ поръ своихъ солдатъ, на которую они смотрѣли, какъ на единственную награду за всѣ вынесенныя ими страданія и лишенія ³⁾. Къ тому-же добыча повсюду прикрывалась жизненными припасами, а могъ-ли думать Наполеонъ объ уничтоженіи этихъ послѣднихъ? Снабжена-ли была армія при выступленіи изъ Москвы въ доста-

¹⁾ Шамбре. Т. II, стр. 317.

²⁾ Шамбре. Т. II, стр. 317.

³⁾ Сегюръ. Т. II, стр. 114.

точномъ количествѣ всѣмъ необходимымъ, или же и тутъ, въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ, все было предоставлено случаю, инстинкту самосохраненія и произволу отдѣльныхъ личностей?

Если въ чемъ-либо, то именно въ продовольственномъ вопросѣ обнаруживается во всей полнотѣ безпримѣрное ослѣпление, постигшее грознаго завоевателя въ самый рѣшительный и роковой моментъ его жизни. Не смотря на безобразное и безцѣльное истребленіе запасовъ всякаго рода, найденныхъ въ Москвѣ французами, въ городѣ все еще оставались большіе склады и магазины, пощаженные пожаромъ и грабежомъ. Хотя Наполеонъ, собираясь выступить изъ Москвы, имѣлъ достаточно времени для собиранія запасовъ, для равномернаго распредѣленія ихъ между отдѣльными частями арміи, но онъ совершенно опустилъ изъ виду это первостепенное обстоятельство и отдалъ запасы на жертву произволу и истребленію. Нѣкоторыя, впрочемъ, весьма немногія части, запаслись въ избыткѣ мукою и, не имѣя возможности забрать съ собою все, сожгли громадныя магазины съ хлѣбомъ. Наоборотъ, другія, и очень многія, части принуждены были, выступая изъ Москвы, довольствоваться самою незначительною долею провіанта. „Семеновскій монастырь, говоритъ полковникъ Фезензакъ, объять былъ пламенемъ въ тотъ моментъ, когда мы подошли къ Калужской заставѣ. Тутъ жгли съѣстные припасы, которыхъ не могли взять съ собою, и по странной небрежности, вполнѣ достойной этого времени, не извѣстили даже командировъ полковъ объ этой мѣрѣ. Во многихъ изъ нашихъ фургоновъ было еще достаточно мѣста, а тутъ жгли на нашихъ глазахъ припасы, которые, быть можетъ, спасли бы намъ жизнь“ ¹⁾.

Два обстоятельства объясняютъ это, на первый взглядъ непонятное, ущущеніе Наполеона. Императоръ былъ, во-пер-

¹⁾ О легкомысленномъ истребленіи запасовъ въ Москвѣ свидѣлствуютъ единогласно всѣ писатели, принимавшіе участіе въ русскомъ походѣ. См. соотвѣтствующія мѣста у Сегюра, Лабома и др., а также Fezensac, *Souvenirs militaires*, p. 277.

выхъ, глубоко убѣжденъ, что онъ успѣетъ достигнуть Калуги скорѣе Кутузова и притомъ вовсе безъ всякаго боя, а потому и считалъ излишнимъ заботиться о припасахъ; во-вторыхъ, голова его была занята въ это время совершенно иными дѣлами, не имѣвшими ничего общаго ни съ продовольственными, ни съ стратегическими соображеніями. Страшныя чувства злобы и мести всецѣло овладѣли душою императора съ того момента, когда онъ убѣдился въ бесплодности всѣхъ попытокъ заключить миръ съ Россіею, когда государь, котораго онъ привыкъ считать слабымъ и податливымъ, не удостоилъ даже его отвѣта. Демоническія силы овладѣваютъ теперь окончательно душою Наполеона и берутъ верхъ надъ всѣми соображеніями холоднаго разсудка. Русскіе вѣли съ нимъ до сихъ поръ войну истребительную: они жгли при его приближеніи свои города, деревни и села, они не задумались сжечь свою собственную столицу; они высылали противъ него не однихъ солдатъ, но и казаковъ и вооруженныхъ поселянъ, а какъ поступали эти послѣдніе съ людьми, имѣвшими несчастье попасть къ нимъ въ плѣнъ, хорошо было извѣстно всей арміи. Отнынѣ Наполеонъ рѣшается всецѣло слѣдовать примѣру, поданному его врагами. Онъ будетъ вести войну возмездія, войну безпощадную; онъ отдастъ приказъ истреблять огнемъ всѣ города и селенія, покидаемыя его войсками; онъ прикажетъ убивать плѣнныхъ, которые не въ состояніи будутъ слѣдовать за его полчищами, онъ уничтожитъ до основанія все то, что уцѣлѣло еще отъ Москвы и прежде всего взорветъ на воздухъ Кремль со всѣми его святынями и дворцами. Принимая эти ужасныя рѣшенія, Наполеонъ старается, однако-же, напередъ оправдать себя въ глазахъ свѣта,—показать, что сами русскіе вынуждаютъ его къ такимъ варварскимъ поступкамъ. Маршалъ Бертье долженъ былъ написать, по его распоряженію, слѣдующее письмо къ русскому главнокомандующему: „Генералъ Лористонъ имѣлъ порученіе предложить Вашей Свѣтлости условиться о мѣрахъ, которыя могли-бы придать войнѣ характеръ, сообразный съ установленными обычаями, а равно изыскать средства, дабы избавить страну отъ бѣдствій, не вытекаю-

щихъ непосредственно изъ войны. Несомнѣнно, что опустошеніе собственной страны настолько-же губительно для Россіи, насколько оно горестно для императора. Ваше Сіятельство легко поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ буду я ожидать извѣщенія о конечномъ рѣшеніи вашего правительства по этому вопросу“ ¹⁾).

Кутузовъ не замедлилъ отвѣтить на это посланіе. Онъ сообщилъ, что всѣ предложенія Лористона повергнуты имъ уже на разсмотрѣніе императора, но что онъ не имѣетъ, да и не могъ еще получить, по краткости времени, какого-либо отзыва изъ С.-Петербурга. Что-же касается до личнаго мнѣнія его, главнокомандующаго ²⁾), то ему остается лишь повторить то, что уже было заявлено имъ Лористону. Онъ убѣжденъ, что крайне трудно сдерживать въ какихъ бы то ни было предѣлахъ народъ, раздраженный тѣмъ, что происходитъ предъ его глазами,—народъ, который уже болѣе 200 лѣтъ не видѣлъ непріятеля внутри своего отечества, который не можетъ, наконецъ, различать между тѣмъ, что принято и что не принято военными обычаями. Иное дѣло армія. „Что-же касается до арміи, которою я имѣю честь командовать, заканчиваетъ свое письмо Кутузовъ,—то весь свѣтъ признаетъ, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ она руководится принципами, свойственными вѣрной, храброй и великодушной націи. Я самъ въ теченіи моей долгой военной службы не зналъ иныхъ принциповъ, кромѣ указанныхъ, и я убѣжденъ, что непріатели, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, всегда отдадутъ справедливость моимъ правиламъ на этотъ счетъ“.

¹⁾ Подлинникъ письма Бертъе, равно какъ и отвѣтъ князя Кутузова помѣщены у Шамбре: Histoire de l'expédition de Russie: T. II, стр. 319—321.

²⁾ Je repéterai in une verité, dont vous apprécierez sans, mon prince, toute la force et l'étendue: c'est qu'il est didifficile, d'arreter, malgré tout le désir qu'on peut en avoir, un peuple aigri par ce qu'il voit un peuple qui depuis trois cents ans (триста лѣтъ, князь Кутузовъ очевидно забываетъ о польскихъ опустошеніяхъ начала XVII в.), n'a pointe connu de guerre intérieure, qui est pret à s'immoler pour sa patrie, et qui n'est point susceptible de ses distinctions entre ce qui est ou n'est pas d'usage dans les guerres ordinaires. Chambray. T. II, стр. 320.

Письмо Кутузова развязывало, по мнѣнію Наполеона, ему руки. Если Кутузовъ заявлялъ, что онъ не въ состояніи удержать въ предѣлахъ разъяреннаго русскаго поселянина, вставшаго на защиту своей родины и святыни, то и Наполеонъ съ своей стороны находилъ возможнымъ дать полную волю чувствамъ злобы и мести, кипѣвшимъ въ его груди ¹⁾. Увлекаемый страстнымъ порывомъ, привыкнувъ считать себя непогрѣшимымъ и безнаказаннымъ, Наполеонъ совершилъ величайшее преступленіе, и, что еще хуже, величайшую ошибку своей жизни: онъ отдалъ маршалу Мортѣ приказъ уничтожить огнемъ остатки Москвы и взорвать на воздухъ Кремль. Инструкціи, отправленныя къ маршалу уже на другой день по выходѣ изъ Москвы, отличались необыкновенною точностью и строгостью. Маршалъ долженъ былъ сжечь водочные склады, казармы и всѣ общественныя зданія, за исключеніемъ одного воспитательнаго дома. Ему предписывалось сжечь Кремлевскій дворецъ, разломать всѣ ружья, находящіяся въ арсеналѣ и взорвать на воздухъ стѣны Кремля. Когда всѣ эти распоряженія будутъ исполнены, когда Кремль будетъ уже объятъ пламенемъ, только тогда Мортѣ долженъ выступить изъ Москвы по направленію къ Можайску. Наполеонъ какъ будто боится, что Мортѣ не рѣшится исполнить въ точности его варварскій приказъ ²⁾. Настоятельно возобновляетъ онъ свое предписаніе въ концѣ инструкціи; онъ напоминаетъ маршалу, что онъ отнюдь не долженъ удаляться изъ Москвы до тѣхъ поръ, пока Кремль не будетъ взорванъ ³⁾. Къ неслыханному и бесполезному варварству присоединялась, какъ и во многихъ другихъ его дѣйствіяхъ, мелочная мстительность, столь свойственная вообще грубоплебейской, солдатской натурѣ Наполеона. Наполеонъ и въ

¹⁾ Помимо всего этого Наполеонъ хотѣлъ, быть можетъ, достигнуть этою перепискою и иныхъ цѣлей: онъ думалъ усыпить вниманіе Кутузова, дать видъ, что онъ желаетъ продолжать переговоры и не думаетъ о выступленіи изъ Москвы. См. Шамбре. Т. II, стр. 321.

²⁾ Подлинникъ приказа, отданнаго Мортѣ, см. у Шамбре. Т. III, стр. 436 - 437.

³⁾ „Il aura soin de rester à Moscou jusqu'à ce qu'il ait vu lui même sauter le Kremlin“. Chambray. Т. III, стр. 436.

эту трудную минуту, когда все его вниманіе должно было быть поглощено важными движеніями его арміи, не забыть въ своей инструкціи ненавистнаго ему Растопчина. Мортье получилъ приказъ сжечь домъ бывшаго генераль-губернатора, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ отъ перваго пожара; такая же участь должна была постигнуть и домъ графа Разумовскаго ¹⁾. Обрекая на истребленіе остатки Москвы и Кремль, Наполеонъ не только не беспокоился объ участи несчастныхъ москвичей, пережившихъ всѣ ужасы пожара и грабежа, но, напротивъ, онъ обрекалъ ихъ сознательно и намѣренно на страшную гибель. Мортье долженъ былъ держать въ строгой тайнѣ полученные имъ приказы; не было и рѣчи о предупрежденіи жителей о страшной грозившей имъ бѣдѣ! ²⁾

¹⁾ „Il aura soin de faire mettre le feu aux deux maisons de l'ancien gouverneur et à celle de Razoumovski“. Т. III, стр. 437.

²⁾ Поступая такъ безжалостно съ мирными жителями Москвы, Наполеонъ хотѣлъ, однако-же, выказать себя гуманнымъ полководцемъ по отношенію къ своимъ солдатамъ. Въ инструкціи, отправленной маршалу Мортье изъ Красной Пахры 21-го октября, императоръ поручаетъ особенной заботливости маршала раненныхъ и больныхъ солдатъ великой арміи, находившихся въ Москвѣ. Маршалъ долженъ употребить для вывозки раненныхъ экипажи молодой гвардіи, спѣшенной кавалеріи и вообще всѣхъ тѣхъ фуръ, которыя будутъ въ его распоряженіи. Римляне, говоритъ императоръ, давали гражданскіе вѣнки тѣмъ, кто спасалъ гражданъ; герцогъ Тревизскій заслужилъ ихъ столько, сколько спасетъ онъ солдатъ. Въ случаѣ крайности онъ можетъ посадить раненныхъ на лошадей своихъ и своего штаба, такъ сдѣлалъ когда-то самъ императоръ подъ С. Жанъ-д'Акромъ. Затѣмъ маршалу внушается еще разъ, что онъ долженъ спасти раненныхъ во что бы то ни стало, что онъ заслужитъ полное благоволеніе императора, что онъ долженъ собрать всѣхъ своихъ генераловъ и офицеровъ, дать имъ почувствовать всю важность этой мѣры и какую услугу окажутъ они императору, спасши ему жизнь пятисотъ солдатъ. Поклонники Наполеона останавливаются съ умиленіемъ на этой инструкціи, упуская изъ виду другія мѣста этой инструкціи, бросающія нѣсколько странный свѣтъ на прославленное великодушіе Наполеона. Такъ, напримѣръ, императоръ приказываетъ отдавать предпочтеніе французамъ и осуждаетъ хладнокровно на гибель своихъ раненныхъ союзниковъ, въ числѣ которыхъ, не говоря уже о нѣмцахъ, итальянцахъ и т. д., находились преданные ему душою и тѣломъ поляки. Странно также, что Наполеонъ говоритъ въ своей инструкціи о пятистахъ раненныхъ, тогда какъ ему было очень хорошо извѣстно, что въ Москвѣ оставались не сотни, а тысяча раненныхъ и больныхъ. Какъ относился завоеватель къ несчастнымъ жертвамъ своего властолюбія, видно изъ слѣдующаго его письма къ Бертье, писаннаго 5-го октября, т. е. за нѣсколько дней до пресловутой инструкціи Мортье. „Мой ку-

Совершая такіе ужасные поступки, не вызываемые и не оправдываемые никакими потребностями нужды, Наполеонъ пытался въ то же время явить себя въ глазахъ свѣта великодушнымъ побѣдителемъ и внушить Франціи и Европѣ совершенно превратное и туманное представленіе о положеніи великой арміи и о своихъ ближайшихъ намѣреніяхъ. Въ одинъ и тотъ-же день диктовалъ онъ свой варварскій приказъ маршалу Мортье и свой пресловутый, хвастливый 25-й бюллетень. Относительно своихъ намѣреній на счетъ Москвы онъ выражался крайне двусмысленно. „Съ одной стороны, говорилось въ бюллетенѣ, укрѣпили и вооружили Кремль, и въ то же время подвели подъ него подкопы, чтобы взорвать его на воздухъ“. Столь-же неопредѣленно выражался бюллетень и о дальнѣйшихъ движеніяхъ великой арміи. „Одни думаютъ, что императоръ пойдетъ на Тулу и Калугу, чтобы провести зиму въ этихъ губерніяхъ, занимая Москву гарнизономъ, помѣщеннымъ въ Кремль; другіе полагаютъ, что императоръ взорветъ Кремль и сожжетъ всѣ удѣлѣвшія публичныя зданія, а самъ съ войсками приблизится къ Польшѣ, чтобы занять зимнія квартиры въ дружелюбной странѣ“. Участь, приготовленная Москвѣ, высказывалась довольно ясно въ слѣдующихъ словахъ бюллетеня: „Москва не имѣетъ во-

зень! Кажется, память начала измѣнять моему генераль-интенданту. Мнѣ не вѣрится, чтобы понадобилось 45 дней для вывоза раненныхъ, находящихся въ Можайскѣ, Колоцкомъ монастырѣ и Гжатскѣ, такъ какъ я полагаю, что въ теченіи 45 дней значительная часть раненныхъ выздоровѣетъ, другая умретъ и для эвакуаціи останется самая малость, ибо опытъ показалъ, что по прошествіи трехъ мѣсяцевъ послѣ сраженія остается только одна шестая часть раненныхъ. Такимъ образомъ, считая въ данномъ случаѣ шесть тысячъ раненныхъ, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, останется изъ нихъ для транспорта всего только тысяча. Я твердо намѣренъ оставаться господиномъ моей операціонной линіи и желаю, чтобы всѣ мои раненные были эвакуированы“.

Изъ этого письма видно, что память Наполеона также заблуждалась, хотя и въ другомъ направленіи, нежели память его интенданта. Интендантъ показывалъ слишкомъ высокія цифры, императоръ слишкомъ низкія. Но важнѣе всего то, что интересы стратегическіе стояли для императора неизмѣримо выше участи всѣхъ раненныхъ въ мірѣ. Оно такъ и должно быть, но для чего надѣвать въ такомъ случаѣ маску гуманности и говорить о доблестныхъ примѣрахъ древнихъ римлянъ?

еннаго значенія и потеряла уже политическое, потому что сожжена и разорена на сто лѣтъ“ ¹⁾). Но само собою понятно, что Наполеонъ ничѣмъ не повиненъ въ этомъ фактѣ; онъ вызванъ самими русскими и ихъ варварствомъ; Наполеонъ даже по отношенію къ нимъ остается тѣмъ-же великодушнымъ побѣдителемъ, какимъ являлся онъ всегда и вездѣ. Наполеону совѣтовали, утверждалъ бюллетень, „сжечь всѣ оставшіяся въ Москвѣ зданія и опустошить огнемъ и мечомъ ея окрестности на 20 миль вокругъ, и научить русскихъ, что они должны были вести правильную войну, а не какъ татары; но онъ отвергъ эту жестокую мѣру“.

Адскіе замыслы Наполеона не удались однако же вполнѣ. Приготовленія французовъ къ истребленію зданій, къ взрыву Кремля, не могли остаться тайною. Въ Дѣвичьемъ монастырѣ непріатели начали вездѣ рыть канавки отъ церкви и вокругъ стѣнъ. Монахини въ недоумѣніи и ужасѣ спрашивали французовъ, что они дѣлаютъ, но они отвѣчали, что сами не знаютъ. Вдругъ пронесся слухъ, что всю Москву взорвутъ и переубьютъ всѣхъ русскихъ. Священникъ спрашивалъ французскаго генерала на счетъ этихъ слуховъ. „Уходите отсюда, отвѣчалъ генераль, и молитесь за своихъ“. Ужасъ монастырскихъ жителей дошелъ до высшей степени, когда они замѣтили, что въ подвалахъ подъ церковью поставлены были бочки съ порохомъ и съ боевыми зарядами. У самой церкви французы поставили бочку съ виномъ и зажгли ее. Огненные потоки устремились со всѣхъ сторонъ къ деревяннымъ постройкамъ монастыря. Монахини и бѣглецы, укрывавшіеся въ монастырѣ, пораженные страхомъ, бросились въ подвалы, вытащили пороховыя бочки и залили водою; огненные потоки водки были засыпаны и затоптаны землею ²⁾). Монастырь, какъ будто чудомъ, спасенъ былъ отъ гибели.

¹⁾ См. 25-й бюллетень.

²⁾ „Какъ съ этой бѣдою покончили, говоритъ очевидица, бросились по кельямъ и церквамъ, гдѣ стояли непріатели. Тамъ во многихъ мѣстахъ разложена была солома, а въ нее воткнуты зажженные свѣчи. Богъ помиловалъ, все успѣли погасить“. „Французы въ Москвѣ“, Попова: „Русскій Архивъ“ 1876 г. кн. 8, стр. 381.

Приготовленія французовъ къ взрыву Кремля также не укрылись отъ вниманія жителей, да и сами французы не особенно заботились объ этомъ. Въ Кремлѣ рыли канавы, насыпали ихъ порохомъ, устраивали мины на виду у всѣхъ. На работы брали насильно русскихъ, а потомъ, чтобы не разгласили, взяли ихъ съ собою при выступленіи изъ Москвы. Легко себѣ представить положеніе этихъ несчастныхъ. „Меня туда взяли французы“, рассказывалъ одинъ изъ нихъ, „и другихъ многихъ работниковъ изъ нашихъ привели и приказали намъ подкопы рыть подъ кремлевскія стѣны, подъ соборы и подъ дворецъ, и сами тутъ-же рыли. А у насъ просто руки не подымались. Пусть все погибаетъ, да хоть не нашими руками. Да воля то не наша была; какъ ни горько, а копай! Окаянные-то тутъ стоятъ, и какъ увидятъ, что кто изъ насъ плохо работаетъ, такъ сейчасъ прикладами бьютъ; у меня вся спина избита“ ¹⁾.

Отдѣльные непріятельскіе солдаты и офицеры, болѣе человѣчные, нежели ихъ повелители, старались предупредить несчастныхъ жителей о грозящей имъ гибели ²⁾. Многіе спѣшили спастись бѣгствомъ изъ Москвы, и ихъ рассказы о предстоящемъ взрывѣ вскорѣ дошли до главной квартиры генерала Винцингероде, стоявшаго съ своимъ отрядомъ въ селѣ Чашникахъ, въ 12 верстахъ отъ Москвы. Горе и ужасъ объяли тамъ всѣхъ при этой вѣсти. „Взрывъ Кремля, говорили они, гдѣ покоятся мощи угодниковъ, поразитъ отчаяніемъ всю Россію, привыкшую почитать святыню Кремля своимъ палладіумомъ“. Винцингероде, человѣкъ страстный и увлека-

¹⁾ См. Толычевой, „Рассказы очевидцевъ“, стр. 137.

²⁾ Одинъ солдатъ старой гвардіи, знакомый Бестужева-Рюмина, пришелъ къ нему, 6-го октября вечеромъ, проститься и пожелать всякаго благополучія, потому что отданъ приказъ на другой день съ восходомъ солнца выступить въ походъ. Простившись, солдатъ просилъ его проводить и, пройдя шаговъ десять, взять его за руку и сказать: „спасайтесь, если можете, Кремль будетъ взорванъ на воздухъ, также пушечный дворъ. Все приготовлено, даны даже приказанія убивать всѣхъ, кто носитъ оружіе и сжечь всѣ оставшіяся зданія“. См. Чтенія Общ. Ист. и древн. 1859 г. кн. II, отд. V, стр. 176. Были и другіе случаи предупрежденія. См. Поповъ, „Французы въ Москвѣ“. — „Рус. Архивъ“ 1876 г. кн. 8, стр. 81.

ющійся, рѣшился во что бы-то ни стало предупредить замыслы Наполеона. „Нѣтъ, Бонапартъ не взорветъ Кремля“, говорилъ онъ съ негодованіемъ. „Я далъ ему знать, что если хотя одна церковь взлетитъ на воздухъ, то всѣ попавшіеся намъ въ плѣнъ французы будутъ повѣшены“ ¹⁾. Не принявъ надлежащихъ мѣръ предосторожности, захвативъ съ собою лишь нѣсколькихъ казаковъ, забывъ даже взять трубача, Винцингероде отправился въ Москву и имѣлъ тутъ несчастіе попасть вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ Нарышкинымъ въ руки французовъ. Тщетно заявлялъ русскій генералъ, что онъ пріѣхалъ въ Москву въ качествѣ парламентаря, полагаясь на честь французовъ. Маршалъ Мортъе спокойно и безстрастно выслушивалъ его горячія заявленія, но объявилъ въ концѣ, что онъ обязанъ удержать его военно-плѣннымъ до тѣхъ поръ, пока участь его не будетъ рѣшена самимъ императоромъ ²⁾.

Между тѣмъ наступила страшная минута. Въ ночь съ 8-го на 9 октября маршалъ Мортъе тихо выступилъ изъ Москвы съ своими войсками. Отойдя на небольшое разстояніе отъ города, онъ далъ заранѣе условленный сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ. Сотрясеніе отъ перваго взрыва было самое ужасное. Земля заколебалась, дрогнули всѣ зданія, даже на окраинахъ города полопались всѣ стекла, во многихъ домахъ треснули стѣны и обрушились потолки. Внутри домовъ ничто не оставалось на мѣстѣ; людей посбрасывало съ постелей. Раздѣтые, израненные осколками стеколъ, камнями и желѣзомъ, несчастные выбѣжали въ ужасѣ на улицы. Непроницаемый мракъ окутывалъ всю Москву; холодный осенній дождь лилъ потоками. Отовсюду слышались дикіе крики, визгъ и стоны людей, раздавленныхъ падающими зданіями. Слышались призывы о помощи, но помогать было некому. Кремль освѣщенъ

¹⁾ См. Воспоминанія князя Шаховскаго. „Военный сборникъ“ за 1864 г. № 5, стр. 69—99.

²⁾ Подробности о плѣненіи Винцингероде см. у Попова, гдѣ собраны всѣ свидѣтельства, относящіеся къ этому эпизоду. „Русскій Архивъ“ за 1876 г. кн. 8, стр. 383 и слѣд.

былъ злобѣщимъ пламенемъ пожара, одинъ взрывъ продолжалъ тамъ слѣдовать за другимъ, земля не переставала колебаться. Все напоминало, казалось, послѣдній день міра ¹⁾).

Наконецъ, начало свѣтать и взоры москвичей, пережившихъ эту страшную ночь, невольно обратились къ Кремлю. Каково-же было ихъ удивленіе и радость, когда въ первыхъ лучахъ солнца явилась предъ ними во всемъ своемъ блескѣ золотая глава Ивана великаго. „Онъ стоялъ, говоритъ очевидецъ, по прежнему богатыремъ, къ нашей радости и досадѣ французовъ, или лучше сказать, ихъ предводителей, по волѣ котораго все это дѣлалось“. Результатъ взрывовъ далеко не соответствовалъ распоряженіямъ Наполеона. Правда, самъ Наполеонъ объявилъ во всеуслышаніе, „что Кремль, арсеналъ и магазины, все разрушено, что древняя столица Россіи и древнѣйшій дворецъ ея царей не существуетъ болѣе, что Москва превращена въ груды развалинъ, въ нечистую и зловонную клоаку, что она утратила всякое значеніе, военное и политическое, что она предоставлена на произволъ русскихъ нищихъ и грабителей“. Въ дѣйствительности, разрушеніе не было такое абсолютное, какъ можно бы было вывести изъ этихъ громкихъ фразъ. Грановитая палата и царскій дворецъ были, правда, разрушены, всѣ остальные зданія въ Кремлѣ сильно повреждены, но за то всѣ соборы и даже значительная часть кремлевскихъ стѣнъ остались невредимыми. И въ остальныхъ частяхъ города Мортъе не успѣлъ исполнить буквально распоряженій своего повелителя. Даже домъ Растопчина остался цѣлъ. Не слѣдуетъ усматривать, впрочемъ, какого-то приступа великодушія со стороны французскаго генерала въ этихъ упущеніяхъ. Едва-ли приходится повторять, вмѣстѣ съ однимъ изъ офицеровъ великой арміи ²⁾), басню о негодномъ порохѣ, отпущенномъ

¹⁾ Много подробностей о взрывѣ — у Толычевой: „Разказы очевидцевъ“, стр. 42, 54, 100.

²⁾ Fezensac, *Souvenirs militaires*, свидѣтельствуетъ, что маршалъ Мортъе постарался смягчить жестокіе приказы, отданные ему, что онъ заботился среди всѣхъ ужасовъ объ участи раненыхъ и больныхъ, и что все это дѣлаетъ честь его сердцу и характеру, но онъ не говоритъ, въ чемъ заключалось это смяг-

Мортѣ для взрыва Кремля. Негодный порохъ не произвелъ бы тѣхъ опустошеній, которыя произведены были въ дѣйствительности. Наполеоновскіе маршалы не осмѣливались намѣренно нарушать распоряженія своего императора, а порывы великодушія и сентиментальности были чужды этимъ грубымъ солдатскимъ натурамъ. Если взрывы не произвели того дѣйствія, какое предполагалось, то виною этому были крайнія поспѣшность, съ которою устраивались мины, а также значительный дождь, начавшійся еще наканунѣ ¹⁾).

Нравственное впечатлѣніе, произведенное разрушеніемъ Кремля, было во всѣхъ отношеніяхъ крайне невыгодное для Наполеона. Этотъ актъ бѣшеной злобы не могъ испугать никого, а могъ внушить только чувства негодованія и отвращенія и своимъ и чужимъ. Императоръ Александръ, нравственно укрѣпленный столькими тяжелыми испытаніями, могъ почерпнуть изъ страшной вѣсти объ уничтоженіи національной святыни русскаго народа лишь еще большую рѣшимость не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока врагъ рода человѣческаго не будетъ низвергнутъ окончательно. Вѣсть о взрывѣ Кремля пришла въ Петербургъ одновременно съ извѣстіями о пораженіи Мюрата при Тарутинѣ. По свидѣтельству Штейна, эти послѣднія вѣсти вызвали всеобщую радость въ Петербургѣ; что-же касается до святотатственнаго покушенія на Кремль, то всѣ видѣли въ немъ, по словамъ Шишкова, лишь одно стремленіе завоевателя утолить хотя чѣмъ-нибудь свою адскую злобу ²⁾). Всѣ ликовали, хорошо понимая, что новое преступленіе Наполеона вооружить противъ него еще болѣе и безъ того уже озлобленныя русскія массы. Даже люди, еще такъ недавно терявшіе голову и вопившіе такъ гром-

ченіе. Показанія о негодномъ порохѣ давалъ нѣкто Шмидтъ графу Растончину. См. „Русск. Архивъ“ 1864 г., стр. 824.

¹⁾ На дождь указываетъ и Поповъ, но говоритъ тѣмъ не менѣе: „дорожа человѣческимъ достоинствомъ, мы готовы вѣрить, что Мортѣ отпустилъ негодный порохъ для этой цѣли“. Такая вѣра не имѣетъ достаточнаго основанія.

²⁾ „Не усматривая никакой возможности оставаться долѣе въ Москвѣ, спѣшить выдти изъ нея, насыщаетъ адскую свою злобу подорваніемъ Кремля“... Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 162.

ко о мирѣ, преисполнились теперь вдругъ воинственнымъ жаромъ. Никто уже не сомнѣвался въ окончательной гибели Наполеоновскихъ полчищъ; заботились лишь о томъ, чтобы ни одинъ французъ не возвратился съ оружіемъ въ рукахъ на свою родину. При дворѣ былъ въ этотъ день настоящій праздникъ, носившій чисто семейный характеръ ¹⁾. Въ числѣ приглашенныхъ къ столу былъ и баронъ Штейнъ. Императрица-мать, еще такъ недавно трепетавшая передъ Наполеономъ и такъ настойчиво совѣтовавшая сыну просить мира у гордаго завоевателя, была теперь внѣ себя отъ восторга, отъ первыхъ успѣховъ нашего оружія ²⁾. За столомъ она говорила много и оживленно о послѣднихъ событіяхъ. Подъ конецъ у нея сорвалась такая фраза: „Право, я буду стыдиться, что я нѣмка, если хотя одинъ человѣкъ изъ французской арміи возвратится изъ-за Рейна въ отечество“. При этихъ словахъ Штейнъ сначала вспыхнулъ, а потомъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва. „Ваше Величество“, обратился онъ къ императрицѣ, вставъ съ своего мѣста, „крайне несправедливо выражаетесь о нѣмцахъ, да притомъ еще въ присутствіи русскихъ, которые обязаны имъ столь многимъ. Вы не должны были говорить, что стыдитесь быть нѣмкою, а должны были назвать вашихъ родственниковъ, нѣмецкихъ государей. Я самъ жилъ на Рейнѣ въ 1792 году и слѣдующихъ годахъ, я знаю, что храбрый нѣмецкій народъ тутъ не причемъ: еслибы ему довѣряли, еслибы умѣли имъ пользоваться, то ни одинъ французъ не перебрался бы черезъ Эльбу, не говоря уже о Вислѣ и Днѣпрѣ“. Императрица-мать была въ первый моментъ крайне смущена такою смѣлою рѣчью, но вскорѣ она оправилась и отвѣчала съ достоинствомъ: „Вы правы, г-нъ баронъ, благодарю васъ за урокъ“ ³⁾.

¹⁾ „Der Hof feierte gerade ein Familienfest, Stein war zur kaiserlichen Tafel geladen“. Перлъ, Stein's Leben. T. III. стр. 199.

²⁾ Die Kaiserin-Mutter, welche noch kurz zuvor so gebeugt auf Frieden gedungen hatte, war jetzt vom Glück und Siege aufgeregt“. Перлъ, Stein's Leben. T. III, стр. 199.

³⁾ Die Kaiserin, anfangs bestürzt über die kräftige Rede, fasste sich jedoch bald und erwiderte würdig: Sie haben Recht, Herr Baron, ich danke Ihnen für die Leciton“. Перлъ, Stein's Leben. T. III, стр. 200.

Мы не знаемъ, какъ отнесся императоръ Александръ къ этой, столь необычной при дворахъ, сценѣ. Безъ сомнѣнія, онъ оцѣнилъ лучше кого-либо прямодушіе Штейна и горячее чувство патріотизма, проникавшее все его существо; безъ сомнѣнія, его настроеніе было въ тѣ минуты крайне далеко отъ всякаго высокомерія и самохвальства. Онъ одинъ оставался твердъ и непоколебимъ въ минуту всеобщаго упадка духа. Теперь, когда счастье видимо начало склоняться на сторону императора Александра, когда первый лучъ свѣта прорѣзалъ, наконецъ, непроглядную тьму, окружавшую его со всѣхъ сторонъ, онъ былъ крайне далекъ отъ мысли видѣть въ этомъ поворотѣ свою собственную заслугу. Онъ усматривалъ въ перемѣнѣ счастья помощь свыше, онъ приводилъ ее въ непосредственную связь съ своимъ нравственнымъ возрожденіемъ и очищеніемъ. Не силы человѣческія, а силы небесныя ополчились противъ врага челоѣчества и готовились ниспровергнуть его гордыню. Онъ, Александръ, и весь вѣрный народъ его не болѣе, какъ смиренные исполнители предначертаній Всевышняго. „Не намъ, не намъ, а имени Твоему“—слова эти должны сдѣлаться отнынѣ ихъ девизомъ.

И въ своемъ собственномъ лагерѣ Наполеонъ среди полчищъ, привыкшихъ слѣпо исполнять его волю, встрѣтилъ не мало людей, осуждавшихъ если не гласно, то въ душѣ—его варварскіе поступки. „Что будетъ съ нами, въ этой странѣ, среди народа, такъ смертельно оскорбляемаго нами, говорили, пожимая плечами ветераны великой арміи при видѣ дымящихся развалинъ Кремля, при видѣ отсталыхъ русскихъ плѣнныхъ, безжалостно пристрѣливаемыхъ по дорогамъ, по распоряженію императора“. „Этотъ поджогъ“, — говоритъ Шамбре, одинъ изъ участниковъ экспедиціи, — „не оправдываемый никакимъ военнымъ мотивомъ, не можетъ быть разсматриваемъ иначе, какъ актъ безумной мести Наполеона, взбѣшеннаго, что ему не удалось преклонить Александра подъ свое ярмо. Подобный поступокъ приносилъ только пользу его врагамъ, раздувая ненависть, которую старались внушить русскому народу къ французамъ и побуждая Александра вести войну истребительную противъ французской арміи,—

войну, которая столь противорѣчила мягкому и гуманному характеру русскаго государя“ ¹⁾).

Высказывая такое рѣзкое и рѣшительное порицаніе образу дѣйствій Наполеона, Шамбре выражалъ лишь единогласное мнѣніе всѣхъ тѣхъ людей, которые не утратили еще окончательно чувства и здраваго смысла, для которыхъ интересы и честь арміи не были еще заглушены окончательно слѣпымъ поклоненіемъ генію Наполеона и рабскою привычкою лстить своему властелину. Разрушеніе Кремля и другіе поступки дикой, безцѣльной мести не могли внушить воинамъ Наполеона ни прежней самоувѣренности, ни обычнаго твердаго и даже радостнаго настроенія. Предчувствіе чего-то небывалаго, страшнаго, тяготѣло надъ ними. Никто изъ нихъ не переживалъ еще ощущеній, подобныхъ тѣмъ, которыя испытывали они теперь, выступая на старую Калужскую дорогу ²⁾. „Вѣрьте мнѣ, говорилъ старый польскій полковникъ: страшный судъ Божій постигнетъ нашу армію“. „Мы идемъ на встрѣчу мрачной будущности“, говорилъ тотъ-же ветеранъ своимъ офицерамъ. „Москва со всѣми ея средствами уничтожена, армія деморализована, кавалерія погибла; если насъ застигнетъ теперь зима, то я не знаю, что, не исключая и самаго генія императора, можетъ спасти насъ отъ катастрофы. Вы увидите, что это будетъ война пространства и времени, предсказанная намъ Нарбономъ. Наполеонъ двинулся на Москву вопреки совѣтамъ лучшихъ своихъ генераловъ; онъ занялъ Москву, и что-же? Уже прежде, этимъ-же самымъ путемъ, потерю этой самой Москвы, спасена была Россія. Когда 200 лѣтъ тому назадъ поляки занимали Кремль, русскіе подготовили изъ Тулы и Калуги освобожденіе Россіи. На эти города отступили и теперь русскіе. Быть можетъ, мое предпочтеніе къ историческимъ аналогіямъ обманываетъ меня, но если непріятель расположился въ этомъ направле-

¹⁾ Chambray, Expedition de Russie. Т. II, стр. 325.

²⁾ Объ этомъ тяжеломъ настроеніи говорятъ одинаково всѣ свидѣтели, въ томъ числѣ и такіе спокойные, правдивые люди, какъ Фезензакъ и Брандтъ. См. Fezensac, Souvenirs milit., стр. 277; Брандтъ, стр. 441 и другія.

ни, то я думаю, что нашимъ сообщеніямъ съ Смоленскомъ грозитъ опасность уже теперь“ ¹⁾).

Тяжелое предчувствіе страшной бѣды коснулось и самого Наполеона; оно помрачило его прежній свѣтлый взглядъ. Онъ, оцѣнивавшій прежде такъ быстро и вѣрно общее положеніе дѣлъ,—онъ, всегда изумлявшій враговъ своими смѣлыми и быстрыми движеніями, начинаетъ вдругъ задумываться и колебаться въ нерѣшительности, начинаетъ искать спасенія въ сложныхъ и искусственныхъ маневрахъ, забывая свое старое правило, что на войнѣ, какъ и въ жизни вообще, самое простое бываетъ наилучшее и спасительное. Панегиристы Наполеона утверждаютъ, что императоръ выступилъ изъ Москвы съ намѣреніемъ обойти позиціи русскихъ при Тарутинѣ по новой Калужской дорогѣ и достигнуть Калуги ранѣе Кутузова, но что, желая обмануть противника, онъ двинулся сначала по старой Калужской дорогѣ ²⁾). Но подобное объясненіе странныхъ маневровъ Наполеона, по выходѣ изъ Москвы, не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Наполеонъ уже въ первый день по выступленіи изъ Москвы достигъ съ своими главными силами линіи Пахры. Вице-король, шедшій впереди другихъ, расположился бивуакомъ въ Ветутинкѣ; главная квартира императора перенесена была въ Троицкое, за вице-королемъ слѣдовалъ Нэй, потомъ старая гвардія и двѣ дивизіи Даву; дивизія Розе и дивизія Морана находились въ арьергардѣ. Въ теченіи всего этого перехода движеніе французской арміи было скрыто отъ русскихъ войсками Мюрата, стоявшими попрежнему у Воронова. Въ главной квартирѣ Кутузова ничего не могло быть извѣстно объ этомъ движеніи, а обмануть противника тѣмъ, что остается ему неизвѣстнымъ, невозможно. Достигнувъ линіи Пахры, Наполеонъ внезапно отдалъ приказъ своей арміи повернуть на Фоминское и фланговымъ маршемъ достигнуть новой Калужской дороги. Могла-ли эта вторая и важ-

¹⁾ Aus dem Leben des General's der Infanterie von Brandt. T. I, стр. 144.

²⁾ Такъ смотритъ, между прочимъ, на эти движенія извѣстный Гурго, называя ихъ, une manoeuvre habile“.

нѣйшая часть сложнаго маневра Наполеона укрыться отъ вниманія русской главной квартиры? Понятно, что нѣтъ. Толпы казаковъ повсюду слѣдили за движеніями французовъ въ этомъ направленіи; можно было предусмотрѣть, что вѣсть объ этомъ фланговомъ движеніи достигнетъ Кутузова ранѣе, нежели французы доберутся до Фоминскаго. Къ тому-же фланговое движеніе по проселочнымъ дорогамъ сопряжено было для великой арміи, съ ея громадными обозами, съ большими трудностями, и могло совершаться лишь крайне медленно. Къ довершенію бѣды, пошелъ дождь, дороги испортились; въ низкихъ мѣстахъ, особенно у мостовъ, изнуренныя лошади не въ состояніи были тронуться съ мѣста. Пришлось тратить понапрасну цѣлыя часы дорогаго времени, и вице-король, шедшій во главѣ арміи, достигъ Фоминскаго цѣлыми сутками позже, нежели въ томъ случаѣ, еслибы армія пошла съ самаго начала новою Калужскою дорогою ¹⁾.

Не смотря на всѣ эти проволочки, Наполеонъ и на слѣдующій день оставался въ убѣжденіи, что ему удастся обойти Кутузова. Его передовыя войска достигли въ этотъ день Катова и Боровска; но уже въ русскомъ лагерѣ принимались мѣры для предупрежденія французовъ. Партизаны и казаки доставили въ главную квартиру извѣстіе о движеніи большихъ непріятельскихъ массъ къ Фоминскому и Боровску. Извѣстіе было неожиданностью для нашего генеральнаго штаба. Все спало въ Леташевкѣ, когда прибылъ туда съ важною вѣстью майоръ Болховскій. Посланный разбудил дежурнаго офицера, поручика Щербинина, а тотъ далъ знать немедленно-же Коновницину и Толю ²⁾. Изъ депеши, при-

¹⁾ О фланговомъ движеніи Наполеона кромѣ Шамбре, Фена и другихъ см. въ особенности Беригарди, Toll's Denkwürdigkeiten. Онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Anders stellte sich die Sache, wenn Napoleon einfach und ohne Künstelei, gleich von Moscau an auf der neuen Strasse vorrückte. Hier stand Broussier schon seit dem 15-t. in Fominskoie; jede Bewegung in grader Richtung dahin war durch ihn maskirt, und möchte wohl auch nicht gleich am ersten Tage entdeckt worden sein. Napoleon kam so bis Fominskoie, und zum Theil sogar über diesen Punct hinaus, ehe seine Absicht durchschaut war“. Bernhardi. T. II, стр. 239.

²⁾ См. записки Щербинина; Беригарди, т. II, стр. 243.

везенной Болховскимъ, оказалось, что Наполеонъ выступилъ со всѣми своими массами изъ Москвы и что онъ спѣшить достигнуть новой Калужской дороги. Толь и Коновницынъ поняли, что рѣшительная минута наступила; они поспѣшили къ главнокомандующему и разбудили его. Выслушавъ донесеніе своихъ помощниковъ, Кутузовъ, не говоря ни слова, палъ на колѣни предъ св. образомъ; горячо, со слезами радости, благодарилъ онъ Всевышняго ¹⁾: Россія была спасена, великая армія Наполеона обречена на гибель. Немедленно-же были отданы рѣшительные приказы. По мысли Толя рѣшено было во что бы-то ни стало предупредить непріятеля у Малоярославца и, если возможно, отбросить его назадъ. Вся армія должна была выступить изъ Тарутинскаго лагеря и спѣшить на встрѣчу непріятеля. Но такъ какъ это выступленіе не могло состояться раньше вечера, то задача задержать Наполеона, хотя на нѣкоторое время, возложена была на генерала Дохтурова. Дохтуровъ былъ посланъ изъ лагеря по направленію къ Фоминскому еще наканунѣ при первомъ извѣстіи о появленіи непріятельскихъ отрядовъ у Красной Пахры. Теперь ему посланъ былъ приказъ спѣшить, какъ можно скорѣе, къ Малоярославцу, занять своими войсками этотъ важный пунктъ и выдвинуть четыре казачьихъ полка на дорогу между Малоярославцемъ и Боровскомъ. Въ этомъ-же направленіи былъ двинутъ немедленно и Платовъ съ нѣсколькими казачьими полками и одною конною батареею. Милорадовичу было предписано развѣдать расположеніе непріятельскихъ силъ у Воронова и въ свою очередь поспѣшить къ Малоярославцу въ томъ случаѣ, если окажется, что непріятель двинулся отъ Воронова къ новой Калужской дорогѣ. Съ обычною своею осторожностью Кутузовъ увѣдомилъ Калужскаго губернатора о движеніи непріятеля и пред-

¹⁾ Нѣсколько иначе рассказываетъ это самъ Болховскій въ своихъ запискахъ. См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“, т. III, стр. 15. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ сущность дѣла остается, впрочемъ, одна и таже. И тамъ, и тутъ престарѣлый полководецъ воздастъ прежде всего благодареніе и хвалу Всевышнему.

писалъ ему принять мѣры къ вывозу провіанта, присутственныхъ мѣстъ и т. д. ¹⁾).

Уже черезъ нѣсколько часовъ получено было донесеніе отъ Милорадовича. Изъ него оказалось, что непріятельскія войска у Воронова снялись съ позиціи и направились къ новой Калужской дорогѣ. Теперь разсѣялись послѣднія сомнѣнія на счетъ намѣреній непріятеля, и вечеромъ того-же дня вся русская армія выступила изъ Тарутина и направилась къ Малоярославцу черезъ Леташевку, Угодскій заводъ и Спасское. Между тѣмъ непріятельскія колонны медленно, такъ сказать ощупью, подвигались впередъ. 11 октября вице-король выступилъ изъ Боровска, а авангардъ его, дивизія Дельзона, подошелъ къ самому Малоярославцу. Отрядъ казаковъ, занимавшій этотъ городъ, немедленно-же отступилъ передъ непріятельскою пѣхотою. Дельзонъ, при наступленіи вечера, достигъ рѣки Лужи, обтекающей Малоярославецъ съ этой стороны; онъ тотчасъ переправился черезъ нее и занялъ городъ, но имѣлъ неосторожность оставить въ немъ всего два баталіона ²⁾). Въ тотъ-же день старая гвардія, Даву, Розе и Мюратъ дошли до окрестностей Боровска, куда и перенесена была главная квартира Наполеона. Позади всѣхъ шелъ Нэй; его войска, страшно утомленные движеніемъ по проселочнымъ дорогамъ, только поздно вечеромъ начали подходить къ Буйкасову.

Въ теченіи всего этого дня Наполеонъ оставался въ полномъ убѣжденіи, что маневръ его удастся какъ нельзя лучше, что обойденный Кутузовъ не въ состояніи будетъ заградить ему пути на Калугу. Убѣжденіе это окрѣпло окончательно, когда императоръ узналъ поздно вечеромъ, что дивизія Дельзона утвердилась въ Малоярославцѣ и что кромѣ казаковъ нигдѣ не видно русскихъ. Но уже на другой день

¹⁾ О всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Кутузова см. Богдановичъ, т. III, стр. 15 и слѣд. и Бернгарди, т. II, стр. 243 и слѣд.

²⁾ Дельзонъ имѣлъ, впрочемъ, свои основанія: онъ не рѣшился ввести всю свою дивизію въ городъ, расположенный на высотѣ за рѣкою и опаснымъ дефиле, на склонѣ пропасти, куда легко могло его сбросить внезапное ночное нападеніе. См. Сегюръ. Т. II, стр. 118.

рано утромъ императору донесли, что русскіе пытаются вытѣснить Дельзона изъ Малоярославца. На первый разъ онъ не придалъ этому извѣстію особенной важности ¹⁾. Онъ выѣхалъ изъ Боровска уже довольно поздно, не спѣша, видимо спокойный; но чѣмъ болѣе подвигался онъ впередъ, тѣмъ явственнѣе и сильнѣе доносился до него гулъ пушечныхъ выстрѣловъ и частой ружейной пальбы. Лицо императора принимало все болѣе и болѣе безпокойный видъ, онъ останавливался и прислушивался по временамъ ²⁾. Грохотъ битвы усиливался. „Какъ, неужели русскіе предупредили его, неужели маневръ его не удался,—неужели ему не удалось обойти стараго, неповоротливаго Кутузова?“ Волнуемый этими странными сомнѣніями, императоръ вѣзжаетъ на холмъ, господствующій надъ окрестностью, и дѣйствительное положеніе дѣла представляется передъ нимъ внезапно во всей наготѣ. Ожесточенный бой кипитъ въ небольшомъ разстояніи впереди его. Вся окрестность застлана густымъ пороховымъ дымомъ; русскіе дерутся съ его войсками въ самыхъ улицахъ Малоярославца; уже весь корпусъ вице-короля введенъ въ дѣло, а тамъ далеко за Малоярославцемъ, на окраинѣ темныхъ лѣсовъ, окаймляющихъ горизонтъ, виднѣются темныя, необозримыя массы, сверкающія оружіемъ. Дѣло уяснилось, Наполеонъ видитъ передъ собою не авангардную стычку, а настоящее сраженіе; впереди его стоятъ не отдѣльные корпуса русскихъ, а вся непріятельская армія. Невѣроятное и немыслимое случилось вновь, какъ уже нѣсколько разъ въ теченіи этой странной кампаніи. Всѣ его глубоко-обдуманые планы и хитросплетенныя комбинаціи разсыпались въ прахъ. Неповоротливый, боязливый медвѣдь опередилъ его, смѣлаго и быстрого орла ³⁾.

-) „Le lendemain 24, il apprit qu'on disputait à Delzons la possession de Malo-Jaroslavetz. Il ne s'en émut, guere, soit confiance, soit incertitude dans ses projets“. Segure. T. II, стр. 116.

2) „Il sortait donc de Borowsk, tard et sans de hater, quand le bruit d'un combat tres vif arriva jusqu'a lui: alors il s'inquiete, etc. Segur. T. II, стр. 117.

3) Les Russes l'avaient-ils prevenu? sa manoeuvre etait-elle manquée, n'avait-il point mis assez de rapidité dans cette marche ou il s'agissait de dépasser le flanc gauche de Kutusof? Segur. T. II, стр. 117.

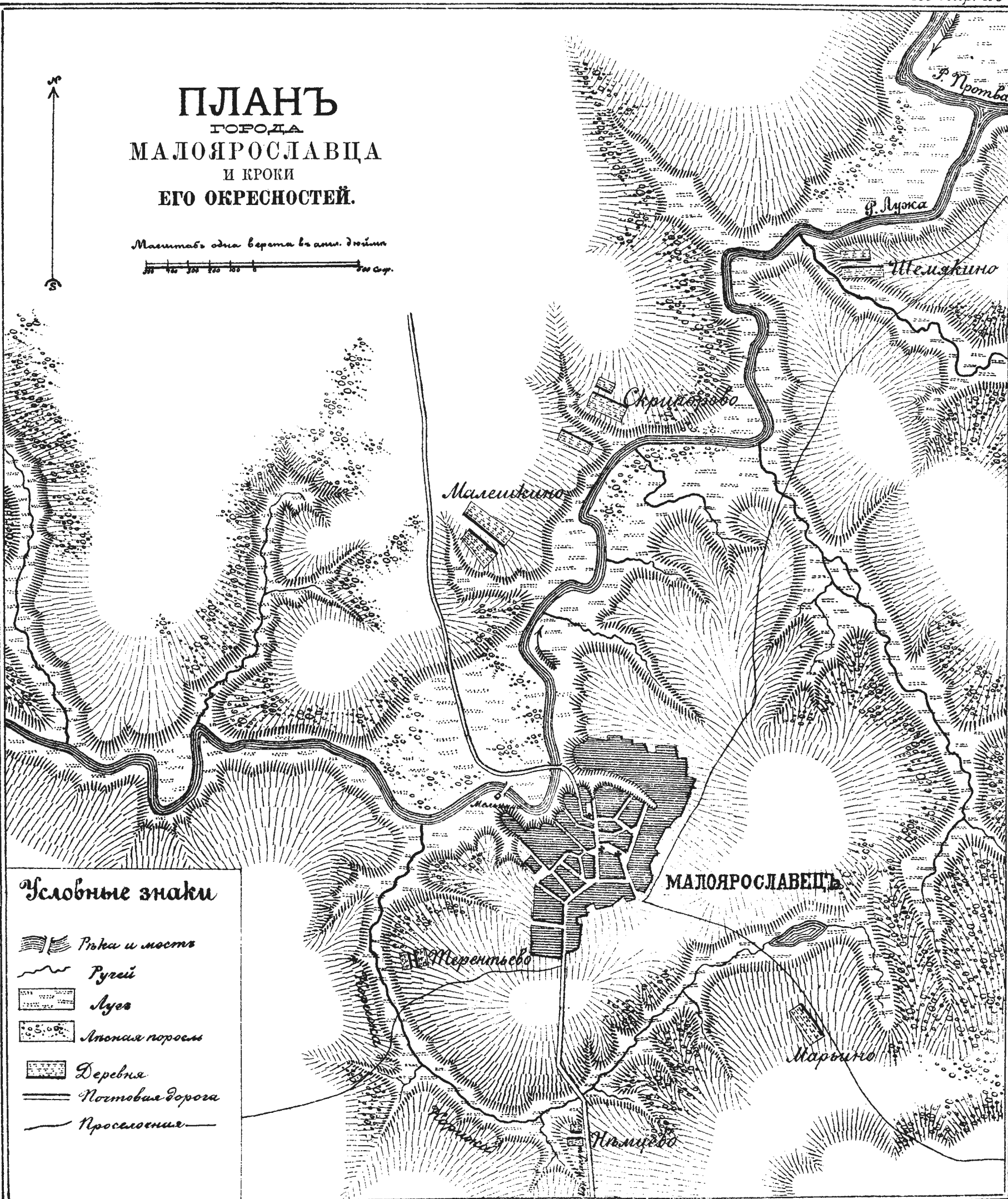
Малоярославецъ, небольшой городъ Калужской губерніи, представляетъ во многихъ отношеніяхъ большія удобства для защиты отъ непріятеля, наступающаго со стороны Боровска ¹⁾).

Передъ самымъ городомъ, съ сѣверной стороны, течетъ рѣка Лужа, образуя большую, глубокую дугу, направленную своею выпуклою стороною къ городу. Круто и обрывисто подымается южный берегъ рѣки; на высотахъ его, изрѣзанныхъ оврагами, расположенъ городъ. За городомъ возвышенности тянутся далѣе на югъ, образуя обширное и открытое плато; еще далѣе на югъ, на самомъ краю горизонта тянутся обширные лѣса. Замѣчательно, что ни французы, ни русскіе

¹⁾ Для болѣе нагляднаго пониманія послѣдующихъ событій прилагается при семъ планъ г. Малоярославца и окрестностей, снятый, по нашей просьбѣ, съ натуры поручикомъ запаса арміи, нынѣ вольнослушателемъ Харьковскаго университета В. А. К. Планъ этотъ, какъ убѣдится каждый, при его внимательномъ разсмотрѣніи, отличается существенно отъ всѣхъ прежде снятыхъ, напримѣръ, отъ плана, приложеннаго къ „Исторіи отечественной войны“ Богдановича. Мѣстность изображена на немъ болѣе ясно и отчетливо, а такія важныя линіи, какъ р. Корижа, не только начерчены, но названы поименно. Послѣ подробнаго обозрѣнія мѣстности г. В. А. К. прислалъ намъ слѣдующую замѣтку о позиціи Малоярославецкой: „В. Глинка справедливо замѣчаетъ, что „если-бы на крутизну горъ, на эти природою устроенныя стѣны крѣпости бросить 20, 30 пушекъ, поставить ниже, вправо у переправы, батарею, прикрытъ дивизіею штыковъ и встрѣтить такимъ распорядкомъ непріятеля, то великая армія Наполеона, не затѣвая попытки овладѣть городомъ, должна бы была искать себѣ другого пути въ Калугу. Малоярославецъ былъ-бы не приступенъ“. Дѣйствительно, хотя Лужа не широка и не глубока, но мѣстность, впереди лежащая, дѣлаетъ переправу почти невозможною. Почти отъ самой рѣки поднимается рядъ значительныхъ возвышенностей съ весьма крутыми скатами, усѣянныхъ кустарникомъ и перерѣзанныхъ оврагами. Отъ самаго моста дорога идетъ вправо отъ отдѣльной возвышенности почти съ отвѣсными скагами, или вѣрнѣе сказать—утесистаго кургана, называемаго городищемъ (см. планъ), что показываетъ, это мѣсто было самое надежное отъ непріятельскихъ нашествій, и что оно именно играло такую роль во времена татарскихъ погромовъ. Далѣе дорога поднимается въ гору подъ угломъ не менѣе 30—35°; съ одной ея стороны оврагъ, покрытый кустарникомъ, съ другой Черноостровскій монастырь съ крѣпкими каменными стѣнами, заключающими въ себѣ, кромѣ церкви, нѣсколько домовъ. Тактическая важность этого монастыря чрезвычайно велика. Дельзонъ понималъ это, и расположивъ въ немъ (во время боя) бригаду, сдѣлалъ приказаніе не оставлять его даже въ томъ случаѣ, если-бы французскія войска отгѣснены были за Лужу“. Изъ этого описанія, составленнаго очевидцемъ-наблюдателемъ, ясно, почему бой за Малоярославецъ отличался такимъ упорствомъ и при упущеніяхъ, сдѣланныхъ обѣими сторонами, не могъ привести къ рѣшительнымъ результатамъ.

ПЛАНЪ ГОРОДА МАЛОЯРОСЛАВЦА И КРОКИ ЕГО ОКРЕСНОСТЕЙ.

Масштабъ одна верста въ амм. дюйма
0 100 200 300 400 500 600 700 800 900 1000

не съумѣли воспользоваться выгодами этой мѣстности. Дельзонъ предупредилъ русскихъ подъ Малоярославцемъ, но вмѣсто того, чтобы запяť городъ всѣми силами, онъ остановился съ своими войсками на сѣверномъ низменномъ берегу Лужи и отрядилъ въ Малоярославецъ только два слабыхъ баталіона. Уже ночью прибылъ къ Малоярославцу Платовъ съ 14 казачьими полками, но онъ не остановился у города, а двинулся вверхъ по Лужѣ и занялъ всѣ мѣста у бродовъ черезъ рѣку. За часъ до разсвѣта явился передъ городомъ Дохтуровъ съ значительными массами пѣхоты, конницы и сильною артиллеріею. Немедленно-же атаковалъ онъ непріятельскіе баталіоны въ Малоярославцѣ и безъ труда вытѣснилъ ихъ изъ города; но и онъ въ свою очередь повторилъ ошибку, только что сдѣланную непріятельскимъ генераломъ. Онъ не прогналъ даже непріятельскій авангардъ за Лужу, не занялъ города всѣми своими силами, а размѣстивъ въ Малоярославцѣ своихъ егерей, остановился въ прикрытой рвами позиціи передъ городомъ. Дельзонъ слѣшилъ воспользоваться ошибкою своего противника: немедленно-же онъ двинулъ впередъ всю свою дивизію. Въ улицахъ Малоярославца загорѣлся отчаянный бой, но Дохтуровъ вмѣсто того, чтобы воспользоваться превосходствомъ силъ, вводилъ въ дѣло баталіонъ за баталіономъ, полкъ за полкомъ. Обѣ стороны скоро получили значительныя подкрѣпленія. Самъ вице-король поспѣшилъ на мѣсто боя; послѣдовательно двинулъ онъ противъ русскихъ дивизіи Брусье и Пино. Съ другой стороны начали подходить къ Малоярославцу главныя силы Кутузова. Корпусъ Раевского, шедшій впереди, немедленно-же принялъ участіе въ дѣлѣ. Солнце подвинулось уже далеко за полдень, когда прибыли, наконецъ, главныя силы Кутузова; тотчасъ-же расположились они густыми массами поперекъ Калужской дороги, всего лишь въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ города.

Между тѣмъ бой въ улицахъ Малоярославца ¹⁾ кипѣлъ

¹⁾ Самый упорный бой происходилъ „у монастыря“. 19 егерскій полкъ, впереди котораго шелъ его полковой священникъ Васильковскій съ животворящимъ

все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ и съ тѣмъ-же переменнымъ счастіемъ. Французы, поддерживаемые все новыми и новыми войсками, четыре раза вытѣсняли русскихъ изъ города, но едва только колонны ихъ выходили изъ улицъ города на плато, какъ русскіе встрѣчали ихъ убійственнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ и заставляли искать спасенія въ поспѣшномъ отступленіи. Въ свою очередь русскіе, вытѣснивъ непріятеля изъ города и достигнувъ высокаго берега Лужи, подвергались убійственному огню французской артиллеріи и, ослабленные имъ, принуждены были отступать передъ новыми ожесточенными атаками непріятеля. Такимъ образомъ, условія мѣстности заставляли противниковъ драться почти исключительно въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ Малоярославца, выбивать другъ друга изъ домовъ, садовъ и огородовъ. Этотъ бой происходилъ при самыхъ страшныхъ условіяхъ. Дома и другія постройки вскорѣ загорѣлись, улицы были завалены горами труповъ убитыхъ и раненыхъ. Артиллерія могла двигаться только по этимъ мостамъ живого и мертваго человѣческаго мяса ¹⁾. Старые французскіе солдаты, хорошо понимавшіе, что отъ исхода боя зависитъ спасеніе всей арміи, дрались съ неслыханнымъ ожесточеніемъ; но наши молодые солдаты, по большей части рекруты, во-

крестомъ въ рукахъ, вытѣснилъ непріятеля изъ средины города къ самому монастырю; обѣ стороны долго оснаживали небольшую площадь предъ его св. вратами. Генералъ Дельзонъ, видя, что войска его, тѣснимыя нашими, спускаются къ мосту, кинулся впередъ, чтобы ободрить ихъ, и въ то самое время, когда защищать упорно дефиле, ведущее къ рѣкѣ между монастыремъ и городищемъ, былъ смертельно пораженъ пулею въ голову; вмѣстѣ съ нимъ погибъ родной братъ его, бросившійся къ нему на помощь. Потеря вождя еще болѣе смѣшала французовъ: не удержась на горѣ, они стѣснились у монастырскихъ воротъ, ища укрыться за оградой; наши егеря ворвались туда же вслѣдъ за ними и штыками и грудью сбрасывали непріятеля въ ровъ. Въ этой-то ужасной свалкѣ сотни выстрѣловъ напечатлѣлись на св. вратахъ вокругъ св. лика Христа Спасителя. См. „Историческое описаніе Малоярославцакаго Черноостровскаго Николаевскаго общежительнаго монастыря“. Составилъ І. І. С.-Петербургъ, 1863 г., стр. 63—64.

¹⁾ „Когда французы послѣ долгихъ, напрасныхъ успій завладѣли наконецъ городомъ, тогда можно было пустить въ ходъ артиллерію. Она прошла черезъ Малоярославецъ по горахъ мертвыхъ и умирающихъ, раздробляя ихъ самымъ ужаснымъ образомъ“. Шамбре. Т. II стр. 333.

одушевляемые своими офицерами, не уступали имъ въ отчаянномъ мужествѣ. Разстрѣлявъ всѣ патроны, противники вступали въ рукопашный бой, дрались штыками, прикладами, душили другъ друга, сталкивали въ обрывы. Солдаты, засѣвшіе въ домахъ и окруженные со всѣхъ сторонъ, нерѣдко погибали въ пламени. Такая-же ужасная участь постигла и сотни раненныхъ.

Къ вечеру счастье начало, повидимому, склоняться окончательно на сторону русскихъ. Подкрѣпленные 27 и 3 пѣхотною дивизіею, войска Дохтурова послѣ отчаянныхъ усилій еще разъ вытѣснили непріятеля изъ улицъ Малоярославца и проникли до самаго моста чрезъ Лужу. Тогда вице-король, къ которому начали подходить въ это время другіе корпуса французской арміи, рѣшился пустить въ дѣло свои послѣдніе резервы, итальянскую гвардію. Онъ самъ сталъ во главѣ этого отборнаго отряда. Ободренные его примѣромъ и словами, остатки дивизій Дельзона, Бруссе и Пино вновь ринулись въ атаку. Русскіе не могли устоять противъ этого отчаяннаго натиска. Въ пятый разъ горящія, залитыя кровью развалины Малоярославца перешли въ руки французамъ. Увлеченные успѣхомъ, непріятельскія колонны выступили на открытое плато и бросились съ штыками въ рукахъ на русскія батареи ¹⁾. Уже они приближались къ орудіямъ, не смотря на залпы картечью, выносившіе цѣлые ряды, какъ вдругъ глубокій оврагъ остановилъ ихъ стремительный натискъ. Поражаемые отовсюду смертоноснымъ огнемъ, итальянцы и французы начали отступать, ряды ихъ смѣшались; въ этотъ моментъ бросилась на нихъ русская конница и обратила ихъ въ полное бѣгство. Русскіе гнались за французами до самыхъ улицъ Малоярославца, но наступившая темнота не

¹⁾ Это послѣднее отчаянное усиліе непріятеля описано подробно у Сегюра. Курьезно заключеніе этого автора: „Такъ побѣдили 18,000 итальянцевъ и французовъ, собранныхъ въ глубинѣ рва, 50,000 русскихъ, расположенныхъ надъ ихъ головами и поддерживаемыхъ всѣми препятствіями, которыя можетъ представить городъ, построенный на крутомъ откосѣ“. Сегюръ. Т. II, 124. Всѣ другіе французскіе авторы, за исключеніемъ ярыхъ панегиристовъ Наполеона, далеки отъ подобнаго хвастовства.

дозволила имъ предпринять новой попытки вытѣснить непріятеля изъ города ¹⁾).

Такъ окончился достопамятный бой при Малоярославцѣ. Съ обѣихъ сторонъ введено было въ дѣло приблизительно по 25,000 человекъ; и съ той и съ другой легло на мѣстѣ около 5000 человекъ. Побѣда осталась на сторонѣ французовъ,—по крайней мѣрѣ поле битвы осталось въ ихъ рукахъ. Войска вице-короля расположились бивуакомъ среди дымящихся развалинъ Малоярославца; двѣ дивизіи изъ корпуса Даву, Жерара и Компана переправились черезъ Лужу и расположились бивуакомъ въ открытомъ полѣ—одна направо, другая налево отъ города; наконецъ, кавалерія Мюрата, прибывшая лишь поздно вечеромъ, прошла черезъ Малоярославецъ и расположилась впереди его ²⁾, насупротивъ русскихъ позицій.

Съ своей стороны Кутузовъ послѣ потери города не считалъ удобнымъ оставлять всю армію въ виду бивуакирующаго непріятеля. Только одинъ Милорадовичъ со 2-мъ и 3-мъ пѣхотными корпусами и съ кавалеріею Корфа и Васильчикова остался на прежнемъ мѣстѣ въ виду Малоярославца; вся остальная армія отошла на 2½ версты назадъ и заняла удобную оборонительную позицію на рѣчкѣ Корижѣ ³⁾.

¹⁾ Ужасны были послѣдствія боя для несчастнаго города. Изъ 200 домовъ уцѣлѣло лишь 20. Церкви были сожжены и ограблены. Никольскій монастырь также потерялъ значительно: церковь ограблена, деревянное строеніе выжжено; особенно-же пострадали каменные въѣздныя ворота, на фронтѣ которыхъ не задолго до непріятельскаго нашествія былъ изображенъ по известіи ликъ Спасителя. Все вокругъ него изъязвлено картечными и ружейными пулями, но ни одна изъ нихъ не коснулась Божественнаго изображенія, какъ-бы въ знаменіе того, что Спаситель рода человѣческаго обратилъ лице Свое въ день брани къ намъ, уповающимъ на милость Его, и сокрушилъ мышцы на ся уповающихъ. Всѣ улицы города представляли груды пепла и развалинъ. Окрестность, окровавленная площадь, улицы—все было усыяно мертвыми тѣлами. Ужасно было взглянуть на монастырскій ровъ, заваленный трупами людей и лошадей См. „Историческое описаніе Малоярославецкаго Черноостровскаго монастыря“. Составилъ І. І. С.-Петербургъ, 1863 г., стр. 62 и слѣдующія.

²⁾ О прибытіи части кавалеріи Мюрата свидѣтельствуетъ очевидецъ и участникъ событія, полковникъ Кальпрейтъ. Французскіе писатели, не исключая и Шамбре, игнорируютъ этотъ фактъ. См. Bernhardt, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 248.

³⁾ В. А. К. въ письмѣ, присланномъ имъ, такимъ образомъ описываетъ по-

Наполеонъ посѣтилъ вечеромъ поле сраженія, но онъ объѣзжалъ его далеко не съ такими чувствами, какъ поприща своихъ прежнихъ триумфовъ. Его смущало не столько участь раненныхъ, которыхъ приходилось бросить на произволъ судьбы, сколько сознание всей тяжести понесенной имъ потери, а еще болѣе тяжелое предчувствіе, что эта страшная жертва была принесена совершенно бесполезно, что легко можно-бы было избѣжать этой безсмысленной рѣзни. И въ самомъ дѣлѣ, потеря 5000 лучшихъ солдатъ значила для Наполеона гораздо болѣе, нежели такая же потеря для русскихъ. И какъ легко было избѣжать этой потери! Стоило лишь пойти изъ Москвы прямо по новой Калужской дорогѣ, не тратить время на фланговое движеніе по непроходимымъ проселочнымъ дорогамъ, идти какъ можно скорѣе и ради спасенія арміи пожертвовать большею частью обоза и добычи. А теперь? Малоярославецъ былъ взятъ цѣною страшныхъ потерь, но путь на Калугу оставался по прежнему загражденнымъ. Вся русская армія, превосходившая уже теперь численностью французскую, стояла на немъ, и все заставляло думать, что Кутузовъ не оставитъ своей позиціи безъ рѣшительнаго боя. А чѣмъ кончится этотъ бой? Во всякомъ случаѣ онъ страшно ослабитъ великую армію и приведетъ ее на край гибели.

Полный самыхъ мрачныхъ мыслей, Наполеонъ оставилъ поле сраженія и немедленно направился въ сосѣднее селе-

зицію на Корижѣ: „Богдановичъ говорить, что Кутузовъ расположилъ послѣ сраженія свои главныя силы въ 2½ верстахъ отъ города на Калужской дорогѣ въ крѣпкой позиціи, но не обозначаетъ точно этой позиціи. Изъ другихъ авторовъ мы узнаемъ, что Кутузовъ отвелъ свои войска за Корижу. Корижа находится дѣйствительно въ 2½ верстахъ къ югу отъ Малоярославца. Вытекая изъ небольшого озера къ сѣверу отъ деревни Марьино, она обтекаетъ въ видѣ дуги г. Малоярославецъ съ южной и западной стороны, пересѣкаетъ у деревни Нѣмцово новую Калужскую дорогу и впадаетъ въ Лужу выше Малоярославца, неподалеку отъ деревни Терентьево. Корижа это не столько рѣчка, сколько глубокой оврагъ, на днѣ котораго протекаетъ небольшой ручей. Она ограничиваетъ собою съ юга Малоярославецкое плато; за нею, по направленію къ Калугѣ, мѣстность вновь возвышается. Берега оврага очень круты, изрѣзаны и поросли кустарникомъ. Трудно представить себѣ позицію, болѣе удобную для обороны“.

ніе Городню, гдѣ приготовлена была для него квартира ¹⁾. Побѣдителю полуміра пришлось помѣститься въ полуразрушенной ²⁾, вонючей лачугѣ бѣднаго ткача. Здѣсь въ мрачной и грязной горницѣ должна была рѣшиться судьба великой арміи и ея вождя. Первые часы ночи прошли въ чтеніи и выслушиваніи докладовъ начальниковъ частей; всѣ доносили, что непріятель видимо готовился на слѣдующій день къ генеральному сраженію. Чтобы провѣрить эти показанія, Наполеонъ послалъ маршала Бессьера осмотрѣть русскія позиціи ³⁾.

Въ 11 часовъ маршалъ возвратился; онъ засталъ императора въ обществѣ Бертье и Мюрата, молчаливаго, погруженного въ глубокія думы. Бессьеръ доложилъ, что онъ тщательно осмотрѣлъ весь фронтъ русской позиціи и что онъ находитъ ее неприступною. „О, небо! воскликнулъ Наполеонъ, складывая на грудь руки, такъ-ли, хорошо-ли осмотрѣли?—отвѣчайте!“ Бессьеръ повторилъ свои слова: „триста гренадеровъ, добавилъ онъ, могутъ остановить на ней цѣлую армію“. Лицо императора поблѣднѣло. Досада, явное недовольство самимъ собою мучили его. „Итакъ его армія выдержала побѣдоносный бой, а онъ самъ побѣжденъ. Дальнѣйшій путь отрѣзанъ ему; его маневръ разстроенъ. Кутузовъ, этотъ старикъ, этотъ скифъ, предупредилъ его! И онъ не въ правѣ обвинять свою звѣзду. Солнце Франціи развѣ не послѣдовало за нимъ въ Россію? Еще вчера путь черезъ Малоярославецъ былъ свободенъ. Счастіе не измѣнило ему, онъ самъ измѣнилъ своему счастью“ ⁴⁾.

Императоръ усѣлся у грязнаго стола; передъ нимъ была разостлана карта Россіи. Помолчавъ немного, онъ началъ

¹⁾ Вмѣстѣ съ Наполеономъ возвратилась въ Городню и его гвардія. Городня лежитъ на пути къ Боровску.

²⁾ Такъ свидѣтельствуегъ Сегюръ, т. II, стр. 126; Шамбре говоритъ про это о крестьянской избѣ. Т. II, стр. 334.

³⁾ О посылкѣ Бессьера говоритъ подробно Сегюръ. Г. II, стр. 126.

⁴⁾ Весь этотъ монологъ находится у Сегюра, т. II, стр. 127. Быть можетъ, онъ и вымышленъ, но онъ соотвѣтствуетъ какъ нельзя болѣе положенію Наполеона въ этотъ моментъ.

говорить о перемѣнѣ, вызванной во всемъ положеніи дѣль прибытіемъ Кутузова; но вдругъ онъ умолкъ, взялся обѣими руками за голову и, опершись локтями на столъ, погрузился въ глубокое раздумье. Прошло болѣе часу, императоръ оставался все въ томъ-же положеніи; его глаза направлены были на карту, онъ какъ будто забылъ о присутствіи своихъ сподвижниковъ. Бессьеръ, Мюратъ и Бертъ хранили молчаніе; они догадывались, какая страшная борьба кипитъ въ душѣ ихъ повелителя, и терпѣливо дожидались исхода. Наконецъ императоръ очнулся. Онъ всталъ съ своего мѣста и объявилъ маршаламъ, что увѣдомить ихъ рано утромъ о своемъ рѣшеніи ¹⁾.

Но и на другой день Наполеонъ медлилъ рѣшеніемъ. Извѣстіе, что непріятельская кавалерія показалась на его правомъ флангѣ, по дорогѣ въ Медынь, усилило еще болѣе его колебанія и раздумье. Русскіе уже отрѣзали ему прямой путь на Калугу; теперь они собираются отрѣзать ему болѣе удобный и не разоренный путь къ Смоленску на Медынь, Юхновъ и Ельню. Эта новая опасность крайне встревожила его. Еще разъ созвалъ онъ своихъ генераловъ на военный совѣтъ ²⁾. Приглашены были король Неаполитанскій, Бессьеръ и графъ Лобау. Императоръ открылъ совѣщаніе такими словами: „Непріятель, кажется, не намѣренъ отступать и намъ предстоитъ сраженіе. Въ виду положенія арміи слѣдуетъ-ли намъ принять бой или же уклониться отъ него?“ Бессьеръ и Мюратъ отвѣчали, что армія разобьетъ несомнѣнно русскихъ, тѣмъ болѣе, что регулярная русская армія уже уни-

¹⁾ Эта знаменитая сцена описана подробно самымъ достовѣрнымъ свидѣтелемъ, Шамбре, т. II, стр. 134. Отпустивъ генераловъ, Наполеонъ послалъ приказъ маршалу Даву стать въ авангардѣ и увѣдомилъ его, что утромъ онъ приблизится къ нему со всею арміею. Тогда-же посланъ былъ приказъ Нэю расположиться съ двумя своими дивизіями между Боровскомъ и Малоярославцемъ. Всѣ эти распоряженія показываютъ, что Наполеонъ думалъ дать сраженіе на слѣдующій день. Остатокъ ночи императоръ провелъ, по словамъ Сегюра, крайне безпокойно. Онъ то ложился, то вставалъ, постоянно звалъ къ себѣ кого-нибудь. Сегюръ. Т. II, стр. 128.

²⁾ Подробности объ этомъ военномъ совѣтѣ находятся у Гурго. См. также Беригарди. Т. II, стр. 251.

чтожена въ битвѣ подъ Москвою, и что у русскихъ нѣтъ другихъ солдатъ, кромѣ ополченцевъ и рекрутъ. Но сраженіе, добавили они, разстроитъ окончательно нашу армію; наши кавалерійскія и артиллерійскія лошади и безъ того уже погибли большею частью; чѣмъ-же замѣнимъ мы новую потерю; намъ прійдется бросить нашихъ раненыхъ. „Опасно и рискованно при такомъ положеніи дѣлъ продолжать движеніе къ Калугѣ, гораздо лучше отступить на Смоленскъ“. А вы какого мнѣнія? обратился императоръ къ графу Лобау. „Государь, я полагаю, что мы должны возвратиться на Нѣманъ кратчайшимъ и извѣстнѣйшимъ намъ путемъ черезъ Можайскъ, и притомъ какъ можно скорѣе ¹⁾. Эти послѣднія слова графъ повторилъ нѣсколько разъ съ особымъ удареніемъ. Наполеонъ былъ страшно потрясенъ словами Лобау. Могила его арміи, его славы, его самого, вдругъ открылась предъ нимъ. Онъ отвернулся отъ своихъ совѣтниковъ. „Мнѣ надо осмотрѣть еще разъ поле битвы! Прикажите подать лошадей“. И императоръ быстрыми шагами вышелъ изъ горницы.

Онъ вновь направился къ полю битвы. Медленно ѣхалъ онъ по луку, окаймлявшему сѣверный берегъ Лужи; лишь немногіе офицеры слѣдовали за нимъ, его конвой далеко отсталъ отъ него. Императоръ находился въ тылу своей арміи; онъ долженъ былъ находить себѣ путь среди массы артиллерійскихъ и транспортныхъ фуръ, повозокъ и экипажей всякаго рода. Вдругъ невдалекѣ отъ него поднялась тревога. Какіе-то всадники появились внезапно, какъ будто выросли изъ земли. То были казаки Платова. Еще ночью они переправились чрезъ рѣку, прокрались незамѣтно къ Боровской дорогѣ и вдругъ съ дикимъ крикомъ бросились на французскую батарею, направлявшуюся къ Малоарославцу. Непріатели, захваченные въ располхъ, бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ. Объятые паническимъ страхомъ, они бросали орудія, фуры. Казаки захватили 11 орудій, массу добычи; они могли-бы взять въ плѣнъ самого Наполеона, но обычная

¹⁾ „Le plus promptement possible“.

страсть къ грабежу испортила все дѣло. Гоняясь за марки-
тантами и обозными фурами, казаки разсѣялись по всему лу-
гу и дали возможность Наполеону ускользнуть отъ неминуе-
мой бѣды ¹⁾).

Возвратясь изъ своей рекогносцировки, императоръ еще
разъ собралъ военный совѣтъ. Кромѣ Мюрата, Бертье и Бес-
сьера онъ пригласилъ еще Даву и вице-короля Евгенія. Пер-
вый заговорилъ на этотъ разъ Мюратъ. Въ противополож-
ность своему вчерашнему мнѣнію онъ выступилъ вдругъ сто-
ронникомъ самаго рѣшительнаго, смѣлаго образа дѣйствія.
Пусть обвиняютъ его въ безумствѣ. Война измѣняетъ все, она
даетъ каждому дѣлу свое имя. Тамъ, гдѣ нѣтъ иного пути,
кромѣ нападенія, мудрость обращается въ безразсудство, а
безразсудство въ мудрость. Останавливаться невозможно, бѣ-
жать опасно,—слѣдовательно, надо идти впередъ. Что зна-
чатъ эти грозныя русскія позиціи, эти непроходимые лѣса?
Онъ презираетъ ихъ. Пусть дадутъ ему остатки его кавале-
рії и кавалерію гвардіи, и онъ бросится въ эти лѣса, опро-
кинетъ эти баталіоны и откроетъ арміи дорогу въ Калугу.

Наполеонъ далъ выговориться пылкому неаполитанскому
королю. „Довольно безразсудной дерзости“, возразилъ онъ
ему холодно и мрачно, „уже достаточно сдѣлано для славы;
теперь пора подумать о спасеніи остатковъ арміи“. Дошла
очередь до Бессьера. „Для подобныхъ усилій не хватитъ си-
лы даже въ гвардіи“, замѣтилъ онъ, возражая Мюрату. „Уже
теперь говорятъ, что за недостаткомъ транспортныхъ средствъ,
раненый побѣдитель достается въ добычу побѣжденному, что
всякое раненіе теперь смертельно. И такъ, солдаты не охот-
но послѣдуютъ за Мюратомъ. И на какую позицію, противъ
какихъ непріятелей собирается онъ вести ихъ? Развѣ вы не
видѣли вчерашняго поля сраженія, развѣ забыли, съ какою
яростью бросались на встрѣчу смерти русскіе рекруты, толь-

¹⁾ Этотъ случай, самъ по себѣ не важный, показываетъ, однакоже, что фор-
постная и развѣдочная служба пришли уже въ это время въ французской ар-
міи въ крайній упадокъ. Наполеонъ оставилъ къ тому же безъ всякаго прикры-
тія всю мѣстность на своемъ правомъ флангѣ. См. Шамбре, т. II, стр. 336.

ко что обмундированные и вооруженные?“ Маршалъ окончилъ свою рѣчь словами, „что въ отступленіи заключается единственное спасеніе арміи“. Наполеонъ ничего не возражалъ противъ этого роковаго слова; онъ, видимо, одобрялъ его своимъ молчаніемъ.

Но возникалъ вопросъ, какимъ путемъ должно совершиться это отступленіе, прямымъ-ли на Можайскъ, или болѣе обходнымъ на Медынь. Герцогъ Экмюльскій (Даву) высказался въ пользу послѣдняго направленія, но Мюратъ началъ съ жаромъ возражать ему. Онъ выразилъ изумленіе, какъ отваживаются дѣлать императору подобныя предложенія. Неужели Даву поклялся погубить армію? Какимъ образомъ хочетъ онъ направить такую длинную и тяжелую колонну безъ проводниковъ на дорогу совершенно неизвѣстную, открывающую нашъ флангъ ударамъ непріятеля? Кто пріиметъ на себя его защиту? Не самъ-ли Даву! Для чего отвергать единственный путь къ спасенію—дорогу безопасную, на Можайскъ, черезъ Верею. Тамъ уже собраны съѣстные припасы, тамъ все намъ извѣстно, тамъ ни одинъ измѣнникъ не можетъ свести насъ съ настоящаго пути.

При этихъ словахъ Даву, пылая гнѣвомъ, не въ состояніи былъ сдерживать себя долѣе. „Я предлагаю, сказалъ онъ, отступать черезъ страну плодоносную, по пути дѣвственному, обильному, нетронутому; къ тому-же путь этотъ короче пути на Верею, и непріятель можетъ воспользоваться имъ, чтобы предупредить насъ въ Можайскѣ. А путь на Верею, это путь, идущій по пескамъ и грудамъ пепла; по немъ тянутся транспорты съ ранеными, они увеличатъ наши затрудненія; мы не встрѣтимъ тамъ ничего, кромѣ развалинъ, слѣдовъ крови, скелетовъ и голода. Я долженъ былъ, впрочемъ, подать мой голосъ, такъ какъ этого требовали отъ меня; я буду повиноваться приказу противному моему мнѣнію съ одинаковымъ рвеніемъ, но лишь одинъ императоръ имѣетъ право заставить меня молчать, а не Мюратъ, который не мой государь и никогда не будетъ имъ“¹⁾.

¹⁾ Всѣ эти подробности у Сегюра. Т. II, стр. 134, 138.

Споръ между королемъ и маршаломъ грозилъ принять самый скандальный характеръ; никогда еще не происходило подобной сцены въ присутствіи императора. Въ былое время Наполеонъ не потерпѣлъ-бы ни минуты подобнаго тона, подобныхъ рѣчей въ своемъ присутствіи. Теперь онъ отнесся къ нимъ съ полнѣйшимъ безучастіемъ. Погруженный въ свои мысли, поглощенный страшною борьбою съ самимъ собою, онъ даже не вслушивался въ горячія рѣчи спорившихъ. Да и о чемъ шелъ споръ? О направленіи отступленія. Но развѣ въ этомъ второстепенномъ вопросѣ заключался весь ужасъ положенія Наполеона? Онъ заключался въ самой идеѣ отступленія! Наполеонъ созналъ очень хорошо всю необходимость отступленія; онъ понималъ, что съ 60000 человекъ, безъ кавалеріи, немислимо побѣдить 90000 отчаянныхъ непріятелей; онъ зналъ, что въ предстоящей битвѣ всѣ нравственныя преимущества будутъ на сторонѣ русскихъ, что даже сама побѣда погубитъ въ концѣ концовъ его армію; онъ отлично зналъ все это, но въ тоже время онъ чувствовалъ, какія страшныя послѣдствія повлечетъ за собою отступленіе, и внутренній голосъ шепталъ ему, что отступая, онъ поведетъ себя и армію въ отверстую, безславную могилу.

Онъ закрылъ военный совѣтъ, не выразивъ ни однимъ словомъ своего конечнаго рѣшенія ¹⁾. Еще разъ взглянулъ онъ на поле сраженія, на открытую, безграничную даль, разстилающуюся передъ нимъ. Какъ, неужели здѣсь, у этого городка, превращеннаго въ груды развалинъ, на этомъ обширномъ плато, предъ этими невзрачными сѣверными лѣсами, должно остановиться покореніе міра, долженъ пресѣчься двадцати-лѣтній путь побѣдъ и славы,—неужели здѣсь счастье впервые отварачивается отъ него, и звѣзда его меркнетъ? О, эта мысль слишкомъ чудовищна, черезчуръ невѣроятна! Развѣ нѣтъ иного исхода, развѣ его геній не найдетъ на этотъ разъ иного спасительнаго пути? Нѣтъ! Всѣ доводы разума и военного искусства громко говорятъ въ пользу отступле-

¹⁾ Онъ закрылъ совѣтъ такими словами: „Хорошо господа! Я рѣшу самъ“. Сегюръ. Т. II, стр. 137.

нія; самые безстрашные и холодные, какъ Даву, самые вѣрные и слѣпо вѣрующіе въ его побѣдоносную звѣзду, какъ Евгений, говорятъ отступать, или мы погибнемъ. Да и самъ онъ думаетъ точно также. Его разумъ ведетъ упорную борьбу съ его чувствомъ. Въ этой сташной борьбѣ таютъ, какъ снѣгъ, его гигантскія силы. Онъ падаетъ въ обморокъ, подобно женщинѣ, онъ теряетъ на нѣсколько моментовъ сознаніе ¹⁾. Но вотъ онъ очнулся, и ему доносятъ, что у Боровска, въ нѣсколькихъ миляхъ позади его арміи, появились казацкіе разъѣзды. Это извѣстіе, само по себѣ ничтожное, разрѣшаетъ его сомнѣніе, приводитъ къ концу его внутреннюю борьбу. То былъ послѣдній, слабый толчекъ, толкнувшій его на путь гибели ²⁾. Онъ не колеблется болѣе, онъ отдастъ приказъ отступать на Смоленскъ, и притомъ кратчайшимъ путемъ на Верею и Можайскъ ³⁾.

¹⁾ Cet effort fut si penible, il conta tant à sa fierte, que, dans combat interieur, il perdit l'usage de ses sens". Серюръ. Т. II, стр. 138. Другіе авторы ничего не говорятъ, впрочемъ, объ этомъ состояніи императора.

²⁾ Ceux que le secoururent on dit que le rattachement d'une autre echaffourée de cosacks vers Borowsk, a quelques lieux derriere l'armée, fut le faible et dernier choc qui acheva de le determiner a cette funeste resolution". Серюръ. Т. II, стр. 138.

³⁾ Французскіе писатели извѣстнаго лагеря увѣряютъ насъ, что Наполеонъ лишь потому не отважился на генеральное сраженіе подъ Малоярославцемъ, что не желалъ подвергнуть гибели тысячи своихъ раненыхъ, транспортировать которыхъ онъ не имѣлъ никакой возможности. Мы уже знаемъ, какъ относился Наполеонъ къ жертвамъ своихъ войнъ, а потому и не можемъ придать подобнымъ объясненіямъ ни малѣйшей цѣны. У Наполеона были совершенно другія причины, побудившія его уклониться отъ рѣшительной битвы. Не говоря уже о нравственныхъ моментахъ, численный перевѣсъ былъ въ это время рѣшительно на сторонѣ русскихъ. У Наполеона сосредоточено было подъ Малоярославцемъ 63,000 пѣхоты, тогда какъ число русской пѣхоты доходило до 90,000 тысячъ. Конница Наполеона находилась въ самомъ жалкомъ состояніи, у русскихъ была отличная и многочисленная кавалерія. Въ артиллеріи замѣчалось также большое неравенство силъ. У Наполеона было подъ Малоярославцемъ всего 360 орудій (остальныя орудія находились при корпусахъ Нея, Мортье и Понятовскаго, которые не могли принять участія въ сраженіи), у русскихъ насчитывалось 622 орудія. Этого мало. Упряжныя лошади французской артиллеріи находились въ такомъ печальномъ состояніи, что французскія батареи могли стрѣлять съ позиціи, но не въ состояніи были маневрировать и передвигаться быстро съ мѣста на мѣсто. Наконецъ не только артиллерія, но и пѣ-

Въ то время, когда великій завоеватель переживалъ страшную внутреннюю борьбу и самъ принужденъ былъ произнести столь необычное для него роковое слово „отступление“, въ русской главной квартирѣ происходили не менѣ странныя и достопамятныя сцены. Позиція, занимаемая русскою арміею на берегу рѣчки Корижи, была настолько крѣпка, что никто ни на минуту не сомнѣвался въ возможности отразить здѣсь побѣдоносно всѣ нападенія. Самъ фельдмаршалъ былъ, повидимому, такого-же мнѣнія. Еще въ одиннадцать часовъ вечера онъ объявилъ собравшимся генераламъ, что онъ твердо намѣренъ противостать здѣсь Наполеону и рѣшить судьбу непріятеля генеральнымъ сраженіемъ ¹⁾. Въ числѣ присутствующихъ былъ и хорошо извѣстный намъ англійскій генералъ Вильсонъ. Дружески пожимая руку Кутузова, онъ поздравлялъ его съ рѣшеніемъ, вполне достойнымъ и его характера, и дѣла, которое онъ призванъ защищать. Въстѣ съ тѣмъ онъ просилъ фельдмаршала забыть всѣ прежнія недоразумѣнія и выражалъ надежду оказать съ своей сто-

хота великой арміи снабжены были зарядами всего лишь на одно сраженіе. Итакъ, Наполеонъ имѣлъ весьма основательныя причины уклониться отъ рѣшительнаго боя подъ Малоарославцемъ. Иной вопросъ, почему не рѣшился Наполеонъ обойти позицію Кутузова на Корижѣ и двинуться на Медынь, Юхновъ и Ельню;—почему не рѣшился онъ сдѣлать этого даже тогда, когда Кутузовъ началъ отступать къ Калугѣ? Чтобы оправдать Наполеона, замѣчали, что въ такомъ случаѣ Кутузовъ могъ-бы преградить ему дорогу у Массальска, но Кутузовъ навѣрное не сдѣлалъ-бы этого. Изъ донесенія его государю и изъ другихъ данныхъ мы знаемъ, что Кутузовъ заботился исключительно о прикрытіи Калуги. Если-бы непріятельская армія показала у Юхнова, то Кутузовъ по всей вѣроятности поспѣшилъ-бы занять дорогу отъ этого города къ Калугѣ у Знаменскаго и ни въ какомъ случаѣ не пошелъ-бы къ Массальску. Да, наконецъ, если-бы Наполеонъ принималъ въ соображеніе такія возможности, то почему-же не имѣлъ онъ въ виду, что Кутузовъ могъ предупредить его и на старой Смоленской дорогѣ подъ Вязмою? Въ дѣйствительности Наполеонъ и не взвѣшивалъ даже серьезно возможности пойти на Медынь. Въ непонятномъ ослѣпленіи онъ не видѣлъ иного выбора кромѣ прямаго пути на Калугу или возвращенія на старую Смоленскую дорогу. Въ этомъ ослѣпленіи заключалась главная причина гибели его полчищъ. См. между прочимъ Бернгардъ. Т. II, стр. 251, 261.

¹⁾ Въ такомъ смыслѣ доносилъ Кутузовъ и императору: „Завтра, писалъ онъ, я полагаю, должно быть генеральное сраженіе, безъ коего ни подъ какимъ видомъ непріятеля въ Калугу не пущу“. См. Богдановичъ. Т. III, стр. 48.

роны полезныя услуги въ предстоящемъ сраженіи. Кутузовъ отвѣчалъ не меньшими любезностями. Онъ заявилъ, что намѣренъ находится съ Вильсономъ въ постоянныхъ сношеніяхъ во время сраженія, предлагалъ ему даже отдавать приказанія его именемъ ¹⁾.

Генералы удалились въ полномъ убѣжденіи, что на другой день должно произойти рѣшительное сраженіе. Но намѣренія Кутузова вовсе не были такъ тверды, какъ казалось это на первый взглядъ, да и самая точка зрѣнія его на общее положеніе дѣлъ и на способъ дѣйствій противъ Наполеона была вовсе не такова, какъ большинства его совѣтниковъ и генераловъ. Не только такіе нахалы, какъ Вильсонъ, не только всѣ наши боевые генералы, но и даже такіе высокообразованные офицеры и стратеги, какъ Ермоловъ, Толь, Коновницынъ, полагали, что отъ Наполеона нечего теперь опасаться какихъ-либо наступательныхъ дѣйствій, что онъ думаетъ теперь лишь объ одномъ отступленіи, и притомъ путемъ наименѣе опаснымъ и гибельнымъ для его арміи. Исходя изъ такой общей точки зрѣнія, молодые совѣтники Кутузова полагали, что теперь настало время дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ противъ непріятеля, отрѣзать ему всѣ иные пути отступленія кромѣ опустошенной Можайской дороги и преградить ему путь у Вязьмы. „Необходимо“, говорили они, „не только не выпускать его изъ Малоярославца на новую Калужскую дорогу, но и заградить ему болѣе окольный путь на Мединъ. Совершенно иначе смотрѣлъ на положеніе и на планы непріятеля Кутузовъ. Старый фельдмаршалъ не имѣлъ еще въ это время точныхъ свѣдѣній объ окончательномъ очищеніи Москвы французами. Положеніе непріятельской арміи далеко не казалось ему такимъ безнадежнымъ, какъ его совѣтникамъ. Онъ справедливо думалъ, что если на сторонѣ непріятеля и не было теперь превосходства числа, но за то было другое, болѣе существенное преимущество—масса старыхъ, опытныхъ и закаленныхъ

¹⁾ Это послѣднее увѣреніе можетъ быть вымышлено хвастливымъ англичаниномъ. Wilson, Geheime Geschichte des Feldzug's von 1812 in Russland. Стр. 201.

въ бояхъ солдатъ. Изъ опыта прежнихъ войнъ Кутузовъ вынесъ самое высокое мнѣніе о военномъ геніи Наполеона. Онъ самъ былъ убѣжденъ, что Наполеонъ занятъ въ настоящее время болѣе всего мыслью объ отступленіи и спасеніи своей арміи; но это убѣжденіе вовсе не исключало возможности, что императоръ французовъ могъ перейти при случаѣ и при первой-же оплошности противника къ наступленію. Не слѣдовало, по мнѣнію Кутузова, слишкомъ напирать на такого противника, какъ Наполеонъ, слишкомъ тѣснить его, доводить до отчаянія и тѣмъ самымъ вызывать съ его стороны, быть можетъ, опасныя и даже гибельныя для дѣла Россіи рѣшенія. Несравненно лучше вести противъ великаго полководца ту-же самую войну, которая примѣнялась до сихъ поръ на дѣлѣ съ такимъ успѣхомъ. Надо держаться системы строго-оборонительной, наносить противнику всевозможный вредъ при каждомъ удобномъ случаѣ, но избѣгать всякаго рѣшительнаго столкновенія съ нимъ. Время и пространство должны играть въ этой войнѣ и впредь такую-же роль, какую играли они въ ней сначала. Наполеонъ зашелъ уже глубоко внутрь Россіи и понесъ при Малоярославцѣ чувствительный уронъ; теперь можно завлечь его еще дальше, уступить ему въ случаѣ крайности Калугу, перейти за линію Оки. Рано или поздно,—и надо полагать, что скоро,—силы его окончательно оскудѣютъ, и тогда волею или неволею онъ принужденъ будетъ повернуть назадъ. Тогда настанетъ время дѣйствовать, тогда наша армія, усилившись войсками Чичагова и Витгенштейна, пріобрѣтетъ несомнѣнное превосходство надъ противникомъ, тогда явится намъ на помощь и нашъ страшный союзникъ, русская зима. Такимъ способомъ гораздо легче и вѣрнѣе можно достигнуть конечной цѣли войны—истребленія непріятельской арміи, и что самое важное,—при такомъ образѣ дѣйствій мы сохранимъ массу драгоцѣнной русской крови, которой пролито уже такъ много. „Не мудрено атаковать ихъ и разбить, говаривалъ старый фельдмаршалъ, а надобно такъ разбить, чтобы было дешево для насъ“ ¹⁾.

¹⁾ Само собою понятно, что Кутузовъ нигдѣ и никогда не высказывалъ потомъ и.

Стоя на такой почвѣ, имѣвшей свое разумное и глубокое основаніе, Кутузовъ принужденъ былъ вести постоянную борьбу съ противоположными мнѣніями своихъ совѣтниковъ. Иногда онъ изнывалъ въ этой борьбѣ, иногда онъ дѣлалъ уступки, но всегда возвращался тотчасъ-же къ своей первоначальной программѣ и умѣлъ провести ее до конца. Такъ случилось и подъ Малоярославцемъ. Кутузовъ какъ будто окончательно уступилъ требованіямъ своихъ окружающихъ и обѣщалъ дать на другой день генеральное сраженіе, но, распрощавшись съ генералами и обдумавъ вновь хорошенько все дѣло, онъ возвратился къ прежнему убѣжденію. „Французы, разсуждалъ онъ, оказали необычайное упорство въ только что окончившемся сраженіи, поле битвы осталось за нами, не смотря на героическія усилія нашей пѣхоты. Несомнѣнно, они могутъ драться съ такимъ-же упорствомъ и ожесточеніемъ и завтра; ихъ ветераны могутъ прорвать ряды нашихъ новобранцевъ. И тогда что? Наполеонъ вступить съ торжествомъ въ Калугу, а наша армія прійдетъ въ такое-же разстройство, какъ послѣ Бородина. У непріятеля, быть можетъ, есть уже и другіе крайне опасные для насъ планы. Сегодня получено извѣстіе отъ генерала Иловайскаго, что на Медынской дорогѣ показались значительныя непріятельскія силы; у Кременскаго произошло даже столкновеніе съ нашими казаками. Отъ генерала Кутейникова, дѣйствующаго въ тылу непріятеля подъ Боровскомъ, получены важныя, перехваченныя имъ бумаги. Изъ нихъ видно, что непріятель собираетъ подробныя свѣдѣнія о дорогахъ между Медынью, Юхновымъ и Малоярославцемъ. Быть можетъ, Наполеонъ собирается обойти насъ этими окольными путями и захватить Калугу въ тылу нашей арміи. Въ виду всего этого бесполезно и опасно оставаться долѣе у Малоярославца,—надо отступать дальше къ Калугѣ и расположиться на позиціи или у Детчина, или у Гончарова“ ¹⁾).

дробно и систематически своего взгляда на способъ войны съ Наполеономъ. Пытался характеризовать въ общихъ чертахъ систему стараго фельдмаршала, мы имѣли въ виду всю совокупность его дѣйствій въ достопамятную кампанію 1812 г.

¹⁾ Едва-ли можно согласиться съ Богдановичемъ и другими авторами, что

Прійдя къ такому рѣшенію, фельдмаршалъ тотчасъ же послалъ за Толемъ и Коновницынымъ и сообщилъ имъ свое новое рѣшеніе, но понятно, что они не одобряли его и пытались склонить Кутузова въ пользу перваго рѣшенія ¹⁾. Кутузовъ послалъ за Ермоловымъ, надѣясь встрѣтить у него поддержку своему мнѣнію, но и онъ рѣшительно высказался противъ отступленія. Онъ съ жаромъ доказывалъ, что со стороны Наполеона нечего опасаться наступательныхъ дѣйствій, что позиція не благоприятствуетъ ему, что на нашей сторонѣ и превосходство числа, и преимущество въ артиллеріи, что у насъ масса превосходной конницы, тогда какъ у непріятеля нѣтъ почти никакой. Въ заключеніе Ермоловъ заявилъ, что если уже отступать, то не по новой Калужской дорогѣ, а по дорогѣ на Мединъ. „Какъ возможно это въ виду непріятеля?“ возразилъ Кутузовъ. Ермоловъ отвѣчалъ, что Платовъ взялъ-же непріятельскія пушки по ту сторону рѣчки Лужи. „Я люблю говорить съ тобою“, замѣтилъ Кутузовъ, „ибо никогда обстоятельства не представляются тебѣ въ худомъ видѣ“ ²⁾. Понятно, что доводы Ермолова не могли разсѣять опасеній Кутузова. Самая позиція при Корижѣ казалась ему во многихъ отношеніяхъ неудобною, и, переговоривъ на счетъ ея съ полковникомъ Кроссаромъ, старый фельдмаршалъ рѣшилъ окончательно и безповоротно отступить.

Въ два часа утра Кутузовъ вновь потребовалъ къ себѣ генераловъ. Всѣ ожидали услышать о какой-то важной и неожиданной перемѣнѣ, и они не ошиблись. „Я получилъ извѣ-

Кутузовъ рѣшился отступить далѣе на югъ и пожертвовать даже Калугою, единственно изъ опасенія за свой лѣвый флангъ. Несомнѣнно, что въ рѣшеніи Кутузова гораздо болѣе имѣли значеніе общія соображенія, подробно развитыя нами въ текстѣ.

¹⁾ Vergebens, замѣчаетъ Бернгарди, widerssprach Toll und bot alles auf ihn von diesem Entschluss zurück zubringen. Kutuzow und sein Generalquartiermeister gingen eben von gar zu verschiedenen Ansichten aus. Bernhardi. Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 225.

²⁾ Ермоловъ, записки, т. I, стран. 236. Ермоловъ полагаетъ, что Кутузовъ самъ не ожидалъ нападенія со стороны Наполеона, что онъ соглашался съ разсужденіями его, Ермолова, но что тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ отступить. Ермоловъ не пытается объяснить такой странности.

стія, объявилъ фельдмаршалъ, которыя побуждаютъ меня отказать отъ моего намѣренія—удерживать позицію подъ Малоярославцемъ. Я предполагаю отступить за Корижу, чтобы сохранить сообщеніе съ Калугою и Окою“.

„Слова эти, утверждаетъ Вильсонъ, поразили всѣхъ присутствующихъ какъ громомъ“. Нѣкоторые и въ томъ числѣ, разумѣется, самъ Вильсонъ пытались возражать фельдмаршалу, указывали на опасность, съ которой будетъ соединено отступление въ темнотѣ и по узкой плотинѣ, особенно въ томъ случаѣ, если непріятель замѣтитъ наше движеніе и поведетъ на насъ атаку ¹⁾. Вильсонъ, по собственному свидѣтельству, говорилъ и горячился больше всѣхъ. Подъ конецъ фельдмаршалъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣзко прервалъ его такими словами: „Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ возраженій. Я лучше построю непріятелю золотой мостъ, нежели подвергну себя опасности получить *coup de collier* ²⁾. Повторяю вамъ къ тому же то, что говорилъ я вамъ уже раньше: я вовсе не убѣжденъ, что окончательное уничтоженіе императора Наполеона и его арміи принесетъ міру безусловное благодѣяніе. Его наслѣдство достанется не Россіи или какой-нибудь другой державѣ, а той державѣ, которая уже владычествуетъ на морѣ, и господство которой оказалось-бы невыносимымъ для всѣхъ“ ³⁾.

Покончивъ объясненіе съ Вильсономъ, Кутузовъ отдалъ немедленно-же приказъ отступать. Мрачныя предсказанія Вильсона не оправдались. Не смотря на темноту ночи, отступление совершилось въ образцовомъ порядкѣ. Солдаты и офицеры, безусловно довѣрившіе своему главнокомандующему, безропотно подчинялись его распоряженіямъ. Войска двинулись по направленію къ Детчину тремя колоннами. Милорадовичъ

¹⁾ Эти опасенія не совсѣмъ для насъ понятны. Изъ осмотра мѣстности, сдѣланнаго В. А. К., оказывается, что въ тылу позиціи на Корижѣ нѣтъ никакихъ плотинъ или опасныхъ дефиловъ, что дорога идетъ по совершенно ровнымъ мѣстамъ и что она такъ широка и удобна, что по ней можетъ пройти цѣлый баталіонъ развернутымъ фронтомъ.

²⁾ *Coup de collier*—неопправимый ударъ.

³⁾ См. Wilson, *Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland*. стр. 203.

остался съ значительною частью пѣхоты и съ 14 казачьими полками на прежней позиціи у Корижи. Изъ Детчина князь Кутузовъ доносилъ императору, что Наполеонъ пытается обойти нашу армію и достигнуть Калуги черезъ Медынь. „А по сему, писалъ онъ въ заключеніе, оставивъ сильный отрядъ подъ начальствомъ Милорадовича у Малоярославца, я отошелъ 14 сего октября къ Детчину“.

ГЛАВА VI.

Новыя иллюзіи Наполеона.—Морозъ начинаетъ играть свою легендарную роль.— Великая армія вступаетъ въ пустыню.—Начало бѣдствій.—Варварскіе приказы Наполеона и ихъ послѣдствія.—Пожары, пристрѣливаніе плѣнныхъ.—Великая нація всегда права.—Поле смерти.—Ужасы въ Колоцкомъ монастырѣ.—Первая угроза зимы.—Движенія русской арміи.—Наполеонъ достигаетъ Вязьмы.—Русскіе настигаютъ французовъ.—Сраженіе подъ Вязьмою.—Наполеонъ думаетъ устроить засаду преслѣдователямъ.—Планъ русскаго преслѣдованія.—Первый снѣгъ.—Голодъ и холодъ.—Упадокъ дисциплины.—Гдѣ чему оставаться далѣе въ рядахъ.—Мародеры и народная война.—Заживо погребенные.—Надежда на Смоленскъ.—Ней принимаетъ начальство надъ арріергардомъ.—Французы бросаютъ въ озеро часть Московской добычи.—Вѣсти изъ Парижа.—„А Наполеонъ II, о немъ значить и не подумали!“—Участіе вице-короля.—Катастрофа на берегахъ Воны.

Наполеонъ былъ далекъ отъ намѣреній, какія предполагалъ съ его стороны князь Кутузовъ. Онъ и не думалъ объ обходномъ движеніи на Мединь, а спѣшили достигнуть кратчайшимъ путемъ Можайска. Рано утромъ 14 числа императору донесли, что русскіе начинаютъ сниматься съ позицій и отходить по направленію къ Калугѣ, но онъ остался при своемъ прежнемъ рѣшеніи. Казалось, какая-то невидимая сила увлекала его на старую дорогу, обращенную въ пустыню его собственными полчищами. Онъ уже не думалъ болѣе объ истребленіи русской арміи, о покореніи Россіи; всѣ его помыслы, всѣ силы его генія были сосредоточены на одномъ стремленіи, выбраться поскорѣе изъ этой варварской страны, достигнуть преданной ему Польши, навести страхъ на своихъ вассаловъ прибытіемъ во главѣ стотысяч-

ной арміи. Парижъ—вотъ конечная цѣль его теперешнихъ стремленій, какъ въ первой половинѣ похода была Москва ¹⁾. Но удастся-ли ему достигнуть этой завѣтной цѣли, спасется-ли онъ, подобно Дарію, изъ этой ужасной Скиѣи? Передъ нимъ 250 лье (болѣе 1000 верстъ) пути, и какого пути! И только два пункта, на которыхъ онъ можетъ разсчитывать дать отдыхъ своимъ войскамъ и обновить ихъ силы,—это Смоленскъ и Минскъ. И тамъ, и тутъ у него собраны громадныя депо и магазины; но Смоленску угрожаетъ Витгенштейнъ, а на правомъ флангѣ линіи его отступленія стоитъ Чичаговъ. Наполеонъ все еще надѣется, онъ еще продолжаетъ утѣшать себя и другихъ обманчивыми иллюзіями. Онъ разсчитываетъ, на 36000-й корпусъ маршала Виктора, предполагая его уже въ Смоленскѣ; онъ разсчитываетъ, что подкрѣпленія, высылаемыя изъ депо, выздоравливающіе раненые и больные, наконецъ отсталые, изъ которыхъ формируютъ новые баталіоны въ Вильнѣ, пополнятъ убыль въ его войскахъ. Онъ старается увѣрить себя и другихъ, что онъ успѣетъ достигнуть позицій на Двинѣ и Днѣпрѣ, присоединить тамъ къ себѣ войска Виктора, Макдональда, Сенъ-Сира, отбросить Витгенштейна, остановить Кутузова и пріобрѣтетъ возможность угрожать Александру въ самомъ Петербургѣ. Наполеонъ не сомнѣвается также, что Шварценбергъ, Дюруть, Домбровский и Ренье уничтожатъ до его прибытія Чичагова. Возлагая такія надежды на своихъ генераловъ, Наполеонъ въ тоже время не хочетъ сознаться передъ ними въ своей неудачѣ и старается представить имъ положеніе великой арміи въ совершенно ложномъ свѣтѣ. „Подъ Малоярославцемъ, пишетъ онъ маршалу

¹⁾ Сегюръ справедливо замѣчаетъ, что если при выходѣ изъ Москвы Наполеонъ грѣшилъ недостаткомъ благоразумія, то теперь у него не хватило смѣлости. „Онъ усталъ. Эти два казацкихъ налета вызвали въ немъ чувство омерзѣнія (!); участь раненыхъ безпокоила его, всѣ эти ужасы отталкивали его и, какъ человекъ крайнихъ рѣшеній, онъ, не надѣясь болѣе на полную побѣду, рѣшился на преждевременное отступленіе“. Depuis ce moment, il ne vit plus que Paris, de même qu'en partant de Paris, il n'avait eu en vue que Moscou. Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée T. II, стр. 143.

Виктору, армія выдержала побѣдоносное сраженіе; французы потеряли 2000, русскіе 8000 человекъ. Непріятель находится въ полномъ отступленіи, но морозъ и необходимость спасти своихъ раненыхъ побудили меня отказаться отъ преслѣдованія и направиться на Можайскъ и Вязьму. Русская пѣхота сильно уменьшилась послѣ сраженія при Москвѣ; въ ней насчитывается теперь не болѣе 15000 старыхъ солдатъ ¹⁾.

Итакъ морозъ, который надѣлалъ потомъ столько бѣды французамъ, начинаетъ играть, по словамъ Наполеона, свою роковую роль уже подъ Малоярославцемъ. Трудно себѣ представить болѣе возмутительную ложь, но мы такъ слѣпо вѣрили и вѣримъ и теперь нашимъ элегантнымъ учителямъ, что продолжаемъ повторять ее съ ихъ словъ и по настоящее время ²⁾. А между тѣмъ подъ Малоярославцемъ погода

¹⁾ Совершенно подобныя-же небылицы занесены были впослѣдствіи по волѣ Наполеона и въ его мемуары, писанные на островѣ св. Елены. „Если-бы, говорятъ тамъ, дѣло было въ августъ, а не въ ноябръ (?), то армія пошла-бы на Петербургъ. Она отступала на Смоленскъ не потому, что была разбита, а потому, что хотѣла занять зимнія квартиры въ Польшѣ. Если-бы было лѣто, то ни Чичаговъ, ни Кутузовъ не приблизились-бы и на десять переходовъ къ французской арміи, не подвергаясь опасности быть уничтоженными“. См. замѣчанія Шамбре на это мѣсто мемуаровъ. Шамбре, Т. III, стр. 243. Онъ называетъ его прямо гасконадою.

²⁾ Легенда о морозѣ повторялась во всѣхъ нашихъ учебникахъ до самаго послѣдняго времени. Только въ самомъ новѣйшемъ руководствѣ русской исторіи, (Трачевскаго), мы встрѣчаемъ отступление отъ традиціи. Тамъ сказано: „Наполеонъ долженъ былъ возвращаться съ обносившимися и голодными войсками при наступающей зимѣ, которая впрочемъ запоздала и не была сурова“. *Трачевскій*. „Учебникъ русской исторіи“, стр. 413. Наполеонъ утверждалъ впослѣдствіи, что если-бы зима наступила 15 днями позже, то война 1812 г. окончилась бы для него самымъ блестящимъ образомъ. Это нелѣпое хвастовство было опровергнуто уже Шамбре въ его книгѣ, изданной еще въ самомъ началѣ 20 годовъ. Шамбре замѣтилъ, что сильныя холода были только отъ 9 до 13 ноябрю включительно во время пребыванія арміи въ Смоленскѣ и что затѣмъ сильный морозъ наступилъ только послѣ переправы черезъ Березину въ самыхъ послѣднихъ числахъ ноябрю. Несмотря на эти категорическія замѣчанія добросовѣстнаго историка, позднѣйшіе писатели продолжали повторять сказку о морозѣ до самаго послѣдняго времени. Беригарди въ своихъ „Воспоминаніяхъ Толля“ опровергъ ее окончательно. См. Беригарди, Т. II, стр. 259 и въ другихъ мѣстахъ. Свѣдѣнія о морозахъ собраны между прочимъ въ статьѣ Д. В. Давыдова, соч. Т. I, стр. 1—20 и въ соч. Липранди, „Нѣкоторые замѣчанія о причинахъ гибели Наполеоновыхъ войскъ“. Спб. 1855 г. стр. 79 и слѣд. Слѣ-

была еще теплая и прекрасная, о морозѣ-же не было и помину. Вообще, если что-либо, то именно погода благоприятствовала въ 1812 г. какъ нельзя болѣе предпріятію Наполеона. Осень въ этомъ году была необычайно продолжительная и теплая. Зима наступила очень поздно и далеко не принадлежала къ числу суровыхъ. Въ окрестностяхъ Москвы въ другіе годы нерѣдко уже устанавливается съ половины октября санный путь. Теперь, наоборотъ, не было еще ни морозу, ни снѣгу, солнце ярко сіяло и грѣло днемъ, а ночью термометръ ни разу не опускался еще ниже нуля. Вообще въ первые дни отступленія французская армія не испытывала еще никакихъ особенныхъ бѣдствій или лишеній, а между тѣмъ уже въ это время началось ея страшное внутреннее разложеніе. Психологическій элементъ игралъ въ этомъ дѣлѣ разрушенія первенствующую роль. Настроеніе солдатъ было самое тяжелое и подавленное съ той минуты, когда отданъ былъ роковой приказъ отступать. Бодрость духа, поддерживаемая наступательнымъ движеніемъ, быстро уступила мѣсто какому-то тупому, безотрадному чувству отчаянія. Солдаты шли, понурия голову, какъ будто сознавая неслыханное униженіе, обрушившееся на нихъ и на ихъ непобѣдимаго вождя ¹⁾. Невообразимый безпорядокъ, царствовавшій въ арміи уже во время выхода изъ Москвы, достигъ теперь крайней степени. Дисциплина пала окончательно. Дикіе инстинкты эгоизма и самосохраненія вступили въ свои права. Самъ императоръ подавалъ дурной примѣръ своимъ войскамъ. Всѣ замѣчали, что уже въ эти первые дни отступленія онъ заботился не столько о спасеніи арміи, сколько—своей дорогой особы. Онъ не дѣлилъ подобно другимъ полководцамъ трудовъ, опасностей и лишеній съ своими солдатами. Онъ не старался воодушевить ихъ своимъ присутствіемъ и словомъ.

дуетъ, впрочемъ замѣтить, что въ самой Россіи ходило во время самыхъ событій крайне преувеличенное мнѣніе о влияніи мороза на гибель непріятельской арміи. Мы увидимъ, что самъ императоръ Александръ держался такого неосновательнаго мнѣнія.

¹⁾ „La grande armée marchait les yeux baissés, comme honteuse et humiliée“. Segur, T. II, стр. 143.

Онъ почти не показывался войскамъ, рѣдко садился на коня, ѣхалъ почти всегда въ закрытой каретѣ, окруженный своимъ конвоемъ. Еще о преслѣдованіи со стороны русскихъ не было и помину, а уже императоръ старался уйти какъ можно дальше впередъ съ своею гвардіею. Онъ, то и дѣло, торопилъ своихъ генераловъ, а генералы и маршалы думали въ свою очередь больше всего о своемъ собственномъ спасеніи и о своихъ удобствахъ. Такіе факты не могли, разумѣется, укрыться отъ вниманія солдата, не могли не отозваться самымъ пагубнымъ образомъ на его настроеніи.

Чѣмъ ближе подвигались колонны французской арміи къ Можайску, тѣмъ ужаснѣе и безотраднѣе становилась окружающая ихъ мѣстность. Великая армія входила въ область смерти, въ страну, опустошенную до-тла французами и русскими, въ совершенную пустыню, гдѣ не было и признаковъ жизни, гдѣ царило гробовое молчаніе. Многочисленные села и деревни по пути лежали въ развалинахъ, лишь кое-гдѣ торчали лачуги и сараи, уцѣлѣвшіе какимъ-то чудомъ отъ разоренія. Въ небольшихъ городкахъ стояло еще не мало домовъ, но они были пусты, окна и двери выломаны, запасы уничтожены, сады и огороды опустошены ¹⁾. Нигдѣ на разстояніи десятковъ верстъ отъ дороги нельзя было встрѣтить живой души. Жители скрывались съ своими семействами и пожитками въ лѣсахъ, вдали отъ путей, по которымъ тянулись непріятельскія колонны. Поля и нивы были повсюду вытоптаны, опустошены, мѣстами даже выжжены. Нигдѣ невозможно было найти ни фуража, ни подножнаго корма для лошадей и скота.

Армія тащила съ собою огромное количество съѣстныхъ припасовъ, но солдаты видѣли, что никто изъ начальствующихъ лицъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на правильное распредѣленіе этихъ припасовъ. Въ одномъ полку было еще много быковъ, но совершенно недоставало хлѣба, въ другомъ хлѣбъ былъ въ избыткѣ, но не было вовсе мяса. Подобное-же неравенство существовало нерѣдко въ одномъ

¹⁾ См. м. пр. Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 280.

и томъ же полку. Одиѣ роты умирали съ голоду, тогда какъ другія утопали въ изобиліи. Командиры, то и дѣло отдавали приказанія раздѣлить равномерно провіантъ; но эгоизмъ подчиненныхъ находилъ тысячи средствъ обойти и не исполнить этихъ приказаній ¹⁾. Сохраненіе припасовъ всецѣло зависѣло отъ лошадей, а между тѣмъ эти послѣднія, не получая почти никакой пищи, быстро выбивались изъ силъ и сотнями падали по дорогамъ ²⁾. Уже съ первыхъ дней отступленія пришлось взрывать на воздухъ зарядные ящики, бросать на дорогѣ пушки и фуры съ добычею и даже припасами. Все напоминало скорѣе безпорядочное бѣгство, нежели правильное отступленіе ³⁾. Сознаніе близкой опасности, грозившей арміи, тяжелое предчувствіе гибели проникало въ душу каждого солдата, вызывало одичаніе и полнѣйшую деморализацію въ арміи. Количество больныхъ, отсталыхъ, мародеровъ росло въ ужасающей прогрессіи. Вестфальцы въ теченіи двухъ переходовъ потеряли 400 человекъ. Обозы Вестфальцовъ и молодой гвардіи спутались на дорогѣ и не въ состояніи были тронуться съ мѣста. Солдаты молодой гвардіи, не думая долго, бросились на повозки съ собственными припасами, принадлежавшія Вестфальцамъ, и силою присвоили ихъ себѣ. Случалось нерѣдко, что солдаты одного отряда захватывали скотъ и провіантъ другихъ отрядовъ. Очень часто дѣло доходило при этомъ до драки, до употребленія оружія, до настоящихъ сраженій между различными частями арміи. Тамъ, гдѣ дѣло шло о захватѣ провіанта, о поддержкѣ собственнаго жалкаго существованія,

¹⁾ „Les chefs ordonnaient le partage, mais l'egoisme employait tous les moyens pour tromper leur surveillance et se soustraire a leur autorité“. Fezensac, стр. 281.

²⁾ Наполеонъ распустилъ въпослѣдствіи басню о 30000 лошадяхъ, погибшихъ въ одну ночь отъ лютаго мороза. Шамбре замѣтилъ по этому поводу, что лошади гибли вовсе не отъ холоду, а отъ недостатка пищи. Отъ Фезенсака и другихъ свидѣтелей мы узнаемъ, что лошади падали сотнями съ голоду уже въ первые дни отступленія, когда о морозѣ не было и помину. См. Fezensac, стр. 281.

³⁾ „De les premiers jours enfin cette retraite ressemblait a une deroute“, т. е. „уже съ первыхъ дней это отступленіе походило на бѣгство“. См. Fezensac, стр. 281.

тамъ солдаты великой арміи уже въ эти первые дни отступленія превращались въ дикую, свирѣпую орду башибузуковъ ¹⁾).

Императоръ Наполеонъ наблюдалъ съ возрастающимъ безпокойствомъ эти страшные симптомы. Хуже всего было то, что онъ самъ начиналъ сознать свое собственное безсиліе передъ этою разнузданностью. Считая себя по обыкновенію непогрѣшимымъ, онъ не допускалъ мысли, что главнымъ виновникомъ безпорядка и упадка дисциплины былъ ни кто иной, какъ онъ самъ. Этого мало! И теперь онъ продолжалъ издавать приказы, которые должны были убить въ солдатахъ всякое чувство дисциплины и порядочности и превратить армію въ стаю дикихъ звѣрей, выпущенныхъ на волю. Именно въ это время Наполеонъ началъ вести ту систематическую войну истребленія, которую онъ порѣшилъ еще въ Москвѣ: онъ началъ, по словамъ одного изъ своихъ сподвижниковъ ²⁾, изливать свою месть на дома и постройки. Маршалъ Даву, шедшій съ арьергардомъ арміи, получилъ приказъ истреблять остатки городовъ, селъ и деревень, лежащихъ по пути отступленія. Никогда еще варварскій приказъ не находилъ болѣе точнаго и безпощаднаго исполнителя, какъ въ данномъ случаѣ ³⁾. Столбы дыма и пламени поднимались днемъ и ночью въ тылу и по бокамъ арьергарда великой арміи. Были организованы особыя команды поджи-

¹⁾ См. Бергарди, Toll's Denkwürdigkeiten, Т. II, стр. 267; Лоссбергъ, Briefe in die Heimath, стр. 237.

²⁾ Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 281.

³⁾ „Le prince d'Eckmühl, commandant l'arrieregar.le, etait chargé de mettre partout le feu et jamais ordre ne fut exécuté avec plus d'exacritude et meme de scrupule“. Fezensac, стр. 281 Даву заботился, впрочемъ, объ одномъ, чтобы войска, шедшія впереди арьергарда, не смѣли грабить и жечь. „Это, писалъ онъ маршалу Бертье, лишить арьергардъ средствъ, въ которыхъ онъ такъ нуждается. На немъ одномъ должна лежать обязанность жечь поселенія, и императорская армія извлечетъ изъ такого распоряженія большую пользу“. См. письмо герцога Екмюльскаго къ князю Невшателюскому и Ваграмскому. Шамбре, Т. 3, стр. 448. Желаніе Даву было тотчасъ-же исполнено. См. письмо Бертье отъ 9-го октября. Шамбре. Т. II, стр. 477. Объ этихъ опустошеніяхъ и ихъ вредныхъ послѣдствіяхъ для самыхъ французовъ говоритъ также неоднократно Лабомъ. Rel. de la camp de Russie, стр. 274--275 и во многихъ другихъ мѣстахъ.

гателей, онѣ рыскали по обѣимъ сторонамъ дороги на разстояніи десятковъ верстъ. Помѣщичьи усадьбы, крестьянскія избы, сельскія церкви, — все дѣлалось добычею пламени. Какъ слѣдуетъ смотрѣть на этотъ варварскій приказъ? Слѣдуетъ-ли считать его простымъ актомъ злобы и безсильной мести, или-же онъ вызывался какою-нибудь необходимостью и не лишенъ былъ такъ называемаго военнаго смысла? Справедливость требуетъ сознаться, какъ замѣтилъ это уже Бернгарди, что пожары и опустошенія въ тылу арміи имѣли прежде всего цѣль затруднить преслѣдованіе, что слѣдовательно они могутъ быть разсматриваемы какъ чисто военная мѣра, вызванная необходимостью. Но дѣло имѣетъ и свою обратную сторону. Подобные приказы, отдаваемые и исполняемые и безъ того уже одичалыми солдатами, должны были окончательно убить въ войскахъ послѣдніе остатки порядка и дисциплины и подготовить гибель арміи. Дикіе инстинкты грабежа и разрушенія, не сдерживаемые съ самаго начала похода, выпущенные на полный просторъ въ Москвѣ, поддерживались и развивались до чудовищныхъ размѣровъ этими разбойническими набѣздами, этими грабежами и поджогами, предпринимаемыми по приказанію тѣхъ самыхъ властей, на обязанности которыхъ лежало прежде всего сдерживать животные, хищническіе порывы солдата. Наполеонъ испытывалъ кромѣ того уже съ давняго времени всѣ ужасы народной войны. Ежедневно со времени вступленія въ Москву онъ узнавалъ, какимъ ужаснымъ образомъ расправлялись озлобленные русскіе крестьяне, а иногда и казаки съ его одиночными солдатами, съ его мелкими отрядами, имѣвшими несчастье попасть къ нимъ въ руки. Онъ давно уже возстановилъ противъ себя русскихъ простолюдиновъ; теперь своими поджогами и разрушеніями онъ рисковалъ раздуть тѣже чувства дикой, яростной мести и въ русскомъ солдатѣ. Но быть можетъ онъ думалъ этимъ систематическимъ истребленіемъ навести страхъ на русскій народъ, заставить его не принимать участія въ партизанской войнѣ. Возможное дѣло, — тѣмъ болѣе, что Наполеонъ не имѣлъ никакого понятія о характерѣ русскаго народа, счи-

талъ его вмѣстѣ съ другими французами толпою грубыхъ, забитыхъ рабовъ, лишенныхъ всякаго человѣческаго чувства. Странно впрочемъ, что Наполеонъ, котораго мы привыкли считать чуть не съ дѣтства олицетвореніемъ политической и военной мудрости, опустилъ изъ виду при этомъ случаѣ самое простое и элементарное правило военного искусства,—именно, что паническій страхъ на населеніе можетъ навести лишь тотъ, кто идетъ впередъ побѣдоносно и гонить передъ собою непріятельскія арміи, а не тотъ, кто самъ принужденъ искать спасенія въ послѣднемъ отступленіи, въ бѣгствѣ. Наполеонъ ошибался точно также и на счетъ послѣдствій предписанныхъ имъ опустошеній. Онъ не сообразилъ, что эти опустошенія распространялись въ сущности лишь на весьма незначительное разстояніе по обѣимъ сторонамъ дороги, что преслѣдующая русская армія все-таки могла въ случаѣ нужды найти отдыхъ и убѣжище отъ стужи въ нетронутыхъ его поджигателями селахъ и деревняхъ. Такимъ образомъ, съ какой-бы точки зрѣнія ни смотрѣли мы на это дѣло, вездѣ оно окажется одинаково безсмысленнымъ и безразсуднымъ ¹⁾.

Но Наполеонъ отдавалъ еще и другіе приказы, точное исполненіе которыхъ должно было подѣйствовать еще болѣе пагубнымъ, разрушительнымъ образомъ на его собственныхъ солдатъ. „Видѣ этихъ пожаровъ и опустошеній не былъ такъ ужасенъ, какъ то, что происходило на нашихъ глазахъ“, рассказываетъ очевидецъ. „Передъ нами шла колонна русскихъ плѣнныхъ, конвоируемыхъ восками Рейнской конфедерации. Имъ не давали другой пищи, кромѣ небольшого куска лошадинаго мяса и конвойные солдаты убивали тѣхъ изъ нихъ, которые не въ состояніи были тащиться далѣе. Мы встрѣчали на пути ихъ трупы, всѣ съ прострѣленными головами. Солдаты моего полка были возмущены этимъ зрѣлищемъ; они хорошо понимали, какое страшное возмездіе

¹⁾ См. Бергарди, Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр 264. „So muss denn allerdings die ruhigste Erwägung wie das empörte Gefühl diese Mordbrennereien als eine sehr schlecht berechnete Massregel verwerfen“.

повлечетъ за собою это варварство для тѣхъ изъ нихъ, которые попадутъ въ руки непріятелю“ ¹⁾).

Итакъ, самъ французъ свидѣтельствуемъ, что солдаты великой арміи пристрѣливали конвоируемыхъ ими несчастныхъ русскихъ плѣнныхъ. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что въ числѣ этихъ плѣнныхъ было очень мало солдатъ или офицеровъ, взятыхъ на полѣ битвы, что огромное большинство ихъ состояло изъ мародеровъ, изъ грабителей, пойманныхъ въ Москвѣ, наконецъ, изъ людей, не имѣвшихъ никакого отношенія къ арміи и взятыхъ въ плѣнъ по какому-нибудь пустому подозрѣнію. Перовскій прямо говоритъ, что въ числѣ ихъ было много всякаго подозрительнаго люда, мѣщанъ, разночинцевъ, мелкихъ чиновниковъ, но ни одного офицера ²⁾). Трудно понять къ чему и съ какою цѣлью приказалъ Наполеонъ собирать подобный сбродъ и отправлять его въ качествѣ военно-плѣнныхъ вмѣстѣ съ арміею. Легко понять, какъ ужасно обращались на пути съ этими плѣнными; какъ, въ виду общаго недостатка, ихъ кормили самою негодною и скудною пищею. Измученные, голодные, они падали, наконецъ, на-пути и тогда солдаты конвоя пристрѣливали ихъ ³⁾). Но по чьему приказу? Изъ записокъ Перовскаго мы узнаемъ, что офицеры, командовавшіе конвоемъ, отдавали этотъ приказъ вѣроятно на основаніи сообщенной имъ инструкціи. То-же самое свидѣтельствуемъ и Вестфальскій полковникъ Ф. Лоссбергъ. Еще въ концѣ сентября, т. е. въ то время, когда о какой-бы то ни было нуждѣ не могло быть и рѣчи, изъ Москвы въ Можайскъ отправлена была партія русскихъ плѣнныхъ. Ихъ конвоировалъ третій Вестфальскій пѣхотный полкъ. Командиръ этого полка Ф. Лоссбергъ получилъ предъ отправленіемъ приказъ, разумѣется, отъ высшей власти, пристрѣливать тѣхъ изъ плѣнныхъ, которые не въ состояніи будутъ идти далѣе. Плѣнные, уже

¹⁾ Fezensac, Souvenirs militaires p. 281—282.

²⁾ „Свидѣтельство Перовскаго относится, разумѣется, лишь къ той колоннѣ плѣнныхъ, съ которою препровожденъ былъ онъ самъ“. См. „Русскій Архивъ“ 1865 года, стр. 257.

³⁾ Ужасающія подробности см. у Перовскаго.

тогда были такъ измучены и обезсилены голодомъ, что нерѣдко падали на пути. Самъ Лоссбергъ рассказывалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ на родину; онъ-же свидѣтельствуеъ, какъ пытался онъ обойти исполненіе варварскаго приказа ¹⁾.

Но Наполеонъ, говорятъ намъ его французскіе и не французскіе—поклонники, не способенъ былъ отдавать подобный приказъ. Онъ былъ слишкомъ великъ, душа его была слишкомъ возвышена для подобнаго мелочнаго и бессмысленнаго варварства. Дѣйствительно, говорятъ они, было убито нѣсколько плѣнныхъ, но вовсе не по приказанію Наполеона, а по совершенно особенному случаю. Въ одной изъ колоннъ плѣнныхъ вспыхнулъ бунтъ. Мятежники захватили фуру, нагруженную водкою, перепились и пытались отнять оружіе у стражи. Понятно, что конвойные должны были защищаться; естественно, что нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ пали подъ ихъ выстрѣлами. Былъ и еще одинъ печальный случай. На дорогѣ были замѣчены два или три пристрѣленныхъ плѣнника. Наполеонъ узналъ объ этомъ; его благородное сердце было возмущено, онъ приказалъ произвести строжайшее слѣдствіе и наказать виновныхъ ²⁾.

Стоить только прочесть рассказъ Перовскаго и вспомнить свидѣтельство Лоссберга, чтобы убѣдиться во всей нелѣпости подобныхъ рассказовъ. Что-же касается до возвышеннаго сердца Наполеона, до его благороднаго характера, то развѣ свидѣтельство о пристрѣленныхъ по его приказу русскихъ плѣнныхъ стоитъ въ его исторіи особнякомъ? Развѣ оно не есть лишь одно изъ цѣлаго ряда тѣхъ страшныхъ и кровавыхъ дѣлъ, которыя лежатъ на памяти грознаго завоевателя? Что стоило человѣку, игравшему весь свой вѣкъ жизнью и счастьемъ милліоновъ,—человѣку, приказавшему схватить и разстрѣлять герцога Энгіенскаго,—человѣку, устроившему постыдную Байонскую интригу, приказавшему перебить въ Яффѣ массу турецкихъ плѣнныхъ,—что стоило

¹⁾ См. Lossberg, Briefe in die Heimath, стр. 250 и слѣд.

²⁾ Всѣ эти назидательныя исторійки мы находимъ у Гурго.

этому человеку безъ сердца, этому холодному математику, никогда не спрашивавшему о правѣ или не правѣ, о гуманности и безчеловѣчности, а только о вредѣ и пользѣ известнаго поступка,—отдать приказъ пристрѣливать, какъ собакъ, несчастныхъ плѣнниковъ?

Забавно, что даже тѣ изъ французовъ, которые свидѣлствуютъ сами о пристрѣливаніи плѣнныхъ, стараются доказать, что исполнителями варварскихъ приказовъ Наполеона, если они и были даны, не были и не могли быть французы, неспособные вѣроятно на подобное дѣло, вслѣдствіе возвышенности своей души и благородства характера. Всѣ эти звѣрства совершали, разумѣется, союзники великой націи. По словамъ однихъ, въ пристрѣливаніи плѣнныхъ упражнялись исключительно испанцы и португальцы ¹⁾, по словамъ другихъ, солдаты Рейнской конфедераціи ²⁾. Что тѣ и другіе являлись и въ томъ и въ другомъ случаѣ лишь слѣпыми исполнителями воли французскихъ властей, что большинство плѣнныхъ шло подъ конвоемъ молодой гвардіи, гдѣ не было ни испанцевъ, ни нѣмцевъ, а только одни французы, объ этомъ благоразумно умалчиваютъ писатели великой націи ³⁾.

Деморализуемые систематически подобными приказами, превращаемые по волѣ своего императора въ шайки гнусныхъ убійцъ и поджигателей, томимые смутнымъ ожиданіемъ страшныхъ бѣдствій, медленно подвигались впередъ колонны великой арміи. 16-го октября императоръ со старою гвардіею достигъ Можайска и уже на другой день передъ нимъ открылось зрѣлище, которое способно было потрясти до глубины души даже старѣйшихъ ветерановъ арміи, пережившихъ всѣ ужасы этой эпохи. Страшное Бородинское поле во всемъ своемъ могильномъ ужасѣ раскинулось передъ ними. День былъ ясный, солнечный, хотя и довольно холодный. Легкій, прозрачный туманъ стоялъ надъ полемъ битвы;

¹⁾ Такъ говоритъ Гурго.

²⁾ Такъ свидѣлствуетъ Фезензакъ.

³⁾ „Развѣ, замѣчаетъ, по этому поводу Бернгарди, тиранія нуждалась когда-либо во Франціи въ орудіяхъ, все равно въ чьихъ рукахъ ни находилась она, въ рукахъ-ли Карла IX-го, конвента, или Наполеона“. Бернгарди. Т. II, стр. 270.

то были ядовитые миазмы, поднимавшіеся отъ 50,000 гнившихъ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ. Не было принято ровно никакихъ мѣръ къ погребенію останковъ страшнаго побоища, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе 50 дней, хотя французы занимали все время Можайскъ и его окрестности, хотя тутъ пролегалъ ихъ главный этапный путь. Трупы лежали совершенно въ такомъ-же порядкѣ, или, лучше сказать, безпорядкѣ, въ какомъ уложила ихъ смерть въ день 26-го августа. Кое-гдѣ валялись отдѣльные остовы и тѣла, въ другихъ мѣстахъ трупы навалены были цѣлыми грудами ¹⁾. Раздѣтые до-гола, они такъ ярко блестѣли на солнцѣ, что казались издали стадами бѣлыхъ овецъ ²⁾. Ледяной ужасъ проникалъ въ душу солдатъ при видѣ страшныхъ останковъ ихъ товарищей. Понурия головы, стараясь не глядѣть по сторонамъ, спѣшили они черезъ это ужасное поле; но обломки и осколки оружія, разбитыхъ лафетовъ, зарядныхъ ящиковъ, фуръ, груды тряпья всякаго рода, попадались имъ ежеминутно подъ ноги, напоминали, то и дѣло, въ какомъ мѣстѣ и по чьимъ костямъ приходится имъ спѣшить не впередъ, куда манить добыча и слава, а назадъ, гдѣ, можетъ быть, удастся найти имъ спасеніе отъ лютой смерти. „Сердца наши сжимались, говорить очевидецъ, при видѣ этого поля, гдѣ легло столько нашихъ. Храбрецы эти воображали, что они умираютъ за побѣду и миръ. Тихо проходили мы мимо ихъ, какъ-бы боясь, чтобы они не узнали о нашемъ отступленіи“ ³⁾. Одинъ за другимъ тянулись корпуса великой арміи черезъ роковое поле. Солдаты, пораженные ужасомъ, бросали послѣдній печальный взглядъ на колоссальное кладбище ⁴⁾, но мысль о собственномъ положеніи, о грозномъ будущемъ быстро изгладила и это впечатлѣніе.

¹⁾ „Нѣкоторые утверждали, говорить Фезензакъ, что среди труповъ найдены были и живые раненые; но я не могу этому вѣрить, да это и не было доказано“. См. Fezensac, стр. 282. Разсказъ о живомъ раненомъ, найденномъ на Бородинскомъ полѣ, находимъ у Лабома, стр. 277—78.

²⁾ См. Aus dem Leben des Generals v. Brandt. T. I, стр. 457.

³⁾ См. Fain, Manuscrit de 1812. T. II, стр. 258.

⁴⁾ Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, стр. 160.

Но вотъ и другая, быть можетъ, еще болѣе ужасная картина! Войска достигли Колоцкаго монастыря, превращеннаго въ день битвы въ госпиталь для раненыхъ. Теперь это тоже было ужасное кладбище, наполненное умершими, умирающими, разлагающимися за живо людьми. И тутъ царствовала смерть, какъ на Бородинскомъ полѣ, но въ болѣе потрясающемъ и отвратительномъ видѣ. Тамъ дѣло смерти было уже покончено, борьба прекратилась и спокойствіе могилы воцарилось навѣки; здѣсь борьба продолжалась, здѣсь смерть преслѣдовала жертвы, пытавшіеся спастись отъ нея. И не было никакихъ средствъ противостать ей, вырвать изъ ея пасти тысячи несчастныхъ. Недостатка въ энергическихъ распоряженіяхъ не было и тутъ, но некому было исполнять ихъ, да и не было средствъ для борьбы со смертью ¹⁾.

Что испытывалъ Наполеонъ при видѣ этихъ ужасовъ? Чрезъ Бородинское поле онъ проѣхалъ поспѣшно, не останавливаясь, не оглядываясь по сторонамъ ²⁾. Въ Колоцкомъ онъ остановился на короткое время и отдалъ приказъ забрать на маркитантскія фуры и на другія повозки тѣхъ раненыхъ, которые могли еще переносить движеніе. Что руководило имъ при этомъ случаѣ,—спрашиваетъ очевидецъ,—гуманность, самолюбіе, или желаніе спасти опытныхъ старыхъ солдатъ. Какъ-бы то ни было, но мѣра эта имѣла гибельныя послѣдствія и для арміи и для несчастныхъ раненыхъ. Не трудно было предвидѣть, что раненые не перенесутъ предстоящихъ имъ лишеній и бѣдствій, что не хватитъ провіанта для ихъ

¹⁾ Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 164—165. „Мы пришли вечеромъ 29-го, говорить Фезензакъ,—въ Колоцкій монастырь. Превращенный прежде въ госпиталь, онъ походилъ теперь на большое кладбище. Единственная постройка, уцѣлѣвшая въ городѣ Гжатскѣ, служила также госпиталемъ для нашихъ больныхъ. Полковникамъ отданъ былъ приказъ разсѣять тамъ людей своихъ полковъ. Больные были брошены тутъ безъ всякаго призора, безъ медикаментовъ, безъ припасовъ. Я едва могъ пробраться черезъ груды всевозможнаго сора и грязи, покрывавшихъ лѣстницы, корридоры и самыя залы. Я нашелъ здѣсь трехъ человекъ изъ моего полка, спасти ихъ отсюда доставило мнѣ величайшее удовольствіе“. Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 282.

²⁾ См. Segur. Т. II, стр. 160.

продовольствованія, что люди, которымъ навязали насильно этихъ несчастныхъ, постараются отдѣлаться отъ нихъ тѣмъ или инымъ способомъ при первомъ-же удобномъ случаѣ ¹⁾).

Безъ сомнѣнія, Наполеонъ не вдумывался особенно въ возможныя послѣдствія своего распоряженія. Его голова занята была въ это время совершенно иными заботами. Что значили для него всѣ эти мертвецы и полумертвецы, когда судьба видимо заносила уже свой серпъ надъ нимъ самимъ и надъ его арміею? Уже 15-го октября послѣ долгой, теплой погоды въ воздухѣ внезапно похолоднѣло и термометръ впервые упалъ ночью до 4 градусовъ мороза. Зима начала показывать свою ледяную руку. Правда, послѣ холодной ночи наступилъ вновь довольно теплый день и солнце опять явилось во всемъ своемъ блескѣ, но уже и это первое незначительное пониженіе температуры отозвалось самымъ гибельнымъ образомъ на плохо одѣтыхъ, измученныхъ походомъ и нерѣдко голодныхъ солдатахъ, отступающей арміи. Уже теперь вокругъ потухшихъ бивуачныхъ огней можно было видѣть сотни солдатъ, застывшихъ отъ холода,—уже теперь начали попадаться люди съ отмороженными членами ²⁾).

Но были вещи пострашнѣ зимы! До сихъ поръ армія не подвергалась еще преслѣдованію со стороны непріятеля, теперь впервые начали показываться казаки. На первый разъ они не причиняли еще особеннаго вреда. Они появлялись по сторонамъ большой дороги, обгоняли съ дикимъ гикомъ медленно двигающіяся колонны, хватали отсталыхъ, собирали брошенную добычу. Можно было пока относиться къ нимъ

¹⁾ Таково мнѣніе Шамбре. По его словамъ, въ Можайскѣ и Колоцкомъ находилось около 1,500 раненыхъ, и притомъ такихъ, перевозка которыхъ считалась до тѣхъ поръ невозможною. См. Шамбре. Т. II, стр. 356. Уже на первомъ переходѣ маркитанты посбрасывали въ канавы порученныхъ имъ раненыхъ. Только одинъ изъ нихъ, какой-то генералъ, спасся, и черезъ него императоръ узналъ объ этомъ страшномъ преступленіи. Неизвѣстно, наказаны-ли были виновные. См. Сегюръ. Т. II, стр. 164.

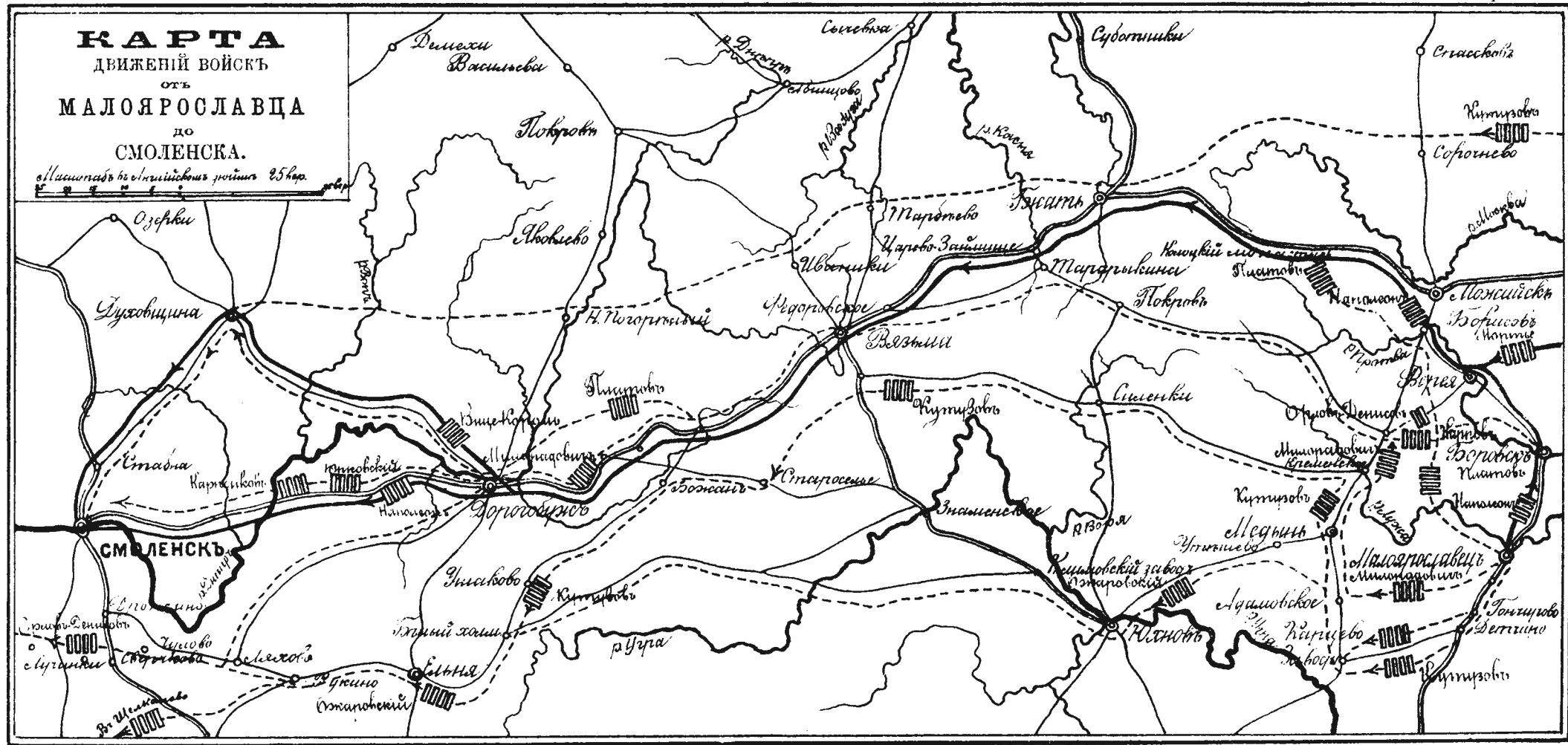
²⁾ Первое появленіе холода побудило Наполеона позаботиться прежде всего о самомъ себѣ. Съ этого дня императоръ, по свидѣтельству Шамбре, облачился въ зимній польскій костюмъ и усѣлся въ закрытую карету. Шамбре Т. II, стр. 357.

съ обычнымъ презрѣніемъ; ничего не стоило прогнать ихъ отъ дороги нѣсколькими выстрѣлами; но число ихъ возрастало съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ; ихъ дерзость, ихъ назойливость усиливались ежеминутно. Это между прочимъ показывало, что недалеко за ними двигаются главные корпуса русской арміи. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ былъ непріятель, въ какомъ направленіи двигались главные силы русской арміи,—объ этомъ столь существенномъ вопросѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія ни Наполеонъ, ни начальникъ его штаба, маршалъ Бертъе, ни командиры отдѣльных частей. Съ тѣхъ поръ, какъ французская армія лишилась большей части своей кавалеріи, форпостная и развѣдочная служба пришли въ ней въ крайній упадокъ. Въ шпионахъ ощущался также полнѣйшій недостатокъ. Не было и не могло быть тогда измѣнниковъ въ средѣ русскаго населенія, а польскіе шпионы, служившіе Наполеону съ самаго начала кампаніи, не отваживались удалаться ни на шагъ отъ большой дороги, опасаясь попасть въ руки озлобленныхъ крестьянъ. При такомъ положеніи дѣлъ пришлось собирать свѣдѣнія отъ немногихъ русскихъ плѣнныхъ, случайно попадавшихъ въ руки французовъ. Одинъ изъ такихъ плѣнныхъ присланъ былъ 14-го числа маршаломъ Даву въ главную квартиру. Это былъ офицеръ. Онъ утверждалъ, что вся русская армія идетъ поспѣшно на Смоленскъ, что Кутузовъ думаетъ отрѣзать путь отступленія великой арміи. Показанія плѣннаго о движеніи русскихъ, объ ихъ громадныхъ силахъ, не остались тайною, они быстро разнеслись по всей арміи и распространили всеобщее уныніе. Эта непобѣдимая армія, мечтавшая такъ недавно лишь о побѣдахъ и славѣ, дрожала теперь уже при одной вѣсти о приближеніи непріятеля! Наполеонъ подавалъ видъ, что онъ не поддается общему чувству постыднаго страха, что онъ даже радуется близкой встрѣчѣ съ врагомъ. „Если непріятель дѣйствительно идетъ на Смоленскъ, писалъ онъ маршалу Даву ¹⁾, то

¹⁾ Письмо написано отъ имени маршала Бертъе, черезъ котораго велъ Наполеонъ свою корреспонденцію съ генералами. См. Шамбре, Т. II, стр. 477.

тѣмъ лучше; всѣ наши силы теперь соединены, и мы ударимъ ему въ тылъ съ большею арміею, нежели та, которую могли мы притивопоставить ему восемь дней тому назадъ“. Но было-ли дѣйствительно такого мнѣніе Наполеона? Очевидно нѣтъ! Наполеонъ проговаривается самъ, и въ томъ-же самомъ письмѣ. Онъ доказываетъ, что показанія плѣнника не могутъ быть справедливы и выражаетъ въ тоже время сожалѣніе, что подобныя ложныя вѣсти распространяются по арміи и наводятъ на нее тревогу. „Плѣнный, присланный вами сюда, писалъ онъ маршалу, не могъ знать ничего о направленіи, принятомъ непріателемъ, такъ какъ онъ отдѣлился отъ него вечеромъ 13 числа, и былъ взятъ въ плѣнъ 14 въ 11 часовъ утра, три часа послѣ того, какъ непріятельскіе форпосты замѣтили наше отступательное движеніе. Крайне жаль, что подобныя слухи распространяются, что ихъ повторяютъ адъютанты, это даетъ арміи крайне далекое отъ истины представленіе о силѣ непріятельскаго войска“.

Что же случилось въ самомъ дѣлѣ за это время съ главною русскою арміею? Уже ночью 13 числа русскимъ сдѣлалось извѣстно, что непріятель очистилъ Малоярославецъ. Всѣ однако-же были твердо убѣждены, что Наполеонъ двинулся со всѣми своими силами по Медынской дорогѣ; никому не приходило въ голову, что онъ отступаетъ на Можайскъ. Милорадовичу тотчасъ-же отданъ былъ приказъ спѣшить къ угрожаемой Медыни, но обманутый ложнымъ извѣстіемъ, что непріятель направляется туда по поперечной дорогѣ отъ Малоярославца, онъ двинулся проселочными путями на Адамовское. Изъ источниковъ не видно, какъ далеко прошелъ онъ въ теченіи 14 числа. Главная же армія двинулась къ селенію Полотнянымъ заводамъ, намѣреваясь преградить здѣсь непріятелю путь на Калугу. Только 17 октября разсѣялись, наконецъ, послѣднія опасенія на счетъ Калуги, только въ этотъ день получены были въ русской главной квартирѣ несомнѣнныя извѣстія, что французы очистили окончательно Москву, что Наполеонъ находится въ полномъ отступленіи. Но по какому пути? На этотъ счетъ все еще существовали сомнѣнія. Невозможно было, повидимому, допустить, что На-

полеонъ избралъ для своего отступленія опустошенную Смоленскую дорогу, и логика и здравый смысл заставляли предполагать, что онъ пойдетъ на Зубцовъ, Бѣлое и Духовщину. Необходимо было, слѣдовательно, организовать преслѣдованіе непріятеля въ этомъ направленіи, надо было двинуть русскую армію параллельно съ непріятельскою и преградить ей путь у одного изъ выше сказанныхъ пунктовъ. Таково было мнѣніе Толля, Коновницына и другихъ офицеровъ генеральнаго штаба, такъ думалъ наконецъ, и самъ главнокомандующій. „Я думаю, писалъ онъ 16 числа Витгенштейну причинить наибольшій вредъ непріятелю параллельнымъ преслѣдованіемъ и дѣйствовать на его операционную линію“. Но заявляя такія намѣренія, Кутузовъ, согласно всей своей системѣ, вовсе не думалъ спѣшить преслѣдованіемъ. Въ теченіи двухъ дней главная армія сдѣлала два небольшихъ перехода и достигла Кременскаго. Милорадовичъ и Платовъ, шедшіе впереди, убѣдились наконецъ, что непріятель повернулъ на старую Смоленскую дорогу. Съ этого момента преслѣдованіе вступаетъ въ новую рѣшительную фазу. Вся русская армія поворачиваетъ отъ Кременскаго влѣво къ Спасъ-Куссову; Милорадовичъ направляется на Гжатскъ и Красное, Платовъ слѣдуетъ непосредственно за непріятелемъ по большой Смоленской дорогѣ ¹⁾.

Между тѣмъ Наполеонъ ускоряетъ, по возможности, свое отступление. Старая самоувѣренность, вѣра въ свою звѣзду окончательно оставляютъ его. И онъ подобно своимъ солдатамъ, дрожитъ при мысли о встрѣчѣ съ непріятелемъ, и его ужасаетъ возможность встрѣтить на пути своего отступления всю русскую армію. Въ теченіи двухъ дней 17 и 18 октября Наполеонъ съ гвардіею и Вестфальцами достигъ до Вязьмы, его остальные корпуса тянулись на протяженіи меж-

¹⁾ О движеніи русской арміи см. кромѣ Богдановича и Беригарди также сочиненіе Полова: „Отъ Малоярославца до Березины“, помѣщенное въ „Русской Старинѣ“ за 1877 г. См. въ особенности стр. 261 и слѣд. Для лучшаго пониманія движенія русскихъ и французскихъ войскъ отъ Малоярославца до Смоленска къ этой статьѣ прилагается карта, перечерченная въ уменьшенномъ размѣрѣ съ карты, приложенной къ третьему тому сочиненія Богдановича.

ду Гриневымъ и Вязмою. Поспѣшность отступленія начала отзываться самымъ гибельнымъ образомъ на состояніи арміи. Число отсталыхъ и безоружныхъ быстро росло съ каждымъ днемъ; лошади погибали тысячами. Невозможно было тащить далѣе громадный обозъ и колоссальную артиллерію. Ней первый понялъ суровую необходимость, онъ первый началъ совѣтовать императору бросить часть артиллеріи, чтобы тѣмъ вѣрнѣе спасти остальную. Наполеонъ отвергъ съ негодованіемъ этотъ разумный совѣтъ. Надменный, избалованный счастіемъ, онъ не могъ и теперь примириться съ мыслью о потерѣ своей артиллеріи, или, лучше сказать, онъ предпочиталъ предоставить этотъ позоръ на долю своихъ маршаловъ ¹⁾. И дѣйствительно, въ тотъ самый день, когда императоръ отвергъ предложеніе Ней, маршалъ Даву принужденъ былъ бросить на дорогѣ 27 орудій и взорвать цѣлую массу зарядныхъ ящиковъ. Это было только начало. Съ этихъ поръ путь отступленія великой арміи обозначался не одними только трупами людей и животныхъ, не одними брошенными обозными фурами, но и покинутыми орудіями и взорванными зарядными ящиками.

Наполеонъ достигъ Вязмы среди признаковъ наступающей зимы. Уже термометръ падалъ по временамъ до 8 градусовъ ниже нуля, и какъ ни незначителенъ былъ самъ по себѣ этотъ холодъ, но солдаты великой арміи уже начинали страдать отъ него самымъ чувствительнымъ образомъ. Прошло какихъ-нибудь 8 дней отъ начала отступленія, армія не лишена еще была въ это время средствъ къ существованію, холодъ былъ пока еще умѣренный, о преслѣдованіи со стороны непріятеля не было и рѣчи, а между тѣмъ грозное полчище, передъ которымъ дрожала еще такъ недавно вся Ев-

¹⁾ Шамбре замѣчаетъ по этому поводу: „Со времени прибытія въ Москву гордость этого завоевателя держала его въ полномъ самообольщеніи на счетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ; онъ представлялъ себѣ это положеніе согласно своимъ желаніямъ и соотвѣтственно этому дѣлалъ свои распоряженія. Ни одинъ изъ генераловъ не пытался вывести его изъ такого заблужденія; да онъ и не принималъ добрыхъ совѣтовъ, пока не принуждала его къ тому повелительная необходимость“. См. Шамбре. Т. II, стр. 367.

ропа, стояло уже на краю гибели. Въ Вязьмѣ Наполеонъ сосредоточилъ большую часть своей арміи, за исключеніемъ корпуса Даву; но во всѣхъ этихъ корпусахъ числилось всего лишь 37,500 чел. Передъ выступленіемъ-же изъ Москвы въ рядахъ этихъ войскъ насчитывали 73,000 человѣкъ. Движеніе къ Малоарославцу сопряжено было съ самыми ничтожными потерями; въ сраженіи подъ Малоарославцемъ легло на мѣстѣ 8000 человѣкъ, все остальное погибло, или, вѣрнѣе сказать, потерялось въ эти первые немногіе дни роковаго отступленія. Лишь немногіе изъ этихъ потерянныхъ погибли отъ усталости, недостатка пищи и стужи; всѣ остальные сдѣлались жертвами безпримѣрной деморализаціи, поразившей великую армію. Истомленные, одичалые солдаты сбрасывали съ себя послѣднюю узду дисциплины и порядка, оставляли самовольно свои мѣста въ рядахъ, бросали оружіе и тысячами присоединялись къ беспорядочной, дикой толпѣ, сопровождавшей армію уже изъ самой Москвы. Въ этой толпѣ жилось, повидимому, легче и привольнѣе. Тутъ можно было поживиться при случаѣ чужими припасами, тутъ можно было свободно рыскать и грабить по окрестностямъ. Правда, и здѣсь припасы оскудѣвали съ каждымъ днемъ, а грабежъ становился все опаснѣе и опаснѣе, съ тѣхъ поръ какъ по обѣимъ сторонамъ дороги начали показываться, то и дѣло, казачьи разъѣзды и партіи вооруженныхъ крестьянъ. Ежедневно одиночные грабители попадали во время своихъ поисковъ за припасами въ руки ожесточенныхъ непріятелей, но ихъ гибель нисколько не устрашала остальныхъ. Къ тому-же служба во фронтѣ сдѣлалась такъ тяжела, что въ сравненіи съ нею потеряли свой ужасъ и плѣнъ и даже самая смерть.

Прибывъ въ Вязьму, Наполеонъ съ удовольствіемъ убѣдился, что русская армія, во преки тревожнымъ слухамъ, не успѣла предупредить его въ этомъ пунктѣ. Онъ пробылъ въ Вязьмѣ въ теченіи всего 20 октября, а о русскихъ все еще не было слышно. Только одни казаки бродили вокругъ города. Въ виду такой пріятной неожиданности, Наполеонъ вновь начинаетъ впадать въ свои прежнія иллюзіи, вновь начи-

наеть обманывать другихъ и самого себя на счетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. „Отступленіе великой арміи, писалъ онъ изъ Вязьмы маршалу Виктору, добровольное; это стратегическій маневръ, долженствующій вновь приблизить центръ къ флангамъ. Императоръ намѣренъ расположиться зимними квартирами между Двиною и Днѣпромъ“ ¹⁾. Между тѣмъ въ той-же Вязьмѣ и отъ того-же самаго Виктора Наполеонъ получилъ крайне непріятныя извѣстія. Онъ узналъ, что корпусъ Сенъ-Сира, тѣснимый войсками Витгенштейна, принужденъ былъ очистить Полоцкъ, что Викторъ со всѣми своими войсками выступилъ къ нему на помощь изъ Смоленска, и что армія адмирала Чичагова идетъ на линію отступленія великой арміи. Всѣ эти извѣстія ясно показывали, что русскіе намѣреваются отрѣзать Наполеону путь отступленія, что на Березинѣ ему придется встрѣтиться съ новыми силами непріятеля, въ то самое время, какъ главная армія Кутузова будетъ тѣснить его съ фланговъ и съ тыла. Какъ ни грозны были всѣ эти вѣсти, но Наполеонъ не сомнѣвался ни на минуту, что ему удастся ускользнуть изъ сѣтей, разставленныхъ ему противникомъ. Онъ рассчитывалъ, что соединенныя силы Виктора и Сенъ Сира успѣютъ остановить Витгенштейна, что армія Чичагова будетъ задержана Шварценбергомъ, что самъ онъ, благодаря медленности и нерѣшительности Кутузова, успѣетъ достигнуть Смоленска безъ сраженія и безъ особыхъ потерь.

Ожиданіямъ Наполеона не суждено было, однако-же, оправдаться вполнѣ. 21 октября, рано утромъ Вестфальцы и молодая гвардія выступили вмѣстѣ съ императоромъ изъ Вязьмы. Старая гвардія и корпусъ Нея оставались въ Вязьмѣ, поджидая прибытія остальныхъ войскъ, Понятовскій и вице-король подходили уже къ самой Вязьмѣ; только кор-

¹⁾ Въ такомъ-же смыслѣ писалъ Наполеонъ Шварценбергу, Макдональду, губернаторамъ Мянскому, Могилевскому и Виленскому. „Отступленіе это—добровольный маневръ; цѣль его приблизиться на сто лье къ фланговымъ арміямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ армія оставила окрестности Москвы, она не встрѣчала другихъ слѣдовъ непріятеля, кромя нѣсколькихъ казаковъ“. См. Шамбре, Т. II, стр. 359.

пусъ Даву былъ еще далеко позади. Тѣснимый постоянно казаками ¹⁾, принужденный бросать имъ, то и дѣло, въ добычу свои орудія и обозныя фуры, Даву пробирался съ величайшимъ трудомъ по узкой и топкой плотинѣ у Царева-Займища. Вдругъ сбоку его, влѣво отъ большой дороги, появились массы русской пѣхоты и регулярной конницы. То были войска Милорадовича, настигнувшія, наконецъ, непріятеля. Странное и совершенно неожиданное для нихъ зрѣлище представилось тутъ русскимъ войскамъ. Передъ ними былъ тотъ самый непріятель, который оказалъ имъ такое упорное сопротивленіе подъ Малоярославцемъ, но въ какомъ видѣ! Баталіоны, проходившіе по плотинѣ, имѣли все еще внушающій и воинственный видъ, но безоружныя толпы, среди которыхъ было не мало и женщинъ, придавали всему непріятельскому арьергарду видъ полудикой орды, спѣшащей спастись съ своею добычею отъ преслѣдованія грознаго врага. Въ дикомъ безпорядкѣ тѣснились толпы бѣглецовъ вокругъ отступающихъ баталіоновъ. Повидимому, они заняты были одною мыслью: какъ-бы скорѣе и хотя чѣмъ-нибудь утолить пожирающій ихъ голодъ. Вотъ изнуренная артиллерійская лошадь, выбившись изъ силъ, падаетъ въ грязь; тотчасъ-же сотни оборванцевъ бросаются на нее подобно стаѣ хищныхъ волковъ, рвутъ ее на части, вырываютъ другъ у друга дымящіеся, окровавленные куски мяса. Тамъ нѣсколько солдатъ набросились на маркитантскую фуру, подъ которою пали лошади и спѣшатъ истребить съѣстные припасы и воду. Вне-

¹⁾ Преслѣдованіе казаковъ началось отъ Колоднago монастыря, гдѣ Платовъ впервые энергически атаковалъ Даву. Спустя два дня послѣ этого, атаманъ доносилъ фельдмаршалу: „Непріятель преслѣдуемъ столь живо, что послѣ вчерашняго донесенія могу теперь донести, что онъ бѣжитъ такъ, какъ никогда никакая армія ретироваться не можетъ. Онъ бросаетъ по дорогѣ всѣ свои тяжести, больныхъ, раненыхъ, и никакое перо историка не въ состояніи изобразить картины ужаса, которыя онъ оставляетъ по большой дорогѣ. По истинѣ сказать, что нѣтъ десяти шаговъ, гдѣ-бы не лежалъ умирающій, мертвый или лошадь. Въ сіи два дня онъ поднималъ на воздухъ въ виду нашемъ болѣе ста ящиковъ; такое-же число принужденъ былъ оставить на мѣстѣ за быстрымъ нашимъ преслѣдованіемъ“. См. Донесеніе Платова отъ 20 октября. „Русская Старина“ за 1877 г. февраль, стр. 27.

запное появленіе русскихъ наводитъ настоящую панику на всю эту толпу ¹⁾. Всѣ спѣшатъ спастись, укрыться куда-нибудь дальше; пѣшіе, конные, фуры мечутся, какъ безумные по плотинѣ, толкаютъ, давятъ другъ друга, увязаютъ въ грязи. Милорадовичъ, принцъ Евгенийъ Виртембергскій и сопровождающіе ихъ офицеры убѣждаются во-очію, въ какомъ жалкомъ видѣ находятся еще недавно столь грозныя полчища. Они рѣшаются немедленно же атаковать непріятеля; они даютъ знать о своемъ намѣреніи фельдмаршалу и просятъ его поддержать ихъ главными силами арміи ²⁾.

Кутузовъ имѣлъ полную возможность подать помощь своему авангарду, такъ какъ вся его армія находилась въ это время у Дубровы, на боковомъ съ большою дорогою пути, въ небольшомъ разстояніи отъ Вязьмы. Вмѣстительство фельдмаршала, быть можетъ, имѣло-бы самыя рѣшающія послѣдствія, повлекло-бы вѣроятно, за собою катастрофу непріятельской арміи, но Кутузовъ держался, по прежнему, своего мнѣнія, что не слѣдуетъ доводить до отчаянія отступающаго непріятеля, что надо еще предоставить времени и обстоятельствамъ довершить свое разрушительное дѣло надъ непріятельскими полчищами. Какъ подъ Малоярославцемъ, такъ и подъ Вязьмою фельдмаршалъ твердо былъ намѣренъ не завязывать генеральнаго сраженія съ отступающимъ непріятелемъ, а старался нанести ему наибольшій вредъ, не рискуя съ своей стороны ничѣмъ, и не подвергая свои войска особымъ потерямъ ³⁾. Съ этою цѣлью Кутузовъ далъ Мило-

¹⁾ Такое-же смятеніе произвело появленіе горсти казаковъ въ корпусѣ вице-короля, шедшемъ впереди Даву. Лабомъ, стр. 284.

²⁾ Милорадовичъ сдѣлалъ, безъ сомнѣнія, важное унученіе, не атаковавъ непріятеля въ дефилеяхъ Царева-Займища, но не надо упускать изъ виду, что въ этотъ день у него было еще очень мало войска.—О смятеніи на плотинѣ см. между прочимъ, Сегюра II, стр. 170—171. Изъ записокъ Ермолова оказывается, что виновникомъ несостоявшагося нападенія былъ принцъ Евгенийъ Виртембергскій. Онъ слишкомъ рано подошелъ къ большой дорогѣ и завязалъ перестрѣлку. Непріятель, въ первый разъ увидавшій, что его преслѣдуютъ не одни казаки, но и пѣхота, не остановился на ночлегъ и поспѣшно двинулся далѣе. См. подробности у Ермолова. Записки. Т. I, стр. 239.

³⁾ Кутузовъ видѣлъ, что непріятель бѣжитъ и что не настоятъ надобности

радовичу разрѣшеніе атаковать корпусъ Даву, онъ отправилъ къ нему на помощь генерала Уварова съ двумя кирасирскими дивизіями и придвинулъ всю свою армію къ с. Быкову на дорогѣ отъ Юхнова къ Вязьмѣ, въ десяти верстахъ отъ этого послѣдняго города.

Благодаря осторожности стараго фельдмаршала, сраженіе при Вязьмѣ не могло дать рѣшительныхъ результатовъ. Большинство числа было и здѣсь на сторонѣ французовъ. Милорадовичъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего лишь 24000 ч. и вопреки ожиданіямъ ему пришлось имѣть дѣло не съ однимъ корпусомъ Даву, а съ большею частью непріятельской арміи ¹⁾. Едва только наши войска атаковали непріятельскій аррьергардъ, какъ войска вице-короля, Понятовскаго и маршала Нея послѣдили на помощь къ Даву. Завязался ожесточенный, но въ тоже время крайне безпорядочный бой. Одно время корпусъ Даву былъ совершенно отрѣзанъ отъ остальныхъ непріятельскихъ войскъ, но подъ конецъ французамъ удалось прорваться черезъ русскія линіи и найти убожище въ лѣсахъ, окружающихъ Вязьму. Милорадовичъ продолжалъ тѣснить отступающаго непріятеля; уже при наступленіи темноты наши войска взяли штурмомъ Вязьму, пылавшую на всѣхъ концахъ. Потери обѣихъ сторонъ были не равномѣрны. У насъ вышло изъ строя всего лишь 1800 человекъ, тогда какъ непріятель потерялъ одними убитыми и ранеными около 4000 человекъ. У него взято было кромѣ того 3000 плѣнныхъ, одно знамя и три орудія ²⁾.

нападать на него и рисковать. Это было ясно и вполне достаточно для него, и на всѣ представленія Толля онъ отвѣчалъ своею обычною поговоркою: „бѣгущему непріятелю надо строить золотые мосты“. Беригарди, Т. II, стр. 278.

¹⁾ Шамбре такъ опредѣляетъ численность французскихъ войскъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ подъ Вязьмою: 1-й корпусъ 13000, 3-й корпусъ 6000, 4-й корпусъ 12000, 5-й корпусъ 3500, 1-й и 3-й корпуса кавалеріи 3000, итого 37500.

²⁾ Таковъ былъ дѣйствительный ходъ Вяземскаго сраженія. Совершенно иначе изображается онъ у такихъ французскихъ авторовъ, какъ Гурго, Водонкуръ и другіе. По ихъ словамъ, французы одержали подъ Вязьмою блестящую побѣду. „Около трехъ часовъ пополудни русскія дивизіи были опрокинуты, часть русскихъ даже отрѣзана отъ своихъ главныхъ силъ и принуждена бѣжать къ

Несравненно важнѣе этихъ чувствительныхъ потерь было нравственное впечатлѣніе, произведенное этимъ неожиданнымъ боемъ на непріятельскія войска ¹⁾. Войска вице-короля и маршала Нея сдѣлались въ этотъ день невольными свидѣтелями той страшной дезорганизаціи, которая проѣла уже насквозь корпусъ Даву. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ на нихъ самымъ разлагающимъ образомъ. „Самое дурное изъ всѣхъ послѣдствій этого дня, доносилъ маршалъ Ней Наполеону, было то, что мои войска были очевидцами безпорядка перваго корпуса. Такой пагубный примѣръ парализуетъ нравственную силу солдатъ“ ²⁾. „Первый и четвертый корпусъ“, говоритъ Фезензакъ, одинъ изъ полковниковъ въ корпусѣ Нея,—„проходили въ величайшемъ безпорядкѣ черезъ наши бивуаки. Я не подозрѣвалъ до сихъ поръ, что они пострадали такъ сильно и что ихъ дезорганизація подвинулась уже такъ далеко. Только одна итальянская гвардія шла еще въ кое-какомъ порядкѣ; все остальное было окончательно потрясено и подавлено вынесенными страданіями. Огромное количество отсталыхъ, по большей части безоружныхъ, тянулись въ страшномъ безпорядкѣ за этими корпусами; многіе изъ нихъ остались на ночь въ лѣсу у нашихъ бивуаковъ. Тщетно пытался я убѣдить ихъ слѣдовать за своими полками; страшная усталость дѣлала ихъ глухими ко всѣмъ совѣтамъ“ ³⁾. Настало утро и корпусъ Нея, который по рас-

Сичевкѣ“. Осторожнѣе выражается Сегюръ: онъ говоритъ о спасенной чести, но сознается въ громадныхъ потеряхъ. Шамбре замѣчаетъ, что единственный результатъ сраженія для французовъ заключался въ возможности дальнѣйшаго отступленія. Segur. Т. II, стр. 179; Chambray. Т. II, 372.

¹⁾ „Сраженіе при Вязмѣ было еще пагубнѣе своими послѣдствіями, нежели потерями“, замѣчаетъ Шамбре. Т. II, стр. 372.

²⁾ Лучшія распоряженія дали-бы быть можетъ болѣе благопріятный результатъ, писалъ между прочимъ Ней въ этомъ донесеніи. Въ заключеніе онъ объявлялъ, что можетъ отвѣчать за отступление лишь въ томъ случаѣ, если арьергардомъ будетъ командовать онъ одинъ. Шамбре. Т. II, стр. 374—375.

³⁾ См. Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 286. „Ночь, проведенная французами послѣ сраженія въ лѣсу, была самая ужасная по словамъ очевидцевъ. Въ этомъ лѣсу брошены были всѣ раненые, отправленные изъ Москвы. Лошади падали отъ недостатка корма или не могли идти далѣе, проводники ушли и оставили ихъ безъ всякой помощи. II этотъ лѣсъ былъ для нихъ больницею и

поряженію Наполеона долженъ былъ составлять теперь арьергардъ великой арміи, началъ выступать изъ бивуаковъ, остальные солдаты спѣшили присоединиться къ нему. Въ числѣ ихъ было не мало больныхъ и раненыхъ; со слезами умоляли они товарищей не бросать ихъ на жертву непріятелю. „Но у насъ“, говоритъ очевидецъ, „не было средствъ везти ихъ съ собою, и мы должны были давать видъ, что не слышимъ ихъ просьбъ и жалобъ“¹⁾. Не одни впрочемъ больные и раненые, а также и совершенно здоровые бѣглецы тѣснились вокругъ отступающихъ баталіоновъ. Противъ нихъ употреблены были самыя суровыя мѣры. Ихъ гнали прикладами отъ баталіоновъ; имъ объявили, что въ нихъ будутъ стрѣлять въ случаѣ нападенія непріятеля²⁾.

Въ то время, когда во французскомъ арьергардѣ происходили эти страшныя сцены, императоръ Наполеонъ находился все еще въ странномъ заблужденіи на счетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Онъ все еще считалъ себя неизмѣримо выше непріятеля; попытка русскихъ стать на пути его отступленія и отрѣзать одинъ изъ его корпусовъ казалась ему непростительною дерзостью, вызывавшею кровавое возмездіе. „Какъ осмѣлился непріятельскій корпусъ“ задавалъ онъ officialный вопросъ своимъ генераламъ,—„прервать сообщеніе между нашими дивизіями, почему онъ не былъ взятъ при этомъ въ плѣнъ?“³⁾. Наполеонъ спѣшилъ исправить ошибку своихъ маршаловъ. Онъ порѣшилъ устроить непріятелю засаду между Славковымъ и Дорогобужемъ. Гвардія должна была занять скрытую позицію,—Ней долженъ былъ

гробомъ, а нашъ приходъ смертнымъ приговоромъ“. Labaume, *Relation de la campagne de 1812*, стр. 293.

¹⁾ Fezensac. *Souvenirs militaires*, стр. 286.

²⁾ J'ordonnai qu'on les repoussât à coups de crosse et je les prévins que, si l'ennemi nous attaquait, je ferais tirer sur eux au moindre embarras qu'ils causeraient. Fezensac, *Souvenirs militaires*. стр. 286.

³⁾ Эта фраза находится въ концѣ диспозиціи, продиктованной маршалу Бертье въ Славковѣ 4-го ноября (нов. ст.) См. Т. II, стр. 485. „Что должны были думать и говорить французскіе генералы, преслѣдуемые страшною нуждою и трудностями, выслушивая подобныя странности?“ замѣчаетъ Беригарди. Т. II, стр. 286.

навести на нее непріятеля. „Императоръ повелѣваетъ, говорилось въ диспозиціи, атаковать при ея приближеніи непріятельскую пѣхоту, опрокинуть и захватить въ плѣнъ“ ¹⁾

Тщетно доносилъ Ней Наполеону, что подобный планъ не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что непріятельская армія идетъ вѣсь не большою Смоленскою дорогою, а параллельнымъ южнымъ путемъ: Наполеонъ упорно оставался въ теченіи цѣлаго дня въ позиціи между Славковымъ и Дорогобужемъ. Положеніе его войскъ становилось съ каждымъ днемъ все болѣе критическое. Вестфальцамъ розданы были въ этотъ день послѣдніе съѣстные припасы. И какіе припасы! Не много хлѣба, еще меньше сухарей и два фунта мяса на человѣка,—и всего этого должно было хватить на нѣсколько дней пути до самаго Смоленска ²⁾. Въ этотъ же день войска Понятовскаго, вице-короля, Даву и Ней продолжали отступление. Вице-король дошелъ до Рыбока; Ней, постоянно преслѣдуемый, достигъ до Землева. Во всѣхъ этихъ корпусахъ господствовала страшная нужда. Въ войскахъ вице-короля не было другаго провіанта кромѣ лошадинаго мяса. Только у офицеровъ главной квартиры можно было найти еще немного муки или сухарей.

Между тѣмъ въ главной русской квартирѣ происходили чрезвычайно важныя совѣщанія на счетъ дальнѣйшаго преслѣдованія непріятеля. Выдающуюся роль въ этихъ совѣщаніяхъ игралъ по прежнему любимецъ Кутузова, Толя. Онъ доказывалъ, что Наполеонъ останется въ Смоленскѣ лишь самое короткое время, что онъ будетъ продолжать поспѣшно свое отступление, и на этотъ разъ, въ виду разстройства непріятельской арміи, усмотрѣннаго подъ Вязмою, никто не рѣшался противорѣчить словамъ Толя. Трудно допустить, развивалъ далѣе свой планъ Толя, „чтобы Наполеонъ пошелъ и отъ Смоленскаго по прежней опустошенной дорогѣ.

¹⁾ La volonté de l'empereur est, si l'infanterie ennemie suit l'armée dans son mouvement, de marcher à sa rencontre, de l'attaquer, de la culbuter et de la faire en partie prisonnière“. Такими словами начиналась диспозиція, составленная Наполеономъ. См. Шамбре. Т. II, стр. 483—486.

²⁾ Lossberg Briefe in die Heimath.

Надо думать, что онъ, во что бы то ни стало, постарается найти себѣ иной путь... Три возможности представлялись при этомъ: или Наполеонъ повернетъ уже у Дорогобужа на юго-западъ и пойдетъ черезъ Ельню и Мстиславль на Могилевъ; или онъ выступитъ изъ Смоленска по правому берегу Днѣпра; или-же, дойдя до Краснаго, повернетъ въ юго-западномъ направленіи на Могилевъ. Необходимо, слѣдовательно, предупредить всѣ эти возможности, заградить во что бы то ни стало непріятелю путь въ болѣе южныя, еще не тронутыя войною области“.

Для достиженія этой цѣли Толь предложилъ фельдмаршалу направить главную армію изъ Быкова на Ельню и Пронину къ Красному и Оршѣ. Этимъ движеніемъ мы могли преградить Наполеону путь и у Ельни и у Краснаго, или же принудить его къ битвѣ подъ Оршею. Планъ Толя былъ вполне одобренъ главнокомандующимъ. Главная армія немедленно-же выступила на Ельню. Милорадовичъ, Платовъ и партизаны должны были преслѣдовать непосредственно непріятеля и тревожить особенно его лѣвый флангъ. Приняты были самыя рѣшительныя мѣры, чтобы заградить непріятелю всѣ пути на югъ. Калужскому ополченію, усиленному двумя казацкими полками и регулярною кавалеріею, приказано было выступить, какъ можно скорѣе къ Ельнѣ и соединиться тамъ съ ополченіемъ Смоленскимъ. Тульское ополченіе должно было занять Рославль; ополченіямъ малорусскихъ губерній предписано было спѣшить къ Могилеву. Генераль Эртель, занимавшій съ самаго начала войны съ своимъ отрядомъ Мозырь, долженъ былъ двинуться на Бобруйскъ. Адмиралу Чичагову предложено было, оставивъ небольшой отрядъ противъ австрійцевъ, спѣшить съ своими главными силами какъ можно скорѣе къ Минску, а оттуда къ Борисову. Соотвѣтствующія инструкціи посланы были и генералу Витгенштейну ¹⁾.

¹⁾ Объ этихъ распоряженіяхъ Кутузова см. Богдановичъ. Т. III, стр. 85—86. Беригарди. Т. II, стр. 287—288; А. Н. Поповъ, „Русская Старина“, 1877, февраль, стр. 278, 279.

Вслѣдствіе новаго плана Толя, отступающая великая армія подвергалась теперь пока преслѣдованію лишь небольшой части русскихъ силъ. За нею гнались непосредственно только войска Милорадовича, казаки Платова и мелкіе отряды партизановъ, всего на-всего какихъ-нибудь 30000 человекъ; но уже и этого преслѣдованія было вполне достаточно, чтобы наносить непріятелю ежедневно громадный уронъ, забирать тысячи плѣнныхъ, массы орудій и повозокъ и не давать ни минуты покоя и отдыха войскамъ Нея, шедшимъ въ непріятельскомъ арьергардѣ ¹⁾. Не одни только преслѣдующіе враги, но и сама природа ополчилась въ это время рѣшительно противъ остатковъ Наполеоновыхъ полчищъ. Погода становилась съ каждымъ днемъ все холоднѣе и холоднѣе и хотя морозъ вовсе не былъ особенно великъ (около 8 градусовъ), но онъ давалъ себя чувствовать легко одѣтымъ и изнуреннымъ скудною пищею людямъ. Еще ужаснѣе было другое обстоятельство. 25 октября небо, до тѣхъ поръ совершенно безоблачное, вдругъ покрылось тяжелыми свинцовыми тучами; снѣгъ повалилъ хлопьями и перешелъ въ скорѣ въ настоящую метель. Все въ природѣ измѣнилось съ этого момента, все приняло какой то суровый, могильный оттенокъ. „Казалось, небо,—говоритъ очевидецъ,—спустилось на насъ и присоединилось къ этой землѣ и къ этимъ непріязненнымъ народамъ, чтобы завершить нашу гибель. Все смѣшивается и становится неузнаваемымъ; предметы измѣняютъ свой видъ. Мы двигаемся впередъ, не зная гдѣ мы, не видя передъ собою цѣли. Все становится препятствіемъ. И въ то время, какъ солдаты силиться проложить себѣ путь наперекоръ урагану, массы снѣгу наполняютъ всѣ углубленія

¹⁾ Платовъ преслѣдовалъ всѣми своими силами непріятеля съ тыла, а его фланги—отрядами въ два полка, съ правой и лѣвой стороны дороги. Сверхъ того ему предписывалось по возможности предупреждать непріятеля своими отрядами и затруднять его движенія, истребляя мосты и переправы. Исключительно съ этою цѣлью посланъ былъ впередъ отрядъ графа Орлова-Денисова. Такой родъ преслѣдованія, писалъ Кутузовъ, приведетъ непріятеля въ крайнее положеніе и лишитъ его большой части артиллеріи и обозовъ. См. „Русская Старина“ 1877 г., февраль, стр. 278.

на пути. Въ эти углубленія попадаютъ, то и дѣло, солдаты; многіе изъ нихъ до того слабы, что не въ силахъ уже болѣе подняться на ноги. Болѣе крѣпкіе и выносливые спѣшатъ впередъ; но мятель яростно бьетъ имъ въ лице и пытается остановить ихъ на каждомъ шагу. Московская зима въ этомъ новомъ ужасномъ видѣ атакуетъ ихъ со всѣхъ сторонъ; она пронизываетъ ихъ легкія одежды, ихъ разодранную обувь. Ихъ мокрая плата замерзаютъ на нихъ, ледяной покровъ сжимаетъ ихъ тѣло, коченитъ ихъ члены. Жестокій, холодный вѣтеръ мѣшаетъ ихъ дыханію; ледяныя сосульки покрываютъ ихъ усы и бороды“ ¹⁾).

Напрягая послѣднія силы, тащатся впередъ солдаты великой арміи, но ряды ихъ начинаютъ быстро рѣдѣть. Многіе изъ нихъ падаютъ въ изнеможеніи на дорогѣ и замерзаютъ почти моментально, другіе невольно выпускаютъ оружіе изъ отмороженныхъ пальцевъ и спѣшатъ присоединиться къ жалкой толпѣ безоружныхъ мародеровъ. Но вотъ короткий и сумрачный день склоняется къ вечеру. Густой мракъ 16-ти часовой ночи спускается на бѣлый саванъ земли. Вотъ и бивуакъ! Кругомъ страшная пустыня. Нигдѣ не видно человѣческаго жилья. Только вѣтеръ гудитъ уныло въ мрачныхъ еловыхъ лѣсахъ. Надо останавливаться на ночлегъ, но солдаты долгое время не въ состояніи развести огней. Все ополчается противъ нихъ, и сильный холодный вѣтеръ, и массы снѣгу, и обледенѣлые, усыпанные снѣгомъ сучья ели. Наконецъ, удается развести костры. Пламя столбами подымается къ небу. Отсталые и голодные мародеры спѣшатъ толпами къ бивуаку. Нѣтъ человѣческихъ силъ прогнать ихъ отъ костровъ. Они лѣзутъ къ огню, не смотря на ругатель-

¹⁾ Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 180 и слѣд. Не такъ краснорѣчиво, но съ неменьшею силою говорятъ объ ужасахъ наступающей зимы другіе свидѣтели, напр. Фезензакъ, 288. Шамбре замѣчаетъ, что снѣгъ навелъ страхъ уже потому, что его считали предвѣстникомъ большихъ холодовъ и потому, что онъ не позволялъ болѣе идти по сторонамъ дороги и уничтожилъ послѣдній подножный кормъ для лошадей и скота. См. Шамбре. Т. II, стр. 376. См. также свидѣтельство Лабома, по словамъ котораго армія, вмѣстѣ съ появленіемъ снѣга, утратила свою силу и свою военную осанку. Лабомъ, стр. 300.

ства, толчки и удары прикладами. Волею или неволею, а приходится раздѣлять съ ними и ночлегъ, и пищу. И какую пищу! Лишь у немногихъ счастливыхъ осталось еще немного муки и нѣсколько сухарей; всѣ остальные принуждены довольствоваться кускомъ полусырой, полусоженной конины. Утоливъ голодъ, солдаты и офицеры жмутся какъ можно ближе къ огню. Глубокое, могильное спокойствіе воцаряется по бивуакамъ. Настаетъ холодное утро. Пережившіе ночь встаютъ и съ трудомъ тащатся далѣе; но многіе успокоились уже навсегда. Вокругъ cadaго потухшаго костра валяются сотни труповъ; весь снѣгъ вокругъ усѣянъ обглоданными лошадиными костями, остатками добычи, которая утратила уже всякое значеніе, разломаннымъ и брошеннымъ оружіемъ, лохмотьями и отбросками всякаго рода ¹⁾).

Эти мучительные переходы, эти страшные бивуаки распространяютъ отчаяніе въ войскахъ, убиваютъ послѣднее чувство долга и привычки дисциплины. До сихъ поръ оставляли ряды только солдаты, теперь безпорядокъ и упадокъ духа вѣдряются и въ корпусѣ офицеровъ. Въ толпѣ безоружныхъ, отсталыхъ и мародеровъ можно встрѣтить и офицеровъ всѣхъ степеней, и полковниковъ ²⁾). Они утратили уже всякое сознаніе и воинской чести, и человѣческаго до-

¹⁾ Не одни только французскія, но и русскія свидѣтельства полны разсказами объ ужасахъ, сопровождавшихъ отступленіе великой арміи. „Мы шли большою Смоленскою дорогою отъ Вязмы къ Смоленску, говоритъ русскій очевидецъ, и съ ужасомъ видѣли на ней непрерывное кладбище или какъ-бы дѣйствіе опустошительной чумы: на каждой верстѣ лежали по нѣскольку десятковъ лошадей и трупы погибшихъ французовъ; между ними или опрокинутыя фуры, или взорванные пороховые ящики. Видѣли, какъ у многихъ околѣвшихъ лошадей вырѣзано было мясо, видѣли, о ужасъ! въ брюхѣ одной такой лошади француза, схватившагося обѣими руками за печенку, и, видно, хотѣвшаго ѣсть ее, но лютый морозъ окаменилъ его въ этомъ положеніи. Иные несчастные, оставшіеся на дорогѣ, хотя и были живы, но отъ сильнаго изнуренія и голода потеряли употребленіе языка и только слабымъ движеніемъ рукъ обнаруживали въ себѣ остатки жизни“. См. „Записки артиллериста“. Т. I. стр. 252.

²⁾ Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 191. „Солдатъ, замѣчаетъ Лабомъ,—не повиновался болѣе своимъ офицерамъ, офицеръ избѣгалъ своего генерала; цѣлыя полки разстроились и превратились въ толпы мародеровъ“. Лабомъ, стр. 300.

стоинства. Они плетутся впередъ въ перемежку съ простыми солдатами, они пристають то къ одной, то къ другой колоннѣ, и бродятъ по сторонамъ, разыскивая гдѣ-нибудь кусокъ брошенной лошадиной падали. Ихъ примѣръ дѣйствуетъ самымъ губительнымъ образомъ на солдатъ, остающихся еще въ строю. Къ чему сражаться? задаютъ себѣ вопросъ лучшіе изъ этихъ послѣднихъ. Неужели только для того, чтобы прикрывать отступление этихъ безчестныхъ и слабыхъ трусовъ? И какая участь ожидаетъ ихъ, оставшихся вѣрными знамени? Тяжелые переходы и убійственныя схватки съ непріателемъ въ теченіи дня, голодъ и стужа ночью, бивуаки болѣе страшные, нежели самый бой, полнѣйшее отсутствіе покоя и отдыха. А конечная награда и исходъ? Вотъ изъ того лѣса раздаются жалобные, подавленные стоны. Эти стоны ихъ раненыхъ, умирающихъ товарищей, оставшихся вѣрными императорскимъ орламъ до конца. Ихъ бросаютъ теперь въ лѣсу на произволъ судьбы, армія лишилась послѣднихъ средствъ везти своихъ раненыхъ и больныхъ. вмѣстѣ съ снѣгомъ и гололедицею исчезъ послѣдній фуражъ, начали падать тысячами некованныя лошади, пришлось бросать по неволѣ и орудія, и добычу, и солдатъ, отслужившихъ свою службу.

Какой смыслъ оставаться далѣе въ рядахъ при такихъ условіяхъ? Къ чему умирать въ батальонахъ и рядахъ, когда можно еще поддерживать жизнь въ одиночку? ¹⁾ Такъ разсуждаютъ солдаты, и тысячи покидаютъ ежедневно ряды. Но и бѣглецы нерѣдко страшно ошибаются въ своихъ расчетахъ. Сбросивъ съ себя узду дисциплины, они подобно волкамъ рыщутъ по сторонамъ, разыскивая себѣ повсюду добычу. Они идутъ на всякій дымокъ днемъ, на всякій огонекъ ночью, въ надеждѣ найти теплый уголокъ или кусокъ хлѣба. Тщетная надежда! Все по обѣимъ сторонамъ выжжено и опустошено ими самими нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Этотъ дымъ, этотъ огонь разложенъ или такими же несчастными мародерами, какъ они сами, или что еще хуже, непріателями. И счастье, если они попадаютъ на бивуакъ

¹⁾ См. Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, стр. 191.

регулярнаго русскаго солдата. Этотъ добродушный воинъ не въ состояніи уже относиться съ ненавистью къ побѣжденному, безоружному врагу ¹⁾. Онъ не прогонитъ этихъ жалкихъ бродягъ, умоляющихъ о кускѣ хлѣба отъ своего костра, онъ даже подѣлится съ ними своею пищею. Иное дѣло попасть въ руки казакамъ. Эти не знаютъ уже состраданія, они оберутъ бѣглецовъ догола и бросятъ на дорогѣ. Но страшнѣе, ужаснѣе всего попасть въ руки русскаго крестьянина! Эти добродушные люди окончательно вышли изъ колеи съ тѣхъ поръ, какъ непріятель уничтожилъ огнемъ и мечемъ ихъ осѣдность, съ тѣхъ поръ какъ онъ наругался надъ ихъ святынею и обратилъ въ конюшни храмы Божіи. Крестьяне Смоленской губерніи давно, уже съ самаго лѣта, поселились въ лѣсахъ. Одни успѣли отправить свои семьи подальше въ глубь страны, куда не заходило нашествіе; другіе устроили для своихъ притоны въ непроходимыхъ тущахъ, въ лѣсахъ и болотахъ. Всѣ давно уже обзавелись оружіемъ. Многіе раздобыли ружья, другіе вооружились казацкими пиками, топорами, вилами, рогатинами. Нѣкоторые пристали къ казакамъ и партизанамъ, другіе ведутъ войну на свой страхъ, сами охотятся на француза. Разсвирѣпѣлые, одичалые, потерявшіе все, они не знаютъ ни пощады, ни состраданія. Цѣлыми шайками бродятъ они по сторонамъ большой дороги, день и ночь раздаются въ лѣсахъ ихъ ружейные выстрѣлы, неустанно работаютъ ихъ топоры и пики. Одинокіе мародеры и отсталые, цѣлыя партіи непріятельскихъ фуражировъ попадаютъ въ ихъ руки. Съ плѣнными они расправляются по-своему. Сначала, когда французы попадались по-немногу, съ ними возились долго, убивали нерѣдко изысканнымъ способомъ: обматывали соломой и сжигали живьемъ, отдавали на потѣху бабамъ и ребятишкамъ. Но вотъ

¹⁾ „Такіе ужасы производили непріятное впечатлѣніе. Хотя французы были наши враги и разорители, однако-же мщеніе не могло заглушить въ насъ чувства человѣколюбія въ такой степени, чтобы мы не сострадали ихъ бѣдствіямъ. Многіе солдаты отходили отъ этихъ предметовъ ужаса съ сожалѣніемъ, и будучи тронуты свирѣпостью войны проклинали виновника оной, Наполеона“. См. „Записки артиллериста“. Т. I, стр. 264.

отсталые, измученные французы начали чуть не сами идти въ руки, да и не десятками, а цѣлыми сотнями. Тутъ уже понадобилась иная расправа. Сгоняли плѣнныхъ въ сараи и сжигали тамъ сотнями, топили въ прорубяхъ; зарывали живыми въ землю. „Въ началѣ отступленія, рассказываетъ генералъ Вильсонъ, крестьяне захватили у деревни Селино (?) 50 ч. французовъ. Поговоривъ между собою, мужики порѣшили похоронить за-живо своихъ враговъ. При французяхъ былъ маленькій барабанщикъ, еще мальчикъ; безстрашно вскочилъ онъ первый въ вырытую яму, остальные послѣдовали за нимъ. У одного изъ погребенныхъ осталась собака, каждый день приходила она на могилу съ кускомъ мяса въ зубахъ и жалобно выла,—на силу удалось мужикамъ убить ее“ ¹⁾. А вотъ и самъ мужичокъ рассказываетъ о своихъ подвигахъ: „Наловили это мы ихъ, французовъ, десятка два и стали думать, что бы съ ними подѣлать, свести что-ли куда, сдать что ли кому, да куда поведешь и кому сдать? Вотъ и приговорили міромъ побить ихъ. Выкопали въ перелѣскѣ глубокую яму, повязали имъ, французамъ, руки и пригнали гуртомъ; стали это они вокругъ ямы, а мы за ними стали и начали они жалостно талалакать, точно Богу молиться; мы наскоро посовали ихъ въ яму да живыхъ и зарыли. Вѣришь-ли, такой живущій народъ, подъ землею съ полчаса ворошились“ ²⁾.

Среди всеобщаго разложенія и паники, обуявшихъ когда-то столь грозную армію, оставалось однако-же въ ней еще не мало людей, не покидавшихъ ряды. То были по большей части старые служаки, ветераны, офицеры, унтеръ-офицеры,

¹⁾ „Мужики показали англійскому генералу мѣсто погребенія и съ радостью рассказали ему свое дѣло, какъ будто они совершили похвальный подвигъ“. Wilson. Geheime Geschichte des Feldzug's von 1812 in Russland, стр. 326.

²⁾ Мужичокъ рассказывалъ уже послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи на постояломъ дворѣ проезжему чиновнику. Совѣсть видимо мучила его. Онъ попытывался можно-ли убивать французовъ и замѣтилъ, между прочимъ: „оно точно того, если-бы онъ на тебя съ ножомъ лѣзъ, ничего-бы, а то смотреть какъ баранъ; какъ тутъ быть-то? Французъ не баранъ, а все-же человекъ, врагъ только, землю разорилъ“. См. Разказы изъ исторіи 1812 г. „Русскій Архивъ“ 1868 г. стр. 869 - 870.

солдаты, испытанные и закаленные въ двадцати походахъ и безчисленныхъ битвахъ, душою и тѣломъ преданные своему императору. Эти люди выдерживаютъ бодро сверхъ человѣческіе труды и лишенія и, не смотря ни на что, не теряютъ надежды ¹⁾. Они поддерживаютъ другъ друга однимъ магическимъ словомъ „Смоленскъ“. Смоленскъ—это ихъ обѣтованная земля. Тамъ найдутъ они продолжительный отдыхъ, обильные припасы, сильныя подкрѣпленія тамъ запасутся они новыми гигантскими силами. Такъ обѣщано имъ самимъ императоромъ, а они привыкли вѣрить ему безусловно.

24-го октября главная квартира Наполеона вмѣстѣ съ старою гвардіею достигла Дорогобужа. Въ теченіи двухъ дней вокругъ этого города сосредоточились всѣ корпуса великой арміи; только Ней съ арьергардомъ былъ еще позади. Недостатокъ въ припасахъ, возроставшій каждый день, понудилъ Наполеона раздѣлить здѣсь армію на двѣ части. Самъ онъ съ главными силами намѣревался продолжать отступленіе по прямой дорогѣ къ Смоленску; вице-король съ 4-мъ корпусомъ долженъ былъ повернуть на Духовщину и достигнуть оттуда прямымъ путемъ Витебска ²⁾. Судьба обѣихъ частей арміи была далеко не одинакова. Движеніе самого Наполеона сопровождалось лишь обычными лишеніями и бѣдствіями. Преслѣдованіе русскихъ ложилось всею своею тяжестью исключительно на арьергардъ Нея; только въ этомъ корпусѣ была убыль убитыми и ранеными. Ней оборонялся геройски. Онъ пытался удержаться въ Дорогобужѣ ³⁾, но былъ выбитъ оттуда съ большими потерями нашими войсками. И въ слѣдующіе за тѣмъ дни Нею приходилось постоянно бороться

¹⁾ Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 185.

²⁾ Шамбре говоритъ, что вице-король долженъ былъ направляться также на Смоленскъ. Т. II, 381. Бернгарди полагаетъ, что путь на Духовщину былъ избранъ въ надеждѣ найти тамъ болѣе припасовъ. Т. II, стр. 290. Лабомъ, свѣдѣтельство котораго, какъ офицера, находившагося при корпусѣ вице-короля, имѣетъ особое значеніе, утверждаетъ, что вице-король былъ двинутъ на Витебскъ лишь потому, что Наполеонъ не зналъ еще ничего о взятіи этого города русскими. Лабомъ, стр. 312.

³⁾ Подробности объ этомъ сраженіи см. у Фезензака, Souvenirs militaires, стр. 290 и слѣд.

съ преслѣдующими его русскими. На Соловьевой переправѣ черезъ Днѣпръ онъ вновь пытался задержать своихъ преслѣдователей. Уже силы его солдатъ начали ослабѣвать, когда самъ маршалъ выхватилъ ружье у одного изъ солдатъ и снова повелъ въ атаку своихъ ветерановъ. Принужденный наконецъ отступить и бросить часть своей артиллеріи, Ней тѣмъ не менѣе все же успѣлъ задержать на нѣсколько часовъ преслѣдованіе ¹⁾.

Въ то время какъ солдаты Нея гибли въ отчаянной борьбѣ съ непріателемъ, корпуса великой арміи, шедшіе впереди, страдали по прежнему отъ холода, недостатка припасовъ и недобросовѣстности своихъ вождей. Наполеонъ, погруженный въ свои мысли, потрясенный катастрофою, обрушившеюся на его голову, мало обращалъ въ это время вниманія на образъ дѣйствій своихъ ближайшихъ подчиненныхъ. Страшныя злоупотребленія происходили, можно сказать, на его глазахъ и оставались совершенно безнаказанными. Многіе изъ маршаловъ и генераловъ заботились исключительно о себѣ и утопали въ роскоши и изобиліи въ то время, какъ офицеры и солдаты умирали съ голоду. Жюно, подъ начальствомъ котораго находились несчастные Вестфальцы, заботился только о сохраненіи громадной добычи, награбленной имъ въ Москвѣ. Несчастные солдаты должны были по цѣлымъ ночамъ стоять на стражѣ у его обоза. Понятно, что они замерзали цѣлыми сотнями, неудивительно, что изъ всего корпуса по прибытіи въ Смоленскъ уцѣлѣло какихъ-нибудь 1000 человекъ. Этотъ же Жюно подавалъ всѣмъ другимъ примѣръ дьявольской жестокости. Онъ приказывалъ разстрѣливать солдатъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ его драгоценностей ²⁾; онъ истреблялъ безжалостно русскихъ плѣнныхъ, находившихся при его колоннѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ дѣйствовалъ, впрочемъ, подобно другимъ генераламъ на основаніи прямыхъ распоряженій императора. Наполеону приходилось отдѣлываться не отъ однихъ плѣнныхъ, а и отъ той добычи, кото-

¹⁾ Подробности у Фезензака, *Souvenirs militaires*, стр. 293—294.

²⁾ Lossberg. *Briefe in die Heimath*, стр. 238.

рую тасцилъ онъ съ такимъ трудомъ до сихъ поръ. Гололе-
дица, истощившая послѣднія силы лошадей, заставила его,
скръбя сердце, разстаться съ своими сокровищами... У Зем-
лева онъ приказалъ потопить въ озерѣ множество орудій,
крестъ, снятый съ Ивана Великаго, украшенія Кремлевскихъ
церквей, похищенные военные трофеи. „Трофеи, добыча, сла-
ва, для которыхъ мы пожертвовали всѣмъ“, замѣчаетъ оче-
видецъ, „все погибло; дѣло шло уже не объ украшеніи, а о
спасеніи жизни. Въ этомъ великомъ крушеніи, армія, пре-
слѣдуемая страшнѣйшею изъ бурь, бросала, не колеблясь, въ
море снѣга и льда все, что могло затруднить или задержать
ея движеніе“ ¹⁾.

25 октября главная квартира Наполеона перенесена была
въ Михалевку, неподалеку отъ Смоленска. Императора ожи-
дали тутъ крайне непріятныя вѣсти. Маршалъ Викторъ увѣ-
домлялъ его о неудачномъ сраженіи при Чашникахъ и объ
отступленіи своего отряда къ Сенну. Въ своемъ отвѣтѣ мар-
шалу Наполеонъ не считалъ уже возможнымъ скрывать отъ него
истину. „Его Величеству угодно“, писалъ маршалъ Бертье,
„чтобы вы, собравъ ваши шесть дивизій, безотлагательно ата-
ковали непріятеля, отбросили его за Двину и овладѣли По-
лоцкомъ... Это движеніе весьма важно: черезъ нѣсколько дней
вся страна въ тылу у васъ можетъ быть наводнена казака-
ми. Армія и главная квартира завтра прійдутъ въ Смоленскъ,
но мы очень утомлены безостановочнымъ походомъ въ пять-
сотъ верстъ. Дѣйствуйте наступательно, отъ этого зависитъ
спасеніе арміи, всякій потерянный день есть бѣдствіе. Кавалерія
наша спѣшилась, всѣ лошади пали отъ стужи“ ²⁾.

Поглощенный заботами минуты, Наполеонъ получилъ въ
это время и другую вѣсть, разомъ отвлекшую его вниманіе
въ далекій, почти недосыгаемый для него Парижъ. Онъ узналъ,
что нѣсколько человѣкъ: одинъ сумасшедшій и три искателя

¹⁾ Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 185. Въ
Землевское озеро брошена была, впрочемъ, лишь небольшая часть московской
добычи. По свидѣтельству Лабомъ, крестъ съ Ивана Великаго былъ брошенъ го-
раздо позже подъ Вильною, стр. 418.

²⁾ Письмо къ Виктору напечатано у Шамбре. Т. II, стр. 379—380.

приключеній, предприняли неслыханно дерзкую попытку опрокинуть его тронъ, устранить его династію и провозгласить вновь республику ¹⁾. Вѣсть была настолько невѣроятна, настолько чудовищна, что никто не хотѣлъ ей вѣрить въ первый моментъ. Наполеонъ пораженъ былъ какъ громомъ. И такъ, эта страна, на которую онъ привыкъ смотрѣть какъ на незыблемую основу своего могущества, еще не пережила окончательно своей революціонной эры. Порядокъ, который казался ему несокрушимымъ, на построеніе котораго онъ затратилъ лучшія силы своего генія, построенъ былъ въ дѣйствительности на пескѣ; онъ зашатался при первомъ слабомъ дуновеніи вѣтерка. Только счастливый случай, толь-

¹⁾ Заговоръ Мале. Мале былъ человѣкъ крайнихъ революціонныхъ убѣждений, но въ тоже время психически больной. Онъ страдалъ манією устраивать заговоры и производить государственные перевороты. Уже въ 1807 году онъ былъ арестованъ какъ заговорщикъ и посаженъ въ тюрьму. Сидя въ тюрьмѣ, онъ составилъ новый заговоръ, но на этотъ разъ былъ признанъ на судѣ душевно больнымъ и заключенъ въ домъ умалишенныхъ. Въ домѣ умалишенныхъ Мале пользовался, однако-же значительною свободою и имѣлъ возможность вступить въ близкія сношенія съ нѣсколькими фанатиками и авантюристами. Въ ихъ числѣ былъ нѣкто Лазонъ, тайный агентъ Бурбоновъ, человѣкъ заподозрѣнный также въ помѣшательствѣ, Рато, капралъ муниципальной гвардіи и испанскій патеръ Команьо. Вмѣстѣ съ этими лицами Мале составилъ планъ свергнуть съ престола Наполеона и возстановить республику. Составивъ предварительно подложные манифесты и декреты сената, въ которыхъ возвѣщалась смерть Наполеона, устранялась отъ престола его династія и учреждалось временное правительство, заговорщики рѣшились приступить къ дѣлу осенью 1812 г., когда въ теченіи двухъ недѣль не приходило никакихъ извѣстій изъ Россіи, и въ Парижѣ начали ходить слухи о смерти Наполеона. Ночью подъ 23-е октября н. с. Мале ушелъ изъ своего заточенія, надѣлъ генеральскій мундиръ, сѣлъ на заранее приготовленную лошадь и въ сопровожденіи Рато отправился въ казарму одной изъ когортъ національной гвардіи. Онъ приказалъ прочесть подложные манифесты. Солдаты и офицеры повѣрили ему и вмѣстѣ съ нимъ отправились въ тюрьму Ла-Форсъ, гдѣ сидѣли подъ стражею республиканскіе генералы Гвидаль и Лагори. Мале освободилъ ихъ и объявилъ, что первый изъ нихъ назначенъ министромъ полиціи, а второй префектомъ парижской полиціи. Не только освобожденные генералы, но и всѣ присутствующіе спѣшили исполнять приказы Мале. Раббе, командиръ одного изъ пѣхотныхъ полковъ парижской гвардіи немедленно же занялъ своими войсками городскія ворота, зданія сената, банка и государственнаго казначейства. Лагори и Гвидаль арестовали между тѣмъ министра полиціи Савари, префекта Пакье, отправили ихъ въ тюрьму, а сами вступили въ ихъ должности. Все преклонялось передъ заговорщиками.

ко машинальная вѣрность батальона національной гвардіи предупредила полную катастрофу. Его сановники потеряли голову, его учрежденія оказались несостоятельными. Онъ думалъ, что у него такъ много вѣрныхъ, а никто изъ этихъ вѣрныхъ даже не подумалъ въ моментъ опасности о его сынѣ, Наполеонѣ II ¹⁾. „Да, замѣтилъ опъ, обращаясь къ Дарю, хорошо-бы было, если-бы мы остались въ Москвѣ“ ²⁾. Оставшись наединѣ съ своими приближенными, Наполеонъ далъ полную волю своимъ чувствамъ. Его гнѣвъ, его удивленіе, его презрѣніе къ людямъ, готовымъ продать его при первомъ-же случаѣ, вылились цѣлымъ потокомъ энергическихъ восклицаній и жестовъ. Успокоившись нѣсколько, императоръ призвалъ къ себѣ многихъ изъ генераловъ. Онъ сообщилъ имъ странную новость, пытаясь при этомъ подмѣтить, какія впечатлѣнія произведетъ она на нихъ. Понят-

Наполеоновскіе чиновники, умѣвшіе только повиноваться и утратившіе всякую способность мыслить и разсуждать, даже не задавали себѣ вопроса, откуда могъ взять Мале свои полномочія и спѣшили исполнять приказанія челоѣка извѣстнаго имъ до тѣхъ поръ за сумасшедшаго и арестанта. Одинъ изъ нихъ, Сенскій префектъ, Фришо, дошелъ въ своемъ рвеніи угодить новому правителю до того, что приготовилъ въ городской ратушѣ залу для засѣданій временнаго правительства. Только случай помѣшалъ заговорщикамъ овладѣть окончательно Парижемъ. Когда Мале отправился на Вандомскую площадь и хотѣлъ арестовать тамъ городского коменданта Гюлена, то бывшіе при этомъ національные гвардейцы не сразу исполнили его приказъ, а Гюлень даже потребовалъ, чтобы ему предъявили декретъ объ его арестѣ. Въ отвѣтъ на это требованіе, Мале ранилъ Гюлена выстрѣломъ изъ пистолета; но въ тотъ же моментъ онъ былъ узнанъ присутствующимъ полицейскимъ комиссаромъ и арестованъ при помощи солдатъ. Арестъ Мале разстроилъ все предпріятіе заговорщиковъ. Уже въ 9 часовъ утра окончилась эта небывалая комедія. Парижское населеніе держало себя все время совершенно пассивно. Никому изъ горожанъ не приходило даже въ голову выступить на защиту законнаго правительства. Мале и 14 его товарищей были приговорены къ смертной казни. Казнь была исполнена уже 29-го октября. Только двое изъ заговорщиковъ Рато и Раббо успѣли добиться передъ судомъ отсрочки казни и были въ послѣдствіи помилованы императоромъ.

¹⁾ Fain. Manuscrit de 1812. T. II, стр. 285. „Императоръ пораженъ не заговоромъ, а тѣмъ, что послѣ 12 лѣтъ правленія, послѣ его брака, послѣ рожденія сына, слухъ о его смерти могъ послужить предлогомъ къ революціи“. — „А Наполеонъ II, сказалъ онъ, о немъ значить и не подумали!“

²⁾ Segur. T. II, стр. 186. Дарю въ свое время совѣтовалъ Наполеону жить въ Москвѣ.

но, что всё спѣшили выразить свое негодованіе, удивленіе, презрѣніе, но были и такіе, замѣчаетъ Сегюръ, которые радовались въ душѣ. Этотъ случай, думали они про себя, побудить императора возвратиться поскорѣе во Францію, быть можетъ, онъ удержитъ его и напередъ отъ такихъ рискованныхъ предпріятій, какъ эта ужасная московская экспедиція ¹⁾.

Какъ-бы то ни было, но страшная нужда момента не замедлила отвлечь вниманіе всѣхъ отъ далекаго Парижа и безумнаго похода Мале. До Смоленска оставался всего только одинъ переходъ, но этотъ переходъ сопряженъ былъ съ величайшими трудностями. 27 октября морозъ увеличился до 12 градусовъ, при этомъ дулъ сильный, пронзительный вѣтеръ. Невозможно было усидѣть на лошади, трудно было выдержать даже въ открытомъ экипажѣ. Наполеонъ и его свита принуждены были слѣзть съ лошадей и идти пѣшкомъ нѣсколько верстъ ²⁾. Но вотъ показался и Смоленскъ, обѣтованная страна, конецъ всѣхъ страданій и лишеній. Солдаты ликовали, завидя его башни, его полуразрушенныя стѣны; но ихъ восторгъ сразу охладѣлъ, когда они узнали, что на первый разъ войдетъ въ городъ только старая гвардія, что всѣ остальные корпуса должны остановиться передъ Смоленскомъ, или обойти его. Само собою понятно, что это распоряженіе имѣло свой смыслъ. Наполеонъ хотѣлъ регулировать раздачу припасовъ солдатамъ, онъ желалъ также, чтобы всѣ части арміи сосредоточились предварительно подъ стѣнами Смоленска.

Въ теченіи четырехъ слѣдующихъ дней, части великой арміи медленно стягивались къ Смоленску. Одинъ изъ послѣднихъ подошелъ къ городу корпусъ Нея. Начальникъ непріятельскаго арьергарда, полагая, что сзади его нѣтъ уже болѣе французскихъ войскъ, только что началъ располагать

¹⁾ Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 189.

²⁾ „9 ноября императорская квартира выступила изъ Бредихина. Никто не могъ удержаться на лошади. Наполеонъ шелъ пѣшкомъ со всею своею свитою... Обычная улыбка исчезла съ устъ придворныхъ, сопровождавшихъ императора. Все приняло мрачный видъ“. Fain. Manuscrit de 1812. Т. II, стр. 287.

свои войска на высотахъ у самаго города, какъ вдругъ на лѣвомъ его флангѣ показались цѣлыя толпы безоружныхъ бѣглецовъ. Пораженные паническимъ страхомъ, они бросились внизъ по крутизнамъ, скользили, падали, давили другъ друга. Объяты изумленіемъ, солдаты Нея не могли понять первое время, откуда взялись эти несчастные, но вскорѣ загадка разъяснилась! Среди бѣглецовъ вдругъ явились казаки, съ дикимъ крикомъ преслѣдовали они свою добычу. Еще нѣсколько минутъ, и на горизонтѣ показались колонны четвертаго корпуса. Онѣ шли, сомкнувшись, окруженные отовсюду казаками. Видно было, что они потерпѣли тяжелую катастрофу, въ ихъ рядахъ не видно было ни артиллеріи, ни багажныхъ фуръ. Только немногіе солдаты шли съ оружіемъ въ рукахъ, большинство брело безъ оружія; подобно стаду испуганныхъ овецъ, жались они за своихъ вооруженныхъ товарищей ¹⁾.

Что-же случилось съ вице-королемъ и съ его войсками? Неужели они сдѣлались жертвою казачаго преслѣдованія? Маршалъ Ней и его сподвижники съ негодованіемъ отвергали эту мысль, но вскорѣ имъ пришлось убѣдиться въ этой горькой, позорной для нихъ истинѣ. Несчастія вице-короля начались съ того момента, когда онъ свернулъ у Дорогобужа на Духовщинскую дорогу. Уже при подъемѣ на правый крутой берегъ Днѣпра войскамъ его пришлось бороться почти съ непреодолимыми трудностями. Тщетно пытались они долгое время втащить по обледенѣлому подъему свои тяжелыя орудія и громадныя фуры, нагруженныя припасами, а еще болѣе добычею. Пришлось запрягать подъ орудіе по 12 и 16 лошадей, пришлось бросить нѣкоторые изъ нихъ и множество фуръ. Солдаты, давно уже потерявшіе послѣдніе остатки дисциплины, немедленно-же принялись за грабежъ, не смотря на то, что казаки Платова были недалеко. Грабежъ и беспорядокъ продолжались, усиливаясь и въ теченіи слѣдующаго перехода. Путь, по которому двигались войска вице-короля, былъ усыянъ брошенными повозками и оружіемъ,

¹⁾ Segur. Т. II, стр. 195.

чемоданами, одеждою, обломками и обрывками всякаго рода. Грабители бросали добычу, найденную въ фурахъ, но дрались за захваченные припасы. Припасовъ этихъ оказалось въ концѣ концовъ очень мало; они могли предохранить лишь немногихъ отъ изнеможенія и голодной смерти. Люди и лошади падали цѣлыми сотнями и устилали дорогу своими трупами. Между тѣмъ казаки настигли отступающихъ. Они рыскали по обѣимъ сторонамъ дороги, хватали всѣхъ отсталыхъ, забирали брошенные орудія и добычу. Своимъ внезапнымъ появленіемъ и дикимъ крикомъ они навели панику на голодныхъ и окоченѣлыхъ итальянцевъ. Непосредственно за отступающими колоннами двигалось нѣсколько казачьихъ орудій. Поставленные на легкія сани, они, то и дѣло, подѣзжали на близкое разстояніе и открывали убійственный огонь по непріятелю. Вице-король принужденъ былъ нѣсколько разъ останавливать свои батареи и отстрѣливаться отъ неутомимыхъ преслѣдователей ¹⁾.

Такъ тащились они впередъ, ежеминутно уменьшаясь въ числѣ и падая духомъ ²⁾, пока не добрались до небольшой рѣчки Воппи, притока Днѣпра ³⁾. Тутъ ожидало ихъ непреодолимое препятствіе: Воппа сама по себѣ рѣчка ничтожная. Въ августѣ они перешли черезъ нее свободно въ бродъ и забыли давно уже о ея существованіи. Но теперь отъ сильныхъ осеннихъ дождей и снѣга Воппа превратилась изъ жалкаго ручья въ шумный и широкій потокъ. Она заняла почти всю свою ложбину; крутые, обледенѣлые берега ея представляли неодолимую преграду для истощенныхъ, кованныхъ на тупые шипы

¹⁾ Объ этихъ первыхъ бѣдствіяхъ вице-короля мы узнаемъ изъ собственно-ручныхъ его донесеній, перехваченныхъ нашими казаками. Донесенія напечатаны у Богдановича. Т. II, стр. 432—435. Главнѣйшимъ источникомъ является для всей экспедиціи вице-короля свидѣтельство Лабома, непосредственнаго очевидца и участника.

²⁾ „Не скрою отъ вашего высочества“, писалъ вице-король, „что эти три дня страданій такъ убили духъ солдатъ, что я считаю ихъ въ этотъ моментъ мало способными къ какому-бы то ни было усилію. Много людей погибло отъ голода и холода, другіе въ отчаяніи сдались непріятелю“. См. донесеніе вице-короля у Богдановича. Т. II, стр. 434—435.

³⁾ См. Географическій словарь Семенова. Т. I, стр. 547.

непріятельскихъ лошадей. Вице-король, предупѣдомленный объ этихъ обстоятельствахъ, отправилъ изъ Дорогобужа впередъ генерала Пуатвена съ саперною командою для устройства моста черезъ Вошь. Мостъ былъ дѣйствительно построенъ, но ночью съ 27 на 28 октября вода поднялась внезапно и разорвала мостъ на части ¹⁾. Утромъ 28 октября войска подошли къ рѣкѣ, казаки гнались за ними по пятамъ, и не было ни времени, ни возможности исправить мостъ. Въ страшномъ безпорядкѣ столпились колонны вице-короля на берегу. Казаки, замѣтивъ смятеніе непріятеля, начали тѣснить его съ тылу; многіе изъ нихъ переправились черезъ рѣку и показались на противоположномъ берегу. Вице-король, опасаясь быть окруженнымъ и предполагая, впрочемъ неосновательно, что вслѣдъ за казаками идутъ регулярныя русскія войска, приказалъ переправляться въ бродъ. Дивизія Брусье должна была удерживать казаковъ, остальные войска бросились въ рѣку и по грудь въ водѣ подъ сильнымъ огнемъ непріятеля перебрались на ту сторону. Необходимо было спасти артиллерию и обозъ. Первыя орудія перевезены были благополучно, но вскорѣ образовались на днѣ рѣки глубокія выбоины, нѣсколько орудій завязли въ нихъ и преградили единственно доступный бродъ. Между тѣмъ казаки съ удвоеннымъ жаромъ тѣснили непріятельскій арбергартъ. Объятые страхомъ, войска вице-короля и масса безоружныхъ тѣснились какъ безумные къ броду. Артиллерія, обозы, раненые, больные,—все было брошено на произволъ судьбы. Всѣ бросали свои экипажи и повозки и спѣшили нагрузить на верховыхъ и упряжныхъ лошадей болѣе цѣнную часть награбленной добычи. Другіе, забывъ объ опасности, спѣшили утолить свой голодъ и поживиться на чужой счетъ. Они грабили и разбивали фуры, разыскивая повсюду муку и водку ²⁾.

¹⁾ Подробности о постройкѣ и разрушеніи моста см. у Лабома, стр. 315.

²⁾ „Едва только кто собирался бросить свой экипажъ, какъ уже толпа солдатъ наступала со всѣхъ сторонъ и не давала собственнику время выбрать изъ своего имущества то, что казалось ему пригоднѣе. Они завладѣвали всѣмъ и и грабили, но предпочитали всему хлѣбъ и воду. Крики переходившихъ черезъ рѣку, вопли женщинъ, плачь дѣтей, отчаяніе самихъ солдатъ, все это произво-

Артиллеристы старались заклепать свои орудія и взрывали на воздухъ зарядные ящики. Земля дрожала отъ взрывовъ и непрерывающейся перестрѣлки. Короткій осенній день склонялся къ вечеру. Опоздавшіе и отсталые въ страшномъ безпорядкѣ тѣснились къ броду. Повозки, лошадинные и человѣческіе трупы запрудили рѣку. Къ ночи всѣ непріятельскія войска успѣли переправиться на противоположный берегъ; но массы безоружныхъ и отсталыхъ всю ночь толпились у бродовъ, оглашая окрестность своими отчаянными воплями и стонами. Положеніе переправившихся было не менѣе ужасное. Голодные, оборванные, босые, изнуренные до крайности, солдаты, принуждены были проводить ночь на голомъ снѣгу, подъ холоднымъ леденящимъ вѣтромъ. Лѣса по сосѣдству не было, окрестныя деревни сожжены были до-тла; негдѣ было достать ни матеріала для костровъ, ни пищи. Только немногіе счастливы успѣли добыть нѣсколько полубогорѣлыхъ бревенъ и развести огни. Тысячами толпились солдаты у этихъ жалкихъ костровъ; на нихъ жарили они конину, на нихъ старались они высушить свое измокшее платье. А между тѣмъ казаки не дремали. Толпами окружали они непріятельскіе бивуаки; ихъ выстрѣлы, ихъ дикіе крики не давали ни минуты покоя войскамъ вице-короля ¹⁾.

На разсвѣтъ 29-го октября переправилась и дивизія Брусье. Она принуждена была оставить на лѣвомъ берегу рѣки почти всѣ обозы и 64 орудія. Катастрофа, обрушившаяся такъ внезапно на 4-й корпусъ, повлекла за собою его полнѣйшее разложеніе. Солдаты, пораженные отчаяніемъ, бросали оружіе и никакія усилія начальниковъ не могли заставить ихъ возвратиться къ знаменамъ. Въ рядахъ оставалось не болѣе 6000 вооруженныхъ людей, а между тѣмъ надо было идти

дило такую раздирающую сцену, одно воспоминаніе о которой наводитъ ужась на всѣхъ, бывшихъ ея свидѣтелями". Лабомъ, стр. 318.

¹⁾ Подробности о переправѣ черезъ Воль, этой малой Березины, этого предвѣстника болѣе страшной катастрофы, см. у Сегюра, который при этомъ случаѣ не забываетъ сказать, что это дѣло было постыдно для русскихъ. Т. I, стр. 195 и слѣдующія. Шамбре. Т. II, стр. 322—332. Донесеніе Платова Кутузову 29-го октября.

неутомимо впередъ, надо было отбиваться отъ яростнаго преслѣдованія казаковъ. У самой Духовщины бѣглецы были остановлены двумя казачьими полками, успѣвшими заградить имъ дорогу. Смятеніе напало на жалкіе остатки корпуса вице-короля; но вице-король приказалъ итальянской гвардіи построиться въ карре и повелъ ее въ штыки на казаковъ. Казаки принуждены были уступить передъ отчаяннымъ натискомъ ¹⁾, но пятьсотъ человѣкъ плѣнныхъ и нѣсколько орудій остались въ ихъ рукахъ. Въ Духовщинѣ, уцѣлѣвшей отъ пожара, непріатели провели сравнительно спокойную ночь, но уже въ 9 ч. утра передъ городомъ показались казаки и преслѣдованіе возобновилось съ удвоенною силою. Оно не прекращалось до самаго Смоленска; еще за 4 версты отъ этого города казаки вновь атаковали непріателя и нанесли ему чувствительный уронъ. Съ какою-то дикою радостью привѣтствовали остатки 4-го корпуса Смоленскъ, но каково же было ихъ изумленіе, ихъ ужасъ, когда они узнали отъ солдатъ Нея, что императоръ и большая часть арміи уже оставили этотъ городъ, что ихъ надежды на отдыхъ, на продолжительную стоянку, на изобиліе припасовъ обмануты самымъ жестокимъ образомъ.

¹⁾ Шамбре. Т. II, стр. 391; Лабомъ, стр. 323.

ГЛАВА VII.

Смоленскъ и разбитыя надежды.—Нельзя терять ни одного дня.—Неисполнимые приказы Наполеона.—Разгромъ магазиновъ.—Ужасы голода.—Наполеонъ обманываетъ своихъ генераловъ на счетъ дѣйствительнаго положенія великой арміи.—Перстъ Божій коснулся гордыни великаго завоевателя.—Выступление великой арміи изъ Смоленска.—Встрѣча подъ Краснымъ.—Наполеонъ проходитъ мимо русскихъ войскъ.—Первое столкновеніе.—Вице-король соединяется съ Наполеономъ.—Тактика Кутузова.—Прерванное сраженіе.—„О, моя звѣзда“.—Трофеи и добыча русскихъ.—Неожиданная встрѣча.—Пораженіе маршала Нея.—Его отчаянное положеніе и переправа черезъ Дятль.—Результаты сраженій подъ Краснымъ.—Наполеонъ и гренатеры старой гвардіи.—Наполеонъ въ Оршѣ.—Трагедія приближается къ развязкѣ.

Печальное, непривѣтливое зрѣлище представилось передъ глазами великой арміи и его вождя, когда они достигли, наконецъ, Смоленска. Сколько разъ и какъ настоятельно предписывалъ императоръ возстановить, по возможности, разрушенный и сожженный городъ, собрать здѣсь громадныя магазины, приготовить удобныя помѣщенія для войскъ,—и что же? Ни одно изъ его приказаній не было исполнено въ точности! Обычная беззаботливость, отсутствіе порядка, слѣпая вѣра въ звѣзду непобѣдимаго императора,—все соединилось вмѣстѣ, чтобы помѣшать исполненію его повелѣній. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы великая армія возвратилась изъ Москвы такъ скоро, и притомъ въ такомъ плачевномъ состояніи. Никто не ожидалъ ее, никто не заботился объ ея приѣмѣ. Начальники и подчиненные думали только о самихъ себѣ, хлопотали о своихъ собственныхъ удобствахъ. Городъ оставался въ такомъ же безобразномъ и разрушенномъ видѣ,

въ какомъ оставилъ его Наполеонъ. Укрѣпленія не были восстановлены, стѣны и башни лежали въ развалинахъ, улицы были завалены горами мусора, трупами лошадей и нечистотами; большинство домовъ остались необитаемыми. Только офицеры и чиновники гарнизона отдѣляли для себя за-ново нѣсколько помѣщеній, обзавелись домашнимъ хозяйствомъ и кое-какими удобствами. Тщетно приглашали французскія власти разбѣжавшихся жителей возвратиться въ свои дома и предаться своимъ обычнымъ занятіямъ. Смольняне столь-же мало вѣрили обѣщаніямъ непріятеля, сулившаго имъ чуть не золотыя горы, какъ и москвичи. Только немногіе евреи рискнули изъ-за наживы возвратиться въ городъ. О восстановленіи торговли, о подвозѣ припасовъ изъ окрестностей не могло быть и рѣчи. Опасно было даже выйти изъ города. Шайки вооруженныхъ крестьянъ бродили по соседнимъ лѣсамъ; почти каждый день приходилось высылать противъ нихъ вооруженныя команды. Въ самомъ городѣ царствовалъ невообразимый хаосъ. Великая армія, выступая изъ Смоленска къ Москвѣ, оставила за собою громадныя толпы отсталыхъ и мародеровъ. Эти люди распространяли въ Смоленскѣ, какъ и вездѣ, ужасъ и опустошеніе. Страшная нужда господствовала въ городѣ; люди умирали въ буквальномъ смыслѣ слова отъ голода. Мало-по-малу начали прибывать изъ Польши и Пруссіи транспорты съ хлѣбомъ и стада быковъ; но значительная часть этого провіанта уходила на содержаніе войскъ, проходившихъ, то и дѣло, черезъ Смоленскъ. Мѣстныя власти потеряли голову. Они не заботились о самомъ необходимомъ, не принимали мѣръ для погребенія труповъ, которыми завалены были всѣ дома, сады и огороды въ Смоленскѣ. Ядовитыя міазмы наполняли городъ, онѣ породили страшныя эпидеміи, опустошавшія и гарнизонъ и проходящія войска. Быки, пригнанные въ Смоленскъ, исхудали и изнурились и не въ состояніи были идти далѣе. Пришлось убивать ихъ прежде времени и безъ всякой надобности. Многіе изъ нихъ пали и ихъ гніеніе еще болѣе заражало воздухъ. Сборъ припасовъ шелъ очень медленно. Несчастныя случайности, нераспорядительность властей портили дѣло. Тран-

спорты съ припасами, то и дѣло, попадали въ руки крестьянамъ, казакамъ и мародерамъ. Около Краснаго казаки захватили въ серединѣ октября 800 быковъ. Въ Смоленскѣ устроены были пекарни; въ нихъ готовили ежедневно хлѣбъ и сухари, но въ количествѣ, далеко несоотвѣтствовавшемъ предстоящей надобности. О заготовленіи удобныхъ квартиръ для войскъ не было и рѣчи. Въмѣсто того, чтобы возстановлять дома, продолжали разрушать ихъ ¹⁾.

Наполеонъ былъ потрясенъ до глубины души картинами, встрѣтившими его въ Смоленскѣ. Онъ вдругъ убѣдился, что среди этого хаоса зла, безпорядка и дикаго эгоизма, его геній также безсиленъ, какъ и среди волнъ пламени, охватившаго его въ Московскомъ кремлѣ. Сумрачный, безмолвный проѣхалъ онъ въ городъ, избѣгая встрѣчъ и разговоровъ ²⁾. Онъ остановился въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ на Новой площади и въ теченіи четырехъ дней до самаго выѣзда своего изъ города не выходилъ на улицу. Тяжелое раздумье чередовалось у него въ эти дни съ дикими вспышками гнѣва. Онъ едва не приговорилъ начальника интендантской части

¹⁾ О положеніи Смоленска см. между прочимъ *Aus dem Leben des Generals von Brandt. T. I, стр. 459—460.* Офицеры называли Смоленскъ чумною ямою. Другія свѣдѣнія о Смоленскѣ см. *Puisbusque Lettres sur la guerre de Russie.*

²⁾ „Вчера Наполеонъ съ гвардіею прибылъ въ Смоленскъ, пишетъ очевидецъ. Отъ Московской заставы до середины города, гдѣ отведенъ былъ ему домъ, онъ шелъ пѣшкомъ. Возвышеніе къ городу покрыто ледяною корою, такъ что экипажамъ трудно было проѣхать. Нѣтъ ни желѣза, ни углей, ни кузнецовъ, чтобы подковать лошадей на шипы. Онѣ стали такъ слабы, что которая упадетъ, не встаетъ уже болѣе. Сегодня болѣе 16° мороза. Солдаты, приходящіе изъ Москвы, укутаны въ мужскія и женскія шубы, въ шелковыя, шерстяныя матеріи разныхъ цвѣтовъ, головы и ноги обернуты лоскутьями. Ихъ лица изнуренныя, закопченныя дымомъ бивуаковъ, красные и свирѣлые глаза, всклокоченные волосы дѣлаютъ ихъ похожими на шайку преступниковъ, вырвавшихся на волю. Тѣ, которые падаютъ отъ усталости, голода и холода, умираютъ на мѣстѣ. Это не производитъ никакого впечатлѣнія на ихъ товарищей, они проходятъ мимо, не заботясь о томъ, чтобы помочь имъ. Бѣдность, лишенія и постоянное зрѣлище разрушеній окаменили ихъ сердца. Солдаты безъ сожалѣнія смотрятъ на умирающаго своего сотоварища и даже друга. Одна мысль, кажется, охватила всѣхъ—онъ счастливъ, онъ не страдаетъ болѣе. Каждый ожидалъ того-же, разсчитывая по своимъ силамъ, сколько еще дней придется ему прожить“. *Puisbusque. Lettres sur la guerre de Russie, стр. 121—124.*

въ Смоленскѣ къ смерти; въ теченіи цѣлаго часа ползалъ передъ нимъ на колѣняхъ этотъ несчастный, умоляя о пощадѣ ¹⁾. Обдумывая свое положеніе, Наполеонъ тотчасъ-же убѣдился, что онъ не можетъ оставаться въ Смоленскѣ ни одного лишняго дня, не рискуя погубить самого себя и остатки своей арміи. Изъ поданныхъ ему вѣдомостей императоръ усмотрѣлъ, что припасовъ, собранныхъ въ Смоленскѣ, можетъ хватить въ самомъ лучшемъ случаѣ на какихъ-нибудь двѣ недѣли, а между тѣмъ онъ зналъ, что арміи его придется сдѣлать цѣлыхъ сорокъ переходовъ по мѣстности, совершенно опустошенной. Съ другой стороны Наполеонъ справедливо опасался, что въ случаѣ дальнѣйшаго промедленія въ Смоленскѣ русская армія, шедшая параллельнымъ путемъ съ его арміею, можетъ предупредить его на пути къ Оршѣ и отрѣзать ему дальнѣйшее отступленіе. Наполеонъ не могъ также опускать изъ виду и тѣхъ опасностей, которыя угрожали ему на дальнѣйшей линіи его отступленія. Онъ хорошо зналъ, какія неудачи постигли въ послѣднее время оба его фланга; онъ предвидѣлъ, что вмѣсто 200000 человекъ, готовыхъ поддержать его на предѣлахъ Литвы, онъ можетъ найти какихъ нибудь 50000 человекъ ²⁾. Мысль объ удержаніи линіи Днѣпра, о зимнихъ квартирахъ въ Бѣлороссіи и Литвѣ, если она и приходила ему прежде серьезно въ голову, должна была оказаться теперь вполне несостоятельною. Необходимо было торопиться по возможности отступленіемъ, въ Смоленскѣ надо было оставаться лишь настолько, насколько это было необходимо для снабженія арміи припасами. Чтобы регулировать по возможности эту раздачу, чтобы избѣжать усиленія безпорядка, Наполеонъ приказалъ остановить передъ Смоленскомъ всѣ корпуса арміи, отнюдь не допустить въ городъ отсталыхъ и мародеровъ, и приступить прежде всего къ раздачѣ припасовъ гвардіи.

¹⁾ Segur. Т. II, стр. 203.

²⁾ Наполеонъ, впрочемъ, и въ это время сильно ошибался на счетъ общаго положенія дѣлъ и представлялъ себѣ его, какъ увидимъ это мы впоследствии, въ совершенно иномъ видѣ, нежели оно было въ дѣйствительности.

Легко было отдавать подобныя приказанія, но трудно, почти невозможно было исполнять ихъ. Приказъ не входитъ въ городъ распространилъ сильнѣйшее недовольство между солдатами. Громко роптали они на императора и на гвардію, на это привилегированное войско, имѣющее вездѣ и повсюду первое мѣсто и на смотрахъ, и на праздникахъ, и при раздачѣ наградъ и припасовъ ¹⁾. Но они не ограничивались однимъ ропотомъ. Тысячи покидали ряды и спѣшили пробраться въ городъ окольными путями. Одинъ видъ ихъ способенъ былъ вызвать ужасъ, если не состраданіе. Оборванные, полунугіе, или закутанные въ страшныя лохмотья, почернѣвшіе отъ грязи и дыму, съ отмороженными членами, съ дикими безумными глазами, толпились они вокругъ запертыхъ городскихъ воротъ, у проломовъ стѣны, у береговъ Дняпра. Не смотря на строгія приказанія, не смотря на бдительность стражи, многіе изъ нихъ все-таки успѣли проникнуть въ городъ. Прогоняемые отъ магазиновъ, гдѣ шла въ это время раздача припасовъ гвардіи, они рыскали по городу толпами и въ одиночку, разыскивая повсюду, чѣмъ-бы утолить пожирающій ихъ голодъ. Тщетные поиски! Мародеры, опередившіе прибытіе великой арміи, давно уже уничтожили и ограбили все до-чиста. Вездѣ по улицамъ валялись скелеты и кости обглоданныхъ ими лошадей, повсюду виднѣлись остатки разложенныхъ ими костровъ, во всѣхъ домахъ выломаны были окна и двери, разломаны крыши, пробиты стѣны; невозможно было найти во всемъ городѣ ни куска хлѣба, ни убѣжища отъ холода, ни дровъ для бивуака. При этомъ зрѣлищѣ отчаяніе овладѣло солдатами великой

¹⁾ Объ этомъ ропотѣ солдатъ см. Сегюръ. Т. II, стр. 205. Ропотъ распространился не между одними солдатами, какъ это видно изъ Шамбре: „Масса горькихъ жалобъ поднялась противъ Наполеона. Проклинали его ни чѣмъ не насытимое властолюбіе, его гордость, которая завлекла его въ Москву, вопреки всѣмъ правиламъ военного искусства, и ослѣпила его до того, что онъ оставался въ теченіи 34 дней среди развалинъ Москвы. Солдатъ жаловался на настоящія бѣдствія, но генералы бросали безпокойные взгляды и на будущее. Всѣ они получили отъ Наполеона чины, ордена, богатства; судьба ихъ была связана съ его судьбою. Онъ погибнетъ, говорили теперь они, а вмѣстѣ съ нимъ погибнемъ и мы!“ Шамбре. Т. II, стр. 385.

арміи. Какъ хищные волки бросались они на фурштатскихъ и артиллерійскихъ лошадей, убивали ихъ и съ жадностью пожирали сырое мясо. Оставалась еще надежда на магазины. Раздача припасовъ гвардіи уже подходила къ концу. Наставалъ чередъ для армейскихъ корпусовъ. Отсталые солдаты спѣшили возвратиться къ знаменамъ, чтобы получить свою долю. Раздача дѣйствительно началась, но все лучшее было уже отдано гвардіи. Не было уже ни сухарей, ни мяса, оставались только ржаная мука, сухіе овощи и водка ¹⁾. Величайшій безпорядокъ господствовалъ при раздачѣ этихъ скудныхъ припасовъ. Не вѣрно было давать припасовъ отсталымъ, ихъ силою прогоняли отъ магазиновъ; но они возвращались вновь, бросались какъ бѣшеные на солдатъ, уносившихъ свою долю, отнимали у нихъ припасы и убивали всякаго, оказывавшаго сопротивленіе. Между солдатами, отряженными отъ различныхъ командъ для полученія припасовъ, дѣло также нерѣдко доходило до ссоры, до кровопролитныхъ дракъ. Интендантскіе чиновники, пытавшіеся положить предѣлъ этимъ безобразіямъ, едва не заплатились жизнью. Случалось нерѣдко, что солдаты, получивъ припасы, отказывались доставлять ихъ въ свои части; тутъ же у магазиновъ они опоражнивали бочки съ водкою и убѣгали съ мѣшками муки. Многіе изъ этихъ хищниковъ, напившіеся до безумія водки, были найдены на другой день мертвыми на улицахъ и въ домахъ ²⁾. Результатъ раздачи былъ самый пе-

¹⁾ Segur Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 207. „Всѣхъ можно было спасти отъ ужасовъ голода, но намъ повелѣваютъ снабдить на двѣ недѣли одну гвардію; въ такомъ случаѣ для 1-го и 4-го корпусовъ остается по кусочку хлѣба на человѣка, и то не долѣе какъ дня на два“. Puisbusque. Lettres sur la guerre de la Russie, стр. 134.

²⁾ „Кто несъ хлѣбъ или что либо съѣстное, не былъ безопасенъ, у него отнимутъ его добычу или убьютъ“. — „Ужасы и плачевныя зрѣлища возобновились повсюду вокругъ насъ, одни грабятъ другихъ, крадутъ другъ у друга. Многіе изнуренные голодомъ, съѣдаютъ въ одинъ день запасы, данные имъ на недѣлю, и если не умираютъ, приходятъ въ совершенное разслабленіе. Нѣтъ болѣе ни порядка, ни разчета, ни благоразумія, толпа эта дѣйствуетъ такъ, какъ будто ей остается жить одинъ день“. Офицеры подавали солдатамъ примѣръ полнѣйшей разнузданности. „Нѣмецкіе и итальянскіе офицеры, содержавшіе караулъ

чальный: только одна гвардія снабжена была припасами на двѣ недѣли; во всѣхъ остальныхъ частяхъ арміи ихъ могло хватить въ самомъ лучшемъ случаѣ на какихъ нибудь пять дней.

Смоленскъ, въ которомъ солдаты Наполеона усматривали конецъ своихъ страданій, обозначалъ собою лишь новую, болѣе страшную фазу небывалаго отступленія. Перспектива новаго сорокадневнаго марша чрезъ страшную снѣжную пустыню, должна была подѣйствовать самымъ разлагающимъ образомъ на остатки Наполеоновыхъ полчищъ. Только самые закаленные ветераны не поддались отчаянію и остались при знаменахъ. Другіе, болѣе слабые, потеряли послѣднюю надежду; они отказывались идти дальше, предпочитая смерть и плѣнъ дальнѣйшимъ мученіямъ похода. Были и такіа натуры болѣе сильныя, но мало дисциплинированныя, которыя возмущались противъ своей судьбы и искали спасенія въ дикой, одиночной борьбѣ за существованіе ¹⁾. Они нападали на своихъ болѣе слабыхъ товарищей, отнимали у нихъ припасы и одежду. Одѣтые во всевозможныя лохмотья, они вели нѣкоторое время жизнь вольныхъ бродягъ, до тѣхъ поръ пока не погибали отъ голода или стужи, или не попадались въ руки казакамъ и вооруженнымъ крестьянамъ. Отчаяніе спасало ихъ подъ конецъ отъ страха и внушало имъ безумную смѣлость. Они являлись къ бивуакамъ русскихъ войскъ и выпрашивали кусокъ хлѣба или стаканъ водки. Если невозможно было достать иной пищи, если они не могли найти даже лошадиной падали, тогда они не задумывались утолять свой голодъ человѣческимъ мясомъ. Русскіе отряды нерѣдко встрѣчали на своемъ пути непріятельскіе бивуаки, представлявшіе самое ужасное зрѣлище. Вокругъ тлѣющихъ костровъ сидѣли и лежали полуживые французы. Многіе изъ нихъ съ жадностью глодали кости своихъ обгорѣвшихъ товарищей. Генераль Вильсонъ видѣлъ, какъ на одномъ изъ такихъ бивуаковъ французскій гренадеръ утолялъ свой голодъ такою

у виннаго погреба, разломали двери, перенились, поссорились и передрались. Солдаты послѣдовали ихъ примѣру". Puisbusque. Lettres etc. стр. 121—124.

¹⁾ Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 208.

ужасною пищею. „Неужели тебѣ не противно это мертвое мясо“—спросилъ онъ несчастнаго. „Да, противно“, отвѣчалъ гренадеръ, „но я и ѣмъ его вовсе не для того, чтобы под-держать жизнь, потерять которую я напрасно старался столько разъ, а лишь для того, чтобы облегчить адскія муки, пожирающія меня“. Вильсонъ приказалъ подать гренадеру, бывший у него подъ руками, кусокъ хлѣба. Онъ ухватился за него съ жадностью, какъ будто хотѣлъ разомъ проглотить его; но вдругъ онъ остановился и какое-то внутреннее движеніе, казалось, душило его. Онъ посматривалъ то на хлѣбъ, то на человѣка, подавшаго его ему, и слезы катились по щекамъ его. Онъ попытался вставать и схватить руку, протянувшуюся къ нему съ помощью, но послѣднія силы измѣнились ему, онъ повалился назадъ и испустилъ дыханіе ¹⁾.

Наполеонъ и его маршалы не только рассчитывали возстановить въ Смоленскѣ силы своихъ солдатъ, но и мечтали объ реорганизаціи арміи, о возстановленіи совершенно упавшей дисциплины. „Войска совершенно разстроены“, доносилъ маршалъ Бертье своему повелителю передъ самымъ вступленіемъ въ Смоленскъ. „Почти во всѣхъ полкахъ только одна четвертая часть наличныхъ солдатъ слѣдуютъ за знаменами. Остальные бредутъ врознь, по различнымъ направленіямъ, въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь съѣстные припасы и освободиться отъ узды дисциплины“. Бертье полагалъ, что необходимо во что-бы то ни стало возстановить въ Смоленскѣ хотя какой-нибудь порядокъ въ арміи, и прежде всего отдѣлаться отъ безоружныхъ и бросить большую часть артиллеріи и обоза ²⁾. Но для того, чтобы исполнить подобное предположеніе, необходимо было оставаться въ Смоленскѣ не четыре дня, а четыре недѣли. Предприняты были попытки реорганизаціи, но само собою понятно, что они дали

¹⁾ Вильсонъ. *Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland*. „Множество собакъ, говоритъ тотъ-же свидѣтель, сидѣли на трупахъ своихъ господъ, смотрѣли имъ въ лице и жалобно выли; тогда какъ другія отгрызали еще живое мясо съ ногъ и рукъ несчастныхъ, которые не въ состояніи были обороняться отъ нихъ“, стр. 225.

²⁾ „Elles sont presque debandées etc“. Беригарди. Т. II, стр. 291.

самый неудовлетворительный результат. Остатки четырех кавалерійских корпусовъ соединены были въ одинъ подъ начальствомъ Латуръ-Мобура, но и эта вновь организованная кавалерія, на своихъ тощихъ измученныхъ коняхъ, не способна была ни къ рекогносцировкамъ, ни къ серьезному участію въ бою. Пѣхотѣ роздано было по пятидесяти патроновъ, но этимъ истощены были послѣдніе муніціонные запасы великой арміи. Нѣсколько тысячъ запасныхъ солдатъ и гарнизонъ Смоленска были размѣщены между корпусами арміи. Кое-какіе отсталые, впрочемъ весьма немногіе, были привлечены вновь въ ряды раздачею сѣстныхъ припасовъ ¹⁾. Но что значили всѣ эти поддержанія въ виду того страшнаго разлагающаго духа, который обуялъ всю армію, въ виду той одичалости, того отчаянія, которыя проѣли до мозга костей весь ея организмъ?

Собираясь оставить Смоленскъ и искать спасенія въ дальнѣйшемъ послѣднемъ бѣгствѣ, Наполеонъ и въ эту тяжелую для него минуту дѣйствовалъ не столько подъ вліяніемъ своего свѣтлаго ума, сколько болѣзненнаго самолюбія, пытающагося ввести въ заблужденіе себя и другихъ обманчивыми призраками надежды, успѣха и спасенія. Даже и теперь, онъ не рѣшался открыть всю правду маршалу Виктору и другимъ своимъ генераламъ, на содѣйствіи которыхъ основывались всѣ надежды на спасеніе великой арміи. Онъ не могъ, правда, скрыть отъ нихъ, что его армія находится въ разстроеномъ, жалкомъ состояніи, но онъ старался увѣрить ихъ, что въ такомъ-же, если не въ худшемъ положеніи находится и непріятельская армія. „Объ главныхъ арміи, писалъ онъ маршалу Виктору, какъ французская, такъ и русская, утомлены; онѣ могутъ еще двигаться и занимать позиціи; но ни та, ни другая, не въ состояніи дать генеральное сраженіе, чтобы удержать за собою тотъ или другой пунктъ“ ²⁾. Трудно

¹⁾ Розданы были также по полкамъ ручныя мельницы, присланныя не за долго передъ тѣмъ изъ Парижа, но молотъ ими было нечего. Шамбре. *Expedition en Russie* Т. II, стр. 418.

²⁾ Беригарди. Т. II, стр. 295. Письмо къ Виктору у Шамбре. Т. II, стр. 423. „Les deux grandes armées françaises et russes sont fatiguées, elles peuvent

допустить, чтобы, высказывая подобныя мнѣнія, Наполеонъ выпадалъ въ невольныя заблужденія, чтобы не лгалъ сознательно. Онъ могъ, правда, допускать а priori, что и преслѣдующая его непріятельская армія должна была нести не малыя потери отсталыми и больными, не говоря уже объ убитыхъ и раненыхъ; но онъ долженъ былъ также знать, что русская армія слѣдуетъ менѣе опустошенными путями, нежели его собственная, что она ведетъ войну въ собственномъ отечествѣ, что она снабжена въ изобиліи припасами и теплою одеждою, и что слѣдовательно ея потери ни въ какомъ случаѣ не могутъ равняться страшной убыли въ его собственныхъ войскахъ ¹⁾. Изъ писемъ и приказовъ Наполеона, относящихся къ этому времени, мы приходимъ къ убѣжденію, что онъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній ни о состояніи русской арміи, ни о ея дѣйствительныхъ движеніяхъ. Обманутый появленіемъ непріятельскихъ отрядовъ на обоихъ своихъ флангахъ и не получая никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній ни отъ своихъ разѣздовъ, ни отъ шпионовъ, онъ былъ убѣжденъ, что главныя силы Кутузова слѣдуютъ сѣвернымъ путемъ, что они стремятся къ Витебску, дабы соединиться тамъ съ Витгенштейномъ, тогда какъ въ дѣйствительности армія Кутузова обходила его съ южной стороны и готовилась отрѣзать ему путь отступленія при Красномъ ²⁾.

Ошибаясь такимъ страннымъ образомъ на счетъ дѣйствительныхъ намѣреній непріятеля, Наполеонъ придумывалъ планы и комбинаціи, совершенно не соотвѣтствовавшіе положенію дѣлъ. „Одна часть моей арміи направится изъ Смолен-

prendre des postes par les marches; mais ni l'une ni l'autre n'est dans les cas de livrer une grande bataille pour l'occupation d'un poste“. Наполеонъ совершенно не узнаваемъ въ этихъ словахъ. Выходитъ такъ, что вся участь войны зависитъ теперь, по его мнѣнію, отъ занятія того или другаго пункта.

¹⁾ Черезъ предусмотрительность дежурнаго генерала Коновницина, армія наша снабжена была не только хлѣбомъ, виномъ и мясомъ, но и полшубками, а кавалерійскія и артиллерійскія лошади—подковами“. Поповъ, — „Русская Старина“ 1877 года, февраль, стр. 281.

²⁾ Ошибка Наполеона тѣмъ болѣе странна, что уже при Вязьмѣ было констатировано, что на правомъ сѣверномъ флангѣ великой арміи находился только отрядъ Милорадовича. Шамбре. Т. II, стр. 425.

ска на Оршу“, — писалъ онъ маршалу Виктору, умалчивая при этомъ совершенно о направленіи, которому должна была слѣдовать другая часть арміи, — „но это движеніе можетъ быть исполнено только медленно. Необходимо занять теперь зимнія квартиры между Могилевомъ, Оршею и Витебскомъ, и вдоль Двины до Полоцка. Такія зимнія квартиры дадутъ возможность или заключить миръ въ теченіи зимы, или открыть съ успѣхомъ весенній походъ, такъ какъ изъ нихъ можно будетъ угрожать Петербургу“. Въ виду всего этого, Викторъ долженъ стараться разбить Витгенштейна, отбросить его за Двину и занять частью своихъ войскъ Витебскъ. Лишь въ томъ случаѣ, если Викторъ потерпитъ пораженіе, что впрочемъ совершенно невѣроятно въ виду жалкаго состоянія войскъ Витгенштейна (?), императоръ принужденъ будетъ озаботиться, болѣе соотвѣтствующими положенію дѣлъ, зимними квартирами для своей арміи“ ¹⁾.

Чѣмъ можно объяснить такія несообразныя распоряженія и комбинатіи? Не ясно-ли, что перстъ Божій коснулся въ это время гордыни великаго завоевателя, что онъ затмилъ его столь ясный и проникательный дотолѣ взглядъ, что онъ поразилъ оскудѣніемъ и бесплодностью неисчерпаемыхъ доселѣ силы его военнаго генія! Страшная небывалая неудача окончательно потрясла гигантскія умственные силы этого несравненнаго человѣка. Несчастіе окутало его очи непроницаемымъ туманомъ; онъ видѣлъ лишь одни призраки, созданные его потрясенною фантазіею. а не картины и черты дѣйствительности. Какая поразительная разница между нимъ и другимъ человѣкомъ судьбы, Фридрихомъ Великимъ. Фридрихъ великъ одинаково и въ счастіи, и въ несчастіи; его умъ также свѣтелъ, его взглядъ также вѣренъ и въ годину счастья, и въ моментъ катастрофы. Наполеонъ великъ, несравнененъ до первой страшной бѣды; но разъ звѣзда его померкла, и духъ его теряетъ свое равновѣсіе ²⁾.

¹⁾ См. письмо къ Виктору отъ 11-го ноября изъ Смоленска. Шамбре. *Expedition de Russie*. Т. II, стр. 422.

²⁾ Самоувѣренность и ослѣпленіе Наполеона имѣли однакоже и свою хоро-

Глубоко убѣжденный въ дѣйствительности своихъ фантазій, Наполеонъ двинулся изъ Смоленска къ Оршѣ въ такомъ порядкѣ, какъ будто съ юга его арміи не могло грозить ни малѣйшей опасности, какъ будто вся русская армія направлялась къ сѣверу на Витебскъ и не могла поставить никакихъ преградъ его дальнѣйшему отступленію. Уже силы его далеко не соотвѣтствовали силамъ непріятеля ни по числу, ни по качеству. Въ строю насчитывалось всего 42,000 человѣкъ, да сверхъ того 7000 артиллеристовъ, піонеровъ и саперовъ; 350 орудій было уже потеряно частью на пути, частью брошено въ Смоленскѣ ¹⁾. Въ виду всѣхъ этихъ крайне неутѣшительныхъ обстоятельствъ, слѣдовало, повидимому, двигаться впередъ, крайне осторожно, по возможности сомкнутыми массами; тѣмъ болѣе, что движеніе врознь по дорогамъ совершенно опустошеннымъ, не могло представить ни малѣйшихъ выгодъ. Совершенно вопреки этому основному правилу, не говоримъ военнаго искусства, а спасительной необходимости, распорядился Наполеонъ. Войска его выступали изъ Смоленска небольшими отрядами, съ такими большими промежутками, что каждый изъ нихъ подвергался опасности быть уничтоженнымъ непріятелемъ и ни одинъ не могъ во-время подкрѣпить другого. Каждый изъ этихъ отрядовъ обремененъ былъ до невозможности многочисленною артиллерією и обозомъ. За каждымъ тянулись, по-прежнему, стѣсняя всѣ маневры, убивая своимъ примѣромъ послѣдніе остатки дисциплины, громадныя толпы отсталыхъ и безоружныхъ. Наконецъ, что всего удивительнѣе, во главѣ всей ар-

шую сторону для его арміи. Хотя онъ принималъ ошибочныя мѣры, представляя себѣ будущее въ благопріятномъ свѣтѣ, тогда какъ оно предвѣщало лишь одни бѣдствія, однако слѣдуетъ согласиться, что его увѣренность въ своемъ счастьи и эта непреклонность характера, соединенныя съ безстрастностью его лица, съ спокойствіемъ, съ которымъ онъ отдавалъ приказы въ обстоятельствахъ столь критическихъ, наполняли его генераловъ тою снѣльностью, которая принуждала ихъ преодолевать препятствія, повидимому, непреодолимыя, противопоставляемыя имъ климатомъ и непріятелемъ. Шамбре. Т. II, стр. 425.

¹⁾ Шамбре такимъ образомъ опредѣляетъ численность французской арміи при выступленіи изъ Смоленска: 37000 пѣхоты, 5100 кавалеріи, 7000 артиллеріи, инженеровъ и жандармовъ. Т. II, стр. 435.

мѣи шель самый слабый и наиболѣе деморализованный отрядъ арміи.

30-го октября выступили изъ Смоленска поляки подъ предводительствомъ Заіончека. Изъ всего этого многочисленнаго корпуса, состоявшаго прежде подъ начальствомъ Понятовскаго, оставалось теперь въ строю только 800 человекъ. Въ тотъ-же самый день, а по другимъ извѣстіямъ, въ слѣдующій, выступили изъ Смоленска Вестфальцы, подъ начальствомъ Жюно, умственными способностями котораго пришли уже въ это время въ окончательное разстройство. И въ этомъ, еще недавно столь грозномъ отрядѣ, насчитывалось теперь всего лишь 700 вооруженныхъ пѣхотинцевъ и 500 безлошадныхъ кавалеристовъ. Вестфальцы были окончательно деморализованы и неспособны къ бою, а между тѣмъ имъ пришлось не только идти впереди всей арміи, но и конвоировать громадный артиллерійскій паркъ. 1-го ноября выступила затѣмъ изъ Смоленска дивизія Клапареда; при ней находилась главная квартира, большой обозъ съ казною и съ частью трофеевъ и добычи, не брошенныхъ еще на пути. За Клапаредомъ слѣдовала гвардія подъ начальствомъ самого Наполеона. Войска вице-короля, состоявшіе въ это время изъ какихъ-нибудь 6000 вооруженныхъ людей, слѣдовали за гвардіею на разстояніи цѣлаго дневнаго перехода. На такомъ-же разстояніи сзади двигались остатки дивизій Даву. Наконецъ, позже всѣхъ только 4-го ноября, выступилъ изъ Смоленска съ войсками аррьергарда маршалъ Ней. Разстояніе между нимъ и головными частями арміи равнялось цѣлымъ шести переходамъ ¹⁾).

Непріятельскія войска подвигались впередъ крайне медленно и въ обычномъ своемъ безпорядкѣ. Быстрѣ другихъ двигался Заіончекъ. Уже 3-го ноября Заіончекъ достигнулъ

¹⁾ О порядкѣ выступленія Наполеоновыхъ войскъ изъ Смоленска см. Богдановичъ. Т. III, стр. 10, гдѣ собраны всѣ свидѣтельства очевидцевъ. См. также Бернгарди. Т. II, стр. 297—298. Шамбре замѣчаетъ: „La dispersion de l'armée de Moscou était telle que Zayonchec, qui marchait à son avantgarde, atteignit Dubrovna de 16 Novembre, époque à laquelle Ney était encore à Smolensk“. Т. II, стр. 437.

селенія Лядъ, обойдя Красный съ сѣверной стороны. За то Вестфальцы, обремененные своимъ обозомъ, едва двигались съ мѣста. Дивизія Клапареда обогнала ихъ уже 2-го ноября и вечеромъ того-же дня достигла Краснаго. Вечеромъ этого-же дня Мортъе съ молодою гвардіею и Наполеонъ съ старою—расположились на ночлегъ въ Корытнѣ, на половинѣ пути между Смоленскомъ и Краснымъ. Между тѣмъ русскіе уже готовились преградить путь отступающему непріятелю. Когда войска Клапареда подошли къ Красному, то оказалось, что городъ уже былъ занятъ передовымъ русскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Ожаровскаго. Клапаредъ немедленно атаковалъ Красный и безъ особаго труда вытѣснилъ казаковъ Ожаровскаго изъ города. Но это было только начало. На слѣдующій день (т. е. 3-го ноября), въ то самое время, когда Наполеонъ выступилъ изъ Корытни, прибыли на большую дорогу, шедшую отъ Смоленска къ Красному, значительныя русскія силы подъ командою генерала Милорадовича. Милорадовичъ расположилъ свои войска у самой дороги, близъ села Ржавки. Вскорѣ вдали показались густыя непріятельскія массы. То двигался самъ Наполеонъ съ старою и молодою гвардіею; у него было собрано тутъ около 16,000 человекъ, тогда какъ у Милорадовича было всего не болѣе 12,000. Наступили сумерки и русскій генералъ не рѣшился атаковать непріятеля всѣми силами. Только тяжелая артиллерія, расположенная параллельно съ дорогою, открыла огонь по проходящимъ непріятелямъ. Въ то же время казаки и легкая конница показали впереди французовъ. Само собою понятно, что они не могли задержать наступленія Наполеона. Вестфальцы и нѣсколько баталіоновъ молодой гвардіи бросились впередъ и очистили дорогу. Казаки преслѣдовали непріятеля до самаго Краснаго и захватили въ плѣнъ нѣсколько сотенъ отсталыхъ ¹⁾.

Наполеонъ при наступленіи темноты достигъ благополучно Краснаго, но неизвѣстность, въ которой онъ находился на счетъ направленія главныхъ русскихъ силъ, не давала ему

¹⁾ См. Lossberg. Briefe in die Heimath. Наши стрѣлки одни очистили дорогу.

покою. Чтобы уяснить себѣ хотя нѣсколько этотъ вопросъ, Наполеонъ отдалъ приказъ напасть въ ту-же ночь на Ожаровскаго, расположившагося въ Путковѣ, всего въ 3½ верстахъ отъ Краснаго и добыть отъ него во что бы то ни стало плѣнныхъ. Нападеніе удалось вполне. Ожаровскій, захваченный върасплохъ, не только былъ выбитъ изъ Путкова, но и оставилъ въ рукахъ непріятеля нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Отъ этихъ-то плѣнныхъ узналъ, наконецъ, Наполеонъ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Онъ узналъ, что его преслѣдуютъ не одни передовые отряды, что непріятельскія массы находятся вблизи отъ него, что вся армія Кутузова угрожаетъ непосредственно его лѣвому флангу. Только теперь понялъ императоръ всю ошибочность своихъ комбинацій, только теперь онъ увидѣлъ, что непріятель имѣетъ полную возможность уничтожить по частямъ его армію ¹⁾. Наполеонъ спѣшилъ поправить свою ошибку. Онъ рѣшился оставаться въ Красномъ и дожидаться здѣсь прибытія остальныхъ своихъ отрядовъ. Французскіе писатели прославляютъ своего императора за его геройское рѣшеніе; но въ дѣйствительности ему не оставалось иного выбора ²⁾.

Вся первая половина слѣдующаго дня прошла спокойно. Русская главная армія придвинулась въ это время еще ближе къ Красному, а Милорадовичъ стоялъ по прежнему на Смоленской дорогѣ близъ Мерлина. Около 4 часовъ вечера на дорогѣ показались войска вице-короля, впереди ихъ шли толпы разрозненныхъ солдатъ и мародеровъ, по большей части безоружныхъ. Принцъ Евгений Виртембергскій и генералъ Паскевичъ немедленно-же расположились поперекъ дороги

¹⁾ „Ainsi, l'armée de Moscou était dans la situation la plus critique où elle se fût encore trouvée jusqu'alors, et rien ne semblait pouvoir la sauver de sa ruine“. Шамбре. Т. II, стр. 437.

²⁾ „Наполеонъ, сознавая опасность своего положенія, чувствовалъ, что необходимо отступить тотчасъ-же; но въ такомъ случаѣ корпусъ Даву, Евгения и Нея должны бы были погибнуть. Въ виду этого, рассчитывая на нерѣшительность Кутузова, на его неумѣніе пользоваться своими силами, и полный, какъ всегда, вѣры въ свою фортуна, онъ рѣшился держаться въ Красномъ до тѣхъ поръ, пока не выбьютъ его оттуда силою“. Шамбре. Т. II, стр. 439—440.

и открыли огонь по приближающимся неприятелямъ. Уже послѣ первыхъ выстрѣловъ разрозненные солдаты пустились бѣжать въ разсыпную; но генераль Гюльмино поспѣшно собралъ тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ были ружья, построилъ изъ нихъ карре и, отстрѣливаясь, успѣлъ отойти за войска вице-короля. И въ этотъ день русскіе генералы, связанные предписаніями главнокомандующаго, не желавшаго завязывать рѣшительнаго сраженія и вызывать тѣмъ со стороны неприятеля отчаянное напряженіе силъ, дѣйствовали вяло и нерѣшительно. Вице-король не только отбилъ направленные на него слабыя атаки, но перешелъ въ свою очередь въ наступленіе и проложилъ себѣ путь къ Красному ¹⁾. Тѣмъ не менѣе потери разстроенныхъ неприятельскихъ войскъ были и въ этотъ день громадны. Русскіе не только взяли въ плѣнъ 2200 человекъ по преимуществу отсталыхъ, не только захватили всю артиллерію вице-короля, состоявшую изъ 17 орудій, но и положили на мѣстѣ убитыми и ранеными около 2000 неприятелей. Только 3500 солдатъ изъ корпуса вице-короля, да нѣсколько тысячъ отсталыхъ успѣли соединиться въ Красномъ съ Наполеономъ.

Между тѣмъ въ главной русской квартирѣ составленъ былъ планъ атаковать на слѣдующій день всѣми силами неприятеля, отбросить его къ Днѣпру и принудить положить оружіе. Планъ составленъ былъ Толемъ. Всѣ русскіе генералы, въ особенности молодые, вполне одобрили его; самъ фельдмаршалъ далъ на него свое согласіе, но видимо неохотно и скрепя сердце. И въ эту рѣшительную минуту Кутузовъ былъ глубоко убѣжденъ, что гибель французской арміи можетъ быть достигнута безъ всякихъ рѣшительныхъ сраженій и безъ большихъ потерь съ нашей стороны. „Необходимо заботиться лишь объ одномъ“, доказывалъ онъ своимъ подчиненнымъ, „чтобы французы не могли свернуть въ сторону съ опустошенной дороги; тогда голодъ, зима и наше преслѣдованіе легко и безъ особыхъ потерь довершатъ ихъ истребленіе“.

¹⁾ Подробности объ этомъ сраженіи см. у Лабона. *Campagne de Russie*, стр. 348 и слѣдующія.

„Къ чему могутъ повести рѣшительныя атаки съ нашей стороны? говаривалъ онъ, то и дѣло.—Къ новому страшному пролитію русской крови, къ тому, что мы погубимъ свою армию и явимся на границѣ такими-же оборванными и измощенными бродягами, какъ и французы“ ¹⁾. „За десятирехъ французовъ я не дамъ ни одного русскаго“, объявлялъ онъ рѣшительно. „Французы все равно погибнутъ сами собою въ короткое время; но если мы потеряемъ массу людей, въ какомъ видѣ придемъ мы тогда на границу?“ ²⁾.

Исходя изъ такихъ убѣжденій, главнокомандующій лишь потому далъ свое согласіе на планъ Толя, что былъ убѣжденъ, что Наполеонъ и главныя силы французовъ уже выступили изъ Краснаго къ Лядамъ ³⁾, что намъ придется имѣть дѣло лишь съ частью непріятельскихъ силъ, оставшихся еще въ Красномъ, а также съ корпусомъ Даву, прибытіе котораго изъ Смоленска ожидалось въ этотъ день. Истребленіе Даву и имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду Кутузовъ. Съ этою цѣлью Милорадовичу было предписано пропустить войска Даву къ Красному и атаковать ихъ затѣмъ съ тылу, въ то самое время, когда колонны главной нашей армии нападутъ на непріятеля съ фронта и съ лѣваго фланга.

Между тѣмъ Наполеонъ, остававшійся въ Красномъ уже въ теченіи двухъ дней и спасшій своей смѣлостью войска вице-короля отъ совершеннаго истребленія, пришелъ къ отчаянному, и что-бы ни говорили, геройскому рѣшенію, атаковать въ свою очередь непріятеля и дать тѣмъ возможность Даву присоединиться къ нему. Рано утромъ 5 ноября загорѣлся одновременно бой и подъ самымъ Краснымъ и впереди его. Наступившая теплая погода ободрила непріятельскихъ солдатъ, а диспозиціи, данныя русскимъ генераламъ, способствовали какъ нельзя болѣе успѣху Наполеона. Мило-

¹⁾ См. Воспоминаніе принца Евгенія Виртембергскаго, стр. 171—172.

²⁾ См. Михайловскій-Данилевскій. „Исторія отечественной войны“.

³⁾ „Кутузовъ подъ Краснымъ дѣйствовалъ нерѣшительно изъ опасенія встрѣтиться лицомъ къ лицу съ гениальнымъ противникомъ, котораго превосходство невольно сознавали всѣ Наполеоновы современники“. Богдановичъ. Т. III, стр. 144.

радовичъ не предпринялъ серьезной попытки остановить наступающія войска Даву. Встрѣченныя огнемъ нашей артиллеріи, дивизіи Даву принуждены были, правда, сойти съ большой дороги, и повернуть направо, но оставленныя въ покоѣ нашею пѣхотою и преслѣдуемыя только казаками и кавалеріею, они добрались благополучно до Краснаго, оставивъ, впрочемъ, въ рукахъ русскихъ немало плѣнныхъ и пушекъ ¹⁾. Въ тоже самое время, атака нашихъ главныхъ силъ была остановлена неожиданнымъ наступленіемъ Наполеона. Войска князя Голицына, наступавшія на Красный, были встрѣчены молодою гвардіею, кавалеріею Латуръ-Мобура и старою гвардіею. Самъ императоръ и маршалъ Бертье, въ столько разъ описанныхъ, польскихъ національных костюмахъ, съ березовыми палками въ рукахъ, находились при войскахъ, одушевляя ихъ своимъ присутствіемъ ²⁾. Въ деревнѣ Уварово завязался отчаянный бой между нашими и французами; князь Голицынъ принужденъ былъ ввести постепенно въ дѣло всѣ свои войска. Ему удалось, наконецъ, выбить непріятеля изъ деревни, но тщетно пытался онъ продвинуться далѣе, перейти черезъ небольшую рѣчку, упорно обороняемую французами. Онъ видѣлъ, что непріятель вводитъ въ дѣло все новыя и новыя войска, что дивизіи Даву, по мѣрѣ прибытія въ Красный, немедленно-же направляются противъ него, и тщетно ожидалъ съ своей стороны прибытія главныхъ нашихъ силъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что намѣренія русскаго главнокомандующаго совершенно измѣнились въ этотъ самый моментъ.

Мы видѣли, что Кутузовъ далъ крайне неохотно свое согласіе на планъ Толи. Какъ подѣ Малоярославцемъ, такъ

¹⁾ „Принцъ Евгений Виртембергскій намѣревался было серьезно атаковать непріятеля, но едва лишь 2-й пѣхотный корпусъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, какъ былъ остановленъ Милорадовичемъ, который, подѣхавъ къ принцу, объявилъ ему, что фельдмаршалъ запретилъ завизывать дѣло“. Воспоминанія принца Евгенія, стр. 155.

²⁾ Одинъ изъ генераловъ предостерегалъ Наполеона отъ личной опасности, которой онъ подвергался. Наполеонъ отвѣчалъ ему: „довольно уже былъ я императоромъ, пора быть снова генераломъ“. Шамбре. Т. II, стр. 491.

и теперь, онъ вовсе не былъ намѣренъ давать генеральнаго сраженія. Онъ не прекращалъ наступленія до тѣхъ поръ, пока полагалъ, что имѣетъ дѣло лишь съ небольшою частью непріятельскихъ силъ, но едва только узналъ онъ отъ плѣнныхъ и бѣжавшихъ жителей, что въ Красномъ находится самъ Наполеонъ со своею гвардіею ¹⁾, какъ тотчасъ-же отдалъ приказъ генералу Тормасову, обходившему непріятеля съ главною частью нашихъ силъ со стороны Орши, пріостановить свое движеніе, а остальнымъ генераламъ довольствоваться только преслѣдованіемъ отступающаго непріятеля. Съ своей стороны Наполеонъ также не намѣренъ былъ продолжать сраженіе. Его главная цѣль была достигнута. Войска Даву успѣли соединиться съ нимъ. Оставаться далѣе подъ Краснымъ было крайне опасно. Наполеону доносили, что значительныя непріятельскія силы обходятъ его со стороны Орши, что въ тылу его, между Краснымъ и Дняпромъ, показались казаки, что Милорадовичъ угрожаетъ его лѣвому флангу. Надо было отступать, хотя это отступление должно было погубить Нея, только что вышедшаго изъ Смоленска, но у Наполеона не было другого выбора. Самое это отступление сопряжено было съ большими трудностями. Едва только русскіе замѣтили, что непріятельскія дивизіи начинаютъ отодвигаться назадъ, какъ тотчасъ-же пачали тѣснить ихъ съ ожесточеніемъ. Дивизія Фредерикса, прикрывавшая отступление непріятельскихъ войскъ, подверглась не только сильнѣйшему артиллерійскому и ружейному огню, но и была атакована двумя кирасирскими полками. Французы построились въ карре и отбивались съ отчаяннымъ мужествомъ. Уже они отбили нѣсколько атакъ кирасировъ, но подъ конецъ русскіе латники ворвались въ одно изъ карре и изрубили массу непріятеля ²⁾. Только наступившая темнота спасла дивизію Фредерикса отъ окончательнаго истребленія.

¹⁾ См. Богдановичъ. Т. III, стр. 127. Беригарди. Т II, стр. 310. Источникомъ того и другого автора являются въ данномъ случаѣ записки Александра Андреевича Щербинина.

²⁾ „Одинъ старый вахмистръ Новгородскаго полка, выведенный изъ терпѣнія

Наполеонъ ликовалъ, достигнувъ благополучно Добраго по дорогѣ въ Оршу и убѣдившись, что между нимъ и Днѣпромъ нѣтъ болѣе непріятелей. „О моя звѣзда!“ ¹⁾ восклицалъ онъ въ восторгѣ, забывая о громадныхъ потеряхъ, несенныхъ въ этотъ день его злополучною арміею, о массѣ трофеевъ, оставленныхъ имъ въ рукахъ непріятеля. Только одна участь маршала Нея не давала ему покоя. Что будетъ съ этимъ храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ? Неужели онъ погибнетъ со всѣмъ своимъ корпусомъ? О, какъ охотно отдалъ бы онъ за спасеніе Нея всѣ массы соковищъ, скопленныхъ имъ въ подземельяхъ Тюльерійскаго дворца! ²⁾).

Совершенно иного рода мысли наполняли въ это время душу стараго Кутузова. Пусть рошцутъ молодые и нетерпѣливые, онъ, старый и опытный, доволенъ какъ нельзя болѣе результатами этого кроваваго осенняго дня. Уже поздно вечеромъ объѣзжаетъ онъ поле сраженія. Съ какимъ восторгомъ встрѣчаютъ его войска! Какая масса плѣнныхъ, трофеевъ, добычи всякаго рода! На одномъ полѣ битвы взято было 7000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ немало офицеровъ и солдатъ Наполеоновской гвардіи. Число отбитыхъ и найденныхъ на пути отступленія непріятеля орудій доходило до семидесяти. Взято было нѣсколько непріятельскихъ знаменъ, захваченъ весь багажъ маршала Даву, въ томъ числѣ и его маршальскій жезлъ. При видѣ всѣхъ этихъ трофеевъ, при видѣ несомнѣнныхъ слѣдовъ полнѣйшаго разстройства грозной непріятельской арміи, сердце стараго главнокомандующаго преисполнилось радостью! Онъ добился такихъ великихъ результатовъ и, что еще выше, съ такими ничтожными

неудачею нѣсколькихъ предшествовавшихъ атакъ, кинулся первымъ на штыки, говоря: „когда-же нибудь надо кончить“. „Онъ былъ убитъ, но проложилъ путь своимъ товарищамъ“. Беригарди. Т. II, стр. 312.

¹⁾ Беригарди. Т. II, стр. 312.

²⁾ Наполеонъ, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ принималъ мѣры, чтобы оправдать себя самого и свалить на другого вину за гибель корпуса Нея. Уходя къ Лядамъ, онъ оставилъ подъ Краснымъ Даву, давъ ему, какъ онъ зналъ хорошо, невыполнимый приказъ держаться тамъ до прибытія Нея. Поповъ—„Русская Старина“, 1877 года, февраль, стр. 302.

потерями, какихъ нибудь 700 человѣкъ убитыми и ранеными. Внѣ себя отъ радости, Кутузовъ, впервые за всю эту кампанію промчался галопомъ на своемъ конѣ передъ рядами войскъ. Проѣзжая мимо гвардіи, онъ приказалъ показать ей отбитыхъ непріятельскихъ орловъ. Громовое *ура* огласило при этомъ видѣ все поле ¹⁾.

Въ русскомъ лагерѣ кипѣла всю эту ночь самая шумная жизнь. Солдаты толпились вокругъ ярко пылающихъ костровъ; всѣ хвастались захваченною добычею; они не знали, что дѣлать съ богатствами, попавшими неожиданно, нежданно имъ въ руки. Не говоря уже о массѣ вещей всякаго рода, отбитыхъ у непріятеля, монеты оказалось такое множество, что наши солдаты охотно давали за синенькую пятирублевую ассигнацію десять пятифранковыхъ. „Два улана“, рассказываетъ очевидецъ, „вели подъ уздцы лошадей, на сѣдлахъ которыхъ висѣли порядочной величины мѣшки, нагруженные пятифранковиками. Уланы шли сердитые, ругаясь. Они видимо изнемогали отъ холода и усталости; наконецъ, придя въ азартъ, запустили руки въ мѣшки и горстями стали выбрасывать деньги прямо въ снѣгъ. Собралась кучка любопытныхъ, и многіе протестовали противъ подобнаго безразсуднаго поступка уланъ; но послѣдніе, освирѣпѣвъ, продолжали разметывать монету“. „Немало у насъ серебра, кричали они при этомъ и въ чемоданахъ и въ кобурахъ, не знаемъ, что дѣлать съ этимъ добромъ“ ²⁾. Другіе солдаты жгли на бивуакахъ дорогія матеріи и кружева, попавшія имъ въ руки. Были и такіе, которые дѣлились своею добычею съ офицерами. Наконецъ, многіе старались сбыть свою добычу за ничтожныя деньги первому встрѣчному.

Въ то время какъ русскіе праздновали свою побѣду, а французы поспѣшно уходили къ Оршѣ, и тѣ и другіе, ка-

¹⁾ Подробности объ этой сценѣ см. у Попова, — „Русская Старина“ 1877 года, февраль, стр. 306—307. См. также записки Ырикевича, — „Русская Старина“ 1874 года. Т. X, стр. 659—661.

²⁾ „Изъ записокъ генерала Н. П. Ковальскаго“: „Русскій Вѣстникъ“ 1871 года. Т. 91, стр. 98—99.

залось, забыли о корпусѣ Нея. Нея выступилъ изъ Смоленска самымъ послѣднимъ, 5-го ноябрю. Исполняя варварскіе и безполезныя распоряженія Наполеона, онъ пытался взорвать на воздухъ уцѣлѣвшіе еще башни и стѣны Смоленска, но варварскій замыселъ удался не вполнѣ. Только 8 башенъ и часть стѣны взлетѣли на воздухъ, остальное уцѣлѣло. И эти злодѣянія совершались въ то время, когда приходилось поручать великодушію русскихъ 2,000 своихъ раненыхъ и больныхъ, брошенныхъ въ смоленскихъ госпиталяхъ ¹⁾. Корпусъ Нея находился въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ и другія части французской арміи. Число людей, слѣдовавшихъ за маршаломъ, доходило, по крайней мѣрѣ, до 16000 человекъ, но въ ихъ числѣ только 8000 были вооружены, все остальное состояло изъ нестройныхъ, оборванныхъ бродягъ. Во всей конницѣ насчитывалось не болѣе 300 лошадей, артиллерійскихъ орудій было всего 12, большой обозъ слѣдовалъ за отрядомъ ²⁾.

Въ Смоленскѣ Нея принужденъ былъ оставить не только массу мародеровъ, но и громадную добычу всякаго рода. Вступившіе въ городъ русскія войска нашли 17 русскихъ орудій, 140 орудій непріятельскихъ, 600 фуръ и повозокъ и взяли въ плѣнъ нѣсколько тысячъ отсталыхъ и мародеровъ. По выходѣ изъ Смоленска войска Нея шли совершенно спокойно до самой Корытни. Только кое-гдѣ по сторонамъ дороги показывались казаки, да доносился отъ времени до времени гулъ пушечныхъ выстрѣловъ. На другой день казаки начали показываться все въ большемъ и большемъ количествѣ; но ни что не указывало на близость большихъ

¹⁾ О послѣднихъ дняхъ пребыванія непріятеля въ Смоленскѣ см. донесенія Платова отъ 5 и 7-го ноябрю. „Плѣнныхъ, раненыхъ и больныхъ непріятелей“, предписывалъ Платовъ своимъ подчиненнымъ, „продовольствовать, сколько по человечеству, столько и по тому, что плѣнные большею частію нѣмецкихъ націй и итальянцы, и дабы черезъ то показать имъ, что руссійское правительство поступаетъ съ военноплѣнными совсѣмъ не такъ, какъ имъ внушено“. См. Богдановичъ. Т. III, стр. 441.

²⁾ О состояніи корпуса Нея передъ выходомъ изъ Смоленска см. Fezensac. *Souvenirs militaires*, стр. 95 и Шамбре. т. II, стр. 464.

непріятельскихъ массъ. Осторожно подвигался впередъ Ней, не подозрѣвая, что онъ отрѣзалъ совершенно отъ остальной арміи, что между нимъ и Наполеономъ стоятъ уже главные русскія силы. Совершенно подобное же невѣдѣніе господствовало и на противоположной сторонѣ. Большинство нашихъ генераловъ или забыли о существованіи корпуса Нея, или были убѣждены, что войска Нея уже прошли мимо Краснаго вмѣстѣ съ другими отрядами французской арміи. Поздно вечеромъ, 5-го числа принцъ Евгений Виртембергскій, бесѣдуя въ Красномъ съ нѣсколькими плѣнными непріятельскими офицерами, съ удивленіемъ узналъ отъ одного изъ нихъ, что войска Нея вѣроятно только выступили изъ Смоленска. Принцъ спѣшилъ сообщить свое важное открытіе какъ главнокомандующему, такъ и его приближеннымъ. Кутузовъ тотчасъ же отдалъ приказъ предупредить Милорадовича о предстоящемъ прибытіи Нея, но исполнить этотъ приказъ было не такъ легко, какъ казалось это на первый взглядъ ¹⁾.

Милорадовичъ, при своей геройской храбрости и предприимчивости, былъ въ тоже время величайшимъ оригиналомъ и чудакомъ во всей арміи. Никто не одѣвался такъ щегольски, какъ онъ, особенно въ день битвы, никто не возилъ съ собою въ походъ такой громадный гардеробъ; но никто не обращалъ въ тоже время такъ мало вниманія на остальные удобства жизни, какъ онъ. У него вовсе не было главной квартиры, онъ не бралъ съ собою въ поле ни поваровъ, ни кухни, ни припасовъ. Онъ никогда не обѣдалъ у себя, а всегда у кого нибудь изъ своихъ подчиненныхъ генераловъ или офицеровъ. Его адъютанты и штабные по-неволѣ должны были слѣдовать его примѣру. Они бывали при своемъ командирѣ или во время дѣла, или на переходахъ; на бивуакахъ же, на дневкахъ, они бродили по лагерямъ, пользуясь госте-

¹⁾ По поводу этихъ приказовъ, Богдановичъ замѣчаетъ: „Эти предписанія и нѣкоторыя другія, непосредственно за ними слѣдующія въ журналѣ исходящихъ бумагъ, внесены въ него безъ номеровъ, какъ напротивъ того, всѣ прочія бумаги номерованы, что подаетъ поводъ сомнѣваться въ своевременной отсылкѣ предписаній“. Т II, стр. 442.

пріимствомъ другихъ офицеровъ. Очень трудно было найти иногда этихъ господъ, но еще труднѣе было найти самого Милорадовича. Такъ случилось и въ роковой день 5-го ноября. Адъютанты, разосланные Кутузовымъ, пигдѣ не могли розыскать Милорадовича. Поиски возобновились и на другой день—и также неудачно. А между тѣмъ, по какой-то странной случайности, войска, стоявшія на дорогѣ впереди Краснаго, вовсе не были предупреждены о грозившей имъ опасности. Никто въ средѣ ихъ не подозрѣвалъ возможности появленія непріятеля со стороны Смоленска. Всѣ стояли фронтомъ къ Красному. На бивуакахъ былъ большой безпорядокъ. Вся артиллерія свезена была въ большой паркъ и расположена на окраинѣ глубокаго Лосминскаго оврага, пересѣкавшаго дорогу. На противоположной сторонѣ оврага, обращенной къ Смоленску, не было даже выставлено пикетовъ ¹⁾.

Густой, непроницаемый туманъ застилалъ окрестности Краснаго, когда войска Нея подошли къ Лосминскому оврагу. Впереди ихъ брели толпы разрозненныхъ и безоружныхъ, затѣмъ двигалась дивизія Рикара. Французы спокойно перебирались черезъ оврагъ и, взойдя на противоположный его берегъ, очутились неожиданно среди нашего артиллерійскаго парка. Внезапность встрѣчи была одинаково велика съ обѣихъ сторонъ. Наши канониры не могли сначала понять, откуда взялись эти по большей части безоружные французы. Они приняли ихъ сначала за тѣхъ жалкихъ бродягъ, которые подкрадывались уже не разъ къ ихъ бивуакамъ, выпрашивая кусокъ хлѣба. И въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ этихъ незваныхъ гостей показывали большую охоту быть взятыми въ плѣнъ. Но канониры вовсе не были намѣрены обременять

¹⁾ Совершенно иначе представляется все это дѣло у Попова. (См. „Русская Старина“ 1877 г. февраль, стр. 304). Тамъ говорится, что у насъ все было наготовѣ; что согласно предписаніямъ Кутузова, Милорадовичемъ приняты были всѣ мѣры для встрѣчи Нея. Къ сожалѣнію, всѣ источники, какъ русскіе, такъ и французскіе, прямо противорѣчатъ такимъ утвержденіямъ. См. Богдановичъ. Т. III, стр. 134; Бернгарди, стр. 324 и слѣд.; „Воспоминанія принца Евгенія“, стр. 175 и слѣд.

себя пѣвниками, на то были казаки и вооруженные мужики. Сначала по-легоньку, а потомъ съ сердцемъ начали они отпихивать французовъ отъ орудій, но число гостей возрастало съ каждою секундою. Вскорѣ между безоружными оборванцами начали показываться вооруженные непріятельскіе солдаты. На пинки и удары банниками и тесаками они начали отвѣчать ружейными выстрѣлами и ударами штыковъ. Еще минута—и цѣлая колонна французской пѣхоты нахлынула на нашъ паркъ. Былъ моментъ, когда большая часть нашихъ орудій находилась въ рукахъ дивизіи Рикара. Но то былъ не болѣе, какъ моментъ. Канониры наши скоро пришли въ себя, поспѣшно начали они запрягать орудія и отъѣзжать въ сторону отъ непріятели. Дивизія Рикара, крайне малочисленная, всего 2000 человекъ и ошеломленная неожиданностью встрѣчи, не въ состояніи была воспользоваться своимъ страннымъ успѣхомъ. Между тѣмъ наши батареи открыли по ней убійственный огонь. Пѣхота и кавалерія спѣшили со всѣхъ сторонъ на неожиданную добычу. Поражаемая отовсюду, дивизія Рикара потеряла массу людей и въ страшномъ безпорядкѣ бѣжала назадъ за оврагъ. Въ этотъ моментъ явился на мѣсто боя Милорадовичъ. Убѣдившись, что на той сторонѣ оврага, кромѣ разбитой дивизіи, находятся еще значительныя непріятельскія силы и узнавъ отъ пѣвниковъ, что онъ имѣлъ передъ собою самого маршала Нею со всѣмъ его корпусомъ, Милорадовичъ немедленно-же отрядилъ къ маршалу парламентаря съ предложеніемъ положить оружіе. Парламентерь объявилъ Нею, что Милорадовичъ никогда-бы не отважился предложить знаменитому маршалу что-либо недостойное его мужества, его военныхъ талантовъ, къ которымъ онъ относится съ глубокимъ уваженіемъ; но что эта капитуляція неизбежна, что онъ, маршалъ, отрѣзанъ отъ остальныхъ корпусовъ французской арміи, что передъ нимъ стоитъ 80,000 армія, что онъ можетъ послать офицера, дабы убѣдиться въ этой печальной для него истинѣ ¹⁾. Спокойно,

¹⁾ Парламентеромъ былъ посланъ майоръ Смоленскаго полка, Ренненкампфъ. Богдановичъ. Т. III, стр. 135.

съ презрительною улыбкою выслушалъ Нея предложенія русскаго парламентаря. Маршалъ не принадлежалъ къ числу геніальныхъ полководцевъ, но онъ никогда не терялъ присутствія духа на полѣ битвы. Въмѣсто всякаго отвѣта, онъ приказалъ задержать парламентаря ¹⁾ и двинулъ въ атаку обѣ свои дивизіи. Французы наступали съ удивительнымъ мужествомъ. Картечь выносила у нихъ цѣлыя ряды, а они шли мѣрнымъ, спокойнымъ шагомъ, словно на ученіе. Съ изумленіемъ смотрѣли на нихъ русскіе. Но вотъ они подошли на нѣсколько шаговъ къ нашей линіи. Новый страшный залпъ и первый дивизіонъ, шедшій въ головѣ непріятельской колонны, былъ опрокинутъ на слѣдовавшія за нимъ войска. Въ эту минуту русская пѣхота ударила въ штыки на непріятеля, а кавалерія атаковала его съ обоихъ фланговъ ²⁾. Пораженіе непріятеля было страшное. Въ дикомъ безпорядкѣ бросались остатки разбитыхъ дивизій Нея въ оврагъ; только нѣсколько стрѣлковъ, въ-время расположенныхъ маршаломъ на окраинѣ оврага, задержали на мгновеніе наше преслѣдованіе и спасли французовъ отъ окончательнаго истребленія. „Наша атака, говоритъ очевидецъ, продолжалась всего четверть часа, а вторая дивизія уже не существовала. Въ моемъ полку погибла масса офицеровъ, и въ немъ осталось всего лишь 200 солдатъ; еще болѣе пострадали Иллирійскій и 18 полкъ, потерявшій своего орла; генералъ Разу былъ убитъ, генералъ Ланшантенъ взятъ въ плѣнъ“ ³⁾.

Наши генералы считали Нея окончательно истребленнымъ, и находили излишнимъ преслѣдовать остатки его корпуса при наступающей темнотѣ. Да они и имѣли, повидимому, пол-

¹⁾ Предлогомъ къ задержкѣ послужили нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ въ это время русскими. Дѣйствительно-же причиною тому было опасеніе, чтобы нашъ офицеръ не далъ свѣдѣній о жалкомъ состояніи французскихъ войскъ. См. Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 310.

²⁾ „Тогда непріятельская пѣхота атаковала насъ въ свою очередь, а кавалерія, бросившись на наши фланги, привела насъ въ полное разстройство“. Фезензакъ, стр. 310.

³⁾ См. Фезензакъ, Souvenirs militaires, стр. 311.

ное основаніе такъ думать. Непріятельскіе солдаты разсѣялись по окрестнымъ лѣсамъ и оврагамъ. Изнемогая отъ усталости и голода, не зная куда идти, они цѣлыми толпами сдавались въ плѣнъ, завидѣвъ нѣсколькихъ казаковъ. На другой день, рано утромъ, явилась даже депутація отъ цѣлыхъ 11,000 человекъ, желавшихъ сдаться въ плѣнъ ¹⁾. Какъ ни велико было, однако-же, количество плѣнныхъ, но отрядъ маршала все еще не былъ окончательно истребленъ. У него оставалось все еще подъ ружьемъ около 3000 человекъ, а что самое главное, онъ ни на минуту не потерялъ мужества и рѣшился во что-бы то ни стало пробиться къ своимъ. При наступленіи темноты Ней повелъ свой отрядъ назадъ къ Смоленску, но пройдя немного, свернулъ направо и двинулся черезъ поля прямо къ Днѣпру. Уже поздно ночью французы добрались до деревни Даниковой. Послѣ долгихъ поисковъ имъ удалось найти тутъ какого-то хромого мужика. На вопросъ маршала: можно-ли перейти черезъ Днѣпръ, мужичекъ объявилъ, что онъ знаетъ мѣсто, гдѣ Днѣпръ уже сталъ и гдѣ можно перебраться по льду. Разложивъ на мѣстѣ своего бивуака нѣсколько большихъ костровъ, чтобы обмануть преслѣдователей, Ней немедленно же двинулся впередъ. Скоро они добрались до Днѣпра. Рѣка текла между высокими и крутыми берегами, образуя небольшую излучину. Только въ этомъ одномъ мѣстѣ,—оно называлось Сырокоренье,—образовался уже тонкій ледъ. Не теряя времени, Ней приступилъ къ переправѣ. Ледъ былъ, однакоже, на столько тонокъ и хрупокъ, что немислимо было переправлять по немъ орудія и тяжести. Пришлось бросить послѣднюю артиллерію и обозъ, пришлось даже покинуть на произволъ судьбы больныхъ и раненыхъ. Только нѣсколько лошадей успѣли перейти черезъ рѣку. Солдаты перебирались пѣшкомъ и въ одиночку. Нѣкоторые слабые и раненые переползли на четверенькахъ; другихъ перетаскили товарищи. Днѣпръ былъ перейденъ, но оставалось еще до Орши 15 мѣ и притомъ по странѣ неизвѣстной, покрытой по большей части дрему-

¹⁾ См. записки генерала Раевского.

чими лѣсами. Счастіе вначалѣ благопріятствовало бѣглецамъ. Въ одной деревушкѣ по пути они захватили врасплохъ нѣсколько казаковъ и взяли ихъ въ плѣнъ. Въ другой деревнѣ, брошенной при ихъ приближеніи жителями, имъ удалось найти запасъ картофеля и хлѣба. Но вскорѣ явились казаки и притомъ цѣлыми массами подъ предводительствомъ самого атамана Платова. Почти ежеминутно тревожили они бѣглецовъ своими внезапными атаками, своимъ дикимъ крикомъ. Казаки везли съ собою на саняхъ пушки, и солдаты Нея, потерявшіе свои послѣднія орудія, при переправѣ черезъ Днѣпръ, подвергались на каждомъ сколько-нибудь открытомъ мѣстѣ, на каждой лѣсной полянѣ, ихъ губительному огню. Теряя на каждомъ шагѣ нѣсколько людей, борясь почти съ непреодолимыми трудностями, доводимые нерѣдко до отчаянія при видѣ своихъ изнемогающихъ товарищей, бросаемыхъ на произволъ судьбы, они шли тѣмъ не менѣе впередъ, поддерживаемые примѣромъ своего геройскаго вождя. Почти три дня продолжалось это безпримѣрное отступление. Наконецъ, утромъ 9-го ноября Нея достигъ Орши и соединился съ великою арміею, но изъ всего его корпуса у него осталось только 800 человекъ ¹⁾.

Сраженія подъ Краснымъ далеко не имѣли тѣхъ рѣшительныхъ послѣдствій, которыхъ слѣдовало ожидать отъ нихъ. Наполеонъ успѣлъ пробиться черезъ поставленныя ему преграды, но тѣмъ не менѣе положеніе его было самое печальное. Потери, понесенныя его арміею подъ Краснымъ, были громадныя и невознаградимы. Корпусъ Нея и дивизія Рикара были совершенно истреблены; войска вице-короля понесли большія потери; даже гвардія потерпѣла значительную убыль. О кавалеріи и артиллеріи не могло быть уже болѣе и рѣчи. Помимо громадной массы разрозненныхъ и безоружныхъ у Наполеона оставалось въ строю не болѣе 25000 че-

¹⁾ Самые подробныя и точныя свѣдѣнія объ отступленіи Нея мы находимъ у его сподвижника и спутника, полковника Фезензакъ. См. *Souvenirs militaires*, стр. 309—322. См. также Шамбре. Т. II, стр. 464—473; Сегюръ. Т. II, стр. 288—310. Лабомъ упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ только вскользь, стр. 372—373.

ловѣкъ ¹⁾. А между тѣмъ число враговъ росло съ каждымъ днемъ, и отовсюду приходили роковыя вѣсти. Въ одинъ и тотъ-же день императоръ получилъ донесенія, что Викторъ имѣлъ на Улѣ новое, нерѣшительное столкновеніе съ Витгенштейномъ, и что адмиралъ Чичаговъ захватилъ Минскъ со всѣми собранными тамъ припасами.

Чрезвычайно интересны тѣ колебанія, въ которыя впадаетъ Наполеонъ при этихъ извѣстіяхъ. Онъ видитъ, что фланговыл арміи, на которыхъ основывались всѣ его надежды на спасеніе, отступаютъ шагъ за шагомъ предъ наступающимъ противникомъ; онъ чувствуетъ, что желѣзное кольцо, давившее его доселѣ только съ боковъ и сзади, готово сомкнуться передъ нимъ спереди и задушить его и его всемірную монархію въ своихъ объятіяхъ. Но онъ возстаетъ противъ своей судьбы, онъ намѣрепъ бороться съ нею до послѣдней крайности. Отчаянныя, неудобоисполнимыя планы рождаются въ его головѣ, онъ требуетъ ихъ немедленнаго исполненія. Онъ хочетъ отнять у русскихъ обратно Минскъ, возстановить сообщенія съ Шванценбергомъ и Ренъе и расположить свои войска на зимнія квартиры за Березиною. Съ этою цѣлью онъ предписываетъ маршалу Удино двинуться съ Улы къ Борисову, соединиться тамъ съ дивизіями Домбровскаго и Брониковскаго, идти на Минскъ и вытѣснить оттуда Чичагова. Распоряженіе во всѣхъ отношеніяхъ невозможное ²⁾. Что могъ сдѣлать Удино съ своими 12,000 съ Чичаговымъ, въ распоряженіи котораго находилось по крайней мѣрѣ втрое болѣе войска, да и къ чему могло повести обратное взятіе Минска? Неужели Наполеонъ предполагалъ, что онъ найдетъ тамъ въ неприкосновенности и цѣлости заготовленные припасы? Не менѣе невозможную задачу возлагалъ Наполеонъ на Виктора. Этотъ маршалъ долженъ былъ въ одно и тоже время задерживать Витгенштейна, маскировать отъ него движеніе Удино и занять такую позицію, въ

¹⁾ О результатахъ сраженій подъ Краснымъ см. Богдановичъ. Т. III, стр. 143—145; Берягарди. Т. II, стр. 315—321.

²⁾ См. Шамбре. Т. II, стр. 451.

которой онъ былъ-бы ближе къ Вильнѣ, Борисову и Оршѣ, нежели къ непріятелю. Не прошло, однако-же, и 24 часовъ, какъ Наполеонъ уже самъ убѣдился въ неосновательности своихъ комбинацій. Виктору и Удино посланы были новые приказы. Они должны были отступать къ Борисову, прикрывать флангъ великой арміи отъ покушеній Витгенштейна, и соединиться затѣмъ съ нею передъ Березиною ¹⁾.

Отдавая эти приказы, Наполеонъ пытался въ тоже время реорганизовать по возможности свою собственную армію и возстановить падающій ея духъ. Эти одиночные люди, бросившіе свое оружіе и тащившіеся вслѣдъ за войсками, приводили его въ негодованіе. Но и люди, остававшіеся еще въ строю, не могли внушить ему особаго довѣрія. Исхудалые, обросшіе бородами, полуслѣпые отъ бивуачнаго дыма и нестерпимаго блеска снѣга, съ отмороженными членами, они походили скорѣе на пугалъ или бродягъ, нежели на грозныхъ воиновъ непобѣдимой арміи. Давно уже утратили они послѣднюю бодрость духа, переставали уже узнавать другъ друга ²⁾. Надо было оживить во что-бы то ни стало этихъ полумертвецовъ, надо было принять самыя рѣшительныя мѣры противъ этихъ безоружныхъ бродягъ, распространявшихъ своимъ пагубнымъ примѣромъ безпорядокъ и панику. Здѣсь, въ Оршѣ представлялись, повидимому, всѣ удобства для столь необходимой реорганизациіи. При переправѣ черезъ Днѣпръ можно было задержать всѣхъ безоружныхъ и заставить ихъ силою возвратиться къ своимъ частямъ. Тутъ можно было раздать войскамъ свѣжіе припасы. Наконецъ, здѣсь-же представлялась возможность возстановить артиллерію, такъ какъ въ Оршу высланъ былъ на встрѣчу арміи не только артиллерійскій паркъ изъ 36 орудій, но и достаточное количество свѣжихъ не заморенныхъ лошадей.

Но прежде, нежели приступить ко всѣмъ этимъ преобразованіямъ, Наполеонъ пытался поднять нравственное состояніе своихъ войскъ своимъ примѣромъ и словомъ. Онъ вдругъ

¹⁾ См. Шамбре. Т. II, стр. 452—453.

²⁾ Шамбре. Т. II. Только появленіе казаковъ выводило ихъ изъ забытья.

понялъ, что не слѣдуетъ такому великому полководцу, какъ онъ, держать себя вдали отъ арміи, скрываться отъ взоровъ солдатъ въ закрытомъ экипажѣ, тщательно избѣгать всѣхъ неудобствъ погоды и бивуака. И вотъ уже по выходѣ изъ Дубровны, на пути къ Оршѣ, Наполеонъ является на конѣ среди своихъ войскъ ¹⁾. Онъ приказываетъ старой гвардіи остановиться среди поля и построиться въ карре. Ставъ по срединѣ карре, онъ обращается къ солдатамъ съ такою рѣчью: „Гренадеры моей гвардіи! вы видите разстройство арміи; многіе изъ солдатъ въ бѣдственномъ ослѣпленіи бросили свое оружіе. Если вы послѣдуете этому пагубному примѣру, то всѣ наши надежды погибнуть. Отъ васъ зависитъ спасеніе арміи; вы оправдаете мнѣніе, которое я имѣлъ всегда о васъ. Недостаточно, чтобы одни офицеры поддерживали строгую дисциплину; вы сами, солдаты, должны смотрѣть другъ за другомъ и наказывать тѣхъ, которые осмѣлятся оставить ряды“. Рѣчь Наполеона не произвела, однако-же, сильнаго впечатлѣнія на солдатъ. Да и не удивительно! Наполеонъ говорилъ такимъ слабымъ голосомъ, въ его словахъ звучало такъ мало увѣренности и надежды. Онъ говорилъ только о возможности ускользнуть отъ гибели, онъ не дѣлалъ солдатамъ никакихъ обѣщаній, и ветеранамъ гвардіи, не привыкшимъ къ подобнымъ рѣчамъ, казалось, что самъ императоръ подавленъ ужасомъ настоящаго положенія, что и онъ не въ состояніи усмотрѣть что-либо отрадное въ непроглядномъ мракѣ будущаго. Очевидцы не говорятъ, раздались-ли въ отвѣтъ императору обычные клики, но они не скрываютъ, что краснорѣчіе полководца не въ силахъ было уже оживить умирающую армію ²⁾.

¹⁾ „Начиная отъ Краснаго, Наполеонъ часто шелъ пѣшкомъ, сопровождаемый всѣмъ своимъ штабомъ. Онъ видѣлъ не содрогаясь, какъ проходили передъ нимъ жалкіе остатки когда-то могучей арміи. Его присутствіе никогда не вызвало ропота, напротивъ, оно ободряло самыхъ трусливыхъ; они успокоивались, видя среди себя императора“. Лабомъ, стр. 360.

²⁾ Napoleon prononça ce discours d'une voix faible et mal assurée, comme s'il eut été souffrant, on remarqua que, contre son habitude, il n'avait fait aucune promesse, sans doute parce qu'il trouva l'avenir assez effrayant pour qu'on

Тамъ, гдѣ не помогало краснорѣчіе, должны были помочь мѣры иного рода. Объ этихъ мѣрахъ возвѣщала императорская прокламація, опубликованная тотчасъ-же по прибытіи въ Оршу. „Солдаты!“—говорилось въ началѣ прокламаціи,—„многіе изъ васъ покинули свои знамена и идутъ въ разсыпную; они нарушаютъ тѣмъ свой долгъ, поносятъ честь арміи и причиняютъ ей вредъ. Блуждая въ различныхъ направленіяхъ, они попадаютъ въ руки непріятеля. Необходимо положить предѣлъ подобному безпорядку“. Прокламація предписывала вслѣдъ затѣмъ разрозненнымъ солдатамъ немедленно-же вернуться къ своимъ знаменамъ и назначала особые сборные пункты для каждого корпуса. Непослушнымъ грозило самое тяжкое наказаніе. Отъ нихъ должны были отбирать лошадей, провіантъ и добычу, и предавать ихъ военному суду. Предписывалось также сжечь всѣ лишніе экипажи, повозки и фѹры, и оставить лишь тѣ изъ нихъ, которыя служили для перевозки московскихъ бѣглецовъ ¹⁾.

Какъ ни строго составлена была прокламація, какъ ни громогласно объявляли ее по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ Орши и на сосѣднихъ бивуакахъ, но она не возымѣла желаннаго дѣйствія. Только немногіе изъ бѣглецовъ возвратились къ знаменамъ, громадное большинство успѣло въ концѣ концовъ обмануть бдительность стражи, поставленной у мостовъ, и ускользнуть вслѣдъ за уходящею арміею за Днѣпръ. Реорганизаторскія попытки Наполеона потерпѣли полную неудачу. Поздно и невозможно было сдѣлать въ Оршѣ то, что слѣдовало сдѣлать въ Москвѣ ²⁾. Страшная трагедія при-

put difficilement y ajouter foi“. Шамбре. Т. II, стр. 455. „Онъ думалъ, что его рѣчи будутъ для солдатъ манною въ пустынѣ; говоря оскорбленія офицерамъ и лаясь солдатамъ, онъ думалъ навести страхъ на однихъ и вселить мужество въ другихъ. Но времена энтузіазма, когда одно слово его творило чудеса—прошли. Деспотизмъ его подавилъ все; онъ самъ убилъ въ насъ тѣ благородныя чувства и лишилъ себя тѣмъ единственнаго средства электризовать наши души“. Лабомъ, стр. 368.

¹⁾ Шамбре Т. II, стр. 456—459.

²⁾ „Критическое положеніе, въ которое попалъ Наполеонъ“, замѣчаетъ Шамбре, „вынудило у него жѣры, которыя онъ долженъ былъ принять, оставляя Москву“. Т. II, стр. 459.

ближалась къ развязкѣ. Ничто не могло уже спасти великой арміи, обреченной на истребленіе болѣе высшею силою, нежели сила человѣческая. Противники совершали уже столько ошибокъ, выводившихъ ее изъ самыхъ отчаянныхъ положеній. И подъ Малоярославцемъ, и подъ Вязьмою, и подъ Краснымъ Наполеонъ спасенъ былъ не столько своими геніальными распоряженіями, сколько тѣмъ обаяніемъ, тѣмъ страхомъ, которые продолжали сопутствовать его генію и въ годину несчастія. Теперь противники готовились совершить новыя, быть можетъ, величайшія ошибки; они собирались открыть ему выходъ изъ той ловушки, которая ожидала его на берегахъ Березины. Да, великій завоеватель преодолѣетъ и эту послѣднюю страшную преграду, онъ перейдетъ черезъ Березину и явится еще разъ побѣдителемъ! Все напрасно! Эта послѣдняя побѣда дастъ ему возможность спасти самого себя, но она будетъ лишь послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ въ предсмертной агоніи его арміи!

ГЛАВА VIII.

Кабинетная стратегія и петербургскіе планы.—Задачи, возложенныя на Витгенштейна и Чичагова.—Первыя неудачи.—Кутузовъ даетъ отдыхъ своей арміи.—Витгенштейнъ ограничиваетъ предѣлы своей задачи.—Адмиралъ Чичаговъ, его эксцентричности, выходки.—Чѣмъ объяснить его вліяніе на Александра?—Чичаговъ на Дунаѣ.—Онъ мечтаетъ о разрѣшеніи восточнаго вопроса.—Чичаговъ и польскіе планы Александра.—Надменность и самомиѣніе адмирала.—Онъ считаетъ себя великимъ полководцемъ.—Первыя дѣйствія адмирала. Взятіе Минска.—Французская гуманность и польское легкомысліе.—Чичаговъ задается мыслью поймать Наполеона.—Примѣты „сего чловѣка“.—Взятіе Борисова.—Странныя распоряженія адмирала.—Наполеонъ приближается къ Березинѣ.—Страшная встрѣча.—Пораженіе Палена и прерванный обѣдъ Чичагова.—Рѣка Березина.—Французы готовятся къ переправѣ.—Чичаговъ совершенно обманутъ ложными приготовленіями непріятеля къ переправѣ.—Наполеонъ и его контонеры.—Сооруженіе мостовъ.—Сцена у Студянки.—Пораженіе Чаплица.—Отчаянный бой на лѣвомъ берегу рѣки.—Дивизія Партуно принуждена положить оружіе.—Страшная участь безо ружныхъ.—Истребленіе мостовъ.—Потери великой арміи.—Неудача нашихъ плановъ.—„Не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу“.

Искусственная кабинетная стратегія не утратила всего своего обаянія для Александра даже послѣ той печальной неудачи, которою закончилась дѣятельность генерала Фуля въ лагерѣ подъ Дриссою ¹⁾. Въ военномъ кабинетѣ импера-

¹⁾ Императоръ Александръ изучилъ, дѣйствительно, въ совершенствѣ теорію военнаго дѣла. На людей невоспитанныхъ онъ производилъ своими разсужденіями и стратегическими соображеніями впечатлѣніе импонирующее. Огинскій въ своихъ мемуарахъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „Все, что я слышалъ изъ устъ Александра, было для меня столь-же ново, какъ интересно. Онъ развилъ мнѣ во всемъ ихъ объемѣ свои военныя свѣдѣнія, онъ объяснилъ мнѣ планы, которые преслѣдовалъ онъ въ этой войнѣ; онъ сопровождалъ всѣ свои

тора продолжали дѣятельно составлять все новые и новые планы, въ которыхъ полчища Наполеона, то и дѣло, подвергались самому систематическому истребленію, разумѣется, па бумагѣ. Одинъ изъ такихъ плановъ получилъ даже громкую историческую извѣстность, и наивные люди усматривали въ немъ въ свое время одну изъ геніальнѣйшихъ комбинацій, придуманныхъ когда-либо для истребленія непріятельской арміи. Что за бѣда, что комбинація совершенно не удалась на дѣлѣ. Виною тому былъ не самъ планъ, а его исполнители, всѣ, или одинъ, по преимуществу, Кутузовъ, Витгенштейнъ и Чичаговъ, или же одинъ, злополучный главнокомандующій Дунайской арміи. Пресловутый планъ этотъ возникъ еще въ то самое время, когда императоръ возлагалъ всѣ свои надежды не на помощь свыше, а на помощь человѣческую, когда онъ все еще мечталъ справиться съ военнымъ геніемъ Наполеона при помощи кабинетной стратегіи, преподанной ему Фулемъ и другими теоретиками. То было еще въ славные, но печальные, дни Бородинскаго боя. Введенный въ заблужденіе побѣдоносными донесеніями главнокомандующаго, императоръ полагалъ, что настало уже время отъ обороны перейти къ наступленію и погубить врага, осмѣливавшагося проникнуть такъ далеко въ сердце Россіи. Эту-то великую цѣль и имѣлъ въ виду планъ, составленный и одобренный окончательно императоромъ 30 августа ¹⁾.

объясненія такими вѣрными замѣчаніями и обнаружилъ при этомъ такую скромность, столь мало свойственную самодержавнымъ правителямъ, что я началъ относиться къ нему послѣ этого разговора еще съ большимъ удивленіемъ, нежели прежде“. См. Oginski's Denkwürdigkeiten. Т. III, стр. 191.

¹⁾ Общій операціонный планъ изложенъ былъ въ особыхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ на имя Чичагова, графа Витгенштейна, Тормасова и графа Штейнгеля. См. приложенія ко 2-му тому „Отечественной войны“. Богдановича, стр. 605—614. Самъ императоръ Александръ въ бесѣдѣ съ графомъ Огинскимъ такимъ образомъ выражался о планѣ. „Мой планъ установленъ... Кутузовъ дѣйствовать будетъ, соображаясь съ движеніями непріятеля въ Москвѣ. Витгенштейнъ и Штейнгель я отдалъ приказъ перейти въ наступленіе. Въ эту минуту Чичаговъ съ арміею, дѣйствовавшею противъ турокъ, находится уже въ Волинѣ и принялъ уже команду надъ войсками, стоящими противъ Шварценберга. Принудивъ этого послѣдняго, въ чемъ нельзя сомнѣваться, къ отступленію и оставивъ противъ него наблюдательный корпусъ, Чичаговъ пойдетъ самъ на

Главная и рѣшающая роль выпадала, по этому плану, не столько на нашъ центръ, сколько на фланги, не столько на главную армію князя Кутузова, сколько на боковыя, второстепенныя арміи, предводимыя Витгенштейномъ и Чичаговымъ. Кутузовъ долженъ былъ отражать всѣ дальнѣйшія нападенія Наполеона, перейти затѣмъ въ наступленіе и отбросить непріятеля къ Смоленску. Въ то же самое время должны были дѣйствовать наступательно обѣ фланговыя русскія арміи. Витгенштейнъ долженъ былъ отбросить войска Макдональда въ Пруссію, а отряды Удино и Сень-Сира, соединенные у Полоцка, за Вилію и Нѣманъ. Чичагову предписывалось прежде всего оттѣснить Австрійцевъ и Саксонцевъ Шварценберга за Шару, въ предѣлы герцогства Варшавскаго. Вслѣдъ затѣмъ должны были выступить на сцену войска Штейнгеля, приведенныя изъ Финляндіи и армія Тормасова. Штейнгель долженъ былъ прикрывать изъ Вильны тылъ и флангъ Витгенштейна и отражать всѣ покушенія со стороны Макдональда, Удино и Сень-Сира; Тормасовъ, расположившись на Шарѣ, долженъ былъ обезпечивать Чичагова отъ Шварценберга и Ренъе. Подъ покровомъ этихъ отрядовъ Витгенштейнъ и Чичаговъ должны были соединиться на Березинѣ, составить армію въ 120,000 человѣкъ и преградить Наполеону, тѣснимому Кутузовымъ, дальнѣйшее отступленіе и выходъ изъ Россіи. Все было предусмотрено въ планѣ до малѣйшихъ подробностей. Назначенъ былъ даже день, 15 октября, когда Витгенштейнъ долженъ былъ прибыть въ Докшицу, а Чичаговъ въ Борисовъ ¹⁾.

Минскъ и по моему разсчету прибудетъ туда черезъ три недѣли съ 80,000 человѣкъ. Надо надѣяться, что, съ помощью Божіею, мы принудимъ непріятеля очистить не только мои провинціи, но также Бѣлоруссію и Литву". См. Oginski's Denkwürdigkeiten. Т. III, стр. 169.

¹⁾ Въ Высочайшемъ повелѣніи Витгенштейну говорится: „Такимъ образомъ, отрѣзавши Удино и закрывъ себя съ той стороны дѣйствіемъ графа Штейнгеля, стремительно обратитесь къ Докшицѣ (на верхней Березинѣ), гдѣ къ 15 октября быть можете, и отсель открывъ коммуникацію на Минскъ и соединясь съ Чичаговымъ, черезъ Березину, займете Лепель и все теченіе Улы, отъ Березины до впаденія въ Двину“. Въ повелѣніи Чичагову говорилось: „изъ Минска займете, какъ можно скорѣе, рѣку Березину и Борисовъ, и къ 15 октября со-

Составленный, такимъ образомъ, планъ былъ отосланъ прежде всего съ полковникомъ Чернышевымъ въ главную квартиру Кутузова ¹⁾. Чернышевъ прибылъ въ армію въ то время, когда обстоятельства измѣнились уже самымъ существеннымъ образомъ. Москва была оставлена русскими и занята непріателемъ, армія Кутузова находилась въ Красной Пахрѣ. Условія, на которыхъ построены были планъ, повидимому, перемѣнились, но въ виду категорическаго предписанія, привезеннаго Чернышевымъ, Кутузову не оставалось ничего болѣе, какъ принять планъ. Созвано было впрочемъ что то въ родѣ военнаго совѣта ²⁾. На немъ кромѣ главнокомандующаго и Беннингсена присутствовали еще Толь и Коновницынъ. Старый фельдмаршалъ и его совѣтники очень хорошо понимали, что императорскій планъ вовсе не соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ, что думать о наступленіи на непріателя было еще слишкомъ рано, что надо было позаботиться прежде всего о возстановленіи своей собственной арміи, что можно было даже опасаться дальнѣйшаго наступленія со стороны непріателя, но, какъ ловкій дипломатъ, Кутузовъ одобрилъ планъ, или выражаясь точнѣе, обязался исполнить его ³⁾.

Обстоятельства сложились, однако-же, впоследствии такъ,

единиться съ Витгенштейномъ въ сторонѣ Докшицы“. См. Высочайшія повелѣнія у Богдановича. Т. II, стр. 608 и 611.

¹⁾ Чернышевъ привезъ съ собою кромѣ инструкціи Витгенштейну, Тормасову, Чичагову и Штейнгелю также и Высочайшее повелѣніе на имя Кутузова. Въ повелѣніи этомъ не говорилось, однако, ничего о роли, предназначенной по плану главной арміи, а все предоставлялось собственной военной прозорливости главнокомандующаго. См. Высочайшее повелѣніе на имя Кутузова отъ 31-го августа 1812 г. у Богдановича т. II, стр. 344—346.

²⁾ Подробности объ этомъ совѣтѣ см. у Богдановича. Т. II, стр. 346, а также у Беригарди, *Tol's Denkwürdigkeiten*. Т. II, стр. 180—181.

³⁾ Кутузовъ нашелъ, однако-же, возможнымъ отсрочить хотя на нѣсколько дней слишкомъ короткіе сроки, назначенные въ Высочайшемъ повелѣніи. „Такъ какъ Чернышевъ, доносилъ онъ государю, на пути своемъ встрѣчалъ частныя остановки и долженъ былъ дѣлать большіе объѣзды, то всѣ числа мѣсяца, назначенныя въ планѣ для движеній и дѣйствій войскъ, поставлены пятью днями впередъ, о истолкованіи чего поручилъ я особенно полковнику Чернышеву“. Богдановичъ, „Исторія Отечественной войны“. Т. II, стр. 342. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ Кутузовъ старался умирить, по возможности, слишкомъ поспѣшныя соображенія кабинетной стратегіи.

что если и не весь планъ во всѣхъ его частностяхъ, то по крайней мѣрѣ его основная идея должна была, повидимому, осуществиться. Армія Наполеона дѣйствительно должна была искать спасенія въ послѣднемъ отступленіи изъ Россіи и притомъ по опустошенной Смоленской дорогѣ. Ослабленная страшными потерями и почти окончательно разстроенная, она стремилась теперь послѣдними переходами къ Березинѣ. Оба фланга Наполеоновскихъ полчищъ принуждены были также отступать передъ напоромъ русскихъ силъ. Макдональдъ не былъ, правда, прогнанъ въ Пруссію, но онъ принужденъ былъ снять осаду съ Риги и отступить за Двину. Удино и Сенъ-Сиръ были отброшены отъ Полоцка, а маршалъ Викторъ, пытавшійся поддержать ихъ, былъ принужденъ самъ отступать передъ Витгенштейномъ ¹⁾. Съ другой стороны Дунайская армія Чичагова, соединившись съ арміею Тормасова, оттѣснила Шварценберга къ предѣламъ Варшавскаго герцогства, и, отрядивъ затѣмъ противъ него часть своихъ силъ, двинулась на Минскъ и Борисовъ и завладѣла этими важными пунктами. Переправа черезъ Березину была, такимъ образомъ, преграждена Наполеону, и гибель его казалась неизбежною, особенно въ томъ случаѣ, если-бы Кутузовъ преслѣдовалъ его по пятамъ, а Витгенштейнъ во-время прибылъ къ Березинѣ. Но ни одно изъ этихъ двухъ послѣднихъ предположеній не оправдалось въ дѣйствительности. Послѣ сраженій подъ Краснымъ, армія Кутузова въ теченіи цѣлаго дня оставалась на мѣстѣ сраженія. Трудно сказать, что вызывало такую медленность нашего главнокомандующаго. По всей вѣроятности, Кутузовъ полагалъ, что армія наша, даже при крайнемъ напряженіи силъ, не въ состояніи будетъ настигнуть быстро бѣгущаго непріятеля. Кутузовъ, слѣдуя своей обычной системѣ, заботился прежде всего о сохраненіи своей арміи и справедливо опасался, что быстрое преслѣдованіе можетъ привести ее въ окончательное раз-

¹⁾ О дѣйствіяхъ Витгенштейна см. въ особенности статью А. Н. Попова „Отъ Малоярославца до Березины“, глава пятая, „Русская Старина“ 1877 г. іюнь, стр. 191 и слѣд.

тройство. Поэтому онъ рѣшилъ продолжать преслѣдованіе непріятеля только легкими отрядами, главныя же силы двигать впередъ по возможности медленно, давая достаточныя роздыхи людямъ и лошадямъ. Съ этой цѣлью отданы были слѣдующіе приказы: легкій отрядъ генераль-лейтенанта Кутузова и казаки Платова двинуты были вправо отъ линіи отступленія непріятеля на Любовичи и Сенно. Имъ предписано было не только беспокоить бѣгущаго непріятеля съ фланга, но и стараться открыть сообщенія съ Витгенштейномъ. Двумъ другимъ легкимъ отрядамъ, Ожаровскаго и Бороздина, приказано было слѣдовать непосредственно за непріятелемъ. Для этой же цѣли былъ сформированъ новый значительный отрядъ подъ начальствомъ Ермолова. Онъ состоялъ изъ 12 батальоновъ, восьми эскадроновъ и двухъ казачьихъ полковъ ¹⁾.

Уже эти легкіе отряды принуждены были бороться съ величайшими трудностями, и, не смотря на всѣ свои усилія, не въ состояніи были настигнуть главныхъ силъ непріятеля. Наступившая оттепель испортила дороги и крайне затруднила переправу черезъ Днѣпръ у Орши. Пришлось возстановлять съ большою потерей времени мосты, разрушенные французами, а начавшійся вслѣдъ затѣмъ ледоходъ причинилъ даже большія потери нашимъ отрядамъ. Понятно, что еще съ болѣе большими трудностями сопряжено было движеніе главныхъ нашихъ силъ. Эти силы были направлены не на Оршу, по дорогѣ, опустошенной непріятелемъ, а болѣе южнымъ путемъ на Романово, Морозово, Копысь и Борисовъ. Достигнувъ Копыса на Днѣпрѣ, Кутузовъ убѣдился окончательно, что главная армія не въ состояніи догнать французовъ и принять участіе въ рѣшительныхъ событіяхъ на Березинѣ. Остановившись въ виду этого на отдыхъ въ Копысѣ, онъ отрядилъ впередъ подъ начальствомъ Милорадовича два пѣхотныхъ и одинъ кавалерійскій корпусъ, а также четыре казачьихъ полка. Войскамъ этимъ было предписано идти съ

¹⁾ Объ этихъ распоряженіяхъ Кутузова и о движеніяхъ главной арміи вообще, см., кромѣ Богдановича, Беригарди и Попова, также и записки Ермолова.

наивозможною поспѣшностью къ Березинѣ. Милорадовичъ тотчасъ-же переправился черезъ Дняпръ 11 ноября, но и онъ не могъ уже во-время прибыть къ Березинѣ.

Такимъ образомъ, одно изъ важнѣйшихъ условій операціоннаго плана не могло быть исполнено. Армія Кутузова далеко отстала отъ бѣгущаго Наполеона и не могла атаковать его съ тылу въ самый моментъ переправы черезъ Березину. Столь же мало успѣлъ выполнить возложенную на него задачу Витгенштейнъ. Превосходный боевой генералъ, Витгенштейнъ вовсе не былъ великимъ полководцемъ, никогда не въ состояніи былъ отдѣлаться отъ опасенія за свои фланги и сообщенія и не умѣлъ никогда воспользоваться минутою, имѣющей такое страшное значеніе въ войнѣ. Не смотря на взятіе Полоцка, не смотря на свои неоднократные успѣхи надъ войсками Удино и Виктора, Витгенштейнъ не успѣлъ отгѣспить своихъ противниковъ къ Вильнѣ и отрѣзать имъ сообщеніе съ арміею Наполеона. Двигаясь впередъ какъ-бы оцѣпью, опасаясь постоянно быть отрѣзаннымъ отъ Двины и Петербурга, онъ не отважился занять теченіе Улы и вступить въ связь съ Чичаговымъ на правомъ берегу Березины. Statt на пути отступленія французской арміи къ Борисову, на лѣвой сторонѣ Березины, онъ также не отважился, и не безъ основанія, такъ какъ въ случаѣ пораженія, онъ былъ-бы отброшенъ въ непроходимыя Березинскія болота. Избѣгая всѣхъ этихъ рискованныхъ случаевъ, Витгенштейнъ рѣшилъ ограничить свою задачу самыми скромными предѣлами. Въмѣсто того, чтобы отрѣзывать и предупреждать Наполеона, онъ потянулся вслѣдъ за нимъ и тѣснилъ его съ тылу, т. е., другими словами, взялъ на себя ту часть операціоннаго плана, которая возлагалась первоначально на главную нашу армію. Не трудно было предвидѣть, что дѣйствуя такимъ способомъ, Витгенштейнъ можетъ причинить бѣгущему непріятелю значительную потерю, но и только. Задача преградить путь Наполеону и заставить его положить оружіе среди болотъ и лѣсовъ Березины выпала исключительно на Чичагова и его армію. Но обладали ли Чичаговъ достаточными силами для рѣшенія этой задачи,

и, что самое главное, способенъ-ли онъ былъ самъ по себѣ на подобное дѣло? Отъ этихъ двухъ условій зависѣла теперь судьба Наполеона и поработченной имъ Европы.

Чичаговъ ¹⁾ принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ дѣятелей достопамятной Александровской эпохи. По своему воспитанію и по образу мыслей онъ ничѣмъ не отличался отъ великихъ и знатныхъ людей того времени. Подобно имъ, онъ съ самаго ранняго дѣтства привыкъ говорить и думать по-французски. На этомъ изящномъ языкѣ велъ онъ свою корреспонденцію. На немъ-же писалъ онъ свои мемуары, не столько впрочемъ для назиданія и поученія потомства, сколько для собственнаго оправданія и прославленія. По своему образованію Чичаговъ также напоминалъ тѣхъ питомцевъ Екатерининскаго времени, которые обладали самыми разносторонними, хотя и поверхностными свѣдѣніями. Эта черта, находившаяся въ тѣсной связи съ природными талантами и способностями, давала возможность подобнымъ господамъ являться на самыхъ различныхъ поприщахъ, блистать то на дипломатическомъ, то на военномъ, то на административномъ полѣ. Подходя во всѣхъ отношеніяхъ, какъ нельзя болѣе, къ этому извѣстному общему типу, Чичаговъ поражалъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ всѣхъ, имѣвшихъ случай столкнуться съ нимъ, оригинальностью своего характера. Рѣшительность, твердость, независимость образа мыслей казались многимъ, особенно поверхностнымъ наблюдателямъ, основными, рѣдко выдающимися чертами этого человѣка. Были и такіе люди, которымъ Чичаговъ казался олицетвореніемъ рыцарской прямоты и честности. Лишь немногіе бо-

¹⁾ Для характеристики Чичагова, кромѣ его собственныхъ записокъ, донесеній и писемъ, кромѣ различныхъ замѣтокъ современниковъ, особенно важны записки Шишкова. Окончательный приговоръ Шишкова надъ Чичаговымъ, выраженный въ такихъ словахъ: „Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, сынъ адмирала Василія Яковлевича Чичагова, нравомъ и свойствами своими весьма съ отцемъ своимъ различный, надменный мнимыми своими достоинствами, дерзкій на языкъ и ненавидящій отечество свое — Россію“... безъ сомнѣнія слишкомъ рѣзокъ и вызванъ отчасти личными непріязненными отношеніями; но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что онъ подтверждается не только всѣми другими свидѣтельствами, но и собственными словами и дѣяніями Чичагова.

лѣе тонкіе наблюдатели замѣчали, что въ основѣ характера адмирала таились эгоизмъ и грубость, что всѣ его прославленные качества были болѣе кажущіяся и дѣланныя, нежели дѣйствительныя и натуральныя ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, если адмиралу и не доставало тѣхъ самыхъ качествъ, которыми пускалъ онъ пыль въ глаза, за то онъ умѣлъ до совершенства развить въ себѣ внѣшніе признаки этихъ качествъ. Онъ пользовался каждымъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы обнаружить съ наибольшимъ блескомъ свои героическія свойства. Чичаговъ умѣлъ вообще поражать, очаровывать людей, неодаренныхъ твердою волею и непоколебимою силою характера, людей вѣчно ищущихъ опоры внѣ себя, по относящихся въ тоже время съ недоумѣніемъ и подозрительностью ко всѣмъ и каждому. Къ числу такихъ людей отпосился, какъ извѣстно, въ силу своего воспитанія и всей обстановки своей молодости, и императоръ Александръ. Александръ вѣчно и повсюду искалъ себѣ опоры и совѣтниковъ, но его невозможно было подкупить лестью и низкою угодливостью. Онъ могъ довѣриться до извѣстной степени или безусловной тупости, не допускавшей и возможности измѣны или обмана, или совершенно назависимому, гордому образу мыслей. Человѣкъ дѣйствительно твердый, сильный и независимый могъ произвести чарующее вліяніе на императора ²⁾; онъ могъ до извѣстной степени подчинить его себѣ, или пріобрѣсти, по крайней мѣрѣ, его безусловное довѣріе. Чичаговъ изучилъ, какъ видно, хорошо эту основную черту въ характерѣ Александра. Ловкій интриганъ, умѣвшій прибѣгать при случаѣ и къ совершенно инымъ средствамъ, онъ началъ искусно играть на подмѣченной имъ струнѣ. При всякомъ удобномъ случаѣ старался онъ обратить на себя вниманіе государя своимъ независимымъ и неподкупнымъ образомъ мыслей, своею непреклонною твердостью и силою. Этого мало. Онъ старался выражать эти качества въ самой

¹⁾ Такія-же наблюденія дѣлали и всѣ тѣ лица, которыя имѣли несчастье попадать въ близкія отношенія къ адмиралу.

²⁾ Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Штейнъ.

рѣзкой, иногда даже прямо грубой, непозволительной формѣ. Онъ способенъ былъ отвѣчать государю не только прямо, но даже грубо ¹⁾. Онъ отваживался критиковать его дѣйствія въ его-же присутствіи, онъ дѣлалъ дерзкія, насмѣшливыя замѣчанія на его счетъ при немъ-же самомъ. Такія замѣчанія произносились въ полголоса, но притомъ такъ, что не могли оставаться не услышанными государемъ ²⁾. И Чи-

¹⁾ Замѣчательно, что Чичаговъ отваживался отвѣчать рѣзко даже самому Павлу. Вотъ эпизодъ изъ его жизни, передаваемый Шишковымъ: „Одно время Чичаговъ былъ отставленъ отъ службы и жилъ въ деревнѣ. Сія отставка его послѣдовала по нѣкакому неосторожно сказанному имъ слову: во время, когда императоръ Павелъ приготовлялся идти въ Ревель на фрегатѣ Эммануилѣ, сдѣлался было на семь фрегатѣ пожаръ, но тотчасъ потушенъ былъ. Чичаговъ начальствовалъ тогда надъ однимъ изъ идущихъ въ сей походъ кораблей и, въ одинъ день, за большимъ обѣдомъ, при многихъ офицерахъ, когда зашла о семъ рѣчь, усмѣхнувшись, сказалъ: „какъ жаль, что не загорѣлся онъ нѣсколько позже!“ Можетъ быть, хотя и не въ точности, дошло это до государя и было причиною его отставки. Черезъ нѣсколько времени, графъ Куселевъ, управлявшій тогда всею морскою частью, упросилъ императора принять его по прежнему въ службу. Онъ вызванъ былъ изъ деревни и по приѣздѣ его въ Петербургъ, приказано было ему явиться къ государю. Онъ вошелъ къ нему, и когда императоръ сказалъ ему о семъ принятіи, то, вѣсто принесенія благодарности, отвѣчалъ онъ ему, что подъ начальствомъ графа Куселева онъ служить не можетъ, потому что нѣкогда былъ его старше. Государь приведенъ былъ словами сына въ такой гнѣвъ, что приказалъ тутъ-же сорвать съ него мундиръ и посадить въ крѣпость. Сіе непріятное съ нимъ приключеніе послужило ему къ счастью; ибо прославляли замѣченное въ немъ въ сіе время спокойствіе, и наслѣдникъ престола Александръ Павловичъ получалъ о мужествѣ и твердости духа его великое мнѣніе. Черезъ нѣсколько дней графъ Куселевъ увѣрилъ государя о его раскаяніи. Онъ былъ прощенъ, принятъ въ службу и посланъ на корабль въ Англію, гдѣ женился, и вскорѣ потомъ возвратился опять въ Россію“. См. Шишковъ, Записки. Т. II, стр. 66.

²⁾ Въ запискахъ Толя мы находимъ слѣдующій анекдотъ о Чичаговѣ и Александрѣ I-мъ. „Однажды Чичаговъ, бывшій въ то время морскимъ министромъ, отправился вмѣстѣ съ императоромъ на одинъ изъ линейныхъ кораблей, стоявшихъ на Кронштатскомъ рейдѣ. Какъ только императоръ вступилъ на палубу, то согласно обычаю, ударили въ барабанъ и отрядъ морскихъ солдатъ, выстроенный на кварталъ-декѣ, взялъ ружья на караулъ. Императоръ подошелъ къ солдатамъ и приказалъ имъ сдѣлать обычные ружейные приемы. Чичаговъ, стоявшій непосредственно за государемъ, отбросивъ назадъ голову, началъ нетерпѣливо жестиковать руками и сказалъ въ полголоса, но при томъ такъ, что его могли слышать не только императоръ, но и другія присутствующія лица: „Ну вотъ, чѣмъ онъ занимается на кораблѣ“. См. Беригарди, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 335.

чаговъ много выигрывалъ этою своею грубою откровенностью. Какая разница между этимъ прямымъ, честнымъ, безстрашнымъ, хотя и грубымъ человѣкомъ—и этими подобострастными льстецами, которые окружаютъ меня, думалъ императоръ, и располагался все болѣе и болѣе къ Чичагову. Было еще и нѣчто другое въ адмиралѣ, что привлекало и приковывало къ нему государя. Александру казалось, что Чичаговъ былъ такой-же человѣкъ идеи, какъ и онъ самъ, что въ немъ не было той ограниченности горизонта, той специфически русской исключительности, которая поражала его такъ непріятно въ людяхъ Екатерининскаго времени. Онъ видѣлъ, что Чичаговъ способенъ подняться до высоты его гуманнаго космополитизма, что онъ можетъ раздѣлять съ нимъ его человѣколюбивыя мечты, его полонофильскія симпатіи и утопіи. Онъ замѣчалъ, что Чичаговъ вовсе не былъ узкимъ специалистомъ, человѣкомъ ремесла, что онъ способенъ былъ вращаться въ сферѣ высшей политики, преслѣдовать смѣлыя, подѣ часть эксцентричныя комбинаціи. И Александръ ввѣрилъ этому человѣку; онъ оскорблялъ и отталкивалъ, по его навѣтамъ, такихъ дѣйствительно честныхъ и прямыхъ людей, какъ Мордвинова и Шишкова, онъ возвышалъ Чичагова и возлагалъ на него самыя важныя порученія.

Насталъ 1812 годъ. Несчастная война съ Турціею раздражала императора. Онъ желалъ во чтобы-то ни стало окончить ее, превратить турокъ въ нашихъ друзей и союзниковъ, предпринять съ помощью ихъ и англичанъ диверсію въ Иллирію, увлечь за собою южныхъ славянъ, навести страхъ на Австрію и заставить ее разорвать союзъ съ Франціей. Главнокомандующій Дунайской арміи, дѣйствовавшій съ такимъ успѣхомъ противъ турокъ, Кутузовъ не въ состояніи былъ исполнить подобную миссію. Но Чичаговъ ¹⁾, по мнѣнію им-

¹⁾ Чичаговъ въ своихъ запискахъ такимъ образомъ рассказываетъ о диверсіи въ Иллирію и о своемъ назначеніи: 17-го апрѣля адмиралъ былъ позванъ къ государю. Александръ объявилъ ему съ горестію о союзѣ, заключенномъ Австріею съ Наполеономъ и добавилъ, что Пруссія вынуждена будетъ сдѣлать тоже самое. Чичаговъ посовѣтовалъ императору произвести диверсію на фран-

ператора, былъ созданъ для нея. Онъ умѣлъ подняться до высоты воззрѣній Александра, онъ былъ не только воинъ, но и дипломатъ, и притомъ дипломатъ новой школы. Какъ морякъ, онъ могъ лучше кого-либо сойтись съ англичанами и поддержать въ глазахъ ихъ честь русскаго флага. Правда, Чичаговъ никогда не командовалъ сухопутною арміею, но порученіе, возложенное на него, было болѣе дипломатическое, нежели военное. Къ тому-же, чего стоило принаровиться такому способному и разностороннему человѣку, какъ Чичаговъ, къ потребностямъ сухопутной военной службы, выработать изъ себя въ самое короткое время искуснаго генерала?

дузскія владѣнія въ Иллиріи и Далмаціи и воспользоваться для этой цѣли какъ Дунайскою арміею, такъ и тѣми средствами, которыя представляютъ намъ Валахія, Молдавія и Сербія. Государь одобрилъ эту мысль, но замѣтилъ, что миръ съ Турціею не подвигается, что неистовства войскъ нашихъ въ Молдавіи и Валахіи раздражили жителей и что ко всему этому присоединяется безпечность и интрига. „Кромѣ того, продолжалъ онъ, я не думаю, чтобы теперешній главнокомандующій, виновникъ этихъ бѣдствій, былъ способенъ получить результаты, для которыхъ потребны энергія, сила воли и цоспѣшность исполненія“. — „Я полагаю, возразилъ Чичаговъ, что Кутузовъ, дорожа своею славою, употребить всѣ силы, чтобы исполнить желаніе государя“. — „Онъ еще ничего объ эгомъ не знаетъ, отвѣчалъ императоръ, но я, зная его преклонныя лѣта и характеръ, не думаю, чтобы онъ былъ способенъ привести это дѣло къ желаемому концу. Между тѣмъ время проходить, переговоры и первѣшность будутъ имѣть дурное вліяніе на войну“. Чичаговъ началъ совѣтовать императору отправить въ такомъ случаѣ къ Кутузову особое довѣренное лицо, которое было бы снабжено наставленіями, уполномочивающими его устранить всѣ препятствія, и которое по скоромъ возвращеніи могло-бы дать вѣрныя свѣдѣнія, чего можно ожидать отъ главнокомандующаго. Императоръ предложилъ Чичагову принять эту миссію на себя; но адмиралъ возразилъ, что Кутузовъ можетъ подумать, что онъ присланъ наблюдать за нимъ, и предлагалъ послать вмѣсто себя кого-либо изъ флигель-адъютантовъ. Государь отвѣчалъ, что онъ объ этомъ подумаетъ и приказалъ Чичагову явиться на другой день во дворецъ. На другой день государь встрѣтилъ Чичагова такими словами: „Слушайте мое рѣшеніе, оно неизмѣнно: проектъ, о которомъ была рѣчь, очень сложный. Дѣло въ томъ, чтобы порѣшить эти нескончаемые переговоры съ Портою и предложить ей наступательный и оборонительный союзъ,—въ противномъ случаѣ, начать снова военныя дѣйствія и принудить ее согласиться на это немедленно, угрожать черноморскимъ флотомъ, который и будетъ дѣйствовать, когда потребуетъ надобность, стараться также возбуждать грековъ и всѣ населенія, которыя находятся подъ гнетомъ Порты и которыя привязаны къ намъ какъ единствомъ вѣроисповѣданія, такъ и старинными преданіями, произвести диверсію въ Далмаціи, сухимъ путемъ или моремъ, смотря по уступкамъ, которыя получатся

Назначеніе Чичагова состоялось ¹⁾. Онъ поспѣшилъ къ Дунайской арміи, полный самыхъ фантастическихъ надеждъ и проектовъ на счетъ подчиненія Турціи русскому вліянію, увлеченія славянъ, разгрома Австріи, нанесенія рѣшительнаго удара французамъ на Адриатическомъ побережьи. Но мечтамъ и фантазіямъ не суждено было сбыться. Александръ вскорѣ убѣдился, что Россія не можетъ обойтись въ борьбѣ съ Наполеономъ безъ содѣйствія Дунайской арміи. Волею или неволею, а приходилось отозвать Чичагова съ Дуная, отдать ему приказъ спѣшить, какъ можно скорѣе, къ берегамъ Днѣпра. Чичаговъ принужденъ былъ разумѣется, повиноваться, но дѣлалъ это крайне неохотно. Подъ разными предлогами задерживалъ онъ свою армію на Дунаѣ. Главнѣйшій изъ этихъ предлоговъ былъ тотъ, что порта уклонялась отъ торжественнаго обнародованія мирнаго договора, заключеннаго съ Россіею. Виновникомъ этого уклоненія былъ, впрочемъ, никто иной, какъ самъ адмиралъ. Онъ не только настоятельно требовалъ отъ Порты заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза съ Россіею, но и отправилъ

мирнымъ договоромъ съ Турціею. Тогда нужно будетъ взойти въ сношеніе съ англичанами, которые стоятъ на Адриатическомъ морѣ и условиться съ ними, какую помощь съ своей стороны они могутъ намъ дать. Наконецъ необходимо устроить и поддержать управленіе въ Молдавіи и Валахіи. Я избираю васъ для приведенія въ дѣйствіе этого плана. Я набросалъ мысли свои на бумагу. Вы составите по нимъ инструкцію и подадите мнѣ завтра для подписи. Помогъ немедленно отправитесь къ своему назначенію“.

Инструкція была, впрочемъ, составлена самимъ государемъ. „Редакція оной, замѣчаетъ Чичаговъ, была такъ ясна, что мнѣ оставалось только переписать ее на-бѣло“. Инструкція заключала въ себѣ подробное развитіе всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя высказаны были императоромъ въ разговорѣ съ Чичаговымъ. См. Записки адмирала Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 1522—1530.

¹⁾ Назначеніе Чичагова произошло въ большой тайнѣ и вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, всеобщее изумленіе. „Въ одинъ день, рассказываетъ Шишковъ, позваны были мы (я и Балашовъ) къ Румянцову обѣдать. Тутъ нашли мы пробѣжавшаго, случайно, черезъ Вильну шведскаго генерала, который между прочими разговорами сказалъ намъ: „какая необычайность, что морскому адмиралу Чичагову поручено начальство надъ сухопутными войсками“. При сихъ словахъ вытаращили мы съ Балашовымъ другъ на друга глаза: тутъ только, отъ сего пробѣжаго иностранца, узнали мы, окружающіе государя, о семъ какъ-бы тайно сдѣланномъ и дѣйствительно необыкновенномъ обстоятельствѣ“. См. Записки Шишкова. Т. I, стр. 126.

отрядъ войска въ Сербію и составлялъ вооруженное ополченіе изъ молдаванъ и валаховъ ¹⁾. Въ своихъ письмахъ къ императору Чичаговъ высказывалъ опасенія, что Порта, подстрекаемая французскимъ посломъ Андреосси, можетъ разорвать только что подписанный Бухарестскій трактатъ, и, что всего изумительнѣе, онъ относился къ этой грозной возможности самымъ легкомысленнымъ образомъ. „Въ такомъ случаѣ, писалъ онъ императору, я долженъ прибѣгнуть къ одному изъ двухъ способовъ дѣйствія. Если я получу извѣстіе, что присутствіе этой арміи необходимо за Днѣпромъ, и пойду впередъ, не заботясь пока о томъ, что станетъ съ областями, оставляемыми нами туркамъ, сохранивъ только нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ, какъ Измаиль—Бендеры, которыя могутъ защищаться. Но если я узнаю, подвигаясь къ Днѣстру, что дѣла наши на сѣверѣ идутъ хорошо, то я возвращусь назадъ и буду продолжать войну самымъ рѣшительнымъ образомъ. Однако-же, мало вѣроятности, чтобы могъ послѣдовать разрывъ; впрочемъ, времени еще довольно для того, чтобы я могъ получить наставленія Вашего Величества, если сочтете нужнымъ сообщить мнѣ оныя“ ²⁾.

Чичаговъ скорбѣлъ о той великой возможности, которую опускала изъ рукъ Россія. Какъ? Всѣ славянскія племена, угнетаемыя турками, готовы были возстать и слѣдовать за

¹⁾ Всѣ эти обстоятельства не имѣли, впрочемъ, по мнѣнію Чичагова, никакого значенія. „Указаніе на то, писалъ онъ императору, что часть нашихъ войскъ вошла въ Сербію и что я предполагалъ сдѣлать вооруженія въ Молдавіи и Валахіи, могло-бы оправдать эти замедленія со стороны Порты, если-бы въ свое время я не сообщилъ удовлетворительныхъ объясненій ея уполномоченнымъ въ Бухарестѣ. Посылка небольшого отряда войскъ въ Сербію была вызвана разбоями турокъ-бродягъ, которые они позволили себѣ производить въ Сербіи, находившейся тогда подъ нашей охраною, такъ какъ миръ не былъ еще утвержденъ. Вооруженіе же княжествъ ограничивалось только сборомъ тѣхъ войскъ, которыя нѣсколько разъ созывали и распускали мои предшественники. Что-же касается до гражданской гвардіи, то должны были составиться списки, по которымъ она была-бы созвана лишь въ томъ случаѣ, когда-бы состоялся союзъ съ Портою“. См. „Русская Старина“, письмо Чичагова въ статьѣ Попова, 1877 г. стр. 37.

²⁾ Письмо Чичагова императору Александру, см. „Русская Старина“ 1877 г. стр. 36.

нимъ; онъ, одинъ адмиралъ, добился до этого великаго результата, онъ могъ свободно разгромить Турцію, обуздать Австрію, уничтожить владычество Наполеона въ Иллиріи и Италіи,—и ему предписываютъ вдругъ постыдно бросить начатое великое дѣло, обмануть надежды сербовъ и другихъ христіанъ и спѣшить въ глубину Россіи!

„Какое несчастіе, Государь, восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, обмануть подобное ожиданіе. Я еще въ Фокшанахъ, а могъ-бы быть уже подъ Константинополемъ. Наслѣдный принцъ Шведскій не совѣстился черезъ Копенгагенъ идти въ Любекъ или Стральзундъ, отчего же намъ черезъ Константинополь не пройти въ Далмацію или Италію? Всенижайше прошу Ваше Величество простить мнѣ; по сердцу мое обливается кровью, когда я подумаю объ этомъ опущенномъ случаѣ, который, можетъ быть, никогда и не повторится“ ¹⁾.

Адмиралу пришлось, однако, повиноваться суровой необходимости. Едва только начали войска наши выходить изъ княжествъ, какъ Порта поспѣшила обнародовать мирный договоръ. Послѣдній предлогъ къ замедленію похода въ Россію былъ устраненъ,—и Чичагову пришлось разъ навсегда распрощаться съ своими утопическими планами. Но въ за-

¹⁾ Письмо Чичагова къ императору изъ Фокшанъ отъ 6 августа 1812 года. Въ этомъ же письмѣ мы встрѣчаемъ еще слѣдующія характерныя мѣста: „Мнѣ стоило страшныхъ усилій успокоить бѣдныхъ сербовъ (нужно замѣтить, что самъ Чичаговъ взволновалъ ихъ своими обещаніями); это, по истинѣ, одинъ изъ лучшихъ народовъ, которые мнѣ удавалось встрѣчать, они готовы умереть за свою независимость; ихъ ненависть къ туркамъ неукротима. Ихъ вождь (Георгій Черный) выказалъ въ этомъ случаѣ всю силу своего характера. Онъ дѣйствовалъ совершенно согласно съ нашими видами; онъ произнесъ рѣчь народу, чтобы успокоить его волненіе. Они провожаютъ наши войска, оставляющія Сербію, со слезами и съ изъявленіями истинно братскихъ чувствъ. Снабжаютъ ихъ подводами, припасами и виномъ. Они упрекаютъ ихъ единственно въ томъ, что мы не беремъ нѣсколькихъ тысячъ изъ нихъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ противъ французовъ, какъ я ихъ прежде обнадеживалъ. Этотъ народъ для насъ сокровище, Государь! Не упущу и не пренебрегу никакими средствами, чтобы поддержать это благородное и драгоцѣнное расположеніе. Они не называютъ васъ иначе какъ: „нашъ императоръ Александръ“. Нельзя не признаться, Государь, что все благоприятствовало нашему первоначальному плану! Даже большая часть жителей Босніи готовы были поднять оружіе за насъ“...

мѣнь ихъ у этого моряка-дипломата не замедлили явиться другія, не менѣе возвышенныя комбинаціи. Если онъ долженъ былъ отказаться отъ освобожденія славянъ Балканскихъ, то ему представлялся теперь превосходный случай освободить поляковъ. Чичаговъ былъ посвященъ въ польскіе планы императора Александра; онъ давалъ видъ, что сочувствуетъ имъ вполне; онъ полагалъ, что именно теперь настало время для ихъ осуществленія. Недостаточно было, по его мнѣнію, разбить Наполеона и уничтожить его армію, надо было лишить его польскихъ симпатій и увѣнчать побѣду военную побѣдою нравственною. „Въ случаѣ соединенія моей арміи съ арміею генерала Тормасова, писалъ онъ Государю изъ Яссы, при моемъ движеніи къ герцогству Варшавскому всепокорнѣйше прошу Ваше Величество снабдить меня наставленіями какъ въ отношеніи къ направленію арміи, такъ и предложеній, которыя я могъ-бы сдѣлать полякамъ, которымъ необходимо дать обѣщанія, равносильныя тѣмъ, какія даетъ имъ Наполеонъ. Безъ такого средства однихъ сраженій, вѣроятно, не приведутъ ни къ какимъ послѣдствіямъ. Я думаю, что было-бы хорошо объявить имъ, что Вы намѣрены обезпечить имъ достойное политическое существованіе, дѣйствительное и гораздо болѣе выгодное, нежели то, которое предлагаетъ имъ человекъ, уловившій на эту удочку уже столько народовъ; что вы не имѣете намѣренія создать такое королевство, которое было-бы только провинціею подъ начальствомъ префекта, но сами себя желаете провозгласить конституціоннымъ польскимъ королемъ, и что ихъ независимость будетъ неприкосновенна. Наконецъ, Государь, если не это, то во всякомъ случаѣ что-нибудь другое мы должны имъ обѣщать, иначе и нѣсколько выигранныхъ сраженій не далеко насъ подвинутъ. Никому не извѣстно лучше Васъ, что въ наше время побѣды велики и полезны лишь по ихъ послѣдствіямъ“ ¹⁾.

¹⁾ Письмо изъ Бухареста отъ 22 іюня 1812 г. Изъ этого письма оказывается, что Чичаговъ одновременно собирался освобождать и Балканскихъ славянъ и поляковъ. И все это на-канунѣ катастрофы, грозившей самому существованію Россіи!

Придавая такое громадное значеніе полякамъ и ихъ симпатіямъ, Чичаговъ,—человѣкъ, по словамъ Шишкова, надменный мнимыми своими достоинствами, дерзкій на языкъ и ненавидившій отечество свое, Россію,—съ презрѣніемъ отзывался о русскихъ и ихъ патріотическихъ усиліяхъ, осмѣливался даже забрасывать въ душу государя, и притомъ въ такую тяжелую минуту, подозрѣнія на счетъ вѣрнѣйшихъ его подданныхъ. Узнавъ отъ самого императора о формированіи народнаго ополченія, объ одушевленіи, охватившемъ русскій народъ, Чичаговъ писалъ императору, что организуемая имъ народная война навѣрное погубитъ Наполеона, но въ тоже самое время онъ доказывалъ императору, что русскіе ополченцы никуда не годны, что лучше размѣститъ ихъ по регулярнымъ войскамъ, что неопытность и надменность русскаго дворянства могутъ завлечь его въ какое-нибудь отважное и даже пагубное предпріятіе, что, наконецъ, въ Россіи не бываетъ недостатка въ рвеніи, но за то очень часто въ умѣннѣ ¹⁾.

Вообще надменность и самомиѣніе Чичагова возросли не-

¹⁾ „Опытъ показалъ, что Наполеонъ постоянно торжествовалъ во всѣхъ войнахъ кабинетовъ и совѣтовъ и терпѣлъ неудачи во всѣхъ войнахъ народныхъ; начиная съ Англіи до Италіи, отъ Египта до с. Доминго онъ былъ всегда побѣждаемъ“... „Мнѣ неизвѣстно, какое угодно Вашему Величеству сдѣлать употребленіе изъ новыхъ наборовъ (т. е. ополченій) внутри имперіи; но если мнѣ будетъ позволено выразить мое мнѣніе, то мнѣ кажется, что отъ отдѣльной службы этихъ войскъ можно ожидать немного полезнаго, въ виду затрудненія найти офицеровъ для командованія ими. Я полагаю, что если-бы Вашему Величеству угодно было употребить ихъ единственно для пополненія армій, то это было-бы весьма полезно и арміи наши сдѣлались-бы неистощимы. Физическая сила безъ нравственной ничтожна, она служитъ даже помѣхою; нравственная же сила у насъ весьма ограничена, а между тѣмъ съ нею-то и надо соединять физическую. Если-бы французы, нападая на насъ, встрѣтили, къ несчастію, такое войско, они-бы разсѣяли его какъ простую вооруженную толпу, привели-бы въ смущеніе и отчаяніе народъ и могли-бы произвести всеобщее уныніе. Если-бы напротивъ слить ихъ съ войсками, то это были-бы тѣже регулярныя войска, которыя ослабить непріятель былъ-бы лишенъ средствъ. Эта мысль меня поразила и я, какъ вѣрноподанный, счелъ долгомъ повергнуть ее на усмотрѣніе Вашего Величества. Я все опасаюсь, чтобы неопытность и надменность нашего дворянства не вовлекли его въ какое-нибудь отважное и даже пагубное предпріятіе. Въ рвеніи у насъ не бываетъ недостатка, а въ умѣннѣ весьма часто“. Письмо изъ Фокшанъ отъ 6 августа 1812 года.

помѣрно съ тѣхъ поръ, какъ его сдѣлали начальникомъ самостоятельной арміи и посвятили въ тайны высшей политики. Если уже и прежде онъ считалъ себя великимъ и всезнающимъ человѣкомъ, позволилъ себѣ критиковать всѣхъ и глумиться надъ всѣмъ, то теперь, пробывши нѣсколько недѣль главнокомандующимъ Дунайской арміи, онъ вдругъ началъ считать себя великимъ полководцемъ. Съ необыкновеннымъ тщаніемъ принялся изучать онъ военный регламентъ, всѣ тонкости, ухищренія военныхъ упражненій, всѣ внѣшности и мелочи военного строя. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ онъ достигъ дѣйствительно, въ короткое время, до высокой степени совершенства. Онъ поражалъ своими свѣдѣніями не только генераловъ и офицеровъ, но даже и унтеръ-офицеровъ. Зато въ сферѣ высшаго военного искусства онъ остался полнѣйшимъ невѣждою. Онъ не имѣлъ никакого понятія объ основныхъ приемахъ стратегіи, объ употребленіи войскъ на полѣ битвы; во всемъ этомъ онъ полагался безусловно на своего начальника штаба, генерала Сабанѣва, не отличавшагося также глубиною своихъ стратегическихъ познаній ¹⁾.

Какъ всѣ невѣжды вообще, Чичаговъ относился съ-высока къ другимъ. Онъ не только критиковалъ своихъ подчиненныхъ генераловъ, называя ихъ въ письмахъ къ государю плохими и неспособными ²⁾, но отваживался произносить подобныя-же приговоры и надъ главнокомандующими другихъ армій. Онъ не осмѣлился порицать общаго плана военныхъ дѣйствій, такъ какъ онъ былъ одобренъ самимъ им-

¹⁾ „In allem, was die Einrichtung und Gliederung des Heeres betrifft, in dem Exerzier-Reglament und dem kleinen Dienst,—kurz in dem sogenannten Kamaschendienst zeigte er sich in dem Grade bewandert, dass er die Generale und, vielleicht, sogar die Unter-officiere in Erstaunen setzte. In Beziehung auf die grossen Züge der Kriegführung dagegen und die Verwendung der Truppen auf dem Schlachtfelde scheint er es nicht zu ganzen klaren und festen Vorstellungen gebracht zu haben, und trotz aller Festigkeit und Selbstständigkeit des Charakters liess er sich,—vielleicht durch den Mangel einer eigenen Ansicht gezwungen,—von seinem Chef des Generalstabs, dem General Sabaneyew leiten auf dessen Rechnung die Fehler, die er beging, grossen Theils zu setzen sind“. Bergardi, Tol's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 336.

²⁾ См. въ особенности письмо Чичагова изъ Бреста отъ 9-го октября 1812 года „Русская Старина“ 1877 года.

ператоромъ, но онъ высказывалъ убѣжденіе, что планъ этотъ не будетъ исполненъ, благодаря неспособности и неумѣлости главнокомандующихъ. „Въ дѣлахъ у насъ существуетъ какой-то обратный и печальный характеръ“, писалъ онъ императору. „Какъ-бы велика, прекрасна и совершенна ни была первоначальная мысль начальника, переходя черезъ головы подчиненныхъ, она измѣняется, искажается и дѣлается дурною или, по крайней мѣрѣ, ничтожною, тогда какъ въ другихъ странахъ первоначальная мысль, сколько-нибудь полезная и свѣтлая, пріобрѣтаетъ полное совершенство въ подробностяхъ, насколько это возможно, проходя черезъ разныя инстанціи, и производитъ наилучшее дѣйствіе. Я это вижу въ маломъ видѣ, а Ваше Величество испытываете въ большомъ, что однако-же очень прискорбно“ ¹⁾.

У Чичагова было, впрочемъ, наготовѣ средство помочь этому горю и выйти самымъ простымъ способомъ изъ всѣхъ затрудненій. Стоило лишь назначить его, адмирала, пачальникомъ всѣхъ армій и успѣхъ плана, составленнаго въ Петербургѣ, былъ-бы обезпеченъ ²⁾. Александръ былъ, повидимому, не прочь исполнить въ извѣстныхъ предѣлахъ желаніе своего любимца. Третья армія, дѣйствовавшая на Волыни противъ Шварценберга, была подчинена Чичагову, самъ Тормасовъ отозванъ былъ въ главную квартиру Кутузова. Силы Чичагова возрасли теперь до 60,000 человекъ, но что-же сдѣлалъ онъ съ этими силами? Адмиралъ думалъ сначала разбить Шварценберга, вогнать его въ предѣлы гер-

¹⁾ Письмо Чичагова отъ 22-го сентября 1812 года. „Русская Старина“ 1877 года, сентябрь, стр. 55.

²⁾ Преслѣдуя эту цѣль и стараясь особенно очернить генерала Тормасова, Чичаговъ осмѣливался увѣрять въ то же время государя въ своемъ полномъ безкорыстіи и отсутствіи честолюбія. „Я не честолюбивъ, Государь, писалъ онъ, но въ настоящую минуту долженъ высказать вамъ сущую правду, хотя можетъ показаться, что я чего-нибудь добиваюсь. Если мои соображенія справедливы, если Ваше Величество считаете меня способнымъ служить вамъ лучше другихъ, то я готовъ. Если-же другой можетъ сдѣлать лучше, я удалюсь довольный, подобно тому афинянину, который былъ счастливъ, что нашлось столько людей между его соотечественниками, которые были достойнѣе его“. Письмо изъ Яссы отъ 18-го августа 1812 года. „Русская Старина“ 1877 года, стр. 46.

цогства Варшавскаго, а затѣмъ, обезпечивъ свой тылъ, обратиться къ Минску и Борисову на встрѣчу отступающему Наполеону. Австрійскій главнокомандующій, располагавшій всего лишь 30,000 войска, уклонился, однако-же, отъ сраженія съ Чичаговымъ, перешелъ на лѣвую сторону Буга и занялъ позиціи между рѣчками Мухавцомъ и Лесною; Чичаговъ занялъ Брестъ-Литовскъ и отрядилъ нѣсколько легкихъ отрядовъ въ предѣлы герцогства Варшавскаго. Появленіе этихъ отрядовъ навело паническій страхъ на поляковъ, изъ самой Варшавы все спѣшило спастись бѣгствомъ. Русскіе партизаны разорили множество магазиновъ и отправили массу провіанта къ арміи Чичагова ¹⁾. Адмиралъ между тѣмъ съ каждымъ днемъ разочаровывался все болѣе и болѣе въ своихъ надеждахъ на поляковъ. Повсюду населеніе бѣжало при приближеніи нашихъ войскъ. Въ городахъ оставались одни евреи; они одни съ расположеніемъ встрѣчали русскихъ. „Что-же касается, доносилъ адмиралъ государю, до поляковъ, то одни изъ нихъ держатъ себя совершенно пассивно, другіе противъ насъ; но время и обѣщанія, можетъ быть, измѣнятъ ихъ. Я постараюсь вслѣдствіи успѣть въ этомъ. Необходимо надо заставить ихъ перемѣнить покровителя, что послужитъ для ихъ же пользы. Конечно, нельзя бороться съ ихъ принципомъ, онъ справедливъ, но они дурно за него берутся. Вотъ все, что имъ надо объяснить“ ²⁾.

¹⁾ Наши отряды, доносили адмиралъ государю, доходили почти до стѣнъ Варшавы. Одинъ Чернышевъ разорилъ множество магазиновъ, къ намъ ежедневно прибываетъ много фуража и продовольствія“. „При появленіи Чернышева въ герцогствѣ, писалъ французскій посланникъ de Pradt, въ Варшавѣ произошло чрезвычайное смѣтеніе. Всѣ готовились къ отъѣзду и лишь отворили ворота города, всѣ семейства хорошаго общества исчезли и я уже не встрѣтилъ ихъ болѣе“. Оба свидѣтельства въ статьѣ А. Н. Попова, „Русская Старина“ за 1877 г.

²⁾ Письмо Чичагова изъ Бреста отъ 9-го октября. Впослѣдствіи, въ своихъ запискахъ адмиралъ старался убѣдить свѣтъ, что онъ успѣлъ повліять на поляковъ силою своего краснорѣчія. „Я составилъ, говоритъ онъ, воззваніе къ полякамъ съ цѣлію возбудить въ нихъ недовѣріе къ Наполеону и надежду на императора Александра. Оно убѣдило ихъ и съ того времени они выражали большую готовность исполнять всѣ наши требованія и подвергнуться реквизи-

У адмирала не было, однако-же, на этотъ разъ времени заниматься политическою педагогіею и объяснять полякамъ правильные способы примѣненія ихъ легитимнаго принципа. Ему надо было спѣшить къ Слониму и Минску, а оттуда къ Борису на встрѣчу Наполеону. Но какъ оставить въ тылу у себя Шварценберга и Ренъе, другими словами—50000 непріятелей? Чичаговъ думалъ сначала, что для сдержанія этихъ противниковъ достаточно будетъ одной небольшой части его арміи. Онъ выдвинулъ противъ непріятеля отрядъ Эссена, но отрядъ этотъ былъ разбитъ Шварценбергомъ. Тогда Чичаговъ, не имѣя возможности оставаться далѣе подъ Брестомъ, выступилъ къ Слониму, оставивъ противъ Шварценберга уже болѣе значительную часть своей арміи, около 27000 человекъ подъ начальствомъ генерала Сакена. Сакенъ выполнилъ какъ нельзя лучше возложенное на него порученіе. Благодаря его смѣлымъ и искуснымъ дѣйствіямъ, Шварценбергъ не въ состояніи былъ слѣдовать за Чичаговымъ и предупредить его въ Слонимѣ и Минскѣ. Адмиралъ имѣлъ возможность безпрепятственно подвигаться впередъ, но вмѣсто прежнихъ грозныхъ силъ онъ располагалъ теперь всего лишь 32000 человекъ. Подойдя къ Минску, Чичаговъ имѣлъ полную возможность убѣдиться и въ польскихъ симпатіяхъ, и въ дѣйствительной силѣ и значеніи польскаго элемента. Поляки повсемѣстно бѣжали отъ русскихъ, какъ отъ чумы. Вездѣ видѣлись слѣды грабежей и неистовствъ, произведенныхъ французами. По дорогамъ стояли висѣлицы, на нѣкоторыхъ изъ нихъ качались трупы людей, казненныхъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ или измѣнѣ¹⁾. Появленіе русскихъ въ этомъ краѣ страшно ошеломило поляковъ. Они вѣрили въ непобѣдимость Наполеона, они воображали, что покончили уже навсегда свои счеты съ Россіею. Самоувѣренные и лег-

ція". „Русская Старина“ 1877 года, стр. 58. Въ свое время Чичаговъ ничего не доносилъ государю о своихъ нравственныхъ побѣдахъ надъ поляками.

¹⁾ „Наполеонъ оставилъ имъ также слѣды того просвѣщенія, которое онъ принесъ: я нашелъ дорогу, обставленную висѣлицами, одного повѣшеннаго и до 20 крѣпковъ, готовыхъ принять новыя жертвы“. Письмо Чичагова изъ Москвы отъ 7-го ноября.

комысленные, какъ всегда, они были захвачены въ располхъ и не успѣли принять никакихъ мѣръ для защиты Минска. Въ городѣ было всего 7000 гарнизона, по большей части поляки. 5000 изъ нихъ выступили на встрѣчу русскимъ, но были разбиты на-голову графомъ Ламбертомъ, начальникомъ авангарда Дунайской арміи. Послѣ этого удара, губернатору Минска, Брониковскому и генералу Домбровскому не оставалось ничего болѣе, какъ бѣжать изъ Минска. Еще наканунѣ они заявили самыя геройскія намѣренія, восклицали, что погибнуть, служа всегда славно императору, что таковъ ихъ жребій; а затѣмъ, при приближеніи русскаго авангарда, улизнули такъ поспѣшно, что не успѣли даже уничтожить припасовъ. Припасовъ было такъ много, что ихъ должно было хватить на цѣлый мѣсяцъ для продовольствованія всей Дунайской арміи. Найдено было также громадное количество пороху, по большей части годнаго къ употребленію. Минскіе госпитали представляли самое ужасное зрѣлище. Въ нихъ валялось болѣе 2000 больныхъ и раненыхъ, оставленныхъ безъ всякаго попеченія. Живые и мертвые лежали въ перемежку, нерѣдко наваленные другъ на друга. Чичагова увѣряли, что госпитали находятся въ такомъ состояніи уже со дня прибытія непріятеля. Жестокость и небрежность французовъ являлись тутъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ, но все это не въ состояніи было измѣнить польскихъ симпатій. „Несмотря ни на что, писалъ Чичаговъ, поляки все еще любятъ Наполеона. Легкомысленные, или увлеченные, или невѣжественные, они полагаютъ, что служатъ собственному своему дѣлу, между тѣмъ какъ они только способствуютъ злокозненнымъ планамъ своего тирана, который скоро перестанетъ быть тираномъ цѣлаго міра“ ¹⁾).

Вразумлять поляковъ было, однако-же, некогда. Надо было спѣшить къ Березинѣ, куда, по всѣмъ извѣстіямъ, подвигались форсированными маршами остатки великой арміи. Въ какомъ положеніи находились эти обломки еще недавно столь

¹⁾ Всѣ эти подробности о Минскѣ см. въ письмѣ Чичагова отъ 7-го ноября. „Русская Старина“ 1877 г., статья А. Н. Попова.

грозной военной силы, на этот счет Чичаговъ не имѣлъ выполнѣ ясныхъ представленій. Изъ писемъ Кутузова и другихъ частныхъ извѣстій можно было вывести заключеніе, что непріятельская армія, какъ сила организованная, не существуетъ болѣе, что она разбилась на мелкія безпорядочныя толпы бѣглецовъ, заботящихся лишь о сохраненіи своей жалкой жизни ¹⁾. Ходили, однако-же, и иного рода слухи, дѣятельно распространяемые французами и ихъ сторонниками, поляками. По этимъ слухамъ выходило, что Наполеонъ ведетъ съ собою все еще весьма значительныя силы, отъ 70000 до 100000 человекъ, что онъ вовсе не думаетъ о бѣгствѣ изъ предѣловъ Россіи, а намѣренъ устроиться на зимнихъ квартирахъ въ Бѣлороссіи. Въ виду такихъ противорѣчивыхъ извѣстій Чичаговъ, при всей своей самоувѣренности и наглости, не отличавшійся особенною проницательностью, впадаетъ въ странныя противорѣчія и колебанія. По временамъ ему кажется, что онъ долженъ заботиться не объ истребленіи непріятельской арміи, а единственно о поимкѣ самого Наполеона. Великій императоръ, разсуждаетъ онъ совершенно серьезно, вѣроятно, пробирается тайкомъ къ границѣ вмѣстѣ съ другими бродягами и мародерами, переодѣтый, быть можетъ, въ какія-нибудь лохмотья. Необходимо во что-бы то ни стало изловить его. И вотъ Чичаговъ распространяетъ между своими войсками описаніе примѣтъ „сего человека“, Онъ отдаетъ приказъ обращать особенное вниманіе на всѣхъ маленькихъ, коренастыхъ, чернявыхъ людей, и препровождать всѣхъ плѣнныхъ съ такими примѣтами лично къ нему, адмиралу ²⁾.

¹⁾ Письма кн. Кутузова не могли впрочемъ дать адмиралу право составить подобное мнѣніе. Въ нихъ говорилось, правда, много о страшныхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на французовъ, но нигдѣ не утверждалось прямо, что великая армія уже не существуетъ.

²⁾ См. Беригарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*, т. II, стр. 337, гдѣ разсказывается этотъ анекдотъ, впрочемъ, безъ обозначенія источника. Мы рѣшили помѣстить его въ текстъ лишь потому, что онъ соотвѣтствуетъ какъ нельзя болѣе характеру Чичагова, и, быть можетъ, объясняетъ его первоначальную безпечность по прибытіи къ Березинѣ.

Издавая такія комическія предписанія, Чичаговъ вскорѣ впадалъ въ противоположныя крайности. Ему вдругъ начинало казаться, что непріятельская армія не только еще существуетъ, но и превосходитъ въ нѣсколько разъ его собственныя силы. Тревожныя соображенія, что Витгенштейнъ и Кутузовъ не подоспѣютъ во время къ Березинѣ, также не давали ему покоя. Онъ начиналъ хлопотать объ увеличеніи своихъ собственныхъ силъ, наставлялъ, чтобы корпусъ генерала Эртеля, состоявшій изъ 15,000 резервныхъ войскъ и стоявшій въ Мозырѣ, немедленно-же присоединился къ нему. Эртель былъ подчиненъ командѣ адмирала, но не спѣшилъ исполнить его приказовъ и вовсе не явился къ Березинѣ. Впослѣдствіи онъ сваливалъ всю вину на конскій падежъ, помѣшавшій ему идти впередъ. Оправданіе, по истинѣ, безпримѣрное въ исторіи всѣхъ войскъ! замѣчаетъ одинъ извѣстный военный писатель ¹⁾.

Волнуемый всѣми этими обстоятельствами, Чичаговъ подвигался впередъ къ Борисову. Впереди шелъ лучшій изъ генераловъ Дунайской арміи, графъ Ламбертъ. Въ Борисовѣ собрались значительныя непріятельскія силы; сюда прибыли между прочимъ генералъ Домбровскийъ и бывшій Минскій губернаторъ, Брониковскій съ остатками своихъ войскъ. Домбровскийъ, пришедшій позднѣе другихъ (ночью на 9 ноября), увѣрилъ своихъ товарищей, что русскіе далеко отстали отъ него, что отряды, оставленные имъ позади, наблюдаютъ за всѣми ихъ движеніями, и что опасаться скорого, внезапнаго нападенія нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Легкомысленные поляки, распорядившіеся въ Борисовѣ, охотно повѣрили его увѣреніямъ. Войска расположились бивуаками вокругъ огня и предались отдыху. Только одинъ командиръ 1-го линейнаго полка, полковникъ Малаховскій, старый ветеранъ, не повѣрилъ безусловно словамъ Домбровскаго. Онъ чувалъ что-то недоброе и около полупочи приказалъ своимъ солдатамъ стать подъ ружье. Мертвая тишина царила вокругъ Борисова, когда войска графа Ламберта подошли къ мостовому

¹⁾ Беригарди, Записки Толя. Т. II, стр. 336.

укрѣпленію и внезапно ударили на непріятеля ¹⁾. Польско-французскія войска, захваченныя въ распλοхъ, пытались защищаться, но тщетно. Русскіе завладѣли вскорѣ всѣми непріятельскими редутами и совершенно разсѣяли войска Домбровскаго. 2000 человекъ было убито и ранено, значительное количество взято въ плѣнъ, самъ Домбровскій съ остатками своего отряда едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Орелъ и семь орудій достались въ добычу побѣдителямъ ²⁾.

Этотъ блестящій успѣхъ, купленный, впрочемъ довольно дорогою цѣною (генераль Ламбертъ былъ раненъ пулею въ ногу на вылетъ и принужденъ оставить начальство надъ авангардомъ), вскружилъ окончательно голову адмиралу. Ему вообразилось, что ему остается теперь пожинать лишь одни лавры. Въ Борисовѣ онъ узналъ положительно, что армія Наполеона находится лишь въ разстояніи одного перехода отъ Березины, но онъ не придалъ этому обстоятельству ни малѣйшаго значенія ³⁾. Въмѣсто того, чтобы укрѣпиться на правомъ берегу Березины и приготовиться защищать переправу всѣми силами, онъ перевелъ большую часть своихъ войскъ и всѣ свои обозы на лѣвый берегъ рѣки въ г. Борисовъ и переселился туда самъ съ своею главною квартирою. Расположившись тутъ со всѣми удобствами, распаковавъ свою канцелярію и кухню и, заказавъ роскошный обѣдъ своимъ поварамъ, адмиралъ принялъ въ тоже время надлежащія мѣры для уничтоженія приближающагося Наполеона ⁴⁾. Для

¹⁾ Сраженіе происходило на западномъ берегу Березины; на противоположномъ берегу, за мостомъ, находился Борисовъ.

²⁾ Подробности боя см. у Солтыкова, Napoleon en 1812, а также въ письмахъ Чичагова и военномъ журналѣ Дунайской арміи.

³⁾ Въ домѣ, который занималъ Брониковскій, найдены были два письма къ нему изъ главной квартиры Наполеона. Въ нихъ извѣщалось, что главная квартира расположится 9-го ноября въ Бобрѣ, а 10-го прибудетъ въ Борисовъ. Чичаговъ читалъ самъ эти письма, по свидѣтельству генерала Ламберта, и тѣмъ не менѣе, вопреки совѣтамъ всѣхъ своихъ генераловъ не переходитъ въ городъ, онъ перевелъ туда свою главную квартиру, часть войскъ и большіе обозы. См. „Русская Старина“ 1877 г., статья Попова.

⁴⁾ Въ своихъ запискахъ адмиралъ старался доказать, что переходъ на лѣвый берегъ рѣки совершенъ былъ самовольно генераломъ Ланжерономъ, что онъ, адмиралъ, спѣшилъ исправить эту ошибку, но что приказы его исполня-

этой цѣли онъ послалъ впередъ по Оршинской дорогѣ свой авангардъ подъ начальствомъ графа Палена. На этотъ-то авангардъ, состоявшій всего лишь изъ 2,800 человекъ, по преимуществу конныхъ, возложено было столь легкое, по мнѣнію Чичагова, дѣло, какъ истребленіе послѣднихъ остатковъ великой арміи и поимки самого Наполеона.

Между тѣмъ войска Наполеона поспѣшно подвигались къ Борисову, гонимые страхомъ, волнуемые попеременно то надеждою, то отчаяніемъ. Отступленіе совершалось въ такомъ-же порядкѣ, какъ и прежде, съ тою лишь разницею, что вмѣсто Нея начальство надъ арьергардомъ принялъ вновь Даву ¹⁾. Погода стояла все это время довольно теплая, но безпорядокъ и неразлучныя съ нимъ страданія и потери продолжали возрастать въ ужасающей прогрессіи. Запасы, розданные въ Оршѣ, вскорѣ истощились. Недостатокъ и усталость производили страшныя опустошенія въ рядахъ. Вся дорога отъ Краснаго до Орши и Борисова представляла еще болѣе ужасное зрѣлище, нежели путь, пройденный непріателемъ отъ Вязьмы до Смоленска. Въ буквальномъ смыслѣ слова она была устлана изломанными повозками, зарядными ящиками, брошенными орудіями и ружьями, мертвыми лошадьми, трупами людей, погибшихъ отъ голода, ранъ и изнуренія. Мѣстами трупы лошадиныя и человѣческіе лежали цѣлыми кучами; между ними ползали полуживыя и умирающіе, вокругъ ихъ бродили отсталые солдаты великой арміи ²⁾. Оборванные, одѣтые или въ лохмотья, или въ стран-

лись медленно, главнымъ образомъ потому, что многіе считали болѣе удобнымъ держать при себѣ свои подводы, и что, въ концѣ концовъ, онъ принужденъ былъ подтвердить распоряженія Ланжерона. Если-бы все это было вѣрно, то оказалось бы, что въ Дунайской арміи господствовало полное безначаліе и подчиненные генералы не хотѣли знать адмирала; но въ дѣйствительности, какъ доказалъ это А. Н. Поповъ, рассказы Чичагова находятся въ полномъ противорѣчій не только съ современными показаніями его генераловъ, но и съ его собственными донесеніями съ береговъ Березины.

¹⁾ „Онъ послалъ Палена къ Лошницѣ, хотя и зналъ о приближеніи Наполеона“, говоритъ гр. Ламбертъ. См. „Русская Старина“ 1877 года.

²⁾ Генераль Еромовъ, шедшій по пятамъ великой арміи, говоритъ, между прочимъ въ своихъ запискахъ: „Мы находили въ разныхъ мѣстахъ оставленную

ные шутовскіе костюмы, женскія юбки и кофты, священническія ризы, обросшіе бородами, черные отъ дыму, съ блуждающими, воспаленными глазами, они походили скорѣе на страшные призраки, нежели на живыхъ людей. Только ужасное зловоніе, распространявшееся отъ ихъ гніющихъ членовъ, только звѣриная жадность, съ которою бросались они на всякій съѣдобный предметъ, обнаруживали въ нихъ присутствіе жизни.

Войска Наполеона дошли до Бобра, когда на встрѣчу имъ начали подходить войска маршаловъ Удино и Виктора. Съ громкими, радостными криками привѣтствовали они великую армію, но крики эти замерли на ихъ устахъ, когда они увидѣли своихъ товарищей, этихъ увѣнчанныхъ славою героевъ Москвы. До сихъ поръ они ничего не знали о несчастіяхъ, постигшихъ великую армію. Они надѣялись увидѣть стройные ряды полковъ завоевателей Москвы, а увидѣли вмѣсто нихъ толпы привидѣній, покрытыхъ рубищами, въ женскихъ шубахъ, окутанныхъ клочками ковровъ и прожженными шинелями, воиновъ, ноги которыхъ обиты были всевозможнымъ тряпьемъ. Съ ужасомъ смотрѣли они на проходившихъ мимо ихъ несчастныхъ солдатъ съ почернѣлыми и обросшими бородами лицами, безъ оружія, безъ стыда; они шли безъ всякаго порядка, съ опущенными головами, устремивъ взглядъ въ землю, молча, какъ толпа плѣнныхъ. Больше всего удивляло множество полковниковъ и генераловъ, которые шли по одиночкѣ, думая только о себѣ, и не зная кого спасать, остатки-ли своихъ командъ, или самихъ себя. Они шли, смѣ-

артиллерію и даже сброшенную въ воду съ такою торопливостію, что не доставало времени скрыть се отъ глазъ. Потеря въ людяхъ несравненно превосходила всѣ другія. Тысячи были умершихъ и замерзающихъ людей. Нигдѣ не было пристанища; мѣстечки и селенія обращены въ пепель и умножавшіеся плѣнные, все больные и раненые, должны были ожидать неизбѣжной смерти. Ежеминутное зрѣлище страждущаго человѣчества истощало состраданіе и самое чувство сожалѣнія притуляло. Каждый изъ сихъ несчастныхъ въ глазахъ подобныхъ ему, казалось, переставалъ быть человѣкомъ. Претерпѣваемыя страданія были общія, бѣдствія выше всякаго воображенія. Не имѣя средствъ подать помощь, мы видѣли въ нихъ жертвы, обреченныя на смерть". Записки Ермолова. Т. I. стр. 259.

шавшись съ солдатами, которые не обращали на нихъ никакого вниманія, которыми они не могли уже командовать; всѣ связи были порваны, всѣ чины уничтожены общимъ бѣдствіемъ. Солдаты Виктора и Удино не вѣрили своимъ глазамъ. Офицеры, тронутые жалостью, со слезами на глазахъ удерживали тѣхъ изъ своихъ сотоварищей, которыхъ они признавали въ толпѣ; они дѣлились съ ними своими средствами продовольствія, одеждою и спрашивали: гдѣ-же ихъ войска? и когда имъ указывали на слабые остатки изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, вмѣсто тысячъ людей, они все еще ихъ искали ¹⁾. Это страшное, небывалое зрѣлище сразу потрясло дисциплину и порядокъ въ войскахъ Удино и Виктора. Едва только соединились они съ остатками великой арміи, какъ язва, проѣвшая ее до мозга костей, не замедлила сообщиться и имъ. Прошло нѣсколько дней, и корпуса Виктора и Удино начали таять также быстро, какъ и отряды великой арміи. И отъ нихъ начали отдѣляться цѣлыя толпы отсталыхъ и мародеровъ, и въ нихъ дикій инстинктъ самосохраненія занялъ мѣсто чувства долга и военной чести.

Къ несчастію для адмирала Чичагова, въ этихъ пестрыхъ толпахъ когда-то столь грознаго воинства сохранились еще и въ этотъ моментъ остатки непоколебимой энергіи и желѣзнаго мужества. А самъ Наполеонъ какъ-бы преобразился въ эту минуту. Его геній, подавленный столькими страшными ударами судьбы, столькими потрясающими несчастіями, вдругъ воспрянулъ, въ виду конечной гибели, во всей своей прежней гигантской силѣ. Апатія и безнадежное отчаяніе уступили мѣсто прежней энергіи, быстротѣ, ясности взгляда. Получивъ извѣстіе о пораженіи Домбровскаго и потерѣ Борисова ²⁾, по

¹⁾ См. Сегюръ, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 332—333.

²⁾ Это извѣстіе подѣйствовало на императора въ первый моментъ потрясающимъ образомъ. „Не правда! этого быть не можетъ“, воскликнулъ онъ, услышавъ роковую вѣсть отъ офицера, присланнаго къ нему отъ маршала Удино. Офицеръ продолжалъ докладъ: два непріятельскіе отряда заняли жость и перешли уже на лѣвый берегъ, на рѣкѣ ледъ слабъ и переходить по немъ невозможно. „Неправда! съ гнѣвомъ закричалъ Наполеонъ, онъ лжетъ! Отступивъ назадъ, онъ оперся на палку, закрипѣлъ зубами, бросилъ гнѣвный взглядъ на не-

успокоенный въ то-же время вѣстью, что Витгенштейнъ подвигается впередъ крайне медленно и достигъ лишь до Черей, Наполеонъ немедленно-же предписалъ маршалу Удино двинуться поспѣшно на Борисовъ, ударить на Чичагова, отбросить его за Березину, завладѣть Борисовскимъ мостомъ и его укрѣпленіями.

Благодаря безсмысленнымъ распоряженіямъ Чичагова, его надменности и ослѣпленію, Удино могъ исполнить съ блестящимъ успѣхомъ возложенное на него порученіе. Пройдя нѣсколько верстъ отъ Борисова къ Лошницѣ (первая станція по Оршинской дорогѣ), графъ Паленъ случайно захватилъ нѣсколько плѣнныхъ. Онъ узналъ отъ нихъ, что непріятель находится отъ него въ самомъ близкомъ разстояніи и что онъ располагаетъ весьма значительными силами. Паленъ немедленно-же донесъ адмиралу о показаніяхъ плѣнныхъ и, указывая на недостаточность своихъ силъ, просилъ новыхъ инструкцій. Чичаговъ не придалъ, однакоже, ни малѣйшаго значенія этому донесенію. Занятый своею мыслью о поимкѣ Наполеона, отрицая по прежнему самое существованіе Наполеоновской арміи, онъ предписалъ Палену идти какъ можно скорѣе впередъ къ Логиницѣ, а остальнымъ войскамъ своимъ велѣлъ варить кашу. Паленъ повиновался, но пройдя еще нѣсколько верстъ, наткнулся на войска Удино и тотъ часъ-же опрокинутъ былъ ими. Удино быстро преслѣдовалъ бѣгущихъ, почти одновременно съ ними онъ ворвался въ Борисовъ. Чичаговъ, выведенный изъ своихъ фантастическихъ грезъ, совершенно потерялъ голову. Поручивъ князю Щербатову защищать плотину и мостъ, онъ поспѣшно бѣжалъ со всѣмъ своимъ штабомъ за Березину. Между тѣмъ въ Борисовѣ кипѣла ожесточенная и безпорядочная свалка. Войска наши принуждены были отступать предъ напирającymъ непріателемъ по единственной узкой плотинѣ и двухсотъ-саженному мосту. Князь Щербатовъ не въ состоя-

бо, я какъ-бы угрожая, поднялъ вверхъ правую руку, сказалъ такое слово, въ которомъ заключалось ужасное богохульство. Въ эту минуту Наполеонъ замѣтилъ вошедшаго генерала Дода. Съ ужаснымъ выраженіемъ лица онъ обратился къ нему со словами: „Они тамъ“. (Ils y sont). Puisbusque, Lettres, стр. 211—214.

ни былъ удержаться на плотинѣ. Часть нашихъ войскъ, въ томъ числѣ конница и конная артиллерія, успѣли переправиться черезъ рѣку Слѹ, притокъ Березины и приблизиться къ мосту, обойдя плотину. Но непріятель гнался за ними по пятамъ и грозилъ отрѣзать войска Щербатова отъ моста. Лишь съ величайшимъ трудомъ удалось, наконецъ, князю достигнуть моста; перебравшись на ту сторону, онъ тотчасъ же приказалъ сжечь его. Войска Чичагова были не только отброшены за Березину, но и потерпѣли громадный уронъ. Они оставили въ рукахъ непріятеля значительное количество плѣнныхъ, всѣхъ своихъ раненыхъ и больныхъ. Почти весь обозъ, въ томъ числѣ экипажи адмирала и его генераловъ, походная канцелярія съ описаніемъ примѣтъ „сего человѣка“, кухня съ массою гастрономическихъ припасовъ и весь серебряный сервизъ Чичагова достались въ руки непріятеля ¹⁾.

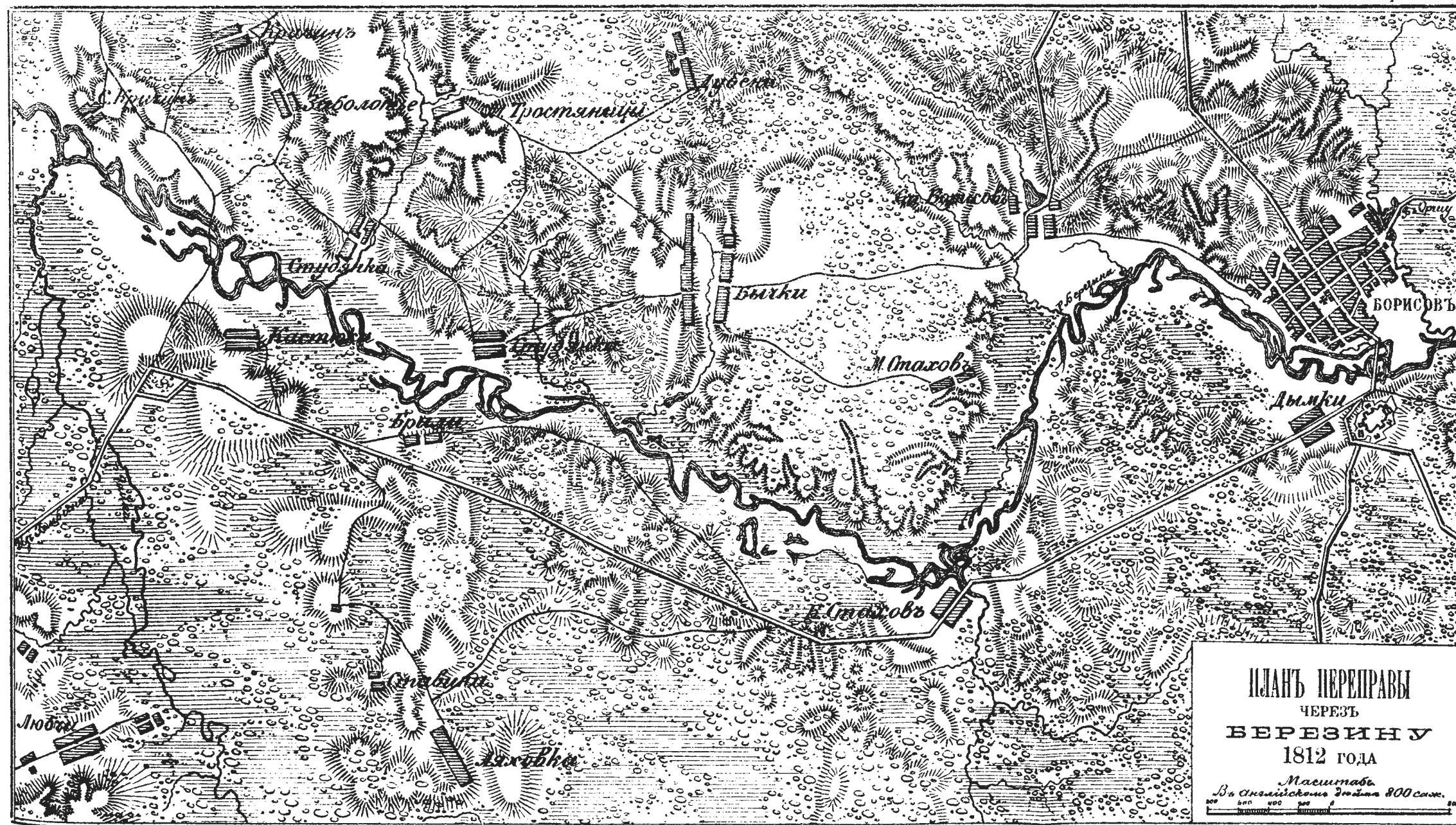
Какъ ни постыдно было пораженіе Дунайской арміи, какъ ни дурно должно оно было отозваться на настроеніи побѣдоноснаго до тѣхъ поръ войска, но въ сущности ничто еще не было потеряно и Чичаговъ имѣлъ еще полную возможность исполнить возложенную на него задачу, задержать переправу Наполеона до прибытія Витгенштейна и другихъ нашихъ армій. На сторонѣ адмирала было и теперь не мало преимуществъ. Его войска и въ количественномъ и качественномъ отношеніи значительно превосходили противника. Наполеона сопровождала, правда, все еще громадная масса

¹⁾ Въ своемъ донесеніи государю Чичаговъ свалилъ всю вину этого постыднаго пораженія на графа Палена. „Онъ дѣйствовалъ такъ, что о немъ можно сказать противоположное тому, что сказано было о Эпаминондѣ, т. е. что войска, которыя наканунѣ дрались какъ львы, обратились съ нимъ въ бѣгство, какъ бараны. Этотъ авангардъ, который долженъ былъ удержать стремленіе непріятеля, только ускорилъ его прибытіе. Онъ имѣлъ средства и былъ достаточно силенъ, чтобы удержать его, (!) но принесть его, такъ сказать, на плечахъ, со всѣхъ ногъ, такъ что я съ трудомъ спасся на длинной и затруднительной переправѣ“. Искажая такъ страшно факты, Чичаговъ постарался, разумѣется, уменьшить до смѣшнаго свои потери. „Къ счастью непріятель овладѣлъ только нѣсколькими повозками частныхъ лицъ, которыхъ я постараюсь вознаграждать, сколько позволятъ мнѣ мои средства и великодушіе Вашего Величества“. Письмо Чичагова отъ 17 ноября.

людей, но, по преимуществу, безоружныхъ, затруднявшихъ и тормозившихъ его движенія. Изъ всѣхъ корпусовъ, входившихъ въ составъ великой арміи, только одна старая гвардія удержала еще остатки дисциплины и прежняго воинственнаго пыла, но во всей гвардіи насчитывалось, по прибытіи къ берегамъ Березины, всего лишь 35000 человекъ. Число вооруженныхъ и оставшихся въ строю солдатъ во всѣхъ остальныхъ корпусахъ доходило до 7000 человекъ. Передъ Березиною къ Наполеону присоединились корпуса Удино и Виктора, остатки войскъ Домбровскаго и Брониковскаго, всего около 19000 человекъ. Наполеонъ располагалъ, слѣдовательно, подъ Березиною какими-нибудь 30000 человекъ, и что самое главное, онъ не могъ рассчитывать ни на какія дальнѣйшія подкрѣпленія ¹⁾. У Чичагова было 32000 войска, и онъ могъ съ увѣренностью рассчитывать въ самомъ скоромъ времени не только на прибытіе 40000 арміи Витгенштейна, но и значительныхъ отрядовъ, выдвинутыхъ къ Березинѣ отъ нашей главной арміи. И въ физическомъ, и нравственномъ отношеніи войска Дунайской арміи стояли неизмѣримо выше непріятельскихъ, не смотря на послѣднюю случайную неудачу. Закаленные въ долготѣнной войнѣ съ турками, сытые, хорошо одѣтые солдаты Чичагова могли смотрѣть съ презрѣніемъ на толпу привидѣній, тянувшихся вслѣдъ за Наполеономъ. У Чичагова была масса превосходной конницы и казаковъ, тогда какъ у непріятеля почти вовсе не было кавалеріи годной къ употребленію ²⁾. Положеніе Наполеона было къ тому же таково, что онъ долженъ былъ дѣйствовать наступательно, спѣшить переправиться со всѣми своими

¹⁾ О численности Наполеоновыхъ войскъ подъ Березиною см. Беригарди, Tol's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 341.

²⁾ Число всей французской конницы, по показаніямъ Шамбре, доходило до 4000, но изъ нихъ лишь немногіе могли быть употреблены въ дѣло. Чичаговъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что на Березинѣ у него было всего 20000 человекъ, въ томъ числѣ 9000 кавалеріи, „которая, замѣчаетъ онъ, не могла быть ни полезна въ лѣсахъ и болотахъ Березины“. На это можно замѣтить лишь одно: если-бы Чичаговъ умѣлъ пользоваться своею кавалеріею, то онъ не былъ-бы захваченъ врасплохъ въ Борисовѣ. См. записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1152.

ПЛАНЪ ПЕРЕПРАВЫ
ЧЕРЕЗЪ
БЕРЕЗИНУ
1812 ГОДА
Масштабъ
Въ Английской Милѣ 800 саж.
0 200 400 600 800

обозами и отсталыми черезъ весьма значительную и глубокою рѣку; тогда какъ Чичаговъ долженъ былъ только стараться задержать переправу непріятеля на нѣсколько дней до прибытія нашихъ остальныхъ силъ. У Наполеона не было почти никакихъ средствъ для переправы, такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность уничтожить въ Оршѣ весь свой понтонный паркъ. У Чичагова, наоборотъ, были всѣ средства помѣшать переправѣ, и важнѣйшій пунктъ на Березинѣ, Борисовъ, съ сильнымъ мостовымъ укрѣпленіемъ находился въ его рукахъ.

Адмиралъ утверждалъ въ послѣдствіи въ своихъ запискахъ, что онъ принужденъ былъ наблюдать линію Березины на протяженіи 100 верстъ ¹⁾, но въ дѣйствительности ему приходилось оберегать пространство всего лишь на 30 верстъ. Рѣка Березина, важнѣйшій притокъ верхняго Днѣпра, беретъ, какъ извѣстно, начало въ болотахъ Борисовскаго уѣзда, близъ мѣстечка Докшицы; приближаясь къ городу Борисову, она становится уже значительною рѣкою, и ширина ея доходитъ мѣстами до 50 и 60 сажень, при довольно значительной глубинѣ ²⁾. Какъ всякая болотная рѣка, протекающая по низменности съ весьма незначительнымъ уклономъ, Березина не отличается особенно быстрымъ теченіемъ, по переходъ черезъ нее крайне затрудняется свойствомъ ея береговъ. Громадныя, совершенно непроходимыя болота тянутся по обоимъ берегамъ рѣки; за ними идутъ небольшіе песчаные холмы, покрытые густыми еловыми и березовыми лѣсами. Дороги, ведущія по болотамъ, состоятъ по большей части изъ деревянныхъ гатей, узкихъ и неудобныхъ для движенія большихъ массъ войска, обремененныхъ обозами и артиллеріею. На Березинѣ было очень мало бродовъ и удоб-

¹⁾ „На пространствѣ 20 французскихъ миль, между Веселовымъ и Березинымъ, мнѣ нужно было удерживать берега Березины, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ проходили дороги къ значительнымъ магазинамъ Минскимъ и Виленскимъ. Я зналъ, что во многихъ мѣстахъ на рѣкѣ были броды; ширина ея извѣстна потому, что мостъ, по которому французы переправились, былъ въ 54 сажени“. Записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1152.

²⁾ См. Географическій словарь Семенова. Т. I.

ныхъ пунктовъ для переправы, а наступившая оттепель и дожди подняли уровень воды въ рѣкѣ до весьма значительной высоты. Переправа Наполеона могла произойти лишь на пространствѣ между Веселовымъ выше Борисова и Ухолодомъ ниже этого города. Самый удобный пунктъ для перехода находился у Борисова; но такъ какъ мостовое укрѣпленіе у этого города находилось въ рукахъ русскихъ и было снабжено сильною артиллеріею, то можно было предвидѣть напередъ, что Наполеонъ не отважится помышлять о переправѣ въ этомъ мѣстѣ. Несравненно удобнѣе для переправы была мѣстность у селенія Ухолодъ, въ двѣнадцати верстахъ ниже Борисова, но дорога къ этому пункту шла по непроходимымъ болотамъ и была совершенно недоступна для артиллеріи. Выше Борисова находилось три удобныхъ пункта для переправы: у Стахова въ шести верстахъ отъ города, у деревни Студянки въ шестнадцать верстахъ отъ Борисова и у Веселова въ четырехъ верстахъ отъ Студянки. Изъ всѣхъ этихъ трехъ пунктовъ наибольшія удобства для переправы представляла мѣстность у Студянки. Студянка лежитъ на склонѣ лѣваго берега Березины, въ полутораста шагахъ отъ рѣки. Эта жалкая деревушка изъ какихъ-нибудь 25 избъ построена была амфитеатромъ на склонѣ возвышенности, господствовавшей надъ противоположнымъ берегомъ. Ширина рѣки доходила здѣсь до 50 сажень, но глубина была незначительна; можно было даже пройти въ бродъ, имѣвшій не болѣе 1½ аршина глубины. На правомъ берегу тянулось значительное болото, но можно было надѣяться, что морозы, начавшіеся тотчасъ-же послѣ прибытія французовъ къ Березинѣ, скоро сдѣлаютъ его доступнымъ для перехода. Въ двухъ верстахъ отъ праваго берега рѣки пролегла по узкимъ частямъ дорога изъ Борисова въ Зембинъ, имѣвшая для Наполеона громадное значеніе, такъ какъ она выходила непосредственно на большую дорогу въ Вильну. Приблизительно такіе-же удобства представляла и мѣстность у Веселова, но за то рѣка была здѣсь гораздо глубже, а броду не было никакого. Переправа у Стахова была, наконецъ, слишкомъ близка отъ Борисова, мѣста расположенія

главныхъ силъ Чичагова, и не могла быть поэтому принимаема серьезно въ соображеніе ¹⁾).

Въ виду такихъ мѣстныхъ условій задача Чичагова была, повидимому, совершенно проста. Онъ долженъ былъ оберегать по возможности всѣ названные пункты, сосредоточить свои главныя силы въ центральной позиціи у Борисова и обратить особенное вниманіе на мѣстность противъ Студянки. Чичаговъ принадлежалъ, однако - же, къ числу тѣхъ людей, для которыхъ возможное и ближайшее кажется наименѣ возможнымъ и правдоподобнымъ. Адмиралу, человѣку совершенно неопытному въ сухопутной войнѣ, впервые приходилось имѣть дѣло съ величайшимъ военнымъ гениемъ Наполеона. Онъ предполагалъ, что его противникъ пойдетъ навѣрное какимъ-нибудь необычнымъ путемъ, что онъ будетъ искать спасенія въ искусственныхъ и сложныхъ комбинаціяхъ. Къ тому-же адмиралъ не имѣлъ вполнѣ точнаго и опредѣленнаго представленія о мѣстности. Онъ прибылъ слишкомъ поздно къ берегамъ Березины, не успѣлъ, да и не особенно спѣшилъ ориентироваться въ совершенно незнакомой для него странѣ, и, что самое важное, голова его была занята въ началѣ совершенно иными, далеко не военными соображеніями. Внезапное прибытіе непріятеля, страшный ударъ, нанесенный ему такъ неожиданно, потрясли его до глубины души, нарушили его нравственное равновѣсіе. Наполеонъ, котораго онъ считалъ уничтоженнымъ, предсталъ предъ нимъ во всемъ ореолѣ своей прежней непобѣдимости. Онъ собирался изловить своего противника, какъ жалкаго бродягу, а тотъ внезапно однимъ мощнымъ ударомъ отбросилъ его за Березину, принудилъ его стать въ оборонительное положеніе. Было отчего потеряться и болѣе сильному, болѣе опытному человѣку, нежели Чичаговъ. Послѣ несчастнаго дѣла 12 ноября адмиралъ расположилъ свои силы на правомъ берегу Березины, повидимому, вполнѣ цѣлесообразно. Самъ онъ съ главными силами сталъ у Борисовскаго мостоваго укрѣпленія; отрядъ гене-

¹⁾ О мѣстахъ, удобныхъ для переправы черезъ Березину изъ очевидцевъ см. въ особенности Шамбре. *Expedition de Russie*. Т. III. стр. 37 и слѣдующія.

рала Чаплица выдвинулъ къ д. Брилямъ насупротивъ Студянки, а другой отрядъ подъ начальствомъ графа Орурка расположилъ въ селеніи Юшкевичахъ для наблюденія за нижнимъ теченіемъ Березины. Но Чичаговъ не долго оставался въ такомъ расположеніи; извѣстія, полученныя имъ изъ главной квартиры Кутузова, а еще болѣе движенія непріятеля, вскорѣ сбили его окончательно съ толку и привлекли его вниманіе совершенно не въ ту сторону, куда требовали того обстоятельства.

Маршалъ Удино, шедшій въ авангардѣ французской арміи, получилъ приказъ отъ Наполеона избрать тотчасъ-же по прибытіи къ Березинѣ удобное мѣсто для переправы и приступить немедленно-же къ сооруженію мостовъ ¹⁾. Удино ориентировался чрезвычайно быстро; онъ съ самаго начала избралъ мѣстомъ для переправы Студянку, но принялъ въ тоже время мѣры, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ этого пункта. Занявъ своими отрядами Борисовъ, Новый Стаховъ и Ухолодь, маршалъ приказалъ собирать, какъ можно съ большею наглядностью для непріятеля, матеріалы для постройки мостовъ во всѣхъ этихъ пунктахъ, и дѣлать въ тоже время, какъ можно тише и незамѣтнѣе всѣ приготовленія къ дѣйствительной переправѣ у Студянки. Чтобы еще вѣрнѣе обмануть непріятеля, Удино разставилъ нѣсколько отрядовъ своихъ войскъ ниже Борисова, и черезъ посредство жидовъ дѣятельно распускалъ слухи, что французская армія намѣрена избрать въ своемъ дальнѣйшемъ отступленіи болѣе южный путь на Игумень и Минскъ. Быть можетъ, Чичаговъ и не поддался-бы на всѣ эти хитрости непріятеля, но два извѣстія, полученныя имъ въ это время съ противоположныхъ сторонъ, заставили его пойти окончательно на удочку. Изъ

¹⁾ Въ первый моментъ по прибытіи къ Березинѣ, Удино доносилъ Наполеону, что армія Чичагова гораздо многочисленнѣе, нежели предполагали, и просилъ императора принять на себя лично распоряженіе о переправѣ. „Скажите Удино, отвѣчалъ Наполеонъ, что онъ ошибается на счетъ силъ непріятеля; скажите ему, чтобы онъ поспѣшилъ, какъ можно скорѣе, постройкою мостовъ черезъ Березину, и что при настоящемъ положеніи дѣлъ я не могу оставить арміи“. Шамбре. Т. III, стр. 36.

главной квартиры Кутузова адмиралу совѣтовали обратить особенное вниманіе на путь къ Игумену и Минску, а отъ своихъ лазутчиковъ онъ получилъ совершенно невѣрное извѣстіе, что Шварценбергъ занялъ Минскъ и подвигается къ Свислочи у Березины. Получивъ эти извѣстія, Чичаговъ рѣшилъ окончательно, что Наполеонъ избираетъ мѣстомъ для переправы или Ухолодъ, или какой-нибудь другой пунктъ ниже Борисова ¹⁾. Забывая совершенно, что Кутузовъ совѣтовалъ ему имѣть въ виду не одинъ только южный путь на Игумень и Минскъ, а также и сѣверный—на Зембинъ и Молодечно, не заботясь повѣрить показанія своихъ лазутчиковъ, онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на нижней Березинѣ и направилъ всѣ свои войска внизъ по теченію рѣки, въ то самое время, когда Наполеонъ, прибывъ въ Борисовъ и одобривъ вполнѣ предположенія Удино, начиналъ стягивать свою армію выше Борисова въ окрестностяхъ Студянки. Чичаговъ оставилъ у Борисова только небольшой отрядъ подъ начальствомъ Палена; генералу Чаплицу, охранявшему переправу у Студянки, онъ отдалъ приказаніе идти также къ Борисову; самъ-же съ главными силами выступилъ 13 ноября пополудни изъ Борисова внизъ по теченію рѣки и ночью съ 13 на 14 расположился у мѣстечка Шабашевичей ²⁾. Такимъ образомъ, Чичаговъ сдѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы облегчить Наполеону переправу черезъ Березину.

¹⁾ Въ своихъ запискахъ Чичаговъ прямо утверждаетъ, что Кутузовъ повелѣлъ ему наблюдать нижнее теченіе Березины къ югу отъ Борисова. Витгенштейнъ также писалъ ему, что непріятельская армія взяла направленіе на Бобруйскъ. Наконецъ полковникъ Кнорингъ и лазутчики доносили ему, что Шварценбергъ идетъ за нимъ по пятамъ. Далѣе, Чичаговъ рассказываетъ, что всѣ его генералы поражены были неудобствомъ его позиціи и совѣтовали ему идти на Лепель на встрѣчу Витгенштейну. См. Записки Чичагова. „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1151—1157.

²⁾ Шабашевичи находятся, по словамъ адмирала, въ 6 миляхъ, т. е. въ 10 верстахъ, ниже Борисова. Направляясь туда, Чичаговъ старался по возможности скрыть свое движеніе отъ непріятеля, опасаясь, чтобы Наполеонъ, узнавъ о его движеніи, не атаковалъ оставленные имъ слабые отряды. Такимъ образомъ, Чичаговъ самъ хорошо понималъ, что онъ уходитъ отъ непріятеля и бросаетъ свои мелкіе отряды на произволъ судьбы. Ослабленіе по истинѣ, безпримѣрное! См. Записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1157.

Императоръ Наполеонъ уже на пути отъ Лошицы къ Борису находилъ въ страшномъ внутреннемъ волненіи. Онъ приближался, быть можетъ, къ самому роковому моменту своей жизни; онъ чувствовалъ, что отъ удачи этой переправы зависить не только спасеніе остатковъ его арміи, но и его самого съ его міровыми планами. Его лицо было спокойно, по обыкновенію; никто не могъ замѣтить на немъ движенія чувства или страсти, но его волненіе выражалось иными способами. Онъ уже не ѣхалъ въ экипажѣ, а сопровождалъ свои войска верхомъ на конѣ. Не разъ онъ останавливался на окраинѣ дороги и пропускалъ мимо себя проходившія войска ¹⁾. Неоднократно вставалъ онъ съ коня и шелъ пѣшкомъ, какъ-бы стараясь преодолѣть то ощущеніе внутренняго и виѣшняго холода, которое не давало ему покоя.

Прибывъ въ Борисовъ и ознакомившись съ мѣстными условіями, Наполеонъ безусловно одобрилъ распоряженія Удино и приказалъ продолжать демонстраціи у Борисова и Ухолода, принявъ въ тоже время всѣ мѣры для ускоренія постройки мостовъ у Студянки. Начальники понтонеровъ, генералы Эбле и Шаслу ²⁾ уже въ сумеркахъ 13 ноября поспѣшили въ Студянку ³⁾, а рано утромъ 14 ноября прибылъ къ мѣсту переправы и самъ Наполеонъ. Постройка мостовъ сопряжена была съ величайшими трудностями. Послѣ пятидневной оттепели наступили вновь морозы и болота, заграждавшія доступъ къ рѣкѣ, сдѣлались непроходимыми. Но рѣка не поддавалась вліянію стужи. Вода была по прежнему очень высока, ширина русла достигла до 160 шаговъ, глубина возросла до 10 футовъ, и по теченію неслись огромныя пловучія льди-

¹⁾ „Il dut être livré à de bien cruelles réflexions à la vue du déplorable état de son armée dans les conjonctures si fatales“. См. Шамбре. Т. III, стр. 42.

²⁾ Наполеонъ уже изъ Бобра послалъ къ маршалу Удино генераловъ Эбле, Шаслу и Жоини и направилъ къ Березинѣ форсированнымъ маршемъ всѣхъ понтонеровъ, саперовъ и минеровъ, находившихся при арміи. Шамбре, *Expédition de Russie*. Т. III, стр. 33.

³⁾ Когда Эбле и Шаслу прибыли въ Студянку, то оказалось, что за исключеніемъ 25 козловъ, сдѣланныхъ изъ совершенно негоднаго матеріала, ничего не было готово для постройки мостовъ. Шамбре. Т. III, стр. 33.

ны. Матерьяловъ для постройки мостовъ было, повидимому, достаточно. Строевой лѣсъ покрывалъ весь берегъ рѣки у Студянки, но у французовъ не было ни времени, ни достаточнаго количества инструментовъ для рубки лѣса. Пришлось довольствоваться старыми бревнами и досками, изъ которыхъ построены были крестьянскія избы въ Студянкѣ. Послѣ уничтоженія понтоннаго парка, построеніе мостовъ было-бы совершенно невозможно, если-бы генераль Эбле не сохранилъ на всякій случай двѣ походныя кузницы, двѣ повозки, нагруженныя углемъ и нѣсколько фуръ съ гвоздями, желѣзомъ и необходимыми инструментами ¹⁾. Но важнѣе этихъ вѣщихъ приспособленій была та высокая внутренняя энергія, которую обрѣли въ себѣ въ этотъ рѣшительный моментъ понтонеры французской арміи. Ободряемые до энтузіазма присутствіемъ самого императора, эти люди работали съ какою-то сверхчеловѣческой силою ²⁾. Презирая страданія и мучительную смерть, они работали, погружаясь по грудь въ ледяную воду, работали среди напорающихъ на нихъ льдинъ, и ихъ энергія не ослабѣла и тогда, когда холодная морозная ночь спустилась на берега Березины и густой непроницаемый туманъ окуталъ прибрежныя лѣса и болота.

Императоръ принималъ между тѣмъ и другія мѣры для обезпеченія переправы. Онъ приказалъ установить на высотахъ близъ Студянки всю бывшую въ его распоряженіи артиллерію и открыть сильнѣйшій огонь по противоположному берегу ³⁾. Въ то время, когда загремѣла эта страшная кононада, почти всѣ наши войска, охранявшія до тѣхъ поръ пе-

¹⁾ „Если-бы у французовъ сохранился понтонный паркъ, то они могли-бы построить мостъ въ теченіи двухъ часовъ“. Шамбре Т. III, стр. 54.

²⁾ Шамбре справедливо замѣчаетъ, что героизмъ этихъ людей будетъ жить столь-же долго, какъ воспоминаніе о переправѣ черезъ Березину.

³⁾ Для этой цѣли Наполеонъ употребилъ всю артиллерію корпуса Удино и старой гвардіи. По однимъ извѣстіямъ выдвинуто было сорокъ, по другимъ пятьдесятъ шесть орудій. Такой огонь Наполеонъ считалъ необходимымъ, предполагая, что на противоположномъ берегу сосредоточена большая часть Дунайской арміи; а многочисленныя бивачныя огни, замѣченныя въ теченіи ночи за Березиною, утвердили его еще болѣе въ этомъ заблужденіи. См. Шамбре. Т. III, стр. 48.

реправу у Студянки, отошли, согласно распоряженію Чичагова, къ Борисову и оставили только нѣсколько казачьихъ сотенъ и небольшой отрядъ полковника Корнилова. Само собою понятно, что немногія орудія, находившіяся при этомъ отрядѣ, не въ состояніи были бороться съ многочисленною артиллеріею непріятеля. Наполеонъ вскорѣ убѣдился, что русскіе не въ состояніи были препятствовать его переправѣ на этомъ мѣстѣ. Лицо его впервые просіяло отъ радости въ этотъ день. Присутствующіе маршалы и генералы спѣшили поздравить его съ неожиданнымъ, невѣроятнымъ счастіемъ. Но надо было ловить это счастье, надо было пользоваться какъ можно скорѣе непонятною оплошностью противника. Императоръ тотчасъ-же приказалъ генералу Корбино переплыть на противоположный берегъ съ однимъ изъ эскадроновъ своей бригады. Вслѣдъ затѣмъ переправлены были на нѣсколькихъ, быстро сколоченныхъ плотахъ четыреста егерей изъ отряда Домбровскаго. Войска эти очистили противоположный берегъ отъ казаковъ ¹⁾. Между тѣмъ постройка мостовъ быстро подвигалась впередъ. Строили разомъ два моста, на разстояніе двухсотъ саженой одинъ отъ другаго ²⁾; правый (со стороны французовъ) мостъ назначался исключительно для пѣхоты и кавалеріи; другой, болѣе прочный, для артиллеріи и обозовъ. Въ часъ пополудни оконченъ былъ первый мостъ ³⁾, и Наполеонъ, находившійся постоянно при рабочихъ, тотчасъ-же отдалъ приказъ корпусу Удино перейти на противоположный берегъ. Неизгладимыми чертами врѣзалась эта сцена въ памяти очевидцевъ, имѣвшихъ счастье пережить эту страшную кампанію. День былъ морозный, глубокой снѣгъ покрывалъ землю, но къ счастью въ воздухѣ господствовала величайшая тишина, иначе было-бы немислимо какое-бы то ни было движеніе. „Передъ нами ⁴⁾,

¹⁾ Fain. Manuscrit de 1812; Soltik. Napoleon en 1812, стр. 442; Шамбре. Т. III, стр. 50.

²⁾ Сначала предполагали строить три моста, но потомъ отказались отъ этого намѣренія въ виду недостатка времени и матеріала. Шамбре. Т. III, стр. 44.

³⁾ См. Шамбре. Т. III, стр. 53.

⁴⁾ См. Aus dem Leben des Generals Heinrich von Brandt. Т. I, стр. 474.

говорить очевидецъ, лежала деревня Студянка и видѣлся только что наведенный мостъ. Нѣсколько баталіоновъ пѣхоты стояли у деревни, построившись колонами. Вдругъ изъ одной избы вышелъ императоръ, окруженный толпой маршаловъ и генераловъ. Онъ былъ въ сѣрой шубѣ, но онъ отбросилъ одну изъ ея полъ лѣвой рукою, такъ что можно было разсмотрѣть хорошо его блестящіе сапоги и бѣлые панталоны. Обычная маленькая шляпа была на его головѣ. Лицъ его не было замѣтно никакого движенія; оно было холодно и безстрастно, какъ всегда. Императоръ заговорилъ съ какимъ то генераломъ, который почтительно снялъ шляпу. Подлѣ него я замѣтилъ Мюрата въ сѣрой мѣховой шапкѣ съ султаномъ, въ коротенькой шубкѣ съ саблею на такъ называемомъ *cordon d'Egypte* ¹⁾. Тутъ-же стояли Бертье и Евгенийъ, закутавшись въ шубы. Ней съ своимъ красноватымъ лицомъ и рыжею бородою, съ своею почти квадратною фигурою и крѣпкими членами ²⁾, одѣтъ былъ легче всѣхъ другихъ въ темнозеленую шинель. Тутъ-же у моста я увидѣлъ превосходнаго Дюрока, на памяти коего не лежитъ ни одного пятна, вся жизнь котораго была жизнью совершеннаго рыцаря; маршала Мортье, выдававшагося изъ всей группы колоссальнымъ ростомъ ³⁾; благороднаго Нарбоня въ его странномъ, старомодномъ парикѣ, и многихъ другихъ генераловъ. Множество адъютантовъ, всѣ въ легкихъ шинеляхъ, стояли и сновали кругомъ, ожидая и разнося приказанія. Жандармы въ полномъ парадѣ, но на исхудалыхъ, тощихъ коняхъ, расположились полукругомъ у моста, не допуская къ нему никого изъ безоружныхъ. Погода была пріятная. Небо разяснялось по-немногу; легкія клочья снѣга носились въ воз-

¹⁾ „Мюратъ подѣхалъ къ нашему полковнику и заговорилъ съ нимъ. „Что думаете вы дѣлать съ вашими ранеными?“ спросилъ онъ его. „Ma foi, отвѣчалъ тотъ, они будутъ слѣдовать за нами пока могутъ“. „Я невольно вспомнилъ, какая иронія судьбы: Мюратъ на Вѣйскомъ мосту въ 1805 г. и здѣсь на Березинѣ въ 1812 г.“ Brandt. T. I, стр. 475.

²⁾ *Ney figura quadrata, firmisque membris mit seinem rorthen, ich möchte sagen, impertinenten Gesicht und röthlichen Bart...* Brandt. T. I, стр. 475.

³⁾ *Ipsa inter primos praestante corpore.* Brandt, стр. 475.

духѣ, но температура поднялась значительно и около полудня ощущалась солнечная теплота“.

Императоръ подалъ сигналъ и корпусъ Удино, около 6000 пѣхоты и 1400 всадниковъ, стройными рядами двинулся къ мосту. Это были сравнительно самыя свѣжія войска. Въ величайшемъ порядкѣ, съ воинственною осанкою, съ радостными кликами проходили они мимо императора ¹⁾. Мостъ, построенный для пѣхоты, былъ крайне узокъ и неровенъ; бревна, скрѣпленные въ торопяхъ, разрывались и погружались въ воду ²⁾; но войска Удино не только прошли по немъ благополучно, но и перевезли съ собой два орудія и нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Уже цѣлый французскій корпусъ былъ на правомъ берегу, когда генералъ Чаплицъ, узнавши о переправѣ непріятеля, поспѣшилъ возвратиться къ деревнѣ Брилямъ ³⁾. Но было уже поздно и войска его были утомлены поспѣшнымъ двѣнадцативерстнымъ переходомъ. Къ тому же Чаплицъ не рѣшился энергически атаковать непріятеля, опасаясь подвергнуть свои войска огню батарей, расположенныхъ на высотахъ Студянки. Онъ ограничился лишь тѣмъ, что занялъ опушку сосѣдняго Стаховскаго лѣса. Удино имѣлъ, такимъ образомъ, полную возможность утвердиться на правомъ берегу. Ставъ фронтомъ къ сторонѣ Стахова и тыломъ къ рѣкѣ, онъ совершенно прикрылъ переправу слѣдовавшихъ за нимъ войскъ. Въ то же время маршалъ двинулъ небольшой отрядъ къ Зембину и приказалъ занять длинныя мосты и гати, ведущія черезъ болота на Виленскую дорогу. И это чрезвычайно важное предпріятіе удалось ему какъ нельзя лучше, благодаря нераспорядительности Чаплица. На важнѣйшемъ пунктѣ, гдѣ можно было запереть путь

¹⁾ Шамбре. Т. III, стр. 54. Многие солдаты были и теперь слѣпо увѣрены въ своего императора. „Il nous tirega encore de la“, говорили они, въперя взоръ въ своего императора. Fain. Т. II, стр. 429.

²⁾ См. Brandt. Т. I, стр. 476.

³⁾ Чаплицъ получилъ свѣдѣнія о переправѣ непріятеля у Студянки отъ плѣнныхъ, доставленныхъ ему съ противоположнаго берега казаками. Въ числѣ этихъ плѣнныхъ былъ и управляющій какой-то помѣщицкѣй деревни. Шамбре. Т. III, стр. 49; Чичаговъ, Записки; „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1161.

всей непріятельской арміи, стоялъ лишь одинъ слабый казачій постъ. Понятно, что казаки бѣжали при первомъ же появленіи непріятеля и открыли ему Виленскую дорогу. Смѣлость Удино росла по мѣрѣ успѣха. Желая совершенно отвлечь вниманіе Чаплица отъ переправы, онъ атаковалъ его въ Стаховскомъ лѣсу и оттѣснилъ до самаго Стахова ¹⁾.

Между тѣмъ къ четыремъ часамъ пополудни французскіе понтонеры окончили и постройку втораго моста. Вся артиллерія втораго корпуса, а потомъ и гвардейская—были немедленно же перевезены по немъ. Съ наступленіемъ ночи перешли на правый берегъ войска Нея и молодая гвардія. Мостъ, устроенный для переправы артиллеріи и обозовъ, ломался въ теченіи ночи два раза ²⁾; починка его стоила каждый разъ не мало времени и невѣроятныхъ усилій. Наполеонъ оставался все время у мостовъ, ускоряя по возможности переправу ³⁾. Съ минуты на минуту можно было ожидать нападенія русскихъ, и при томъ съ двухъ сторонъ на правомъ и на лѣвомъ берегу. Въ теченіи всего 14 числа Чичаговъ оставался съ главною массою своихъ войскъ у Шабашевичей ⁴⁾. Только 15-го онъ двинулся, наконецъ, вверхъ по теченію рѣки ⁵⁾. Около того же времени передовыя войска Витгенштейна показались у Борисова, и главнокомандующіе Дунайской и Двинской арміи получили, наконецъ, возмож-

¹⁾ См. Шамбре Т. III, стр. 55. Чичаговъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что Чаплицъ успѣлъ вечеромъ остановить непріятеля у деревни Стахова въ двухъ миляхъ отъ переправы. Такой результатъ, подтверждающій какъ нельзя болѣе свидѣтельства другихъ очевидцевъ о пораженіи Чаплица, Чичаговъ старается выставить чуть не побѣдою. См. Чичаговъ, Записки, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1163.

²⁾ Первый разъ починка потребовала три часа времени, а второй разъ четыре часа. Шамбре, Т. III, стр. 58.

³⁾ См. Шамбре, Т. III. Когда Наполеонъ отдыхалъ въ крестьянской избѣ, мѣсто его занимали Мюратъ, Бертъ или Лористонъ, стр. 59.

⁴⁾ Хотя Чичаговъ зналъ уже въ это время о переправѣ непріятеля у Студянки, однако онъ послалъ къ Борисову только небольшой отрядъ генерала Рудзевича, предписавъ ему двинуться въ ту сторону, куда обстоятельства требуютъ. См. „Русская Старина“ 1877 г., стр. 192.

⁵⁾ И въ этотъ день онъ дошелъ только до Борисова и остановился тутъ на ночлегъ „Русская Старина“ 1877 г., стр. 193.

ность дѣйствовать сообща противъ непріятеля. Этого мало: начали приближаться и передовые отряды главной русской арміи. Графъ Ожаровскій и Платовъ приблизились къ самой Березинѣ; Ермоловъ и Милорадовичъ слѣдовали непосредственно за ними.

Наступила послѣдняя удобная минута для окончательнаго сокрушенія остатковъ Наполеоновскихъ полчищъ, но наши главнокомандующіе не сумѣли воспользоваться ею. Любопытно, что Чичаговъ, оставаясь вѣренъ своему характеру, занятъ былъ и въ этотъ моментъ больше всего мелочными интересами своего личнаго тщеславія. Когда къ нему явился отъ Витгенштейна полковникъ Сеславинъ и предложилъ ему вопросъ, какимъ образомъ намѣренъ онъ дѣйствовать противъ непріятеля, то адмиралъ прежде всего вывелъ изъ этого заключеніе, что Витгенштейнъ считаетъ себя независимымъ, никому ни подчиненнымъ начальникомъ и не скрылъ своего недовольства отъ самого посланца ¹⁾. Наконецъ, онъ условился атаковать одновременно съ Витгенштейномъ, непріятеля на обоихъ берегахъ Березины. Между тѣмъ уже вся почти непріятельская армія была на правомъ берегу. Въ полдень 15 числа перешла по мосту старая гвардія и перешагалъ самъ императоръ; затѣмъ переправились Баденская дивизія и остатки корпусовъ вице-короля, Даву и Жюно. На лѣвомъ берегу оставался всего лишь одинъ корпусъ Виктора. Большая часть его расположилась близъ Студянки, только дивизія Партуно оставалась въ Борисовѣ, откуда ожидали нападенія Витгенштейна. Независимо отъ этихъ войскъ, на лѣвомъ берегу, близъ Студянки, оставались еще громадныя обозы и многочисленныя толпы безоружныхъ, раненыхъ,

¹⁾ „Около 10 ч. вечера явился ко мнѣ отъ графа Витгенштейна одинъ изъ нашихъ партизановъ, полковникъ Сеславинъ. Онъ спросилъ меня, какъ я буду дѣйствовать, такимъ тономъ, который мнѣ ясно доказывалъ, что Витгенштейнъ считаетъ себя независимымъ и намѣренъ распоряжаться по своему усмотрѣнію“. И такъ, кромѣ того, что помощь опоздала своимъ прибытіемъ, но здѣсь имѣлось еще и мелочное самолюбіе, которое должно было вредить совокупности нашихъ дѣйствій. Нужно замѣтить, что Витгенштейнъ никогда не былъ подчиненъ Чичагову. См. Записки Чичагова „Русскій Архивъ“ 1879 г., стр. 1169.

больныхъ, женщинъ и дѣтей. Никто не заботился особенно объ участи этихъ несчастныхъ. До шести часовъ 15 числа, пока проходили войска, имъ не дозволяли приближаться къ мосту. Наконецъ, когда всѣ строевыя войска, за исключеніемъ корпуса Виктора, перешли на правый берегъ, поданъ былъ сигналъ къ переправѣ безоружныхъ. Въ величайшемъ безпорядкѣ хлынули они со всѣхъ сторонъ къ мостамъ. Каждый хотѣлъ поспѣть первый къ переправѣ, всѣ толкали, давили, душили другъ друга. Люди, лошади, повозки смѣшались въ дикомъ безпорядкѣ. Образовалась такая невообразимая путаница, что только одиночные люди могли пробраться къ мостамъ, и то съ опасностью для жизни ¹⁾. Большинство бѣглецовъ скоро утомилось въ страшной безплодной борьбѣ. Полная апатія и безчувственность заступила мѣсто лихорадочной суматохи. Наступила ночь, и десятки тысячъ этихъ несчастныхъ, казалось, забыли о переправѣ, о возможности спасти свою жизнь. Одни изъ нихъ лежали, какъ мертвые у бивуачныхъ огней, другіе бродили по окрестностямъ, стараясь добыть гдѣ-нибудь кусокъ хлѣба или лошадиного мяса. Начало свѣтать, и со стороны Зембина слышались пушечные выстрѣлы: то Чичаговъ началъ нападеніе на маршала Удино. Императоръ сѣлъ на лошадь и поскакалъ на мѣсто боя. Но въ тоже самое время громъ пушекъ раздался и на лѣвомъ берегу рѣки: то Витгенштейнъ началъ тѣснить войска маршала Виктора ²⁾. Сраженіе закипѣло по обѣимъ сторонамъ рѣки. Судьба завоевателя поставлена была еще разъ на карту.

Очевидно, что судьба дня зависѣла во всѣхъ отношеніяхъ отъ Чичагова. Витгенштейнъ въ самомъ счастливомъ случаѣ могъ истребить лишь одинъ корпусъ Виктора и захватить въ плѣнъ толпы безоружныхъ и обозы. Чичаговъ имѣлъ дѣло съ самимъ Наполеономъ и съ главными силами его арміи.

¹⁾ Шамбре. Т. III, стр. 60. Великая армія потеряла большую часть своихъ обозовъ и артиллеріи, но войска Удино и Виктора везли за собою громадныя обозы.

²⁾ Fain. Т. II, стр. 396.

Численное превосходство было на сторонѣ адмирала, но онъ не сумѣлъ воспользоваться имъ ¹⁾. Его войска, раздѣленные на четыре колонны, атаквали непріятеля съ семи часовъ утра, но руководимыя нерѣшительными начальниками и потрясенныя неудачами предшествовавшихъ дней, подвигались впередъ медленно, какъ бы оцупью. Сначала дѣло шло какъ будто-бы хорошо. Непріятельскіе аванпосты, осыпаемые градомъ пуль нашихъ стрѣлковъ, подались назадъ. Колонна генерала Красовскаго, шедшая по опушкѣ лѣса, приблизилась къ рѣкѣ и открыла сильный огонь по непріятельскимъ мостамъ. Сопротивленіе непріятеля становилось между тѣмъ сильнѣе съ каждою минутою. На высотахъ у Брилей поставлена была главная масса непріятельской артиллеріи. Она открыла адскій огонь по нашимъ колоннамъ. Ядра летѣли градомъ, отламывая по пути громадныя древесныя сучья и причиняя страшную убыль нашимъ войскамъ. Но они все еще подвигались впередъ. Войска Чаплица, шедшія впереди, вышли на большую, открытую поляну. Какъ будто не ожидая атаки со стороны непріятеля, они подвигались впередъ разсыпнымъ строемъ. Войска резерва, долженствовавшія поддержать ихъ, находились далеко позади, на лѣвомъ флангѣ и были также разсыпаны по кустамъ. Непріятель спѣшилъ воспользоваться этими ошибками. Его пѣхота, построившись въ колонны, открыла убійственный огонь, а кавалерія бросилась въ атаку. Стремительный ударъ опрокинулъ войска Чаплица. Непріятельскіе всадники окружили самого Чаплица и другихъ генераловъ. Завязалась дикая свалка. Самъ Чаплицъ былъ раненъ въ голову; подъ нимъ и подъ генераломъ Войновымъ, получившимъ сильную контузію, убиты были лошади. Непріятельскіе солдаты окружили князя

¹⁾ Совершенно въ противномъ старается увѣрить насъ адмиралъ. Онъ утверждаетъ въ своихъ запискахъ, что у него было всего 10000 пѣхоты, и что лѣсистая мѣстность не позволила ему воспользоваться своею 9000 кавалеріею и 100 орудіями. Адмиралъ упускалъ при этомъ изъ виду, что у непріятеля было еще менѣе пѣхоты и что лѣсистая мѣстность не помѣшала Наполеону воспользоваться своею артиллеріею и конницею. См. Записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1166.

Щербатова и начали тащить его съ коня. Только неожиданная атака эскадрона Павлоградскихъ гусаръ спасла нашихъ генераловъ отъ постыднаго плѣна. Но сраженіе было проиграно окончательно. Непріятельскія войска, въ рукахъ которыхъ осталось около 2000 плѣнныхъ, утвердились въ Зембинѣ и открыли себѣ путь на Виленскую дорогу ¹⁾.

Между тѣмъ на лѣвомъ берегу Березины происходили ужасныя сцены, кипѣлъ послѣдній отчаянный бой. Дивизія Партуно, получившая приказъ защищать Борисовъ, была окружена уже вечеромъ 15 числа со всѣхъ сторонъ войсками Витгенштейна. Партуно пытался пробиться ночью къ Студянкѣ, но былъ встрѣченъ превосходными силами и послѣ ожесточеннаго сопротивленія принужденъ положить оружіе. Въмѣстѣ съ его войсками захвачена была въ плѣнъ и масса отдѣльныхъ, по большей части, безоружныхъ солдатъ ²⁾. На другой день войска Витгенштейна атаковали корпусъ маршала Виктора. Обойдя его съ обоихъ фланговъ, они открыли убійственный огонь по непріятельскимъ войскамъ, безоружнымъ и обозамъ, столпившимся на берегу рѣки. Поднялось страшное смятеніе. Въ то время какъ войска Виктора пытались съ мужествомъ отчаянія задержать наше наступленіе, толпы безоружныхъ бросились къ мостамъ. Тѣ, у которыхъ были лошади, сбивали съ ногъ пѣхотинцевъ, преграждавшихъ имъ дорогу; экипажи и фургоны давили людей. Ото всюду среди грома пушечныхъ выстрѣловъ раздавались страш-

¹⁾ Всѣ подробности объ этомъ сраженіи см. въ Запискахъ самого Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1171. Заключительныя слова адмирала: „мы продолжали битву до поздней ночи, удержались на своихъ мѣстахъ, но не могли подвинуться впередъ“, рѣшительно не имѣютъ смысла въ виду фактовъ, переданныхъ имъ самимъ. Не менѣе странно говорить Чичаговъ о плѣнныхъ, взятыхъ у него въ этотъ день: „Что-же касается до плѣнныхъ, взятыхъ у насъ, я никакъ не могъ добиться настоящаго числа ихъ, благодаря ложнымъ донесеніямъ, которыя вошли въ обыкновеніе въ русской арміи“. Записки Чичагова, тамъ-же.

²⁾ Партуно сдался послѣ ожесточеннаго сопротивленія, потерявъ половину своихъ людей. Въмѣстѣ съ дивизіею Партуно въ руки Витгенштейна попало еще отъ 5 до 6 тысячъ отсталыхъ солдатъ и масса багажа. См. Шамбре. Т. III, стр. 63—65; Фенъ. Т. II стр. 389 и слѣд.

ные крики и стоны несчастных, раздавленных колесами и конскими копытами. Пробраться къ мостамъ не было человѣческой возможности. Многіе бросались прямо въ рѣку, но шли ко дну, опрокинутые, сдавленные льдинами. Лошади, притиснутыя къ рѣкѣ, также бросались въ воду и топились; другія сбивались цѣлыми табунами у мостовъ и преграждали къ нимъ путь ¹⁾. Маршалъ Викторъ, желая дать безоружнымъ время перебраться за рѣку, приказалъ своимъ войскамъ перейти въ наступленіе. Хотя почти всѣ его войска состояли изъ поляковъ и особенно изъ нѣмцевъ ²⁾, на измѣну которыхъ рассчитывали наши генералы, но они ринулись впередъ съ отчаянною храбростію. Въ теченіи цѣлаго дня кипѣлъ, не прерываясь, самый ужасный бой. Неоднократно непріятельскія войска бросались въ атаку; разъ имъ удалось даже отчаяннымъ натискомъ прорвать нашъ центръ. Но Витгенштейнъ постоянно вводилъ въ дѣло подходившія къ нему свѣжія войска, и силы Викторъ начали постепенно ослабѣвать въ неравной борьбѣ ³⁾. Наступила ночь, непріятель былъ притиснутъ къ самой рѣкѣ и селенію Студянкѣ, и Викторъ понялъ невозможность защищать далѣе переправу. Надо было отказаться отъ мысли спасти безоружныхъ и обозы. Съ оружіемъ въ рукахъ, по трупамъ и тѣламъ живыхъ проложили себѣ дорогу къ мостамъ его войска. Небольшой арьергардъ, оставленный у Студянки, пытался спасти безоружныхъ, но тщетно. По переходѣ войскъ все такъ сдавалось и спуталось на берегу, что невозможно было подойти къ мосту. Генералъ Эбле приказалъ своимъ понтонерамъ проложить траншею черезъ эти горы повозокъ, черезъ

¹⁾ Объ этомъ страшномъ смятеніи см. Шамбре. Т. III, стр. 69; Фенъ, Т. II, стр. 400.

²⁾ Изъ двухъ дивизій Викторъ была одна польская, другая нѣмецкая, кавалерія была вся нѣмецкая. Изъ четырехъ дивизій Удино одна состояла изъ поляковъ, другая изъ швейцарцевъ и кроатовъ; только двѣ дивизіи были французскія.

³⁾ Показанія французовъ, въ томъ числѣ и Шамбре, что силы Витгенштейна въ пять разъ превосходили силы Викторъ, во всякомъ случаѣ крайне преувеличены. У Викторъ было около 11000, со стороны Витгенштейна въ бою принимали участіе не болѣе 16000 человекъ, остальными войска подоспѣли только къ ночи. См. „Русская Старина“ 1877 года, стр. 199.

эти груды мертвого и живого мяса. Они принялись за дѣло съ дикою энергіею: стогнали лошадей въ воду, втаскивали на мостъ повозки и опрокидывали ихъ въ рѣку, сворачивали въ сторону груды раздавленныхъ, обезображенныхъ труповъ ¹⁾. Но и силы этихъ героическихъ людей, жертвовавшихъ своею жизнью для спасенія остатковъ арміи, должны были истощиться подъ конецъ въ этомъ дикомъ хаосѣ смерти и безпорядка. Наступило восемь съ половиною часовъ утра: а почти всѣ безоружные и обозы продолжали толпиться на лѣвомъ берегу рѣки. Для этихъ несчастныхъ пробилъ теперь послѣдній часъ. Аррьергарду Виктора приказано было перейти черезъ рѣку и зажечь мосты ²⁾. Траншея, проложенная понтонерами Эбле, уже закрылась и войска должны были пролагать себѣ путь оружіемъ черезъ сплошную массу народа. Эта послѣдняя сцена была ужасна. „Французы, говоритъ очевидецъ, должны были дѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ противъ своихъ безоружныхъ земляковъ и боевыхъ товарищей“ ³⁾. Войска аррьергарда, перейдя рѣку, немедленно-же зажгли мосты. Пламя мгновенно охватило сухія балки; густые клубы чернаго дыму поднялись надъ рѣкою. Дикіе вопли отчаянія огласили лѣвый берегъ. Теперь, когда послѣдніе шансы спасенія исчезли, эти несчастные, напрягая послѣднія силы, бросились къ рѣкѣ. Многіе пытались перейти по горящимъ мостамъ, другіе старались пробраться по льдинамъ, спершимся между обоими мостами, но тѣ и другіе гибли въ борьбѣ со смертью. Одни, охваченные пламенемъ, ослѣпленные дымомъ, валились съ моста въ воду, другіе погружали льдины своею тяжестью въ воду и шли ко дну ⁴⁾.

¹⁾ Шамбре Т. III, стр. 72.

²⁾ Викторъ и Эбле употребили передъ тѣмъ всѣ усилія, чтобы побудить остальныхъ перейти черезъ мостъ, они приказывали даже жечь повозки,—все тщетно. См. Шамбре. Т. III, стр. 73.

³⁾ Фенъ. Т. II, стр. 400.

⁴⁾ Объ этомъ послѣднемъ и, быть можетъ, самомъ ужасномъ моментѣ переправы см. Фенъ, т. II, стр. 408 и слѣд.; Шамбре. Т. III, стр. 73—74; Фезензакъ, стр. 339 и слѣд.

Войска Витгенштейна между тѣмъ придвинулись къ самымъ мостамъ. Гулъ артиллерійскихъ орудій внезапно умолкъ, какъ бы ужаснувшись страшнаго зрѣлища, открывшагося передъ нимъ. Пространство на квадратную версту было покрыто полуразломанными экипажами, фурами, повозками; по землѣ валялись груды добычи, захваченной въ Москвѣ, всевозможные предметы роскоши. Между этими предметами валялись повсюду трупы, ползали раненные и умирающіе, бродили голодные, полузамерзшіе люди. Между солдатами, одѣтыми въ лохмотья, виднѣлись во множествѣ женщины и дѣти. У самыхъ мостовъ тѣла убитыхъ и раздавленныхъ лежали цѣлыми кучами ¹⁾. Всѣ крестьянскія избы, уцѣлѣвшія отъ разрушенія, были переполнены мертвецами и умирающими. Рѣка была запружена несмѣтнымъ количествомъ утонувшихъ пѣхотинцевъ, женщинъ и дѣтей. Цѣлые эскадроны всадниковъ, бросившихся въ рѣку, виднѣлись мѣстами изъ-подъ льдинъ, сбившихся надъ ними. Мѣстами надъ поверхностью воды виднѣлись какъ статуи окоченѣвшіе кавалеристы верхомъ на лошадяхъ, въ томъ положеніи, какъ застала ихъ смерть ²⁾. Морозъ возрасталъ съ минуты на минуту и положеніе несчастныхъ непріятелей, оставшихся въ живыхъ, особенно женщинъ и дѣтей, становилось все ужаснѣе. Собирая послѣднія силы, подходили и подползали они къ нашимъ солдатамъ и со слезами выпрашивали у нихъ кусокъ хлѣба. За обгрызокъ русскаго сухаря, надъ которымъ такъ потѣшались прежде французы, отдавали они теперь послѣднее свое достояніе, всю свою добычу. Офицеры предлагали за кусокъ хлѣба кольца, часы и послѣднія деньги. Наши солдаты не могли смотрѣть безъ сожалѣнія на этихъ несчастныхъ. Они дѣлились съ непріятелями, особенно съ женщинами и дѣтьми, своими послѣдними крохами ³⁾. Совершенно иначе отпосились къ французамъ наши казаки. Хищническіе инстинк-

¹⁾ Шамбре. Т. III, стр. 74; Сегюръ. Т. II, стр. 472. Шамбре говоритъ, что казаки Витгенштейна захватили 5000 плѣнныхъ и колоссальную добычу. Донесеніе графа Витгенштейна государю отъ 17 ноября (у Богдановича).

²⁾ См. Записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1176.

³⁾ Богдановичъ. „Исторія отечественной войны“. Т. III, стр. 283.

ты преобладали у нихъ надъ всѣмъ остальнымъ, надъ чувствомъ состраданія. Какъ волки рыскали они по страшному полю побоища, среди замерзшихъ болотъ и прибрежныхъ лѣсовъ. Не довольствуясь валявшеюся повсюду добычею, они обыскивали трупы убитыхъ и раздѣвали ихъ до-гола. Съ опасностью жизни вытаскивали они изъ рѣки мертвецовъ; покончивъ съ мертвыми, они принимались за живыхъ и сдирали съ нихъ послѣднія лохмотья, не смотря на ихъ слезы и жалобные крики ¹⁾.

Наступила ночь и страданія непріятелей, брошенныхъ на произволъ судьбы, достигли до своей крайней степени. Генералы, отдохавшіе въ сосѣднихъ избахъ, не могли уснуть отъ раздирающихъ душу воплей. Многіе изъ непріятелей пытались перелѣзть черезъ заборы и пробраться въ избы, но это послѣднее усиліе окончательно убивало ихъ. Чичаговъ, выйдя утромъ изъ своей квартиры, нашелъ вокругъ ея множество замерзшихъ. Они лежали въ самыхъ различныхъ позахъ, одни съ поднятыми руками, другіе съ поднятыми ногами ²⁾. По всѣмъ окрестнымъ лѣсамъ и болотамъ валялись трупы. Курьеры, отправляемые изъ нашей арміи, часто принуждены были останавливаться на пути, очищать дорогу отъ труповъ и вытаскивать мертвецовъ, попавшихъ между полозьями ихъ саней ³⁾. Медленное теченіе Березины, замедляемое къ тому-же пловучими льдинами, не въ состояніи было пронести огромнаго количества труповъ. По срединѣ рѣки, противъ самой Студянки, образовался цѣлый островъ изъ людскихъ и лошадиныхъ остововъ. Этотъ страшный монументъ переправы вид-

¹⁾ „Потрясающая картина бѣдствій непріятеля не производила большаго впечатлѣнія на нашихъ казаковъ, которые только и думали какъ-бы воспользоваться случаемъ поживиться; имъ однако не такъ много досталось добычи, какъ казакамъ Платова, Витгенштейна на правомъ берегу, которые взяли повозки съ золотыми, серебряными и другими драгоценными вещами, награбленными непріятелемъ въ Москвѣ. Поэтому мои казаки вытаскивали изъ рѣки тѣла и обирали платье ихъ, часы и кошельки. Такъ какъ этотъ промыселъ не казался имъ довольно выгоднымъ, то они снимали платье съ оставшихся въ живыхъ французовъ“ и т. д. Записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1176.

²⁾ Записки Чичагова, стр. 1177.

³⁾ Записки Чичагова, стр. 1177.

нѣлся до самаго весенняго половодья ¹⁾. Весною Минскій губернаторъ приказалъ собирать и сжигать трупы, валявшіеся между Борисовымъ, Студянкою и въ окрестностяхъ. Однихъ человѣческихъ труповъ сожжено было 24000 ²⁾.

Уже одна эта цифра показываетъ, какія громадныя потери понесла армія Наполеона при переправѣ черезъ Березину. Въ битвахъ на обоихъ берегахъ рѣки погибло около 6000 человѣкъ, почти столько же утонуло и замерзло, болѣе 12000 было взято въ плѣнъ. Изъ всей старой гвардіи, почти не принимавшей участія въ сраженіи, осталось въ строю не болѣе 2000 человѣкъ. До Березины у Наполеона было подъ ружьемъ около 30000 ч., послѣ Березины у него осталось всего 9000. Но потерю въ регулярныхъ войскахъ не исчерпывались человѣческія жертвы, принесенныя въ эти страшные дни. Изъ числа безоружныхъ, сопровождавшихъ Наполеона, погибло или попало въ плѣнъ не менѣе 25000 ч. Вся потеря французовъ подъ Березиною доходила, слѣдовательно, до пятидесяти тысячъ человѣкъ. Великая армія, можно сказать, уже не существовала послѣ этой несчастной переправы ³⁾.

Какъ ни велики были эти результаты, но успѣхъ могъ-бы быть несравненно полнѣе и совершеннѣе, если-бы наши главнокомандующіе стояли въ эти дни на высотѣ своей задачи.

¹⁾ Беригарди замѣчаетъ, что этотъ островъ, образовавшійся изъ остоновъ, существуетъ и понынѣ. См. Беригарди. Т. III, стр. 340.

²⁾ Записки Чичагова, стр. 1178.

³⁾ О потеряхъ французской арміи при Березинѣ нѣтъ совершенно точныхъ указаній. Фенъ полагаетъ, что потеря одними плѣнными (въ томъ числѣ отсталые), доходила до 15000 ч. и сраженіе при Березинѣ, замѣчаетъ Шамбре, было очень кровопролитно, но потери французовъ, принужденныхъ бросить своихъ раненыхъ, были чувствительнѣе. Тамъ на Березинѣ совершились судьбы великой арміи, передъ которой дрожала Европа; въ военномъ отношеніи она перестала существовать; ей не оставалось теперь иного спасенія кромѣ бѣгства. Т. III, стр. 71. Фезензакъ говоритъ, что въ ужасный день переправы погибло 15000 ч. „Souvenirs militaires“, стр. 336. Сегюръ опредѣляетъ потери великой арміи въ 20000 челов. Эта послѣдняя цифра, особенно если она относится къ однимъ вооруженнымъ и оставшимся въ строю солдатамъ, наиболѣе близка къ дѣйствительности, такъ какъ Наполеонова армія, насчитывавшая въ своихъ рядахъ до переправы болѣе 30000 ч., уменьшилась послѣ нея до 9000 ч.

Мы не говоримъ о Кутузовѣ, который, по своей или не своей винѣ, отсталъ въ это время далеко отъ непріятеля, а о генералахъ, распоряжавшихся подъ Березиною. Никто изъ нихъ не можетъ быть вполнѣ оправданъ отъ обвиненій, падающихъ на него. Витгенштейнъ дѣйствовалъ слишкомъ медленно и нерѣшительно и ограничился одною атакою на непріятельскій аррьергардъ. Но главная и самая тяжелая доля вины падаетъ безъ сомнѣнія на тщеславнаго и мелочнаго адмирала. На берегахъ Березины онъ доказалъ, какъ нельзя болѣе, свою полную военную несостоятельность. Благодаря его непостижимымъ распоряженіямъ, Наполеонъ успѣлъ одержать цѣлый рядъ побѣдъ надъ Дунайскою арміею и, если не спасти свою армію, то спасти самого себя, своихъ маршаловъ, большинство генераловъ, множество офицеровъ и сержантовъ, т. е. именно тѣ элементы, при помощи которыхъ образовалъ онъ потомъ съ такою невѣроятною быстротою новую полумилліонную армію. Но то былъ пока еще вопросъ темнаго будущаго ¹⁾; въ самый же моментъ совершающихся событій должно было ясно представиться передъ глазами всѣхъ, способныхъ понимать истину, одно по-

¹⁾ Наглость Чичагова выразилась особенно рельефно въ его донесеніи императору о переправѣ чрезъ Березину. Сначала онъ говоритъ о томъ, какъ, стоя у Борисова, онъ задерживалъ непріятеля въ теченіи трехъ дней, какъ потомъ, придя къ убѣжденію, что Наполеонъ направится къ югу, онъ не помѣшалъ непріятелю устроить переправу у Студанки. „Болото и лѣсъ по этому берегу, возвышенность по другому сдѣлали бесполезнымъ пренятствовать его переправѣ. Впрочемъ, рѣка такъ узка и мелка, что пѣхота его перевезена была на лошадяхъ подъ прикрытіемъ сзади устроенной на высотахъ батареи“. О сраженіи 16 ноября Чичаговъ говоритъ какъ-то вскользь. Численность Наполеоновыхъ войскъ онъ опредѣляетъ въ 70000 чел. и замѣчаетъ, что онъ ничего не могъ сдѣлать противъ нея съ 18 или 9 тысячами своей пѣхоты. „Впрочемъ, непріятель былъ отброшенъ на 4 или на 6 верстъ, съ потерей одного орудія, нѣсколькихъ офицеровъ, сотни плѣнныхъ и многихъ убитыхъ, потому что, признаюсь, я приказалъ солдатамъ не обременять насъ слишкомъ плѣнными, которые намъ въ тягость“. Чичаговъ кончаетъ свое донесеніе словами, въ которыхъ сказался онъ весь со всею своею невѣроятною наглостью. Врядъ-ли бы кто-нибудь другой отважился помѣстить подобныя слова въ донесеніи императору. Вотъ они: „Сію минутою узнаю, что непріятель уходитъ; буду его преслѣдовать. Можно надѣяться, что прибѣдутъ помощь и всѣ другіе, и непріятель отсюда до *Парижа* потерпитъ много потерь“.

трясающее и возвышающее душу явленіе. Наши операціонные планы оказались несостоятельными, наши генералы соперничали другъ съ другомъ въ страшныхъ ошибкахъ и упущеніяхъ, а между тѣмъ конечный результатъ превзошелъ наши ожиданія. Провидѣніе, столь явно покровительствовавшее намъ въ теченіи всей этой безпримѣрной войны, обращало въ спасеніе и славу наши заблужденія и губило нашего геніальнаго противника, не смотря на всѣ счастливыя случайности, выручавшія его, повидимому, на каждомъ шагѣ. И въ самомъ дѣлѣ! Подъ Малоярославцемъ мы очистили путь Наполеону на Калугу, а онъ, ослѣпленный самою судьбою, повернулъ на опустошенную Смоленскую дорогу. Подъ Краснымъ мы пропустили почти безъ боя разрозненные корпуса великой арміи, но одинъ изъ нихъ, о существованіи котораго забыли, казалось, и мы и непріатели, попалъ неожиданно въ наши руки и былъ истребленъ нами почти до послѣдняго человѣка, не смотря на героизмъ и военные таланты своего неустрашимаго вождя. Мы усугубили и утроили наши ошибки на Березинѣ, мы устроили бѣгущему Наполеону, въ полномъ смыслѣ, золотой мостъ; мы позволили слабому, можно сказать, издыхающему противнику разбить насъ на лѣвомъ берегу, отразить наши нападенія на правомъ,—и что-же? Наполеонъ дѣйствительно спасся, но его армія уже не существовала послѣ Березины. Число всѣхъ солдатъ, сохранившихъ оружіе, уменьшилось до 9000 человѣкъ; войска Виктора и Удино еще почти что свѣжія, нетронутыя нѣсколько дней тому назадъ, пришли въ такое-же плачевное состояніе, какъ и корпуса бывшей великой арміи. Непріятельскіе солдаты утратили послѣ Березины послѣдніе слѣды воинственнаго духа и дисциплины. Послѣднее страшное усиліе поглотило всѣ ихъ нравственныя и физическія силы. Отнынѣ они уже не въ состояніи болѣе сражаться, отбивать атаки преслѣдующаго непріателя, пролагать себѣ путь съ оружіемъ въ рукахъ. Они могутъ только бѣжать, бѣжать безъ оглядки, гонимые безсмысленнымъ страхомъ и животнымъ инстинктомъ самосохраненія. Нѣтъ уже болѣе надобности преслѣдовать ихъ регулярными войсками; достаточно однихъ

казаковъ и мороза, чтобы добивать ихъ, чтобы прекратить ихъ предсмертную агонію.

Какъ-же должны были подѣйствовать на умы и сердца современниковъ эти неожиданныя, небывалыя послѣдствія сраженій нерѣшительныхъ, дѣйствій нерѣдко ошибочныхъ и почти всегда запоздалыхъ? Не должны-ли они были вызвать въ сердцахъ вѣрующихъ непобѣдимое убѣжденіе, что мы сильны были помощію свыше, что Самъ Господь Всемогуцій поборалъ по насъ, что не намъ, а Ему обязаны мы своимъ спасеніемъ, своею побѣдою, своею славою. Люди міра сего продолжали толковать и въ это великое время о счастливыхъ случайностяхъ, о заслугахъ и ошибкахъ того или другаго лица. Массы-же народныя и люди, озаренные внутреннимъ свѣтомъ религіи, могли только преклоняться передъ величіемъ и ужасомъ страшнаго суда, совершившагося передъ ихъ глазами. „Не намъ, не намъ“, говорили они вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, „а имени Твоему даждь славу“.

ГЛАВА IX.

Дальнѣйшій планъ преслѣдованія.—Французы на Зембинской плотинѣ.—Наступленіе великихъ морозовъ.—Истребленіе французскаго аррьергарда.—Наполеонъ рѣшается оставить армію.—Бюллетени великой арміи и 29-й бюллетень.—Здоровье его Величества находится въ наилучшемъ состояніи.—Рѣчь Наполеона маршаламъ.—Императоръ передаетъ команду Мюрату.—Происшествіе въ Ошмянахъ.—Наполеонъ бесѣдуетъ съ своимъ министромъ и отдаетъ новыя приказанія Мюрату.—Наполеонъ въ Вильнѣ и Варшавѣ.—Его рѣчь польскимъ министрамъ.—Впечатлѣніе произведенное на армію бѣгствомъ Наполеона.—Разсужденія польскаго унтеръ-офицера.—Письмо маршала Виктора.—Страшныя послѣдствія холода.—Незабвенный бивуакъ.—Заборъ изъ жертвецовъ.—Смятеніе и давка у воротъ Вильны.—Неожиданный сюрпризъ для Виленцевъ.—Остатки великой арміи гибнутъ среди изобилія.—Паника Мюрата.—Катастрофа на Цоварской горѣ.—Послѣдняя часть московской добычи.—Свиданіе Кутузова съ Чичаговымъ.—Бѣгство французовъ отъ Вильны до Ковно.—Совѣщаніе маршаловъ и хлопоты солдатъ.—Героизмъ Нея.—Нѣманскій мостъ.—Послѣдняя встрѣча съ казаками.—„Я аррьергардъ великой арміи!“—Французы въ Кенигсбергѣ.—Потери великой арміи.—Истинныя причины катастрофы.—Наполеонъ ошибается и въ характерѣ Александра и въ характерѣ народа русскаго.—Провидѣніе спасаетъ Россію вопреки всѣмъ ошибкамъ нашихъ стратеговъ и безумію общественнаго мнѣнія.

Наши генералы и послѣ переправы черезъ Березину продолжали совѣщаться о способахъ дальнѣйшаго преслѣдованія великой арміи. Рѣшено было, что Дунайская армія будетъ преслѣдовать ее по пятамъ, что Витгенштейнъ будетъ тѣснить непріятеля съ праваго фланга, тогда какъ самъ Кутузовъ намѣревался слѣдовать, по прежнему, болѣе южнымъ путемъ и держаться наравнѣ съ лѣвымъ непріятельскимъ флангомъ ¹⁾).

¹⁾ Объ этихъ распоряженіяхъ см. у Богдановича, т. III, стр. 296—299 и у Попова, „Русская Старина“ 1877 года, ноябрь, стр. 265.

Напередъ можно было однако-же предвидѣть, что ни одна изъ нашихъ большихъ армій не въ состояніи будетъ настигнуть бѣгущаго безъ оглядки непріятеля и что задача дальнѣйшаго преслѣдованія выпадетъ всецѣло на долю нашихъ легкихъ войскъ, и въ особенности казаковъ. Кутузовъ понималъ это лучше кого-либо другаго. Онъ по прежнему щадилъ по возможности силы своихъ солдатъ ¹⁾, подвигался впередъ медленно и съ большими отдыхами, но поручилъ въ то же время атаману Платову гнаться за непріятелемъ изо всѣхъ силъ, постараться обойти его и отрѣзать ему путь отступленія къ Вильнѣ ²⁾.

Въ то время, когда массы нашей арміи частью отдыхали на берегахъ Березины, частью подходили къ рѣкѣ, остатки Наполеоновскихъ полчищъ тянулись въ страшномъ безпорядкѣ по узкимъ деревяннымъ гатамъ и мостамъ отъ Зембина къ Молодечнѣ. Удивленіе Наполеона и его генераловъ росло по мѣрѣ того, какъ углублялись они въ эти опасные дефилеи. Вокругъ нихъ тянулись безконечныя топкія болота, едва покрытыя сверху тонкою ледяною корою. Тамъ и сямъ виднѣлись вершины жалкаго, низкорослаго лѣса. По этимъ страшнымъ пустынямъ вилась узкая дорога, построенная изъ хвороста и деревянныхъ бревенъ. Невозможно было подвигаться по этому первобытному пути иначе, какъ крайне медленно и съ большою осторожностію. Сложенныя кое-какъ бревна подымались и опускались, подобно клавишамъ инструмента, подъ каждою повозкою и орудіемъ; мосты, устроенные на болѣе топкихъ мѣстахъ и черезъ рѣченки и ручьи, подламывались подъ тяжелыми фурами и орудіями; полотно дороги было такъ узко, что два экипажа не могли двигаться по немъ рядомъ. Легко себѣ представить, что случилось-бы съ непріятельскою арміею въ этихъ страшныхъ мѣстахъ, если-бы Чичаговъ раскопалъ заблаговременно хотя въ нѣсколькихъ

¹⁾ Себя лично Кутузовъ не щадилъ. Чтобы распоряженія его были приведены въ исполненіе съ успѣхомъ, онъ сдалъ начальство надъ своими войсками генералу Торماسову, а самъ, на перекладныхъ, не смотря на утомленіе и нездоровье, поскакалъ къ Дунайской арміи. Поповъ, стр. 365.

²⁾ См. Богдановичъ. Т. III, стр. 298.

мѣстахъ эти гати и сжегъ нѣсколько мостовъ. „Болота не были вполнѣ замерзшими“, говоритъ Жюмини, „и если-бы русскіе имѣли время сжечь Зембинскіе мосты, то все было-бы потеряно“ ¹⁾. „Во время похода послѣ переправы“, говоритъ очевидецъ-французъ, „при переходѣ черезъ Зембинскій мостъ, который построенъ въ родѣ плотины изъ лѣсу на козлахъ и составляетъ единственный проходъ на значительномъ протяженіи черезъ болото, мы могли судить о той опасности, которой мы избѣжали. Ничего не могло быть легче для непріятеля, какъ истребить или сжечь его“ ²⁾. „Достаточно было огня изъ казачьей трубки, чтобы сжечь всѣ эти мосты“, замѣчаетъ другой очевидецъ ³⁾, „и тогда всѣ наши подвиги при переправѣ черезъ Березину оказались-бы напрасными. Захваченные на этомъ пространствѣ между болотами и рѣкою, безъ продовольствія, при сильной снѣжной мятели, великая армія и императоръ принуждены-бы были сдаться въ плѣнъ безъ боя“.

Но Наполеону и его арміи не было времени торжествовать по поводу своего спасенія изъ Зембинскихъ болотъ. Новый, страшный врагъ, врагъ стихійный, неумолимый, возсталъ противъ нихъ и отнималъ послѣднія надежды на спасеніе. До сихъ поръ великая армія страдала не столько отъ холода, сколько отъ голода. Теперь роли перемѣнились: непріятели вступили въ такую страну, гдѣ не все было опустошено войною, гдѣ извѣстные классы населенія (поляки и жида) охотно снабжали ихъ продовольствіемъ, хотя нерѣдко за страшныя деньги ⁴⁾; но за то температура начала быстро

¹⁾ Жюмини. Жизнь Наполеона. Ч. II, стр. 236.

²⁾ Dumas, Souvenirs. Т. III, стр. 473—474.

³⁾ Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 374—375. См. также Фезензакъ, Souvenirs Militaires. Описавъ Зембинскіе мосты, онъ замѣчаетъ: „испытывая всѣ эти неудобства движенія по узкимъ мостамъ, мы утѣшали себя мыслью, что было-бы, если-бы непріятель, обращая менѣе вниманія на защиту дороги въ Минскъ, позаботился болѣе о дорогѣ на Вильну. Стоило ему только сжечь одинъ изъ этихъ мостовъ, чтобы потопить насъ всѣхъ въ болотахъ“. Стр. 338, см. также Brandt. Т. I. стр. 479. „Французы, говоритъ этотъ почтенный свидѣтель,—прямо недоумѣвали, какъ не воспользовались русскіе этою мѣстностью, чтобы нанести арміи Наполеона послѣдній ударъ“.

⁴⁾ См. Шамбре. Expedition de Russie. Т. III, стр. 99—100.

падать и зима со всѣми своими ужасами обрушилась на великую армію. Уже въ послѣдній день переправы черезъ Березину термометръ упалъ ниже—10 гр., а затѣмъ морозъ усиливался съ каждымъ днемъ и часомъ и достигъ, наконецъ, до 27 гр. ¹⁾). Легко себѣ представить страшное дѣйствіе такого холода на людей, одѣтыхъ въ одни лохмотья и принужденныхъ проводить даже ночи на бивуакахъ подъ открытымъ небомъ. „Это не была уже та смерть“, говоритъ очевидецъ, „которая представлялась намъ доселѣ въ столькихъ разнообразныхъ формахъ. Морозъ поражалъ свои жертвы съ быстротою молніи; онъ истреблялъ безъ различія, сильныхъ и слабыхъ, здоровыхъ и больныхъ. По сторонамъ дороги не валялись уже умирающіе; но за то, повсюду на дорогѣ и особенно вокругъ бивуаковъ, виднѣлись цѣлыя массы труповъ“ ²⁾).

Морозъ довершилъ разрушеніе великой арміи, но на ряду съ нимъ продолжали дѣйствовать съ страшною силою и другіе разрушительные элементы. Порядокъ, возстановленный хотя отчасти съ такими усиліями передъ Березиною, рушился окончательно и безповоротно уже при вступленіи на Зембинскую плотину. Войска двигались впередъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Офицеры, солдаты, деньщики, женщины, раненые сбились въ пеструю толпу ³⁾). Исчезли послѣдніе слѣды мундира. Кавалеристы тащились впередъ пѣшкомъ, ведя въ поводу своихъ измученныхъ лошадей. Генералы и знатныя лица, потерявшіи при переправѣ всѣ свои экипажи и запасы, очутились вдругъ въ положеніи голодныхъ, нищихъ бродягъ ⁴⁾). Со слезами выпрашивали они у солдатъ кусокъ хлѣ-

¹⁾ Шамбре говоритъ: „съ 3-го декабря холодъ вдругъ принялъ размѣры, неизвѣстные въ нашемъ климатѣ. 5-го числа термометръ показывалъ 20 гр. ниже нуля, 6-го 24 гр., 7-го 26, и увѣряютъ, что въ слѣдующіе затѣмъ дни онъ опустился на 30 гр. ниже нуля“. *Expedition de Russie*. Т. III, стр. 115.

²⁾ Шамбре. Т. III, стр. 116. „Jamais, восклицаетъ онъ, l'armée n'éprouva un pareil désastre!“ Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, что морозъ истреблялъ уже не армію, а лишь ея жалкіе остатки. Самъ Шамбре свидѣтельствуетъ, что уже три дня послѣ переправы черезъ Березину въ арміи насчитывалось всего лишь 8,800 вооруженныхъ.

³⁾ См. Fezensac, *Souvenirs, Militaires* 338.

⁴⁾ См. Шамбре. *Expedition de Russie*. Т. III, стр. 99.

ба или лошадиного мяса. Почти никто не оставался въ рядахъ; никто не отдавалъ приказаній, да и некому было исполнять ихъ. Всѣ части войска, всѣ роды оружія смѣшались въ одну безобразную массу. Конные и обозы спѣшили какъ безумные впередъ, топтали и давили пѣшихъ. Императорская главная квартира, столь блестящая въ началѣ войны, стала неузнаваема въ эти дни. Гвардія шла въ безпорядкѣ; недовольство и мрачное отчаяніе виднѣлись на лицѣ каждого солдата. Императоръ ѣхалъ въ каретѣ съ маршаломъ Бертье; за ними тянулись нѣсколько другихъ экипажей, тощихъ лошадей и муловъ, ускользнувшихъ отъ общей гибели. Адъютанты императора и маршала шли пѣшкомъ, ведя въ поводьяхъ своихъ тощихъ коней; иногда, чтобы перевести духъ, они усаживались на запяткахъ экипажей. Подобно похоронной процессіи тянулось это шествіе среди мрачныхъ, еловыхъ лѣсовъ, „усугублявшихъ, замѣчаетъ очевидецъ ¹⁾, ужасъ этой картины“ ²⁾.

А между тѣмъ преслѣдователи были уже близко. Едва только непріятельскій аррьергардъ миновалъ Зембинъ и сжегъ мосты, какъ казаки, легко пробиравшіеся по мерзлымъ болотамъ, внезапно появились въ большомъ числѣ съ обоихъ фланговъ и съ тылу. Они успѣли перехватить и переколотъ нѣсколько отсталыхъ, но были прогнаны назадъ пушечными и ружейными выстрѣлами. Но за казаками двигался цѣлый отрядъ генерала Чаплица. Вскорѣ за Зембинымъ онъ ударилъ на непріятельскій аррьергардъ, взялъ семь пушекъ и четверста плѣнныхъ ³⁾. На другой день авангарды Чаплица и

¹⁾ См. Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 314.

²⁾ „Наша колонна, рассказываетъ Брандтъ, держалась тѣсно сомкнутою, но на каждомъ привалѣ мы не досчитывались нѣсколькихъ людей. На разсвѣтъ холодъ усиливался; мы встрѣтили въ темнотѣ нѣсколько пустыхъ пороховыхъ фуръ, въ нихъ везли раненыхъ. Изъ нѣкоторыхъ фуръ слышались раздражающія сердце просьбы раненыхъ покончить ихъ жизнь. Среди этихъ ужасовъ двигались мы впередъ. Каждую минуту наталкивались мы на мертвецовъ и умирающихъ. Офицеры и солдаты сидѣли изнеможенные на дорогѣ и ожидали, казалось, смерти. Солнце взошло красное какъ кровь, холодъ былъ невыносимъ. Мы расположились бивуакомъ близъ какой-то деревушки. Вокругъ горящихъ костровъ лежали живые и мертвые“ и т. д. Brandt. Т. I, стр. 479.

³⁾ См. Богдановичъ Т. III, стр. 303.

Платова вытѣснили маршала Виктора, прикрывавшаго съ остатками 9-го корпуса отступление великой арміи, изъ с. Плещениць, гнали его до Хотавичъ, отбили шесть орудій и взяли тысячу четыреста плѣнныхъ. 20 и 21 ноября послѣдовали два новыя нападенія, причемъ непріятель потерялъ около 2000 плѣнныхъ, 10 орудій и два штандарта ¹⁾.

Маршалъ Викторъ, еще такъ недавно покрывшій себя такою славою въ неравной борьбѣ съ Витгенштейномъ на берегу Березины, пришелъ теперь въ отчаяніе въ виду такого неутомимаго преслѣдованія со стороны русскихъ и страшныхъ потерь своего корпуса. Уже у Зембина заявлялъ онъ о невозможности удерживать непріятеля съ своими войсками, поспешными страшными потери въ сраженіи при Студянкѣ. Теперь, передъ Молодечною, онъ повторилъ свои заявленія и жалобы ²⁾; но императору было уже не до него и не до аррьергарда великой арміи. Онъ убѣдился, наконецъ, что гибель этой арміи дѣло безповоротное и рѣшенное и не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія раздѣлить ея участь. Прибывъ въ Молодечну, онъ рѣшилъ бросить свои погибающія войска и поспѣшить во Францію, чтобы собрать тамъ новыя силы для продолженія борьбы.

Было-бы несправедливо порицать безусловно это рѣшеніе императора, считать отъѣздъ его изъ арміи безчестнымъ и недостойнымъ дѣломъ. Такіе упреки были-бы вполнѣ основательными, если-бы Наполеонъ былъ только генераломъ, полководцемъ. Но онъ былъ прежде всего государемъ, главою великаго народа. Его поступки опредѣлялись не одними только военными, но и политическими соображеніями. Его отъѣздъ во Францію былъ одинаково необходимъ,—все равно, слѣдовало-ли продолжать войну, или заключить миръ. Ему необходимо было явиться какъ можно скорѣе во главѣ новой арміи въ Германіи, чтобы удержать въ повиновеніи своихъ недовольныхъ, колеблющихся союзниковъ. Его при-

¹⁾ См. Богдановичъ. Т. III, стр. 303.

²⁾ См. подробное донесеніе Виктора маршалу Бертье, отъ 5-го декабря, у Шамбре. Т. III, стр. 121—123.

существование необходимо было и во Франціи, гдѣ недовольство росло съ каждымъ днемъ, гдѣ безумная попытка Мале могла быть повторена съ большимъ успѣхомъ и болѣе искусными руками ¹⁾).

Собираясь бѣжать изъ арміи, Наполеонъ считалъ однако-же необходимымъ предупредить свой народъ и Европу хотя нѣсколько о катастрофѣ, постигшей его въ Россіи. Сказать всю правду онъ не хотѣлъ, боясь чтобы она не произвела слишкомъ подавляющаго впечатлѣнія на его приверженцевъ и не побудила его тайныхъ враговъ возстать открыто противъ него. Но онъ понималъ въ то-же время, что необходимо поднять завѣсу, приготовить умы, убавляемые постоянными вѣстями о его новыхъ и новыхъ побѣдахъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ составить въ Молодечнѣ и отправить поспѣшно въ Парижъ знаменитый 29-й бюллетень.

До сихъ поръ во всѣхъ своихъ бюллетеняхъ Наполеонъ старался представить въ ложномъ свѣтѣ все положеніе дѣлъ и вызвать повсемѣстно надежды на счастливое окончаніе этого безпримѣрнаго похода. Напрасно стали-бы мы искать въ нихъ не только яснаго и опредѣленнаго изложенія хода военныхъ дѣйствій, но и указанія на важнѣйшіе рѣшающіе моменты. Въмѣсто этого мы, то и дѣло, встрѣчаемъ въ нихъ подробности, очевидно второстепенныя и желаніе во что-бы то ни стало скрыть истину. Такъ въ трехъ первыхъ бюллетеняхъ посланныхъ изъ Москвы, мы встрѣчаемъ много подробностей о пожарѣ русской столицы и о тѣхъ громадныхъ запасахъ, которые найдены были въ ней ²⁾. 23-й и 24-й бюллетени, посланные также изъ Москвы, даютъ нѣсколько подробностей о позиціяхъ, занимаемыхъ французскою и русскою арміею. Въ первомъ изъ нихъ мы читаемъ кромѣ того слѣдующія слова: „Уже въ теченіи восьми дней у насъ солнце и

¹⁾ Такъ разсуждаетъ между прочимъ и Шамбре, но у Наполеона могли быть и другія болѣе эгоистическія побужденія. Не говоря уже о желаніи спасти свою дорогую особу, онъ бросилъ армію и для того, чтобы имѣть потомъ возможность утверждать: „дѣла пошли-бы не такъ, если-бы я не принужденъ былъ оставить армію“. См. Бернгарди. Т. II, стр. 341.

²⁾ См. Шамбре. Т. III, стр. 103.

теплѣе, нежели въ Парижѣ въ это время года; не замѣчаемъ, что мы такъ далеко на сѣверѣ“. „Погода все еще хорошая“, говорится во второмъ бюллетенѣ. „Первый снѣгъ показался 13-го октября, черезъ двадцать дней надо расположиться на зимнихъ квартирахъ“ ¹⁾).

25-й бюллетень повѣствуетъ о сраженіи при Винковѣ (Тарутинѣ), объ оставленіи Москвы и взрывѣ Кремля. „Погода“, говорится въ заключеніе, „все еще хороша, какъ во Франціи въ октябрѣ, быть можетъ, даже теплѣе; но въ первыхъ числахъ ноябрю наступятъ, вѣроятно, холода. Все показываетъ, что надо подумать о зимнихъ квартирахъ. Наша кавалерія особенно нуждается въ нихъ. Пѣхота оправилась въ Москвѣ и находится въ отличномъ состояніи“ ²⁾). Въ 26 бюллетенѣ, отправленномъ изъ Боровска, 23 октября, Наполеонъ говоритъ о своихъ новыхъ планахъ. „Императоръ, сказано въ немъ, разсчитываетъ двинуться съ 24 октября, дабы достигнуть Двины и занять позицію, которая приблизитъ его на 80 лье къ Петербургу и Вильнѣ“. „Жители Россіи“, читаемъ мы тутъ-же, „не запомнятъ такой погоды, какъ та, которая стоитъ уже 20 дней. Это солнце, эти прекрасные дни напоминаютъ Фонтенебло. Армія находится въ богатой странѣ, могущей соперничать съ лучшими мѣстностями во Франціи и Германіи“ ³⁾).

27-й бюллетень, посланный изъ Вереи, заключаетъ въ себѣ разсказъ о сраженіи при Малоярославцѣ. Французы одержали, разумѣется, полную побѣду. „Послѣ битвы императоръ прибылъ въ Малоярославецъ, осмотрѣлъ позиціи непріятеля и отдалъ приказъ атаковать ихъ на другой день утромъ; но ночью непріятель отступилъ. Принцъ Экмюльскій (Даву) преслѣдовалъ его на разстояніи шести лье, затѣмъ императоръ остановилъ преслѣдованіе и повелѣлъ арміи двинуться на Верею“. Изобразивъ въ этихъ, совершенно непонятныхъ для всякаго непосвященнаго въ дѣло читателя, словахъ начало

¹⁾ См. Шамбре. Т. III, стр. 104.

²⁾ См. Шамбре. Т. III, стр. 105.

³⁾ См. Шамбре. Т. III, стр. 105.

отступленія, бюллетень вновь распространяется о погодѣ. „Погода прекрасная, дороги отличныя, это конецъ осени: такая погода продолжится еще дней восемь, а за это время мы достигнемъ нашихъ новыхъ позицій“ ¹⁾. По словамъ этого-же бюллетеня, русская армія почти несуществуетъ, старая русская пѣхота уничтожена совершенно, остались одни рекруты, да донскіе казаки ²⁾.

Прошло 15 дней послѣ публикаціи этого бюллетеня, великая армія достигла Смоленска въ совершенно разстроенномъ видѣ, но Наполеонъ имѣлъ наглость написать такую фантазію: „До 6 ноября стояла хорошая погода, но съ 7-го началась зима; мы потеряли около 3000 обозныхъ лошадей и сотню зарядныхъ ящиковъ. Отъ самаго Малоярославца мы не видѣли другихъ непріятелей кромѣ казаковъ; только подъ Вязмою тысячъ двѣнадцать русской пѣхоты, поддерживаемыхъ тучею казаковъ, пытались перерѣзать дорогу между Даву и Евгеніемъ, но были отброшены въ лѣса, потеряли шесть пушекъ и множество плѣнныхъ“ ³⁾.

Какъ ни тщательно скрывалъ Наполеонъ истину во всѣхъ своихъ бюллетеняхъ, но тревожные слухи о дѣйствительномъ положеніи арміи все-таки начали доходить до Франціи. Въ интересахъ самого Наполеона необходимо было теперь поспѣшить изображеніемъ послѣднихъ событій и притомъ въ наивозможно выгоднѣйшемъ свѣтѣ. Эту несовсѣмъ легкую задачу Наполеонъ разрѣшилъ самымъ блистательнымъ образомъ въ своемъ 29 бюллетенѣ ⁴⁾.

И въ этомъ наглomъ произведеніи Бонапартовской лжи напрасно стали-бы мы искать истины. И въ немъ великій императоръ оказывается побѣдоноснымъ и непогрѣшимымъ. Онъ принужденъ былъ оставить Смоленскъ единственно по-

¹⁾ Такимъ образомъ, изъ собственныхъ словъ Наполеона оказывается, что осень 1812 года была необычайно теплая и зима наступила поздно.

²⁾ „Русская армія, сказано тутъ буквально, поддерживается только многочисленными подкрѣпленіями казаковъ, прибывающихъ постоянно съ Дону“. См. Шамбре. Т. III, стр. 106.

³⁾ См. Шамбре. Т. III, стр. 107.

⁴⁾ См. полный текстъ бюллетеня у Шамбре. Т. III, стр. 209—217.

тому, что правое крыло великой арміи (т. е. Шванценбергъ, являющійся въ настоящемъ случаѣ козломъ отпущенія) оставило операціонную линію, проходящую черезъ Минскъ и избрало базой своихъ дѣйствій Варшаву ¹⁾. Дѣла подъ Краснымъ, на Березинѣ изображаются, разумѣется, въ бюллетенѣ, рядомъ блестящихъ побѣдъ великой арміи. Преслѣдованіе русскихъ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Великая армія страдаетъ исключительно отъ погоды и лишь отчасти отъ казаковъ. „Стужа, начавшаяся 7-го, внезапно усилилась: 15 и 16 было отъ 16 до 18 град. мороза. Дороги покрылись гололедицею; лошади погибали каждую ночь не сотнями, а тысячами; въ нѣсколько дней ихъ пало около 30000; кавалерія принуждена была спѣшиться; артиллерія и обозы остались безъ лошадей; пришлось бросить, либо истребить значительную часть орудій, зарядовъ и припасовъ. Армія, столь прекрасная 6 ноября (!), 14-го уже не имѣла почти вовсе ни кавалеріи, ни артиллеріи, ни обозовъ. Не имѣя кавалеріи, не было возможности и за версту высылать развѣзды; безъ артиллеріи нельзя было дать сраженія; надлежало отступать, уклоняясь отъ боя, котораго мы не могли желать по недостатку зарядовъ. Необходимо было занимать довольно большое пространство, чтобы не позволить русскимъ обойти насъ, а мы не имѣли кавалеріи, которая развѣдывала-бы о непріятелѣ и поддерживала связь между нашими колоннами. Такія неудобства, вмѣстѣ съ чрезвычайною внезапно наступившею стужею, сдѣлали положеніе наше несноснымъ ²⁾. Непріятель, видя по дорогамъ слѣды ужасныхъ бѣдствій, обрушившихся на французскую армію, старался тѣмъ воспользо-ваться и окружалъ со всѣхъ сторонъ наши колонны казаками, которые, подобно арабамъ въ пустынѣ, захватывали на-

¹⁾ „Notre droite quitta la ligne d'operation de Minsk, et prit pour pivot de ses operations la ligne de Warsowie. L'empereur apprit à Smolensk, le 9 ce changement de ligne d'operation, et presuma ce que ferait l'ennemi. Quelque dur qu'il lui parût de se mettre en mouvement dans une si cruelle saison, le nouvel état des choses le necessitait“. Шамбре. стр. 209.

²⁾ „Rendit notre situation facheuse“. Шамбре, Т. III, стр. 210.

ши обозы. Эта негодная конница ¹⁾, которая может производить только шумъ и не въ состояніи прорвать даже одной роты стрѣлковъ, сдѣлалась грозною въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какія мы были поставлены“ ²⁾.

Обвинивъ въ бѣдствіяхъ арміи погоду и казаковъ, Наполеонъ не усумнился бросить тѣнь и на многихъ изъ своихъ несчастныхъ сподвижниковъ. „Люди“, говорилось въ бюллетенѣ, „не одаренные отъ природы достаточною способностью переносить всѣ превратности судьбы и счастья, потеряли бодрость духа и думали только о катастрофахъ. Тѣже, которые стояли выше обстоятельствъ, сохранили свою веселость и обычные нравы и жили новою славою, преодолевая столь разнообразныя трудности“. Такъ отважился говорить Наполеонъ о тѣхъ сотняхъ тысячъ, которые пали, наконецъ, подъ невыносимою тяжестью катастрофы, виновникомъ которой былъ онъ одинъ. „Развѣ бѣдствія“, угнетавшія армію, замѣчаетъ Шамбре, „не превосходили мѣру силъ человѣческихъ? Развѣ не дрались всѣ съ рѣдкимъ мужествомъ до тѣхъ поръ, пока въ состояніи были нести оружіе? Вы знаете это,—поля при Красномъ, и вы опустошенные берега Березины! Развѣ воины, сражавшіеся при Малоярославцѣ, не изнывали подъ тяжестью бѣдствій, когда пришлось имъ вновь драться подъ Краснымъ? А тѣ, которые дрались тутъ, не подверглись-ли потомъ одной общей участи? Страшныя бѣдствія, преслѣдовавшія армію, развѣ они не произвели одинаковаго дѣйствія на войска всѣхъ націй? И если гвардія выдерживала долѣе другихъ, то лишь единственно потому, что ей раздавали припасы и не заставляли идти въ аррьергардъ“ ³⁾. Наконецъ, развѣ и тѣ люди, которые видѣли столько битвъ, которыхъ не могли потрясти никакія опасности, не пали подобно новичкамъ?“

Обвинивъ своихъ товарищей по оружію въ малодушіи, На-

¹⁾ Буквально: эта презрѣнная конница (*cette meprisable cavalerie*“).

²⁾ „Le rendit redoutable, à la faveur des circonstances“.

³⁾ „Его Величество, сказано между прочимъ въ бюллетенѣ, остался крайне доволенъ духомъ, господствовавшимъ въ гвардіи“. Шамбре. Т. III, стр. 216.

наполеонъ имѣлъ въ концѣ концовъ наглость утверждать, что его армія вовсе не погибла, что она нуждается лишь въ отдыхѣ, въ восстановленіи дисциплины, снабженіи кавалеріи и артиллеріи лошадьми. Но что армія? Дѣло вовсе не въ ней. Только-бы остался живъ и невредимъ самъ императоръ. Тогда ничего не потеряно, тогда новыя арміи явятся сами собою. И 29-й бюллетень спѣшилъ успокоить міръ на этотъ счетъ. „Здоровье Его Величества“, возвѣщала онъ въ заключеніе, „никогда не было въ болѣе лучшемъ состояніи“ ¹⁾. Спрашивается, можно-ли было относиться съ большею наглостью, не скажемъ къ общественному мнѣнію, а къ главному горю, обрушившемуся на французскую націю, къ трауру, облекшему половину европейскаго населенія?

Наполеонъ отнюдь не тревожился подобными сентиментальными соображеніями. Занятый мыслью о своемъ скоромъ отъѣздѣ, онъ думалъ остановиться на время въ Молодечнѣ, чтобы отдать на досугъ свои послѣднія распоряженія. Кста-ти тутъ былъ прекрасный дворецъ графа Огинскаго, гдѣ можно было расположиться съ комфортомъ. Но русскіе не давали ему покою. Вскорѣ вдали раздались глухіе пущечные выстрѣлы. То войска Чаплица и Платова атаковали вновь аррьергардъ Виктора. Наполеонъ бѣжалъ поспѣшно дальше въ Беницу, а оттуда въ Сморгоны. Въ тылу его кипѣлъ между тѣмъ ожесточенный бой. Викторъ пытался удержаться передъ Молодечною, но Чаплицъ отбросилъ его къ мѣстечку съ потерей пятисотъ плѣнныхъ и восьми орудій. Викторъ отступилъ за рѣку Ушу, сломалъ на ней мосты и вновь попытался остановить русскихъ, но на помощь къ Чаплицу уже подоспѣли отрядъ Ермолова и вся Дунайская армія. Войска наши нашли плотину въ лѣсу, въ трехъ верстахъ ниже Молодечны, переправились по ней рано утромъ и внезапно ударили на непріятеля. Пораженіе Виктора было полное. Войска его толпами бросали ружья и сдавались въ плѣнъ. Вся артиллерія Виктора, около 20 орудій, и болѣе двухъ съ половиною тысячъ плѣнныхъ достались побѣдите-

¹⁾ „La santé de sa Majesté n'a jamais été meilleure“.

лямъ. Аррьергардъ великой арміи, вновь сформированный послѣ Березины, былъ истребленъ окончательно. Самъ маршалъ Викторъ донесъ объ этой катастрофѣ, требуя, чтобы прикрытіе дальнѣйшаго отступленія великой арміи возложено было на другія войска ¹⁾),

Кстати войска эти подходили на встрѣчу великой арміи. Изъ Вильны выдвинута была къ Ошмянамъ дивизія Луазона, состоявшая изъ свѣжихъ войскъ, почти исключительно нѣмцевъ и итальянцевъ. Въ то же самое время приблизились къ великой арміи и остатки баварскихъ войскъ подъ начальствомъ Вреде. Присоединивъ къ своимъ войскамъ эти слабыя подкрѣпленія, Наполеонъ призвалъ къ себѣ въ Сморгоняхъ Мюрата, вице-короля, Бертье и всѣхъ маршаловъ ²⁾). Онъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи уѣхать немедленно-же въ Парижъ и тутъ-же передалъ начальство надъ арміею Мюрату въ качествѣ своего намѣстника. Рѣчь, произнесенная при этомъ случаѣ Наполеономъ, въ высшей степени характерна. Понятно, что Наполеонъ не могъ скрывать отъ своихъ ближайшихъ сотоварищей страшной катастрофы, обрушившейся на него и на его армію; но въ высокой степени любопытно, что онъ старался прежде всего оправдать въ глазахъ ихъ самого себя, свалить всю вину на обстоятельства и на другихъ второстепенныхъ лицъ ³⁾).

„Я оставляю васъ, говорилъ онъ, но лишь для того, чтобы возвратиться къ вамъ съ тремястами тысячъ солдатъ. Надо во время приготовиться ко второй кампаніи, ибо въ первый разъ нельзя было окончить войны одною кампаніею. И кто-же виноватъ въ этомъ? ⁴⁾ Пятнадцать дней спустя послѣ открытія военныхъ дѣйствій, миръ долженъ-бы былъ

¹⁾ См. подробности у Богдановича. Донесеніе Виктора у Шамбре. Т. III, стр. 121.

²⁾ Свое намѣреніе оставить армію Наполеонъ, по словамъ Сегюра, сообщилъ прежде всего Дюроку и Дарю. Сегюръ рассказываетъ также, что Наполеонъ посвящалъ вслѣдъ затѣмъ отдѣльно cadaго изъ маршаловъ въ свое намѣреніе и успѣлъ получить ихъ согласіе. Другіе свидѣтели ничего не знаютъ объ этихъ переговорахъ, да они вовсе и не соотвѣтствуютъ характеру Наполеона. См. Сегюръ. Т. II, стр. 393.

³⁾ Текстъ рѣчи см. у Фена, Manuscrit de 1812. Т. II, стр. 421—424.

⁴⁾ „Et pourtant à quoi cela a-t-il tenu?“

быть подписанъ въ Вильнѣ, но Багратіонъ съ своими сорока тысячами русскихъ успѣлъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ, и вы знаете, кто виноватъ въ этой ошибкѣ! ¹⁾ Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Смоленскъ былъ обойденъ, захваченъ въ располхъ, и ни одинъ русскій солдатъ не былъ въ состояніи закрыть передъ нами его ворота. Этотъ великій ударъ могъ-бы разомъ склонить Петербургскій кабинетъ къ миру, но дали время Невѣровскому достигнуть Смоленска, соединиться съ Раевскимъ и съ двумя большими русскими арміями. Тѣмъ не менѣе мы взяли Смоленскъ, и Барклай де-Толли принужденъ былъ проходить подъ огнемъ нашихъ орудій, чтобы достигнуть Московской дороги, но по непостижимому умопомраченію, герцога Абрантскій ²⁾ не хотѣлъ занять рѣшающей позиціи. Петербургъ отданъ былъ въ жертву ничтожной Шведской патрули, но вдругъ Бернадотъ возмечталъ сдѣлаться императоромъ вмѣсто меня. Наконецъ, Москва падаетъ въ наши руки; на этотъ разъ вѣрный залогъ мира. Но интриги англичанъ превращаютъ ее въ пепелъ. Тогда я беру на себя роль непріятеля, я обращаюсь съ словами примиренія; но императоръ Александръ уже не тотъ человѣкъ, какимъ былъ онъ въ Тильзитѣ, когда просилъ мира у меня. Мы рѣшились отступить, и наши резервы были расположены такимъ образомъ, что всякая непріятельская армія, осмѣлившаяся стать на нашемъ пути, должна была быть уничтожена. Но вы знаете исторію нашихъ несчастій, и какъ мало виновны въ нихъ русскіе. Они могутъ сказать о себѣ, подобно Афинянамъ Ѳемистокла: „Мы-бы погибли, если-бы не потерялись“. Нашъ единственный побѣдитель — это холодъ, его преждевременная жестокость обманула даже самихъ туземцевъ ³⁾. Контръ-марши Шварценберга довершили дѣло.

¹⁾ Извѣстно, что Наполеонъ винилъ въ этомъ всецѣло брата своего Иеронима, короля Вестфальскаго.

²⁾ Маршалъ Жюно. Онъ дѣйствительно не подкрѣпилъ въ сраженіи при Валутиной горѣ, во-время, маршала Нея, и тѣмъ далъ возможность Барклаю отразить нападеніе французовъ.

³⁾ Любопытно сравнить эти слова съ совершенно противоположными показаніями въ 26-мъ бюллетенѣ. См. выше стр. 337.

И такъ безумная дерзость поджигателя, противоестественная зима (!), подлая интрига, тупыя притязанія, кое-какія ошибки, быть можетъ, измѣна, и постыдныя тайны, которыя выйдутъ безъ сомнѣнія на свѣтъ ¹⁾,—вотъ что привело насъ въ наше теперешнее положеніе. Видано-ли когда-либо, чтобы столь выгодные шансы были разстроены столь непредвидѣнными случайностями? Русская кампанія останется тѣмъ же менѣе славною, самую трудною и наиболѣе почетною изъ всѣхъ, упоминаемыхъ въ новой исторіи“.

Окончивъ свою рѣчь, Наполеонъ передалъ Мюрату инструкцію, опредѣлявшую дальнѣйшій ходъ отступленія великой арміи. При чтеніи этой инструкціи невольно приходитъ въ голову, что составляя ее, Наполеонъ началъ уже разыгрывать въ ней ту комедію, которую продолжалъ онъ потомъ на островѣ Св. Елены. Игнорируя тотъ основной фактъ, что его армія уже не существуетъ, онъ предписываетъ Мюрату собрать армію въ Вильнѣ, держаться въ этомъ городѣ и занять зимнія квартиры. Въ случаѣ наступленія русскихъ и невозможности оставаться впереди Нѣмана, правое крыло должно прикрывать Гродно и Варшаву, а остальные войска стать на лѣвомъ берегу Нѣмана, занимая Ковно въ видѣ мостоваго укрѣпленія. Наполеонъ предписываетъ вслѣдъ затѣмъ собрать большіе запасы провіанта въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Варшавѣ, Торпѣ, наиболѣе-же цѣнныя вещи отправить въ Данцигъ. Не ограничиваясь этими, вовсе не соответствовавшими обстоятельствамъ, распоряженіями, Наполеонъ приказывалъ даже формировать въ Ковнѣ литовскія ополченія и назначалъ для реорганизации своихъ корпусовъ такіе пункты, какъ Варшаву, Олиту, Гродно ²⁾. Трудно повѣрить, чтобы Наполеонъ вѣрилъ хотя минуту въ возможность и исполнимость подобныхъ предписаній. Онъ хотѣлъ только обмануть ими свѣтъ, онъ хотѣлъ показать ими всѣмъ и каждому, что онъ оставилъ армію далеко не въ отчаянномъ положеніи, и что дѣйствительная катастрофа произошла послѣ его отъ-

¹⁾ Трудно понять, о какихъ тайнахъ говоритъ тутъ Наполеонъ.

²⁾ Инструкція Мюрату см. Шамбре. Т. III, стр. 109—111.

ѣзда. Мюратъ въ этомъ случаѣ принесенъ былъ въ жертву. Уже на островѣ Св. Елены Наполеонъ имѣлъ безстыдство диктовать въ свои мемуары слѣдующія строки: „Если-бы императоръ остался при войскахъ, или передалъ команду принцу Евгенію, то армія никогда-бы не отступила за Вильну, одинъ резервный корпусъ стоялъ въ Варшавѣ, другой въ Кенигсбергѣ; но они позволили перепугать себя нѣсколькимъ казакамъ и ночью въ безпорядкѣ очистили Вильну. Только съ этого момента начались великія потери этой кампаніи, и все несчастье заключалось въ томъ, что сила обстоятельствъ требовала одновременнаго пребыванія императора и въ Парижѣ, и при арміи. Онъ не предвидѣлъ, да и не могъ предвидѣть того безумнаго образа дѣйствія, которому слѣдовали въ Вильнѣ“. Изъ тѣхъ-же мемуаровъ мы узнаемъ, къ нашему величайшему изумленію, что великая армія состояла въ моментъ отъѣзда Наполеона изъ 80,000 человѣкъ, что гвардія была нетронута вовсе и наоборотъ русская армія состояла всего лишь изъ 50,000 человѣкъ ¹⁾).

Позабывшись на всякій случай такъ осмотрительно на счетъ своей репутаціи какъ великаго полководца, Наполеонъ, уѣзжая изъ Сморгонь, принялъ въ то-же время всѣ мѣры для обезпеченія своей личной безопасности во время пути. Дивизія Луазона, выдвинутая къ Ошмянамъ, должна была гарантировать его отъ покушеній со стороны казаковъ. Онъ ѣхалъ сначала въ каретѣ, въ сопровожденіи Коленкура, сзади слѣдовали въ саняхъ Дюрокъ и Мутонъ; на козлахъ кареты помѣстился польскій уланскій капитанъ Вонсовичъ, долженствовавшій служить вмѣсто переводчика. Наполеонъ пустился въ путь *incognito*; считая дорогу совершенно безопасною, онъ взялъ съ собою лишь небольшой отрядъ Неаполитанской кавалеріи ²⁾).

Уже на первыхъ станціяхъ Наполеонъ, самъ не зная то-

¹⁾ См. Мемуары Наполеона. Т. II, стр. 114. Шамбре, разбирая это мнѣніе, замѣчаетъ: „это уже не только ложь, но и черная клевета“. Чтобы ее опровергнуть, достаточно вспомнить, что говорилъ Наполеонъ спустя нѣсколько дней послѣ отъѣзда изъ Сморгонь въ Вильнѣ своему министру Маре.

²⁾ См. Сегюръ. Т. II, стр. 398. Солтыкъ, стр. 457—458.

го, подвергался однако-же два раза самымъ серьезнымъ опасностямъ, и только счастливый случай спасалъ его каждый разъ отъ гибели. Дивизія Луазона, выступивъ изъ Вильны, согласно данному предписанію, заняла Ошмяны и расположилась, вслѣдствіе сильнаго холода, въ самомъ мѣстечкѣ. Русскій партизанъ, полковникъ Сеславинъ, пробравшись впередъ, проселочными путями, подошелъ поздно вечеромъ къ городу съ гусарскимъ полкомъ, казаками и орудіемъ и внезапно ворвался въ Ошмяны. Войска Луазона, имѣвшія на своей сторонѣ громадное численное превосходство, немедленно отбросили его назадъ. Сеславинъ отступилъ, совершенно не зная, что къ Ошмянамъ подъѣзжаетъ въ это время Наполеонъ въ сопровожденіи небольшого конвоя ¹⁾.

Наполеонъ прибылъ благополучно въ Ошмяны, разминувшись, какъ-бы чудомъ, съ русскими партизанами. Тутъ онъ нашелъ всю дивизію Луазона. Она состояла изъ семи французскихъ баталіоновъ, двухъ баталіоновъ неаполитанцевъ и десяти баталіоновъ нѣмецкихъ войскъ. Императоръ остановился въ одномъ изъ лучшихъ домовъ и гренадерскія роты нѣмецкихъ полковъ откомандированы были занять почетный караулъ. Маіоръ 113 французскаго полка Лапи обратился къ нѣмецкимъ офицерамъ съ такими словами: „господа! теперь настала минута!“ ²⁾ Ненависть къ тирану была такъ распространена въ это время между германскими войсками, что всѣ присутствующіе тотчасъ-же поняли слова маіора. Все столпилось вокругъ него, рѣшено было покончить съ Наполеономъ. Условились, что старѣйшій изъ участвующихъ капитановъ долженъ ворваться въ домъ, заколотъ въ дверяхъ мамелюка и убить затѣмъ самого Наполеона. Заговорщики думали потомъ повести свои войска съ распущенными знаменами и съ музыкою на встрѣчу къ русскимъ и возвѣстить имъ гибель тирана. Ничто не могло, повидимому, воспрепятствовать исполненію замысла. 113 полкъ состоялъ почти весь изъ Сардинцевъ, можно было рассчитывать на его

¹⁾ См. Богдановичъ. Т. III, стр. 310.

²⁾ „Maintenant! Messieurs, ce serait le moment“.

содѣйствіе. Сеславинъ былъ недалеко отъ города съ своимъ отрядомъ. Но одно дѣло составлять заговоръ, и другое приступать къ его исполненію. Капитанъ С... ¹⁾, долженствовавшій заколотъ Наполеона, вдругъ вспомнилъ, что дѣло, на которое онъ собирается идти,—убійство, что оно не согласно съ честью нѣмецкаго дворянина и офицера. Онъ полагалъ, что Лапи, сдѣлавшій предложеніе, долженъ принять на себя его исполненіе. Лапи съ своей стороны отказывался, говоря, что онъ не командуетъ ротою, что у него нѣтъ въ распоряженіи людей. Пока оба офицера спорили между собою, стараясь свалить одинъ на другаго задуманное дѣло, въ дверяхъ вдругъ появился Коленкуръ. Онъ ударилъ въ ладоши и крикнулъ съ нетерпѣніемъ: „Ну, почему мы не ѣдемъ?“ ²⁾. Вслѣдъ затѣмъ подъѣхала къ крыльцу карета и сани Наполеона. Императоръ весь закутанный въ шубу, сѣлъ въ экипажъ. Лошади тронулись. Минута, говорить очевидно, была потеряна ³⁾.

Изъ Ошмянъ Наполеонъ прибылъ благополучно въ Мѣдники, гдѣ его встрѣтилъ Маре, его министръ иностранныхъ дѣлъ. Наполеонъ усадилъ съ собою министра въ карету, поспѣшно продолжалъ путь и уже въ 10 часовъ утра 24-го ноября прибылъ въ Вильну. Не желая показываться кому-либо на глаза, императоръ объѣхалъ городъ и остановился въ Ковенскомъ предмѣстѣи въ пустомъ домѣ, всѣ строенія вокругъ котораго истреблены были недавнимъ пожаромъ. Во всемъ домѣ была лишь всего одна нетопленная комната, да кухня ⁴⁾. Тутъ въ этой жалкой обстановкѣ, провелъ около двухъ часовъ повелитель полуміра въ интимной бесѣдѣ съ своимъ министромъ. Разговоръ вращался вокругъ мотивовъ, побудившихъ императора спѣшить обратно во Францію, об-

¹⁾ Онъ былъ Саксенъ-Веймарскій капитанъ.

²⁾ Eh bien! pourquoi ne partons-nous pas.

³⁾ Весь этотъ разсказъ мы находимъ у Бернгарди. Онъ былъ переданъ ему непосредственнымъ участникомъ. См. Бернгарди. Записки Толя. Т. II, стр. 343—344.

⁴⁾ Наполеонъ расположился въ комнатѣ, свита его помѣстилась въ кухнѣ. См. Шамбре. Т. III, стр. 112.

паго положенія дѣлъ и положенія великой арміи. „Что касается до арміи“, замѣтилъ Наполеонъ, „то она уже не существуетъ; нельзя назвать арміею толпы бродягъ, блуждающихъ въ разныхъ направленіяхъ и разыскивающихъ пищу и пристанище. Изъ нихъ можно-бы было еще составить армію, если-бы на какомъ-либо изъ ближайшихъ пунктовъ можно было достать хлѣба, снабдить обувью и одеждою людей, которые не въ состояніи идти босикомъ по гололедицѣ, при двадцати градусахъ мороза. Но моя военная администрація ничего не предвидѣла, а мои приказанія не были исполнены“. Маре возразилъ, что этотъ послѣдній упрекъ не совсѣмъ справедливъ, что въ Вильнѣ собраны громадныя запасы всякаго рода ¹⁾, что одного живаго скота заготовлено тутъ на 36 дней для ста тысячъ человѣкъ, что запасено также громадное количество пива и водки и что въ Виленскихъ цейхаузахъ находится тридцать тысячъ паръ башмаковъ, множество амунничныхъ вещей и 27,000 ружей. Императоръ слушалъ съ возрастающимъ удивленіемъ показанія своего министра; очевидно, онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о Виленскихъ запасахъ. „Вы возвращаете мнѣ жизнь“ ²⁾, вскричалъ онъ съ радостью. „Оставайтесь-же здѣсь до пріѣзда Мюрата и маршала Бертье, прикажите имъ моимъ именемъ держаться въ Вильнѣ, по-крайней мѣрѣ 8 дней, возстановить физически и нравственно солдата и сдѣлать его способнымъ продолжать отступленіе не въ столь жалкомъ видѣ“. „Скажите имъ“, добавилъ Наполеонъ, „что таковы мои желанія и что я рассчитываю, что они будутъ исполнены“ ³⁾. Сядя въ экипажъ, императоръ еще разъ обратился къ своему министру: „я увѣренъ, что вамъ удастся убѣдить короля Неаполитанскаго создать здѣсь новую базу для отступле-

¹⁾ Всѣ свѣдѣнія о запасахъ см. у Шамбре. Т. III, стр. 217—218. Онъ заимствовалъ ихъ изъ подлинной докладной записки, представленной Наполеону Маре.

²⁾ „Vous me rendez la vie!“

³⁾ Dites-leurs, que telles sont mes intentions, et que je compte qu'elles seront remplies.

нія. Скажите ему, что отъ этого зависитъ спасеніе арміи, скажите ему, что я разсчитываю на него“ ¹⁾).

На пути къ Варшавѣ Наполеонъ бросилъ свою карету въ Вилковишкахъ и пересѣлъ на сани, предложенныя ему польскимъ паномъ Вибскимъ ²⁾). Вообще, поляки и въ это время продолжали относиться съ величайшимъ подобострастіемъ къ своему мнимому освободителю. Они все еще не хотѣли вѣрить въ возможность страшной катастрофы, совершавшейся на ихъ глазахъ; они все еще продолжали слѣпо вѣрить въ звѣзду императора. Между тѣмъ Наполеонъ прибылъ въ Варшаву 28 ноября. Избѣгая и тутъ всякихъ официальныхъ встрѣчъ и пріемовъ, онъ остановился въ гостинницѣ „Англія“ и приказалъ позвать къ себѣ президента совѣта министровъ герцога Варшавскаго, графа Потоцкаго, министра финансовъ Матушевича, еще нѣсколькихъ польскихъ савошниковъ и посланника своего де-Прадта. Наполеонъ обратился къ собравшимся съ такими словами: „Не удивляйтесь, видя меня здѣсь, — я былъ не въ силахъ воевать съ стихіями. Я потерялъ всю мою кавалерію, почти всю артиллерию и всѣ обозы; въ двѣ ночи пало три тысячи лошадей. Я убѣдился, что французы могутъ еще воевать при морозѣ въ семь градусовъ, нѣмцы не переносятъ болѣе пяти. Меня будетъ судить потомство. Я сдѣлалъ промахъ, оставшись двѣ лишніе недѣли въ Москвѣ. Меня провели, увѣряя, что бояре примутъ мою сторону, и что крестьяне прибѣгнутъ ко мнѣ, чтобы освободиться отъ рабства. Все это ложь! я нашелъ, что поселяне вѣрны своему государю, что дворянство преисполнено усердія къ правительству. Ничего невозможно сдѣлать съ этимъ дикимъ суевѣрнымъ народомъ. Казаки — это дьяволы! Я поручилъ Королю Неаполитанскому начальство надъ арміею, а самъ ѣду въ Парижъ, чтобы приготовиться къ новой кампаніи. О князѣ Шварценбергѣ не знаю ничего. Я надѣялся найти его здѣсь, полагая, что онъ

¹⁾ Dites-lui que le salut de l'armée est là; dites-lui, que je compte sur lui“. Обо всей этой бесѣдѣ см. Шамбре. Т. III, стр. 113—114.

²⁾ Шамбре называетъ его M. Wibiski Т. III, стр. 114.

охраняетъ герцогство Варшавское. Но вы сами должны содѣйствовать возстановленію вашего отечества“, добавилъ императоръ, обращаясь къ полякамъ. „Нужно сдѣлать послѣднее усиліе, набрать вновь войска, и въ особенности какъ можно болѣе легкой кавалеріи. Если не заключимъ мира, то я возвращусь къ вамъ весною съ новою арміею. У меня достанетъ людей на вашу защиту. Впрочемъ надѣюсь, что Австрія и Пруссія рѣшительнѣе стануть на мою сторону“¹⁾.

Окончивъ эту странную рѣчь, въ которой, кромѣ обычнаго самохвальства, было, однакоже, нѣсколько болѣе правды, нежели обыкновенно и сдѣлавъ совершенно неисполнимое распоряженіе о немедленномъ-же наборѣ десяти тысячъ казаковъ въ предѣлахъ герцогства Варшавскаго, Наполеонъ поспѣшно продолжалъ свой путь. Онъ остановился еще на нѣсколько часовъ въ Дрезденѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ вѣрнѣй-

¹⁾ Де-Прадтъ разсказываетъ, что Наполеонъ говорилъ, кромѣ приведенныхъ въ текстъ словъ, еще и многое другое, въ высокой степени характерное для него: „Мы пришли къ нему въ 3 часа; онъ всталъ изъ-за стола. Поздоровавшись съ министрами, онъ замѣтилъ: „Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Вы полагаете, что я счастливо избѣгъ страшныхъ опасностей? Ни малѣйшихъ! Возбужденіе—это моя жизнь; чѣмъ болѣе безпокойства, тѣмъ лучше чувствую я себя. Только дѣливые короли откармливаются въ своихъ дворцахъ; я чувствую себя лучше всего на конѣ и въ лагерѣ. Вы, кажется, здѣсь очень поражены. Пустяки! армія моя великолѣпная, у меня 120,000 человекъ. Я повсюду разбивалъ русскихъ; нигдѣ не рѣшались они противостать мнѣ; это уже не прежніе солдаты Эйлау и Фридланда. Въ Вильнѣ наши должны удержаться; я собираюсь привести 300,000 человекъ. Успѣхъ внушитъ отвагу русскимъ; я дамъ имъ два или три сраженія на Одерѣ и черезъ шесть мѣсяцевъ буду опять на Нѣманѣ. Я сдѣлаю на тронѣ гораздо больше, нежели во главѣ моихъ армій; правда, я оставляю ихъ неохотно, но необходимо наблюдать за Пруссіею и Австріею, и повторяю, на тронѣ я сдѣлаю гораздо болѣе, нежели во главѣ армій. Все это пустяки, несчастіе—слѣдствіе климата; на сторонѣ непріятеля нѣтъ ни малѣйшей заслуги; я билъ его по всюду. Меня хотѣли отрѣзать на Березинѣ, но у меня были отличныя войска и пушки, позиція была превосходная, болота на 1500 сажень и рѣка“. Онъ повторилъ это два раза. Затѣмъ онъ говорилъ много о сильныхъ и твердыхъ душахъ, о слабыхъ умахъ, приблизительно о томъ-же, что писалъ онъ въ 29-мъ бюллетенѣ. Потомъ онъ продолжалъ: „я продолжалъ совѣтъ не такіа дѣла. При Маренго я былъ разбитъ до шести часовъ вечера, а на другое утро я былъ господиномъ Италіи. При Эслингенѣ я сдѣлался повелителемъ Австріи. Этотъ эрцгерцогъ думалъ поймать меня, онъ что-то писалъ объ этомъ, не помню—что. Я не могъ помѣшать Дунаю подняться въ теченіи ночи на 16 футовъ. Да, безъ этой случайности наступилъ-бы ко-

шимъ изъ своихъ вассаловъ, королемъ Саксонскимъ, и уже 7 декабря прибылъ въ Парижъ, два дня спустя послѣ обнародованія 29-го бюллетеня.

Завоеватель ускользнулъ на этотъ разъ отъ гибели. вмѣстѣ съ нимъ исчезла и всякая надежда на конечное прекращеніе борьбы, на умиротвореніе несчастнаго европейскаго челоѣчества. Новыя грозныя тучи начали скопляться на далекомъ западѣ. Наполеонъ дѣйствительно собралъ новыя страшныя силы для возобновленія борьбы; но эти силы не въ состояніи были уже предохранить отъ конечнаго истребленія остатки полумилліонныхъ полчищъ, заведенныхъ завоевателемъ въ Россію.

Когда вѣсть объ отъѣздѣ Наполеона распространилась по арміи, то негодованіе большинства офицеровъ и солдатъ не знало предѣловъ. Многіе изъ нихъ разразились громкими

нецъ Австрійской монархіи; но въ небесахъ было написано, что я долженъ жениться на Австрійской эрцгерцогинѣ; точно также не моя вина, что въ Россіи зимою мерзнетъ. Каждое утро мнѣ говорили, что ночью я потерялъ 10000 лошадей, ну что-жъ! Туда и дорога! Наши норманскія лошади далеко не такъ выносливы, какъ русскія; онѣ не могутъ выдержать 9 градусоѡ холода; тоже самое и люди; посмотрите на баварцевъ, изъ нихъ не осталось почти ни одного. Быть можетъ, будутъ говорить, что я оставался слишкомъ долго въ Москвѣ. Можетъ быть, но погода стояла прекрасная; зима наступила необыкновенно рано; я ожидалъ мира. 5-го октября я отправилъ Лористона, чтобы завязать переговоры. Я намѣревался идти въ Петербургъ.... Наши должны удержаться въ Вильнѣ. Я оставилъ тамъ короля Неаполитанскаго... Да, да, политическая сцена обширна; кто ничѣмъ не рискуетъ, ничего не выиграетъ. Отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ. Русскіе показали себя. Императоръ Александръ любимъ; у нихъ громадныя толпы казаковъ. Да, въ этой націи есть нѣчто. Коренные крестьяне преданы правительству. Дворянство сѣло на коня. Мнѣ предлагали освободить крѣпостныхъ, я не хотѣлъ объ этомъ слышать; они бы перерѣзали всѣхъ. Это было-бы мерзко; я велъ правильную войну съ императоромъ Александромъ, но кто-бы повѣрилъ, что они могли когда-нибудь совершить такое дѣло, какъ сожженіе Москвы. Теперь они приписываютъ его мнѣ; но это ихъ дѣло. Оно сдѣлало-бы честь Риму". Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ, говорить министрамъ о необходимости организовать какъ можно скорѣе казачій корпусъ. Тщетно представляли ему министры печальное положеніе своей страны, онъ упорно стоялъ на своемъ мнѣніи. Я позволилъ себѣ вмѣшаться въ разговоръ, когда рѣчь зашла о снисхожденіи къ нуждамъ герцогства. Онъ согласился на выдачу въ видѣ займа двухъ или трехъ милліоновъ серебрянной піемонтской монеты, и двухъ милліоновъ бумажныхъ денегъ. Онъ возвѣстилъ насъ о скоромъ прибытіи дипломатическаго корпуса (изъ Вильны). „Все это шпіоны,

проклятіями на своего, еще такъ недавно обожаемаго повелителя. „Онъ бѣжитъ, какъ бѣжалъ изъ Египта“, восклицали они; „онъ оставляетъ насъ, предавъ насъ гибели“ ¹⁾. Были однако и такіе, впрочемъ весьма немногіе, которые утѣшали себя и другихъ тщетными надеждами. „Императоръ уходитъ“, говорили они, „для того, чтобы вернуться къ намъ опять. Онъ явится съ новою арміею и если не спасетъ насъ, то по крайней мѣрѣ отомститъ за насъ. Нѣкоторые“, замѣчаетъ очевидецъ, „качали головою, слушая эти рѣчи и замѣчали, что они въ свою очередь очень желали-бы поступить также, какъ императоръ“ ²⁾. Особенно характерно выражались чувства польскихъ солдатъ, возлагавшихъ въ началѣ кампаніи такія надежды на императора. „Французы спѣли свою пѣсенку“, замѣтилъ старый польскій унтеръ-офицеръ. „Молодцы стали неузнаваемы. При видѣ

замѣтилъ онъ; я не хотѣлъ и слышать о нихъ въ моей главной квартирѣ. Они только и знаютъ, что пишутъ“ „донесенія своимъ дворамъ“. Такъ длился разговоръ около трехъ часовъ. Огонь потухъ, мы всѣ начинали мерзнуть, но императоръ, взволнованный своею рѣчью, не чувствовалъ холода. На предложеніе идти черезъ Силезію, онъ отвѣчалъ: А! А! Пруссакки. Наконецъ, повторилъ еще два или три раза: „отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ“, спросилъ, знаютъ-ли его? и добавивъ, что впрочемъ ему это безразлично, увѣривъ нѣсколько разъ министровъ въ своемъ покровительствѣ и посоветовавъ имъ мужаться, онъ объявилъ, что намѣренъ ѣхать далѣе. Я повторилъ мое заявленіе, что въ теченіи моего посольства я не пренебрегъ ничѣмъ, что могло служить его интересамъ. Я и министры выразили наши почтительнѣйшія и искреннѣйшія пожеланія добраго здоровья и счастливаго пути. „Никогда не чувствовалъ я себя лучше! и если-бы во мнѣ сидѣлъ самъ дьяволъ, то мнѣ было-бы еще здоровѣе“. Это были его послѣдніе слова. Онъ уѣхалъ въ свои скромныя сани и скрылся изъ виду“.

Извѣстно, что книга де-Прадта „Исторія моего посольства въ Польшу“, скорѣе памфлетъ, нежели исторія, но кто-же станетъ отрицать, что рѣчи, приписываемыя здѣсь Наполеону, дышатъ духомъ великаго плебея-завоевателя, что онъ не могли быть вымышлены никѣмъ другимъ. Къ тому-же Огинскій свидѣтельствуеть, что Потоцкій и Матушевичъ повторили ему въ 1815 г. слово въ слово все то, что записано у де-Прадта. См. де-Прадтъ. *Geschichte der Gesandtschaft in Polen*, стр. 211 и слѣдующія. Огинскій *Denkwürdigkeiten*. Т. III стр. 305.

¹⁾ „Il fuit comme en Egypte! Il nous abandonne après nous avoir sacrifiés!“ Шамбре, Т. III, стр. 114.

²⁾ Fezensac, *Souvenirs Militaires*, стр. 343.

казацкой шапки, они бѣгутъ какъ безумные. Это чистый стыдъ. Да и самъ, господинъ императоръ поспѣшилъ убраться по-добру по-здорову“.— „Что ты говоришь? прервалъ его при этихъ словахъ офицеръ.— „Да что? Императоръ убрался съ своими маршалами и оставилъ насъ здѣсь разхлебывать кашу“.— „Но откуда взялъ ты это, какъ можешь ты рассказывать подобныя вещи!“— „Господинъ, отвѣчалъ солдатъ, всѣ французы знаютъ уже объ этомъ и ругаются на пропалую“. Офицеръ старался убѣдить солдата, что императоръ вѣроятно поспѣшилъ впередъ въ Вильну, чтобы приготовить тамъ все къ приему арміи. „Какъ-разъ“, возразилъ солдатъ, „нѣтъ, онъ передалъ команду Мюрату“¹⁾.

При такомъ тяжеломъ настроеніи, въ безотрадномъ сознаніи, что они погибли, что они брошены на жертву своимъ безжалостнымъ повелителемъ, пришлось совершать солдатамъ великой арміи послѣднюю часть отступленія. Преслѣдованіе русскихъ продолжалось съ прежнею силою. Послѣ дѣла при Молодечнѣ, 22 ноября, маршалъ Викторъ писалъ Бертье: „войска мои находятся въ такомъ жалкомъ состояніи, что я принужденъ избѣгать всякой встрѣчи съ русскими. Наши ведеты въ виду русскихъ; вѣроятно и сегодня меня будутъ тѣснить столь-же сильно, какъ и вчера; полагаю, что его величеству (Мюрату) слѣдовало-бы отъѣхать отъ насъ далѣе“²⁾. Слова Виктора не замедлили оправдаться. Уже у Бенницы, въ то время какъ безпорядочныя толпы великой арміи спѣшили по дорогѣ отъ Сморгонѣ къ Опшянамъ, Чаплицъ настигъ французскій аррьергардъ и обратилъ его въ бѣгство съ потерей тысячи двухсотъ человѣкъ и семи орудій. Французы надѣялись найти въ Опшянахъ обильные ма-

¹⁾ Весь этотъ въ высшей степени характерный разговоръ сообщаетъ Брандтъ. Имя унтеръ-офицера Василенко. См. *Aus dem Leben des Generals der Infanterie von Brandt*. T. I. стр. 491. Фезензакъ замѣчаетъ по поводу отъѣзда Наполеона: „Это событіе было новымъ несчастіемъ для армій. Уваженіе къ генію императора внушало всѣмъ довѣріе; страхъ передъ нимъ удерживалъ всѣхъ въ предѣлахъ долга. Послѣ его отъѣзда всякій началъ поступать по своему, и приказы, отдаваемые королемъ Неаполитанскимъ, не исполнялись никѣмъ“. *Souvenirs Militaires*, стр. 345.

²⁾ Шамбре. Т. III, стр. 120.

газины, но партизанскій отрядъ Кайсарова явился въ мѣстечко раньше ихъ и сжегъ всѣ запасы. Между тѣмъ Чаплицъ вновь атаковалъ Виктора и совершенно разсѣялъ весь его отрядъ, захвативъ три тысячи плѣнныхъ и всю артиллерию изъ 25 орудій ¹⁾).

Мюратъ, подходившій уже въ это время къ Вильнѣ, приказалъ составить новый аррьергардъ изъ дивизіи Луазона и баварскихъ войскъ Вреде. Приказъ этотъ отданъ былъ въ то время, когда отъ дивизіи Луазона оставалась только одна тѣнь. Войска Луазона выступили изъ Вильны въ составѣ 10,000 человѣкъ, но страшный холодъ, а еще болѣе разлагающее вліяніе остатковъ великой арміи уменьшили ее въ теченіе нѣсколькихъ дней до трехъ тысячъ человѣкъ ²⁾).

Несравненно ужаснѣ русскихъ свирѣпствовали въ жалкихъ толпахъ бѣглецовъ морозъ, голодъ и отсутствіе всякаго порядка. Всѣ ужасы, всѣ страданія предшествующихъ переходовъ были ничто въ сравненіи съ этими послѣдними днями агоніи великой арміи. Въ эти дни термометръ понижался нерѣдко до 27 градусовъ, и малѣйшее дуновеніе вѣтерка пронизывало до мозга костей всякое живое существо. „Холодъ проникалъ черезъ кожу, мускулы, кости“, говоритъ очевидецъ, „до самого мозжечка. Поверхность кожи становилась бѣлая, какъ снѣгъ, а члены, хрупки, какъ алебастръ. Удароподобный припадокъ поражалъ нерѣдко, внезапно, все тѣло, и трупъ еще дышавшій, дѣлался неподвижнымъ. Тогда можно было отламывать отъ него руки и ноги безъ малѣйшаго усилія, и живой мертвецъ не чувствовалъ при этомъ никакой боли“ ³⁾. „Мы выступили на слѣдующій день“, раз-

¹⁾ Богдановичъ, Т. III, стр. 315

²⁾ „La seule division Loison, qui prit l'arrière-garde à Oszmiana, et qui était alors forte de dix mille hommes, perdit par le froid sept mille hommes en trois jours“ Шамбре. Т. III, стр. 116.

³⁾ См. Вильсонъ, *Geheime Geschichte des Feldzugs, von 1812 in Russland*; стр. 296. „То было страшное время, о которомъ говоритъ Фенъ: Рука примерзаетъ къ оружію, слезы леденѣютъ на щекъ; деревенѣешь, застываешь, шагаешься изъ стороны въ сторону. Горе тому, кто упадетъ на землю!“ См. *Manuscript de 1812*. Т. II, стр. 419.

сказываетъ другой очевидецъ. „Быль жестокий холодъ. На половинѣ перехода мы принуждены были остановиться у брошеннаго бивуака. По всей дорогѣ лежали замерзшіе. Мы видѣли, какъ люди, начинавшіе замерзать, шли сначала невѣрными шагами, затѣмъ начинали шататься, какъ пьяные изъ стороны въ сторону и, наконецъ, валились на землю“ ¹⁾. Проходившіе мимо спѣшили раздѣть мерзлыхъ, и прежде всего стащить съ нихъ обувь. Ужасенъ былъ видъ этихъ голыхъ мертвецовъ; пальцы ихъ ногъ, нерѣдко обнаженные отъ мяса, вызвали невольное чувство отвращенія. Остававшіеся въ живыхъ надѣвали на себя по двѣ, по три шинели или рвали ихъ на клочки и обматывали себѣ ими ноги. Странно, что не смотря на долгій путь, на ужасный опытъ, люди эти были на столько непрактичны, что не умѣли предохранить себя отъ дѣйствія холода, даже въ томъ случаѣ, если у нихъ были на это средства. Они могли-бы взять урокъ у любой крестьянки. Въмѣсто того чтобы закутать шею, лице и уши, они обматывали себѣ ноги сотнями платковъ и тряпокъ и тѣмъ крайне затрудняли движеніе. Многіе закрывали себѣ грудь платками вмѣсто того, чтобы предохранить отъ мороза уши и носъ. Также непрактично вели они себя и на бивуакахъ ²⁾. Какъ безумные тѣснились они къ разведеннымъ кострамъ, подвергая свои полузамерзшіе члены гибельному вліянію жара. Одни сгорали живьемъ, другіе, заснувъ у огня, не просыпались и тогда, когда огни давно уже погасли, а ихъ товарищи двинулись далѣе въ путь ³⁾. „Я никогда не забуду одинъ изъ нашихъ бивуаковъ; воспоминаніе о немъ наводитъ еще и теперь на меня ужасъ. Вблизи деревушки, наполненной солдатами, мы замѣтили нѣсколько ярко горящихъ костровъ, вокругъ нихъ валялись мертвецы. Мы страшно устали; было уже поздно и мы порѣшили сдѣлать тутъ привалъ. Мертвецы были оттащены въ

¹⁾ „Умиравшіе умоляли проходившихъ положить трупы ихъ товарищей на ихъ замерзшіе члены, чтобы вызвать тѣмъ теплоту, развивающуюся отъ антонова огня“. См. Вильсонъ, стр. 297.

²⁾ Aus dem Leben d. Generals von Brandt. T. I, стр. 489.

³⁾ Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée T. II, стр. 409.

сторону, живые заняли мѣста у огней, и мы расположились, по возможности удобно. Высокій плетень, такъ казалось, намъ по крайней мѣрѣ, защищалъ насъ отъ ледянаго вѣтра. Онъ весь былъ заметенъ снѣгомъ. Мимо насъ проходило много солдатъ. Всѣ завидовали нашему удобному бивуаку, нѣкоторые останавливались немножко отдохнуть, другіе пытались пристроиться къ намъ. Усталость взяла мало-по-малу свои права. Многіе заснули, другіе предались своимъ думамъ; болѣе крѣпкіе таскали дрова и поддерживали пламя. Всю ночь шель снѣгъ, холодъ былъ очень силенъ. Согрѣешь одну сторону, надо грѣть другую; поддержишь одну ногу у огня, надо придвигать другую. Настало наконецъ утро и мы собрались въ походъ. Но изъ нашего небольшого отряда не хватало 13 человекъ и все раненыхъ! Сердце разрывалось у меня отъ жалости. Надо намъ было проходить мимо плетня и тутъ только мы замѣтили, что это былъ не плетень, а груда труповъ, наваленныхъ другъ на друга и занесенныхъ снѣгомъ. Тутъ были люди всѣхъ націй: французы, швейцарцы, итальянцы, поляки, нѣмцы; всѣхъ ихъ можно было различить по мундирамъ. Многіе изъ нихъ раскинули свои руки; казалось, что они хотѣли схватить насъ. „Смотри, капитанъ“, сказалъ одинъ солдатъ, „они протягиваютъ къ намъ руки. Не бойтесь, скоро придемъ къ вамъ!“ Эта ужасная картина долго преслѣдовала меня: она была страшнѣе самыхъ кровавыхъ боевыхъ сценъ¹⁾.

Но вотъ эти толпы полузамерзшихъ мертвецовъ близки, повидимому, къ конечной спасительной цѣли своего странствования. Вильна уже близка! шепчутъ они между собою. Напрягаются послѣднія силы, какъ безумные спѣшатъ они впередъ. Мерзлые, то и дѣло, валятся на дорогу, но никто не обращаетъ на нихъ вниманіе. „Мы проходимъ мимо несчастныхъ, не обнаруживая ни малѣйшаго чувства состра-

¹⁾ „Вскорѣ мы встрѣтили другую еще болѣе страшную сцену. Въ одной деревнѣ, совершенно сожженной, уцѣлѣла на половину большая постройка. Въ ней и вокругъ ея мертвецы и обгорѣлые трупы валялись цѣлыми горами: то было настоящее поле смерти; запахъ горѣлаго мяса зачумлялъ весь воздухъ въ окрестности“. Aus dem Leben d. Generals v. Brandt. T. I, стр. 485.

данія. Кажется, послѣднее человѣческое чувство умерло въ нашей груди. Изрѣдка слышатся слова: „Несчастный! ахъ, если-бы я былъ на твоёмъ мѣстѣ“. Но вообще всё шло молча, какъ будто въ похоронной процессіи; только визгъ и стоны умирающихъ прерывали гробовую тишину“ ¹⁾).

„Но вотъ она и Вильна! Десять часовъ были мы въ пути и ощущали невѣроятную усталость. Холодъ былъ невыносимъ. Я узналъ послѣ, что морозъ доходилъ до 20 градусовъ. Мы спѣшимъ войти въ городъ, но каково-же было наше удивленіе, когда вооруженные люди останавливаютъ насъ у воротъ и объявляютъ намъ, что входъ разрѣшается только стройнымъ отрядамъ. Толпа останавливалась и росла съ минуты на минуту. Тотъ, кто попадалъ въ нее, не въ состояніи былъ уже выбраться. Солнце начинало садиться; становилось все холоднѣе и холоднѣе. То и дѣло прибывали новыя массы. Умирающіе и мертвецы мѣшались съ живыми. Мы рѣшились, наконецъ, пробраться въ городъ окольными путями“ ²⁾).

Мюратъ и другія французскія власти окончательно потеряли голову въ эти минуты. Русскіе гнались за ними по пятамъ. Новый аррьергардъ разбитъ былъ Чаплиномъ еще при Мѣдникахъ. У Рукойновъ, близъ самой Вильны, произошла новая схватка. Пушечные выстрѣлы были слышны въ самомъ городѣ. Ней, вновь принявшій начальство надъ аррьергардомъ, пытался задержать наступленіе русскихъ. Ему удалось выбить Сеславина, успѣвшаго проникнуть въ самый городъ, но съ минуты на минуту нужно было ожидать прибытія новыхъ русскихъ силъ. Французскіе начальники должны были понять, что они не въ состояніи держаться въ Вильнѣ и сутки. Къ чему-же, думали они вводить порядокъ

¹⁾ См. Brandt, стр. 492.

²⁾ Brandt, стр. 492. Фезензакъ говоритъ: „Прибывъ къ воротамъ, я нашелъ здѣсь такую-же толпу и такой-же безпорядокъ, какъ и при переправѣ черезъ Березину. Не принято было никакихъ мѣръ для восстановленія порядка. Все тѣснилось и давило другъ друга у воротъ, а между тѣмъ, тутъ-же съ боку, были совершенно свободные входы, которыхъ никто не зналъ и никто не упоминивалъ“. *Souvenirs Militaires*, стр. 339.

при раздачѣ припасовъ? Развѣ для того, чтобы припасы всецѣло достались русскимъ!

Появленіе жалкихъ отрешевъ Наполеоновской арміи было настоящимъ сюрпризомъ для литовской столицы. Всю осень въ Вильнѣ кипѣла самая оживленная жизнь. Пребываніе знатныхъ французскихъ сановниковъ и дипломатическаго корпуса привлекло сюда массу польско-литовской знати и проходимцевъ всякаго рода. Знатные паны тѣснились съ подобострастіемъ въ переднихъ и приѣмныхъ Маре. Вечеринки, балы, пикники слѣдовали одни за другими. Знатныя и красивыя дамы плясали до упада мазурку и расточали щедро свои ласки французскимъ, польскимъ и инымъ кавалерамъ. Шампанское лилось рѣкою. Поляки праздновали все новыя и новыя побѣды великаго Наполеона и предавались сладкимъ мечтамъ о будущемъ величіи вновь возстановленной Рѣчи—Посполитой. Жиды и шулера великолѣпно обдѣлывали свои дѣла. Неслыханный развратъ и неслыханный блескъ водворились въ литовской столицѣ. Ничто не предвѣщало, по видимому, близкой бѣды невѣроятной катастрофы. Французскія власти заботливо держали всѣхъ и cadaго въ полнѣйшемъ невѣдѣніи на счетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ ¹⁾. Да они не были, впрочемъ, особенно виноваты въ этомъ случаѣ. Извѣстія изъ главной квартиры Наполеона получались очень рѣдко, да и тѣ, которыя получались, не заставляли предполагать чего-либо особенно непріятнаго. Пришло извѣстіе объ оставленіи Москвы, объ отступленіи великой арміи, но тутъ-же было объявлено, что армія не отступаетъ, а совершаетъ искусный маневръ,—что она приближается къ Петербургу и грозитъ покореніемъ второй столицѣ русскаго царства. Уже толпы бѣглецовъ приближались къ Вильнѣ, а въ городѣ все еще ничего не знали о катастрофѣ великой арміи. Не принято было ровно никакихъ мѣръ на случай непріятельскаго нашествія; не только магазины, но и казна, состоявшая изъ одиннадцати милліоновъ франковъ, осталась въ городѣ.

26-го ноября жители Вильны были поражены неожидан-

¹⁾ Шамбре. Т. III, стр. 125 и 227.

нымъ зрѣлищемъ. Сначала разнесся по городу слухъ, что прибылъ король Неаполитанскій съ своею главною квартирою, а затѣмъ въ улицы города хлынули со всѣхъ сторонъ толпы какихъ-то оборванныхъ страшилищъ, утратившихъ послѣдніе слѣды человѣческаго образа. Распоряженіе Мюрата не допускать въ городъ безоружныхъ и разрозненныхъ до тѣхъ поръ пока не войдутъ войска, сохранившія хотя какой-нибудь порядокъ, не имѣло никакого смысла, такъ какъ такихъ войскъ въ дѣйствительности не было почти вовсе. Въ дивизіи Луазона, войскахъ Вреде и старой гвардіи оставалось въ строю не болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ. Въ остальныхъ пяти армейскихъ корпусахъ можно было набрать человѣкъ триста вооруженныхъ ¹⁾. И эти 4300 человѣкъ должны были удерживать русскихъ на высотахъ передъ Вильною, охранять ворота и конвоировать особу короля Неаполитанскаго и другихъ знатныхъ лицъ! Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ никто не могъ и не хотѣлъ задерживать несчастныхъ безоружныхъ бѣглецовъ подъ стѣнами города. Вскорѣ они наполнили собою всѣ улицы Вильны. Водворился невообразимый хаосъ. Мѣстами невозможно было протиснуться сквозь массы повозокъ, лошадей, груды брошеннаго багажа, черезъ сплошныя толпы вооруженныхъ и безоружныхъ людей. „Вильна“, говоритъ очевидецъ, „совершенно не походила на всѣ тѣ города и поселенія, которые приходилось намъ видѣть до сихъ поръ. Тѣ города были сожжены и лежали въ развалинахъ, жители бѣжали изъ нихъ; тѣ, которые не успѣли бѣжать, принуждены были раздѣлять съ нами наши страданія. Божественное проклятіе, казалось,

¹⁾ Въ старой гвардіи насчитывалось 600 пѣхотинцевъ и 800 кавалеристовъ; вся молодая гвардія состояла изъ 100 пѣшихъ солдатъ; въ корпусѣ Вреде и дивизіи Луазона состояло подъ ружьемъ 2300 пѣшихъ и 200 конныхъ солдатъ; въ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 9-мъ корпусахъ было всего лишь триста вооруженныхъ солдатъ. Эти цифры говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ описаній о страшномъ разгромѣ арміи Наполеона. Вспомнимъ, что передъ началомъ войны въ старой и молодой гвардіи насчитывалось одной пѣхоты 41,000 человѣкъ, что въ 1-мъ корпусѣ было подъ ружьемъ 68,000 челов., во 2-мъ 34,000, въ 3-мъ 35,000, въ 4-мъ 42,000, а въ 9-мъ 31,000 человѣкъ одной пѣхоты. См. Шамбре, Т. I, таб. численности французскихъ войскъ при началѣ войны. Т. III. стр. 131.

поразило смертью всю природу вокруг насъ. Въ Вильнѣ всѣ дома сохранились въ цѣлости, жители были заняты своими обычными дѣлами. Все показывало, что мы находились въ богатомъ и населенномъ городѣ. И среди этого изобилія бродили наши полузамерзшіе, умирающіе отъ голода солдаты. Одни изъ нихъ покупали на вѣсь золота самую незатѣйливую пищу, другіе выпрашивали у прохожихъ кусокъ хлѣба. Не съ состраданіемъ, а съ ужасомъ смотрѣли жители на жалкіе остатки нашей, еще недавно столь грозной арміи. Многіе изъ поляковъ, видимо, поражены были печалью; они знали, что вмѣстѣ съ нами погибаютъ ихъ національныя надежды. Сторонники русскихъ торжествовали, осыпали насъ даже насмѣшками. Жиды спѣшили воспользоваться случаемъ, чтобы содрать съ насъ послѣднія деньги. Лавки, постоянные дворы, трактиры и кофейни были сначала открыты, но вскорѣ хозяева не въ состояніи были удовлетворить массы покупателей и, опасаясь грабежа, поспѣшили закрыть свои заведенія ¹⁾. Французскія власти пытались производить правильную раздачу изъ магазиновъ, но приближеніе русскихъ и усиливающийся безпорядокъ скоро заставили ихъ прекратить свою дѣятельность. Припасы розданы были только одной гвардіи. Солдаты остальныхъ корпусовъ могли брать сами изъ брошенныхъ на произволъ судьбы магазиновъ все, что пожелаютъ; но лишь немногіе, болѣе крѣпкіе и не окончательно растерявшіеся, успѣли запасти провіантъ и одежду. Страхъ передъ приближающимися казаками былъ такъ великъ, что тысячи оборванныхъ и голодныхъ бѣглецовъ думали лишь объ одномъ, какъ-бы поскорѣ бѣжать изъ Вильны. Услышавъ пушечные выстрѣлы, они какъ безумные спѣшили впередъ, бросая свои послѣдніе пожитки, забывая о пищѣ. Наоборотъ, другіе, пораженные полнѣйшею апатіею, забирались въ дома и дворы и ни за что не хотѣли идти далѣе ²⁾.

¹⁾ См. Fezensac, *Souvenirs Militaires*, стр. 351—352. Шамбре. Т. III, стр. 125.

²⁾ По свидѣтельству Фезенсака они заявляли прямо, что не могутъ болѣе сражаться и намѣрены оставаться въ Вильнѣ. *Souvenirs Militaires*, стр. 353.

Необходима была сильная душа и желѣзное сердце, чтобы не потерять голову среди этого хаоса, среди, этого моря несслыханных бѣдствій. У короля Неаполитанскаго не было ни того, ни другаго. Храбрый до бѣшенства на полѣ брани, Мюратъ, человѣкъ нервный, легкомысленный и не далекій, потерялся окончательно въ этотъ страшный день. Маре сообщилъ ему приказаніе Наполеона держаться какъ можно долѣе въ Вильнѣ, но Мюратъ хорошо понималъ, что онъ не въ состояніи выполнить этого приказа. Его занимала лишь мысль о собственномъ спасеніи, и онъ всецѣло отдался ей. Уже 27 го ноября, вечеромъ онъ выѣхалъ изъ города со всѣмъ своимъ штабомъ въ Ковенское предмѣстье и остановился въ кофейной на такъ называемой Погуляевкѣ. Вокругъ него расположилась бивуакомъ старая гвардія ¹⁾. Обезпечивъ себя лично, Мюратъ началъ раздавать приказанія, внушенныя ему чувствомъ безконечнаго страха, сознаніемъ полной и безповоротной гибели. Онъ приказалъ Нею составить аррьергардъ изъ дивизіи Луазона, отряда Вреде и всѣхъ одиночныхъ людей, способныхъ носить оружіе и защищать съ ними подступы къ Вильнѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ люди и обозы выйдутъ изъ города. Нею долженъ былъ отправить кромѣ того изъ города армейскую казну и артиллерию, взорвать всѣ лишніе зарядные ящики и уничтожить ружья ²⁾. Предписано было также раздать безъ всякихъ административныхъ формальностей и замедленій провіантъ, одежду и обувь изъ магазиновъ всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ (потому, сказано было въ предписаніи, „что положеніе непріятеля не позволяетъ намъ оставаться въ Вильнѣ“ ³⁾). Сваливъ на плечи маршала всѣ эти неисполнимые приказы, Мюратъ поспѣшно выѣхалъ изъ Ковенскаго предмѣстья въ каретѣ. Вице-король, Даву, Лефевръ, Мортье и Бессьеръ сопровождали его верхами. Гвардія составляла что-то въ родѣ

¹⁾ См. Шамбре. Т. III, стр. 126—127.

²⁾ Приказанія Нею были посланы въ особомъ письмѣ, подписанномъ маршаломъ Бергье. Письмо напечатано у Шамбре. Т. III, стр. 127—128.

³⁾ Эти послѣднія предписанія даны были графу Дарю, онъ долженъ былъ также позаботиться о вывозѣ казны. См. Шамбре. Т. III, стр. 129—130.

конвоя главной квартиры. Вслѣдъ за нею повалили въ дикомъ безпорядкѣ толпы безоружныхъ и отсталыхъ.

Само собою понятно, что маршалъ Ней не въ состояніи былъ исполнить приказаній Мюрата. Онъ могъ держаться подъ Вильною только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ до тѣхъ поръ, пока онъ имѣлъ дѣло съ одними казаками. Едва лишь показались регулярныя русскія войска съ артиллеріею, какъ маршалъ принужденъ былъ очистить Вильну ¹⁾. Некогда было думать объ истребленіи магазиновъ, зарядныхъ фуръ и оружія. Невозможно было дожидаться, пока всѣ безоружные и отсталые выйдутъ изъ города. Множество генераловъ, масса офицеровъ и 20,000 рядовыхъ, по большей части больныхъ и неспособныхъ идти далѣе, остались въ Вильнѣ ²⁾. Хаосъ возросъ до послѣдней степени, когда войска Нея выходили изъ Вильны. Даже жида почувствовали въ себѣ въ этотъ моментъ приливъ воинскаго мужества. Они бросались на отсталыхъ и безоружныхъ, обирали ихъ до-чиста и убивали самымъ звѣрскимъ образомъ ³⁾. Рассказываютъ, что они успѣли даже отрѣзать и захватить въ плѣнъ одинъ баталіонъ гвардіи. Въ этомъ фактѣ выразилась вся глубина паденія великой арміи ⁴⁾.

Солдаты Наполеона воображали, что съ Вильною окончатся ихъ страданія, что преслѣдованіе русскихъ прекратится за этимъ городомъ, но они жестоко ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Судъ Божій не совершился еще окончательно, чаша бѣдствій не была еще выпита ими до дна. Въ шести верстахъ отъ Вильны находится такъ называемая Поварская гора. Дорога подымается тутъ на весьма значительную вы-

¹⁾ „Адъютанты Виленскаго губернатора явились съ приказомъ, чтобы 2-й и 3-й корпусы взяли за оружіе и выступили на помощь аррьергарду. Въмѣсто корпусовъ они нашли нѣсколько полузамерзшихъ, больныхъ, безоружныхъ солдатъ безъ офицеровъ и генераловъ“. Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 353.

²⁾ „Wilna contenait au moment ou Ney l'abandonna, environ vingt mille personnes, blessées, malades ou mutilées par le froid“. Шамбре, Т. III, стр. 133 такую-же цифру находимъ мы у Фезензака.

³⁾ Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 355

⁴⁾ Это извѣстіе мы находимъ въ письмѣ Штейна изъ Вильны отъ 12 января, 1813 г. См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 265.

соту; по бокамъ ея тянутся лѣса, изрѣзанные оврагами. Массы обледѣнялаго снѣга покрывали этотъ подъемъ,—и тщетно пытались вскарабкаться на него плохо подкованныя лошади. Выбившись изъ силъ, онѣ падали на землю или катились внизъ по ледяной горѣ ¹⁾. Вскорѣ весь путь прегражденъ былъ остановившимися и опрокинутыми повозками и фурами, дохлыми и издыхающими лошадьми. А между тѣмъ все новыя и новыя массы людей и повозокъ подходили къ подъему. На разстояніи нѣсколькихъ верстъ дорога была покрыта вооруженными и безоружными людьми, орудіями, санями, повозками, экипажами. „Вдругъ“, говоритъ очевидецъ, „вся эта хаотическая масса остановилась. Передъ нами волновалось цѣлое море людей и лошадей“ ²⁾. Образовалась такая-же невѣроятная давка, какъ и на берегахъ Березины ³⁾. Многіе пытались обойти и объѣхать ледяной подъемъ, но попадали при этомъ въ оврагъ и увязали въ снѣгу. На этой горѣ и у ея подошвы брошена была послѣдняя артиллерія великой арміи. Тутъ-же оставлены были почти всѣ обозы, императорскіе экипажи и армейская казна. Тутъ распроцались французы и съ послѣдней частью московской добычи, съ знаменами и трофеями, которые тащили они съ такимъ трудомъ до этого рокового мѣста. Завидѣвъ богатую добычу, безоружные солдаты великой арміи съ жадностью бросились на нее. Они разбивали ящики и упакованныя фуры, забирали золото и серебро и спѣшили далѣе. „То было страшное зрѣлище“, замѣчаетъ очевидецъ. „Люди полумертвые отъ голода и стужи тащили, напрягая послѣднія силы, мѣшки съ деньгами. На русскихъ снѣгахъ разбросаны были всевозможные предметы роскоши, изобрѣтенные въ Парижѣ“ ⁴⁾. Мю-

¹⁾ Шамбре замѣчаетъ, что было-бы очень легко миновать эту опасную гору повернувъ на Новотроцкую дорогу, но что не было дано на этотъ счетъ никакихъ приказовъ или указаній. Т. III, стр. 132.

²⁾ Aus dem Leben des Generals von Brandt. Т. I, стр. 495.

³⁾ „Это была настоящая Березина съ гою лишь разницею, что звѣрство негодяевъ и грабителей обнаружилось при этомъ еще съ большою силою“. Aus dem Leben d. Generals v. Brandt. стр. 495.

⁴⁾ Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 356; другія подробности см у Лабона, стр. 417—419.

ратъ и маршалы также не въ состояніи были взобраться на гору. Они бросили свои экипажи и лошадей и съ трудомъ взобрались на высоту пѣшкомъ окольною тропинкою черезъ лѣсъ. Мюратъ отдалъ еще одинъ невыполнимый приказъ: жечь повозки и навьючивать на лошадей казну, собственное серебро императора и другія наиболѣе цѣнныя вещи. Никто не думалъ выполнять этого приказа. Грабежъ продолжался до тѣхъ поръ, пока на мѣсто катастрофы нахлынули казаки. Грабители, не успѣвшіе укрыться въ лѣсу, пали подъ казацкими пиками или попались въ плѣнъ. Часть армейской казны, двадцать восемь орудій, обозы, собственные экипажи Наполеона, множество больныхъ и раненыхъ офицеровъ достались въ добычу Донцамъ ¹⁾.

Едва только войска Нея ушли изъ Вильны, какъ передовой нашъ отрядъ подъ начальствомъ Чаплица вступилъ въ городъ. Почти одновременно съ ними прибыли въ столицу Литвы и передовые отряды главной арміи подъ начальствомъ генерала Бороздина, генералъ-адъютанта Кутузова, полковника Сухозанета и подполковника Тетенборна. Войска наши заняли такъ поспѣшно городъ, что французы не успѣли зажечь его, по своему обыкновенію. Кромѣ массы плѣнныхъ въ Вильнѣ найдена была громадная добыча. Въ самомъ городѣ, въ окрестностяхъ и въ арсеналахъ захвачено было сто сорокъ непріятельскихъ орудій. Въ магазинахъ оказалось четырнадцать тысячъ четвертей ржи, пять тысячъ четвертей муки и огромные склады комиссаріатскихъ запасовъ ²⁾. Самъ фельдмаршалъ Кутузовъ прибылъ въ Вильну 30 ноября. Въ замкъ его встрѣтилъ Чичаговъ, передалъ строевой рапортъ и поднесъ ключи Вильны. Свиданіе между главнокомандующимъ и адмираломъ было въ высшей степени холодно. Кутузовъ замѣтилъ Чичагову, что экипажи съ посудой и прочими вещами, отобранные у него французами, могутъ быть возвращены ему обратно. Чичаговъ отвѣ-

¹⁾ Лабомъ увѣряетъ, что тутъ-же брошенъ былъ крестъ Ивана Великаго, стр. 418.

²⁾ Всѣ эти и другія подробности у Богдановича. Т. III, стр. 322—323.

чалъ съ ѣдкою: „Неужели вы полагаете, что мнѣ не на чемъ ѣсть. Напротивъ, я могу васъ снабдить всѣмъ, даже и въ томъ случаѣ, если вы пожелаете давать обѣды“ ¹⁾.— Польская натура сказывалась между тѣмъ во всемъ своемъ блескѣ. Поляки, осаждавшіе передъ тѣмъ переднія Маре, спѣшили преклониться передъ побѣдителями. Кавалеры и дамы истощались въ любезностяхъ передъ старымъ фельдмаршаломъ и его офицерами. Низкая лестъ и подобострастіе не знали предѣловъ; паны превратились вдругъ въ арыхъ русскихъ патріотовъ и озлобленныхъ враговъ Бонапарте. Польскіе поэты наперерывъ воспѣвали подвиги Кутузова; въ театрѣ сіяло на сценѣ ярко освѣщенное изображеніе фельдмаршала, съ надписью: „Спасителю отечества“ ²⁾.

Понятно, что стоянка въ Вильнѣ, при такихъ обстоятельствахъ, была крайне обольстительна для стараго фельдмаршала, удрученнаго годами и болѣзнями, перенесшаго столько лишеній и трудовъ въ теченіе этого безпримѣрнаго похода. Самъ Кутузовъ шутилъ, говоря, что Вильна можетъ сдѣлаться для него Капуею: онъ думалъ дать войскамъ своимъ продолжительный отдыхъ въ литовской столицѣ, но самая сила обстоятельствъ и воля императора Александра заставляли его идти впередъ. Невозможно было, однако-же, спѣшить впередъ массами, совершенно истомленными быстрыми и трудными переходами. Да и не было въ этомъ, повидимому, надобности. Достаточно было однихъ казаковъ и легкихъ войскъ, чтобы закончить преслѣдованіе, чтобы довершить уничтоженіе непріятеля. Кутузовъ такъ и распорядился. Остановивъ на время массы своей арміи, онъ двинулъ вслѣдъ за бѣгущимъ врагомъ казачій отрядъ Платова и авангардъ Дунайской арміи.

Разстояніе отъ Вильны до Ковно равняется ста верстамъ. Французы бѣжали такъ поспѣшно, что прошли это разстояніе въ три дня. „Мы спѣшили впередъ“, говоритъ очевидецъ, „не обращая вниманія ни на нашу усталость, ни на

¹⁾ Записки князя Голицына.

²⁾ Богдановичъ. Т. III, стр. 324.

скользкую почву подъ нашими ногами“ ¹⁾). Многие, выбившись изъ послѣднихъ силъ, ложились или садились на дорогѣ, предпочитая смерть отъ мороза или казацкой пики дальнѣйшимъ страданіямъ похода. Наконецъ бѣглецы завидѣли Ковно и широкую полосу Нѣмана, покрытую льдомъ. Въ Ковно были такіе-же громадныя магазины, какъ и въ Вильнѣ, но понятно, что тутъ не было уже и рѣчи о правильной раздачѣ припасовъ. Некому было уже отдавать неисполнимыя приказы. Мюратъ находился уже въ это время въ состояніи невмѣняемости. Онъ вздумалъ было критиковать образъ дѣйствій Наполеона въ присутствіи маршаловъ и генераловъ, но Даву заставилъ его умолкнуть, замѣтивъ, что люди, возвышенные Наполеономъ, не имѣютъ права порицать его, что теперь нѣтъ времени для напрасныхъ жалобъ, что надо думать лишь о спасеніи остатковъ арміи ²⁾). Рѣшено было немедленно-же очистить Ковно и поручить Нею защищать городъ до послѣдней возможности. Самъ Мюратъ выѣхалъ изъ Ковно уже 1-го декабря и поспѣшилъ далѣе въ Кенигсбергъ. Его сопровождали 1500 человекъ, уцѣлѣвшихъ изъ старой гвардіи и четыре орудія.

Пока маршалы совѣщались о спасеніи арміи, а Мюратъ хлопоталъ о своей дорогой особѣ, солдаты, добравшіеся до Ковно, хозяйничали по своему въ городѣ. Всѣ магазины и склады были тотчасъ-же разбиты и разграблены. Съ особенною жадностью набрасывались солдаты на бочки съ спиртомъ и ромомъ. Привыкнувъ пить въ большомъ количествѣ слабую водку, они истребляли теперь еще въ большемъ количествѣ эти крѣпкіе напитки. Напившись до безумія, они разбивали бочки, ромъ наполняли магазины и текъ ручьями по улицамъ. Сотни солдатъ напивались до смерти, другіе впадали въ безсознательное состояніе и замерзали на самыхъ улицахъ города. Съ не меньшимъ ожесточеніемъ опустошали грабители и склады съѣстныхъ припасовъ, и тутъ

¹⁾ Fezensac, Souvenirs Militaires, стр. 357.

²⁾ Подробности этого разговора, быть можетъ, не вполне достовѣрныя, см. у Сегюра. Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 437—438.

сотни и тысячи дѣлались жертвами своей неумѣренности. Эти люди, обреченные на истребленіе, гибли теперь отъ избытка, такъ какъ прежде погибали отъ недостатка. Болѣе предусмотрительные забирались въ комиссаріатскіе склады и спѣшили застаться обувью и одеждою. Солдаты одѣвались поспѣшно въ первое попавшееся имъ подѣ руки платье. Одни совершали процедуру переодѣванія въ магазинахъ, другіе среди улицъ ¹⁾. Но и здѣсь въ средѣ бѣглецовъ нашлось множество такихъ, которые не думали ни объ одеждѣ ни о запасахъ пищи. То были самые слабые, обезумѣвшіе отъ паническаго страха. Привыкнувъ машинально тащиться за передовыми, они плелись впередъ и теперь, захвативъ или выпросивъ у кого нибудь кусокъ сухаря или глотокъ водки. Это были уже не солдаты и не люди, а стадо барановъ, ошеломленныхъ страхомъ. Черезъ Нѣманъ можно было пройти совершенно свободно по льду, а эти несчастные толпились изо всѣхъ силъ къ мосту, давили и сталкивали другъ друга въ рѣку ²⁾.

Между тѣмъ Ней собирался защищать городъ отъ приближающихся русскихъ. Въ распоряженіи маршала было нѣсколько сотъ нѣмецкихъ солдатъ, изъ дивизіи Луазона и отряда Вреде, и двадцать орудій. Онъ поставилъ орудія на Алексотенскихъ высотахъ, господствовавшихъ надъ городомъ и призвалъ къ себѣ на помощь своихъ старыхъ сослуживцевъ изъ третьяго армейскаго корпуса. Изъ всѣхъ людей этого корпуса удѣлѣла какая нибудь сотня офицеровъ и солдатъ. Они считали свою задачу поконченною, а теперь ихъ приглашали защищать Ковно или, лучше сказать, похоронить себя подѣ его развалинами. Никто изъ этихъ храбрецовъ не медлилъ, однакоже, ни минуты, послѣдовать зову своего геройскаго начальника. „Съ изумленіемъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, смотрѣлъ я на непоколебимый героизмъ Нея, я считалъ за счастье быть призваннымъ поддержать его въ его послѣднихъ усиліяхъ“ ³⁾.

¹⁾ Всѣ эти подробности см. у Фезензака, стр. 361—362.

²⁾ Fezensac, *Souvenirs Militaires*, стр. 362.

³⁾ Fezensac, *Souvenirs Militaires*, стр. 359.

Въ десять часовъ утра 1 декабря явились передъ Ковно казаки Платова и открыли тотчасъ-же огонь изъ восьми полевыхъ орудій, привезенныхъ ими на саняхъ. Уже первые выстрѣлы сбили одно французское орудіе. Новобранцы Луазона, пораженные паническимъ страхомъ, бросились бѣжать, оставивъ свои пушки, бросая ружья. Тщетно пытались остановить ихъ офицеры. Одинъ изъ нихъ, истощивъ всѣ усилія, застрѣлился въ отчаяніи. Казаки врывались уже въ городъ. Въ эту критическую минуту явился на укрѣпленіяхъ маршалъ Ней. Онъ вырвалъ ружье у одного изъ бѣглецовъ и съ горстью солдатъ 29-го пѣхотнаго полка, бросился на непріятеля. Его примѣръ, его громкія слова остановили бѣгущихъ. Сопротивленіе возобновилось съ удвоенною силою и казаки принуждены были податься назадъ ¹⁾. Тогда Платовъ послалъ два казачьихъ полка въ обходъ непріятельской позиціи. Приближался уже вечеръ и Ней не видѣлъ возможности держаться далѣе у Алексотена. Онъ приказалъ зажигать городъ и переправился съ остатками своего отряда черезъ Нѣманъ по льду.

„Мы выступили изъ Ковно, говорить очевидецъ, среди мертвецовъ и умирающихъ. Мы различали при свѣтѣ бивуачныхъ костровъ, еще горѣвшихъ на улицахъ, нѣсколькихъ изъ нашихъ солдатъ. Они смотрѣли намъ вслѣдъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Имъ говорили, что они попадутъ въ руки непріятеля, они склоняли головы и жались ближе къ огнямъ. Жители выходили на улицы и нагло посматривали на насъ. Одинъ изъ нихъ запасся ружьемъ, я вырвалъ его у него изъ рукъ. Нѣсколько солдатъ, тащившихся до сихъ поръ, пали мертвые на Нѣманскомъ мосту въ тотъ моментъ, когда оканчивалось, повидимому, ихъ страдальческое странствованіе. Мы перешли въ свою очередь черезъ рѣку и обращая назадъ наши взоры къ ужасной, покидаемой нами странѣ, поздравляли себя съ счастіемъ выйти изъ нея, а еще болѣе съ честью выйти изъ нея послѣдними“ ²⁾.

Но бѣглецамъ предстояло еще одно страшное испытаніе.

¹⁾ См. Шамбре. Т. II, стр. 136—137; Фезензакъ, стр. 362—363.

²⁾ Fzensac, Souvenirs Militaires, стр. 363—364.

По той сторонѣ Нѣмана, на пути къ Гумбинену, дорога подымается на значительную высоту. Едва только приблизились къ этому мѣсту войска Нея, какъ на встрѣчу имъ бросились разрозненные солдаты, имѣвшіе обыкновеніе идти впереди колонны. Перепуганные, обезумѣвшіе отъ страха, они кричали, что на горѣ они встрѣтились съ казаками. Въ тотъ же самый моментъ раздался гулъ пушечнаго выстрѣла и непріятельское ядро летѣло въ самую середину французской колонны. Не подлежало сомнѣнію, что казаки, перебравшись черезъ Нѣманъ по льду, успѣли занять вершину горы и преградили путь бѣглецамъ. Это послѣднее нападеніе, самое непредвидѣнное изъ всѣхъ, произвело на солдатъ наиболѣе потрясающее впечатлѣніе. Мнѣніе, что русскіе, ни въ какомъ случаѣ, не перейдутъ черезъ Нѣманъ, было глубоко вкоренено въ арміи. Всѣ считали себя по ту сторону моста въ полной безопасности, какъ будто Нѣманъ былъ для нихъ тою рѣкою древнихъ, которая отдѣляла адъ отъ земли. Легко представить себѣ, какой ужасъ объялъ ихъ, когда они убѣдились, что ихъ преслѣдуютъ и по той сторонѣ, что непріятель отрѣзалъ имъ даже путь отступленія своею артиллеріею ¹⁾. Генералы Маршандъ и Ледрю пытались составить что-то въ родѣ баталіона изъ остатковъ 3-го корпуса и изъ разрозненныхъ и хотѣли пробиться силою черезъ проходъ; но ружья солдатъ не хватили такъ далеко, а идти впередъ они не рѣшались. „Пришлось отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ и оставаться неподвижно подъ огнемъ артиллеріи, ибо всякій шагъ назадъ подвергъ-бы атакѣ казаковъ. Такое безвыходное положеніе подломило послѣднія силы тѣхъ, которые боролись еще до сихъ поръ съ судьбою. Два офицера, подававшіе во время отступленія примѣръ всему моему полку, говоритъ очевидецъ, чувствовали, что силы ихъ истощились окончательно. Они заявили мнѣ, что, не будучи въ состояніи идти дальше и сражаться и не желая попасть въ руки казаковъ, они рѣшили возвратиться въ Ковно и отдать-

¹⁾ См. Fezensac, гдѣ всѣ подробности оъ этомъ послѣднемъ сраженіи 1812 г. стр. 364—366.

ся въ плѣнъ. Я пытался отговорить ихъ всѣми силами отъ ихъ намѣренія. Я напоминалъ имъ о томъ чувствѣ чести, которое проникало ихъ, о томъ мужествѣ, которое доказано было ими столько разъ, о той привязанности, которую они имѣли всегда къ полку,—все напрасно! Въмѣсто всякаго отвѣта они обняли меня со слезами и возвратились въ Ковно¹⁾.

Среди всеобщаго отчаянія и унынія, одинъ только маршалъ Ней не потерялъ спокойствія и присутствія духа. Его рѣшимость и находчивость спасли еще разъ, и въ послѣдній разъ, аррьергардъ великой арміи. Онъ рѣшился двинуться внизъ по Нѣману, выйти на Тильзитскую дорогу и добраться до Кенигсберга окольными путями. Онъ понималъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ оставляетъ остатки арміи безъ аррьергарда, но ему не оставалось иного выбора, если онъ желалъ спасти товарищей отъ смерти и плѣна. Наступившая темнота ночи способствовала выполненію его плана. Незамѣтно отъ казаковъ бѣглецы свернули съ дороги и пробирались вдоль берега Нѣмана на разстояніи десяти верстъ. Затѣмъ они повернули налѣво въ лѣса. Они бѣжали такъ поспѣшно въ теченіе цѣлаго дня и ночи, что многіе солдаты, выбиваясь изъ силъ, падали на пути. Преслѣдованіе казаковъ однако-же прекратилось. Бѣглецы добрались до опустошенной страны, они могли уже доставать за деньги припасы и все необходимое. Но настроеніе населенія было самое враждебное. Остатки великой арміи принуждены были искать себѣ убѣжища въ той самой Пруссіи, которая испила до дна чашу бѣдствій, поднесенную ей великимъ, безжалостнымъ завоевателемъ. Любопытство, не чуждое злорадства, выражалось на лицахъ жителей. Они выражали сожалѣніе по поводу страшныхъ бѣдствій, обрушившихся на великую армію, но въ этомъ сожалѣніи было болѣе ироніи, нежели искренности. Замѣтивъ паническій страхъ, нападавшій на бѣглецовъ при одномъ словѣ „казакъ“, они, то и дѣло, пугали ихъ рассказами о приближеніи казаковъ. Такъ смотрѣли на бѣглецовъ люди болѣе образованные, умѣвнѣе

¹⁾ Фезензакъ, *Souvenirs Militaires*, стр. 365.

скрывать свои настоящія чувства. Откровеннѣе относились къ нимъ простые поселяне. Они сторонились отъ этихъ страшилищъ, распространявшихъ вокругъ себя нестерпимое зловоиѣ и заразу, тамъ, гдѣ они шли массами. Но горе тѣмъ изъ бѣглецовъ, которые, отставъ отъ товарищей, попадались въ руки поселянъ. У нихъ отбирали оружіе и прогоняли отъ дворовъ, какъ чумныхъ, угрозами и побоями. Протестантскіе пасторы также не старались скрывать своихъ чувствъ. „Васъ постигъ справедливый судъ Божій!“ говорили они французамъ и ихъ союзникамъ. „Вы понесли достойное наказаніе за грабежи и звѣрства, произведенные вами въ дружественныхъ и союзныхъ вамъ странахъ“. Служители алтаря высказывали въ этихъ словахъ не свое личное мнѣніе, а мнѣніе народныхъ массъ, доведенныхъ до отчаянія неслыханными бѣдствіями эпохи ¹⁾.

Но куда-же дѣлись вожди великой арміи. „Вырвавшись изъ „окаленной Россіи“, рассказываетъ генераль Дюма, „я отдыхалъ на своей квартирѣ въ Вильковишкахъ, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ человекъ въ коричневомъ сюртукѣ, съ длинною бородою и красными сверкающими глазами. „Вы не узнаете меня?“ спросилъ онъ. „Нѣтъ! кто вы?“—„Я аррьергардъ великой арміи, маршалъ Ней“. Дѣйствительно при немъ не было никого кромѣ генерала Жерара“ ²⁾. Воины, спасенные имъ отъ гибели числомъ нѣсколько сотъ человекъ, разбрелись уже по разнымъ городамъ Пруссіи.

Мюратъ, послѣ бѣгства изъ Ковно, спокойно продолжалъ свой путь, будучи увѣренъ, что онъ находится подъ прикрытіемъ аррьергарда Ней. Каково-же его было удивленіе и ужасъ, когда онъ узналъ отъ одного изъ своихъ офицеровъ, посланныхъ имъ къ маршалу, что аррьергардъ разсѣянъ непріателемъ, что самъ маршалъ съ горстью солдатъ скрылся гдѣ-то въ лѣсахъ. Съ этого момента Мюратъ такъ ускорилъ

¹⁾ Фезензакъ, передающій эти подробности, замѣчаетъ „Я могу засвидѣтельствовать, что мы не особенно обижались такимъ приѣмомъ. Мы были счастливы, что находили припасы и могли проводить ночи въ теплыхъ комнатахъ и забывали все остальное“. *Souvenirs Militaires*. стр. 367.

²⁾ *Souvenirs du General Dumas*. Т. II, стр. 484.

свое бѣгство, что прискакалъ въ Кенигсбергъ одинъ изъ первыхъ ¹⁾. Вслѣдъ за нимъ пришли въ старую столицу Пруссіи вооруженные остатки великой арміи. То были 450 пѣшихъ солдатъ старой гвардіи и 600 конныхъ. Отъ молодой гвардіи не осталось и слѣдовъ. Въ остальныхъ корпусахъ великой арміи уцѣлѣло лишь по нѣсколько офицеровъ и солдатъ, сопровождавшихъ знамена. Вся артиллерія великой арміи, дотащившаяся до Кенигсберга, состояла изъ девяти орудій ²⁾. Вслѣдъ за вооруженными начали приходить въ городъ толпы безоружныхъ и отсталыхъ. Одинъ видъ этихъ страшилищъ, одѣтыхъ въ самые невѣроятные костюмы и страшныя лохмотья, вызывалъ ужасъ и отвращеніе. Почти всѣ они съ трудомъ передвигали ноги, у многихъ были отморожены члены тѣла и лице. Казалось, что всѣ они обречены были на смерть и что ихъ тлетворное вліяніе распространяеть повсюду заразу и гибель. Вездѣ, куда ни приходили эти несчастные, приносили они съ собою ядовитыя міазмы. Госпитали въ Кенигсбергѣ и другихъ городахъ Пруссіи быстро наполнялись больными и умирающими. Въ одномъ Кенигсбергѣ лежало въ госпиталяхъ около десяти тысячъ солдатъ. Тифъ свирѣпствовалъ между ними съ неслыханною силою. Почти всѣ, пораженные имъ, дѣлались жертвами смерти. Отъ солдатъ и изъ госпиталей зараза быстро распространялась среди населенія. Повсюду процентъ заболѣванія и смертности былъ самый ужасный. Никогда холера и чума не производили такихъ повальныхъ опустошеній. Вездѣ по пути бѣгства великой арміи свирѣпствовалъ этотъ страшный бичъ, не было недостатка и въ благородныхъ жертвахъ. Генералы Ларибуссьеръ и Эбле, герои Березинской переправы, сдѣлались жертвами эпидеміи. Погибли всѣ понтонеры, строившіе мосты черезъ страшную для французовъ рѣку, за исключеніемъ двѣнадцати человѣкъ. Лишь немногіе счастливы переносили страшную болѣзнь; въ числѣ ихъ былъ и знаменитый докторъ великой арміи, Ларрей, съ

¹⁾ Fezenzac, Souvenirs Militaires, стр. 368.

²⁾ Шамбре. Т. III, стр. 138.

рѣдкимъ самоотверженіемъ проводившіи цѣлые дни въ госпиталяхъ.

Оставшіеся въ живыхъ и не тронутые заразою спѣшили вознаградить себя за невѣроятныя лишенія и страданія похода. Ресторации и кофейни Кенигсберга не могли удовлетворить жадности потребителей. Лавки, особенно съ припасами, подвергались настоящей осадѣ. Въ гостиницахъ и на постоялыхъ дворахъ невозможно было найти пріюта даже за большія деньги. Офицеры проводили дни и ночи за столомъ. Многіе изъ нихъ дѣлались жертвами своей неумѣренности. Въ Кенигсбергѣ осталась послѣдняя часть московской добычи. Ея было еще такъ много, что на покушку ея пошли почти всѣ наличныя деньги Кенигсберцевъ ¹⁾. Въ то время какъ солдаты и офицеры, уцѣлѣвшіе отъ безпримѣрнаго погрома великой арміи, или умирали въ госпиталяхъ, или спѣшили сбыть свою послѣднюю добычу, Мюрать и остававшіеся при немъ генералы подводили итогъ страшнымъ потерямъ арміи и пытались организовать новую вооруженную силу изъ ея жалкихъ остатковъ и изъ свѣжихъ войскъ, оставленныхъ въ предѣлахъ герцогства Варшавскаго и Пруссіи. Назначены были сборные пункты для всѣхъ армейскихъ корпусовъ, приняты самыя строгія мѣры противъ всѣхъ уклонявшихся отъ возвращенія въ ряды ²⁾. Результатъ всѣхъ этихъ усилій былъ, однако-же, самый неутѣшительный. Какъ-нибудь десятокъ тысячъ человѣкъ—не болѣе изъ всей громадной арміи Наполеона, въ томъ числѣ, правда, весьма значительное количество офицеровъ и унтеръ-офицеровъ могли стать вновь въ ряды; все остальное или погибло, или находилось въ плѣну у русскихъ.

Никогда еще съ тѣхъ поръ, какъ начало сознавать себя человѣчество, исторія не заносила на свои страницы ничего, что могло-бы уподобиться великой катастрофѣ 1812 года. Наполеонъ ввелъ съ собою въ предѣлы Россіи около 640.000

¹⁾ Fezenzac, Souvenirs Militaires, стр. 368.

²⁾ Объ этихъ мѣрахъ см. Шамбре. Т. III, стр. 139—140 и Фезензакъ, стр. 368—369.

человѣкъ ¹⁾, изъ этого числа ушло обратно за Вислу, считая въ томъ числѣ вспомогательные корпуса австрійцевъ, пруссаковъ и саксонцевъ, около 80,000; все остальное, около 560,000 сдѣлалось жертвою похода. И какою жертвою? Полагають, что около 190,000 человѣкъ были взяты въ плѣнъ; но можно сказать утвердительно, что изъ этого количества сдѣлалось жертвою болѣзней и лишеній всякаго рода по крайней мѣрѣ половина. 370,000 погибли отъ меча, голода, мороза, болѣзней, усталости. Въ сравненіи съ этими ужасными результатами блѣднѣютъ потери, причиненныя всѣми другими войнами.

Что-же было причиною такой безпримѣрной въ лѣтописяхъ исторіи катастрофы? Слѣдуетъ-ли искать ее въ однѣхъ ошибкахъ Наполеона или-же необходимо въ ней усматривать дѣйствіе иныхъ болѣе высшихъ, нечеловѣческихъ силъ? Такая постановка вопроса не существуетъ, разумѣется, для историка, пытающагося объяснить все причинами естественными, не видящаго, не признающаго въ дѣлахъ человѣческихъ ничего кромѣ человѣческаго. Но существуетъ и иная, болѣе высшая точка зрѣнія. Не одни личности единичныя, не однѣ темныя массы народа шептали тогда въ священномъ ужасѣ: „нѣтъ, это не дѣло рукъ человѣческихъ, это дѣло Самого Всевышняго“. Такую-же мысль высказывала и наиболѣе развитая, лучшая часть европейскаго человѣчества. Судъ Божій на ледяныхъ поляхъ положилъ предѣлъ грубому, пошлому невѣрію, охватившему своими волнами всю Европу еще со временъ Вольтера и особенно великой революціи. Поклоненіе грубой физической силѣ, презрѣніе ко всему идеальному, высшему, божественному, потерпѣло вмѣстѣ съ Наполеономъ смертельный ударъ на снѣжныхъ поляхъ Россіи. Наполеонъ былъ долгое время кумиромъ европейскаго человѣчества; онъ замѣнилъ для него мѣсто христіанскаго Бога, онъ свергнулъ съ алтаря республиканскую богиню разума. И все толпилось

¹⁾ Шамбре такъ опредѣляетъ количество войскъ Наполеона передъ началомъ войны: 491,953 ч. пѣхоты, 96,579 ч. кавалеріи, 21,526 ч. артиллеріи. Итого 610,038 ч. Къ нимъ присоединились еще 37,100 ч. Число лошадей доходило до 187,121.

у подножія трона этого страшнаго мнимаго бога, все ожидало отъ него спасенія и жизни. Но ожиданія не оправдались! Владычество всемогущаго императора повергло европейское человѣчество въ бездну неслыханнаго несчастія. Достояніе цѣлыхъ націй приносилось въ жертву ненасытной алчности безконтрольнаго повелителя. Войны, одна чудовищнѣе другой, вспыхивали по его мановенію. Онъ гналъ на поля битвъ цѣлыя поколѣнія, цвѣтъ европейскихъ народовъ. „Я могу расходовать въ мѣсяцъ“, говорилъ онъ своимъ покорнымъ трепещущимъ вассаламъ, „по 25000 солдатъ“¹⁾. И онъ расходовалъ, и расходовалъ безъ конца. Но въ его дѣлахъ было что-то другое, болѣе ужасное, болѣе демоническое, нежели это чудовищное кровопролитіе. Онъ выступалъ поборникомъ революціонной идеи равенства, онъ хотѣлъ нивелировать европейское человѣчество, сгладить всѣ различія между классами и націями Европы,—различія, созданныя природою и исторіею. Онъ не признавалъ народности, какъ не признавалъ религіи, хотя и пользовался тою и другою идеею для достиженія своихъ ужасныхъ цѣлей. Онъ возстановлялъ католичество во Франціи, но старался превратить его въ тоже время въ чисто полицейское учрежденіе. Онъ льстилъ самымъ дурнымъ инстинктамъ французовъ и толковалъ при случаѣ о славной и великой націи; но въ душѣ онъ относился къ французской націи съ такимъ-же глубокимъ презрѣніемъ, какъ и ко всѣмъ остальнымъ. „Ими возможно управлять лишь тѣмъ способомъ, какой примѣняю я“, говорилъ онъ императору Александру,—„желѣзною палкою“. Идеи свободы, научной истины, гуманности были столь-же ненавистны Наполеону, какъ идеи религіи и національности. Онъ гналъ и преслѣдовалъ ихъ повсюду, какъ пустую и вредную идеологію.

Но никто не посягалъ еще безнаказанно на лучшую, идеальную часть человѣческаго достоянія. Чѣмъ чудовищнѣе развивался деспотизмъ Наполеона, чѣмъ безжалостнѣе топталъ онъ ногами все, что привыкло чтить сердце человѣчес-

¹⁾ Такъ говорилъ онъ своему союзнику, королю Саксонскому, передъ отъѣздомъ въ Россію, когда тотъ замѣтилъ ему, что предстоящая война поглотитъ, вѣроятно, много жертвъ.

кое, тѣмъ съ большею силою пробуждались въ терзаемыхъ имъ милліонахъ неискоренимыя чувства религіи и народности. Вѣра въ Бога начала пробуждаться по мѣрѣ того, какъ падала и исчезала вѣра во все человѣческое. Люди перестали фило-софствовать и начали вновь молиться. Любовь къ народности пробудилась съ неодолимою силою съ того момента, когда великій повелитель осудилъ на уничтоженіе самую ея идею. Религіозно-народное настроеніе сдѣлалось вдругъ преобладающимъ, господствующимъ и въ массахъ, и въ ея вождяхъ ¹⁾).

Въ самый моментъ этого возрожденія, вышедшаго изъ глубины небывалаго, всеобщаго бѣдствія, Наполеонъ задумалъ свое предпріятіе на Россію. Этотъ походъ долженъ былъ по-двинуть далеко впередъ покореніе міра, онъ долженъ былъ довершить завоеваніе Европы и создать базу для подчиненія Азіи, для сокрушенія могущества Великобританіи. Наполеонъ хорошо разсчиталъ всѣ шансы своего гигантскаго предпріятія; онъ ошибся лишь въ двухъ отношеніяхъ: въ характерѣ императора Александра и въ характерѣ народа русскаго. Онъ считалъ Александра человѣкомъ ловкимъ, хитрымъ, но въ тоже время слабымъ и матеріалистомъ. Онъ не съумѣлъ подмѣтить идеальныхъ основъ характера своего противника; онъ не подозрѣвалъ, что ему приходится имѣть дѣло съ идеологомъ самаго опаснаго свойства ²⁾). Онъ никогда не думалъ, что этотъ „великій актеръ“ съумѣетъ почерпнуть неизсякаемыя силы изъ глубины своего собственнаго я. Наполеонъ хорошо понималъ, что Александръ въ эпоху Тильзита и Эрфурта былъ вольнодумцемъ и поборникомъ идей просвѣтителей-революціонеровъ; но онъ не замѣтилъ, да и не могъ замѣтить, что это вольнодумство вовсе не исключало въ Александрѣ возможности крутаго и рѣзкаго поворота

¹⁾ Религіозно-народное настроеніе пробудилось одновременно и съ одинаковою силою, хотя и въ различныхъ формахъ, и въ Испаніи, и въ Сѣверной Германіи въ то самое время, когда Наполеонъ уничтожалъ монархіи Карла V и Фридриха Великаго и отсылалъ римскаго епископа плѣнникомъ во Францію.

²⁾ Подъ идеологами Наполеонъ понималъ всѣхъ тѣхъ людей, которые руководились не эгоизмомъ, а какими бы то ни было принципами и нравственными идеями.

совершенно въ иную сторону. Наполеонъ разсчитывалъ сломить сопротивленіе императора русскаго двумя, тремя энергическими ударами; онъ никогда не думалъ, что самая глупина несчастія можетъ вызвать въ душѣ его противника непреодолимые нравственныя силы; онъ отвернулся-бы съ усмѣшкою невѣрія, если-бы кто нибудь сказалъ ему, что силы эти дастъ Александру религія. Вотъ почему Наполеонъ относился съ такимъ недовѣріемъ къ стойкости Александра, вотъ почему онъ ждалъ отъ него такъ долго и упорно покорности и мирныхъ предложеній. Когда-же эти ожиданія не сбылись, когда Александръ обнаружилъ дѣйствительно небывалую стойкость, когда ни взятіе Смоленска, ни пораженіе при Бородинѣ, ни сдача и пожаръ Москвы, не могли сломить энергіи императора: тогда Наполеонъ началъ искать причинъ такого непонятнаго для него явленія въ обстоятельствахъ и вліяніяхъ чисто внѣшнихъ, и прежде всего въ интригахъ, проискахъ и подкупахъ англичанъ. Англичане подкупили приближенныхъ и министровъ Александра, они-же подожгли Москву, они запутали окончательно въ своихъ сѣтяхъ русскаго царя и зажгли въ сердцѣ его непримиримую ненависть къ прежнему союзнику и другу ¹⁾.

Что касается русскаго народа, то Наполеонъ ошибался въ его характерѣ уже по той простой причинѣ, что онъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть никакого правильнаго представленія объ этомъ народѣ. Наполеонъ зналъ, что высшіе классы русскаго общества говорятъ и думаютъ по-французски, что они заражены до мозга костей вольтеріанствомъ и атеизмомъ; онъ зналъ далѣе, что въ Россіи нѣтъ вовсе третьяго класса, что мѣсто его занимаетъ сословіе чиновниковъ и мелкихъ дворянъ; онъ слышалъ, наконецъ, что масса русскаго населенія томится подъ тяжелымъ ярмомъ крѣпостнаго рабства, что она пресмыкается въ грубомъ невѣжествѣ и дикомъ суевѣріи. Зная все это, Наполеонъ былъ глубоко

¹⁾ Мысль о подкупахъ и интригахъ англичанъ сдѣлалась, наконецъ, у Наполеона настоящею *idée fixe*; въ ней одной готовъ онъ былъ видѣть причины всѣхъ своихъ неудачъ и несчастій.

убѣжденъ, что его вторженіе въ Россію потрясетъ всѣ основы русскаго общества и вызоветъ тамъ полный соціальный переворотъ. Онъ полагалъ, что его вторженіе вызоветъ прежде всего глубокую рознь между сословіями, что въ средѣ знатныхъ фамилій найдутся въ случаѣ надобности такія, которыя не прочь будутъ занять при его содѣйствіи мѣсто царствующей династіи, что они будутъ рукоплескать раздробленію имперіи и возстановленію удѣльнаго порядка. Считая высшій классъ русскаго общества неспособнымъ къ какимъ бы то ни было порывамъ патріотизма, Наполеонъ думалъ въ тоже время привлечь на свою сторону массу общаніемъ свободы, уничтоженіемъ крѣпостнаго рабства. Наполеонъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о тѣхъ нравственныхъ силахъ, которыя составляли всю внутреннѣйшую сущность жизни русскаго простонародья. Онъ не зналъ, что для русскаго крѣпостнаго мужика существовали болѣе высокіе жизненные моменты, нежели грубое суевѣріе и тупая ненависть къ барамъ. Онъ не подозрѣвалъ той глубины живаго религіознаго чувства, которое проникало cadaго сѣраго челоуѣка на Руси; онъ не зналъ, въ какой неразрывной связи находится это чувство съ неискоренимою привязанностью къ родному, русскому, съ восторженною преданностью къ русскому царю, въ лицѣ котораго народъ чтилъ не только воплощеніе самого себя, но и верховнаго представителя Самого Бога на землѣ. Наполеонъ могъ-бы собрать свѣдѣнія объ этихъ существеннѣйшихъ свойствахъ русской массы, онъ могъ догадываться, заключать о нихъ изъ поучительнаго примѣра Испаніи; но императоръ собиралъ свои свѣдѣнія о Россіи и русскомъ народѣ изъ самыхъ мутныхъ и пристрастныхъ источниковъ. Его агенты высшаго и низшаго разбора могли давать ему лишь поверхностныя свѣдѣнія о высшихъ и столичныхъ сферахъ; а поляки изъ среды которыхъ выходили его безчисленные шпіоны, были самые плохіе судьи о русскомъ простонародѣ. Для поляковъ русскіе крѣпостные мужики были тѣ-же польскіе хлопы, вся внутренняя жизнь которыхъ исчерпывалась, дѣйствительно, грубымъ суевѣріемъ и тупою ненавистью къ панамъ, въ которыхъ все было извращено и

убито вѣсковымъ рабствомъ, двойною эксплуатаціе пановъ и жидовъ. Такихъ хлоповъ можно было дѣйствительно привлечь на свою сторону обѣщаніемъ свободы; и поляки успѣли увѣрить Наполеона, что русскіе мужики—полнѣйшее подобіе польскихъ хлоповъ.

И такъ Наполеонъ двинулся на Россію, заблуждаясь вполнѣ и на счетъ характера русскаго императора, и на счетъ характера русскаго народа. Онъ шелъ въ глубокомъ убѣжденіи, что на его сторонѣ не одно только чисто военное, но и нравственное превосходство. Онъ былъ увѣренъ, что вооруженныя силы Россіи не устоятъ предъ его геніемъ и предъ его страшными полчищами, а за устраненіемъ, за истребленіемъ этихъ силъ, онъ не видѣлъ въ Россіи никакихъ иныхъ элементовъ, способныхъ оказывать ему дальнѣйшее сопротивленіе. Всѣ дальнѣйшія военныя и политическія ошибки Наполеона вытекали сами собою изъ этихъ основныхъ заблужденій, являлись ихъ прямыми и естественными слѣдствіями. Наполеонъ ввелъ въ Россію такія колоссальныя полчища, именно потому, что онъ надѣялся покончить войну однимъ ударомъ, сломить въ двѣ, три недѣли упорство слабохарактернаго Александра. Когда этотъ первый расчетъ не удался, когда русскія арміи успѣли ускользнуть отъ погрома, Наполеонъ смѣло двинулся въ глубину Россіи, полагая, что занятіе древней столицы потрясетъ до глубины души Александра, рассчитывая, что русскій народъ массами повалитъ за нимъ, увлекаемый обѣщанною свободою и щедрою раздачею фальшивыхъ ассигнацій. Вступая въ Россію, Наполеонъ не принялъ кромѣ этихъ ровно никакихъ другихъ мѣръ для привлеченія на свою сторону русскаго простонародья; напротивъ онъ дѣлалъ все, чтобы возстановить противъ себя этотъ народъ, чтобы озлобить, довести его до изступленія. Собралъ свои разноплеменные полчища со всѣхъ концовъ Европы, включивъ даже въ составъ своего войска тысячи штрафованныхъ и преступниковъ ¹⁾,

¹⁾ Вся дивизія Дюрутта, входившая въ составъ 7-го армейскаго корпуса, состояла изъ штрафованныхъ солдатъ.

онъ ни мало не заботился объ установленіи и поддержаніи въ ихъ средѣ строгой неумолимой дисциплины. Дикій безпорядокъ, хищническіе инстинкты распространены были въ великой арміи еще до начала кампаніи. Еще до вступленія въ предѣлы Россіи, разноплеменные воины Наполеона свирѣпствовали, подобно татарамъ, въ дружественныхъ союзныхъ странахъ; уже тогда привыкли они жить на счетъ проходимои ими страны, предаваться безнаказанно грабежу и мародерству. Ворвавшись въ Россію, полчища Наполеона дали полную волю своимъ буйнымъ, разбойническимъ инстинктамъ. Уже въ Литвѣ довели они до отчаянія мирное, апатическое населеніе края своими грабежами и неистовствомъ. Наполеонъ, увѣренный въ скоромъ окончаніи кампаніи, не принималъ никакихъ серьезныхъ мѣръ противъ возрастающаго зла, смотрѣлъ съ равнодушіемъ, какъ цѣлая половина его арміи превратилась въ разбойниковъ и мародеровъ. Безпорядокъ въ средѣ арміи, грабежи и неистовства возросли до высшей степени, когда Наполеонъ вступилъ въ старо-русскія области, гдѣ населеніе, отвыкшее уже давно отъ непріятельскихъ нашествій, встрѣтило его и безъ того съ ненавистью и ужасомъ. Народъ повсюду бѣжалъ отъ французовъ, а Наполеонъ вмѣсто того, чтобы успокоить населеніе, не только позволялъ своимъ солдатамъ грабить и жечь города, деревни, мѣстечки, но и ругаться самымъ возмутительнымъ образомъ надъ народною русскою святынею. Грабежъ, истребленіе, жестокости, святотатство росли съ страшною быстротою по мѣрѣ того, какъ непріятельскія полчища подвигались далѣе въ глубь Россіи. Они достигли своего апогея въ Москвѣ, гдѣ ужаснѣйшіе примѣры самого возмутительнаго и бессмысленнаго святотатства подавали солдатамъ маршалы, генералы и самъ императоръ. Самый пожаръ Москвы, имѣющій такое роковое значеніе въ исторіи этой войны, никогда-бы не принялъ такихъ колоссальныхъ, всепожирающихъ размѣровъ, если бы въ арміи Наполеона оставалась еще какая-нибудь дисциплина. Наполеонъ продолжалъ жить своимъ иллюзіями и заблужденіями до тѣхъ поръ, пока возрастающее озлобленіе русскаго народа и неожиданная твердость

императора Александра не открыли ему наконецъ глаза. Но было уже поздно! Страшныя силы, съ которыми нахлынулъ онъ на Россію, растаяли уже въ то время на половину. Наполеонъ зналъ хорошо это самъ, а наступающая зима внушала ему самыя мрачныя опасенія. Ни о чемъ онъ не говорилъ въ то время такъ подробно и обстоятельно въ своихъ бюллетеняхъ, какъ о теплой, прекрасной погодѣ. Но понимая и видя все, Наполеонъ продолжалъ обманывать себя въ одномъ важнѣйшемъ вопросѣ. Онъ уже пересталъ рассчитывать на возмущеніе русскихъ крѣпостныхъ противъ своихъ господъ, на разложеніе русскаго общества; пожаръ Москвы и страшная народная война, кипѣвшая вокругъ его, показали ему уже ясно, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Но онъ продолжаетъ еще заблуждаться на счетъ характера императора Александра,—и въ силу этого заблужденія сдѣлалъ, быть можетъ, величайшую ошибку въ своей жизни. Не дождавшись мирныхъ предложеній со стороны русскаго государя, онъ задумалъ самъ протянуть ему руку примиренія въ качествѣ великодушнаго побѣдителя. Ему казалось, что старый знакомый Тильзита и Эрфурта растаетъ, какъ воскъ передъ огнемъ, передъ его ласковымъ словомъ; что онъ ждетъ только перваго шага съ его стороны, чтобы возобновить старую дружбу. Александръ остался глухъ къ словамъ и просьбамъ всемогущаго обольстителя, и съ этого момента участь Наполеона была рѣшена. Потрясенный невѣроятною, немислимою неудачею, Наполеонъ теряетъ равновѣсіе духа, никогда не покидавшее его въ прежнее время. Его геній какъ будто оскудѣваетъ, а взглядъ, прежде столь ясный и безошибочный, меркнетъ и ослабѣваетъ. И онъ начинаетъ колебаться, впадать въ ошибки одну за другой. Онъ разрушаетъ стѣны священнаго кремля и еще усиливаетъ этимъ звѣрскимъ дѣломъ противъ себя и безъ того уже страшную ненависть русскихъ. Онъ тащитъ съ собою изъ Москвы колоссальную добычу и осуждаетъ тѣмъ свою армію на медленность и неповоротливость, когда все спасеніе зависѣло отъ быстроты и подвижности. Онъ думаетъ обмануть Кутузова сложными и искусственными маневрами, но опускаетъ тѣмъ драгоцѣн-

ное время и даетъ противнику возможность предупредить его въ Малоярославцѣ. Еще разъ открывается передъ нимъ спасительная возможность, но онъ опускаетъ ее въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи. Кутузовъ открываетъ ему путь въ Калугу, а онъ поворачиваетъ на старую Смоленскую дорогу, добровольно ведетъ свою армію въ страшную, безславную могилу. Его геній вспыхиваетъ еще по временамъ яркимъ и ослѣпительнымъ блескомъ; на поляхъ Краснаго, на берегахъ Березины онъ является вновь величайшимъ мастеромъ военнаго искусства; но неутомимое преслѣдованіе раздраженнаго непріятеля и озлобленной народной массы, враждебныя стихіи и возрастающій беспорядокъ въ собственной арміи берутъ верхъ надъ отчаянными усиліями его военнаго генія. Онъ отказывается отъ надежды остановиться въ Смоленскѣ, стать твердою ногою на Двинѣ и угрожать Петербургу, онъ теряетъ вѣру въ возможность спасти свою армію, онъ думаетъ лишь о собственномъ спасеніи, ради его напрягаетъ онъ послѣднія силы своихъ умирающихъ солдатъ. Онъ достигаетъ этой чисто личной цѣли, но его „великая армія“ исчезаетъ съ лица земли.

Историкъ, не преслѣдующій иныхъ цѣлей кромѣ истины, но привыкшій отводить въ тоже время первое мѣсто моментамъ чисто нравственнымъ, идеальнымъ, никогда не будетъ колебаться на счетъ дѣйствительныхъ причинъ катастрофы, постигшей Наполеона въ 1812 году. Такой историкъ отнесется съ должнымъ уваженіемъ къ мнѣнію лицъ компетентныхъ въ сферѣ военной науки. Онъ согласится съ Клаузевицомъ, что время и пространство играли выдающуюся роль въ кампаніи 1812 года; онъ скажетъ вмѣстѣ съ Бернгарди, что Наполеонъ сдѣлалъ страшную ошибку подъ Бородинымъ, не пустивши въ дѣло свои послѣдніе резервы, старую гвардію, не довершивши пораженія русской арміи; онъ допуститъ вмѣстѣ съ другими писателями, что пожаръ Москвы, фланговое движеніе Кутузова съ Рязанской на Калужскую дорогу и многія другія, подробно разобранныя нами въ свое время, обстоятельства, способствовали гибели великой арміи, но онъ не усмотритъ ни въ одномъ изъ этихъ моментовъ

первенствующаго значенія, а всецѣло, припишетъ его тѣмъ двумъ основнымъ причинамъ, на которыя указано нами выше.

Народъ и царь русскіе лишь потому устояли въ безпримѣрной борьбѣ съ непобѣдимымъ, лишь потому могли ниспровергнуть его съ высоты величія, что въ рѣшительный моментъ они оказались сильнѣе его духомъ. Они ополчились противъ всесильнаго завоевателя во имя религіи и народности; они вступили въ борьбу съ твердымъ упованіемъ на помощь Всевышняго. И это упованіе не обмануло ихъ. Помощь Всемогущаго спасла ихъ вопреки всѣмъ громаднымъ преимуществамъ противника, вопреки ихъ собственной розни, ихъ временному ослѣплѣнію и малодушію. Государь имѣлъ неосторожность довѣриться въ самомъ началѣ войны смѣшному педанту Фюлю, но педантизмъ жалкаго теоретика заставилъ насъ вступить вопреки нашей волѣ на единственно спасительный путь отступленія. Безумные слѣпцы вопили противъ измѣны осторожнаго Барклая, но непоколебимая твердость этого вождя спасла насъ отъ неизбежной катастрофы и сохранила отъ гибели нашу армію. Безумство общественнаго мнѣнія заставило Кутузова отважиться на неравный Бородинскій бой,— и Наполеонъ, къ удивленію всѣхъ знавшихъ его, не обнаружилъ въ этомъ роковомъ сраженіи своей обычной рѣшимости. Мы оплакивали потерю и сожженіе Москвы, какъ величайшее національное несчастіе, а между тѣмъ въ этомъ несчастіи заключалось спасеніе наше и цѣлаго міра. Мы негодовали на медленность Кутузова, но эта медленность дала намъ возможность явиться на нашей западной границѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Во всю кампанію мы ждали спасенія отъ искусственныхъ плановъ нашихъ стратеговъ, но спасеніе это совершилось помимо и нерѣдко вопреки этимъ планамъ.

Громадное большинство людей той славной и страшной эпохи отнеслось къ небывалой катастрофѣ именно также, какъ будетъ смотрѣть на нее историкъ будущаго. Когда слухъ о гибели Наполеоновыхъ полчищъ пронесся по освобожденной Россіи и изнывающей еще подъ игомъ рабства

Европѣ, то одна общая мысль мелькнула въ умахъ всѣхъ, сильныхъ и слабыхъ, образованныхъ и простыхъ: „Нѣтъ это не дѣло рукъ человѣческихъ, а дѣло Всемогущаго, это судъ Божій, а не судъ человѣческій; не силами человѣческими, а силами небесными побѣжденъ непобѣдимый, ниспровергнутъ тиранъ и мучитель изнывающаго человѣчества“. Остановимся же подробнѣе на существеннѣйшей части нашей задачи. Посмотримъ, какое впечатлѣніе произвели событія второй половины кампаніи на умы современниковъ, какъ отразилось вліяніе суда Божія на ледяныхъ поляхъ въ душѣ императора Александра,—въ душѣ, очищенной уже несчастьемъ и освѣщенной яркимъ лучемъ Божественной истины.

Тѣмъ-же авторомъ кромѣ того изданы и имѣются въ продажѣ
у книгопродавца Н. Киммеля въ Бигъ слѣдующія сочиненія:

„ЮСТИНИАНЪ И ПАРТІИ ЦИРКА ВЪ ВИЗАНТІИ“,

Харьковъ, 1876 г.

Цѣна 1 руб.

„МЕТТЕРНИХЪ И ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕАКЦІЯ“,

Харьковъ, 1882 г.

Цѣна 2 руб.

НИЖЕПОКАЗАННЫМЪ КНИЖНЫМЪ МАГАЗИНОМЪ ИЗДАНЪ:

„Павловскій, Нѣмецко-русскій словарь“,

3-е, исправленное и значительно дополненное изданіе. 1886.

Лек. 8°, стран. 1527.

Цѣна 8 руб., въ переплетѣ 9 руб.

„Павловскій, Русско-нѣмецкій словарь“,

2-е, исправленное и значительно дополненное изданіе. 1874.

Лек. 8°, стран. 1340.

Цѣна 5 руб. 60 коп., въ переплетѣ 6 руб. 50 коп.

Книжный Магазинъ

Н. Киммеля

въ Ригѣ.

